This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

B 1,100,068

Digitized by Google

ИЗЪ КНИГЪ
Алексѣя Сергѣевича
МАЗУРИНА.
№ 266.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗЪ КНИГЪ А. С. МАЗУРИНА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1876

№ 4 АПРѢЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

Digitized by Google

AP 50 .087 v.225 pt.2

СТРАН.

ІСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РО-
А. Часть вторая. Глава X. — Тюрьма за Бай-
ъ въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ 403

I А ХАРАКТЕРА. Романъ въ трехъ частяхъ.
ь *третья и послѣдняя.* **С. Смирновой** . . . 427

II ИСКИ ДУРАКА, сдержавшаго больше, чѣмъ
обѣщалъ. Ведены имъ самимъ, собраны и до-
ены **Эженомъ Ноэлемъ.** (*Окончаніе*). Переводъ
. **Б.** 523

I ГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ. Въ погоню за идеа-
. **Н. Щедрина.** 553

КЪ. Современные нравы. **Альфонса Додэ.** Часть
зая. Гл. I—III. **А. П.** 573

I ДИ И НРАВЫ. Очерки.—I. Книжка чековъ.—
Неплательщики. **Г. И.** 619

V ЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ВЪ С. АМЕРИКѢ.
ерки изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ). **Эд.**
мериана 667

VI ЛХОТВОРЕНІЕ. **А. Ж.** 690

IX. — ГЭБРІЕЛЬ КОНРОЙ. Романъ **Бретъ-Гарта.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 65—96).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

X. — ГДѢ ИСКАТЬ ЗЕМСТВУ ПОМОЩИ ВЪ ДѢЛѢ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ? (Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Спб. 1876 г.). **Д. С...о-М...ь.** 171

XI. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Послѣдняя попытка бонапартистовъ къ возстановленію консервативнаго союза. — Манёвры реакціонеровъ между двумя баллотировками.—Ліонская рѣчь Гамбетты.—Баллотировка 5-го марта, подкрѣпившая побѣду республики на выборахъ 20-го февраля. — II. Маршалъ Мак-Магонъ и новое положеніе Франціи. — Дурные совѣты и злые совѣтники. — Неудавшійся проектъ министерства Казиміра Перье. — Передача новымъ палатамъ полномочій національнаго собранія. — Первое общее собраніе республиканцевъ обѣихъ палатъ.—Министерство 9-го марта.—Предсѣдательство государственнаго совѣта; планы де-Брольи и Фаллу и сенатское большинство. — Легкіе портреты новыхъ министровъ. — Новый кабинетъ, удовлетворяющій сенатъ и не удовлетворяю-

(*См. страницу 3-ю*).

Digitized by Google

61-225890

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА X.

Тюрьма за Байкаломъ въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ.

Походъ.—Дорога.—Буряты.—Сборы жены моей въ Читу.—Свиданіе.—Ононскій Боръ.—Селенча.—Староверы.—Семейскіе.—Тарбагатай.—Десятниково.—Петровскій заводъ.—Тюрьма.—К. П. Ивашева.—Укоръ.—Окна.—Гибель Рѣпина и Андреева.—Вольфъ и Арт. Муравьевъ.—Механика.—Поэзія.—Лунинъ.—Юшневскій.—Недомолвка.—Люлька.—Отъѣздъ.

Въ Читѣ жили мы четыре года: это заточеніе острожное было временное, потому что постоянное устроивалось для насъ не далеко отъ Верхнеудинска, въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ, куда въ 1827 году посланы были инженерный штаб-офицеръ съ помощниками, чтобы выстроить огромную тюрьму, по образцу исправительныхъ домовъ американскихъ. Это новое капитальное зданіе было окончено лѣтомъ 1830 года, и комендантъ нашъ получилъ повелѣніе переселить насъ туда. Сборы наши были не важны: уложили чемоданы, подарили жителямъ овощи и плоды огорода годовой провизіи и всю деревянную посуду нашего хозяйства. Назначено было идти двумя отрядами, потому что дорогою предстояло худое тѣсное размѣщеніе, по мѣстности ненаселенной. Первую велъ плац-маіоръ подполковникъ Лепарскій, племянникъ нашего коменданта, а вторую самъ комендантъ. Каждая партія имѣла достаточное число конвойныхъ солдатъ и казаковъ. Для вещей были наняты подводы; ѣхать было дозволено только больнымъ и раненымъ — Фонвизину, Трубецкому, Волконскому, Лунину, Повало-Швейковскому, Якубовичу, Митькову, Давыдову, Абрамову. При каждой партіи былъ избранъ

Digitized by Google

хозяинъ или староста: для первой—А. Н. Сутговъ, для второй—я; старосты, также подъ конвоемъ часовыхъ, съ кашеварами и котлами и провизіей, приходили на ночлегъ наканунѣ партій, чтобы приготовить пищу. Чрезъ каждые два дня перехода, имѣли дневки; походъ нашъ въ слишкомъ семьсотъ верстъ продолжался сорокъ восемь дней. Дамы наши провожали насъ нѣсколько переходовъ, но, не имѣвъ спокойныхъ помѣщеній, поѣхали впередъ до Верхнеудинска; оттуда дорога вела по мѣстамъ хорошо населеннымъ.

Первый отрядъ выступилъ 4-го августа 1830 года, а на слѣдующій день—второй отрядъ. Жители Читы провожали насъ со слезами непритворными и съ благословеніями; пребываніе наше въ ихъ селеніи доставило имъ множество денегъ и выгодъ: они хорошо обстроились и получили для украшенія деревни лучшіе дома коменданта, кн. Трубецкой, кн. Волконской, Анненковой.—Муравьева, Нарышкина и Давыдова жили въ наемныхъ домахъ, хорошо ими перестроенныхъ. До Верхнеудинска вела дорога почтовая, при станціяхъ былъ только станціонный домикъ и нѣсколько избъ; по всему протяженію, обитаемому бурятами, не было никакихъ селеній, почему на мѣстахъ, назначенныхъ для ночлеговъ и днёвокъ, были свезены на время нашего похода бурятскія юрты, конусообразныя палатки изъ войлоковъ, въ коихъ помѣщались мы по четыре человѣка въ каждой. Нѣсколько такихъ юртъ, поставленныхъ въ одинъ рядъ, представляли видъ небольшаго лагеря; кругомъ расположены были караулы и пикеты. Кухня была на открытомъ воздухѣ; во время ненастья устроивали мы навѣсъ изъ жердей и вѣтвей. Чистый осенній воздухъ, днемъ довольно теплый, ночью съ морозомъ до восьми градусовъ, мѣстность возвышенная, движеніе—укрѣпляли наше здоровье. Нѣсколько дней сряду переходили мы изъ долины въ долину; со всѣхъ сторонъ окружали насъ горы, такъ что слѣдъ пути виденъ былъ на версту, а тамъ—поворотъ и опять новая гора и новая долина. Мѣстами показывались бурятскіе табуны, бо́льшею частью все бѣлыя и свѣтлосѣрыя лошади, малорослыя; при нихъ конные пастухи съ луками и стрѣлами и двухколесныя арбы съ войлочными юртами, съ женами и дѣтьми. Буряты питались охотою, рыболовствомъ, кормились и падалью, почему наши конвойные и сибиряки прозвали ихъ *дошлыми*, отъ глагола до́хнуть [1]. Эти потомки монголовъ, какъ нѣкогда предки ихъ,

[1] Въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 № 2, на страницѣ 344, этому слову дано выраженіе одобрительное и выведено отъ *дóка* отъ глагола, доходить. Тамъ же сказано: *дошлый*—синонимъ *дотóчный*, такой, который до всего дотыкается, во все входитъ и узнаётъ съ точностью.

Digitized by Google

довольствовались малымъ; не мудрено, что Чингисъ-Ханъ предпринималъ дальнѣйшіе походы съ многочисленнымъ воинствомъ, безъ запасныхъ магазиновъ, въ мѣстахъ безлюдныхъ. Наши проводники и подводчики изъ бурятъ не имѣли при себѣ ни хлѣба, ни запасовъ, а дважды въ сутки по очереди удалялись изъ лагеря, на полчаса убѣгали въ лѣсокъ и насыщались одною брусникою. Постепенно они стали сближаться съ нами, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ говорили по-русски и служили переводчиками для своихъ товарищей. Цѣлая куча ихъ собралась вокругъ столика, за коимъ Трубецкой и Вадковскій играли въ шахматы; лица зрителей выражали не пустое любопытство, но знаніе игры. Одному изъ нихъ предложили съиграть партію: онъ побѣдилъ лучшихъ нашихъ игроковъ, объяснивъ имъ, что эта игра съ дѣтства имъ знакома и перешла къ нимъ изъ Китая.

Всѣхъ болѣе подстрекалъ ихъ любопытство товарищъ нашъ М. С. Лунинъ: онъ, по причинѣ боевыхъ ранъ, имѣлъ позволеніе ѣхать въ повозкѣ, которая была имъ закрыта онъ и спалъ въ ней и днемъ не выходилъ изъ нея. Нѣсколько переходовъ сряду, какъ только отрядъ становится на ночлегъ или на дневку, то толпа окружала его повозку, выжидала часъ, когда онъ выйдетъ или покажется; но кожанныя занавѣски были днемъ задернуты, и не видать было таинственнаго человѣка, въ которомъ предполагали увидѣть главнѣйшаго преступника. Однажды вздумалъ онъ показать себя и спросилъ: что̀ имъ надо? Толмачъ или переводчикъ объявилъ отъ имени предстоявшихъ, что желаютъ его видѣть и узнать, за что̀ онъ сосланъ. — «Знаете ли вы вашего Тайшу?» спросилъ онъ ихъ. — «Знаемъ!» Тайша есть главный мѣстный начальникъ бурятъ.—«А знаете ли вы Тайшу, который надъ вашимъ Тайшою и можетъ посадить его въ мою повозку или сдѣлать ему угей (конецъ)?»—«Знаемъ!»—Ну, такъ и знайте, что я хотѣлъ сдѣлать угей его власти—вотъ за что̀ я сосланъ». «О! о! о!» послышалось шёпотомъ во всей толпѣ, и съ низкими поклонами, медленно пятясь назадъ, удалились дикари отъ повозки и ея хозяина.

Часть небольшая этого кочующаго племени приняла вѣру христіанскую, живетъ осѣдло въ избахъ, успѣшно занимается земледѣліемъ; прочіе всѣ—идолопоклонники, имѣютъ своихъ жрецовъ, *шамановъ*, которые, питая ихъ суевѣріе, кривляются, ломаются, вертятся до обморока и въ головокруженіи пророчествуютъ и заклинаютъ. Въ особенныхъ скрытыхъ мѣстахъ находятся ихъ капища. Неопрятность этихъ дикарей доходитъ до высшей степени: бѣлья они не знаютъ, носятъ шубы на голомъ тѣлѣ, обувь изъ козьихъ шкуръ, всегда въ мѣховой шапочкѣ, волосы на го-

Digitized by Google

ловѣ брѣютъ, оставляя только длинную сплетенную косичку. Особенность наружнаго вида ихъ племени составляютъ глаза, небольшіе, прищуренные, лобъ низкій, узкій, плоскій, лице четыреугольное съ выдающимися скулами, цвѣтъ лица блѣдно-желтоватый. Между собою они называютъ себя не бурятами, а *Менду*; привѣтствіе ихъ: *амуръ менду*! — этими словами мы съ ними встрѣтились и простились. Почти на двѣсти верстъ тянулись ихъ кочевья; подвигаясь ближе къ Верхнеудинску, встрѣчали мы чаще селенія небольшія и до самаго города ночевали все въ юртахъ, отлично хорошо устроенныхъ, не пропускающихъ вѣтра. Въ холодныя ночи разводятъ огонь посреди юрты, дымъ выходитъ сверху чрезъ отверстіе, которое изнутри закрывается войлочною задержкою. Вокругъ огня располагается все семейство бурята: на войлокахъ валяются голыя дѣти; взрослые дубятъ зубами звѣриныя кожи, точатъ стрѣлы, льютъ пули, валятъ войлоки. Лакомство и любимую пищу бурятъ съ достаткомъ составляетъ чай кирпичный: это—сборъ отпавшихъ и испорченныхъ листьевъ съ чайнаго дерева, кои, посредствомъ вишневаго клея или другого клейкаго вещества, сдавливаются въ формахъ, на подобіе плоскихъ кирпичей, длиною въ футъ, шириною въ пять вершковъ, толщиною отъ одного до двухъ вершковъ; оттого и названіе кирпичнаго чая. Отъ такого кирпича отрубаютъ или откалываютъ топоромъ небольшой кусочекъ, толкутъ его въ порошокъ, варятъ въ котлѣ, подсыпая немного соли и муки, подливая немного молока и подбавляя масла или жиру, или сала, и пьютъ его съ наслажденіемъ изъ деревянныхъ лакированныхъ чашекъ, поглубже и побольше блюдечекъ нашихъ чайныхъ чашекъ. Буряты—всѣ охотники до табаку, курятъ изъ коротенькихъ мѣдныхъ трубочекъ изъ латуни; чубукъ и трубка изъ одного листочка латуни; трубка, въ видѣ малѣйшаго полушарика или наперсточка, вмѣщаетъ въ себѣ добрую щепотку накрошеннаго табаку. Закуривая трубочку, они втягиваютъ въ себя весь дымокъ; эти трубочки такъ малы по причинѣ дороговизны табаку, который нынѣ разводится уже въ многихъ мѣстахъ южной Сибири. Вотъ единственное ихъ наслажденіе. Безъ сомнѣнія, кочующіе буряты скоро воспослѣдуютъ примѣру своихъ осѣдлыхъ соплеменниковъ, живущихъ въ довольствѣ; къ первымъ примѣняется данное прозваніе *дошлый* отъ дохнуть, а къ послѣднимъ—отъ доходить, дотошный.

За двѣ недѣли до нашего выступленія изъ Читы получилъ я письмо отъ жены моей изъ станціи Степной, гдѣ она была задержана цѣлыя три недѣли страшнымъ наводненіемъ; иначе она застала бы меня еще въ Читѣ. Генерал-адъютантъ Дибичъ об-

Digitized by Google

надеживалъ супругу И. Д. Якушкина, которая не могла тотчасъ ѣхать къ мужу, имѣя на рукахъ двухъ малолѣтныхъ сыновей, и все надѣялась на обѣщаніе Дибича. Когда жена моя лично обратилась съ просьбою къ А. Х. Бекнендорфу, то онъ объявилъ ей невозможность взять съ собою сына, и, когда жена моя напомнила ему обѣщаніе, данное Дибичемъ, то возразилъ ей положительно: «c'est impossible, c'est une étourderie de la part du général; si vous voulez partir sans votre fils, il n'y aura jamais de retour pour vous, jamais». Это была не пустая угроза, но придуманная мѣра, потому что, по смерти двухъ моихъ товарищей А. П. Юшневскаго и А. В. Ентальцова, вдовы ихъ просили позволенія возвратиться на родину и получили отказъ. Потомъ Бенкендорфъ прибавилъ: «si vous avez besoin de quelque autre secours, j'intercéderai auprès de Sa Majesté». Жена моя съ сокрушеннымъ сердцемъ отвѣтила:—«je vais pour ne pas revenir et je n'ai plus rien à prier si on me refuse mon fils». Бенкендорфъ былъ растроганъ до слезъ и просилъ: «по крайней мѣрѣ, когда поѣдете, то дайте мнѣ знать: я пришлю вамъ нужныя бумаги». Жена моя, вернувшись домой, была какъ ошеломленная; съ того дня сдѣлался такой шумъ въ ея головѣ, что она съ трудомъ могла слышать, какъ будто безпрестанно находилась въ лѣсу, въ коемъ бурею качаются вѣтви и листья. Этотъ недугъ продолжался нѣсколько лѣтъ и позже возобновлялся по временамъ, при душевныхъ смущеніяхъ. Въ продолженіе разлуки со мною, вела она жизнь совершенно затворническую, посвятила себя сыну и уѣхала въ деревню на Украйну. Страданія ея увеличивались, родные скорбѣли, но не знали какъ помочь; тогда явился ангелъ-утѣшитель, младшая сестра жены моей, Марья Васильевна, юная годами, но сильная душою. Она, бывъ услажденіемъ сестры во время ея горести, съ твердою вѣрою уговорила ее ѣхать и брала на себя сбереженіе и воспитаніе сына моего. Она умѣла успокоить жену мою и укрѣпить ее въ печальные дни; она же сняла съ нея главную заботу, единственное препятствіе къ нашему соединенію. Сборы въ дорогу продолжались недолго. Жена увѣдомила Бенкендорфа о времени своего отъѣзда и немедленно получила отъ него отвѣтъ и четыре паспорта на имя губернаторовъ тобольскаго, енисейскаго, иркутскаго и нашего коменданта.

Въ Москвѣ всѣ родственники моихъ товарищей навѣщали жену мою съ искреннѣйшимъ участіемъ, которое преимущественно умѣли выразить Евд. Мих. Нарышкина, впослѣдствіи княгиня Голицына, и всѣ графини Чернышевы, сестры нашей Александры Григорьевны Муравьевой; особенно Вѣра Гри-

Digitized by Google

горьевна, нынѣ графиня Паленъ, со слезами просила взять ее съ собою подъ видомъ служанки, чтобы она тамъ могла помогать сестрѣ своей. Такъ, другая сестра, ея Наталія Григорьевна— послѣ супруга знаменитаго военачальника и покорителя Карса, Н. Н. Муравьева просила тогда позволенія дѣлить съ сестрою изгнаніе и лишенія.

Не беру на себя подробно описать послѣдній день, проведенный матерью съ сыномъ.

Іюня 17-го, жена моя выѣхала изъ Москвы и нисколько не отставала отъ почты. До Тобольска отдохнула она только въ Нижнемъ-Новгородѣ, у губернскаго почтмейстера Михайлова, съ женою котораго она издавно была знакома, и другой—разъ въ Перми, въ гостепріимномъ домѣ князя Максютова. Въ Тобольскѣ, отославъ письмо Бенкендорфа къ генерал-губернатору И. А. Вельяминову, получила отъ него предложеніе услугъ и согласилась взять въ проводники до Иркутска почтальона Сѣдова, съ помощью котораго не могло быть никакой остановки. Въ Красноярскѣ послала другое письмо къ губернатору Степанову и тотчасъ отправилась далѣе. Въ Иркутскъ она прибыла 31-го іюля: тамъ была она задержана нѣсколько дней. Хотя не могли ей дѣлать такихъ препятствій, какъ кн. Трубецкой, однако, и отъ нея потребовали письменнаго отреченія отъ всѣхъ правъ состоянія. Во многомъ помогли ей совѣты умной и доброй княжны Варвары Шаховской, свояченицы А. Н. Муравьева, бывшаго тогда уже старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ Иркутскѣ. 4-го августа, поставили коляску на парусную лодку или катеръ, отчалили; поднялась буря и качала ее до 7-го числа; не могли пристать къ берегу у посольскаго монастыря, но, къ счастью, могли войти въ заливъ въ 9-ти верстахъ отъ монастыря, въ коемъ жена моя и часть попутчиковъ отслужили молебенъ. Оттуда она отъѣхала нѣсколько станцій и должна была остановиться въ Степной, гдѣ приливы водъ съ береговъ Селенги и Уды наводняли тогда всѣ окрестности. Десять дней жила она въ бѣдной деревушкѣ въ амбарѣ; вода стала спускаться, но жена должна была оставить свою коляску, переправиться нѣсколько верстъ на лодкѣ, и съ трудомъ и съ [illegible]остью добралась до слѣдующей станціи. Слуга оставался [illegible] коляскѣ; она съ служанкою сѣла въ почтовую перекладную [illegible]егу и мчалась далѣе, мчалась оттого, что сибирскіе почтовые кони иначе не возятъ. Въ Читѣ, предъ выступленіемъ нашимъ, получилъ я письмо ея изъ Степной, но, по случаю наводненія, невозможно было ожидать ее въ опредѣленный день, а, по близости мѣста можно было ожидать ее ежедневно. Жену мою опередила въ Иркутскѣ нѣсколь-

Digitized by Google

кими днями Марья Казимировна Юшневская и не была задержана наводненіемъ.

27-го августа, нашъ отрядъ имѣлъ дневку въ Ононскомъ Бору, небольшой деревнѣ, гдѣ мы помѣстились въ юртахъ. На переходахъ я только обѣдомъ кормилъ свой отрядъ, а послѣ обѣда отправлялся впередъ для заготовленія пищи къ слѣдующему дню. Въ Ононскомъ Бору была дневка; я провелъ цѣлый день съ товарищами, стоялъ въ одной юртѣ съ братьями Бестужевыми и Торсономъ; они, какъ бывшіе моряки, приготовили себѣ и мнѣ по матроской койкѣ изъ парусины, которую привѣшивали къ четыремъ вбитымъ кольямъ, такъ что мы не лежали на землѣ.

Послѣ обѣда легли отдохнуть, но я не могъ уснуть. Юрты наши поставлены были близь большой дороги, ведущей въ лѣсъ, чрезъ мостикъ надъ небольшимъ ручьемъ. Услышавъ почтовый колокольчикъ и стукъ телеги по мостику, выглянулъ изъ юрты и увидѣлъ даму въ зеленомъ вуалѣ. Въ одно мгновеніе накинулъ на себя сюртукъ и побѣжалъ на встрѣчу. Н. А. Бестужевъ пустился за мною съ моимъ галстухомъ, но не догналъ; впереди пикетъ часовыхъ бросился остановить меня, но я пробѣжалъ стрѣлою. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ цѣпи часовыхъ, остановилась тройка, и съ телеги я поднялъ и высадилъ добрую и кроткую, измученную жену мою.—Часовые остановились; въ первыя минуты я предался безотчетной радости, море было по колѣна; но куда вести жену? она едва могла двигаться послѣ такой ѣзды и такихъ душевныхъ ощущеній. Къ счастью, подошелъ плац-адъютантъ Розенбергъ и увѣдомилъ, что получилъ предписаніе отъ коменданта помѣстить меня съ женою въ крестьянской избѣ и приставить часового.—Вопросы и отвѣты о сынѣ и родныхъ, о минувшемъ и предстоящемъ, длились нѣсколько часовъ.

Мнѣ надобно было отпустить ужинъ товарищамъ; жену уговорилъ зайти къ Е. П. Нарышкиной. Лишь только приблизился къ юртамъ, какъ съ восторгомъ встрѣтили меня: товарищи были счастливы моимъ счастіемъ, обнимали меня. Якубовичъ цаловалъ мои руки, Якушкинъ вскочилъ съ ложа въ лихорадкѣ: онъ ожидалъ жену свою, что пріѣдетъ вмѣстѣ съ моею; каждый по своему изъявлялъ и выражалъ свое участіе. Меня не допустили до кухни, другіе справляли мою обязанность. Я хотѣлъ угостить жену артельною кашею, но В. Л. Давыдовъ предупредилъ меня и изъ своей смоленской крупы на бульонѣ сварилъ для нея такую кашицу, какой лучшій поваръ вкуснѣе не сваритъ.

На другой день, послѣ, обѣда я выступилъ съ моимъ конвоемъ

Digitized by Google

и съ котлами; жена моя догнала меня въ почтовой повозкѣ; весь переходъ я провожалъ ее пѣшкомъ. Я не хотѣлъ присѣсть, потому что далъ себѣ слово дойти пѣшкомъ до Петровскаго. Дѣло это было не важное; однако, въ нѣсколькихъ мѣстахъ представлялись затрудненія: конвойные мои часто присѣдали на телеги, возившія провизію и посуду, пріѣхали къ широкому ручью безъ моста остановились, и предложили мнѣ сѣсть. «Нѣтъ братцы, спасибо! поѣзжайте впередъ, я перейду», и благополучно прошелъ по водѣ въ полсажени глубиною; на десятой верстѣ вся одежда и бѣлье на мнѣ обсушились.

Черезъ нѣсколько дней, мы достигли береговъ Селенги, самыхъ прелестныхъ и величественныхъ: представьте себѣ рѣку широкую, коей берегъ съ одной стороны окаймленъ высокими скалами, состоящими изъ разноцвѣтныхъ толстыхъ пластовъ, указывающихъ на постепенное свое образованіе отъ временъ первобытныхъ, допотопныхъ. Гранитъ красный, бурый, желтый, сѣрый, чорный, смѣняется со шпатомъ, мифоромъ и камнемъ известковымъ, меловымъ и песчанымъ. Въ нѣсколькихъ извилинахъ дорога проложена по самому берегу рѣки: слѣва—вода быстро текущая, прозрачная, а справа—скалы высятся сажень на шестьдесятъ, мѣстами въ видѣ полусвода, надъ головою проѣзжающаго, такъ что неба не видать. Далѣе, вся скалистая отвѣсная стѣна горитъ отъ солнечныхъ лучей тысячью блестками всѣхъ цвѣтовъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки холмы раскинуты по равнинѣ, на коей вдали видны огромныя массы гранита, какъ-бы древніе зàмки укрѣпленные; вѣроятно, эти массы были подняты изъ земли изверженіемъ огня, землетрясеніями. Берега Байкала подтверждаютъ такое предположеніе: въ самомъ озерѣ, называемомъ также *Святымъ моремъ*, есть мѣста неизмѣримой глубины, бездонныя. Палласъ, знаменитый путешественникъ въ царствованіе Екатерины Великой, описываетъ эту страну и ставитъ ее съ Крымомъ въ число самыхъ красивыхъ и самыхъ величественныхъ изъ всѣхъ имъ видѣнныхъ; не знаю, былъ-ли онъ на Кавказѣ и за Кавказомъ?—Точно, природа—тамъ красавица, но недостаетъ тамъ людей, способныхъ и умѣющихъ ею наслаждаться; населеніе около Селенги небольшое, пользуется привольною и плодородною почвою съ величайшею безпечностью и съ неимовѣрною лѣностью.

Отъ города Верхнеудинска мы свернули съ большой дороги влѣво; чрезъ три перехода, прибыли на дневку въ обширное селеніе Тарбагатай, похожее съ перваго взгляда на хорошія села ярославскія, приволжскія, по наружному виду жителей и просторныхъ домовъ. Здѣсь и на протяженіи пятидесяти верстъ

Digitized by Google

кругомъ, живутъ все *Семейскіе*: такъ по нынѣ называются обитатели нѣсколькихъ деревень, которыхъ дѣды и отцы были сосланы въ царствованіе Анны Ивановны, въ 1733 году, и Екатерины Великой, въ 1767, за расколъ, бо́льшею частью изъ Дорогобужа и изъ Гомеля. Имъ дозволено было продать все свое имущество движимое и переселиться въ Сибирь съ женами и дѣтьми, отчего и получили наименованіе Семейныхъ или Семейскихъ. Прибывъ за Байкалъ въ Верхнеудинскъ, явились тамъ комиссару, который отъ начальства своего имѣлъ повелѣніе поселить ихъ отдѣльно въ пустопорожной мѣстности. Комиссаръ повелъ ихъ, въ концѣ великаго поста, въ дремучій лѣсъ по теченію рѣчки Тарбагатай, позволилъ имъ самимъ выбрать мѣсто и обстроиться какъ угодно, давъ имъ четыре года льготы отъ платежа подушныхъ податей. Каково было удивленіе этого чиновника, когда посѣтилъ ихъ чрезъ два года и увидѣлъ красиво выстроенную деревню, огороды и пашни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ за два года былъ непроходимый лѣсъ. Это волшебство было вызвано трудолюбіемъ, но также и деньгами и бѣглыми. Какъ Семейскимъ позволено было на родинѣ продать все свое имущество, то пришли въ Сибирь съ деньгами; лишь только сосѣди узнали о прибытіи ихъ, то они и много ссыльныхъ мастеровыхъ изъ окрестъ лежащихъ рудниковъ прибѣжали къ нимъ на помощь, и дѣло шло быстро и хорошо.

Отъ Верхнеудинска на ночлегахъ и дневкахъ насъ помѣщали уже не въ юртахъ, но въ большихъ селеніяхъ. Въ Тарбагатаѣ мы дневали и имѣли время и случай разсмотрѣть все подробно. Мнѣ отведена была квартира у крестьянина, одного изъ братьевъ Чабуниныхъ: дома въ нѣсколько горницъ съ большими окнами, крыши тесовыя, крыльца крытыя. Въ одной половинѣ дома обширная изба для рабочихъ, съ русской печкой для стряпанья и печенія; въ другой половинѣ—отъ трехъ до пяти чистыхъ горницъ съ голландскими печками; полы покрыты коврами собственнаго издѣлія, столы и стулья крашенные, зеркала съ ирбитской ярмарки. Избы и дома у нихъ нетолько красивы углами, но и пирогами: хозяйка наша, Пестимья Петровна, угостила насъ на славу щами, ветчиною, осетриною, пирожками и кашицами изъ всѣхъ возможныхъ крупъ, отъ гречневой до манной и рисовой.— Во дворѣ, подъ навѣсомъ стояли все кованныя телеги, сбруя была сыромятная, кони были дюжіе и сытые, а люди, люди! ну, право, все молодецъ къ молодцу; красавицы не хуже донскихъ— рослыя, бѣлолицыя, румяныя. День былъ воскресный; мужчины расхаживали въ синихъ суконныхъ кафтанахъ, женщины—въ душегрѣйкахъ шелковыхъ съ собольими воротниками, въ кокош-

Digitized by Google

никахъ, изъ коихъ одинъ лучше другого. Короче сказать, все у нихъ соотвѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы—все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе. Одно только поражаетъ пріѣзжаго—что въ такомъ обширномъ селеніи нѣтъ церкви, а только часовня и молельня. Семейскіе принадлежатъ не къ вреднымъ сектамъ, у коихъ, при богослуженіи, предаются разврату или безчеловѣчно себя истязаютъ и изуродываютъ; они только не имѣютъ священника, придерживаются древнихъ церковныхъ книгъ до временъ Никона и старинныхъ образовъ. Изъ среды своей избираютъ для себя чтеца и служителя; можно причислить ихъ къ расколу безпоповщины. Какъ всѣ старообрядцы, они не употребляютъ ни табаку, ни чаю, ни вина, ни лекарствъ; все это почитаютъ за грѣхъ; они не прививаютъ оспы, но видно вѣра ихъ крѣпка—ни одного не встрѣтилъ между ними рябого; они—богомольны, прилежно читаютъ священное писаніе и строго соблюдаютъ обряды свои.

Народъ сильный и здоровый поддерживаетъ свою крѣпость, свое здоровье постояннымъ трудомъ и здоровою пищею. Въ мясоѣдъ каждый день имѣютъ говядину или свинину, въ постъ—рыбу; не только въ домѣ и въ амбарахъ видны довольство и обиліе, но и въ сундукахъ хранятся капиталы. Между поселянами нѣсколько хозяевъ нажили до ста тысячъ рублей подрядами и доставками хлѣба, зерномъ и мукою, торговлею съ китайцами; по высокой цѣнѣ продаютъ имъ отборную пшеницу, черныя мерлушки, шкурки черныхъ ягнятъ и овецъ. — Поля и обработка полей представляютъ совершенство, между тѣмъ какъ, въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи, селенія и пашни старожиловъ обнаруживаютъ крайнюю бѣдность и разореніе.—«Отчего сосѣди ваши такъ бѣдны?»—спросилъ я хозяина моего.—«Какъ имъ не быть бѣдными, отвѣтилъ онъ:—когда, въ рабочую пору, пѣтухъ пропоетъ съ зарею, то мы уже на полѣ и пашемъ въ прохладѣ, а сторожилъ только-что просыпается, да принимается варить для себя кирпичный чай; пока онъ дотащится до поля, солнце уже высоко. Мы оканчиваемъ первую упряжку и отдыхаемъ, а онъ въ жаръ мучаетъ себя и скотину свою; ни у него, ни у коня нѣтъ силъ—такъ и запашка плохая. Сверхъ того старожилы пьянствуютъ, не берегутъ копейки, оттого и не собираютъ капиталовъ».—Н. А. Бестужевъ замѣтилъ богатому хозяину: почему въ деревнѣ они не заводятъ у себя машинъ для облегченія и ускоренія работъ, напримѣръ, молотильную и вѣяльную?—хозяинъ отвѣтилъ:—«Для молотьбы у насъ цѣпы и сушеные снопы въ овинахъ; случается, что въ урожайные годы,

Digitized by Google

при дешевизнѣ зерна, хлѣбъ нашъ безвредно можетъ пролежать въ амбарѣ семь лѣтъ и больше; а для вѣянья хлѣба служитъ намъ широкая лопата; не знаю, сколько ваша машина провѣетъ въ день?»—«Смотря по машинѣ—отъ 20 до 40 четвертей въ день».—«Такъ моя лопата и мои руки провѣютъ не меньше тридцати», возразилъ онъ, вытянувъ сильную руку, коей кисть была шириною въ три вершка, и, показавъ намъ лопату широкую, вздымающую до получетверика сразу. Весь наружный видъ этихъ людей превосходный; они блаженствуютъ, имѣютъ свое общинное правленіе, выбираютъ своихъ старостъ; на мірской сходкѣ раскладываютъ всѣ подати и повинности земскія, никогда не остаются въ долгу, рекрутъ ставятъ исправно. Между ними нѣтъ сословій съ особенными преимуществами; они имѣютъ дѣло только съ исправникомъ и засѣдателемъ, съ которыми умѣютъ ладить.

На другой день, ночевали мы также въ деревнѣ Семейскихъ и нашли тамъ тотъ-же бытъ и тотъ-же достатокъ. Хозяинъ нашъ, Федотъ Ивановичъ Заиграевъ, принялъ насъ по европейски. Онъ нажилъ себѣ большое состояніе подрядами въ Тарбагатаѣ, но непріятности съ начальствомъ заставили его переселиться въ сосѣднюю деревню, гдѣ онъ отказался отъ торговыхъ оборотовъ. Еще имѣли мы другую дневку въ третьей обширной деревнѣ Семейскихъ, въ Десятниковѣ; тамъ на квартирѣ нашей застали мы 110-ти лѣтняго бодраго старца, который прибылъ сюда въ числѣ первыхъ Семейскихъ изгнанниковъ, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны, въ 1733; ему было тогда тридцать лѣтъ отроду; онъ хорошо помнилъ обстоятельства дальняго переселенія и первоначальнаго устройства. Старецъ словоохотный разсказывалъ, какъ они прибыли въ мѣсто необитаемое, какъ трудились, что наемный поденщикъ получалъ тогда по пяти копеекъ мѣди въ сутки, что ни онъ, ни родители, ни земляки не жалѣли, не тосковали по родинѣ, потому что переселились цѣлыми семействами и родствами, что страна изгнанія дала имъ вѣротерпимость и довольство.—Старецъ жилъ въ домѣ своего младшаго четвертаго сына, которому было уже за семьдесятъ лѣтъ. Прадѣдъ, хотя уже давно самъ не работалъ, но имѣлъ привычку носить всегда топоръ за поясомъ и рано утромъ самъ будилъ внуковъ на работу. Онъ повелъ меня къ тремъ старшимъ сыновьямъ своимъ, и съ простительнымъ тщеславіемъ показалъ мнѣ, гдѣ для каждаго изъ нихъ онъ выстроилъ особенный большой домъ, съ дворами и амбарами, и для каждаго двора по водяной мельницѣ.—«Для чего ты, дѣдушка, такъ много выстроилъ мельницъ?» спросилъ я старца.—«А посмотри-ка, поля-то какія

Digitized by Google

у насъ!» сказалъ онъ, показывая рукою на окрестъ лежащія возвышенности и горы, коихъ всѣ вершины и овраги были вспаханы; почва родитъ славнѣйшую пшеницу, коей бѣлизна муки не уступитъ бѣлизнѣ крупичатой муки московскихъ калачей, а, кромѣ того, находилъ я пріятный вкусъ и запахъ пшеничный, чего не найдете въ лучшихъ французскихъ булкахъ. По богатству и довольству поселянъ, мнѣ представилось, что вижу трудолюбивыхъ русскихъ въ Америкѣ; а не въ Сибири; въ этихъ мѣстахъ Сибирь не хуже Америки, земля также привольная, плодородная; жители управляются сами собою; сами открыли сбытъ своимъ произведеніямъ и будутъ блаженствовать, пока люди безтолковые не станутъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, забывая, что устроенная община, сама управляющаяся въ продолженіи столѣтія, лучше всѣхъ постороннихъ понимаетъ дѣйствительную выгоду свою.

Намъ оставалось еще четыре перехода до новаго мѣста заточенія; я упросилъ жену ѣхать впередъ, чтобы пріискать квартиру для себя и для прислуги и запастись всѣмъ необходимымъ на первое время. Съ послѣднимъ ночлегомъ кончилась моя должность хозяина. Здѣсь, наканунѣ прибытія въ Петровскій заводъ, получили письма отъ родныхъ и важныя новости объ іюльскомъ переворотѣ во Франціи, совершившемся въ три дня.

Всякому походному человѣку пріятно приблизиться къ цѣли похода; не такъ было для насъ, приближавшихся, 22 сентября, къ новой тюрьмѣ. Послѣднія версты до селенія вели лѣсомъ, который, по мѣрѣ приближенія нашего къ Петровскому заводу, становился все рѣже; наконецъ, только видны были кустарники и болота; за ними—довольно высокія горы къ сѣверу и къ востоку. Въ широкой и глубокой долинѣ показалось большое селеніе, церковь, заводъ съ каменными трубами, ручей, а за ручьемъ виднѣлась длинная красная крыша нашей тюрьмы; все ближе и ближе, и, наконецъ, увидѣли огромное строеніе на высокомъ каменномъ фундаментѣ о трехъ фасахъ, изъ коихъ главный или передній былъ вдвое длиннѣе боковыхъ фасовъ; множество кирпичныхъ трубъ, наружныя стѣны всѣ глухія безъ оконъ, только въ срединѣ передняго фаса было нѣсколько оконъ у выдававшейся пристройки, гдѣ была караульня, гауптвахта и единственный входъ. Когда мы вошли, то увидѣли окна внутреннихъ стѣнъ, крыльца и высокій частоколъ, отдѣляющій все внутреннее пространство на восемь отдѣльныхъ дворовъ; каждый дворъ имѣлъ свои особенныя ворота; въ каждомъ отдѣленіи помѣстили по пяти и по шести арестантовъ. Каждое крыльцо вело въ свѣтлый корридоръ, шириною въ четыре аршина; въ немъ, на разстояніи двухъ сажень дверь отъ двери, были входы въ отдѣль-

Digitized by Google

ныя кельи; каждая келья въ семь аршинъ длины и въ шесть ширины, но почти совершенно темныя, оттого что эти кельи получали свѣтъ изъ корридора чрезъ окно, прорубленное надъ дверью и забитое желѣзною рѣшеткою. Было такъ темно въ этихъ кельяхъ или комнаткахъ, что днемъ нельзя было читать въ нихъ, нельзя было разсмотрѣть стрѣлку карманныхъ часовъ. Днемъ позволяли отворять дверь въ корридоръ, и въ теплое время года занимались въ корридорѣ; но продолжительно-ли бываетъ тепло? въ сентябрѣ начинаются морозы и продолжаются до іюня, и пришлось сидѣть въ потьмахъ или круглый день со свѣчою.

Первое впечатлѣніе было самое непріятное, тѣмъ болѣе, что было неожиданное. Какъ могли мы предполагать, что, проживъ четыре года въ Читѣ, гдѣ, хотя и было тѣсно, но было свѣтло, что насъ, безъ всякой причины, станутъ наказывать строже и лишать даже дневнаго свѣта? Признаюсь, мнѣ крайне жаль было тѣхъ товарищей, которымъ еще оставалось двѣнадцать лѣтъ прожить въ этой тюрьмѣ, между тѣмъ какъ чрезъ два года мнѣ предстоялъ переѣздъ на поселеніе.

Два отдѣленія въ тюрьмѣ, 1-ое и 12-ое, послѣднее, какъ крайнія, были назначены для женатыхъ. Жены нисколько не колебались раздѣлить тюремное заточеніе съ мужьями, что̀ запрещено было въ Читѣ по причинѣ тѣснаго и общаго помѣщенія; а здѣсь комнатка была отдѣльная для каждаго. Въ нашемъ отдѣленіи жили Трубецкая, Нарышкина, Фонвизина и жена моя. С. П. Трубецкой часто повторялъ:—«на что̀ намъ окна, когда у насъ четыре солнца!» А. Г. Муравьева и Е. И. Трубецкая не могли ночевать въ тюрьмѣ, потому что въ ней строжайше запрещено было помѣстить дѣтей: двери каждой кельи запирались задвижками и замка̀ми по пробитіи вечерней зари, а грудные младенцы и маленькія дѣти часто нуждаются въ ваннахъ, въ горячей водѣ, а гдѣ это достать ночью въ тюрьмѣ? Оттого матери ночевали въ своихъ домахъ: А. Г. Муравьева у своей дочери Софьи (нынѣ— С. Н. Бибикова, примѣрная жена и мать); Е. И. Трубецкая у своей Саши, вышедшая замужъ за Ребиндера, достойнѣйшаго ученаго мужа, бывшаго попечителемъ двухъ учебныхъ округовъ; счастливые супружествомъ, они недавно скончались, жена прежде мужа. Въ Петровскую тюрьму пріѣхала Камилла Петровна Дантю, милая невѣста нашего В. П. Ивашева: она добровольно и охотно дѣлила жребій мужа и послѣдовала за нимъ на поселеніе въ Туринскъ. Здѣсь она кончила земную жизнь свою 30-го декабря 1839 года, а чрезъ годъ, 28-го декабря 1840 года, мужъ послѣдовалъ за нею. Дѣти ихъ перевезены были въ Европейскую

Digitized by Google

Россію и хорошо воспитаны добрыми и достойнѣйшими родственниками.

Каждый изъ насъ убиралъ свою келью по своему вкусу и по своимъ средствамъ. Общая кухня находилась посреди тюремнаго двора, въ отдѣльномъ строеніи. Каждый дворъ можно было совершенно отдѣлить отъ прочихъ, стоило только запереть ворота, что̀ могло служить предосторожностью въ случаѣ какихъ либо безпокойствъ. Такое же пространство, какое занимало все тюремное строеніе, было обведено высокимъ частоколомъ, такъ что вся площадь составляла квадратъ, изъ коего половина была застроена тюрьмою, а другая половина, загороженная, служила мѣстомъ прогулки; зимою мы устроили тамъ горы и катались на конькахъ. Корридоръ велъ по всему зданію, но, для спокойствія и чтобы не было такъ шумно отъ проходящихъ изъ одного отдѣленія въ другое, комендантъ приказалъ затворить корридорныя двери между отдѣленіями, такъ что арестантъ, чтобъ изъ № 1-го перейти въ № 7-й, долженъ былъ перейти чрезъ дворы отдѣленій, а не по корридору. Вѣрный планъ всей тюрьмы приложенъ въ концѣ книги.

На другой день нашего прибытія въ новую тюрьму, прошелъ комендантъ по нѣсколькимъ отдѣленіямъ и подвергся упрекамъ отъ трехъ моихъ товарищей, спросившихъ его: почему онъ, знавъ планъ тюрьмы и ежегодно осматривавъ постройку, не представилъ начальству своему несообразность такого лишенія дневнаго свѣта, послѣ того, какъ мы уже четыре года въ Сибири не были лишены его, и что намъ хотѣли сдѣлать улучшеніе, а вышло новое наказаніе безъ новой вины? Комендантъ хорошо понялъ всю основательность и справедливость такихъ замѣчаній; онъ былъ растроганъ и выразилъ мнѣ послѣ всю непріятность своего положенія: что планъ былъ утвержденъ въ Петербургѣ, что, еслибы онъ самъ отъ себя рѣшился бы просить за насъ, то подумали бы, что онъ хочетъ быть нашимъ ходатаемъ или что онъ нами подкупленъ, тогда назначили бы на его мѣсто другого, который могъ бы притѣснять насъ и дѣлать намъ тысячу непріятностей. Тутъ кстати упомянуть, что всѣ дѣла̀ канцелярскія, переписка съ родственниками чрезъ посредство нашихъ женъ, доставленіе посылокъ, разсчеты денежные, артельные были всегда въ совершенной исправности; честность его была безусловна и служила лучшею защитою противъ незаконныхъ домогательствъ со стороны его подчиненныхъ. Старикъ комендантъ полстолѣтія привыкъ курить табакъ турецкій *дюбекъ*, доставляемый ему въ замшевыхъ мѣшкахъ въ опредѣленные сроки. Случилось, что или не во время выслали табакъ, или почта, по времени года и по

Digitized by Google

разстоянію, не могла доставить посылку къ сроку—однимъ словомъ, онъ двѣ недѣли былъ безъ табаку. Зная, что М. С. Лунинъ куритъ такой же табакъ, онъ пришелъ къ нему въ нумеръ и просилъ угостить его трубкой; тотъ, узнавъ причину, отчего онъ куритъ съ такимъ наслажденіемъ, предложилъ ему взаймы цѣлый мѣшокъ, но комендантъ отказался, сказавъ: — «Если я у васъ возьму, то это—не бѣда: я вамъ съ благодарностью возвращу; но если мои подчиненные узнаютъ, что я у васъ беру взаймы, то они тоже возьмутъ у васъ и уже никогда не отдадутъ».

Съ наступленіемъ зимы намъ невозможно было отъ холода читать и заниматься въ корридорѣ; тогда цѣлый день въ комнаткѣ горѣли наши свѣчи, отчего страдало зрѣніе, такъ что я долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи очковъ. Наши жены, въ особенности Трубецкая, Муравьева, Волконская и Нарышкина, краснорѣчиво описывали роднымъ наше мрачное жилище; жена моя послала кн. Одоевскому портретъ сына его, сидящаго въ своей кельѣ въ полумракѣ, какъ въ пещерѣ. Комендантъ, съ своей стороны, представилъ начальству, что мрачныя комнатки наши могутъ имѣть худыя послѣдствія для тѣхъ изъ насъ, которые имѣютъ слабое здоровье или наклонность къ задумчивости и меланхоліи. Наконецъ, весною, комендантъ объявилъ намъ съ радостью, что, по ходатайству графа Бенкендорфа, императоръ повелѣлъ, чтобы въ наружной стѣнѣ каждой кельи прорублено было окно. Это было исполнено въ маѣ мѣсяцѣ; окно имѣло два аршина длины и четыре вершка вышина, такъ что человѣкъ не могъ пролѣзть въ него: передѣлка эта была самая пріятная и полезная для насъ.

Внѣшнія работы наши продолжались по прежнему, какъ въ Читѣ: лѣтомъ—на дорогахъ, въ огородѣ; зимою мололи муку на ручныхъ мельницахъ; въ досужное время, каждый занимался по своей охотѣ; въ книгахъ не было недостатка, для учебныхъ занятій было больше удобствъ. А. И. Одоевскій дважды въ недѣлю работалъ со мною. По средамъ, проводилъ съ нами день старый морякъ К. П. Торсонъ, читалъ намъ свои записки, сообщалъ свой трудъ по механикѣ. Товарищи посѣщали насъ и нашихъ сосѣдей, такъ что по вечерамъ оживлялся нашъ корридоръ на два часа, до барабаннаго боя вечерней зари. Съ женою жилъ я уединеннѣе прочихъ товарищей оттого, что были у насъ постоянныя занятія: всѣ часы были распредѣлены, даже для прогулки вдоль стѣны частокола. Жена моя, въ 10 часовъ утра, ходила на свою квартиру для устройства небольшаго хозяйства: въ закрытомъ ящикѣ поваръ приносилъ ежедневно намъ обѣдъ въ караульную, откуда часовой доставлялъ въ нашъ кор-

Digitized by Google

ридоръ: въ печи мы грѣли кушанье и сами убирали и выметали нашу келью. Жена моя понынѣ, по прошествіи съ того времени сорока трехъ лѣтъ, съ восхищеніемъ припоминаетъ свою жизнь въ Петровской тюрьмѣ.

Въ іюлѣ 1831 года, оставили насъ двое изъ нашихъ товарищей: Н. П. Рѣпинъ и М. К. Кюхельбекеръ, бывшіе со мною въ одномъ разрядѣ, но, при утвержденіи приговора верховнаго уголовнаго суда, имъ былъ убавленъ срокъ каторжной работы, а Глѣбову и мнѣ ничего не сбавили. Осенью того же года, дошла до насъ вѣсть, что Рѣпинъ сгорѣлъ, вмѣстѣ съ товарищемъ Андреевымъ, который поступилъ изъ петропавловской крѣпости прямо на поселеніе въ Киренскъ, Иркутской Губерніи, и былъ переведенъ оттуда въ Верхнеудинскъ: на пути въ новое мѣстожительство, остановился ночевать на берегу Лены, въ Верхоленскѣ, гдѣ былъ поселенъ Рѣпинъ, въ 200 верстахъ отъ Иркутска. Рѣпинъ нанималъ квартиру у купчихи; сѣни отдѣляли его покои отъ хозяйскихъ. Можно себѣ представить, какъ отрадно было ихъ свиданье и какъ длилась ихъ бесѣда за полночь. Хозяйская служанка спала въ сѣняхъ и почуяла запахъ дыма; она пошла къ хозяйкѣ осмотрѣть покои и печи и ничего не примѣтила, съ хозяйкою вмѣстѣ воротилась въ сѣни, гдѣ дымъ уже клубился. Начали стучать въ двери Рѣпина, отвѣта не было; стучали въ ставни—не было отвѣта. Собрались люди, и, когда выломили дверь, то мгновенно огонь вспыхнулъ и пламя хлынуло на встрѣчу: не было возможности для спасенія. Когда послѣ вошли въ сгорѣвшую горницу, то нашли обгорѣвшіе трупы, одинъ Рѣпина, покороче, у самыхъ дверей, другой—Андреева, подлиннѣе, у окна. Остатки тѣлъ обоихъ были положены въ одинъ общій гробъ и похоронены на мѣстномъ кладбищѣ. Могли заподозрѣвать, что они сами подожгли домъ и убѣжали. Губернаторъ пріѣхалъ въ Верхоленскъ для слѣдствія; но трупы ясно свидѣтельствовали несчастное происшествіе. Должно предполагать, что они долго заговорились, что или не погасили свѣчки, или отъ трубокъ затлѣло одѣяло, и они угорѣли; когда же огонь ихъ коснулся, то заставилъ очнуться и искать спасенія, но уже не имѣли ни голоса, ни силы. Присутствіе памяти при этомъ объясняется тѣмъ, что тѣла ихъ найдены не на кроватяхъ, а одного у дверей, другого у окна: слѣдственно, помнили мѣсто и хотѣли выбиться. Это несчастье случилось въ апрѣлѣ 1832 года; нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, узнавъ уже давно объ этомъ печальномъ случаѣ прямымъ путемъ, получилъ я письмо отъ Рѣпина какъ-бы съ того свѣта; письмо, чтобы дойти до Петровской тюрьмы, шло сперва изъ Иркутска

Digitized by Google

въ Петербургъ, оттуда—назадъ, въ Иркутскъ и за Байкалъ. Съ грустью невыразимою читалъ я письмо сгорѣвшаго товарища и стараго сослуживца. Въ письмѣ онъ знакомилъ меня съ бытомъ поселенца; не задолго до отъѣзда изъ тюрьмы, онъ надѣялся еще на счастливый и скорый оборотъ въ жизни. Н. П. Рѣпинъ, внукъ адмирала Карцова, директора морскаго кадетскаго корпуса, служилъ сначала въ конной артиллеріи, участвовалъ въ войнѣ 1813 и 1814 года и послѣ войны переведенъ былъ въ гвардію. Онъ былъ одаренъ необыкновенною памятью, много читалъ и имѣлъ даръ слова; разговоръ его былъ неисчерпаемый и всегда занимательный и оживленный. Съ твердостью стоическою переносилъ онъ заточеніе и ссылку; помню, что одинъ только разъ онъ призадумался, когда узналъ о кончинѣ зятя своего, обер-секретаря сената Юнкера, и жалѣлъ о сестрѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ ея, которымъ онъ съ радостью готовъ былъ замѣнить отца. Съ Андреевымъ видѣлся я только въ домѣ коменданта Сукина, когда насъ посадили въ крѣпость, и еще на гласисѣ кронверкской куртины въ день исполненія приговора. Я слышалъ отъ близко знавшихъ его, что онъ былъ очень умный, добрый и образованный молодой человѣкъ; до осужденія служилъ онъ въ лейб-гвардіи измайловскомъ полку. Сибирякъ позже разсказывалъ мнѣ, будто бы они погибли отъ руки убійцъ, которые знали, что у нихъ были деньги, ограбили, убили и подожгли домъ. Навѣрно знаю, что такъ убиты были въ Енисейскѣ наши товарищи Лисовскій и Аврамовъ, занимавшіеся небольшою торговлею.

Круглый годъ уже прожили въ новой тюрьмѣ, когда долженъ былъ разстаться съ женою, по случаю приближенія родовъ. Она наняла другую квартиру, домъ отставнаго чиновника Занадворова, въ коемъ жила Е. И. Трубецкая, пока ей строили собственный домъ. Всѣ наши дамы, кромѣ жены моей, имѣли свои собственные дома, и всѣ, кромѣ Юшневской, Фонвизиной и Нарышкиной, имѣли дѣтей. 5-го сентября, родился второй сынъ мой Кондратій.

Хотя въ Петровской тюрьмѣ каждый изъ насъ имѣлъ особенную свою келью и больше простора и покоя, чѣмъ въ Читѣ, хотя артель и здѣсь была общая и, по прежнему, старались всѣ обезпечивать нужды всѣхъ, однако, по разъединенію нашего помѣщенія, позволившему каждому отдѣлиться или избрать для себя тѣсный кругъ по сердцу и по уму, исчезла та идеальность, которая одушевляла всѣхъ въ тѣсномъ, общемъ острогѣ въ Читѣ. Годы, здоровье, разстроивавшееся съ продолжительностью заточенія, должны были къ тому содѣйствовать. На ра-

Digitized by Google

боту выходили мы уже не съ хоровыми пѣснями, рѣже собирались въ общій кругъ, составился десятокъ кружковъ по родству, по наклонности характера. Иной становился все задумчивѣе въ одиночествѣ, чего въ Читѣ случиться не могло.

Самую дѣятельную жизнь изъ всѣхъ моихъ товарищей въ Петровской тюрьмѣ вели Ф. Б. Вольфъ и Арт. Зах. Муравьевъ: первый изъ нихъ былъ ученый докторъ медицины, второй— практическій хирургъ. Они, въ сопровожденіи караульнаго вѣстоваго, могли во всякое время выходить изъ тюрьмы, чтобы помогать больнымъ. Комендантъ нашъ лечился только у Вольфа, также много заводскихъ чиновниковъ и рабочихъ; пріѣзжали также страждущіе недугами изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ. Вольфъ справлялся съ большою аптекою съ помощью А. Ф. Фролова, который помогалъ растирать, толочь, варить и процѣживать лекарства. Слава Вольфа распространилась далеко, и, послѣ каторжной работы, увеличилась слава его въ Иркутскѣ, и подъ конецъ въ Тобольскѣ, гдѣ онъ скончался въ 1854 году, оставивъ небольшой капиталъ, сбереженный самымъ безкорыстнымъ постояннымъ трудомъ, своему неимущему товарищу и помощнику Фролову.

Ар. З. Муравьевъ пускалъ кровь, выдергивалъ зубы, ставилъ вантузы или банки, перевязывалъ раны. Находившись въ отпуску заграницею, онъ въ университетахъ съ жадностью слушалъ лекціи хирургіи и посѣщалъ клиники; бывъ послѣ командиромъ ахтырскаго гусарскаго полка, онъ навѣрно не думалъ сдѣлаться фельдшеромъ въ Сибири. Въ тюрьмѣ онъ не горевалъ, а только бранилъ Ермака за завоеваніе Сибири. На поселеніи онъ продолжалъ помогать больнымъ, пока не имѣлъ несчастье переломить себѣ руку, послѣ чего онъ хворалъ и скончался въ 1845 году, въ селеніи Малой Разводной, близъ Иркутска. Во всю бытность мою въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ, въ продолженіе шести лѣтъ, мы не знали смерти въ кругу нашихъ товарищей въ острогѣ и въ тюрьмѣ; обстоятельство довольно примѣчательное, если сообразимъ, что, по принятымъ разсчетамъ смертности, изъ 75 человѣкъ ежегодно умираютъ 2; насъ было 82 человѣка и 8 дамъ, и не все молодые люди, было нѣсколькимъ и по 60 лѣтъ отъ роду. Вѣроятно, къ этому способствовала, въ продолженіе шести лѣтъ, жизнь однообразная, пища умѣренная, не сложная.

Я уже сказалъ, что въ Петровскомъ былъ казенный желѣзный заводъ: плавили всякую чугунную посуду, вытягивали шинное желѣзо, проволоку и пр. Въ томъ же заводѣ была устроена водяная пильная мельница, которая уже десять лѣтъ оставалась

Digitized by Google

безъ употребленія, и считали ее совершенно поврежденною. Начальникъ завода, узнавъ отъ плац-адъютантовъ, что между нами есть механики, занимающіеся этою частью, просилъ коменданта, чтобы онъ позволилъ имъ осмотрѣть машины завода. Н. А. Бестужевъ I и К. П. Торсонъ охотно согласились. Каково же было удивленіе горныхъ чиновниковъ и мастеровыхъ, когда, чрезъ день, послѣ неважныхъ поправокъ и переставокъ. машина пильная стала дѣйствовать исправно. Н. А. Бестужевъ I сработалъ отличные часы съ горизонтальнымъ маятникомъ; тогда пришла ему мысль устроить часы съ астрономическимъ маятникомъ, которые вполнѣ замѣнили бы хронометры и обошлись бы гораздо дешевле; мысль эту привелъ онъ въ исполненіе двадцать лѣтъ спустя, когда былъ уже поселенъ въ Селенгинскъ. Когда, въ 1833 году, скончалась всѣми нами любимая и уважаемая А. Г. Муравьева, то Н. А. Бестужевъ I собственноручно сдѣлалъ деревянный гробъ со всѣми винтами и ручками и съ внутреннею и внѣшнею обивкою; онъ же вылилъ гробъ свинцовый для помѣщенія въ него деревяннаго гроба. У Николая Бестужева были руки золотыя и вообще дивныя способности. Торсонъ перевелъ земледѣльческую книгу Теэра и занимался приготовленіемъ моделей молотильныхъ машинъ, вѣяльныхъ, сѣяльныхъ и косильныхъ. Послѣ, бывъ поселенъ въ Селенгинскѣ вмѣстѣ съ Бестужевыми I и III-мъ, онъ строилъ эти машины, но не имѣлъ полнаго успѣха по причинѣ неустойки работниковъ, по слабости своего здоровья и еще по скудости денежныхъ средствъ. Въ нашей петровской столярной прилежно работали, какъ бывало въ читинской.

Вдохновенными поэтами были у насъ А. И. Одоевскій, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ II и В. П. Ивашевъ; первый изъ нихъ никогда не писалъ стиховъ своихъ, а сочинялъ на память и диктовалъ другимъ. Такъ сочинилъ, онъ поэму «Василько Ростиславичъ» и множество мелкихъ стихотвореній на разные случаи. Лира его всегда была настроена; часто по данному вопросу отвѣчалъ онъ экспромтомъ премилыми стихами: въ такія минуты румянецъ игралъ на его ланитахъ, и глаза сверкали огнемъ. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ большое дарованіе, но, какъ случается съ истиннымъ талантомъ, онъ пренебрегалъ этою музою. П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ II сочинилъ замысловатыя басни, звучными стихами переложилъ псалмы и чудное посланіе апостола Павла о любви. В. П. Ивашевъ написалъ поэму «Стенька Разинъ». Библіотека, журналы, газеты, доставляли обильное и безконечно разнообразное чтеніе; вообще, напряженно занимались науками и языками, съ такою же охотою, какъ занимались

Digitized by Google

ими въ читинскомъ острогѣ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, собирались на часокъ отъ 12 до 20 товарищей для слушанья священнаго писанія и проповѣди изъ лучшихъ духовныхъ книгъ. Чтецами были Корниловичъ изъ англійскихъ проповѣдниковъ, Пушкинъ—изъ русскихъ, Оболенскій—изъ французскихъ, я—изъ нѣмецкихъ: мы переводили иностранные подлинники безъ пера и бумаги, а прямо читая по русски книгу иностраннаго языка, на что̀ нужно имѣть нѣкоторый навыкъ, какъ музыканту, играющему à livre ouvert, безъ приготовленія. Чтецы были представители трехъ вѣроисповѣданій: католическаго, православнаго и евангелическаго; никто не думалъ о прозелитахъ, искали только духовнаго укрѣпленія; вѣротерпимость преобладала, уважали свободу совѣсти; въ церковь водили одинъ только разъ въ году для причащенія, почему и прибѣгли къ домашнему богослуженію. По прежнему, мы сами между собою запретили себѣ игру въ карты, хотя легко можно было скрыть ее отъ стражи въ отдѣльныхъ кельяхъ; зато мы позволяли себѣ, вопреки запрещенію, имѣть бумагу и чернила, и писали, и переводили цѣлыя многотомныя сочиненія.

Изъ числа всѣхъ товарищей, оригинальнѣе всѣхъ жилъ М. С. Лунинъ. Онъ занималъ 1-й нумеръ, совершенно темный сначала, до прорубленія окна, потому что къ его наружной стѣнѣ пристроена была унтер-офицерская караульня. Онъ не участвовалъ въ нашей общей артели, пилъ кирпичный чай, часто постился по обряду католической церкви, въ которую онъ перешелъ уже давно, бывъ въ Варшавѣ ученикомъ и приверженцемъ извѣстнаго Мейстера. Третья часть его кельи въ длину была отдѣлена завѣсою; за нею, надъ подмостками, стояло большое распятіе, присланное изъ Рима, гдѣ оно освящено было папою. Въ продолженіе дня, нѣсколько разъ слышны были латинскіе возгласы «dominus vobiscum!» При всемъ этомъ, онъ никогда не былъ ханжею: когда выходилъ съ нами на работу, то любо было смотрѣть на него, на его красивый станъ, на развязную походку, на опрятную одежду, и любо было слушать его умный и живой разговоръ. Кто навѣщалъ его, тотъ всегда оставался довольнымъ его свѣтскою бесѣдою и его шутками. Однажды, зашелъ къ нему Мухановъ, любившій мѣняться вещами, и спросилъ его о состояніи здоровья и что̀ онъ подѣлываетъ? «Je viens de prier Dieu», отвѣтилъ онъ:—«pour le salut de mon âme et la conservation de mes effets». Крѣпко досадовалъ онъ на Виктора Гюго за его романъ «Notre Dame de Paris» и за его сравненіе Эсмеральды; онъ имѣлъ терпѣніе сжечь все это твореніе, бывшее въ его рукахъ, на восковой свѣчкѣ по листочкамъ и сказалъ,

Digitized by Google

что, еслибы отъ него зависѣло, то онъ уничтожилъ бы всѣ экземпляры. Будущность наіпу на поселеніи рисовалъ онъ самыми мрачными красками, утверждая, что всѣмъ намъ предстоятъ только три дороги, кои всѣ поведутъ къ погибели: одни женятся, другіе пойдутъ въ монахи, третьи сопьются. Самъ имѣлъ онъ бѣдственную участь на поселеніи, мимо означенныхъ имъ трехъ дорогъ: онъ жилъ на поселеніи совершенно уединенно, окружилъ свой собственный домикъ частоколомъ, какъ острогъ, калитка была всегда заперта, слугою и сторожемъ имѣлъ бурята. Вѣроятно, эта странность возбудила подозрѣніе, явился и доносщикъ; посланные чиновники отъ высшаго начальства явились къ нему неожиданно для обыска, и всѣ найденныя у него бумаги и рукописи были отправлены въ Петербургъ, вслѣдствіе чего онъ былъ перемѣщенъ въ окрестность Нерчинска, гдѣ содержался подъ строгимъ присмотромъ. Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ отъ роду; ему запретили всякую переписку, даже съ сестрою, и въ 1845 году, 8-го декабря, онъ скончался въ Акатуѣ, безъ болѣзни, во время послѣобѣденнаго сна, отъ апоплексическаго удара. Въ молодости своей и во время войны 1812 года, служилъ онъ въ кавалергардскомъ полку; по возвращеніи съ похода, или средства къ жизни въ столицѣ не удовлетворяли его желаній, или дуэль, что̀ нерѣдко случалось въ жизни его, заставили его выйти въ отставку. Онъ добрался до Парижа, гдѣ онъ давалъ уроки французскаго и англійскаго языка; нѣсколько лѣтъ содержалъ себя собственнымъ трудомъ во Франціи и въ Англіи, въ Парижѣ исправлялъ даже должность адвоката и нотаріуса подъ именемъ Michel. Когда отецъ его умеръ, то возвратился въ Россію, вступилъ опять въ службу и послѣднее время служилъ въ л.-гв. гродненскомъ гусарскомъ полку въ Варшавѣ, гдѣ былъ любимъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

Большія достоинства имѣлъ Алексѣй Петровичъ Юшневскій, бывшій генерал-интендантъ 2-й арміи. Онъ былъ стоикъ въ полномъ смыслѣ слова, съ твердыми правилами, умомъ и сердцемъ, любилъ свое отечество и безъ малѣйшаго ропота переносилъ всѣ испытанія и лишенія. Казалось, что онъ даже вызывалъ ихъ, чтобы доказать, что онъ готовъ переносить и больше и не жалѣетъ никакихъ пожертвованій. Очень тѣсно былъ онъ связанъ съ Пестелемъ, который для него не имѣлъ сокровенной мысли—все ему сообщалъ и дорожилъ его мнѣніемъ и совѣтомъ. Юшневскій былъ женатъ на вдовѣ, не имѣлъ дѣтей, но одну падчерицу; жена его, Марья Казимировна, пріѣхала къ нему въ одно время съ моею женою. Супруги жили въ Петровской тюрьмѣ

Digitized by Google

въ стѣсненномъ положеніи оттого, что имѣніе Юшневскаго было подъ запрещеніемъ; даже наслѣдникъ, его родной братъ, не могъ онымъ распоряжаться, пока не кончилась ревизія интендантскихъ дѣлъ 2-й арміи. Это дѣло, долго тянувшееся, огорчало Юшневскаго въ тюрьмѣ, потому что, если комиссія, при ревизіи, обвинила бы его въ чемъ-нибудь, то онъ былъ лишенъ возможности оправдаться. Можно себѣ представить радость и восторгъ его, когда, по прошествіи 8-ми лѣтъ, прислали ему копію съ донесенія комиссіи высшему начальству, въ коемъ было сказано, что бывшій генерал-интендантъ 2-й арміи, А. П. Юшневскій, нетолько не причинялъ ущерба казнѣ, но, напротивъ того, благоразумными и своевременными мѣрами доставилъ казнѣ значительныя выгоды. Такое донесеніе дѣлаетъ честь нетолько почтенному товарищу, но и предсѣдателю комиссіи, генералу Н. Н. Муравьеву, правдивому и честному, впослѣдствіи заслужившему народное прозваніе *Карскаго*. Въ 1839 году, Юшневскій былъ поселенъ въ Ѳёкѣ, близь Иркутска, съ нѣсколькими товарищами; одинъ изъ нихъ, Ф. Ф. Вадковскій, захворалъ опасно въ 1844 году, умеръ 7 января, и похороны его совершались 10 января. Товарищи сговорились отнести гробъ въ церковь, чего Юшневскій не могъ сдѣлать, потому что голова его не терпѣла холода, а ему пришлось бы идти по улицѣ съ непокрытою головою въ сильный морозъ; по этой причинѣ онъ пришелъ въ церковь одинъ и сталъ подлѣ гроба у изголовья умершаго товарища. Когда священникъ читалъ Евангеліе, то Юшневскій внезапно упалъ и тутъ же окончилъ жизнь свою. Присутствовавшій товарищъ, Вольфъ, старался пустить кровь ланцетомъ, но все было напрасно, его не стало: онъ окончилъ свои страданія 10 января, въ церкви, при чтеніи Евангелія, бывъ окруженъ женою и друзьями. Я хорошо помню, какъ онъ разсказывалъ въ Петровской тюрьмѣ о внезапной кончинѣ отца своего, пораженнаго ударомъ молніи, и что онъ желалъ для себя кончину такую же безболѣзненную и мгновенную. Желаніе его было исполнено. Тѣло его покоится возлѣ тѣла Вадковскаго въ Разводной, близь Иркутска.

Желалъ бы о каждомъ изъ товарищей сказать нѣсколько подробностей; но я уже дважды повторялъ, что не пишу ихъ біографіи, потому что жизнь пожилыхъ изъ нихъ, до двадцатыхъ годовъ, мнѣ мало извѣстна, а изъ молодыхъ моихъ сверстниковъ жизнь общественная тогда только что начиналась: слѣдственно, о тѣхъ и другихъ ограничиваюсь воспоминаніями о самомъ трудномъ періодѣ общихъ испытаній тѣхъ и другихъ. Тутъ равно для каждаго пришлось бы мнѣ повторять однѣ и тѣ же похвалы о твердости духа въ перенесеніи заточенія, о постоян-

Digitized by Google

номъ христіанскомъ смиреніи, о достоинствахъ, о стремленіяхъ къ личному усовершенствованію. Въ описаніи страданій моихъ товарищей и тюремной жизни старался я по возможности отбросить всѣ краски мрачныя, чтобы не подвергнуться укору въ преувеличеніи перенесеннаго горя, или заподозрѣнію въ возбужденіи состраданія. Къ чему это?

Не упоминаю подробно о болѣзни и продолжительныхъ страданіяхъ А. И. Барятинскаго, прекратившихся только съ кончиною его въ 1844 году, 19 августа, въ Тобольскѣ; о трогательныхъ напѣвахъ П. В. Абрамова, постоянно съ отеческою любовью вспоминавшаго свой славный казанскій пѣхотный полкъ, напѣвы умолкли со смертію его въ 1838, въ Аёкѣ; о семи женихахъ съ обручальными кольцами, безъ надежды на сочетаніе съ предметомъ любви; о восьми женатыхъ, навсегда отторгнутыхъ отъ женъ и дѣтей; трое изъ нихъ дожили до вѣсти, что жены ихъ вышли замужъ за другихъ. Какими словами пришлось бы описать каждаго изъ тридцати слишкомъ юношей, брошенныхъ сперва въ темницу, потомъ въ Сибирь, чтобы пополнить роковое число 121! Въ дальнѣйшемъ моемъ повѣствованіи представится случай говорить еще о многихъ товарищахъ, съ которыми встрѣтился на поселеніи въ Западной Сибири, на Кавказѣ, и о которыхъ я имѣлъ точныя свѣдѣнія по перепискѣ съ ними съ Западною и съ Восточною Сибирью.

Приблизилось время ѣхать на поселеніе; срокъ окончанія тюремной жизни наступилъ 11 іюля 1832 г., и, какъ мнѣ было извѣстно, что родственники жены моей просили о поселеніи насъ въ Курганъ, Тобольской Губерніи, и какъ жена моя ожидала разрѣшенія отъ бремени въ концѣ августа, то я упросилъ ее ѣхать впередъ до Иркутска, похлопотать тамъ о нужныхъ бумагахъ для дальнѣйшей отправки, такъ что, по прибытіи моемъ въ Иркутскъ, мы могли бы въ тотъ же день отправиться въ путь и пріѣхать на мѣсто до ея родовъ. 2-го іюля, понесъ я сына моего Кондратія въ тюрьму, чтобы крестный отецъ его, Е. П. Оболенскій, и товарищи благословили его; младенецъ былъ одѣтъ въ свѣтло-голубой шинели, сшитой собственноручно крестнымъ отцомъ; онъ нисколько не смутился, увидѣвъ моихъ товарищей, обнимавшихъ и цѣловавшихъ его. Жена моя простилась съ ними со слезами; дамы наши крѣпко боялись за ея здоровье, за состояніе, въ коемъ она была съ маленькимъ ребенкомъ, въ ожиданіи имѣть скоро другого. Всѣхъ больше безпокоилась о ней наша добрѣйшая А. Г. Муравьева: она прислала ей складной стулъ дорожный, предложила тысячу вещей, уговаривала взять корову при плаваніи чрезъ Байкалъ, дабы младенецъ во всякое время могъ имѣть парное молоко. К. П. Торсонъ сдѣлалъ для

Digitized by Google

сына морскую койку; Н. А. Бестужевъ сдѣлалъ винты и пряжки и привѣсилъ койку на надежныхъ ремняхъ къ крайнему обручу отъ колясочной накидки, такъ что эта койка была лучшею висячею люлькою; матери и ребенку было спокойнѣе. Занавѣска со стороны козелъ, защищала отъ вѣтра и непогоды.

Жена моя уѣхала 3-го іюля; безъ остановокъ достигла она Байкала; тамъ не было казенныхъ перевозныхъ судовъ у пристани—тогда еще не было пароходовъ Мясникова—и она наняла рыбацкій парусный карбасъ, на коемъ помѣстила коляску и нѣсколько попутчиковъ. Плаваніе было самое бѣдственное: посреди озера или Святаго Моря, поднялся противный вѣтеръ и качалъ ихъ нѣсколько дней; сынокъ мой заболѣлъ—можно себѣ представить положеніе матери! Запасное молоко, взятое съ берега, испортилось, варенаго молока младенецъ не принималъ; съ трудомъ поили его отваромъ изъ рисовыхъ крупъ; наконецъ онъ не принималъ никакой пищи — мать была въ отчаяніи. На пятый день, буря утихла, вѣтеръ подулъ попутный, и чрезъ нѣсколько часовъ путешественники пристали къ берегу. Жена моя донынѣ съ восторгомъ выражаетъ тогдашнее чувство своего блаженства, припоминая, какъ она ступила на берегъ, какъ сынъ ея больной, измученный голодомъ, почти умирающій, освѣжившись свѣжимъ молокомъ, уснулъ сладко и спокойно дышалъ; а она, сидя возлѣ него на полу, еще качалась всѣмъ тѣломъ какъ на морѣ и благодарила Бога за спасеніе сына. Отъ Лиственной почтовой станціи до Иркутска было ей не далеко: она пріѣхала туда 12-го іюля, ожидала меня на слѣдующій день и напрасно ждала еще двѣ недѣли. Всѣ наши разсчеты во времени и по срокамъ, всѣ наши предосторожности и мѣры были напрасны, были развѣяны, какъ дымъ отъ вѣтра и отъ неисправности канцелярской. Замедленіе моего пріѣзда въ Иркутскъ произошло оттого, что генерал-губернаторъ Лавинскій, въ то время, ревизовалъ свои губерніи, а канцелярія его забыла къ 11-му іюля предувѣдомить коменданта о мѣстѣ моего назначенія. Лепарскій получилъ эту бумагу только 20-го іюля и въ тотъ же день меня отправилъ. Такимъ образомъ, пришлось мнѣ девять дней оставаться въ тюрьмѣ долѣе опредѣленнаго срока. Въ продолженіе всей бытности моей въ каторжной работѣ, не было никакого сбавленія нашихъ сроковъ; но, послѣ моего отбытія на поселеніе, чрезъ три мѣсяца, значительно сбавленъ былъ срокъ всѣмъ моимъ тюремнымъ товарищамъ, по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича въ 1832 году, такъ что нашъ V-й разрядъ сравнился съ IV-мъ разрядомъ по продолжительности работы.

Digitized by Google

СИЛА ХАРАКТЕРА.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Есть люди, которые на все смотрятъ съ своей особенной, мало кому понятной точки зрѣнія. Таковъ именно былъ мужъ Надежды Николаевны. Прежде всего, онъ поражалъ своимъ удивительнымъ хладнокровіемъ: онъ никогда не сердился, никто не слыхалъ, чтобы онъ даже голосъ возвысилъ, но за то онъ смѣялся, когда видѣлъ, что сердятся другіе. Онъ говорилъ, что люди все это напускаютъ на себя, что все это—комедія, фарсъ... Если видѣлъ онъ какую-нибудь плачевную сцену, съ упреками, съ рыданіями, съ проклятіями даже, то и тутъ, въ большинствѣ случаевъ, онъ не признавалъ ничего, кромѣ фарса.

— Можно было просто объясниться, говорилъ онъ:—а это все—напускное.

— Но если человѣка слезы душатъ, спрашивали его:—вы находите, что и это—напускное?

— Если слезы васъ душатъ, такъ это, вѣдь, можетъ разрѣшиться насморкомъ; это—чисто физическое ощущеніе. Часто такъ и бываетъ, что плачутъ, только придравшись къ случаю, только потому, что слезныя желѣзки раздражены. Какое же это горе? Я такъ и смотрю на это, какъ на простой насморкъ.

Если онъ видѣлъ какое-нибудь негодованіе, вызванное хотя бы самыми законными, святыми причинами, негодованіе человѣка вѣрующаго, напримѣръ, противъ атеиста, честнаго человѣка противъ подлеца, онъ и тутъ говорилъ:

Digitized by Google

— Напускное!

У него былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые всегда ровны и спокойны, но, если ихъ ужь что-нибудь выброситъ изъ колеи, такъ они становятся неузнаваемы. Разсердить ихъ опасно уже потому именно, что они никогда не сердятся. Подъ этими спокойными, кроткими натурами всегда тлѣется искра, которую не слѣдуетъ возжигать. Когда хладнокровный, обыкновенно сдержанный человѣкъ приходитъ въ бѣшенство — онъ ужь мѣры ни въ чемъ не знаетъ. Онъ способенъ или на моментальное преступленіе, или на долгую, затаенную месть, которая угаснетъ въ его сердцѣ только съ его смертью.

Мужъ Надежды Николаевны былъ человѣкъ еще не старый, но, по лицу, онъ казался старше своихъ лѣтъ. Худощавый блондинъ съ довольно тонкими и правильными чертами, съ потемнѣвшимъ отъ загара и отъ морозовъ лицомъ и съ такой тонкой, пронизывающей ясностью взгляда, что могъ бы послужить отличнымъ оригиналомъ для портрета какого-нибудь остроумнаго мыслителя; у него и складка даже посреди лба стояла, какъ у мыслителей или дипломатовъ. Отъ близорукости онъ носилъ очки въ тонкой золотой оправѣ. На головѣ у него свѣтилась довольно замѣтная плѣшь, съ каждымъ годомъ все разроставшаяся.

Въ Москву онъ пріѣхалъ съ старымъ вытертымъ чемоданомъ, въ которомъ оказалось только четыре рубашки, нѣсколько рваныхъ носовыхъ платковъ, коробка съ табакомъ и альбомъ съ отклеившейся доской и съ потемнѣвшими отъ времени фотографическими карточками. Надежда Николаевна ахнула, увидавши это. Она очень мало думала объ удобствахъ своего мужа; но ее пугало то, что онъ ее скомпрометируетъ. Въ первый же день, какъ онъ ѣздилъ за покупками, она увѣрена была, что онъ поѣхалъ заказывать себѣ бѣлье, но онъ привезъ только пять фунтовъ пороху и нѣсколько книжекъ для дѣтей. Послѣ того, онъ и еще ѣздилъ въ городъ, но всякій разъ привозилъ только педагогическія пособія, да еще присылали ему какіе-то мѣшки съ сѣменами изъ сѣменнаго депо.

— Помилуй, Иванъ Павлычъ, сказала ему разъ жена: — у генерала въ домѣ лакеи лучше одѣты, чѣмъ ты!

— Чѣмъ же я дурно одѣтъ? удивился онъ.

Надежда Николаевна чуть не заплакала отъ досады. Она тотчасъ же поѣхала въ голландскій магазинъ и купила ему тамъ бѣлья, за которое онъ же потомъ и долженъ былъ заплатить.

Въ домѣ генерала на него смотрѣли съ любопытствомъ; его невольно сравнивали съ братомъ. Ни въ наружности, ни въ ха-

Digitized by Google

рактерѣ у нихъ ничего не было общаго. Напротивъ, какъ это часто случается въ семействахъ, это были два разные полюса. Даже привычки у нихъ были всѣ разныя. Николай Павлычъ любилъ играть въ карты; Иванъ Павлычъ картъ въ руки не бралъ. Николай Павлычъ читалъ книги съ середины, съ конца, могъ читать ихъ урывками, могъ, въ то же время, разговаривать; Иванъ Павлычъ любилъ читать только наединѣ, когда ему никто не мѣшалъ, и въ каждое слово вдумывался. Николай Павлычъ никогда ружья въ руки не бралъ; Иванъ Павлычъ каждую осень ѣздилъ съ гончими и съ борзыми въ отъѣздъ.

Несмотря на это несходство или, можетъ быть, вслѣдствіе этого несходства, братья были очень дружны между собой, но только дружба эта выражалась очень оригинально. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ разлуки, напримѣръ, они встрѣчались такъ, какъ будто наканунѣ только простились, когда шли спать.

— А, здравствуй! скажетъ одинъ, скорѣй даже удивленнымъ, чѣмъ обрадованнымъ голосомъ.

— Здравствуй! повторитъ другой, тоже какъ будто удивленный тѣмъ, что, вотъ, наконецъ, встрѣтились.

И потомъ оба часто молчатъ, курятъ, и, если разговорятся, такъ никакъ ужь не сразу, а со временемъ, когда къ слову придется. И тутъ начинаетъ бо̀льшею частію Иванъ Павлычъ, потому что Николай Павлычъ новости какія-нибудь сообщать терпѣть не могъ и говорилъ, что это женщины только, какъ встрѣтятся, такъ и пойдутъ все выкладывать, что̀ только припомнятъ, а потомъ, когда все истощится, такъ и своего немножко присочинятъ.

Въ послѣдній пріѣздъ, встрѣча двухъ братьевъ была точно такая же, какъ и прежде. Николай Павлычъ еще не оправился послѣ болѣзни и не выходилъ изъ дому. Увидавши брата, онъ сказалъ только:

— А, вотъ ка̀къ! Ты давно пріѣхалъ?

— Да я раньше поста не думалъ быть, да жена мнѣ написала, что ты боленъ; я и поѣхалъ. Все равно.

— Что̀ же это—все равно? Все равно, что я боленъ, или все равно—тебѣ ѣхать.

— Послушай-ка, вели мнѣ дать рюмку водки, продолжалъ братъ, не отвѣчая на вопросъ.—Я что̀-то скверно себя чувствую.

Водку подали. Одинъ выпилъ и сталъ курить, другой тоже курилъ; оба молчали.

— Надя, я замѣчаю, поправилась, началъ, наконецъ, старшій.—Ка̀къ на твои глаза?

*

Digitized by Google

— Что̀ же ей поправляться? Она, кажется, всегда была здорова.

— Я бы не хотѣлъ, однако, чтобъ она тутъ дольше мая оставалась.

— Да она, вѣроятно, и не останется. Что̀ же ей тутъ дѣлать! Я, по крайней мѣрѣ, не вижу и причинъ ей оставаться.

— Ты бы ей съ своей стороны поговорилъ.

— Изволь, я готовъ ей съ своей стороны говорить; но мнѣ кажется тебѣ удобнѣе съ ней говорить объ этомъ.

— Да, вѣдь, знаешь, женщины въ этомъ случаѣ какъ-то удивительно упрямы. Ихъ, по крайней мѣрѣ, надо въ два кнута принять, тогда онѣ сдаются, да и то не всегда.

Николай Павлычъ ничего на это не отвѣчалъ, и сталъ опять молча курить.

— Ты былъ у Охлыстышевыхъ? спросилъ онъ черезъ нѣсколько времени.

— Былъ. Меня тамъ встрѣтила какая-то барышня, очень красивая. Я ей отрекомендовался, она на меня посмотрѣла. Я думаю себѣ, объ чемъ бы такое мнѣ съ ней заговорить? ты знаешь, я съ барышнями никогда не разговариваю.

— Ну, и что̀ же?

— Ну, я съ ней и не разговаривалъ, я только смотрѣлъ на нее. Она на меня смотрѣла, а я на нее. Очень красивая особа.

— У ней глаза очень хороши, замѣтилъ Соловой какъ бы мимоходомъ.

— Да вѣдь это все на погибель нашему брату. Недавно у насъ тамъ одинъ баринъ разсуждалъ: женщина говоритъ, перлъ созданія. Поэтому и глаза у нихъ бываютъ такіе, какъ вотъ у этой брюнетки, а мы смотримъ и вздыхаемъ.

— Послушай, я замѣчаю, что ты начинаешь развращаться: ты объ женщинахъ что̀-то заговорилъ.

— А развѣ объ нихъ нельзя говорить?

— Нѣтъ, но въ твоихъ устахъ это звучитъ какъ-то странно.

— Правда, ты привыкъ больше слышать, что я объ мужикахъ говорю. Кстати, вотъ объ мужикахъ-то! ѣду я сюда въ Москву, подходитъ ко мнѣ на станціи мужикъ. А что̀, баринъ, скоро, говоритъ, московская машина пойдетъ? Нѣтъ, говорю, не скоро, часовъ черезъ пять. То-то, я, говоритъ, упережу ее.—«Ка̀къ упередишь?»—«Да что̀-жь мнѣ ее ждать-то! я, говоритъ, еще станцію пѣшкомъ уйду; двадцать копеекъ вѣдь за станцію-то берутъ. Оказывается, что онъ такъ лупитъ изъ самой Москвы, четвертую ужь станцію, а машина его все догоняетъ. Вотъ этотъ объ

Digitized by Google

женщинахъ навѣрное не станетъ говорить; а мы говоримъ, потому что намъ дѣлать нѐчего.

— Не то, что намъ дѣлать нѐчего, а онѣ слишкомъ большую роль играютъ въ нашей жизни.

— Не въ твоей ли, напримѣръ? спросилъ братъ съ усмѣшкой.

Николай Павлычъ посмотрѣлъ на него.

— Отчего же ты полагаешь, что въ моей жизни онѣ не могутъ играть роли?

— Оттого, что я знаю твою жизнь.

«Знаешь ты ее! дà!» подумалъ Николай Павлычъ. Онъ вдругъ почувствовалъ страстное желаніе продолжать этотъ опасный для него разговоръ. Съ такимъ точно чувствомъ человѣкъ смотритъ иногда съ пятаго этажа внизъ. Онъ и знаетъ, что не бросится туда, и, въ тоже время, ему хочется узнать, какое ощущеніе испыталъ бы онъ, еслибъ вздумалъ броситься.

— Кáкъ ты можешь сказать, что ты знаешь мою жизнь?

— Любопытно было-бы, еслибъ я не зналъ ея! видимся чуть не каждый день.

— Можно видѣть человѣка каждый день и все-таки не знать его. Для этого надо заглянуть къ нему въ душу. Почемъ знать, чтò происходитъ у него въ душѣ!

— Все, батюшка, чтò происходитъ въ душѣ, отражается непремѣнно на внѣшнихъ дѣйствіяхъ человѣка.

— Далеко не все.

— Непремѣнно все. Неужели ты думаешь, что я не могъ до сихъ поръ узнать тебя? чтò ты для меня—загадка какая нибудь?

Николай Павлычъ посмотрѣлъ на брата съ внутреннимъ сожалѣніемъ. Онъ никакъ не могъ воздержаться отъ того чувства, съ какимъ мы смотримъ иногда на человѣка обманутаго. Его мысль была приблизительно такова: я тебя очень уважаю, ты—славный малый; но зачѣмъ же ты такъ слѣпъ? Это не умно съ твоей стороны.

— Ты вообще, значитъ, считаешь себя психологомъ? спросилъ онъ.

— Психологъ не психологъ, а знаю немножко людей.

— Т. е. ты мужиковъ знаешь, а не людей.

— И мужиковъ знаю.

— Ты знаешь: сколько мужикъ пропьетъ, когда онъ тебя надуть можетъ, когда ты ему не дашь себя надуть... Потомъ еще ты знаешь наше русское самоуправленіе...

— Самоуправство, поправилъ его братъ.

— Ну дà, это ужь раньше тебя сказано. Ты самъ тамъ слу-

Digitized by Google

жилъ, былъ ты земцемъ, судьей, посредникомъ... Поэтому ты земцевъ, судей, посредниковъ, волостныхъ писарей знаешь хорошо—но людей вообще ты не знаешь.

— А тебя въ особенности?

— И меня въ томъ числѣ.

— Ну, пусть будетъ по твоему!

Иванъ Павлычъ никакого особеннаго значенія этому разговору не придавалъ и сталъ скоро говорить о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Онъ тратилъ на себя очень мало и, кромѣ пороху, ничего еще въ Москвѣ себѣ не купилъ, но его сокрушало воспитаніе дѣтей и безумныя траты жены. Она сорила деньгами, какъ женщина, которая совсѣмъ не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, и сама говорила про себя, что проживать умѣетъ, а наживать—не въ ея натурѣ.

— Кажется, у насъ съ ней скоро, кромѣ дѣтей, ничего не останется, замѣтилъ Иванъ Павлычъ задумчиво.—Имѣнье заложено; доходы всѣ за годъ впередъ прожиты; не знаю, изъ чего проценты будемъ платить.

— Самъ виноватъ! сказалъ братъ.—Съ какой стати было отпускать сюда женщину, которая, ты зналъ это навѣрное, въ одинъ годъ проживетъ больше, чѣмъ ты получишь въ пять лѣтъ.

— Что̀ же мнѣ было дѣлать?

— Не пускать ее сюда.

— Какимъ это образомъ?

— Денегъ ей не давать, вида не давать.

«Если она только узнаетъ, что я это говорилъ, докончилъ онъ тутъ же мысленно:—я—погибшій человѣкъ».

— Нельзя мнѣ было ея не пускать, когда она поѣхала сына лечить.

— Сына лечить? Это—пустяки.

— Ка̀къ, пустяки?

— Да такъ, пустяки? Это она задалась этой мыслью. Ей, какъ матери, это простительно, но ты-то, по совѣсти говоря, вѣришь тому, что у твоихъ дѣтей какія-нибудь особыя, сложныя болѣзни, которыя только въ Москвѣ и могутъ понять? Или что десятилѣтнюю дѣвочку не могутъ ничему выучить въ провинціи? что для нея особые профессора нужны? Если Надежда Николаевна тебѣ это говоритъ, такъ, вѣдь, у тебя свой царь въ головѣ есть. Ты долженъ понять, насколько женщина, и вдобавокъ еще мать, можетъ въ этомъ случаѣ ошибаться.

— Нѣтъ, я съ ней отчасти согласенъ... Для дѣтей это, дѣйствительно, лучше. Еслибъ только дѣла̀ мои не были разстроены...

Digitized by Google

— Вы думаете съ Надеждой Николаевной сдѣлать лучше для вашихъ дѣтей, а, между тѣмъ, вы дѣлаете хуже; вы ихъ раззоряете! Вы лишаете ихъ, можетъ быть, возможности получить серьёзное образованіе тогда, когда оно, дѣйствительно, имъ будетъ нужно. Мальчика, который грамматики еще не знаетъ, вы, вотъ, привезли въ Москву, потому что въ провинціи для него нѣтъ достаточно хорошихъ профессоровъ, а когда этотъ мальчикъ выростетъ, когда ему, дѣйствительно, нужно будетъ серьёзное образованіе, у васъ тогда для этого средствъ не будетъ. Такъ, какъ живетъ твоя жена, можно прожить три года, а тамъ твое имѣніе продадутъ съ молотка, и я посмотрю тогда, какое ты прекрасное воспитаніе дашь своимъ дѣтямъ!

Во всей этой тирадѣ главная мысль была та: «убери отсюда подальше твою жену!..» Но, по виду, она вся была согрѣта родственнымъ чувствомъ.

«Хорошо еще, что родственныя чувства меня выручаютъ, ободрялъ себя Соловой.—Я могу на эту тэму много и долго говорить, не возбуждая никакихъ подозрѣній».

Иванъ Павлычъ сидѣлъ задумавшись. Онъ скрутилъ себѣ папиросу и глядѣлъ на нее теперь съ такимъ видомъ, какъ будто въ ней одной искалъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ.

— Наконецъ, я тебѣ вотъ что̀ скажу, продолжалъ братъ. — Ты хочешь непремѣнно воспитывать своихъ дѣтей при лучшихъ условіяхъ—вези ихъ въ Одессу! Одесса у васъ всегда подъ руками. Я этого переселенія въ Москву рѣшительно не понимаю.

Иванъ Павлычъ все молчалъ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей мягкихъ по виду, по неподатливыхъ въ душѣ, которые гво̀здика не вобьютъ туда, куда имъ укажутъ, а вобьютъ туда, куда не нужно, лишь-бы только по своему разуму. Онъ былъ человѣкъ добрый отъ природы: если его просили о чемъ нибудь, онъ сейчасъ же все готовъ былъ сдѣлать, но когда его просили перемѣнить какое нибудь его собственное рѣшеніе, хотя бы самое неважное—онъ наотрѣзъ отказывалъ. Его правиломъ въ жизни было не стѣснять другихъ и не позволять другимъ стѣснять себя. Всякій живетъ по своему разуму, говорилъ онъ. Я, можетъ быть, и глупо поступаю, да никому до этого дѣла нѣтъ.

Вслѣдствіе этого, его отношенія къ женѣ приняли довольно странный характеръ, и въ обществѣ составилось мнѣніе, что онъ подъ башмакомъ у своей жены, но, въ дѣйствительности, это было не такъ. Надежда Николаевна сама дѣлала все, что̀ хотѣла, но никогда еще, во все свое двѣнадцатилѣтнее супружество, не могла она заставить мужа поступить такъ, какъ она указывала, а не такъ, какъ ему вздумалось.

Digitized by Google

Она была въ домѣ полная госпожа и воспитаніемъ дѣтей распоряжалась какъ ей угодно, потому что, по его мнѣнію, это было дѣло матери, пока дѣти не достигли извѣстныхъ лѣтъ, когда требуется уже вмѣшательство отца. Она тоже распоряжалась всѣми домашними расходами, потому что, по его мнѣнію, это тоже было дѣломъ женщины, а не мужчины. Но когда она попробовала вмѣшаться въ его служебныя дѣла, изъ этого ровно ничего не вышло: онъ только посмѣивался и ни въ одномъ словѣ ея не слушалъ. По натурѣ своей, онъ не способенъ былъ выходить изъ себя; поэтому многіе думали, что ему можно сѣсть на голову. Даже братъ родной узналъ его не сразу, а только проживши съ нимъ года три, увидалъ, что господство Надежды Николаевны было болѣе кажущееся: сама она пользовалась полной свободой, но надъ мужемъ никакой власти не имѣла. Такія отношенія встрѣчаются такъ рѣдко, что люди мало ихъ какъ-то понимаютъ и всегда толкуютъ ошибочно. Мы привыкли къ тому, что люди раздѣляются на двѣ категоріи: тѣхъ, которые сами вмѣшиваются въ чужія дѣла и тѣхъ, которые позволяютъ другимъ вмѣшиваться въ свои дѣла. Но когда является человѣкъ, который хочетъ только, чтобы его не трогали, его никто не понимаетъ. Онъ уступаетъ другимъ—думаютъ, что онъ этимъ самымъ подчиняется имъ; хотятъ его подчинить—онъ этого не позволяетъ. Отсюда постоянныя недоразумѣнія.

Въ такомъ именно положеніи былъ Иванъ Павлычъ. Всѣ осуждали его за то, что онъ отпустилъ жену въ Москву, и видѣли въ этомъ непозволительную слабость съ его стороны. Но онъ сдѣлалъ это болѣе по принципу, чѣмъ изъ слабости; онъ находилъ, что дѣтей надо воспитывать въ Москвѣ. Послѣднее время только мнѣніе это, при видѣ огромныхъ тратъ, которыя это за собой повлекло, въ немъ нѣсколько поколебалось. Братъ, замѣтивши въ немъ это радостное для него сомнѣніе, далъ себѣ слово всѣми способами усиливать его. Еслибъ можно было довести его до мысли, что дѣтей надо увезти назадъ, онъ увезъ бы ихъ непремѣнно, а тогда Надеждѣ Николаевнѣ не оставалось болѣе ничего, какъ уѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Она не могла остаться уже потому, что создала себѣ репутацію нѣжной матери. Никто больше ея не выставлялъ на показъ свою любовь къ дѣтямъ. Соловой съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что она попадется теперь въ свои собственныя сѣти.

Digitized by Google

II.

Удивительно, какъ интересы людей, живущихъ въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, идутъ часто врознь и даже наперекоръ одинъ другому. Въ рѣдкомъ семействѣ не бываетъ такъ, что одинъ членъ хочетъ именно того, чего другой не желаетъ, и все это при горячей любви другъ къ другу и часто даже вслѣдствіе этой любви. Отъ любви иной разъ больше дѣлаютъ зла, чѣмъ отъ ненависти, и есть дома, гдѣ всѣ другъ друга обожаютъ и все таки непріятностей не оберешься. А сколько такихъ домовъ, гдѣ прекрасные все люди живутъ, и всѣ у семейнаго очага и всегда все прилично, и никто ничего сказать не можетъ, потому что дурного не видали, а объ хорошемъ не говорятъ! Но копните вы поглубже жизнь этого дома, и какія выплывутъ темныя пятна, какой эгоизмъ и ложь, сколько невидимыхъ горькихъ слезъ!

Домъ Охлыстышевыхъ всегда принадлежалъ къ разряду тѣхъ именно домовъ, про которые въ обществѣ не разсказывается никакихъ исторій. Онъ всегда, какъ декораціей, былъ обставленъ семейнымъ счастіемъ, за которое не могъ еще проникнуть ни одинъ любопытный глазъ. Всю зиму бывали тамъ гости и видѣли дѣйствующихъ лицъ той печальной драмы, которая должна была разыграться весной, и никому въ голову даже не приходило, что тутъ готовится что-нибудь похожее на драму: для драмы нужны страсти, а нигдѣ, казалось бы, не были онѣ въ такомъ загонѣ, какъ у Охлыстышевыхъ. Все было такъ прилично, монотонно и даже скучно.

Генералъ весь вечеръ игралъ въ карты и волновался только, пока партія ему не составилась, но, какъ только партія есть, такъ онъ умиралъ для всего міра. Марья Николаевна смотрѣла за тѣмъ, чтобы лампы были вездѣ оправлены, свѣчи зажжены, чтобы дессертъ былъ поданъ во-время. Всѣ ея мысли только около одного, кажется, и вертѣлись: а ну, сохрани Господь, недосмотръ какой нибудь! Въ разговорахъ она участвовала больше механически, и вдругъ, на самомъ интересномъ мѣстѣ, уносилась куда нибудь въ дальнія комнаты для распоряженій. Глядя на это, невольно какъ-то думалось, что въ ея жизни кромѣ хозяйственныхъ распоряженій и нѣтъ ничего. Кому могло придти въ голову, что она-то именно и будетъ одной изъ главныхъ виновницъ этой драмы, что она-то и ускоритъ печальную развязку ея.

Digitized by Google

Даже красивая Августа никого не наводила на мысль о томъ, чтобы въ жизни ея могло быть что-нибудь интересное. Она была слишкомъ холодна и, многіе говорили даже, скучна. Изъ молодежи никто почти не любилъ ея. Какъ бы привѣтливо она ни улыбалась, въ ея улыбкѣ никогда не было искренности. Она всегда имѣла видъ особы, которую никто рѣшительно не занимаетъ. Объ ней было такое мнѣніе, что—она просто эгоистка, ко всему равнодушная, кромѣ своихъ собственныхъ интересовъ, и наружной любезностью старающаяся прикрыть пустоту своего сердца. Чтобы въ этомъ сердцѣ могли быть какія нибудь страсти, никто даже и не допускалъ. Въ свѣтѣ есть извѣстныя, установившіяся репутаціи людей безстрастныхъ и безсердечныхъ. У нихъ, говорятъ, все—разсчетъ, они такъ и родятся ужь съ заранѣе составленнымъ намѣреніемъ никогда ничѣмъ не увлекаться.

Августа, дѣйствительно, имѣла видъ никогда не увлекающійся: въ ея натурѣ была постоянная, никогда ея не покидавшая сдержанность. Она-то часто и придавала ея поступкамъ видъ разсчета. Какой бы огонь ни горѣлъ въ ней, она никогда его не выдавала. Была ли въ этомъ надобность или нѣтъ, но въ ней всегда таилась извѣстная доля скрытности. Это зависѣло часто отъ ея темперамента.

Кто видѣлъ ее вмѣстѣ съ Соловымъ, никогда бы не угадалъ въ нихъ двухъ влюбленныхъ. Они разговаривали въ обществѣ, смотрѣли одинъ на другого, были внимательны или не внимательны, смотря по тому, что было нужно, но ни взглядомъ, ни словомъ они не выдавали себя. Одинъ дѣлалъ это по необходимости, другая—по привычкѣ. Несмотря на минутные иногда порывы нетерпѣнія, Августа была вполнѣ довольна своей судьбой; скрытность нисколько не была ей въ тягость. Она съ дѣтства почему-то сроднилась съ мыслью, что всякое истинное чувство надо скрывать отъ другихъ, и, чѣмъ сильнѣе былъ ея порывъ, тѣмъ она больше работала надъ собой, чтобы скрыть его ото всѣхъ. Ей нравилась эта внутренняя, ни къ чему не ведущая борьба. Въ ней были и страсти, и сила, чтобы подавить ихъ, но жизнь была пуста, монотонна, бѣдна интересомъ, какъ и жизнь всякой русской дѣвушки. Куда дѣваться со страстями? На что нужна сила? И вотъ, поневолѣ сила эта ушла вся внутрь на безплодную борьбу. Она смотрѣла на жизнь строго, какъ пуританка, и создавала себѣ обязанности тамъ, гдѣ люди ищутъ только наслажденій.

Къ другимъ она относилась такъ же строго, какъ и къ себѣ. Ее удивляло то, что люди такъ легко смотрятъ на жизнь. Ее

Digitized by Google

удивляла также та бездна лжи, какою наполнена наша жизнь. Она отъ природы была очень правдива, но и она должна была лицемѣрить, чтобъ не казаться странной. Она участвовала въ удовольствіяхъ, которыя наводили на нее скуку, участвовала въ разговорахъ, которые удивляли ее своей пустотой.

Въ такихъ сдержанныхъ, трудно увлекающихся натурахъ всякое увлеченіе принимаетъ видъ упорной страсти. Ея любовь, хотя и не имѣла за собой десятилѣтней давности, какъ любовь Надежды Николаевны, но едва ли была слабѣе.

Только она приняла совсѣмъ другой характеръ. Надежда Николаевна требовала одного: взаимности. Подъ этимъ условіемъ она все прощала, даже грубость, даже невниманіе. Еслибы Соловой способенъ былъ бить ее, она бы и это ему простила—она дѣлалась рабой любимаго человѣка. Августа была не такова: она не скрывала своей безграничной преданности, но, въ то же время, была и взыскательна. Она хотѣла, чтобы ея другъ былъ совершенствомъ нетолько въ ея глазахъ, но и въ глазахъ другихъ. Надежда Николаевна рѣшительно этого не понимала.

— Какое мнѣ дѣло, сказала она разъ, когда зашелъ объ этомъ разговоръ:—какое мнѣ дѣло, будетъ ли человѣкъ хорошъ съ другими? Я хочу, чтобы онъ со мной былъ хорошъ.

— Но если другіе не будутъ его уважать? замѣтила Августа.

— Ахъ, а вы думаете, что кого-нибудь изъ насъ уважаютъ? Будьте покойны, что про каждаго изъ насъ разсказываютъ такія вещи, что намъ и во снѣ не приснится. Я, напримѣръ, не знаю ни одной женщины, про которую не разсказывали бы, что она въ интригѣ, по крайней мѣрѣ, съ тремя мужчинами. Вотъ вамъ и уваженіе! Изъ чего же тутъ хлопотать! Я буду самая нравственная женщина, а про меня будутъ разсказывать, что я—чуть не камелія!

— Не надо вѣрить тому, что̀ разсказываютъ.

— Ахъ, мой другъ, чему же вѣрить тогда?

— Тому, что̀ вы сами навѣрное знаете.

— Но, другъ мой, всякая гадость дѣлается тайкомъ; ка̀къ же я могу знать ее навѣрное! Я никогда не была свидѣтельницей какой-нибудь гадости, а, между тѣмъ, я знаю, что ихъ бездна дѣлается въ жизни. Думайте всегда, что люди очень злы. Вы никогда не ошибетесь, если будете думать, что они способны сдѣлать бездну зла.

Надежда Николаевна была почему-то увѣрена, что люди ей сдѣлали въ жизни пропасть зла. Это часто склонны думать тѣ, кто всякій уколъ булавкой принимаютъ за неизлечимую рану.

Digitized by Google

Женщины въ особенности страдаютъ этимъ, и особенно тѣ, которымъ нѐчего дѣлать: если имъ не вò-время отдали визитъ, онѣ дѣлаются мизантропками. Надежда Николаевна насчитывала много такихъ непріятностей въ жизни и тоже стала мизантропкой.

Разговоръ съ Августой тотчасъ же растравилъ ея раны. Она, какимъ-то инстинктомъ, угадывала въ ней ту, которая станетъ ей на дорогѣ. Не Августа возбудила эти подозрѣнія, а самъ Соловой. Надежда Николаевна знала его такъ хорошо, что всякая фальшь въ немъ, невидимая для другихъ, видима была для нея. Она давно уже была на сторожѣ и когда онъ думалъ, что ловко схитрилъ, на дѣлѣ выходило, что онъ сдѣлалъ грубую ошибку. Сначала, когда подозрѣніе было слабое, она прибѣгала и къ намёкамъ, но, когда оно усилилось, она вдругъ замолчала. Она стала собирать улики съ упорнымъ терпѣніемъ, какъ сыщикъ, съ жадностью, но осторожно, стараясь казаться особенно спокойной въ тѣ именно минуты, когда кровь вся кипѣла у нея отъ ожиданія, что, вотъ-вотъ, еще немного—и вся нить будетъ у нея въ рукахъ. Она сама производила слѣдствіе въ томъ дѣлѣ, въ которомъ она же будетъ и судьей, и обвинителемъ. Она подстерегала свою жертву такъ, какъ будто она сама не была тутъ первой жертвой, и съ нетерпѣніемъ ждала той минуты, которая, убивая его, убьетъ и ее, вмѣстѣ съ тѣмъ. Человѣкъ—такое странное созданіе, что находитъ иногда наслажденіе даже въ самой гибели своей.

Августа никакихъ не имѣла подозрѣній насчетъ Надежды Николаевны. Хотя братъ и разсказалъ ей, кàкъ онъ засталъ ее у Солового, но она не придала этому никакого значенія. Чтò было удивительнаго въ томъ, что она, услыхавши объ его болѣзни, прямо съ желѣзной дороги проѣхала къ нему? Всякая сестра поѣхала бы такъ къ больному брату. Августа никогда не сомнѣвалась, что она любитъ его, какъ сестра.

Несмотря на это полное отсутствіе подозрѣній, она, всетаки, не чувствовала никакой симпатіи къ Надеждѣ Николаевнѣ. Ее удивляло это постоянное желаніе рисоваться, вездѣ играть роль, постоянныя рѣчи о себѣ, о своемъ умѣ, о своей красотѣ и своихъ успѣхахъ. О чемъ бы ни начали разговоръ, Надежда Николаевна всегда умѣла свернуть его на себя. Она такъ много разсказывала о себѣ, что забывала часто, чтò говорила вчера, и на другой день говорила совсѣмъ обратное. Нынче жаловалась она на свои несчастія, а завтра разсказывала, что въ ея жизни были все удачи, неудачъ она не знаетъ. И такъ во всемъ: то она говорила, что обязанности матери святы, что мать должна

Digitized by Google

жить только для дѣтей, а то вдругъ начинала говорить, что обязанностей никакихъ нѣтъ.

Стòило только прйдти какому-нибудь неглупому мужчинѣ, какъ она принималась сыпать передъ нимъ парадоксами, собственно только для того, чтобы показать ему, кàкъ она умна. Въ ней такая была смѣсь всякихъ противоположностей, что ясно было одно: никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ, никакихъ принциповъ у нея нѣтъ; ей все равно; она и хорошее, и дурное можетъ сдѣлать одинаково, смотря потому, какой капризъ на нея найдетъ. Какъ и у всѣхъ подобнаго рода женщинъ, сердце у нея было не злое, но она могла сдѣлать много зла.

III.

На другой или на третій день послѣ пріѣзда Ивана Павлыча, генералъ ужь позвалъ его къ себѣ обѣдать. Онъ жить не могъ безъ гостей, хотя, подъ сердитую руку, и говорилъ иногда Марьѣ Николаевнѣ:

— Вы мнѣ, съ своими гостями, надоѣли, матушка. У насъ— не домъ, а трактиръ какой-то: одни входятъ, другіе выходятъ.

Но когда случался такой день, что никто не приходилъ, онъ самъ первый начиналъ зѣвать и вздыхать.

— Чтò это, Господи, скука какая! Умерли, чтò ли всѣ, что ни одна собака не приходитъ.

Если и послѣ этого никто не приходилъ, онъ кричалъ ужь съ досадой.

— Марья Николаевна, да чтò вы все основу снуете? Пошлите, матушка, за кѣмъ-нибудь.

— Да за кѣмъ же, Михаилъ Петровичъ?

— Приведите хоть собаку со двора.

Тогда Марья Николаевна посылала человѣка по всѣмъ знакомымъ, обыкновенно съ такой инструкціей:

— Ступай къ Борису Ѳедоровичу, а если его не застанешь— къ такому-то, а если того не застанешь—къ такому-то... Скажи, что баринъ просятъ къ себѣ, вечерокъ посидѣть...

Иванъ Павлычъ еще не успѣлъ познакомиться хорошенько съ генераломъ, какъ уже получилъ приглашеніе на обѣдъ.

Звали въ четыре, онъ пришелъ въ три, чтобы не заставлять себя дожидаться, но другіе гости пріѣхали въ пятомъ, а Николай Павлычъ позднѣе всѣхъ.

Digitized by Google

— У тебя по какому меридіану часы ходятъ? спросилъ братъ, выглядывая на него изъ-подъ очковъ.

— Какъ по какому?

— У насъ давно ужь четыре, замѣтила Марья Николаевна желчно.

Она изъ себя выходила, когда кто-нибудь пріѣзжалъ не вò-время.

У нихъ съ сестрой было то общее, что онѣ, при малѣйшей оплошности своихъ гостей, два дня потомъ говорили о томъ, что это неделикатно, что они приличій совсѣмъ не знаютъ. У такихъ хозяевъ рѣдко кто не попадетъ въ штрафную книгу. Соловой попалъ первый: пріѣхалъ не вò-время. Но онъ не любилъ, когда ему дѣлали замѣчанія.

— Прошу извиненія, сказалъ онъ холодно.—Впередъ, когда вы будете звать меня обѣдать, я буду пріѣзжать наканунѣ.

Послѣ этого общаго вступленія, разговоръ разбился по частямъ. Всякій сталъ говорить съ тѣмъ, около кого сидѣлъ. Иванъ Павлычъ разсказывалъ генералу про уѣздную жизнь; тотъ ему разсказалъ про лошадей и про службу въ кавалеріи; Надежда Николаевна говорила съ своимъ сосѣдомъ о чувствахъ; Марья Николаевна посадила около себя Отто и жаловалась ему на прислугу. Тотъ, очевидно, даже не слушалъ ея, а только сосредоточенно смотрѣлъ себѣ въ тарелку; мысли его были далеко.

Соловой и Августа сидѣли рядомъ. Эта близость видимо волновала обоихъ. Два существа, которымъ хочется броситься на шею другъ другу и которыя говорятъ о постороннихъ предметахъ, всегда чувствуютъ себя неловко. А любовь истинная, близкая къ обожанію, всегда несмѣлая, только усиливаетъ эту неловкость. Соловой чувствовалъ къ Августѣ именно тотъ родъ любви, въ которомъ больше обожанія, чѣмъ страсти. Она не зажигала въ немъ того огня, который зажигали, въ былое время, взгляды Надежды Николаевны; его не бросало въ жаръ отъ какого-нибудь бѣглаго слова ея, отъ какого-нибудь движенія, полнаго нѣги и томленія. Да у нея и не было такихъ движеній; даже простого кокетства онъ не могъ замѣтить въ ней. Онъ чувствовалъ къ ней какую-то смѣсь обожанія и нѣжности, и безграничной преданности, но въ жаръ его не бросало. Минутами онъ объяснялъ себѣ это тѣмъ, что онъ старѣе становится; минутами ему казалось, что она слишкомъ холодна. Онъ принималъ за холодность ея застѣнчивость, ея неопытность, то, что̀ было слѣдствіемъ самой новизны ея чувства. Только по зна-

Digitized by Google

комой уже дорогѣ человѣкъ идетъ свободно; на новый путь выходитъ несмѣло. Августа сама еще немножко боялась его.

Минутами только, какъ искра пробѣгала между ними мысль, что они горячо любятъ другъ друга. И они невольно, инстинктивно придвигались другъ къ другу, а самое пустое слово звучало безконечною нѣжностью. И вся эта тайная поэзія любви оставалась невидимою для сидѣвшихъ за столомъ, и разговоры лились рѣкою обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ любви. Надежда Николаевна выпила рюмку хересу; потомъ, когда ея сосѣдъ предложилъ ея здоровье, выпила еще полрюмки и, съ раскраснѣвшимися щеками, громко говорила, смѣялась и казалась очень весела. Сверхъ обыкновенія, она была не въ капотѣ, а въ платьѣ, которое сидѣло на ней такъ, точно она съ нимъ вмѣстѣ и родилась. Ея красивая, бѣлая шея выдѣлялась изъ подъ темновишневаго лифа, немножко открытаго напереди. Причесана она была просто, какъ и всегда, и густой цвѣтъ ея волосъ оттѣнялъ только лучше молочную бѣлизну ея лица. Глаза послѣ вина у нея искрились. Она была еще очень хороша и сознавала это; но это не мѣшало ей говорить, что она—старуха и живетъ ужь не для себя. Сосѣдъ посмотрѣлъ при этомъ на ея шелковое, плотное, какъ кардонъ платье, на открытое кружево манишки, на ея браслеты и серьги и согласился, что, дѣйствительно, все это надѣто не для себя, а для другихъ.

На другомъ концѣ стола разсказывали какіе-то ужасы.

— Надя, ты не помнишь, спросилъ ее мужъ:—какъ фамилія того господина, который прошлый годъ у насъ застрѣлился?

— Маковскій! Дуракъ, застрѣлился изъ за какой-то дѣвчонки. Было изъ за кого!

— А у васъ какъ: есть градація, за кого можно стрѣляться и за кого нельзя? спросилъ Соловой.

— Конечно, если все оправдывать такъ, послѣ этого можно застрѣлиться и оттого, что жаркое перегорѣло или на улицѣ погода скверная. Отчего же нѣтъ?

— Иные такъ и дѣлаютъ.

— Съ чѣмъ я ихъ и поздравляю.

— Но, вообще, если человѣкъ рѣшается покончить съ жизнью значитъ жизнь ему невыносима. Тутъ смѣяться не надъ чѣмъ.

— Что дѣлать! я плакать не могу. Если мальчишка, потому что ему дурной баллъ поставили, разочаровывается въ жизни и пускаетъ себѣ пулю въ ротъ, я нахожу, что это смѣшно, и нахожу, что его высѣчь бы слѣдовало—тогда бы онъ не сталъ разочаровываться.

Соловой пожалъ плечами.

Digitized by Google

— Вотъ оно, чисто женское разсужденіе! Въ женщинахъ, я всегда замѣчалъ, недостаетъ трехъ вещей: снисходительности, справедливости и логичности. Я поэтому радуюсь только тому, что у насъ нѣтъ женщинъ-присяжныхъ. Еслибъ у насъ были женщины-присяжные, въ Сибири мѣста бы не хватило. Всѣхъ на каторгу!

— Правда! подтвердилъ Иванъ Павлычъ.—Онѣ ужь спуску не даютъ.

— Я не понимаю, продолжалъ Соловой:—откуда это составившееся понятіе о женской будто бы мягкости! женщины гораздо неумолимѣе насъ. Мнѣ, сколько ни случалось говорить съ ними, хоть бы о томъ же судѣ присяжныхъ, онѣ всегда находятъ, что приговоръ слишкомъ мягокъ. Вотъ, еслибы по старому ноздри рвали и уши рѣзали—это бы на ихъ нервы подѣйствовало, противъ этого онѣ возстали бы. А что человѣкъ лишній годъ въ Сибири сгніетъ, это въ ихъ глазахъ важности никакой не имѣетъ. Двадцать лѣтъ каторги, это, на ихъ глаза—самое нормальное наказаніе! Вообще, мнѣ кажется, что на женщинъ дѣйствуетъ только видъ физической боли: нравственныхъ мученій онѣ понять не могутъ. Я, поэтому, мягкости въ нихъ не признаю. Это—не мягкость, а чувствительность.

— Женщины болѣе строги, потому что онѣ болѣе консервативны, чѣмъ мы, замѣтилъ Иванъ Павлычъ.—Онѣ, по самой природѣ своей болѣе склонны охранять, чѣмъ разрушать; а такъ какъ всякаго рода преступленія представляютъ разрушающій элементъ въ нашей жизни, то онѣ и караютъ ихъ строго.

— Вы, мнѣ помнится, прославляли разъ женщинъ за то, замѣтилъ Отто:—что никто не умѣетъ такъ прощать, какъ онѣ.

Соловой нѣсколько оторопѣлъ; онъ рѣшительно не помнилъ, говорилъ онъ это дѣйствительно, или нѣтъ. «Легко можетъ статься, что и говорилъ», подумалъ онъ.

— Я съ тѣхъ поръ перемѣнилъ свое мнѣніе, объявилъ онъ послѣ минутнаго раздумья.

— Скоро же вы его мѣняете.

— Я теперь думаю, продолжалъ онъ съ удареніемъ:—что женщины не только не обладаютъ особенной какой-нибудь мягкостью, но въ нихъ положительно больше жестокости, чѣмъ въ насъ. Онѣ не способны ни на какое физическое насиліе, но почему? во-первыхъ, потому, что онѣ слабы, а во-вторыхъ—потому, что ихъ нервы физической боли не выносятъ. Мужчина ударитъ васъ полѣномъ по головѣ, пуститъ въ васъ чѣмъ попало; женщина этого не сдѣлаетъ, но она будетъ васъ точить, поѣдомъ ѣсть, будетъ васъ пилить, пока не распилитъ пополамъ.

Digitized by Google

— Ты такъ говоришь, отозвался братъ:—точно ты женатъ и тебя жена десять лѣтъ точитъ и поѣдомъ ѣстъ.

«Я хуже, чѣмъ женатъ!» подумалъ Соловой.

— Что мы его не женимъ, въ самомъ дѣлѣ, Надя? продолжалъ братъ.—Это—твое бы дѣло было смотрѣть.

— Отчего же это мое? ты замѣтилъ во мнѣ какую-нибудь особенную склонность къ сватовству?

— Ты по свадьбамъ любишь ѣздить, я знаю.

— Ты думаешь, что я твоего брата женила бы собственно изъ удовольствія быть на его свадьбѣ?

— Позвольте, однакожь, вступился Соловой:—мнѣ кажется, тутъ и меня не мѣшало бы спросить.

— Васъ? перебила Надежда Николаевна.—Зачѣмъ? ваше мнѣніе давно уже извѣстно. Вы всегда были противъ женитьбы Вы съ тѣхъ поръ, какъ я знаю васъ, всегда говорили, что связывать себя съ женщиной законнымъ порядкомъ есть величайшее зло для человѣка! что давать ей какія-нибудь права надъ собою... Боже сохрани! ничего не можетъ быть хуже. Женщина хороша только тогда, когда надъ ней есть гроза, когда она знаетъ, что ее каждую минуту могутъ бросить, что малѣйшее что-нибудь—и сейчасъ же на всѣ четыре стороны! на ея мѣсто другія найдутся! Съ такой женщиной сойтись и безопасно, и пріятно. Съ ней знаютъ свои права, но обязанностей никакихъ! А есть люди, которые очень любятъ свои права, но объ обязанностяхъ какъ-то стараются забывать.

— Это вы все къ чему же клоните? спросилъ Соловой.

— А къ тому, что вы до сихъ поръ были всегда, кажется, такого мнѣнія—вотъ, какъ я сейчасъ говорила—что женщины хороши только тѣ, которыхъ можно бросить.

Соловой слегка покраснѣлъ.

— Это вы, по обыкновенію, истолковали такъ, какъ вамъ было угодно. Я ничего подобнаго не говорилъ.

— Я не знаю, продолжала она съ какой-то неестественной улыбкой:—можетъ быть, вы съ тѣхъ поръ перемѣнили свое мнѣніе. Я говорю о томъ, что было прежде; теперь я не знаю... Прежде, по крайней мѣрѣ, вы были противъ женитьбы; съ тѣхъ поръ, вы, можетъ быть, нашли въ ней какія-нибудь особенныя прелести. Въ такомъ случаѣ, я прошу васъ вывести меня изъ заблужденія. Мнѣ очень пріятно было бы услыхать, что ваши взгляды перемѣнились. Вы думаете теперь о женитьбѣ? да?

— О женитьбѣ вообще или о моей въ частности?

— О вашей въ частности.

«Какова травля!» подумалъ онъ.

Digitized by Google

— Я смотрю на это съ двухъ точекъ зрѣнія, началъ онъ, доставая изъ кармана носовой платокъ:—какъ юристъ и какъ частный человѣкъ. Какъ юристъ, я нахожу, что нашъ бракъ, по существующимъ у насъ законамъ...

— Э, нѣтъ, вы уклоняетесь! крикнулъ генералъ.

— Мы спрашиваемъ о вашемъ бракѣ, сказала Надежда Николаевна:—а не о существующихъ законахъ.

«Убилъ бы я тебя съ удовольствіемъ!» подумалъ онъ, глядя на ея красивое, разгорѣвшееся лицо. Красота ея только усиливала чувство ненависти къ ней, испытываемое имъ въ эту минуту. «Неужели я могъ любить ее?» спросилъ онъ себя съ содроганіемъ.

— Такъ какъ мой бракъ долженъ совершиться по существующимъ у насъ законамъ, сказалъ онъ съ разсчитанной холодностью:—то я не могу говорить о немъ, не упоминая объ этихъ законахъ.

Надежда Николаевна поглядѣла на него такъ, что онъ одинъ только и понялъ этотъ взглядъ.

— Скажите лучше прямо, что вы не хотите отвѣчать на вопросъ.

— Нѣтъ, вѣрнѣе вы не хотите слушать моего совѣта. Вы видите, что я въ своемъ отвѣтѣ буду послѣдователенъ, а вы послѣдовательности терпѣть не можете.

Марья Николаевна нѣсколько разъ мѣнялась въ лицѣ и нарочно обращалась съ разными приказаніями къ прислугѣ, чтобы никто не видалъ ея волненія. Весь этотъ разговоръ казался ей опасной игрою. Она видѣла и понимала тайное раздраженіе сестры, которое другіе объясняли тѣмъ, что она выпила больше, чѣмъ слѣдовало.

— Я не знаю, отчего Николай не женится, продолжалъ Иванъ Павлычъ.—Я ему давно говорилъ: чего ты смотришь? возьми какую-нибудь дуру, да женись.

— Отчего же дуру? спросилъ генералъ.

— Ему иначе нельзя жениться, какъ на дурѣ. Онъ—деспотъ ужасный. Умная ему не смолчитъ; та сама пойдетъ разсуждать, а ему надо такую, чтобы пришелъ онъ, разнесъ ее хорошенько—она молчитъ. Почему это не сдѣлано? почему-то? другое?—молчитъ. Вотъ тогда у него сердце отойдетъ; потомъ съ ней цѣловаться будетъ.

— Слышите? сказалъ генералъ.—Слышите, какъ онъ васъ описываетъ?

— Да! отозвался Соловой.—Онъ вѣдь, меня, лучше знаетъ.

— А что-жь, я тебя не знаю, ты скажешь? Да вотъ постой-

Digitized by Google

те! Ѣхалъ я какъ-то по желѣзной дорогѣ, сѣлъ я во второй классъ, публики много сидитъ. Приходитъ въ вагонъ купчикъ: за галстухомъ есть, въ полсвиста, что̀ называется, кричитъ: «пошли всѣ вонъ! Я плачу̀ за весь вагонъ одинъ!» Такъ и Николай Павлычъ. Онъ этого не сдѣлаетъ, потому что онъ—человѣкъ образованный, но натура у него такая, какъ и у этого купчика. То же самодурство, только въ другой формѣ. Непремѣнно надо на своемъ поставить. Разумно ли, неразумно ли, а чтобы на своемъ!

— Да, вѣдь, если на то пошло, такъ и ты отъ этого не прочь.

— Э, нѣтъ: я другихъ никогда не трогаю, а ты любишь, чтобы другіе по твоему дѣлали. Вотъ я давича пошелъ сюда въ три часа, жена говоритъ: иди въ четыре, зачѣмъ рано идешь? а я все-таки пошелъ въ три. А ты... ты бы вотъ что̀ сдѣлалъ: ты бы самъ, пошелъ, въ пять и жену бы заставилъ въ пять идти.

— Такъ и должно! замѣтилъ генералъ.—Такъ и должно.

Онъ всегда былъ того мнѣнія, что женщинамъ воли не слѣдуетъ давать, и всегда думалъ, что онъ въ домѣ—господинъ, не замѣчая, что Марья Николаевна дѣлаетъ изъ него, что̀ хочетъ. Ивана Павлыча, познакомившись съ нимъ поближе, онъ никакъ не могъ понять. Самъ онъ былъ такого темперамента, что любилъ и крикнуть, и пугнуть, и того, кто не умѣетъ ни крикнуть, ни припугнуть, онъ даже и за мужчину не считалъ. Всѣ мужики, мастеровые, прислуга были въ его глазахъ скоты, съ которыми безъ брани ничего не сдѣлаешь. Иванъ Павлычъ, хотя и не оспаривалъ, что скоты есть, и даже не мужики только, но есть и въ образованномъ сословіи, но говорилъ, что къ брани все-таки прибѣгать не слѣдуетъ.

— Въ зубы имъ дать! настаивалъ генералъ.—Нынче народъ такой, что, если ему въ зубы не дать, такъ онъ къ тебѣ въ гостинную влѣзетъ и съ грязными сапогами сядетъ на диванъ. Скажи ему вѣжливо—онъ тебѣ на одно твое слово сорокъ! А крикни на него: ахъ ты, распротоканалья! Да я тебя... Да ты у меня!.. Онъ сейчасъ: виноватъ, ваше благородіе!

— Зачѣмъ же кричать? говорилъ Иванъ Павлычъ.—Я имъ всегда вѣжливо говорю: ступайте вонъ!

— Вѣжливо!?

— Вотъ такъ, какъ я теперь съ вами говорю.

— Ну, а если къ вамъ какая-нибудь скотина въ домъ влѣзетъ, какъ ко мнѣ недавно одинъ газопроводчикъ влѣзъ?

— Къ вамъ одинъ газопроводчикъ, а ко мнѣ не одинъ являл-

Digitized by Google

ся. У меня такая служба, что всякій лѣзетъ и всякій говоритъ вздоръ. Я сначала слушаю, потомъ гоню вонъ, но всегда вѣжливо. По вашему дѣлу, говорю, ничего сдѣлать не могу, можете отправляться. «Да какъ же, да помилуйте...» — Сами хотите идти или хотите, чтобы я васъ вывелъ? — Бо̀льшею частію, сами уходятъ.

— А ежели не уйдетъ?

— Вытолкаю за двери. Это даже закономъ разрѣшается: изъ своей собственной квартиры съ легкимъ насиліемъ можно вывести. Только я всегда это хладнокровно дѣлаю.

«Вретъ! подумалъ генералъ.—Что̀ онъ намъ тутъ сказки-то разсказываетъ! У себя въ деревнѣ навѣрное бьетъ всѣхъ по зубамъ».

Но ничто пока не подтверждало этой мысли: Иванъ Павлычъ отличался необыкновенно ровнымъ характеромъ. Никто не слыхалъ даже, чтобы онъ на дѣтей крикнулъ, а дѣти, это—пробный камень, по которому сейчасъ можно испытать терпѣніе человѣка. Дѣти гораздо больше боялись дяди, чѣмъ отца. Дядя иногда придетъ суровый, нахмуренный — и тогда навѣрное и имъ достанется, и матери.

Отецъ, если и серьёзенъ иногда, то все больше молчитъ и никого не трогаетъ, не любитъ только, чтобы къ нему приставали, но и тутъ скажетъ:

— Идите по мѣстамъ! что̀ вы тутъ вертитесь!

И больше ничего. Когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа, то самъ играетъ съ дѣтьми, дразнитъ ихъ и потомъ утѣшаетъ. Дядя развѣ только заставитъ бѣгать при себѣ или проэкзаменуетъ слегка.

И генералъ любилъ иногда позабавиться съ дѣтьми, но если онъ былъ не въ духѣ, то приказывалъ ихъ сейчасъ же убирать куда-нибудь подальше.

Когда онъ, отдавая визитъ Ивану Павлычу, увидалъ, что у того кабинетъ рядомъ съ дѣтской, гдѣ весь день няньки потрясали мѣдными тазами, пѣли колыбельныя пѣсни и разсказывали дикія сказки, онъ въ себя не могъ придти отъ изумленія.

— Ка̀къ это вы тутъ занимаетесь?

— А что̀ такое?

— Да при такомъ гвалтѣ?

— Онъ мнѣ не мѣшаетъ.

— Да мнѣ бы въ голову ничего не пошло. Это все равно, что цѣлый день барабанный бой у себя въ головѣ слышать.

Digitized by Google

— А я такъ даже засыпаю подъ этотъ шумъ съ удовольствіемъ. Послѣ обѣда ляжешь, славно такъ!

«Просто: ему жена комнаты не дала!» рѣшилъ генералъ. И ко всему, что̀ бы Иванъ Павлычъ ни говорилъ, онъ относился съ недовѣріемъ. Ему казалось, что это онъ тутъ только такъ прикидывается, а тамъ, у себя, онъ—совсѣмъ другой. «Навѣрное всѣхъ по зубамъ бьетъ! утѣшалъ онъ себя.—Съ легкимъ насиліемъ, видите ли, изъ квартиры выводитъ. Знаемъ мы это! Полспины отбилъ у того, кого выводилъ, да потомъ и говоритъ: съ легкимъ насиліемъ!»

Генералъ судилъ по себѣ, что онъ въ такомъ случаѣ непремѣнно бы отбилъ полспины.

Когда случалось, что которая-нибудь изъ дамъ поднимала пальбу, Иванъ Павлычъ всегда сидитъ и смѣется. Марья Николаевна его за это не любила.

— Ну, что̀ вамъ смѣшно? говорила она съ озлобленіемъ.

— Да ка̀къ же не смѣшно-то! Зачѣмъ вы на стѣну лѣзете?

— Я не на стѣну лѣзу, а я должна взыскать, потому что, если я взыскивать не буду, такъ больше некому за домомъ смотрѣть. Здѣсь всѣ—господа. Я одна, какъ поденщица какая-нибудь, и туда посмотри, и сюда посмотри!

— Такъ вы и смотрите. Чего же вы кричите-то?

— Да что̀ вы меня учите, въ самомъ дѣлѣ!

— Я васъ не учу. Вы сами меня спросили, что̀ мнѣ смѣшно.

Такъ же совершенно относился онъ и къ женѣ, и къ брату. Тѣ ужь такъ и знали, что напрасно было бы ожидать отъ него сочувствія. Разсерженный человѣкъ всегда жаждетъ съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ негодованіемъ, и поддержите его тогда хоть немножко, онъ сейчасъ же почувствуетъ облегченіе. Скажите ему, что: да̀, ахъ дѣйствительно какой подлецъ! или: ахъ какой гнусный поступокъ! — онъ ужь гораздо лучше себя чувствуетъ. Но Иванъ Павлычъ никогда этого не дѣлалъ; онъ никогда не соглашался, что кто-нибудь—подлецъ. Онъ, напротивъ, спрашивалъ:

— Зачѣмъ же вы на стѣну-то лѣзете?

Разъ, при немъ брату подали письмо отъ кого-то изъ начальства. Письмо было написано на сѣромъ полулистѣ и состояло въ приказаніи кого-то отыскать и куда-то явиться. Николай Павлычъ взялъ и написалъ отвѣтъ тутъ же на оборотѣ и этотъ же сѣрый листъ отправилъ съ посланнымъ назадъ.

— Впередъ вѣжливѣй будетъ дуракъ! сказалъ онъ при этомъ.

— А вѣдь ты на него разозлился, замѣтилъ братъ.

Digitized by Google

— Я на своемъ вѣку выучилъ не одного болвана, сказалъ Николай Павлычъ раздражительно.

— Нѣтъ, да зачѣмъ же ты злишься-то?

— А по твоему я какъ долженъ поступать? въ рамку это письмо вставить?

— Да вѣдь ты ужь отвѣтилъ на него.

— Ну?

— Такъ зачѣмъ же ты злишься-то?

IV.

Со всякимъ изъ насъ случалось, что несчастіе, которое должно бы, казалось, забыться только въ могилѣ, по мѣрѣ удаленія отъ него, все уменьшалось въ размѣрахъ, пока не оставалось, наконецъ, на горизонтѣ въ видѣ маленькой, чуть замѣтной точки. Съ явленіями нашего внутренняго, невидимаго міра бываетъ тоже, что̀ и съ видимыми предметами: они кажутся велики только вблизи. Уходите отъ нихъ, и они непремѣнно уменьшаются въ объемѣ, блѣднѣютъ, теряютъ яркость красокъ. Одно убѣжденіе, что никто изъ насъ не обреченъ здѣсь на вѣчныя страданія, должно бы поддерживать всякаго, кто, подчиняясь моменту, считаетъ свои счеты съ жизнью поконченными. Сколько самоубійцъ, еслибъ дали себѣ трудъ подумать объ этомъ, наслаждались бы жизнью послѣ того, что̀ казалось имъ послѣдней ступенью бѣдствій, за которой никакія радости уже невозможны.

Человѣкъ, привыкшій съ дѣтства работать надъ собой, какія бы бѣдствія ни постигли его, всегда потомъ очнется. Въ такомъ именно положеніи былъ и Отто. Онъ такъ много читалъ о законахъ, управляющихъ человѣческимъ духомъ, что идея о самоубійствѣ была имъ скоро оставлена. Всякій, кто заглядывалъ въ необъятную даль науки и оттуда съ безконечной вышины смотрѣлъ на крошечныя страсти человѣка, невольнымъ проникался удивленіемъ къ тому, изъ-за чего люди бьются, чего они хотятъ. Хотя минутно, а это чувство непремѣнно охватывало его. Этимъ спасенъ былъ и Отто, у котораго рука не дрогнула бы, чтобы разбить себѣ черепъ. Но онъ сталъ представлять себѣ, какія мысли могутъ еще шевелиться въ этомъ уцѣлѣвшемъ черепѣ. Еслибъ это были только мысли о любви, онъ тотчасъ же, не задумываясь, разбилъ бы эту клѣтку съ мозгомъ, какъ старый, негодный ящикъ. Но развѣ, кромѣ любви, той узкой любви, которая, прилѣпившись къ одному человѣку, забываетъ весь

Digitized by Google

міръ, всю его необъятную, безконечную ширь и уходитъ, какъ въ щель, въ свои чувства—развѣ, кромѣ, этого эгоизма нѣтъ больше интереса въ жизни? Развѣ не можетъ человѣкъ жить одной головой, отказавшись отъ всякихъ привязанностей? Стòитъ только поставить себѣ цѣль впереди и искать ее въ наукѣ и въ работѣ, а съ людьми какъ можно меньше сближаться. Додумавшись до этого, Отто сталъ спокойнѣе. Съ сердца у него спало то желѣзное кольцо, которое до сихъ поръ держало его въ своихъ тискахъ. Двѣ недѣли боролся онъ съ мыслью о смерти, и все это время въ немъ было два человѣка; одинъ говорилъ: кончай скорѣй; весь міръ—одна большая могила! Другой говорилъ: вздоръ! ты просто сбился съ дороги! Второй голосъ былъ правъ, онъ вышелъ, наконецъ, на дорогу. Послѣ одной ночи, которую онъ проспалъ лучше, чѣмъ другія, онъ вдругъ проснулся съ обновленнымъ духомъ. Перемѣна была странная, непонятная для него самого: онъ чувствовалъ не одно только нравственное, но и физическое обновленіе. Первый разъ послѣ того, какъ онъ укралъ письмо, онъ могъ работать. Онъ работалъ до обѣда и потомъ пошелъ на улицу. Странно! Москва была уже не могила, какою она казалась ему до сихъ поръ, а была обыкновенная Москва съ церквами, съ трактирами, съ обывательскими домами въ пять оконъ и съ узкими улицами, на которыхъ снѣгъ лежалъ, какъ вспаханный. Вчерашняя Москва была могила, а эта—нѣтъ. Онъ хотя и съ трудомъ еще, но начиналъ понимать, почему люди могутъ ходить по улицамъ, продавать, покупать, почему имъ можетъ даже весело быть. Прошло еще два дня — и онъ сталъ уже читать, еще день—и онъ понималъ то, чтò читаетъ. Онъ чувствовалъ тогда совершенно то же, чтò чувствуетъ человѣкъ, который первый разъ послѣ горячки пробуетъ пройтись по комнатѣ: онъ былъ счастливъ.

Онъ сталъ опять работать такъ, какъ работалъ прежде, еще до знакомства своего съ Охлыстышевыми, когда ему случалось по двѣ, по три недѣли не видать лица человѣческаго, кромѣ развѣ работницы, которая приносила ему ѣсть; когда ему случалось отъ зари до зари сидѣть, не разгибаясь, за чертежами, или жить по мѣсяцу гдѣ-нибудь въ товарномъ вагонѣ, потому что жилыя помѣщенія на линіи еще не готовы, а кругомъ, кромѣ степи, и нѣтъ ничего. Въ немъ вдругъ проснулась прежняя жажда этихъ степныхъ работъ, когда за день уходишься такъ, что ногъ подъ собой не чувствуешь, за то чувствуешь, что голова крѣпко на плечахъ сидитъ и нѣтъ желанія разбить ее объ стѣну. Опять прежнимъ ключомъ забила въ немъ любовь къ простору, къ далекой-далекой глуши, гдѣ нѣтъ опасности

Digitized by Google

встрѣтиться съ цивилизованнымъ человѣкомъ, гдѣ не говорятъ объ итальянской оперѣ, о процессѣ игуменьи Митрофаніи и объ выигрышныхъ займахъ, гдѣ нѣтъ красивыхъ женщинъ, гдѣ не играютъ въ карты и не пишутъ любовныхъ писемъ. Отто рѣшилъ взять у цивилизованнаго общества только книги, бросить ему все остальное и бѣжать отъ него безъ оглядки въ далекія степи. На счастье его, Россія была велика: уйти есть куда. На одной изъ дальнихъ окраинъ съ весны начинались изысканія. Отто сталъ хлопотать о томъ, чтобы перейти туда. На этотъ разъ счастье повезло ему, и, несмотря на то, что ему перебивали дорогу двое извѣстныхъ въ инженерномъ мірѣ подлецовъ, мѣсто осталось за нимъ. Когда назначеніе его было рѣшено, всѣ въ одинъ голосъ закричали, что вотъ онъ, честный будто-бы человѣкъ, что не можетъ быть, чтобы туда честнаго человѣка назначили, что тутъ явная интрига, хотя едва-ли было на свѣтѣ существо, менѣе способное къ интригѣ, чѣмъ онъ. Когда всѣ думали, что онъ интригуетъ и ѣздитъ по переднимъ вліятельныхъ особъ, онъ сидѣлъ у себя дома и читалъ Герберта Спенсера или теорію якобіевыхъ функцій. Онъ разъ только, и то съ отвращеніемъ, поѣхалъ къ тому лицу, отъ котораго зависѣло его назначеніе. Послѣднее время онъ даже у Охлыстышевыхъ сталъ рѣдко бывать.

Одно только мучало его—это воспоминаніе объ украденномъ письмѣ. Когда человѣкъ сдѣлалъ нѣсколько подлостей, онъ не такъ мучается, какъ тогда, когда онъ сдѣлалъ одну только подлость. Первый шагъ во всемъ, говорятъ, памятенъ, но когда онъ, въ тоже время, остается и послѣднимъ, и, слѣдовательно, безполезнымъ, неизгладимыми чертами врѣзывается въ нашей памяти. Отто, сколько ни думалъ, ни до чего не могъ додуматься: письмо украдено, что̀ бы тамъ ни говорили, и навѣки утрачено право глядѣть въ глаза тому, кому оно принадлежало. Онъ и разорвалъ его, и сжегъ его потомъ, но оно и сожженое оставалось все-таки краденымъ письмомъ. Онъ долго мучился этимъ; наконецъ, пошелъ и открылъ все Августѣ. Онъ самъ не помнилъ, что̀ онъ ей говорилъ, съ чего онъ началъ, чѣмъ онъ кончилъ, но онъ все ей сказалъ безъ утайки. Она слушала его молча и ни разу даже не взглянула на него. Но когда онъ сказалъ ей:

— Я пришелъ проститься съ вами. Мы съ вами, можетъ быть, больше ужь не увидимся.

Она протянула ему руку и едва могла выговорить отъ волненія.

— Еслибъ въ моей власти было полюбить васъ, я бы никого, кромѣ васъ, не полюбила. Вы считаете себя глубоко вино-

Digitized by Google

ватымъ передо мною; но я на вашемъ мѣстѣ, можетъ быть, такъ же бы поступила.

Она никогда бы такъ не поступила, но говорила это въ утѣшеніе ему. Она сама была такъ счастлива, что ей ничего не стоило сказать эти нѣсколько словъ, бросить ихъ, какъ крупинку, голодному человѣку. Она не предвидѣла тогда, какъ скоро ей самой придется испытать всю горечь такихъ утѣшеній и все ея воображаемое счастіе разлетится въ дребезги.

— Могу-ли я надѣяться, спросилъ ее Отто:—что вы, дѣйствительно, простили мнѣ?

— Мнѣ нѐ въ чемъ васъ прощать: вы мнѣ никакого зла не сдѣлали. Кàкъ я могу судить васъ! Вы и безъ этого такъ...

Она хотѣла сказать «несчастны», но запнулась и покраснѣла. Онъ понялъ ее и тоже покраснѣлъ.

— По крайней мѣрѣ, я буду знать, что вы счастливы. Это для меня хоть будетъ утѣшеніемъ.

Онъ лгалъ: что она счастлива—это для него нисколько не было утѣшеніемъ. Онъ хотѣлъ, правда, достичь этого, но не достигъ. Такъ, люди правдивые не могутъ иногда удержаться, чтобъ не обмануть себя сами.

— Дà, я счастлива; мнѣ не для чего скрывать этого отъ васъ. Дà, я счастлива тàкъ, какъ дай вамъ Богъ быть счастливымъ когда-нибудь. Никто не желаетъ вамъ этого такъ, кàкъ я.

— Не желайте; не нужно! сказалъ онъ съ горечью.—Я впередъ знаю, что никакого счастья нѣтъ. Чтò себя обманывать!.. Впрочемъ, кàкъ понимать его. Мы съ вами теперь его разно понимаемъ. Для меня теперь—гдѣ поменьше людей, тамъ и счастье. Если вы этого мнѣ желаете... Да, впрочемъ, все равно, отъ желанья вѣдь не сбудется.

Августа молчала. Она не знала, чтò сказать ему на это. Она инстинктивно чувствовала, что утѣшенія глупы.

— А вы, вотъ... Вы потомъ будете еще счастливѣй, продолжалъ онъ, упорно остановившись на одной мысли.

— Почемъ знать! сказала она задумчиво.

— Вы сомнѣваетесь? Это хорошо... То есть, не потому хорошо, что это такъ и случится—нѣтъ, а потому что сомнѣніе это... кàкъ бы вамъ сказать... это вообще хорошо. Увѣренность не хороша!

— Вы скоро ѣдете? спросила Августа, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Не знаю; это не отъ меня зависитъ. Кàкъ пошлютъ.

— Вамъ не жалко Москвы?

— Еслибъ мнѣ Москву всю сейчасъ подарили, чтобъ я толь-

Digitized by Google

ко остался въ ней мѣсяцъ лишній, такъ я бы навѣрное не остался.

— Мнѣ жаль только, что вы ѣдете въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ людей.

— Въ такое мѣсто, гдѣ есть люди, я бы и не поѣхалъ. Мнѣ именно и нужно, чтобы людей-то не было.

Она опять смолчала; о себѣ ей говорить не хотѣлось, а ему она не знала что̀ сказать. Еслибъ она могла заглянуть къ нему въ душу, она увидала бы, чего ему хочется: онъ сгаралъ желаніемъ узнать имя того, кто далъ ей это безконечное счастіе. Но изъ деликатности онъ не рѣшался даже намекнуть ей на это.

«Неужели она не скажетъ мнѣ сама? думалъ онъ.—Неужели она лишитъ меня этого послѣдняго утѣшенія—узнать хоть имя того, кто отнялъ ее отъ меня?»

Но она далека была отъ мысли, что ему такъ нужно это. Она, тоже изъ деликатности, избѣгала говорить о себѣ и о своей любви. Такъ она и простилась, не договорившись ни до чего, такъ онъ и ушелъ, не узнавши того, чего ему хотѣлось. Августа думала, что онъ передъ отъѣздомъ еще разъ придетъ, но онъ больше не пришелъ. Онъ уложилъ въ ящикъ всю умозрительную и позитивную философію, собралъ всѣ свои телескопы, чертежи, инструменты и, ни съ кѣмъ не простившись, ни у кого не побывавши, не дождавшись даже открытія навигаціи, которая сократила бы ему дорогу, уѣхалъ въ свой дальній путь.

Такъ какъ у него ни друзей, ни родственниковъ въ Москвѣ не оставалось и онъ отъ роду ни съ кѣмъ не переписывался, то съ его отъѣздомъ прекратились и всякіе слухи объ немъ. Живъ онъ или умеръ—никто этого не зналъ. Никто его даже и не вспоминалъ.

V.

Соловой съ ужасомъ сталъ замѣчать, что въ немъ нѣтъ той рѣшимости, которая необходима для успѣха. Но еще болѣе ужаснуло его открытіе, что и самая любовь его къ Августѣ едва ли была такъ необъятна и безгранична, какъ показалось ему сначала. Онъ теперь только понялъ, что такая любовь была совсѣмъ даже не въ его натурѣ. То, что̀ связывало его до сихъ поръ съ Надеждой Николаевной, было сначала увлеченіемъ, а потомъ привычкой; безумной страсти съ его стороны и тутъ никогда не было: онъ любилъ ее потому, что она была молода,

Digitized by Google

красива, но болѣе всего потому, что она его безумно любила. Въ его сердцѣ гораздо больше было потребности внушать кому нибудь безумную страсть, чѣмъ самому ее испытывать. Бросившись очертя голову въ свою новую любовь, онъ не сразу замѣтилъ, что это—совсѣмъ не его сфера. Постоянная любовная лихорадка, которая одна только и могла бы поддерживать его среди всѣхъ тревогъ и сомнѣній его фальшиваго положенія, была ему мало знакома. Когда Августа была близко, онъ чувствовалъ, правда, какую-то безконечную привязанность къ ней, но когда ея не было около него, онъ думалъ больше всего о томъ, въ какія непроходимыя болота онъ зашелъ и чѣмъ это все можетъ кончиться. Онъ боялся скандала; боялся, чтобы не открылась его интрига съ женою брата.

Самолюбіе заговорило въ немъ громче всего. Его нестолько пугала мысль, что разбито будетъ счастіе его брата, сколько то, что братъ скажетъ ему: «ты—подлецъ!» и ему нѐчего будетъ отвѣтить на это. А самолюбіе, это—такая сила, передъ которой всѣ другія, даже и любовь, ничего не значатъ. Соловой, хотя и не признавалъ себя самолюбивымъ, но былъ самолюбивъ до болѣзненности. Онъ всегда говорилъ, что законовъ себѣ предписывать никому не позволитъ; въ дѣйствительности же, онъ очень дорожилъ тѣмъ, что̀ скажетъ про него общество. Августа была ему дорога, но его собственная репутація была ему еще дороже.

Правда, когда онъ читалъ ея письма или встрѣчался съ ней взглядомъ, онъ чувствовалъ даже что̀-то похожее на истинную, глубокую страсть. У него было иногда желаніе броситься къ ея ногамъ и признаться ей во всемъ, даже въ своей позорной нерѣшимости, и просить ея поддержки, ея снисхожденія, просить ее, чтобы она вдохнула въ него тотъ огонь, который такъ замѣтно гаснетъ въ немъ. Но все это такъ и оставалось только порывами. Онъ приходилъ домой охлажденный, усталый, съ какой-то странной пустотой въ сердцѣ и проклиналъ себя за то, что не можетъ продлить эти чудныя минуты.

Въ такомъ настроеніи проводилъ онъ цѣлые дни. Въ судѣ даже замѣтили, что онъ какъ-то опустился. Дѣла̀ онъ велъ не съ тайнымъ ехидствомъ, какъ прежде, когда про него говорили, что онъ—самый ехидный изо всѣхъ прокуроровъ, а какъ-то индиферентно. Даже видъ онъ имѣлъ на судѣ такой, что многіе думали: прокуроръ спитъ.

Часто случалось ему спрашивать:

— Свидѣтель Степанъ Григорьевъ, не находитесь ли вы въ какихъ-нибудь степеняхъ родства съ подсудимымъ?

Digitized by Google

И, въ то же время, думать: «какъ бы нынче Надежда Николаевна не пріѣхала! Изъ суда прямо домой не пойду; она, какъ разъ—тамъ».

И потомъ еще немного погодя:

— Свидѣтельница Акулина Макарова, въ какомъ видѣ нашли вы вашъ сундукъ, когда вамъ пришли сказать, что замокъ сломанъ?

А про себя опять: «въ какомъ мѣсяцѣ свадьба? Дальше іюня нельзя оттянуть. Чортъ ее знаетъ, однако, что она тамъ про сундукъ говоритъ!»

И онъ, сдѣлавши усилія, припоминалъ ея слова: звуки остались въ головѣ, и онъ послѣ ужь возсоздавалъ ихъ смыслъ и начиналъ тогда только понимать, что баба говорила про сундукъ, когда защитникъ спрашивалъ ее ужь, гдѣ она въ этотъ день ночевала. Такимъ образомъ, часто случалось ему отставать на двѣ, на три фразы и потомъ ужь, очнувшись, нагонять ихъ. Быстрота мысли иногда выручала его, но чаще случалось, что онъ не могъ ужь поймать нити.

Бывало, что вдругъ говорятъ о сапогахъ, и онъ не знаетъ, зачѣмъ тутъ сапоги. Онъ начинаетъ внимательно прислушиваться, но сапоги ужь кончились.

Всѣ, наконецъ, замѣтили его разсѣянность.

— Нынче прокуроръ или дремалъ, или что-нибудь глубоко обдумывалъ, замѣтилъ разъ предсѣдатель, удивленный тѣмъ, что онъ не входитъ съ судомъ въ пререканія. Прежде ни одного дѣла не проходило безъ того, чтобы онъ не вошелъ съ судомъ въ пререканія.

Разъ какъ-то, Соловой особенно былъ не въ духѣ и съ досады накаталъ въ судебную палату цѣлую бумагу, за которую потомъ, по собственному сознанію, пошелъ бы подъ судъ, еслибъ не помѣшало ему отправить ее совершенно постороннее обстоятельство: къ нему пришелъ братъ. Пришелъ, поздоровался и молча сѣлъ.

Соловой продолжалъ-было строчить свою злостную бумагу, но братъ какъ-то странно сталъ вздыхать. Онъ посмотрѣлъ на него: у брата выраженіе было какое-то неестественное.

— Ты нынче былъ у кого-нибудь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нигдѣ не былъ.

И опять сталъ молчать. Соловой продолжалъ писать въ палату; ему ясно было, однакожь, что у брата есть что-то на душѣ. Спрашивать онъ все-таки не сталъ: у нихъ не было въ привычкѣ распрашивать другъ друга. Каждый думалъ въ этомъ случаѣ: если что нужно сказать, самъ скажетъ.

Digitized by Google

— Вотъ, началъ Иванъ Павлычъ издалека:—какія есть гадины на свѣтѣ!

«Мало ли ихъ!» подумалъ Соловой и продолжалъ писать. Ему почему-то показалось, что братъ разстроенъ денежными дѣлами, хотя онъ долженъ былъ знать, что денежныя дѣла никогда не доводятъ его до озлобленія, а онъ именно былъ въ озлобленномъ настроеніи.

— Это—такія пресмыкающіяся, низкія животныя, которыя дневнаго свѣта боятся, а ждутъ ночи, потемокъ, чтобы укусить васъ потихоньку, гдѣ-нибудь сзади, въ пятку, если можно!

Николай Павлычъ вдругъ поднялъ голову. Нѣтъ, это не объ деньгахъ шла рѣчь; что такое могло случиться?

— И вѣдь безсильная какая злоба! Что они думаютъ сдѣлать? убить человѣка? Бей его открыто. Покажи свою гадкую рожу! не стыдись показать ее при всѣхъ! Коли и тебя побьютъ—а, что дѣлать! Всякому по заслугамъ.

«Что съ нимъ?» думалъ Соловой, глядя на его искаженное лицо. Онъ никогда еще не видѣлъ его такимъ, и бумага въ палату разомъ выскочила у него изъ головы.

— Подлость бываетъ разная, продолжалъ братъ.—Есть подлость изъ-за куска хлѣба, интереса, когда надо другого съ дороги столкнуть. Эту я понимаю. Есть еще подлость изъ-за ненависти, когда злѣйшему своему врагу мстятъ, не разбирая уже средствъ. И эту я понимаю. Но есть подлость такая, что вотъ тебѣ хорошо, такъ я сдѣлаю, чтобъ тебѣ было гадко; мнѣ отъ этого не будетъ лучше, я отъ этого ничего не выиграю, но тебѣ будетъ гадко—вотъ что важно! Вотъ самый низкій-то инстинктъ въ человѣкѣ, не животный даже, потому что въ животныхъ его нѣтъ, а это... Этому названія нѣтъ. Подлость? нѣтъ, это слишкомъ хорошо! Подлость, я сейчасъ говорилъ, имѣетъ оправданіе.

Соловой держалъ между пальцами застывшее въ нихъ перо и мутными глазами смотрѣлъ на брата. Тотъ замѣтилъ, наконецъ, этотъ взглядъ.

— Что ты на меня такъ смотришь! Я, вѣдь—не сумасшедшій, чтобы на меня такъ смотрѣть.

— Я никогда тебя такимъ не видалъ; поэтому и смотрю.

— Нѣтъ, да ты-то самъ, что ты такіе глаза дѣлаешь, точно я непозволительное что-нибудь говорю, неприличное для твоего слуха? Я говорю то, что имѣю право говорить.

— Такъ ты вообще говори опредѣлительнѣе.

— Да я, можетъ быть, не хочу вовсе говорить опредѣлительнѣе.

Digitized by Google

— Это совершенно въ твоей волѣ; только тогда не къ чему было начинать.

— Я начиналъ вовсе не для того, чтобы отчетъ тебѣ отдавать, а потому, что такъ вздумалось мнѣ.

— Да сдѣлай одолженіе, я съ тебя никакого отчета и не спрашиваю.

Соловой видѣлъ, что въ братѣ его проснулся какой-то дикій инстинктъ. Онъ вдругъ потерялъ способность даже идеи связывать, и дикая логика его была логикой какого-то самодура. Онъ самъ, кажется, это понялъ и вдругъ замолчалъ; но онъ и молчать не могъ долго. Только, когда онъ заговорилъ опять, въ его мысляхъ была связь. Онъ, видимо, ужь совладалъ съ собою.

— Что̀ бы ты сдѣлалъ, началъ онъ, подходя къ столу, за которымъ писалъ его братъ:—что̀ бы ты сдѣлалъ въ такомъ случаѣ?... Я тебя прошу отвѣтить мнѣ хладнокровно, поставить себя на мое мѣсто, все обсудить и тогда только отвѣчать мнѣ. Вотъ въ чемъ исторія: положимъ, ты женатъ; давно уже женатъ. Къ тебѣ приходятъ и говорятъ, что у жены твоей есть любовникъ.

Иванъ Павлычъ остановился. Это слово, которое онъ, какъ видно, самъ первый разъ выговорилъ, было для него самого неожиданно. Та идея, которую представляло это слово, была не такъ ужасна, какъ самое слово.

Соловой нагнулся еще ниже надъ бумагами, чтобы братъ не видалъ его побѣлѣвшаго лица. Это было лишнее: братъ и не смотрѣлъ на него.

— Ты меня спрашиваешь, что̀ бы я сдѣлалъ? не знаю. Это все отъ минуты зависитъ. Можетъ быть, я разбилъ бы голову тому, кто это говоритъ, а, можетъ быть, я посмотрѣлъ бы на это, какъ на грязную сплетню.

— Да̀, ты посмотрѣлъ бы на это, какъ на сплетню. Вы хорошо разсуждаете, сидя тамъ за вашими умными бумагами; вы чужія дѣла̀ всегда мудро разрѣшаете; вы ихъ такъ, какъ топоромъ, и рубите. Вы всѣ, посмотришь на васъ—Соломоны. Что̀ такое? доносъ! сплетня! пустяки!

— Это, вѣдь—твоя теорія, между прочимъ, что все—пустяки, а не моя вовсе.

— Все—пустяки? Нѣтъ-съ, милостивый государь, не все. Я такой нелѣпости никогда не говорилъ. Не пустяки—когда семейную честь человѣка затрогиваютъ! Не пустяки—когда святое для него имя позорятъ.

— Какое имя? чье имя?

— Что̀ тутъ имена называть! Мнѣ кажется я и такъ доволь-

Digitized by Google

но ясно говорю, слишкомъ ясно, можетъ быть. Ты, хоть и прекрасный человѣкъ, но я и тебѣ не долженъ бы этого говорить. Такія вещи, вѣдь, не говорятся.

— Напротивъ. Мнѣ кажется, ты такъ раздраженъ, что самъ собой, безъ посторонней помощи, обсудить ничего не можешь.

— Что̀ тутъ судить! Пошлый, пошлѣйшій пасквиль! Мерзостная вещь, о которую порядочный человѣкъ только руки замараетъ.

— Такъ объ чемъ же тутъ разговаривать! Самъ ты говоришь, что это—пасквиль...

— Да̀, но ты знаешь ли, какого онъ содержанія?

— Пасквиль непремѣнно мерзкаго содержанія.

— Но ты знаешь ли, какого именно?

— Да это все равно, говорилъ Николай Павлычъ, хорошо понимавшій, что братъ самъ теперь все разскажетъ, не надо только настаивать.

— Нѣтъ, это не все равно! есть вещи, которыя... Да вотъ постой, я разсказывать тебѣ не буду. Я тебѣ покажу... Ты самъ прочтешь (Иванъ Павлычъ вынулъ изъ кармана какую-то бумагу). Ты такихъ вещей не получалъ, да это все равно—ты можешь судить... Я къ тебѣ именно и обращаюсь, потому что ты и меня хорошо знаешь, и наши отношенія съ женой. Ты это лучше поймешь, чѣмъ кто-нибудь.

Николай Павлычъ взялъ поданную ему бумагу, зачитанную, смятую, скомканную и потомъ уже расправленную. Онъ развернулъ ее. Это было анонимное письмо.

«Милостивый государь,

Благороднѣйшій Иванъ Павлычъ!

«Будучи совершенно незнакомой вамъ особой, но какъ я принимаю участіе въ вашихъ чувствахъ, то и осмѣливаюсь прибѣгать къ вамъ съ сими строками. Ваше благородство мнѣ достаточно извѣстно и мое сердце возмущалось отъ мысли, что несмотря на все ваше благородство, нѣкая близкая вамъ особа такъ недостойно обманываетъ. Будучи отъ васъ отпущена болѣе можетъ быть, чѣмъ за тысячу верстъ, она какъ голубица какая обрадованная, которая, распустивши свои крылья, возносится на поднебесье и не хочетъ вернуться въ домъ отчій. Вы ее отпустили себѣ и ей на погибель въ когти человѣка, коего она трепещетъ, но очаровалъ онъ ее своей льстивой наружностью, похитилъ онъ ея сердце и нѣтъ ей милѣй очей, какъ его очи. Дѣти малыя и тѣ ей постылы, коли не скажетъ онъ ей слова ласковаго. Коли хотите вы знать, кто онъ этотъ злодѣй вашъ,

Digitized by Google

то я вамъ имени его не скажу, а вы посмотрите сами, кто у васъ чаще бываетъ, да опасайтесь брюнетовъ. Коли увидите брюнета, что любитъ ваши пороги обивать, поприсмотритесь. Давно вамъ этотъ брюнетъ дорогу перешибъ, только вамъ-то не въ догадку.

«А меня ничто, кромѣ вашего благородства къ этому не побуждаетъ; чтобы вамъ эту тайну открыть. А коли вы мнѣ не вѣрите, такъ у вашей супруги на шеѣ медальонъ повѣшенъ-то вы посмотрите, кого она въ этомъ медальонѣ на сердцѣ носитъ.

«Вамъ навѣки неизвѣстная, но
доброжелательная особа».

До сихъ поръ Соловой думалъ, что страшнѣй Надежды Николаевны для него никого нѣтъ, но теперь онъ увидалъ, что есть судья еще болѣе страшный — это его братъ. У него мелькнула даже мысль, что лучше бы все разомъ покончить, сказать ему тутъ же все—да и конецъ. Но чувство самосохраненія взяло верхъ.

— Письмо обыкновенное, сказалъ онъ, возвращая его назадъ:— не выходящее изъ ряда тѣхъ, которыя здѣсь въ Москвѣ, я думаю, каждую недѣлю десятками пишутся.

— Да, но вѣдь вы и на убитаго такъ смотрите: вещь обыкновенная! каждый годъ много народу убиваютъ. Я съ тобой не съ прокуроромъ говорю: я тебѣ, какъ человѣку говорю.

— Я очень это понимаю; но это—такое пошлое письмо, что я бы... даже до конца читать его не сталъ. Я бы со второй фразы отправилъ его къ чорту. Я удивляюсь, отчего ты этого не сдѣлалъ.

— Нѣтъ, какая гадина! началъ опять Иванъ Павлычъ, не отвѣчая на замѣчаніе:—какое пресмыкающееся писало его!? Какъ осмѣлиться написать это письмо!

— Не понимаю, чего ты волнуешься. Самъ ты сознаёшь, что это пасквиль; что же для тебя удивительно? Что есть на свѣтѣ люди, которые пишутъ пасквили?

— Какъ могутъ эти люди оставаться безнаказаны? вотъ что вы мнѣ скажите! По моему, вотъ кого казнить надо, а не того, кто рваный полушубокъ укралъ. А вы что съ вашими законами? вы больше всего собственность свою ограждаете. Цѣлая книга наказаній за преступленія противъ собственности! Что вы еще судите? Убійство. Да и то—какое убійство? когда топоромъ по головѣ хватили! А нравственное убійство... Вы знаете ли, что такое нравственное убійство? Нѣтъ, вы и знать его не хотите! Убейте человѣка словомъ, взглядомъ, подлымъ письмомъ — не

Digitized by Google

наше дѣло! убейте и ступайте на всѣ четыре стороны. Вотъ что̀ меня возмущаетъ! Не письмо для меня важно, а поступокъ! фактъ!

Иванъ Павлычъ себя только обманывалъ: его не это совсѣмъ возмущало. Онъ не все разсказалъ брату, потому что есть вещи, въ которыхъ человѣкъ себѣ даже не сразу признается, а нетолько другимъ. Въ дѣйствительности, исторія съ письмомъ была такова:

Иванъ Павлычъ получилъ его и прочелъ невнимательно, и сказалъ себѣ только: какая пошлость! И, не будь тамъ приписки объ медальонѣ, тѣмъ бы дѣло и кончилось. Онъ даже женѣ его не показалъ, чтобы та не подняла изъ этого исторіи и не стала бы розыскивать, кто авторъ. Но вдругъ ему пришло въ голову, а что̀ такое тамъ, однако, о медальонѣ написано? День за днемъ: а мысль эта не выходила у него изъ головы. Это было простое любопытство, но такое упорное, что, чемъ бы онъ ни началъ думать—медальонъ тутъ какъ тутъ. Онъ и читать пробовалъ, но однажды фразу: «исторія человѣчества полна заблужденія», онъ прочелъ такъ: «исторія человѣчества полна медальоновъ».

Съ нимъ было тоже, что̀ съ человѣкомъ, котораго цѣлый день неотвязно преслѣдуетъ одно какое-нибудь слово и, чаще, всего слово безъ смысла. Такъ, его же однажды цѣлую недѣлю преслѣдовало слово «перпендикулярно». Объ чемъ бы онъ ни началъ думать, все ему казалось, что онъ думаетъ перпендикулярно. Медальонъ этотъ довелъ его, наконецъ, до того, что онъ рѣшилъ посмотрѣть его. Никакихъ сомнѣній, никакой ревности онъ при этомъ не чувствовалъ, а просто хотѣлъ посмотрѣть, какъ намъ хочется иногда рукой до чего-нибудь дотронуться: дотронулся и спокоенъ.

Теперь вопросъ: ка̀къ посмотрѣть? Жена никогда не снимала его, даже на ночь. Сказать ей ни съ того, ни съ сего: покажи мнѣ, что̀ у тебя въ медальонѣ! было бы смѣшно. Но онъ такъ именно и сдѣлалъ; онъ такъ ей и сказалъ разъ:

— Покажи мнѣ, пожалуйста, кто у тебя въ медальонѣ.

— Да никого, отвѣтила она удивленнымъ голосомъ.

— Да ты мнѣ покажи все-таки.

— Ахъ, оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ. Стану я для этого снимать его!

— Ты можешь такъ его открыть, не снимая.

— И не подумаю даже.

— Но если я тебя прошу.

— Ахъ, убирайся, пожалуйста!

Digitized by Google

Все это было сказано безо всякаго смущенія, даже скорѣй съ досадой, но, однакожь, она медальона не показывала.

— Знаешь что̀, Надя? сказалъ онъ:—до сихъ поръ я шутилъ, но теперь я прошу тебя серьёзно.

На лицѣ ея тотчасъ же отразился гнѣвъ.

— Это что̀ такое? Вы ужь не справки ли хотите дѣлать?

— Я хочу видѣть, кто у тебя въ медальонѣ.

— У меня тамъ гусаръ одинъ сидитъ, сказала она дерзко.

— Такъ ты отъ этого и не показываешь его?

— Понятное дѣло! я отъ этого вамъ и не показываю.

Она отвернулась отъ него и весь этотъ день съ нимъ не говорила.

Въ медальонѣ у нея былъ портретъ Николая Павлыча. Въ тотъ же день она вынула его и отнесла къ сестрѣ спрятать. Марья Николаевна, когда она разсказала ей странную сцену съ мужемъ, только покачала головой.

— Я тебѣ давно говорила, Надя, чтобы ты была осторожнѣе. Ты напрасно такъ бравируешь.

— Я всегда вывернусь, сказала Надежда Николаевна самонадѣянно.

Изъ двухъ пустыхъ, повидимому, вещей составилось то, что человѣкъ потерялъ свое спокойствіе. Само по себѣ письмо, ничего не значило; сама по себѣ, исторія съ медальономъ тоже ничего не значила; но, вмѣстѣ взятые, они составляли улику. Мысли Ивана Павлыча стали троиться. Пока онъ думалъ о письмѣ, все шло хорошо: письмо глупое, пошлое, написанное какой-нибудь кухаркой со злобы, что ее прогнали. Когда онъ переходилъ къ медальону, то и тутъ дѣло шло недурно: вспыльчивая женщина, которая отъ всякихъ пустяковъ выходитъ изъ себя, вышла изъ себя, когда къ ней стали приставать. Капризъ очень понятный; у ней тысячи было и не такихъ еще капризовъ. Но какъ только письмо съ медальономъ вмѣстѣ—такъ ничего ужь и не клеилось! выходили разныя чудовищныя построенія, отъ которыхъ у Ивана Павлыча голова кругомъ пошла. Онъ пробовалъ и успокоивать себя, и утѣшать, но и это не клеилось: ему надо было, чтобы его успокоилъ кто-нибудь другой. Онъ пошелъ, наконецъ, къ брату, какъ къ единственному человѣку, которому онъ могъ разсказать свои сомнѣнія. Ему хотѣлось, чтобы братъ сказалъ ему:

— Помилуй! ка̀къ ты можешь подозрѣвать свою жену! Она выше всякихъ подозрѣній! Ты оскорбляешь ее этими подозрѣніями!

Ему хотѣлось, чтобы онъ при этомъ даже жесткихъ словъ ему наговорилъ, чтобы онъ устыдилъ его, укорялъ, усовѣщевалъ.

Digitized by Google

Но братъ ничего этого не сдѣлалъ; онъ объ женѣ даже и не упомянулъ.

Разговоръ не сходилъ съ почвы отвлеченныхъ разговоровъ объ анонимныхъ письмахъ вообще. Одинъ дѣлалъ видъ, что письмо только бѣситъ его, но никакихъ подозрѣній ему не внушаетъ: другой дѣлалъ видъ, что вѣритъ ему. Иванъ Павлычъ увидалъ тогда, что никогда не слѣдуетъ быть откровеннымъ только вполовину: если говорить, такъ говорить все. Но кàкъ сказать объ медальонѣ? Онъ попробовалъ, все-таки, обойти его.

— Ну, чтò такое, началъ онъ, сдѣлавши усиліе надъ собой:— ну, чтò такое, повидимому? глупое, пошлое письмо! Дà, а вотъ такія письма убиваютъ въ человѣкѣ довѣріе.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какимъ: что никто изъ насъ въ другомъ увѣренъ быть не можетъ. Я развѣ могу отвѣчать за свою жену? Ты, еслибъ былъ женатъ, могъ бы развѣ отвѣчать за свою? Отвѣчать можно только за самого себя—больше ни за кого.

— Ты, если такъ смотришь на вещи, то и раньше этого письма, значитъ, никому не довѣрялъ. Письмо тутъ не при чемъ.

— Нѣтъ, это не значитъ еще, ничего не значитъ! Я, напротивъ, склоненъ всегда думать о людяхъ скорѣй хорошее, чѣмъ дурное. Дѣлаю я это для своего спокойствія. Я не знаю, чтò тамъ дѣлается у меня за спиной, и не стараюсь узнавать. Я увѣренъ, что все хорошо, я спокоенъ. Но коли мнѣ приходятъ и говорятъ, что не все хорошо? а?

— Зачѣмъ же ты слушаешь все, чтò говорятъ?

— Нѣтъ, постой! ты не уклоняйся. Можно за кого-нибудь отвѣчать, кромѣ себя?

— Если строго говорить, такъ и за себя нельзя отвѣчать.

— Нѣтъ, да чтò ты все уклоняешься! Я тебѣ прямо говорю: такъ какъ я ни за кого не могу отвѣчать, даже за самаго близкаго человѣка, то я увѣренъ въ немъ, пока я ничего про него не знаю. Но кàкъ только я узналъ чтò-нибудь, я не могу ужь быть увѣренъ. Я могу сомнѣваться, я могу думать, что это—клевета, что это—выдумка, но увѣренъ я не могу быть. Почемъ я знаю? Я всегда себѣ это говорю: почемъ я знаю!

— Ты хочешь какого-то абсолютнаго довѣрія. Абсолютныхъ чувствъ вообще на землѣ нѣтъ. Чтò ты говоришь, что ты ни за кого отвѣчать не можешь! Строго говоря конечно—не можешь, но, въ дѣйствительности, всегда есть люди, на которыхъ мы полагаемся, какъ на самихъ себя.

«Все это—не то! думалъ Иванъ Павлычъ съ тоскою.—Чтò онъ мнѣ тутъ съ своей философіей! Я не за этимъ сюда пришелъ».

Digitized by Google

— Ты мнѣ вотъ что̀ скажи, началъ онъ:—еслибы ты на моемъ мѣстѣ былъ, ты бы, получивши это письмо, остался спокоенъ? У тебя никакихъ бы сомнѣній, ничего бы не было? Да ты мнѣ прямо отвѣчай, не уклоняясь.

— Я ужь сказалъ, что̀ я сдѣлалъ бы на твоемъ мѣстѣ: я бы этого письма читать не сталъ.

— Да̀, ну да оно вѣдь ужь прочитано.

— Еслибъ я почему-нибудь прочелъ его, то я пожалѣлъ бы только, что потратилъ время на это.

— А если жена у тебя—кокетка, которая можетъ своимъ кокетствомъ подавать поводъ къ разнымъ толкамъ? потому что, еслибъ Надежда Николаевна держала себя строго, про нея этого пасквиля не написали бы. Отчего же про другихъ женщинъ не пишутъ? Оттого, что онѣ повода не подаютъ.

— Ты что̀ же хочешь этимъ сказать? что твоя жена подаетъ поводъ?

— Непремѣнно. Мнѣ не стали бы писать о какомъ-то брюнетѣ, еслибъ не было брюнета. Стало быть, есть кто-нибудь, на кого могутъ указывать.

— Послушай, но вѣдь это же кухарка какая-нибудь писала.

— Тѣмъ болѣе! Если кухарка даже замѣтила, что кто-нибудь бываетъ чаще, чѣмъ слѣдуетъ, такъ другіе это и подавна видятъ. Надо очень отличать кого-нибудь, чтобы это даже и кухарки видѣли.

— Знаешь ли что̀? я начинаю думать, что ты вѣришь этому письму.

— Ты ошибаешься; я ему не вѣрю. Но я говорю, что тутъ должна быть доля истины. Да постой, я на тебя сошлюсь. Ты живешь теперь тутъ; ты съ моей женой часто видишься, ты знаешь ея образъ жизни. Скажи по совѣсти: ты никого не встрѣчаешь у нея?

Николай Павлычъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— У нея, собственно, почти никого не бываетъ, сказалъ онъ.

— Что̀ это значитъ «у нея собственно?» Значитъ, бываютъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

— У Охлыстышевыхъ, дѣйствительно, бываютъ мужчины, но доказательство того, что они ея не интересуютъ, такъ это—то, что она никого изъ нихъ даже къ себѣ не зоветъ. Она любитъ ихъ общество, я не спорю. Она любитъ общество мужчинъ, ты знаешь; это для тебя—не новость.

— Ты говоришь, что у нея никто не бываетъ?

— Положительно никто.

— Это мнѣ только доказываетъ, что и ты ничего не знаешь.

Digitized by Google

Вотъ, видишь ли, ты хотѣлъ меня этимъ успокоить, а ты, напротивъ, усилилъ мои подозрѣнія. Кто можетъ бывать у моей жены такъ, что и ты даже этого не знаешь? Съ какой стати ей отъ тебя это скрывать?

— Послушай, да съ чего ты взялъ, что кто-нибудь бываетъ у твоей жены? Почему ты не хочешь допустить, что у нея никого не бываетъ?

— Потому что мнѣ не стали бы тогда указывать именно на такого-то, не сказали бы: обратите ваше вниманіе на *эту* личность. Почему на эту? Стало быть, есть такая личность. Ты скажешь, что это кухарка писала? Хорошо. Кухарка вретъ, она вздорныя толкованія дѣлаетъ; но толкованія чего? того, что̀ есть въ дѣйствительности. Она видитъ, что кто-то бываетъ въ моемъ домѣ, бываетъ часто. Для кухарки этого довольно! она говоритъ: это—любовникъ. Хорошо! я ей не вѣрю. Но мнѣ нужно же, наконецъ, узнать, кто у меня бываетъ. Ты говоришь: никто! но я и тебѣ не вѣрю. Кухарка ложно толкуетъ фактъ, а ты самаго факта не знаешь. Такъ я же самъ буду отыскивать этотъ фактъ! Я вамъ обоимъ не вѣрю; я самъ теперь буду искать.

Дѣло принимало дурной оборотъ. Соловой посмотрѣлъ на поблѣднѣвшее, искаженное лицо своего брата и невольно подумалъ, что такое начало можетъ имѣть худой конецъ. Что̀ еслибы онъ, въ самомъ дѣлѣ, сталъ отыскивать, и отыскивать упорно, какъ онъ на это способенъ? Николай Павлычъ рѣшился на отчаянную мѣру.

— Знаешь, сказалъ онъ вдругъ:—знаешь, что̀ мнѣ пришло въ голову?

Братъ на это восклицаніе обернулся въ его сторону.

— Ну? спросилъ онъ глухо.

— Знаешь, кто бываетъ у твоей жены?

— Ну?

— Бываетъ часто, дѣйствительно, чаще всѣхъ.

— Ну?

— Я.

Иванъ Павлычъ остановилъ глаза на одной точкѣ. Онъ смотрѣлъ брату въ правый високъ и ничего не говорилъ.

— Ты! сказалъ онъ, наконецъ, но такъ сказалъ, что въ этомъ *ты* больше было чувства, чѣмъ въ цѣлой книгѣ.

— Я теперь догадываюсь даже, продолжалъ братъ: — кто и авторъ письма. У Надежды Николаевны была нянька, которую я разъ чуть не побилъ, а Надежда Николаевна ее черезъ недѣлю и совсѣмъ прогнала. Нянька эта была франтиха, читала романы и разсказывала даже, что она въ пансіонѣ воспитыва-

Digitized by Google

лась. Я тебѣ чѣмъ угодно отвѣчаю, что она тебѣ и письмо написала.

— Съ какой стати ей было писать?

— Очень понятно: барыня ее прогнала—она и постаралась барынѣ какую-нибудь гадость сдѣлать.

«Письмо объясняется, думалъ Иванъ Павлычъ.—Остается медальонъ, но медальонъ безъ письма ничего не значитъ».

Два звена, составлявшія улику, распались. Улики не было.

Но Иванъ Павлычъ подался не сразу.

— Странно мнѣ что̀-то, что эта нянька, или кто тамъ такое, на тебя вдругъ указываетъ. Она должна была знать, кто ты такой. Она отъ дѣтей должна была слышать, что ты имъ—дядя.

— Послушай, ка̀къ ты можешь говорить такіе пустяки! Что̀ изъ этого, что дѣти называютъ меня дядей! Развѣ дѣтей нельзя пріучить называть человѣка ка̀къ угодно?

Иванъ Павлычъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, это что̀-то мало вѣроятно.

Братъ принялъ вдругъ холодное выраженіе.

— Ка̀къ знаешь! Мое дѣло было тебѣ сказать, а затѣмъ ты можешь искать другое объясненіе. Можетъ быть, ты найдешь что̀-нибудь болѣе правдоподобное. Я бы на твоемъ мѣстѣ былъ рѣшителенъ! я бы сказалъ себѣ: у моей жены есть любовникъ.

— Зачѣмъ ты такія слова̀ употребляешь! крикнулъ Иванъ Павлычъ.

— Что̀ ты словъ испугался! Тутъ не слова̀ важны, а мысль. Вѣдь, эта мысль у тебя была? Что̀-жь! поддерживай ее. Отъ этого и твое семейное счастіе выиграетъ! и довѣріе къ женѣ! и уваженіе къ ней, конечно! И она тебя, конечно, за это больше будетъ уважать.

— Оставимъ этотъ разговоръ! перебилъ братъ рѣзко.

Онъ увидалъ, что утѣшенія, которыхъ онъ ожидалъ, вовсе не такъ сладки, какъ онъ думалъ. Онъ и устыдился своихъ подозрѣній, и, въ то же время, не могъ оставить ихъ совсѣмъ. И къ тому же, ему было досадно на брата, что онъ вдругъ являлся какъ бы судьей его. Жажда утѣшеній довела его до того, что теперь между нимъ и женой стояло третье лицо. Теперь былъ человѣкъ, который зналъ, что онъ, хотя минутно, а подозрѣвалъ свою жену. Этого не должно было быть.

Онъ не долженъ былъ идти дальше того плана, который начерталъ себѣ въ началѣ: ему нужно было показать письмо и на этомъ остановиться. Никакъ не слѣдовало говорить, что онъ вѣритъ этому письму.

Всѣ эти мысли вдругъ какъ-то набѣжали теперь и измѣнили

Digitized by Google

его настроеніе. Но дѣло было ужь сдѣлано, поздно было поправляться.

— Я тебѣ вотъ что̀, однако, долженъ сказать, началъ онъ.— Я думаю, впрочемъ, что тебя и просить объ этомъ не нужно... Чтобы этотъ разговоръ между нами остался.

— Ты могъ бы объ этомъ и не говорить мнѣ.

— Не надо, чтобы Надя объ этомъ знала.

«Нѣтъ, ужь Надя-то объ этомъ узнаетъ! подумалъ Соловой.— Я ее проберу за то, чтобы она не носила моихъ портретовъ въ медальонѣ».

Онъ довольно вѣрно угадывалъ то, что̀ случилось. Письмо, дѣйствительно, написала нянька. Нянька эта ходила въ шляпкахъ, считала себя образованной и, начитавшись романовъ, всѣхъ подозрѣвала въ любовныхъ шашняхъ. Сначала она хотѣла войти съ барыней въ интимность и думала, что ее посадятъ въ гостинную, но Надежда Николаевна, по рѣзкости своего характера, сразу на нее прикрикнула. Нянька тогда стала, подъ разными предлогами, входить въ ту комнату, гдѣ она сидѣла съ Николаемъ Павлычемъ, а, когда разъ она стала умываться и сняла медальонъ, нянька и въ медальонъ заглянула. Надежда Николаевна, наконецъ, вышла изъ терпѣнія и прогнала ее совсѣмъ. Тогда она задумала письмо, которое сочиняла два дня, прочитала всѣмъ своимъ знакомымъ и тогда уже отправила. Такова была исторія письма, которое чуть было не повело къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Вскорѣ послѣ этого, Иванъ Павлычъ уѣхалъ назадъ къ себѣ въ провинцію. Онъ бралъ отпускъ на двѣ недѣли и, ка̀къ его ни упрашивали, не остался больше ни одного дня.

— Я весной опять пріѣду, говорилъ онъ.—Я въ маѣ за Надей пріѣду.

Генералъ его больше всѣхъ уговаривалъ. Онъ не любилъ, когда кто-нибудь уѣзжалъ изъ Москвы.

— Ну, что̀ вы тамъ дѣлать будете? кричалъ онъ.—Ну, какого чорта вы тамъ будете дѣлать?

Онъ судилъ по себѣ: ему, бывало, до зарѣзу нужно куда-нибудь поспѣть, но, покажутъ ему пиковаго туза, онъ и останется. Если даже просто, бывало, свои товарищи скажутъ:

— Э, братецъ, какая ты свинья! не можешь ты остаться. Ну, какъ же ты не подлецъ, послѣ этого? Отъ своихъ уѣзжаешь?

Онъ и тутъ, бывало, не утерпитъ и тоже останется.

Digitized by Google

VI.

Прошло два мѣсяца. Охлыстышевы уѣхали въ деревню; генералъ говорилъ «на дачу», но дачи тамъ никакой не было, а была просто деревня, куда, несмотря на то, что Москва была близко, въ мокрую погоду и доѣхать было трудно. О сообщеніи никто не заботился, потому что изъ Москвы въ деревню нѣчего было возить, а изъ деревни въ городъ только бабы ходили съ ягодами. Господа тутъ никогда не ѣздили, а гдѣ господа не ѣздятъ, тамъ дорогъ не нужно: мужикъ и по косогору проѣдетъ, и въ бродъ—ему рессоръ не ломать.

Когда генералъ Охлыстышевъ, который одинъ тутъ только и бывалъ, вздумалъ починить мостъ, то изъ этого вышла цѣлая исторія. На свои деньги ему чинить не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что мостъ былъ даже и не въ его имѣніи, а только на дорогѣ въ его имѣніе. Генералъ сталъ справляться: кто-то сказалъ ему, что мостъ на городской землѣ (это было подъ самымъ уѣзднымъ городомъ). Онъ и подалъ прошеніе въ думу и писалъ, что мостъ необходимо починить, ибо онъ находится на такомъ трактѣ, гдѣ гоняютъ гурты, и ни полслова, конечно, о томъ, что ему самому онъ больше всего нуженъ. Въ думѣ ему отказали: пишите, говорятъ, въ земскую управу. Онъ въ управу; тамъ говорятъ: это не—наше дѣло, пишите въ губернскую управу. Онъ—въ губернскую управу; тамъ тоже говорятъ: не наше дѣло, и послали его въ вѣдомство путей сообщенія. Онъ туда; тамъ бумагу продержали семь мѣсяцевъ;—онъ думалъ ужь мостъ скоро пріѣдутъ чинить—и вернули назадъ; обратитесь, говорятъ, въ губернскую управу. Онъ—опять туда, но оттуда и отвѣта ужь не дали. Генералъ разругался; сказалъ, что земство—подлецъ и дума—подлецъ.

Ему хотѣлось, чтобы въ деревню къ нему на лѣто пріѣзжали дачники, потому что они доходъ бы ему давали, но по такой дорогѣ никто ѣхать къ нему не хотѣлъ. Кругомъ всѣ московскія окрестности запружены были дачниками, а въ Дарьинкѣ генеральской никто, кромѣ его самого съ семействомъ, не жилъ. Въ усадьбѣ у него было два дома, но одинъ такой старый, что въ немъ жить нельзя было—въ дождь вездѣ текло, а другой, хотя и новый, но онъ пятый годъ все строился. Генералъ говорилъ, что лѣтомъ вездѣ есть мѣсто—и въ шалашѣ можно жить, и въ сѣнномъ сараѣ.

Новый домъ онъ не могъ кончить изъ скупости: ему все жаль

Digitized by Google

было и даже страшно истратить сразу большую сумму. Онъ приказывалъ управляющему строить изъ экономіи; и на пятый годъ только стали переплетъ въ окна вставлять.

Миша лѣтомъ былъ въ лагеряхъ, и въ семьѣ генерала становилось очень пусто, особенно послѣ Москвы, гдѣ у нихъ каждый день бывали гости. Въ деревню къ нимъ никто почти не ѣздилъ, а въ эту весну и сама даже Марья Николаевна мало жила дома. Она все ѣздила къ сестрѣ, которая наняла дачу въ Сокольникахъ, хотя ей приходилось пробыть въ Москвѣ не дальше конца мая или начала іюня, когда у дѣтей кончались экзамены и она должна была ѣхать съ ними къ мужу. Были разговоры о томъ, чтобы ей пробыть это время въ деревнѣ у Охлыстышевыхъ, а дѣтей помѣстить въ одно семейство, гдѣ они и занимались бы больше, и присмотръ былъ бы за ними хорошій; но она и слышать объ этомъ не хотѣла: Марья Николаевна упирала больше на экономію, что ей это будетъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ нанимать дачу на цѣлое лѣто.

— Какъ можно деньги такъ бросать! говорила она.—Вѣдь это ты просто зря деньги бросаешь.

— Никакими деньгами я не куплю спокойствія! возражала ей сестра.—Развѣ я могу быть спокойна, когда отдамъ дѣтей своихъ въ посторонній домъ, Богъ знаетъ кому.

— Не Богъ знаетъ кому, а я тебѣ говорю, что это—прекрасное семейство. Они—благородные люди, и у нихъ свои дѣти есть.

— Еслибы ангелъ съ неба сошелъ и сказалъ мнѣ, что они—прекраснѣйшіе люди, то я и на это бы не посмотрѣла; я бы имъ дѣтей своихъ все-таки не отдала.

Въ дѣйствительности, Надежда Николаевна хотѣла быть поближе къ Соловому, котораго она, подъ разными предлогами, заставляла бывать у себя по нѣскольку разъ въ недѣлю. Онъ не смѣлъ отказать ей въ этомъ, чтобы не возбуждать ея подозрѣній. Въ другое время, онъ не позволилъ бы такъ распоряжаться собою и нарочно пересталъ бы ѣздить, но теперь онъ не смѣлъ этого сдѣлать.

«Теперь ужь не долго! думалъ онъ:—она скоро уѣдетъ. Не надо только, чтобы она о чемъ-нибудь догадывалась, а то она какъ разъ останется». И онъ, въ счастливой увѣренности, что она ни о чемъ не догадывается, сталъ съ ней необыкновенно предупредителенъ. Онъ самъ иногда безъ зову пріѣзжалъ къ ней и сидѣлъ съ ней цѣлый вечеръ, не зная, какъ дотянуть его до конца, но дѣлая видъ, что онъ блаженствуетъ.

«Все равно, вѣдь—не долго ужь!» говорилъ онъ себѣ въ утѣ-

Digitized by Google

шеніе, когда ему становилось очень тошно и самый видъ ея дачи опротивѣлъ ему до-нельзя. Ему казалось, что это—самая отвратительная дача во всѣхъ Сокольникахъ. Она, напротивъ, восхищалась ею, потому что дорого заплатила, и, чтобы не жаль было денегъ, надо, было восхищаться. Всякій разъ она говорила ему одно и то же, что она ужасно довольна, что тутъ всѣ удобства: и видъ хорошъ, и на дворѣ есть мѣсто, гдѣ дѣтямъ играть. Онъ дошелъ до такой низости, что во всемъ соглашался съ нею.

— Очень хорошая дача, говорилъ онъ.—И даже, если строго разбирать, то ты недорого дала за нее.

Дѣтей она каждый разъ сама возила на экзамены и этимъ нѣсколько развлекала себя. Остальное время она, обыкновенно, скучала. Дачныхъ знакомствъ она не дѣлала, потому что на всякой дачѣ были барыни, а она барынь не любила. Бывали у нея только нѣкоторые мужчины изъ ея московскихъ знакомыхъ. Одинъ изъ нихъ даже служилъ ей шпіономъ, самъ того не зная. Онъ былъ въ Москвѣ товарищемъ прокурора, такъ же, какъ и Соловой, и часто съ нимъ встрѣчался. Отъ него Надежда Николаевна разузнавала, гдѣ Соловой былъ, были ли у него какія дѣла въ судѣ и многое другое. Тотъ, по простотѣ души, выдавалъ иногда своего товарища съ головой, и, когда Николай Павлычъ писалъ, что онъ ѣдетъ на сессію куда-нибудь въ Дмитровъ или въ Верею, этотъ прямо говорилъ:

— Теперь въ Дмитровѣ ничего нѣтъ.

— А какъ же, спрашивала его Надежда Николаевна: — тамъ теперь окружной судъ?

— Никакого тамъ окружного суда нѣтъ.

Надежда Николаевна все это принимала къ свѣдѣнію. Она не знала еще хорошенько въ чемъ дѣло, но смутно догадывалась. Что̀ бы онъ ни затѣялъ—для нея важно было то, что онъ все тщательно скрывалъ отъ нея, а если скрывалъ, стало быть, онъ ея боялся. Ее ужаснулъ бы смѣлый отпоръ съ его стороны. Скажи онъ ей прямо, что разрывъ близокъ, что онъ неизбѣженъ, она, можетъ быть, и рѣшилась бы на какую-нибудь отчаянную мѣру; но, во всякомъ случаѣ, видѣла бы одно: что для нея все потеряно. А теперь она говорила себѣ: онъ меня боится—стало быть, онъ въ моихъ рукахъ.

Она сдѣлала себѣ сообщницу изъ своей сестры, которую просила слѣдить за тѣмъ, что̀ будетъ дѣлаться въ Дарьинкѣ. Но Соловой въ эту ловушку не попался: онъ совсѣмъ не ѣздилъ въ Дарьинку. Онъ заранѣе предупредилъ Августу, что весь май имъ невозможно будетъ видѣться, что онъ занятъ приготовле-

Digitized by Google

ніями къ свадьбѣ и приводитъ въ порядокъ свои дѣлà; сказалъ ей, такъ же, какъ и Надеждѣ Николаевнѣ, что ѣдетъ и въ Дмитровъ, и въ Верею, и много еще другого—все, чтò могъ только придумать.

Августа выслушала его молча и не стала спрашивать его о причинѣ такого страннаго рѣшенія. Она истолковала его по своему: ей показалось, что его денежныя дѣлà запутаны и онъ стѣсняется говорить съ ней объ этомъ. Замѣтивши, что онъ избѣгаетъ разговоровъ о свадьбѣ, она сама стала избѣгать ихъ. Между этими людьми, готовившимися соединиться на вѣки, слово свадьба и не упоминалось никогда. Онъ молчалъ потому, что самъ не зналъ еще, когда выпутается изъ этой исторіи; она молчала изъ деликатности. Когда онъ сказалъ ей, что весь этотъ мѣсяцъ у него въ хлопотахъ и что они видѣться даже не могутъ, у ней сердце радостно замерло отъ мысли, что этотъ мѣсяцъ—уже послѣдній, что онъ торопитъ свадьбой и рѣшается лучше пожертвовать этими временными, минутными свиданіями, чтобы скорѣе соединиться съ нею навѣки.

Первое время послѣ переѣзда въ деревню Августа была полна мыслью о своемъ близкомъ счастьѣ. Кàкъ дача Надежды Николаевны была противна Соловому, такъ ей, напротивъ, все было мило: и заброшенная, глухая деревушка ихъ, и домъ ихъ, почернѣвшій, длинный, какъ казармы, съ двумя подъѣздами на двухъ концахъ, очень напоминавшими входъ въ бани. Дача въ Сокольникахъ была прекрасная дача, съ маркизами, съ балкономъ, съ парниками даже, а Соловой ея видѣть не могъ. Домъ къ Дарьинкѣ былъ похожъ на торговыя бани—Августа находила, что это очень милый домъ.

Окна ея комнаты выходили прямо въ кусты; отъ этихъ кустовъ въ комнатѣ было даже нѣсколько темно. Тутъ было и еще чтò-то посажено, но никогда не выростало, потому что садовникъ былъ пьяница, и генералъ держалъ его только ради дешевизны. Чтò бы онъ ни посадилъ, куры у него сейчасъ же все выклевывали. Генералъ на это сердился и кричалъ:

— Всѣхъ куръ велю перерѣзать!

По скупости своей, онъ этого и не сдѣлалъ бы, но зналъ, что Марья Николаевна этого не допуститъ, а ему, все-таки, доставляло удовольствіе покричать.

Дни проходили монотонно, но лѣтомъ и монотонность не скучна. Генералъ цѣлые дни проводилъ на постройкѣ; Августа, бòльшею частію, сидѣла одна. Вечеромъ только она шла гулять съ отцомъ, но прогулка у нихъ была опредѣленная—до мельницы. Послѣ этого, старикъ, уходившись за день, шелъ домой

Digitized by Google

ужинать, а Августѣ предоставлялась свобода идти куда хочетъ; въ деревнѣ она могла ходить безъ провожатыхъ. Она, поэтому, деревню любила гораздо больше, чѣмъ городъ, гдѣ за ней вездѣ по пятамъ слѣдовала Марья Николаевна.

Тутъ и онѣ обѣ были рады, что отдѣлались другъ отъ друга.

Иногда цѣлыя ночи напролетъ Августа проводила на дворѣ. Генералъ давно уже храпѣлъ; Марья Николаевна тоже ложилась часу въ одиннадцатомъ, всякій разъ прибавляя, что она терпѣть не можетъ этихъ бѣлобрысыхъ ночей.

— Ни ночь, ни день, говорила она. — И не разберешь, что̀ такое!

Такимъ образомъ, Августа просиживала одна на покосившихся ступеняхъ балкона (съ переднаго фасада былъ и балконъ) или уходила къ пруду на плотину, гдѣ она по полчаса смотрѣла, не отрываясь, въ черную, стеклянную воду пруда. Если по небу бѣжали облака, они бѣжали также и внизу, въ прудѣ; если небо было чисто, водяная глубь становилась только чернѣе. У береговъ квакали лягушки, квакали ровно, дружно, не уставая; но, если внимательнѣй прислушаться, то можно было различить, какъ одна перестанетъ, а другая заведетъ; но такъ, что гармонія не нарушится, и выходитъ какъ бы нескончаемая фуга.

Августа думала на этой плотинѣ о своемъ близкомъ счастіи, о томъ близкомъ соединеніи съ любимымъ человѣкомъ, которое уносило ее далеко изъ ея прежней, будничной жизни въ какой-то новый для нея край. Вся эта новая жизнь, какъ она представляла ее себѣ въ своихъ дѣвическихъ мечтахъ, была передъ ней какъ нарисована: она заранѣе переживала ее теперь. Она переживала ее съ нимъ вдвоемъ; онъ тутъ былъ около нея, она почти видѣла его. Она чувствовала его объятія, слышала его голосъ, тихій, прерывающійся, какимъ онъ всегда говорилъ съ ней въ минуты ихъ объясненій. Она то замирала въ какомъ-то сладкомъ забытьѣ, то вдругъ порывъ тоски и восторга охватывалъ ее всю—тоска по немъ, восторги потому, что онъ думаетъ о ней теперь такъ же, какъ она думаетъ о немъ. Эта мысль, что разстояніе не существуетъ для нихъ, что они тутъ всегда, одинъ у другого въ сердцѣ, эта мысль была ея гордостью, ея радостью. Она сознавала тогда, что любовь ихъ, это—сила и что выше этой силы ничего нѣтъ.

Она въ какомъ-то упоеніи прижималась къ стволу старой вербы, такъ что волосы ея цѣплялись за шероховатую кору дерева, и, скрестивши пальцы опущенныхъ рукъ, скользящимъ взглядомъ смотрѣла на дальнее стекло пруда. Гдѣ же онъ? Отчего

Digitized by Google

онъ не откликнется на ея призывъ? Отчего вся сила ея любви не можетъ сдѣлать, чтобы онъ былъ тутъ около нея? Ахъ, еслибы онъ былъ тутъ! Еслибы онъ шелъ теперь по этой плотинѣ на встрѣчу къ ней! Какъ бросилась бы ему на шею, какъ она обвила бы его своими руками и, не отрываясь отъ него, не выпуская его изъ своихъ объятій, посмотрѣла бы ему въ его глаза, посмотрѣла бы, какъ потемнѣютъ они отъ страсти и черный блескъ ихъ отуманитъ ей голову, захватитъ духъ въ груди! И что̀ онъ ей скажетъ при этомъ, и что̀ она ему скажетъ, и что̀ они оба будутъ чувствовать тогда! Ей и въ голову не приходило, что, еслибы онъ шелъ тутъ дѣйствительно, она никогда бы не бросилась ему на шею: ее удержала бы постоянная, ей самой непонятная робость, которая нападала на нее въ его присутствіи.

Половина мая прошла. Августа начинала тосковать не на шутку. Марья Николаевна была въ Москвѣ и сказала ей, что она видѣла Солового у сестры. Стало быть, у него есть время. Развѣ не могъ онъ въ этотъ день, вмѣсто того, чтобы быть у Надежды Николаевны, пріѣхать къ ней? Еслибы она была на его мѣстѣ, она бросила бы все и пріѣхала; она не могла дольше выносить эту разлуку. Неужели не было у него жалости къ ней?

Каждый день, даже по нѣскольку разъ въ день, ходила она на дорогу въ смутной надеждѣ, что, можетъ быть, онъ пріѣдетъ. Ея любимыми прогулками сдѣлались теперь прогулки по дорогѣ, въ пыли, на припёкѣ, гдѣ ее обгоняли телеги съ мужиками. Даже плотина на пруду была забыта: онъ съ той стороны не могъ пріѣхать. Но онъ не ѣхалъ ни съ какой стороны; каждый день приносилъ ей только новое разочарованіе. Она стала раздражительна, нетерпѣлива и ни объ чемъ думать не могла, и ни съ кѣмъ ей говорить не хотѣлось. Но она, по обыкновенію, это затаила и нарочно бывала разговорчива, чтобы никто не видѣлъ, какъ ей противно говорить. Когда ей было невыносимо скучно, она нарочно улыбалась Марьѣ Николаевнѣ, чтобы та думала, что ей весело. Только, оставаясь наединѣ, она ломала себѣ пальцы или, сжавши губы, молча плакала, злая на себя за то, что она можетъ плакать о немъ.

Наконецъ, она его дождалась. Какъ-то разъ, вечеромъ, она ужь возвращалась домой, смотрѣла на убѣгавшую изъ-подъ ногъ дорогу, смотрѣла и не видѣла ея. Сзади кто-то ѣхалъ; она вздрогнула и обернулась. Кто-то ѣхалъ верхомъ. Она не вѣрила, чтобы это былъ онъ; она такъ давно и пламенно ждала его, что отъ долгаго ожиданія у нея даже вѣра пропала. Это не могъ

Digitized by Google

быть онъ! Она стояла, не двигаясь и такъ сильно опираясь на свой зонтикъ, что онъ ушелъ на вершокъ въ землю. Краски всѣ сбѣжали у нея съ лица; глаза, расширившись, слѣдили за бѣжавшей по дорогѣ лошадью.

За полчаса еще передъ этимъ она мечтала о томъ, какъ она бросится къ нему на шею, со слезами станетъ укорять его за то, что онъ такъ измучилъ ее, и со слезами же проститъ его. Но когда она узнала его, когда не было болѣе никакихъ сомнѣній, что это—онъ, она увидала, что это—невозможно: она не могла обнять его. Еслибъ она могла сдѣлать это, не думая, внезапно, она сдѣлала бы это; но когда она подумала объ этомъ, ей стало страшно; ей стыдно даже стало за свои намѣренія.

Она только улыбнулась ему, когда онъ подъѣхалъ, нѣжно пожала ему руку и сказала: наконецъ! и не находила больше, что̀ сказать ему. Онъ самъ, увидавши ее, не узналъ себя. Всѣ эти дни онъ, измученный борьбой съ Надеждой Николаевной, почти раскаявался въ томъ, что затѣялъ эту исторію. Онъ дошелъ до того, что раза два даже съ досадой подумалъ о томъ, что надо, наконецъ, быть у невѣсты. Удовольствія этого свиданія казались ему такъ мимолетны, а устроить его было такъ трудно, что онъ смотрѣлъ на него скорѣй, какъ на обязанность, чѣмъ какъ на удовольствіе. Но теперь, когда онъ увидалъ ее, когда онъ смотрѣлъ ей въ глаза и держалъ ея руку въ своей, онъ самъ все забылъ: и Надежду Николаевну, и свое ужасное положеніе, и то, что̀ послѣ его ждетъ, и то, что̀ онъ прежде думалъ... Онъ видѣлъ только ее; онъ спрашивалъ себя: ка̀къ могъ я не пріѣхать раньше!

То, что̀ онъ чувствовалъ теперь, было такъ сильно, такъ глубоко, что его стало тѣснить въ груди, не было мѣста, не было простора для этихъ чувствъ. Ему казалось ужь, что это чувство не въ немъ самомъ, что кругомъ все наполнено имъ, что онъ окруженъ какой-то другой атмосферой, какимъ-то сіяніемъ, радостнымъ, лучезарнымъ. Онъ и зналъ, что ему не удержаться на этой высотѣ, что для него это — только минуты, но все же это были чудныя минуты. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на Августу и съ гордостью думалъ о томъ, что эта красивая дѣвушка будетъ принадлежать ему.

Она шла рядомъ съ нимъ и, чувствуя надъ собой его страстный взглядъ, немножко конфузилась. Ея бѣлое платье закрывало прозрачной кисеей ея плечи и руки, и въ этой кисеѣ красота ея принимала характеръ болѣе нѣжный. Вся она какъ-то преобразилась. Близость любимаго человѣка вызвала жизнь въ

Digitized by Google

ея мертвыхъ чертахъ; только около него въ ней видна была женщина.

Онъ велъ лошадь въ поводу, и такъ они шли, разговаривая.

— Марьи Николаевны нѣтъ, ты знаешь? сказала она.

Онъ зналъ это, но не признался.

— Гдѣ же она?

— Въ Москвѣ, конечно. Ну, что̀ ты дѣлалъ все это время?

— Да все занятъ былъ. Я цѣлую недѣлю ужь къ тебѣ собирался, да все никакъ нельзя было.

— А ты у Надежды Николаевны былъ, однако.

— Я у нея не одинъ разъ былъ. У меня есть ея дѣла̀; нельзя же мнѣ ихъ бросить! Я это для брата дѣлаю.

— А я тогда на тебя разсердилась, думаю: вотъ онъ къ ней ѣздитъ, находитъ же время! Я ужасно тогда разсердилась.

— И напрасно совершенно.

— Да̀, напрасно! Тебѣ хорошо такъ говорить, а я...

Она не договорила и сдвинула брови, и стала смотрѣть себѣ подъ ноги.

— А ты что̀?

— А я тебя очень люблю, сказала она шепотомъ, хотя ихъ на дорогѣ и безъ того никто слышать не могъ.

Онъ взялъ ее за руку.

— Люби меня, Августа!.. хотя... я, можетъ быть, и не сто̀ю твоей любви.

— Милый мой, еслибъ ты Богъ знаетъ что̀ сдѣлалъ... я не знаю, что̀!.. развѣ я перестала бы отъ этого любить тебя. И ты говоришь, что не сто̀ишь моей любви! Ты говоришь это?

«Развѣ признаться ей во всемъ?» подумалъ онъ. Но, какъ и всѣ такія мысли, и эта только промелькнула. У него смѣлости не хватило. Ка̀къ было начать; продолжать еще онъ могъ бы, еслибъ кто-нибудь началъ за него, но ка̀къ сказать первое слово? ей, которая такими ясными глазами смотрѣла на него, чуждая всякихъ подозрѣній!

Да̀, это можно было сказать, но не теперь, а въ началѣ, послѣ первыхъ же словъ признанія. А теперь онъ такъ много обманывалъ ее, что открыть ей этотъ обманъ было поздно. Она могла спросить его: что̀ же вы молчали прежде?

Онъ испытывалъ невыносимыя мученія и выпустилъ ея руку; прикосновеніе этой руки жгло его. Она истолковала этотъ жестъ иначе: ей показалось, что онъ стѣсняется ея. Тогда она сама взяла его за руку. Когда она держала его такъ, ей казалось, что онъ—совсѣмъ родной, близкій; она меньше конфузилась его.

Digitized by Google

— Отецъ очень удивится, когда увидитъ тебя. Къ намъ никто сюда не ѣздитъ. Ты когда же назадъ поѣдешь?

— Нынче въ ночь.

— Развѣ ты не можешь остаться до завтра?

— Нѣтъ, я не могу.

— Ты никакъ не можешь остаться?

— Рѣшительно не могу.

Она стала смотрѣть вдаль на дорогу; брови ея сдвинулись и глаза приняли выраженіе строгое.

— Я опять безъ тебя буду скучать.

— Но, вѣдь, и мнѣ невесело, Августа.

— Но, вѣдь, это не долго ужь? сказала она, вдругъ покраснѣвъ.

Сердце у него сжалось. «Почемъ я знаю! подумалъ онъ.— Что̀ я ей скажу? обманывать ее опять?»

— До будущаго мѣсяца, сказалъ онъ.—Я надѣюсь, что въ будущемъ мѣсяцѣ ты будешь ужь моя.

— Твоя! прошептала она.—Я и теперь ужь твоя. Но тогда мы не будемъ больше разлучаться? да̀?

Онъ ничего на это не отвѣчалъ ей. Они шли нѣсколько времени молча.

Она вдругъ спросила:

— Когда же мы скажемъ отцу?

— Я самъ пріѣду къ нему, перебилъ онъ испуганно.—Когда я устрою всѣ свои дѣла̀, я самъ къ нему пріѣду.

— Но отчего-жь не теперь? Ужь такъ мало времени остается.

— Нѣтъ, пожалуйста!.. я тебя прошу объ этомъ. Теперь нельзя; я тебѣ послѣ объясню—почему.

«Послѣ выдумаю что̀-нибудь», заключилъ онъ мысленно.

Генералъ игралъ съ своимъ управляющимъ въ шашки, когда пришелъ Соловой. Старикъ ужасно ему обрадовался, несмотря на то, что не любилъ его. Все-таки, это былъ московскій гость, а изъ Москвы онъ всякому былъ радъ: еслибы къ нему оттуда пожарный какой-нибудь пріѣхалъ, онъ и его бы принялъ радушно.

— Ну, вотъ, говорилъ онъ: — вотъ какая досада! Марья Николаевна уѣхала. Вчера, вѣдь, только и уѣхала.

Онъ, какъ самъ скучалъ безъ нея, такъ ему казалось, что и гостямъ безъ Марьи Николаевны будетъ скучно. Онъ велѣлъ поставить самоваръ и по всему дому зажечь свѣчи, и вообще принялся хозяйничать такъ, ка̀къ это дѣлаютъ мужчины, когда хозяйки нѣтъ дома и они берутъ на себя ея роль. Что̀ было нужно, то не подавалось, а чего не нужно было, то̀ генералъ

Digitized by Google

изъ себя выходилъ, кричалъ, чтобы подавали скорѣй. Онъ не пошелъ спать въ десять часовъ и все сидѣлъ, говорилъ, и такъ заговорился, что молодые люди стали ужь вопросительно поглядывать другъ на друга: они видѣли, что имъ вдвоемъ больше не остаться. Было ужь двѣнадцать часовъ, а старикъ только на минутку вышелъ за сигарой и при этомъ замѣтилъ, что ему спать совсѣмъ не хочется.

— Чортъ его знаетъ, которую ужь ночь не сплю! Я сейчасъ приду, только вотъ сигарку возьму.

Августа воспользовалась минутнымъ отсутствіемъ отца.

— Ты, когда будешь уѣзжать, шепнула она:—подожди меня: я приду съ тобой проститься.

— Гдѣ же мнѣ тебя подождать?

— А тамъ около церкви.

— Хорошо, сказалъ онъ покорно.

Черезъ полчаса онъ сталъ собираться домой.

— Ну? крикнулъ генералъ. — Кàкъ домой? да кто-жь васъ пуститъ!

— Мнѣ необходимо нужно.

— Вотъ пустяки какіе! Завтра Марья Николаевна пріѣдетъ.

— Никакъ не могу.

Генералъ изъ себя выходилъ, чтобы доказать, что въ Москвѣ ему нѐчего дѣлать. Соловой, все-таки, уѣхалъ; съ Августой онъ церемонно простился.

Около церкви она его догнала. Она шла скоро, едва переводя духъ, и самый шорохъ ея платья раздражалъ ее; всѣ нервы у нея были напряжены. Она боялась почему-то, что онъ не дождется ея и уѣдетъ. Но онъ дожидался ея, стòя около своей лошади, которую ужь не держалъ въ поводу, какъ давеча, а привязалъ къ церковной оградѣ. Когда она увидала его, ея торопливость уступила мѣсто какому-то безотчетному страху: она чувствовала, какъ все дрожитъ внутри у нея. Отъ сильнаго возбужденія она перешла вдругъ къ болѣзненной какой-то усталости; ей показалось вдругъ, что всѣ мускулы у нея растянулись, ослабли и не дѣйствуютъ. Голова у нея закружилась; она чувствовала въ ней какую-то пустоту. Она прислонилась къ оградѣ.

— Чтò съ тобой? спросилъ онъ испуганно.

— Ты уѣзжаешь! проговорила она только.

— Дà, вѣдь, не навсегда же я уѣзжаю. Чтò съ тобою?

Она съ тоской смотрѣла на него.

— Еслибъ ты зналъ, кàкъ мнѣ скучно! Ахъ, еслибъ ты зналъ!..

— Я знаю это.

Digitized by Google

— Прощай! сказала она, протягивая ему руку:—прощай, мой милый!

Онъ молча сжималъ эту руку. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ему невыносимо тяжело будетъ оставить ее здѣсь, эту дѣвушку, которая вышла провожать его, и была ему въ эту минуту такъ безконечно дорога.

— Прощай, прощай! повторила она тихо и все съ той же тоской смотрѣла на него.

У него вдругъ точно что-то оборвалось въ сердцѣ. Зачѣмъ провожала она его, какъ въ могилу? Онъ, невѣрившій ни въ какія примѣты, счелъ это дурнымъ предзнаменованіемъ.

— Зачѣмъ ты такъ прощаешься со мной? сказалъ онъ почти строго.—Вѣдь, мы не на вѣкъ съ тобой разстаемся.

— Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ мнѣ скучно!

— Но что-жь дѣлать? надо же быть благоразумной, Августа.

— Я не могу быть благоразумной, я не могу.

Грудь ея тихо поднималась: она плакала неслышными, тихими слезами, которыя молча катились по ея лицу.

— Августа!

Она почти упала ему на руки. Онъ самъ не помнилъ, какъ взялъ ее въ свои объятія, но онъ не помнилъ ничего: даже Надежда Николаевна была забыта. Онъ былъ счастливъ вполнѣ. Это была одна минута полнаго, счастливаго забвенія. Съ нимъ была дѣвушка, которую, ему казалось теперь, онъ безумно любилъ. И такова была сила очарованія, что ни ложь, ни фальшь его положенія не могли ее нарушить. Это была не та дѣвушка, которую онъ постоянно, неуклонно обманывалъ: это была ему близкая; отъ этой не было у него тайнъ. Ему казалось, что она все ужь знаетъ, что онъ все ей сказалъ и ему нѣчего ей больше сказать. Онъ не обманывалъ ея въ эту минуту; онъ весь отдался ей: между ними не могло быть обмана.

Онъ первый разъ обнималъ ее и чувствовалъ, какъ она бьется у него на груди въ тщетномъ усиліи подавить свои слезы, которыхъ она теперь стыдилась.

— Дорогой мой другъ, о чемъ же ты плачешь? Вѣдь, ужь все почти кончено. Вѣдь, наше испытаніе скоро кончится.

Она не могла отвѣчать ему; она только крѣпче обняла его.

— Самое трудное для насъ время уже прошло. Еще немного, немного и... ты—моя жена.

— Ты будешь спѣшить? спросила она сквозь слезы.

— Я въ двѣ недѣли все покончу. Дорогая моя, не долго ужь ждать; не плачь же! Я много заставилъ тебя страдать; я все

Digitized by Google

сдѣлаю теперь, чтобы ты забыла это, чтобы ты была счастлива. Въ двѣ недѣли все будетъ кончено.

Когда онъ говорилъ это, онъ не обманывалъ ея: онъ самъ глубоко вѣрилъ тому, что̀ говорилъ. Онъ былъ такъ наэлектризованъ, ея любовь вдохнула въ него такую рѣшимость, что все казалось ему теперь возможнымъ. Сама Надежда Николаевна не была особеннымъ препятствіемъ. Что̀ могла она значить для него? Онъ самъ показался себѣ жалокъ съ своими сомнѣніями. Въ эту минуту у него не было сомнѣній.

Трудно было не съ Надеждой Николаевной объясняться, трудно было проститься съ Августой. Онъ два раза собирался вскочить на лошадь и два раза возвращался къ ней и говорилъ ей онъ ужь самъ не помнилъ что̀. Наконецъ, они простились совсѣмъ. Онъ сразу поднялъ лошадь въ карьеръ и поскакалъ, не оглядываясь; но на поворотѣ онъ посмотрѣлъ въ ея сторону; она стояла все на томъ же мѣстѣ и провожала его глазами. Онъ осадилъ лошадь, она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ его сторону, онъ въ ея. И они опять были вмѣстѣ.

Было ли у нихъ предчувствіе того, что это—ихъ послѣднее свиданіе; или это просто была случайность; но только они долго не могли разстаться.

Когда Августа вернулась домой, было уже совсѣмъ свѣтло. Проходя мимо спальной отца, она услыхала, что старикъ ворочается и вздыхаетъ; онъ не спалъ. Вдругъ у нея блеснула мысль; пойти и сказать все ему! И эта пагубная для нея мысль въ одинъ моментъ овладѣла ею. Она не дала себѣ времени даже подумать. Она чувствовала, что, если будетъ думать, то ни на что̀ не рѣшится. Извѣстныя вещи надо дѣлать сгоряча или не дѣлать ихъ совсѣмъ.

Она спросила отца черезъ дверь, можетъ ли она его видѣть.

— Ка̀къ! ты ужь встала? удивился генералъ.

— Да̀, мнѣ что̀-то не спится.

— И мнѣ что̀-то не спится. Я ужь тоже думаю, не встать-ли.

— Можно мнѣ васъ видѣть? повторила Августа.

— Сейчасъ я приду, я вставать буду. Да вели-ка самоваръ поставить.

«Онъ просилъ меня не говорить ничего отцу, думала Августа:— онъ самъ хотѣлъ говорить съ нимъ. Но я ему все это устрою!» И она устроила ему: она разсказала все отцу. Генералъ остолбенѣлъ. Онъ такъ былъ озадаченъ, что даже не нашелся сразу, что̀ и сказать. Его все тутъ сразило: во-первыхъ, онъ до сихъ поръ ничего не зналъ; потомъ Соловой ему не нравился; самый

Digitized by Google

способъ сватовства ему не нравился; наконецъ, онъ не зналъ, что̀ скажетъ объ этомъ Марья Николаевна. Не то, чтобы онъ боялся ея, но онъ просто безъ нея не зналъ, что̀ ему думать; онъ всегда свое мнѣніе свѣрялъ съ ея мнѣніемъ и никогда не былъ увѣренъ, правильно ли онъ думаетъ, пока не слыхалъ что̀ думаетъ объ этомъ Марья Николаевна. Бывало, что онъ и не согласится съ нею, и разругаетъ ее даже, но онъ знаетъ, по крайней мѣрѣ, чего ему держаться; у него есть какъ бы нѣкоторый компасъ, съ которымъ онъ ужь не боится заблудиться.

Поэтому и Августѣ онъ никакого рѣшительнаго отвѣта не далъ. Онъ не сказалъ ей ни да̀, ни нѣтъ, но не сказалъ ей и того, что онъ будетъ совѣтоваться съ Марьей Николаевной.

— Тамъ увидимъ, говорилъ онъ уклончиво.—Пускай онъ самъ объяснится! мы тамъ посмотримъ.

Августа, хотя ничего положительнаго не узнала, но, все-таки, была счастлива. Самое трудное было сдѣлано: первое слово сказано. Она съ торжествомъ думала о томъ, что все будетъ улажено раньше, чѣмъ пріѣдетъ ея другъ. Она и не подозрѣвала, что устроивала гибель своего друга, что ея минутный, неосторожный порывъ разрушилъ цѣлый, заботливо обдуманный планъ, что все, что̀ стоило ему большихъ усилій, было убито однимъ ея словомъ. И она, больше всѣхъ желавшая ему добра, дѣлала ему теперь больше зла, чѣмъ самый заклятой врагъ его.

Весь день генералъ былъ въ сильной ажитаціи, дожидаясь Марьи Николаевны. Когда она пріѣхала, наконецъ, онъ, хотя и притворился, что ничего особеннаго не имѣетъ ей сказать, но ея онъ не обманулъ: она по глазамъ увидала, что ему что̀-то хочется сообщить ей. Она, какъ будто невзначай, пошла къ нему въ кабинетъ и сѣла тамъ считать деньги. Онъ пришелъ туда вслѣдъ за ней.

— Страсть, сколько денегъ истратила! говорила она какъ бы про себя.

Но генералъ на этотъ разъ и деньгами даже не занялся.

— А у насъ тутъ безъ васъ гость былъ, началъ онъ.

— Кто такой?

— Соловой.

— Долго пробылъ?

— Нѣтъ, онъ пробылъ-то не долго, да вотъ какая штука: онъ за Августу сватается.

У Марьи Николаевны руки вдругъ задрожали; она никакъ не могла отдѣлить одну бумажку отъ другой, но считать не переставала.

— Вы слышите, что̀ я вамъ говорю? спросилъ генералъ.

Digitized by Google

— Слышу.

— Бросьте, матушка, считать-то! Успѣете.

Она все никакъ не могла отлѣпить одну бумажку отъ другой. Губы у нея дрожали.

— Бросьте считать-то, я вамъ говорю! крикнулъ генералъ. Чортъ васъ знаетъ, что̀ у васъ за манера такая! Съ вами дѣло говоришь, а вы—свое... За мою дочь сватаются, слышите ли? Коли вамъ моя дочь—все равно, что̀ съ улицы кто нибудь, такъ мнѣ она дорога̀!

— Вамъ и судить объ этомъ. Что̀-жь вы мнѣ-то говорите? Я въ этомъ дѣлѣ—не судья.

По тону ея голоса генералъ сразу увидалъ, что она противъ этого брака.

— Не судья! крикнулъ онъ.—Вашъ же прокуроръ-то сватается! Вы же его ко мнѣ въ домъ-то привели!

— Да что̀ вы кричите-то, Михаилъ Петровичъ! Тутъ люди кругомъ ходятъ.

— Я говорю: вы же ко мнѣ его въ домъ привели.

— Да что̀ вы на меня-то напали! Ну, привела! ну, что̀-жь изъ этого! Неужели я теперь за все отвѣчать должна? Мало-ли у меня знакомыхъ! я къ нимъ въ душу не могу влѣзть.

— Нѣтъ, а вы влѣзьте, сударыня, вы влѣзьте, да тогда и приводите.

— Ну, ужь это извините! Вы это сами можете дѣлать, коли умѣете. Я—не Богъ, чтобы ко всякому въ душу влѣзать.

— И я—не Богъ, а я всегда говорилъ, что этотъ человѣкъ мнѣ не нравится.

— За то онъ вашей дочери, можетъ быть, нравится.

— Мнѣ дочь не указъ! Я объ себѣ говорю, а не о дочери.

— Я не знаю, чего вы изъ себя выходите. Хотите замужъ ее выдавать—выдавайте, не хотите—не выдавайте! Что̀-жь тутъ изъ себя-то выходить?

— Не объ этомъ теперь рѣчь, а я говорю, что зачѣмъ вы это допустили. Не слѣдовало допускать! Это ваше дѣло было смотрѣть.

— Да мнѣ то что̀-жь! Я почемъ знаю, кого вамъ угодно на ней женить, кого нѣтъ? Я-то съ какой стати буду вмѣшиваться.

— Вы должны были *мнѣ* сказать.

— Мнѣ нѐчего было говорить; я сама ничего не знала.

На щекахъ Марьи Николаевны выступили багровыя пятна. Она ни на минуту не забывала о своей сестрѣ; и подумать не

Digitized by Google

могла безъ ужаса о томъ, какой ударъ готовится ей. Она только что вернулась отъ нея и видѣла, въ какомъ та тревожномъ настроеніи, но какъ она далека еще отъ мысли, что все уже кончено. Надо было поскорѣе предупредить ее, чтобы она узнала объ этомъ раньше, чѣмъ этотъ слухъ дойдетъ до нея отъ постороннихъ.

А генералъ, между тѣмъ, хотѣлъ, чтобы Марья Николаевна высказалась рѣшительно. Онъ безъ ея указанія положительно не зналъ, какъ ему въ этомъ случаѣ поступить.

— Онъ, вѣдь, на дняхъ за отвѣтомъ пріѣдетъ, сказалъ онъ.

— Пускай его пріѣзжаетъ.

— Что-жь я ему скажу?

— Вы тамъ, что хотите, то и говорите ему, а я васъ вотъ о чемъ должна предупредить: что онъ, можетъ быть, на ваше состояніе разсчитываетъ, потому что у него его собственныя дѣла очень разстроены. Я ужь ихъ дѣла хорошо знаю; я отъ сестры это знаю. Имѣніе у него заложено и долги есть. Вотъ, какъ хотите, такъ и судите.

— Пусть онъ мнѣ всѣ документы покажетъ.

— Нечего ему показывать-то. Я знаю, что у него имѣніе заложено.

И, поселивши въ душѣ генерала страшное подозрѣніе, что Соловой—человѣкъ совсѣмъ безо всякого состоянія, она выдумала какой-то предлогъ и на другой же день уѣхала къ сестрѣ.

VII.

Соловой ничего не зналъ о случившемся въ его отсутствіе и, въ первое же воскресенье, отправился, по обыкновенію, въ Сокольники. Въ воскресенье его всегда тамъ ждали: онъ въ этотъ день почти обязательно бывалъ у Надежды Николаевны.

Подъѣзжая къ дачѣ, онъ очень былъ удивленъ, увидавши извощичью пролетку съ чемоданомъ и съ подушкой.

— Кто это пріѣхалъ? спросилъ онъ извозчика.

— Барина привезъ.

— Откуда?

— Съ машины.

«Неужели братъ? подумалъ онъ съ восторгомъ.—Неужели за нею пріѣхалъ?..»

И, въ то же мгновеніе, отвратительная для него дача приняла видъ веселый и улыбающійся.

Digitized by Google

— Володя! крикнулъ онъ, увидавши племянника въ окно:—кто это пріѣхалъ?

Но Володя, не отвѣчая, сорвался съ окна назадъ въ комнаты, и слышно было, какъ тамъ кричалъ:

— Папаша, дядя идетъ!

Иванъ Павлычъ встрѣтилъ брата на порогѣ. Онъ успѣлъ ужь сильно загорѣть, особенно съ затылка, который у него сдѣлался мѣднокраснымъ. Лицо тоже какъ-то побурѣло, и на лбу, какъ ниткой, была проведена та черта, дальше которой не коснулся загаръ. Съ дороги онъ весь былъ измятъ: и рубашка на немъ была мятая, и желтый какой-то китель, въ которомъ стыдно было ходить по Москвѣ. Руки у него были грязныя, хотя онъ и ѣхалъ всю дорогу въ офицерскихъ перчаткахъ; лицо у него тоже было все въ пыли, но глаза улыбались изъ подъ очковъ: онъ, видимо, былъ еще подъ вліяніемъ радостнаго свиданія съ женой и съ дѣтьми.

— А мы только что тебя вспоминали, встрѣтилъ онъ брата.— Ты, говорятъ, каждое воскресенье тутъ бываешь?

— Да, я въ этотъ день больше свободенъ.

«Слава Богу! думалъ онъ, входя въ комнаты:—нынче наединѣ не будемъ сидѣть.»

Надежда Николаевна, при входѣ его, какъ-то странно посмотрѣла на него, такъ что онъ сразу почувствовалъ себя неловко, стараясь объяснить себѣ значеніе этого взгляда; но она тотчасъ же опять отвернулась и стала смотрѣть въ чайницу, куда она въ эту минуту насыпала чай.

— Ну что̀, ка̀къ вы тутъ поживаете? началъ Иванъ Павлычъ.— А дѣти выросли, я нахожу. Замѣтно выросли, особенно Володя.

— Ты, однако, скорѣй пей чай, замѣтила жена:—а то ты можешь опоздать.

— А что̀ такое? спросилъ Николай Павлычъ. — Ты развѣ ѣдешь куда нибудь?

— Да̀, тутъ въ одно мѣсто надо съѣздить.

— Помилуй, куда-жь ты теперь вечеромъ отправляешься? Теперь всѣ присутственныя мѣста закрыты. Вѣдь, не въ гости же ты ѣдешь?

— Мнѣ надо непремѣнно быть у одного господина: онъ завтра уѣзжаетъ изъ Москвы.

— Такъ ты завтра и поѣзжай! Вѣдь, не на разсвѣтѣ же онъ уѣдетъ? Поѣзжай утромъ.

«Бѣда, если онъ уѣдетъ!» думалъ онъ про себя.

— Нѣтъ, такъ вѣрнѣй будетъ, говорилъ братъ.—До завтра нѣчего откладывать.

Digitized by Google

— Да что̀ вѣрнѣй? я не понимаю. Ка̀къ это не отдохнуть съ дороги, скакать сломя голову Богъ знаетъ куда!

На лицѣ у Надежды Николаевны вдругъ что̀-то передернуло.

— Онъ не Богъ знаетъ куда ѣдетъ; онъ ѣдетъ по дѣлу. Не отговаривайте его, пожалуйста.

— Да нѣтъ, что̀-жь? сказалъ Иванъ Павлычъ.—Пускай его отговариваетъ—что̀-жь такое! Онъ знаетъ, вѣдь, что я все равно поѣду.

— Нѣтъ, онъ этого не знаетъ; онъ надѣется, напротивъ, что ты останешься. Онъ такъ радъ тебя видѣть, что не хочетъ разставаться съ тобой.

— Еслибъ я этого только хотѣлъ, такъ это сдѣлать очень легко, сказалъ Соловой:—мнѣ сто̀итъ только поѣхать вмѣстѣ съ нимъ, что̀ я и сдѣлаю.

Надежда Николаевна стала вдругъ бѣлѣй той скатерти, которая лежала на столѣ.

— Нѣтъ, я надѣюсь, что вы этого не сдѣлаете, сказала она твердо.

— Это отчего?

— Оттого, во-первыхъ, что я хочу нынче вечеръ провести съ вами, а, во-вторыхъ—потому что у меня есть до васъ дѣло.

— Дѣло? до меня?

— Да̀, мнѣ нужно съ вами поговорить... по порученію одной особы, прибавила она.

Соловой смотрѣлъ на нее въ упоръ и молчалъ.

— Что̀ ты его держишь? сказалъ мужъ.—Пускай его ѣдетъ со мной. Развѣ ты не можешь другой разъ съ нимъ поговорить?

— Не могу; меня просили сдѣлать это сегодня. Я исполняю порученіе одной особы. Поэтому я прошу Николая Павлыча остаться.

Соловой стиснулъ зубы отъ злости. Что̀ ему было дѣлать? Отказать—невозможно. Надо остаться.

— Однако, я вижу, у васъ тутъ какія-то очень секретныя дѣла̀, замѣтилъ братъ, улыбаясь.

— Да̀, это дѣло можетъ быть интереснѣе для Николая Павлыча, чѣмъ онъ думаетъ.

Соловой поклонился.

— Въ такомъ случаѣ я остаюсь, конечно.

«Остаюсь на вѣрныя мученія! подумалъ онъ.—Что̀ такое еще случилось? Чего эта отвратительная женщина хочетъ отъ меня?»

А она уже, нисколько не скрываясь, съ злою радостью смотрѣла на него черезъ столъ. Ея взглядъ ясно говорилъ: ты теперь ужь не уйдешь отъ меня!

Digitized by Google

— Ну, разсказывайте ваши секреты, сказалъ Иванъ Павлычъ поднимаясь:—а я пойду еще одѣваться. Рожу надо вымыть.

Когда онъ вышелъ, Соловой подошелъ къ Надеждѣ Николаевнѣ.

— Какое у васъ дѣло до меня?

— Послѣ вы узнаете.

— Развѣ вы не можете теперь же мнѣ сказать?

— Не могу; теперь намъ могутъ помѣшать.

Онъ, самъ не зная почему, говорилъ ей *вы*: она отвѣчала ему тѣмъ-же.

— Это дѣло, вы говорите, по порученію какой-то другой особы?

Она посмотрѣла на него въ упоръ своими холодными, ясными глазами.

— Да! сказала она какъ-то странно и тотчасъ-же засмѣялась.

— Чему же ты смѣешься? спросилъ онъ, сдѣлавши надъ собой усиліе, чтобы сказать ей *ты*.

Она не отвѣтила ему. Одинъ глазъ у нея какъ-то дергало. Она хотѣла было заговорить, но у нея и ротъ стало дергать. Это было движеніе едва замѣтное, едва уловимое, но ей самой казалось, что оно искажаетъ все ея лицо. Она поэтому боялась говорить.

«Что̀ такое могло случиться? спрашивалъ онъ себя.—Однакожь, что̀ бы тамъ ни было, она можетъ подозрѣвать, что̀ ей угодно; но она вѣрнаго ничего не знаетъ.»

И эта мысль, которая поддерживала его во всѣ трудныя минуты, поддержала его и теперь.

«Хуже было! подумалъ онъ, вспоминая сцену съ братомъ.—Если я тогда выпутался, то теперь и подавно».

А Надежду Николаевну все слегка подергивало. Онъ даже это замѣтилъ. Что̀ такое случилось? продолжалъ онъ допытываться и тутъ же подумалъ, что, еслибы ему обѣщали еще два мѣсяца подобныхъ мученій, онъ, не думая ни минуты, уѣхалъ бы за границу и никогда бы больше въ Россію не вернулся. Онъ, послѣ своего послѣдняго свиданія съ Августой, сталъ уже опять критически относиться къ своему увлеченію. Августу ему было жаль, но, во всякомъ случаѣ, жизнь съ нею не дала бы ему покоя: пока Надежда Николаевна жива, она не оставила бы его въ покоѣ, еслибъ ему даже и удалось жениться потихоньку отъ нея. Одно то, что она была женой его брата, давало ей право поддерживать съ нимъ постоянныя отношенія. Онъ чувствовалъ, ка̀къ ненависть къ ней съ каждымъ днемъ все ростетъ въ его сердцѣ, ка̀къ она крѣпко связала его съ собою и ка̀къ

Digitized by Google

узелъ этотъ теперь ужь самъ собою затягивается все крѣпче. Куда бы ни направилъ онъ теперь свою жизнь, она вездѣ станетъ ему на дорогѣ. Какъ привидѣніе, какъ проклятіе, она будетъ вѣчно тяготѣть надъ нимъ.

Иванъ Павлычъ вымылся, причесался, одѣлся въ черный сюртукъ и пришелъ спросить брата окончательно—ѣдетъ онъ или не ѣдетъ.

— Нѣтъ, я остаюсь.

— Ну, такъ ты ужь подожди меня; я часа черезъ два вернусь назадъ.

Черезъ рѣшетку сада видно было, какъ проѣхала его пролетка и какъ поднявшаяся за нею пыль улеглась опять на дорогѣ.

И вотъ они остались—они, когда-то горячо любившіе другъ друга—теперь двумя врагами, готовыми на бой! Онъ не зналъ еще, съ какой стороны будетъ нанесенъ ударъ, но она обдумала свой планъ съ какой-то утонченной жестокостью. Она такъ страдала сама, что для нея доставляло удовольствіе думать, что она заставитъ страдать и другого. Она никакъ не хотѣла поразить его сразу—нѣтъ! это было бы слишкомъ легко; это было бы блаженствомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ она испытала. Она задумала провести его черезъ цѣлый рядъ пытокъ, чтобы ужасъ его положенія открывался ему не сразу, а постепенно. Она хотѣла насладиться его мученіями и тогда уже сказать ему: ты долженъ погибнуть! Погибнуть нравственно, что̀ въ тысячу разъ хуже всякой физической смерти, погибнуть безвозвратно...

Она обдумала этотъ планъ старательно: наканунѣ, весь день и потомъ всю ночь она думала объ немъ. Она не знала только, выдержитъ ли его до конца; она не отвѣчала за себя.

— Что̀ такое за таинственность! сказалъ Соловой, оставшись съ ней наединѣ.—Ты знаешь, что я ненавижу эту таинственность. Если говорить, такъ говорить прямо.

— Ты судишь по себѣ: ты самъ, какъ человѣкъ въ высшей степени прямой, всегда дѣйствуешь открыто. Но я не такова: я прямо говорю это. Можетъ быть, мы, женщины, вообще не отличаемся правдивостью. Мы, вѣдь, не понимаемъ, что̀ честно и что̀ нечестно! Что̀-жь дѣлать? Чтобы не судить насъ слишкомъ строго, я тебѣ совѣтую оглянуться на себя. Можетъ быть, если строго присмотрѣться, то и на твоей совѣсти есть что̀ нибудь... *Можетъ быть*, я говорю; я не знаю навѣрное.

— На моей совѣсти есть мои отношенія съ тобой.

— Да̀, ну, хоть бы это! Все равно. Вотъ уже ты видишь самъ: нельзя прожить на свѣтѣ безъ маленькой хитрости.

Digitized by Google

— Ты говоришь, перебилъ онъ ее:—что тебѣ поручили переговорить со мной?

— Не совсѣмъ такъ. Мнѣ поручили разузнать тебѣ одну вещь стороною, но я хочу спросить тебя прямо.

— Что̀ такое?

— Ты знаешь княгиню Бородинскую?

«Это еще что̀ за исторія!» подумалъ Соловой.

— Ну, знаю.

— Ты знаешь, что она имѣетъ виды на тебя?

— Этого я не знаю, да это мнѣ рѣшительно все равно.

— Она недавно была у меня и спрашивала меня, правду ли говорятъ, что ты женишься.

Надежда Николаевна при этомъ остановилась и посмотрѣла на него, но онъ постарался не встрѣчаться съ ней глазами.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ сказалъ ей, что это—не ея дѣло.

— Нѣтъ, отчего же! Я сказала ей, что, если она хочетъ, то я это узнаю.

— Ты, однако, хорошія порученія на себя берешь: это, другими словами, называется маклерство. Мнѣ кажется, порядочная женщина уклонилась бы отъ такихъ порученій.

— Можетъ быть; я—не порядочная женщина, я не спорю; но я такъ поступила. Я обѣщалась ей узнать.

— Ты могла бы предоставить это твоей сестрѣ—сватать дочерей княгини Бородинской, потому, что это было очевидное и нахальное сватовство. Ей никакого нѣтъ дѣла до того, женюсь я или не женюсь; если она спрашиваетъ объ этомъ, стало быть, она имѣетъ на меня виды. И ты, вмѣсто того, чтобы указать ей, ка̀къ это не деликатно, ка̀къ это пошло, сама вмѣшиваешься въ это дѣло. Подумала ли ты, ка̀къ это прилично, ка̀къ это ставитъ тебя на одну доску съ этой свѣтской потаскушкой Бородинской?

— Нѣтъ, я ничего не думала—я сознаюсь. Я думала только объ томъ, откуда эти слухи о твоей женитьбѣ.

— Откуда! но это смѣшно даже спрашивать. Откуда берутся всѣ слухи? Про меня даже въ газетахъ разъ писали, что я убитъ на ска̀чкахъ. Доберись поди, откуда это взяли.

— Такъ что для тебя самого эти слухи—совершенная новость?

— Я такъ мало обращаю на нихъ вниманія, что, можетъ быть, они и давно были—я не знаю. Я всегда пропускаю ихъ мимо ушей.

— Нѣтъ, а я интересуюсь ими. Я знаю, что всякій слухъ имѣетъ же какой-нибудь источникъ. Когда еще говорятъ просто,

Digitized by Google

что человѣкъ женится, я не придаю этому значенія: это можетъ быть и выдумка. Но когда говорятъ, *на комъ* онъ женится...

Она опять остановилась. Весь этотъ разговоръ она вела, не спуская съ него глазъ. Онъ чувствовалъ подъ собой не то, чтобы горячія уголья, но цѣлый костеръ; онъ задыхался.

— А про меня говорятъ даже, на комъ я женюсь?

— Да̀, говорятъ.

— На комъ же? это интересно.

— На Охлыстышевой.

— На Августѣ? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Да̀, говорятъ.

— Но, послушай, послѣ этого въ домѣ нигдѣ нельзя бывать!

— Вѣроятно, ты бывалъ тамъ чаще, чѣмъ нужно.

— Да мнѣ въ голову никогда не приходило. Если эти слухи есть дѣйствительно, мнѣ очень досадно теперь... Еслибъ я это предвидѣлъ...

— Да̀, это жаль, потому что теперь могутъ говорить, что ты скомпрометировалъ дѣвушку.

— Чѣмъ это я могъ ее скомпрометировать? Развѣ я одинъ тамъ бывалъ!

— Однакожъ, на тебя именно указываютъ. Почему же это изо всѣхъ бывавшихъ тамъ мужчинъ на тебя только указываютъ, какъ на жениха? Вѣроятно, есть какія-нибудь причины.

— То есть, кто же это указываетъ? Опять эта потаскушка Бородинская?

— Оставимъ Бородинскую. Эти слухи не отъ нея идутъ; они до нея только дошли такъ же, какъ и до другихъ.

«Что̀ за чертовщина! подумалъ Соловой:—недѣлю тому назадъ, никто ничего не говорилъ, вдругъ вся Россія какъ будто говоритъ о моей женитьбѣ! Никто, однако, кромѣ меня съ Августой, ничего не знаетъ, да и знать не можетъ».

Эта мысль опять поддержала его, когда храбрость совсѣмъ уже стала было его оставлять.

«Это, просто—какія-нибудь шутки Бородинской, рѣшилъ онъ — Это она распустила слухъ съ досады, что ея дѣло не выгорѣло.

Онъ и не подозрѣвалъ, что Бородинская тутъ не при чемъ, что вся исторія съ ней выдумана Надеждой Николаевной нарочно, чтобы вѣрнѣй поймать его въ свои сѣти.

Она едва могла говорить отъ негодованія. Ка̀къ она ни обманывала себя, а ей легче было бы, еслибъ онъ прямо признался ей во всемъ. Видѣть, ка̀къ онъ смѣло лжетъ ей въ глаза, ка̀къ онъ запирается передъ ней во всемъ, и видѣть въ немъ, въ то же время, человѣка, которому она отдала свою жизнь—сдѣлалось

Digitized by Google

для нея невыносимо. Она съ трудомъ сдерживала себя. Утонченная пытка, которую она готовила для него, сдѣлалась пыткой и для нея самой. Она только теперь открывала всю бездну лжи, которая была въ этомъ человѣкѣ и которой она не видѣла, когда онъ, вмѣстѣ съ ней, обманывалъ ея мужа.

— А, можетъ быть, ты и не прочь бы жениться на Охлыстышевой? замѣтила она вопросительно.

«Все равно ужь, лгалъ много, подумалъ онъ:—надо идти до конца». Онъ замѣтилъ, что съ ней уклончивые отвѣты ни къ чему не ведутъ—съ ней надо говорить рѣшительно.

— Ты знаешь, что я никогда не женюсь, сказалъ онъ смѣло.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Ему показалось, что онъ мало запирается. На него вдругъ напала какая-то животная трусость, трусость зайца, который чувствуетъ, что за нимъ бѣгутъ по пятамъ и уже настигаютъ его.

— Меня удивляютъ твои сомнѣнія, началъ онъ.—Чего ты еще сомнѣваешься? Какіе поводы я тебѣ подалъ сомнѣваться во мнѣ?..

Онъ хотѣлъ продолжать... и остановился. Передъ нимъ была не Надежда Николаевна, а какая-то незнакомая ему, страшная женщина. Лицо у нея въ одинъ мигъ побѣлѣло, какъ мукой обсыпанное, черныя губы конвульсивно передергивало. Но страшнѣй всего были ея глаза: глаза почернѣвшіе, всѣ обратившіеся въ одинъ огромный зрачокъ и заблестѣвшіе какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ, какъ у кошки. Она открыла ротъ и не могла ничего сказать—въ горлѣ у нея что-то сдавило.

— Низкій человѣкъ! сказала она, наконецъ, не своимъ, а какимъ-то ей самой незнакомымъ голосомъ.—Низкій лжецъ! повтори мнѣ тутъ сейчасъ, что ты не женишься на Августѣ!

Соловой всталъ; онъ тоже былъ блѣденъ. Онъ не могъ отвѣтить ей сразу. Онъ глядѣлъ на нее, какъ бы не узнавая ея, и молчалъ.

— Ты думалъ обмануть меня! говорила она, съ трудомъ отдѣляя свой пересохшій, воспаленный языкъ.—Тебѣ ли меня обмануть! Я нарочно заставила тебя притворяться, чтобы посмотрѣть, какъ ты будешь лгать и вывертываться передо мною. Я все знаю! я знаю также и то, что ты—жалкій, ничтожный трусъ.

Дикія мысли проносились въ головѣ у Солового. Какъ она могла узнать все—онъ не понималъ; но для него очевидно было одно, что она дѣйствительно все знаетъ. И, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, его трусость смѣнилась мгновенно бѣшенствомъ. Бояться больше нечего было: худшее уже слу-

Digitized by Google

чилось. Бѣшенство на нее и на себя за свою безполезную трусость затемнило ему разсудокъ. Онъ схватилъ ее за руку и схватилъ грубо, какъ будто желая причинить ей физическую боль.

Она рванулась отъ него.

— Не дотрогивайся до меня! мнѣ гадко, когда ты до меня дотрогиваешься.

Онъ выпустилъ ея руку и нѣсколько опомнился. Ему стыдно стало за это грубое движеніе.

— Мнѣ, впрочемъ, все равно, сказалъ онъ холодно.—Если вы это знаете, тѣмъ лучше для васъ.

— Дà, я это знаю. Дà, я знаю! повторяла она, не помня себя.—Вчера у меня была сестра и сказала мнѣ, что вы ужь формальное предложеніе сдѣлали у Охлыстышевыхъ.

— Вамъ сестра этого не могла сказать, потому что я формальнаго предложенія еще не дѣлалъ.

— Будто бы? Ну, такъ это, значитъ, ваша Августа лжетъ! Она пришла сказать отцу, что вы ей сдѣлали предложеніе, и пришла просить его согласія.

Тутъ только Соловой все понялъ. Вотъ кто былъ причиной всего: Августа! его Августа, на которую онъ полагался больше, чѣмъ на самого себя.

Далѣе скрывать что̀-нибудь было бы безполезно.

— Вы понимаете, я надѣюсь, сказалъ онъ:—что если, я до сихъ поръ скрывалъ все, такъ я дѣлалъ это для васъ же.

— Я вамъ очень благодарна, отвѣтила она, тоже начиная приходить въ себя.—Я знаю, что вы очень много заботитесь обо мнѣ; гораздо больше даже, чѣмъ я заслуживаю. Потому что что̀ я такое? я—ваша любовница, а съ любовницами не церемонятся: ихъ просто гонятъ въ шею, когда онѣ больше не нужны. Все же... вы были со мной гораздо деликатнѣе: вы хотѣли выжить меня изъ Москвы, безъ меня жениться и тогда уже запереть мнѣ подъ носомъ двери. Это такъ деликатно, что я больше и желать ничего не могла. Такой образованный человѣкъ, какъ вы, и не могъ поступить иначе! Порядочный человѣкъ никогда не говоритъ: я женюсь! Нѣтъ, онъ лжетъ до послѣдней минуты, а потомъ прямо говоритъ: я женился!

— Это зависитъ много отъ того, съ какой женщиной имѣютъ дѣло, замѣтилъ грубо Соловой.

— Конечно! Если это—женщина, которой боятся, то тѣмъ болѣе не надо, чтобы она что̀-нибудь знала. Къ ней не приходятъ и не говорятъ честно: я васъ разлюбилъ; научите меня, что̀ мнѣ дѣлать, кàкъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ? Нѣтъ! съ ней поступаютъ какъ съ кухаркой, которую хотятъ разсчитать,

Digitized by Google

но не говорятъ ей до времени, чтобы она не украла серебряныхъ ложекъ. Мнѣ не говорили для того, чтобы я какъ-нибудь свадьбы не разстроила. Но теперь меня стараются увѣрить, что это для меня только дѣлали, для моего спокойствія. Ахъ, я вамъ безконечно благодарна за это, безконечно благодарна!

«Ну, если дѣло только этимъ кончится, подумалъ Соловой:— то я еще дешево отдѣлался».

— Я не хочу оставаться въ долгу у васъ, продолжала Надежда Николаевна.—Я тоже думаю о вашемъ спокойствіи; и, такъ какъ я увѣрена, что вы съ Августой Михайловной счастливы не можете быть, то я приму мѣры, чтобы эта свадьба не состоялась.

— *Вы* примете мѣры?! спросилъ онъ пораженный.

— Единственно для вашего спокойствія; больше ни для чего, какъ для этого! Я именно въ долгу не хочу оставаться. Вы думали обо мнѣ, я думаю о васъ.

— Вы шутите! О какихъ это мѣрахъ вы говорите? Надѣюсь, вы скандала не думаете сдѣлать?

— За кого вы меня считаете! Вы хотя и не считаете меня порядочной женщиной, но я сама еще настолько уважаю себя, чтобы къ скандаламъ не прибѣгать.

— Чего же вы хотите? Вы думаете, можетъ быть, на мое великодушіе подѣйствовать?

— Я давно знаю, что его въ васъ нѣтъ.

— Чего же вамъ нужно? Вы не будете, надѣюсь, говорить, что я долженъ принести себя въ жертву вамъ. Вы, какъ женщина умная, должны понимать, что гдѣ нѣтъ любви, тамъ такія жертвы безполезны.

— Нѣтъ, я этого не понимаю. Я вижу только одно: что меня вы ужь принесли въ жертву своему эгоизму. Меня вы обманывали самымъ позорнымъ образомъ для того только, чтобы я вамъ какъ-нибудь не помѣшала. Обманъ вамъ не удался. Что̀ дѣлать! Если вы хотѣли успѣха, надо было лучше вести свои дѣла̀. Теперь вы сами будете наказаны.

— Чѣмъ это я буду наказанъ?

— Тѣмъ, что вы никогда не женитесь на ней.

— Это ужь позвольте мнѣ, Надежда Николаевна, знать лучше, чѣмъ вамъ.

— А вы думаете, что я вамъ позволю когда-нибудь жениться на ней?! Вы думаете это?! Ха-ха!

Соловой взялся за шляпу.

Она бросилась къ нему, загородила ему дорогу рукой и такъ посмотрѣла на него, что онъ невольно опустилъ шляпу.

Digitized by Google

— Погодите! сказала она тихо.—Погодите, не спѣшите; сядьте къ этому столу!

Она показала ему на письменный столъ.

— Да вамъ что̀ угодно отъ меня?

— Мнѣ угодно, чтобы вы сейчасъ написали письмо. Вы не уйдете отсюда, пока не напишете этого письма.

Она говорила тихо, глаза у нея были полуопущены, но грудь у нея поднималась въ десять разъ скорѣе обыкновеннаго. Онъ дерзко посмотрѣлъ на нее.

— Положимъ, что я его не напишу, сказалъ онъ.

— Если вы его не напишете, то вамъ... (она посмотрѣла на часы). Черезъ часъ тутъ будетъ мой мужъ. Вы будете объясняться съ нимъ.

И глаза ея блеснули передъ нимъ, какъ что̀-то острое, холодное, но она тотчасъ же опять опустила ихъ. Его ощущеніе при этомъ было похоже на ощущеніе человѣка, которому заползаетъ подъ платье холодная змѣя.

— А письмо, продолжала она, письмо, котораго вы не хотите написать, все-таки будетъ написано, только не вами, а мной. Вы догадываетесь—къ кому.

Змѣя окончательно заползла, и смертельная блѣдность покрыла ему лицо.

— О чемъ вамъ угодно, чтобы я объяснялся съ вашимъ мужемъ? спросилъ онъ глухо.

— О вашихъ отношеніяхъ со мной.

— А вы о себѣ подумали?

— А я себя отдаю совершенно во власть своего мужа. Если ему угодно будетъ убить меня на мѣстѣ, то я даже и сопротивляться не стану. Я только письмо прежде напишу. Рѣшайте: кто его будетъ писать—вы или я?

Она говорила все это съ замѣчательнымъ стараніемъ казаться хладнокровной. Къ ней и силы вернулись, и краски на лицо. Она не дрожала вся, какъ въ началѣ объясненія; достигаемая цѣль возвращала ей самообладаніе. Она дождалась, наконецъ, той минуты, о которой такъ давно мечтала: она мстила ему! И месть была удачна. Она смотрѣла, ка̀къ онъ мѣнялся въ лицѣ, ка̀къ у него губы дрожатъ, ка̀къ онъ не знаетъ, что̀ сказать ей.

— О какомъ это письмѣ вы говорите? спросилъ онъ, стараясь сохранить твердость, которой въ немъ не было.—Какое и къ кому?

— Видите ли, это будетъ зависѣть отъ того, кто его напишетъ. Если вы, то вы въ краткихъ, но ясныхъ словахъ, откажетесь отъ своей невѣсты, а причину отказа выдумаете какую

Digitized by Google

хотите—мнѣ все равно. Если я его напишу, то причину отказа я ужь объясню настоящую: я объясню, почему именно вы не можете жениться.

— Словомъ, вы хотите написать самое скандальное письмо.

— Я вамъ предлагаю написать его самимъ; вы тогда самыя благородныя причины можете привести. Это совершенно отъ васъ зависитъ.

— Вы примите то во вниманіе, что вашему грязному, скандальному доносу могутъ, вѣдь, и не повѣрить.

— Мнѣ могутъ не повѣрить, конечно, потому что я, вѣдь, не принадлежу къ числу порядочныхъ женщинъ—вами это давно доказано. Но если не повѣрятъ мнѣ, такъ повѣрятъ моему мужу: онъ, конечно, сочтетъ своей обязанностью открыть глаза этой дѣвушкѣ, послѣ того, какъ онъ узнаетъ мою исторію съ вами. А онъ узнаетъ ее сегодня же.

— Вы, должно быть, съ ума сошли, сказалъ онъ, вглядываясь въ нее.

— Нѣтъ, я не думаю, чтобы я съ ума сошла, но для меня теперь все равно! я уже столько потеряла, что для меня терять больше нѐчего. Вотъ видите... (она опять посмотрѣла на часы) теперь до его возвращенія остается три четверти часа; самое бо̀льшее—часъ. Этотъ часъ важенъ для васъ, потому что вамъ есть еще время подумать. А мнѣ все равно.

Она сѣла къ столу, взяла перо, попробовала его, бросила и взяла другое. Она дѣлала все это съ разсчитанной медленностью, чтобы ясно было, что она дѣлаетъ все обдуманно и что рѣшеніе ея ужь неизмѣнно. Онъ взглянулъ ей черезъ плечо. Она писала.

«Милостивая государыня Августа Михайловна!»

— Если вы надумаетесь, сказала она не оборачиваясь:—я это письмо потомъ разорву.

Она не успѣла еще договорить, какъ онъ вырвалъ у нея листъ и самъ разорвалъ его въ клочки. Она встала и сверкающими глазами взглянула на него.

— Не забывайтесь, Николай Павлычъ! Этимъ вы меня не остановите: если не нынче, такъ я завтра напишу. Вѣдь, вы не думаете же, въ самомъ дѣлѣ, что мужъ меня убьетъ сегодня. Если онъ и убьетъ кого-нибудь, такъ скорѣй васъ, чѣмъ меня.

Мысль о смерти въ эту минуту нисколько не была страшна для него: но мысль о томъ, что вотъ, черезъ часъ, можетъ быть, братъ придетъ сюда и все узнаетъ, была въ тысячу разъ страшнѣй всякой смерти.

Digitized by Google

Онъ еще разъ поглядѣлъ на нее—не шутитъ ли она? Но не похоже было, чтобъ она шутила. Она не торопила его и не настаивала даже: она ждала съ спокойной рѣшимостью. Ея глаза, вспыхнувшіе отъ негодованія, когда онъ вырвалъ у нея листъ, теперь опять были ясны и холодны. Въ нихъ такъ и можно было прочесть то, что она говорила передъ этимъ: «мнѣ все равно. Это вамъ надо подумать, а мнѣ все равно. Такъ или иначе, а я отомщена».

— Пустите меня, сказалъ онъ, занимая ея мѣсто около стола. —Я самъ напишу что нужно.

— Вы только мнѣ потомъ покажете, замѣтила она спокойно:— и у меня оставите, чтобы я могла сама отослать.

— Послушайте, спросилъ онъ съ худо-скрытымъ бѣшенствомъ: — неужели вы думаете, что вы этимъ что-нибудь выигрываете? Вы знаете, что я васъ ненавижу и послѣ этого поступка буду ненавидѣть еще больше.

— Не знаю. Вы два дня тому назадъ еще говорили, что вы очень меня любите.

— Надежда Николаевна, вы могли бы сохранить во мнѣ друга; наши отношенія очень легко могли бы перейти въ дружескія... Теперь вы пріобрѣтаете себѣ во мнѣ вѣчнаго врага.

— Мнѣ ваша открытая вражда гораздо пріятнѣе вашей лицемѣрной дружбы. Вы столько меня обманывали, что я вашей дружбѣ все равно бы не повѣрила, а теперь я вѣрю, что вы меня ненавидите. Я знаю, по крайней мѣрѣ, что я сдѣлала вамъ столько зла, сколько могла. Это меня утѣшаетъ.

— Вы не мнѣ одному дѣлаете зло: тутъ страдаетъ особа совершенно невинная, которая никогда вамъ ничего не сдѣлала.

— Въ этомъ вы себя вините. Эта особа расплачивается теперь за ваши грѣхи.

Соловой молча сталъ писать. Онъ писалъ Августѣ, что не хочетъ ее больше обманывать, что онъ ея не любитъ и женитьбой на ней хотѣлъ поправить свои разстроенныя дѣла; но послѣднее свиданіе, когда онъ увидалъ ея безграничную къ нему любовь, пробудило въ немъ его совѣсть: онъ убѣдился, что его поступокъ былъ бы подлый и что онъ не способенъ обманывать ее до конца. Поэтому онъ проситъ забыть его, какъ негодяя, который ничего, кромѣ презрѣнія, не заслуживаетъ.

Когда онъ подписалъ это письмо, ему показалось, что онъ подписываетъ свой смертный приговоръ.

Digitized by Google

VIII.

До Троицы оставалась только недѣля; дни пошли ясные, совсѣмъ лѣтніе. Миша къ Троицѣ пріѣхалъ домой и, ни съ кѣмъ даже не поздоровавшись, ушелъ купаться; потомъ вернулся, съѣлъ жаренаго картофеля и опять куда-то ушелъ. Все это онъ дѣлалъ молча, сосредоточенно, какъ и всегда. Дома никогда никто не зналъ, какіе интересы его волновали, что̀ онъ думалъ, какіе у него были планы. Когда отецъ сказалъ ему:

— За твою сестру сватаются.

Онъ сказалъ только.

— Ну, что̀-жь!

И спросилъ у Марьи Николаевны, гдѣ его ноты для скрипки.

Марья Николаевна ходила всѣ эти дни, какъ потерянная: она ждала извѣстій изъ Москвы. Сестру она оставила въ ужасномъ состояніи и ничего вѣрнаго не знала, кромѣ того, что сестра не допуститъ этой свадьбы. Что̀ она хотѣла сдѣлать—этого Марья Николаевна, ка̀къ ни ломала головы, не могла придумать. Эта неизвѣстность такъ безпокоила ее, что она ходила, какъ во снѣ, за обѣдомъ ни до чего не притрогивалась и такой имѣла странный видъ, что генералъ спросилъ ее:

— Что̀ вы, матушка, замужъ, что̀ ли, собрались?

Самъ генералъ, впрочемъ, былъ не въ своей тарелкѣ: онъ обдумывалъ, ка̀къ ему приличнѣе отказать Соловому и нельзя ли узнать о его состояніи какъ-нибудь стороною.

Августа одна была весела. Въ первый же день пріѣзда брата, она все ему разсказала: ка̀къ она открыла все отцу, ка̀къ отецъ, хотя и противорѣчилъ, но слабо, ка̀къ Марья Николаевна очевидно все знаетъ, но не хочетъ ничего говорить, потому что ей первой не сказали, ка̀къ, наконецъ, все это скоро уладится теперь—гораздо скорѣй и легче, чѣмъ она думала. До глубокой ночи бесѣдовали они съ братомъ о томъ, ка̀къ устроится ихъ будущая жизнь. Даже Миша разошелся и разсказалъ сестрѣ, что онъ никогда не женится и, ка̀къ только его выпустятъ въ офицеры, уйдетъ въ Ташкентъ, а потомъ, если русскіе будутъ еще что нибудь завоевывать въ Азіи, такъ онъ и туда уйдетъ. Августѣ онъ тутъ же далъ слово писать не менѣе двухъ разъ въ годъ съ тѣмъ, чтобы и она ему тоже писала. Насчетъ ея замужества онъ замѣтилъ, что онъ очень радъ, но что его удивляетъ все-таки, отчего она не вышла за Отто. Потомъ онъ предупредилъ ее, что, пока онъ еще не ушелъ въ Таш-

Digitized by Google

кентъ, онъ все-таки часто у нея бывать не можетъ, потому что не надѣется сойтись съ ея мужемъ.

— Я все это устрою, сказала она горячо.—Вы должны сойтись. Если ты для меня этого не сдѣлаешь, то Николай Павлычъ сдѣлаетъ. Ты увидишь, какъ онъ будетъ принимать тебя; ты непремѣнно перемѣнишь о немъ свое мнѣніе.

Она не знала, какъ близка та минута, когда она сама должна будетъ перемѣнить свое мнѣніе о немъ. Она легла спать въ этотъ день совершенно счастливая. Когда страшное для нея письмо лежало уже на почтѣ, она засыпала съ счастливыми мечтами о завтрашнемъ днѣ, о слѣдующихъ затѣмъ дняхъ и о томъ днѣ, наконецъ, когда онъ будетъ принадлежать только ей одной и никто въ цѣломъ свѣтѣ не будетъ имѣть на него правъ, кромѣ нея.

Она проснулась въ пятомъ часу, подумала: онъ мой! и тотчасъ же опять заснула. Это—самыя блаженныя минуты, когда между сномъ вдругъ вспоминается, что хорошо жить на свѣтѣ. Въ семь часовъ, она опять проснулась, слышала въ отворенное окно, какъ рабочіе ходятъ по постройкѣ, какъ проѣхала какая-то телега, должно быть, бочка съ водой, и два пѣтуха старались перекричать другъ друга—одинъ подъ самыми окнами, другой гдѣ-то на заднемъ дворѣ. Она опять почти мгновенно заснула и только успѣла подумать: какъ все это хорошо! черезъ мѣсяцъ я буду съ нимъ!

Когда она встала, солнце было уже высоко. Рабочихъ на постройкѣ не было: они ушли обѣдать. Пѣтухи ходили сонные и ничего ужь не пѣли. Двѣ бабы собирались на полдни, но одна что-то позабыла и сказала:

— Ахъ, чтобъ тебѣ пусто! и пошла назадъ въ рабочую избу.

Другая дожидалась ее, пригорюнившись, и проходившему мимо кучеру замѣтила:

— Что ты, дьяволъ, весь плетень-то обломалъ! Нѣтъ тебѣ другого мѣста ходить?

Баба эта была такая толстая и широкая, что весь дворъ звалъ ее коровой, а генералъ всегда удивлялся, отчего она не въ стадѣ.

Августа встала въ такомъ настроеніи, что даже эта баба ей нравилась; она смотрѣла на нее съ особеннымъ удовольствіемъ. И тотчасъ же стала думать о томъ, что ей кажется почему-то, что въ этотъ день долженъ пріѣхать Соловой.

«У меня есть предчувствіе, что онъ будетъ сегодня!» рѣшила она, принимая за предчувствіе свое радостное настроеніе. И тотчасъ же, отдавшись этой мысли, какъ мы всегда легко отдаем-

Digitized by Google

ся пріятнымъ для насъ мыслямъ, она стала представлять себѣ встрѣчу съ нимъ. Ей было немножко стыдно встрѣтиться послѣ того вечера, какъ онъ обнималъ ее и она плакала въ его объятіяхъ, умоляя его, чтобы онъ пріѣзжалъ поскорѣе. Она нѣсколько разъ послѣ того ходила посмотрѣть на это мѣсто около церкви, гдѣ онъ первый разъ поцѣловалъ ее. Она всякій разъ возобновляла въ своей памяти эту сцену, и сердце радостно билось, и краска стыда покрывала ея щеки.

Она была увѣрена, что онъ пріѣдетъ опять. Она думала только о томъ, какое ей платье надѣть для него. Онъ сказалъ разъ, что любитъ, когда женщина ходитъ лѣтомъ въ бѣломъ. Она велѣла подать себѣ бѣлое платье и долго причесывалась передъ зеркаломъ, стараясь причесаться къ лицу. Она одѣвалась, какъ къ причастью, и смотрѣла на себя съ радостнымъ сознаніемъ своей молодости, своей красоты и того, что это не пропадаетъ даромъ. Она взглянула на свои руки, закрытыя до локтя тонкой кисеей, и подумала о томъ, что эти руки *онъ* будетъ цѣловать, и порадовалась тому, что онѣ стоютъ этого поцѣлуя.

Она была очень весела за завтракомъ, несмотря на то, что отецъ сидѣлъ нахмуренный, а Марья Николаевна и совсѣмъ даже имѣла видъ какой-то потерянный. Ее мучило тягостное сознаніе, что она одна только предвидитъ бѣду, когда кругомъ всѣ спокойны. Ей некому было сказать о своихъ опасеніяхъ; она должна была молчать. Она старалась не смотрѣть на Августу, которая, въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи, сѣла играть какія-то веселыя пьесы, а потомъ взяла зонтикъ и ушла съ братомъ гулять.

Она пошла не гулять собственно, а на дорогу, *его* встрѣчать. Ей казалось, что, какъ и въ тотъ счастливый вечеръ, ей стòитъ только подождать его на дорогѣ, и онъ непремѣнно пріѣдетъ. Миша, который гораздо охотнѣе отправился бы купаться, пошелъ, однако, съ ней; она его объ этомъ просила.

— Чортъ знаетъ, какъ жарко! говорилъ онъ, отдуваясь и съ завистью посматривая на лужу, мимо которой они проходили. Эта лужа напоминала ему купанье.

— Мнѣ кажется почему-то, сказала Августа:—что онъ нынче пріѣдетъ.

— Ну, ужь едва ли онъ въ такую жару поѣдетъ.

— Чтò значитъ жара! Развѣ жара можетъ задержать его!

— Ну, ужь не знаю.

Прошли еще съ полверсты. Миша помахалъ руками, которыя у него стали прилипать къ рукавамъ, а рукава къ сюртуку.

Digitized by Google

— Что̀, намъ далеко еще идти? спросилъ онъ.

— Пожалуй, вернемся; мы лучше послѣ обѣда опять пойдемъ.

Они вернулись назадъ. Около самаго почти дома попался имъ мужикъ, который ходилъ на почту за письмами и за газетами.

— Есть письма? спросила Августа разсѣянно.

— Есть.

Мужикъ подалъ ей два письма: одно было къ Марьѣ Николаевнѣ, другое къ ней. Она взглянула на адресъ, и руки у нея задрожали.

— Отъ него! сказала она брату, чувствуя, ка̀къ краска бросается ей въ лицо.

— Ну, ты читай, а я пойду купаться.

— Нѣтъ, я теперь не буду читать; я послѣ обѣда прочту.

— Зачѣмъ?

— Такъ. Я никогда его писемъ сразу не читаю. — Я люблю, когда у меня его письмо лежитъ нераспечатанное.

И она съ любовью посмотрѣла на адресъ и на штемпель, потомъ попробовала на ощупь, сколько въ немъ листовъ, потомъ опустила его въ карманъ и, вся сіяя улыбкой, посмотрѣла на брата, покраснѣла и отвернулась.

— Можетъ быть, это—нужное что-нибудь! замѣтилъ братъ.

— Я знаю ужь! я знаю.

И она все улыбалась и, краснѣя, ускорила шаги. Она увѣрена была, что онъ назначаетъ день свадьбы; ей хотѣлось только знать, въ какихъ это словахъ тамъ сказано. Она нарочно разжигала свое любопытство, чтобы продлить наслажденіе. Она знала, что будетъ потомъ читать это письмо черезъ каждые полчаса, но, все-таки, самая пріятная минута будетъ та, когда она прочтетъ его первый разъ.

Она сѣла за обѣдъ и ѣсть ничего не могла отъ волненія. Она только смотрѣла на всѣхъ влюбленными глазами. Два раза она незамѣтно опускала руку въ карманъ — письмо было тамъ. Она думала о томъ, куда ей пойти и гдѣ ей прочесть его, чтобы никто не видалъ ее въ это время. Это письмо представляло для нея того, кто его писалъ. Она должна была остаться съ нимъ наединѣ: посторонніе не должны быть свидѣтелями ихъ бесѣды.

Когда обѣдъ кончился, она пошла-было къ себѣ въ комнату, но тамъ подъ окнами кто-то разговаривалъ; ей показалось, что тутъ не мѣсто читать письмо. Она пошла въ садъ; но и тутъ ей показалось слишкомъ близко отъ дома. Тотчасъ же за садомъ

Digitized by Google

начинался оврагъ; она спустилась туда и, какъ только убѣдилась, что ее никто уже видѣть не можетъ, вынула изъ кармана драгоцѣнное письмо. Она прижала его къ губамъ и жарко-жарко поцѣловала. Потомъ она разорвала конвертъ, вынула самое письмо и, не читая, опять покрыла его поцѣлуями. Потомъ она стремительно развернула письмо.

Въ первой же строчкѣ ей писали *вы*. Когда она увидала это *вы*, она почувствовала, какъ ее сбрасываютъ въ какую-то бездну, какъ въ головѣ у нея сдѣлалась мгновенная пустота, а въ груди у нея бьется не сердце, а что̀-то страшное, тяжелое... Она ничего еще не понимала и чувствовала только, что дышать она больше не можетъ: или легкихъ не было въ ней, или воздуха не было кругомъ, но дыканіе кончилось. Свѣту тоже не было, она видѣла одну тьму. И, однакоже, среди этой тьмы, она явственно видѣла буквы письма. Жизнь въ ней остановилась, но она могла читать; она читала до конца, и надпись даже прочла: «глубоко васъ уважающій Н. Соловой», и остановилась на точкѣ. Дальше ничего не было: тутъ кончалось письмо и тутъ кончалась ея жизнь. Дальше была одна темная бездна.

Ея не поразила въ эту минуту ни странность письма, ни то, что она такъ грубо заблуждалась, ни то даже, что это случилось такъ внезапно; она ничего этого не понимала. Она поняла только самый фактъ; поняла, что любви нѣтъ и не было никогда! Она подняла конвертъ и прочла внимательно надпись на немъ, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ она это дѣлаетъ: ей казалось, что она хочетъ какъ будто припомнить то ощущеніе, съ какимъ она читала этотъ адресъ минуту тому назадъ, когда не знала еще, что̀ тамъ есть подъ нимъ. Потомъ она спросила себя: неужели это то самое письмо, которое лежало у нея въ карманѣ за обѣдомъ? Потомъ она какъ-то оцѣпенѣла. Она ждала, что, можетъ быть, это—сонъ, и что, если не шевелиться, то можно проснуться. Одну минуту ей казалось, что она сходитъ съ ума и что чего-то самаго маленькаго недостаетъ, чтобы она сошла совсѣмъ. Потомъ еще одну минуту ей казалось, что это случилось не съ ней, а съ кѣмъ-то другимъ.

И вдругъ, какъ лучъ какой прорѣзалъ передъ ней всю тьму этихъ безсвязныхъ догадокъ. То былъ лучъ свѣта въ ея бѣдной, отуманенной головѣ: онъ убивалъ ее морально, но онъ спасалъ ее отъ сумасшествія. Она поняла свое положеніе: она поняла его, наконецъ, во всей его ужасающей ясности. Она упала лицомъ на траву и начала рыдать истерически, конвульсивно, рыдать безъ слезъ. Когда она подумала только, что никакія силы

Digitized by Google

не вернуть ей больше его любви, она пришла въ какое-то изступленіе и стала ломать эти красивыя руки, на которыя такъ недавно еще любовалась, думая, что онѣ будутъ покрыты его поцѣлуями. Она измяла и уничтожила совсѣмъ ту прическу, которую утромъ еще придумала для него. Когда она взглянула на свое бѣлое платье, надѣтое для него, она не платье это увидѣла, а свое прошлое, свое чудное прошлое, теперь возвозвратно погибшее. Она вдругъ увидала сцену у церкви, его объятія, его прощанье... Она какимъ-то блуждающимъ взглядомъ посмотрѣла кругомъ: неужели не было никого, чтобы убить ее на мѣстѣ, чтобы прекратить эти невыносимыя мученія?..

Сколько времени прошло такимъ образомъ—она не помнитъ; но только, когда она приподнялась съ травы, то увидала, что солнца уже нѣтъ и весь оврагъ покрылся тѣнями. Стоявшая на другомъ краю его береза, которая, когда она пришла сюда, вся играла на солнцѣ, такъ что каждый листокъ ея ясно трепеталъ на голубомъ фонѣ неба, теперь обратилась въ какую-то темную массу и стояла, какъ тушью нарисованная, все на томъ же обрывистомъ краю оврага. Да̀, это была все та же береза! Августа помнила ее, потому что на нее почему-то взглянула, когда собиралась распечатать письмо. Тогда каждый листокъ на ней радостно игралъ, тогда вся она была такая прозрачная, красивая, а теперь она стояла строгая, мрачная; теперь и она знала, что̀ было написано въ письмѣ. Она точно на могилѣ чьей-то росла; подъ ней была смерть.

Августа поднялась по тропинкѣ и прошла нарочно мимо ея, чтобы посмотрѣть на нее поближе: она и вблизи была такая же печальная и строгая. Августа пошла дальше, не останавливаясь, не оглядываясь, не понимая, что̀ она дѣлаетъ. Острая боль прошла, но то, что̀ она чувствовала теперь, было едва ли лучше. Въ головѣ у нея была тьма и пустота, и опять что̀-то огромное, тяжелое ворочалось въ груди. Она шла такъ болѣе часу и, когда, наконецъ, очнулась, то увидала, что кругомъ было поле. Она оглянулась: вездѣ были кочки, кусты; дороги давно ужь не было; усадьба осталась верстахъ въ шести. Августа, не думая почти, повернула назадъ. И опять пошла она, все такъ же не понимая, куда и зачѣмъ она идетъ, пока не увидала вдали вербы на плотинѣ. Эти вербы ее испугали: она не могла идти мимо нихъ, не могла вынести воспоминаній, соединенныхъ съ ними. Она сдѣлала двѣ версты лишнихъ, чтобы не идти мимо этой плотины.

Когда она вернулась домой, отецъ спросилъ ее, гдѣ она пропадала.

Digitized by Google

Она посмотрѣла на него молча, удивленно и, ни слова не говоря, пошла дальше. Старикъ испугался.

— Поди-ка, послалъ онъ сына:—поди, посмотри, что̀ съ ней такое. Не случилось ли съ ней чего-нибудь?

Миша вошелъ къ ней въ комнату.

— Что̀ такое съ тобой? спросилъ онъ.

Она не отвѣчала ему, отвернулась отъ него, наклонилась надъ подушкой и вдругъ зарыдала. Голосъ брата подѣйствовалъ на нее благодѣтельно: онъ ее вывелъ изъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ она была до сихъ поръ. Онъ сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать до сихъ поръ никакія ея усилія: онъ вызвалъ слезы; но то были жалкія, скудныя слезы. Горячей влагой стояли они въ глазахъ, жгли ихъ чѣмъ-то ѣдкимъ, щиплющимъ, и ни одна не выкатывалась наружу. Не было облегченія для груди, гдѣ на мѣстѣ сердца все ворочалось что̀-то огромное, а въ горлѣ что̀-то щемило и не давало простора рыданіямъ. Миша смотрѣлъ, ка̀къ она конвульсивно вздрагиваетъ и не то плачъ, не то стонъ вырывается изъ подушки, въ которую спрятала она свое лицо, и растерялся до того, что сталъ трогать ее за плечи; но потомъ, увидавши, что и это не помогаетъ, пошелъ за Марьей Николаевной.

Та пришла блѣдная, велѣла принести воды, сама налила въ стаканъ и молча подала Августѣ. Она стояла надъ ней нѣсколько минутъ, не зная, что̀ ей сказать, и нестолько жалѣла ее, сколько боялась за послѣдствія; еслибы что̀-нибудь случилось, грѣхъ былъ бы на ея душѣ. Она первая, поэтому, предложила испуганному генералу послать за докторомъ. Августа, услыхавши это, приподнялась и мутными глазами посмотрѣла на всѣхъ.

— Мнѣ докторъ не нуженъ, сказала она твердо.—А если вы хотите знать что̀-нибудь, вотъ...

Она разжала руку, въ которой было у нея письмо, и подала его отцу. Тотъ дрожащими руками надѣлъ очки и сталъ читать его, поднеся къ самой свѣчкѣ. Еслибы не горе дочери, то содержаніе письма было бы ему скорѣй пріятно, чѣмъ непріятно: оно устроивало само собой то, чего онъ желалъ; Соловой отказывался самъ, избавляя его отъ труда отказать ему и вступать потомъ въ борьбу съ дочерью. Старикъ побаивался немножко непреклоннаго характера своей дочери.

— Ну, что̀-жь! подлецъ! сказалъ онъ, прочитавши письмо. — И слава Богу, что это такъ устроилось. Я всегда думалъ, что онъ—подлецъ.

Digitized by Google

Августа посмотрѣла на него какими-то странными глазами, но ничего ему не сказала. Генералъ продолжалъ утѣшать ее, полагая въ своей наивности, что самыми утѣшительными будутъ для нея слова: «подлецъ» и «негодяй», которыхъ онъ не жалѣлъ, говоря о Соловомъ. Августа все молчала и, казалось, не слыхала его. Вдругъ она подняла на него свои черные глаза, въ которыхъ можно было прочесть какую-то печальную рѣшимость.

— Не будемте говорить объ немъ! Если вы хотите сдѣлать для меня хоть что-нибудь—не говорите мнѣ объ немъ. Это дѣло кончено. Я вамъ даю слово, что отъ меня вы никогда больше ничего не услышите.

И съ этихъ поръ, дѣйствительно, никто не слыхалъ отъ нея его имени. Онъ умеръ для нея, и она его память свято похоронила въ своемъ сердцѣ, не позволяя никому прикоснуться до нея. Тотъ, кого она любила, никогда не существовалъ: онъ жилъ только въ ея воображеніи. Тотъ, который остался теперь, былъ для нея чужой, совсѣмъ ей незнакомый человѣкъ. Она продолжала любить перваго и думала съ какимъ-то холоднымъ презрѣніемъ о второмъ.

Она сознавала, что жизнь ея разбита, что погибла ея вѣра въ людей; но она затаила все это въ душѣ, и никто изъ домашнихъ даже понять не могъ, отчего, послѣ перваго, такого сильнаго припадка отчаянія, она сдѣлалась вдругъ ровна и спокойна. Никто даже слезъ у нея не видалъ, а, между тѣмъ, она не искала уединенія: весь день почти она сидѣла съ кѣмъ-нибудь и дѣлала все, правда, автоматически, но она все дѣлала. Она не слышала иногда, что ей говорятъ, но, если ей указывали на это, она тотчасъ же становилась внимательна.

Своей скрытностью она увеличивала свои страданія, потому что постоянное, затаенное горе только хуже гложетъ наше сердце, но ни ради какого облегченія не рѣшилась бы она подѣлить свое горе съ другимъ. Цѣлыя ночи просиживала она напролетъ, глядя въ отворенное окно, какъ одна заря потухала, а другая занималась снова. Теплыя, беззвучныя слезы катились по ея лицу. Все, что накопилось за день, выливалось въ этихъ горячихъ слезахъ. Каждую ночь она оплакивала такъ свою потерянную любовь, и эти минуты были отрадныя, въ сравненіи съ тѣми долгими, мучительными часами, которые она проводила днемъ, когда ей приводилось быть среди людей, смотрѣть, какъ они пьютъ, ѣдятъ, разговариваютъ, и не понимать ничего, и помнить только одно—что для нея все кончено, и она, какъ

Digitized by Google

автоматъ, брошена въ эту чуждую для нея жизнь. Она ждала теперь ночи, какъ блага какого-нибудь, чтобы никто не подсмотрѣлъ ея слезъ, раздиравшей ея душу тоски.

Она, какъ величайшее счастіе, приняла бы теперь какія-нибудь физическія страданія, чтобы заглушить эту невыносимую, нравственную боль. Но, точно насмѣшка какая, сохранялось ея цвѣтущее здоровье: ни безсонныя ночи, ни слезы не могли сломать ея организма. Она никогда не была такъ крѣпка физически, какъ теперь, и ея больной, истерзанный духъ только больше страдалъ въ этомъ здоровомъ тѣлѣ. Жизнь въ ней кипѣла, но на что̀ ей была эта жизнь? Она безъ ужаса подумать о томъ не могла, что̀ ее ждало впереди: это—безконечная, ненавистная, невыносимая жизнь.

Она не знала, ка̀къ ей вырваться изъ этого ужаснаго круга, въ который попала помимо своей воли. Какъ цѣпями, она окована была этой страшной силой воспоминаній, отъ которыхъ никуда нельзя уйти. Она припоминала сцену у церкви и, обливаясь слезами, смотрѣла на то мѣсто, гдѣ онъ послѣдній разъ обнималъ ее—ее, теперь брошенную, обманутую!..

Она не о немъ жалѣла, а о своей потерянной любви, о томъ, что это чувство, освѣтившее ей жизнь, потухло навсегда и что она никого никогда такъ любить уже не можетъ, ка̀къ любила его.

IX.

Послѣ своего объясненія съ Надеждой Николаевной, Соловой пересталъ бывать у нея, такъ что братъ его самъ, наконецъ, заѣхалъ узнать—что̀ за причина, что его не видать? Соловой отговорился дѣлами и обѣщалъ быть на-дняхъ.

Но прошла еще недѣля, а онъ, все-таки, не ѣхалъ. Тогда ему изъ Сокольниковъ прислали записку, въ которой братъ писалъ ему, что Надя больна и просилъ его пріѣхать. Соловой скомкалъ записку съ какимъ-то злорадствомъ.

— А! Надя больна! Хорошо, я пріѣду полечить ее.

Чѣмъ больше онъ думалъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ ней, когда она, приставивши ему ножъ къ горлу, заставила его написать письмо, въ которомъ онъ выставлялъ себя подлецомъ въ глазахъ любимой дѣвушки, тѣмъ больше росло въ немъ желаніе сдѣлать ей все то зло, какое онъ только въ силахъ будетъ ей сдѣлать. Онъ мстилъ ей не за то только, что она от-

Digitized by Google

няла у него Августу, но и за то, и за это даже больше, что она отняла у него свободу. Когда онъ понялъ, что у него своей воли нѣтъ и она говоритъ ему: ты будешь дѣлать то, что̀ я прикажу—онъ возненавидѣлъ ее всѣми силами своей души. Ненависть эта такъ овладѣла имъ, какъ никогда не овладѣвала любовь. Любовь въ немъ вспыхивала порывами, но это новое чувство наполнило всѣ его поры: онъ дышалъ имъ, онъ имъ только жилъ. Онъ чувствовалъ, что, пока онъ не раздѣлается съ Надеждой Николаевной, онъ ни о чемъ больше неспособенъ думать.

Жалость къ Августѣ и раскаяніе въ своемъ поступкѣ съ нею были бы гораздо сильнѣе въ немъ, еслибы не это новое чувство, не эта жажда мести, не это желаніе вырваться изъ-подъ позорнаго давленія, которое оказывала на него женщина, давно уже потерявшая на него всякія права̀. Мысль, что ему надо какъ-нибудь покончить съ ней, поддерживала его въ постоянномъ лихорадочномъ состояніи.

Записка брата была искрой, брошенной въ порохъ. Она вызвала въ немъ цѣлый взрывъ бѣшенства. Она смѣетъ быть больна! Она смѣетъ еще добиваться свиданія съ нимъ, потому что, очевидно, записка была написана по ея желанію. Не думала ли она тронуть его своей болѣзнью? тронуть того, кого она сама убила на медленномъ огнѣ и провела черезъ всѣ пытки, какія можетъ только вынести человѣкъ! Тронуть его! Онъ заскрежеталъ зубами отъ этой мысли.

Но тотчасъ же онъ и облегченіе нашелъ. Онъ нарисовалъ себѣ картину, ка̀къ она ошибется въ своихъ ожиданіяхъ, ка̀къ, вмѣсто сожалѣнія и участія, она найдетъ въ немъ холодное, глубокое презрѣніе. Онъ представлялъ себѣ, ка̀къ она будетъ принимать страдальческія позы, чтобы подѣйствовать на его нервы, и онъ однимъ грубымъ словомъ вернетъ ее къ дѣйствительности. Онъ заранѣе обдумывалъ тѣ жесткія слова̀, которыми онъ будетъ побивать ее, тѣ взгляды, отъ которыхъ краска бросится ей въ лицо.

Онъ такъ себя этимъ наэлектризовалъ, что схватилъ шляпу и сѣлъ на перваго попавшагося извозчика, точно на радостное свиданіе куда-нибудь спѣшилъ. Дорога показалась ему длинна; онъ боялся, чтобы желчь не улеглась въ немъ, чтобы не забыть чего-нибудь изъ придуманныхъ имъ жесткихъ словъ.

Когда онъ пріѣхалъ на дачу, тамъ всѣ ходили на цыпочкахъ.

Дѣти шопотомъ сказали ему, что мамаша очень больна. Онъ грубо оттолкнулъ одного изъ нихъ; его ненависть къ матери

Digitized by Google

перешла и на дѣтей. Ему показалось, что всѣ тутъ лицемѣрятъ. Это хожденіе на цыпочкахъ и шопотъ были ему противны. Онъ нарочно пошелъ громко и стучалъ своими сапогами по паркету.

Надежда Николаевна лежала въ темной комнатѣ. Съ ней былъ въ это утро нервый припадокъ, послѣ котораго она сильно ослабла. Когда она услыхала знакомые ей шаги, ея блѣдныя щеки загорѣлись; въ своемъ ослѣпленіи она повѣрила тому, чего она почти не смѣла ждать—тому, что онъ испугался ея болѣзни и пріѣхалъ навѣстить ее. За минуту она сама еще не вѣрила этому и убѣждена была почти, что онъ не пріѣдетъ, но одинъ звукъ ея шаговъ вернулъ ей надежду. Онъ пріѣхалъ—стало быть, въ немъ было еще чувство къ ней.

Когда онъ вошелъ, она безъ всякаго усилія приподнялась, чего не могла сдѣлать нѣсколько минутъ тому назадъ. Онъ прежде всего посмотрѣлъ, нѣтъ ли въ комнатѣ постороннихъ, и увидалъ брата, который дремалъ около стола, но на его шаги открылъ глаза. Первое, что̀ его взбѣсило, была темнота въ комнатѣ.

— Что̀ вы въ жмурки, что̀ ли, здѣсь играете? спросилъ онъ умышленно громко, чтобы показать, что онъ шопотомъ говорить не намѣренъ.

— Она не можетъ свѣту выносить, сказалъ братъ вполгоса, какъ бы приглашая его этимъ говорить тише.

— Теперь можно ставни открыть, сказала поспѣшно Надежда Николаевна.—Мнѣ теперь легче гораздо.

Мужъ всталъ.

— Такъ я пойду скажу, чтобы открыли.

Ему очевидно самому надоѣло̀ сидѣть въ потьмахъ. Когда онъ вышелъ, Надежда Николаевна протянула Соловому руку.

— Здравствуйте же! что̀ же, вы не хотите со мной здороваться?

Онъ, можетъ быть, и подалъ бы ей руку, но ея томный голосъ взорвалъ его окончательно.

— Что вы комедію-то ломаете! сказалъ онъ грубо.—Кого вы этимъ обмануть хотите?

Если-бъ онъ ударилъ ее, она не болѣе была бы поражена, чѣмъ теперь. Она уже настроила себя на нѣжныя чувства, уже почти увѣрена была, что онъ тронется ея положеніемъ. Когда она услыхала его, около рта у нея стало что̀-то дергать.

— Если вы за этимъ только пріѣхали, сказала она:—такъ вы могли бы и не пріѣзжать.

Digitized by Google

— А вы думали, что я васъ утѣшать пріѣхалъ? Ха-ха! Васъ утѣшать!! Вы убили, вы хуже, чѣмъ убили женщину мнѣ дорогую и вы думаете, что, если у васъ палецъ заболитъ и вы ляжете въ постель, такъ я буду слезы около васъ проливать?!

Въ эту минуту вернулся Иванъ Павлычъ, и разговоръ надо было прекратить. Надежда Николаевна лежала блѣдная, задыхаясь отъ гнѣва и отчаянія. Она, по прежнему, безумно любила его и до этой минуты все еще не вѣрила, чтобы онъ могъ разлюбить ее совсѣмъ. Но теперь сомнѣній больше не оставалось. Никакая, самая слѣпая даже любовь не могла ошибиться насчетъ значенія его словъ: она потеряла его навѣки. Но, что̀ бы тамъ ни было, а она дала себѣ слово, что никогда не позволитъ ему быть счастливымъ съ другой женщиной. Въ этомъ случаѣ, отъ нея нечего было ждать пощады. Тутъ она осталась вѣрна себѣ и не уступила бы ему никогда, хотя бы онъ даже убилъ ее на мѣстѣ.

Трогательное настроеніе, въ которое она пришла, услыхавши звукъ его шаговъ, уступило мѣсто какому-то безсильному гнѣву. Отъ безумной любви къ нему она сразу перешла къ желанію сказать ему что̀-нибудь непріятное, дать ему почувствовать, ка̀къ онъ оскорбилъ ее. Она не хотѣла понять, что его цѣль была оскорблять ее и что никакими намеками она не могла остановить его, что въ оскорбленіи раскаяваются тогда, когда оно сорвалось нечаянно, но не тогда, когда оно сдѣлано умышленно и обдуманно.

— Я не могу выносить громкаго разговора, сказала она обращаясь къ мужу.—Я васъ попрошу уйти... обоихъ васъ.

— Велѣть опять ставни закрыть? спросилъ мужъ.

— Ахъ, мнѣ все равно! уйдите только, пожалуйста, и пожалуйста не трудитесь больше навѣщать меня.

— Вѣдь, вотъ какая чудачка, говорилъ Иванъ Павлычъ, затворяя за собой дверь:—сама просила меня, чтобы я тебѣ написала, говоритъ, что ей скучно лежать, что она въ карты бы стала играть; а теперь ты пріѣхалъ—гонитъ насъ вонъ.

— Не надо обращать вниманія на это, сказалъ Николай Павлычъ.

— Нѣтъ, сегодня, вѣдь, съ ней былъ серьёзный припадокъ. Докторъ, вѣдь, былъ.

— Что̀ же онъ говоритъ?

— Говоритъ, что ей надо беречь себя.

— Велѣлъ ѣсть виноградъ и ѣхать заграницу?

— Отчего это ты такъ думаешь?

Digitized by Google

— Это всегда всѣмъ прописываютъ, кто ничѣмъ не боленъ.

— Что̀ же ты думаешь, что она притворяется?

— Я ничего, братъ, не думаю. Я докторамъ не вѣрю—ты это давно знаешь.

— Ты посидишь тутъ? Мнѣ надо въ городъ съѣздить.

— Сдѣлай одолженіе.

— Ты, пожалуйста, только не уѣзжай безъ меня, а то я ее на одну прислугу боюсь оставить.

— Я не уѣду, будь покоенъ.

— Я Марьѣ Николаевнѣ писалъ, говорилъ братъ, уходя.—Она должна нынче пріѣхать.

Имя Марьи Николавны какъ ножомъ кольнуло Солового: она была тамъ теперь, гдѣ была его Августа. Что̀ было съ ней? ка̀къ она перенесла постигшій ее ударъ? Онъ ничего не зналъ. Но онъ угадывалъ ея страданія, ея слёзы и тоску, и онъ не смѣлъ, не могъ ничѣмъ помочь ей. Онъ самъ просилъ ее вѣрить тому, что онъ—негодяй, который обманывалъ ее съ самаго начала, и навѣки отнялъ у себя право осушить эти слёзы, прижать къ себѣ это тоскующее сердце и сказать ей, ка̀къ онъ горячо любитъ ее. У него была смутная надежда, что она не повѣритъ его письму. Онъ въ такомъ гнусномъ видѣ выставилъ себя тамъ, что ея гордость не позволитъ ей вѣрить этому. Онъ такъ недавно еще былъ ей близокъ, такъ недавно еще держалъ ее въ своихъ объятіяхъ!—неужели повѣритъ она тому, что любила негодяя? Неужели она можетъ считать его негодяемъ?..

Краска бросилась ему въ лицо. Онъ долженъ былъ поправить это; это можно было еще сдѣлать. Онъ напишетъ другое письмо, въ которомъ все разскажетъ ей откровенно и предоставитъ на ея волю оттолкнуть его послѣ этого или сойтись съ нимъ опять. Ка̀къ ни грязна его исторія, но она все же лучше, чѣмъ то обвиненіе, которое онъ самъ добровольно взялъ на себя. Да̀, но прежде надо было сломать упрямство Надежды Николаевны и ее довести до того, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не смѣла становиться ему на дорогѣ.

Съ этой мыслью онъ пошелъ къ ней въ спальню. Теперь никто не могъ помѣшать ихъ объясненію. Когда онъ рванулъ дверь, дверь была заперта.

— Отоприте! сказалъ онъ нетерпѣливо.

— Я не могу васъ принять, отвѣчали ему изъ спальной,

— Если вы мнѣ не отоприте, я сейчасъ же уѣду. Я не для того къ вамъ пріѣхалъ, чтобы вы мнѣ запирали подъ носомъ дверь.

Digitized by Google

Эта угроза подѣйствовала на нее. Она отперла ему дверь и, придерживаясь за косякъ, прислонилась къ нему головой. Дѣйствительно ли закружилась у нея голова, или она сдѣлала это нарочно, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія; онъ даже стула ей не подвинулъ.

— Брата нѣтъ, сказалъ онъ.—Я рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы поговорить съ вами окончательно.

Она опустилась на кресло, закрыла глаза и ничего не отвѣчала ему. По ея лицу видно было, что ей всякій разговоръ утомителенъ.

— Я пришелъ вамъ сказать, что время нашихъ комедій кончилось. Мы должны съ вами разойтись. Это—лучшее, что̀ мы можемъ сдѣлать.

— Я вамъ не мѣшаю въ этомъ, отозвалась она, не открывая глазъ.

— Вы, кажется, разсчитываете, что вы будете имѣть надо мной какую-то власть? такъ я пришелъ вамъ сказать, чтобы вы на это не разсчитывали. Ваше царство кончилось! Потому что я имѣлъ несчастіе когда-то любить васъ, вы напрасно думаете, что я вамъ всегда буду принадлежать. Моя жизнь пойдетъ такъ, ка̀къ я захочу ее устроить. Вы меня достаточно знаете, чтобы понять, что мною управлять нельзя.

— Я никогда не имѣла претензіи управлять вами.

— Нѣтъ, претензію-то на это вы имѣете! Вы меня заставили написать нелѣпое письмо, но вы не приняли только въ соображеніе того, что, если въ ту минуту я и уступилъ вамъ, то, вѣдь, это ни къ чему не поведетъ. Неужели вы думали, что я потомъ, хладнокровно все обдумавши, не увижу, что я сдѣлалъ глупость? Неужели вы вообразили, что я, въ самомъ дѣлѣ, буду плясать по вашей дудкѣ? Я теперь на зло вамъ женюсь! Если Охлыстышева мнѣ откажетъ, такъ я на другой женюсь.

Надежда Николаевна поняла, что онъ пришелъ опять испытать ее.

— Если послѣ всего того, сказала она:—что̀ я сдѣлаю, чтобы помѣшать вашей женитьбѣ, вамъ все-таки удастся жениться, то это будетъ ваше счастье.

— Вы все еще не одумались? спросилъ онъ злобно.

— Я удивляюсь только одному: что̀ вамъ за охота разговаривать со мной! Вы такъ ненавидите меня, что вамъ должно быть тяжело говорить со мной? Зачѣмъ же вы дѣлаете себѣ эту непріятность? Я отъ васъ ничего не требую. Вы можете даже совсѣмъ не ѣздить ко мнѣ.

Digitized by Google

— Я такъ и сдѣлаю.

— И прекрасно! Зачѣмъ вы и сейчасъ тутъ—я не понимаю. Если вы чувствуете, что я безсильна, если вы знаете, что ваша свобода принадлежитъ вамъ, что я вамъ ни въ чемъ помѣшать не могу—и прекрасно! Поступайте такъ, какъ вамъ вздумается; забудьте, что я существую. Вы жениться хотите?—женитесь. Зачѣмъ же пріѣзжать сюда и говорить мнѣ: вы надо мной никакой власти не имѣете! Не имѣю? Тѣмъ лучше для васъ! значитъ, вы совершенно свободны.

— Нѣтъ, вы, однако, вполнѣ увѣрены, что я несвободенъ. Вы думаете, напротивъ, что я съ вами связанъ, что я къ вамъ прикованъ.

— Какое вамъ дѣло до того, что̀ я думаю? Вы пріѣзжаете мнѣ говорить: я свободенъ, я васъ знать не хочу, ваше царство кончилось, ваши комедіи кончились!.. Для чего это? Вы свободны—тѣмъ лучше! Не обращайте на меня никакого вниманія.

—Мнѣ надо у васъ выбить изъ головы мысль, что вы имѣете надо мной какую-то власть. Мнѣ надо показать вамъ, что вы заблуждаетесь.

— Я заблуждаюсь? Тѣмъ хуже для меня! я же за это и буду наказана.

Соловой всталъ. Всѣ его слова̀ разбивались объ нее, какъ о каменную стѣну. Ему нѐчего было ждать отъ нея. Просить ее значило бы доставить ей удовольствіе отказать; грозить ей—тоже сдѣлать ей удовольствіе: она знала, что его угрозы безсильны, и смѣялась надъ ними. Онъ убѣжденъ былъ, что она совершенно счастлива въ эту минуту. Онъ никакъ не думалъ, что она гораздо несчастнѣе его, что никакая месть не могла ей вернуть потерянной любви. Объ ея любви онъ забылъ совсѣмъ. Ему казалось только, что она радуется и торжествуетъ, потому что держитъ его въ своихъ рукахъ. Онъ сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе, чтобы не задушить ея. Онъ чувствовалъ, что ему доставило бы наслажденіе схватить ее за горло; что̀ было бы дальше, онъ не давалъ себѣ отчета, но ему именно хотѣлось схватить ее. Нравственными средствами онъ ничего не могъ съ ней сдѣлать: она не испугалась его рѣшимости, какъ не посмотрѣла бы конечно на его мольбы. Но унизиться до мольбы онъ никогда и не хотѣлъ: это значило бы признать себя побѣжденнымъ, а онъ именно и оспаривалъ у нея право на свободу, на свою независимость. Когда нравственныхъ средствъ больше не оставалось, онъ подумалъ о физическихъ. Въ немъ проснулся мгновенно какой-то животный инстинктъ. Ему нужно было удовле-

Digitized by Google

твореніе! на словахъ его не было, на словахъ она побивала его; ему захотѣлось схватить ее за горло. Онъ сдѣлалъ надъ собой чисто физическое усиліе: онъ напрягалъ всѣ свои мускулы такъ, какъ будто хотѣлъ поднять какую-то тяжесть. Это облегчило его. Чрезъ минуту онъ сказалъ себѣ:

«Хорошо, что я удержался».

Но еще черезъ минуту онъ спросилъ себя: какой же будетъ, однако, конецъ?

— Знаете что̀, Надежда Николаевна, сказалъ онъ обернувшись:—я на вашемъ мѣстѣ не оставался бы вдвоемъ со мной. Вы рискуете, оставаясь со мной вдвоемъ.

Она посмотрѣла ему въ лицо и не отвѣтила ничего; она молча позвонила. Пришла дѣвушка.

— Сдѣлай мнѣ постель, приказала Надежда Николаевна.

Дѣвушка осталась въ комнатѣ.

Соловой уѣхалъ ночью въ Москву, которая показалась ему большой тюрьмой, построенной собственно для него. Онъ возвращался изъ Сокольниковъ, какъ изъ послѣдней инстанціи, гдѣ проигралъ свое дѣло.

Впереди была тюрьма и больше ничего!

Съ этого дня въ немъ началась борьба. Ему пришла въ голову страшная мысль: убить Надежду Николаевну. Онъ сталъ задумываться. Онъ отъискалъ свой револьверъ, лежавшій у него безъ употребленія нѣсколько лѣтъ и отдалъ его въ починку. Онъ собралъ всѣ бывшіе у него портреты Надежды Николаевны и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на нихъ, испытывая себя, насколько сильно въ немъ чувство ненависти къ ней. Обыкновенно случалось, что видъ ея красиваго лица, даже на портретѣ, вызывалъ въ немъ какое-то сосредоточенное бѣшенство. Онъ разъ прибилъ ея портретъ къ стѣнѣ и, чтобы испытать себя, выстрѣлилъ въ него, прицѣливаясь прямо въ голову. Отъ сосѣднихъ жильцовъ прислали спросить, что̀ у него случилось. Онъ велѣлъ сказать, что заряжалъ пистолетъ и спустилъ нечаянно курокъ. Онъ долго послѣ того смотрѣлъ, не отрываясь, на портретъ, у котораго на мѣстѣ лица оставалось одно черное отверстіе. Первыя минуты онъ не могъ глядѣть на него безъ содроганія: ему казалось, что въ черную дыру портрета смотритъ на него смерть. Но потомъ онъ скоро привыкъ къ этой мысли. Онъ клалъ простреленный портретъ на столъ рядомъ съ другими уцѣлѣвшими портретами и опять предавался глубокимъ размышленіямъ. Онъ сравнивалъ Надежду Николаевну мертвую, съ Надеждой Николаевной живой: мертвая она ничего не возбуж-

Digitized by Google

дала въ немъ, никакихъ чувствъ; живая—она всю кровь въ немъ зажигала отъ ярости.

Изъ мысли объ убійствѣ онъ сдѣлалъ себѣ, наконецъ, что-то священное. Онъ не былъ убійцей, а только исполнителемъ правосудія. Женщина, которую онъ такъ глубоко ненавидѣлъ, не потому заслуживала смерти, что она ему сдѣлала зло, но потому, что справедливость этого требовала. Она была виновата въ двухъ преступленіяхъ: она разбила жизнь другой женщины и посягнула на самое драгоцѣнное благо человѣка—на его свободу. И никакой судъ въ государствѣ не могъ ее за это судить.

Исходя изъ той мысли, что есть граница, за которую законъ не переступаетъ, потому что за ней кончается видимость преступленія, но не самое преступленіе, Соловой дошелъ до мысли, что есть что-то выше закона. Это «что-то», эта необъяснимая сила, которая представляла собой высшее правосудіе, выбрала, своимъ орудіемъ его.

Съ этой минуты онъ не принадлежалъ себѣ. Онъ былъ только орудіемъ и долженъ былъ слѣпо повиноваться тому, чему онъ никогда въ жизни не вѣрилъ—т. е. чему-то сверхъестественному, необъяснимому...

Мысли его такъ долго вертѣлись около одной точки, что онъ дошелъ до галлюцинацій. Когда онъ сидѣлъ въ судѣ, ему часто казалось, что между публикой спрятана Надежда Николаевна. Если онъ, сильно задумавшись, вдругъ оборачивался, ему казалось, что за столомъ сидитъ не судъ, а портреты Надежды Николаевны. Онъ все чаще сталъ поддаваться мысли, что въ его судьбу вмѣшалась сверхъестественная сила, что нормальная жизнь кончилась и начинается другая жизнь, въ которой онъ себѣ больше не принадлежитъ. У него явилась склонность къ фатализму. Онъ говорилъ себѣ: если мнѣ суждено убить ее, я ее убью. Но я не долженъ искать случая для этого; онъ самъ представится.

X.

Братъ, между тѣмъ, нѣсколько разъ заѣзжалъ къ нему узнать, отчего онъ не бываетъ. Не въ привычкахъ Ивана Павлыча было чему-нибудь удивляться, но упорное отсутствіе брата было, наконецъ, и имъ замѣчено.

— Что это значитъ, что ты пересталъ къ намъ ѣздить? спросилъ онъ, глядя на него, по обыкновенію, черезъ очки, съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ смотрятъ близорукіе.

Digitized by Google

— Я все это время былъ въ уѣздѣ.

— Пустяки ты говоришь! Я тебя нѣсколько разъ заставалъ въ Москвѣ.

— Да нѐкогда все было. Я не знаю; какъ-то это время я все свободенъ не былъ.

— Эй, смотри, говори правду.

— Что̀ такое? какую правду?

— У тебя съ Надеждой Николаевной что̀ нибудь вышло.

— Ничего у меня съ Надеждой Николаевной не вышло.

Иванъ Павлычъ смотрѣлъ на него черезъ очки.

— Я по лицу вижу, что вышло!

— Еслибъ у меня было что̀ нибудь съ ней, съ какой стати я сталъ бы отъ тебя это скрывать. Я тебѣ прямо говорю, что у меня съ ней ничего не было.

— Такъ-ли?

— Спроси у нея, коли ты мнѣ не вѣришь.

— Нѐчего у нея спрашивать, а поѣдемъ нынче со мной—вотъ и все. Мы въ концѣ этой недѣли совсѣмъ уѣзжаемъ. Коли ты съ Надеждой Николаевной въ ссорѣ, такъ я васъ помирю. А что вы въ ссорѣ, такъ ужъ это я Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю. Ѣдешь, что̀ ли?

— Изволь, если ты хочешь.

— Ну, и бери шляпу, и поѣдемъ. Прямо къ обѣду будемъ.

Николай Павлычъ, не оборачиваясь, разбиралъ что̀-то на письменномъ столѣ. Братъ терпѣливо дожидался его.

Они вышли, наконецъ, вмѣстѣ въ переднюю. Николай Павлычъ сталъ надѣвать пальто, но потомъ вдругъ, какъ бы что̀-то вспомнивши, вернулся назадъ. Братъ видѣлъ, какъ онъ вынулъ что̀-то изъ ящика и положилъ въ карманъ пальто; но, такъ какъ онъ былъ нелюбопытенъ, то и не спросилъ, что̀ это такое.

Всю дорогу они ѣхали молча. Иванъ Павлычъ разсчитывалъ, сколько онъ денегъ истратилъ въ Москвѣ. Николай Павлычъ все время смотрѣлъ въ спину кучера съ такимъ сосредоточеннымъ и серьёзнымъ выраженіемъ, какъ будто интереснѣй этой спины ничего для него не было. Онъ старался все это время не думать ни о чемъ, такъ какъ онъ уже давно рѣшилъ, что всѣми его поступками управляетъ теперь независимая отъ него сила, что все дѣлается само собой, а ему остается только плыть по теченію. То время, когда онъ самъ управлялъ своей волей и самъ располагалъ собой, какъ хотѣлъ, осталось давно уже позади. Онъ былъ теперь за рубежемъ, гдѣ начиналась новая жизнь, о существованіи которой онъ прежде ничего не зналъ. Эта жизнь

Digitized by Google

ужь не принадлежала ему. Онъ собственно покончилъ съ ней счеты; но прежде, чѣмъ умереть окончательно, умереть физически, онъ долженъ былъ исполнить все то, что̀ должно было исполниться.

Онъ самъ узналъ только недавно, что это будетъ такъ; но тамъ, въ томъ неопредѣленномъ пространствѣ, гдѣ была эта сила, управлявшая имъ—тамъ это было давно извѣстно, раньше еще, чѣмъ онъ родился. Онъ не потому ѣхалъ теперь по дорогѣ въ Сокольники, что онъ этого захотѣлъ или братъ его, а потому что это не могло быть иначе. И онъ, и братъ его, и даже та лошадь, которая везла ихъ, повиновались одной общей силѣ, которая назначила имъ всѣмъ собраться въ этотъ день и исполнить все то, что̀ они исполняли какъ будто по своей волѣ, но что̀, въ дѣйствительности, отъ нихъ нисколько не зависѣло. Эта сила, оставаясь до извѣстнаго момента невидимой для человѣка, позволяетъ ему думать, что у него есть своя воля. Поэтому большинство людей этой силы не признаетъ. Но въ извѣстный моментъ она открывается человѣку, и онъ съ ужасомъ видитъ тогда, что все, что̀ онъ дѣлалъ до сихъ поръ, онъ дѣлалъ не по своему произволу, а подчиняясь другому высшему закону, противъ котораго онъ всегда былъ безсиленъ.

Такой моментъ, Соловой былъ увѣренъ, теперь наступилъ для него. Съ той минуты, какъ пришла ему мысль объ убійствѣ, онъ сдѣлался фаталистомъ. Онъ вдругъ додумался до того, что все, что̀ съ нимъ случалось до сихъ поръ, было только неизбѣжнымъ подготовленіемъ къ этому неизбѣжному концу. Вся его неудачная борьба не потому была неудачна, что онъ ее велъ необдуманно, а потому, что иначе не было бы преступленія, а преступленіе должно было быть. Каждый годъ совершается извѣстная сумма убійствъ и если онъ долженъ прибавить одну единицу къ этой суммѣ, то ничто уже, никакая сила, а тѣмъ менѣе его собственная воля, не можетъ измѣнить этотъ законъ: онъ прибавитъ эту единицу, хотя бы онъ и боролся противъ этого съ отчаяніемъ. Если семь лѣтъ тому назадъ они и сошлись съ Надеждой Николаевной, то для того только, чтобы черезъ семь лѣтъ она погибла отъ его руки. Другой цѣли ихъ сближеніе не имѣло, и только они въ своемъ ослѣпленіи могли думать, что тутъ играетъ какую-то роль ихъ любовь. Ихъ любовь была только кажущаяся, видимая сила, когда невидимая, которая управляетъ всѣмъ міромъ, вела ихъ неуклонно къ неизбѣжному концу.

Додумавшись до этого, Соловой сталъ спокойнѣе: онъ не стрѣ-

Digitized by Google

лялъ больше въ лицо портрета и не предавался припадкамъ бѣшеной ненависти. Когда онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что ему суждено убить Надежду Николаевну, онъ не чувствовалъ къ ней ни злобы, ни сожалѣнія; онъ сталъ относиться къ ней съ безпристрастнымъ спокойствіемъ человѣка, исполняющаго свой долгъ, непріятный для него самого, но котораго онъ не можетъ не исполнить. Еслибъ случилось что-нибудь такое, что помѣшало бы ему убить ее, онъ принялъ бы это за указаніе судьбы и не сталъ бы искать другого случая. Но когда обстоятельства слагались такъ, что все ему благопріятствовало, онъ не имѣлъ права уклоняться.

Никакого плана онъ заранѣе не составлялъ себѣ и рѣшилъ только одно—что онъ долженъ убить ее такъ, чтобы подозрѣнія не падали на него. Братъ не долженъ былъ знать объ ихъ отношеніяхъ, даже и послѣ ея смерти. Это было единственное, но очень важное условіе. Нуженъ былъ особенно благопріятный случай, чтобы все это такъ случилось, но Соловой не думалъ объ этомъ.

«Если это должно быть, говорилъ онъ себѣ:—то все это сдѣлается само собою».

Когда они пріѣхали въ Сокольники, Надежда Николаевна сидѣла въ саду съ дѣтьми и что-то шила.

— За что вы съ нимъ побранились? крикнулъ мужъ еще отъ калитки.—Я привелъ его, чтобы помирить васъ.

Надежда Николаевна сдѣлала удивленное лицо.

— Мы? съ нимъ?

Она пожала плечами и прибавила:

— Никогда въ жизни!

Она протянула Соловому свою руку, изъ которой не успѣла еще вынуть иголки; онъ поцѣловалъ ее, она поцѣловала его въ лобъ. Губы у нея при этомъ слегка дрожали, но онъ казался спокоенъ. Онъ тутъ же взялъ зеленый садовый стулъ и сѣлъ около того мѣста, гдѣ лежала ея работа. Она старалась оправиться и стала, улыбаясь, показывать, какъ шьетъ ея дочь. Онъ взялъ шитье въ руки и внимательно осмотрѣлъ его.

— Хотите обѣдать? спросила Надежда Николаевна.

— Непремѣнно хотимъ, отозвался мужъ.

— Хотите, я здѣсь велю накрыть?

— Все равно. Только поскорѣй нельзя ли, поскорѣй, пожалуйста.

Надежда Николаевна встала и, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка, порхнула въ комнаты. Сердце у нея вдругъ радостно за-

Digitized by Google

билось. Ей вдругъ представилось, что онъ вернулся къ ней съ прежней любовью. По его манерамъ, по тому, какъ онъ сѣлъ около нея, по выраженію его лица, она видѣла, что въ немъ есть какая-то перемѣна. И эта перемѣна, очевидно, была къ лучшему. Въ глазахъ его не вспыхивала прежняя злоба, въ голосѣ его не было того, что̀ прошлый разъ разрывало ей сердце. Онъ былъ такъ простъ, какъ она давно уже его не видала. Ей вдругъ вспомнилось далекое прошлое, когда онъ та̀къ именно, молча, сосредоточенно сидѣлъ около нея и бралъ у нея изъ рукъ работу, и бралъ потомъ самыя руки ея, и все такъ же молча смотрѣлъ ей въ глаза, и она понимала этотъ взглядъ, она знала, ка̀къ онъ страстно любитъ ее. Что̀, если это далекое прошлое воскреснетъ опять? Что̀, ѐсли эта мимолетная буря была только новымъ звеномъ, соединявшимъ ихъ навсегда? Развѣ не могла быть его любовь къ Августѣ только минутнымъ увлеченіемъ, послѣ котораго онъ вернется опять къ ней? Почемъ она знала, что онъ не пришелъ теперь благодарить ее за то, что она спасла его отъ громадной ошибки?

Никто не уносился въ облака такъ легко, какъ Надежда Николаевна. Она вѣрила во все то, во что̀ хотѣла вѣрить. Ей достаточно было самой крошечной, незамѣтной точки, чтобы взять ее себѣ за точку опоры и создать самыя удивительныя умозаключенія. Она всю жизнь умѣла обманывать себя въ свою пользу: съ пятнадцати лѣтъ она была увѣрена, что всѣ ею восхищаются, какъ теперь увѣряла себя, что Соловой вернулся къ ней.

Она пришла въ садъ уже сіяющая и торопила прислугу, чтобы накрывали поскорѣй на столъ. Не оставляя работы, она сосчитала глазами приборы.

— А Марья Николаевна? крикнула она уходившей горничной.

— Развѣ Марья Николаевна здѣсь? спросилъ мужъ.

— Она нынче утромъ пріѣхала. Я не знала, что вы нынче будете, обернулась она вдругъ къ Соловому:—у насъ сегодня весь обѣдъ холодный. Я бы велѣла для васъ горячее приготовить; я знаю, что вы не обѣдаете безъ горячаго.

— Мнѣ все равно, сказалъ онъ, поглядѣвъ ей прямо въ глаза.

И она опять радостно замѣтила, что этотъ взглядъ былъ простой, спокойный. Онъ ничего имъ, повидимому, не хотѣлъ сказать, кромѣ того, что ему все равно; но онъ сказалъ это такъ просто. Двѣ недѣли тому назадъ, онъ не могъ такъ говорить съ ней. Она помнила хорошо, ка̀къ онъ говорилъ съ нею тогда.

Digitized by Google

Обѣдъ, дѣйствительно, подали холодный: сначала подали ботвинью, потомъ раковъ, которыхъ дѣтямъ дали по три штуки, потомъ холодную телятину, которой дѣти сами не захотѣли, и творогъ со сливками. Пришла Марья Николаевна въ буромъ ситцевомъ платьѣ (она всегда лѣтомъ носила бурые ситцы, потому что они не марки) и въ черной тюлевой косынкѣ, которую она надѣла, чтобы идти потомъ съ дѣтьми на rond point. Она все такъ же была разговорчива и, тотчасъ послѣ жаркого, закурила папиросу. Соловой спросилъ ее, всѣ ли здоровы у Охлыстышевыхъ; она сказала, что всѣ, слава Богу, и сдѣлала видъ, что она ничего ни о какой исторіи не знаетъ.

— Надо намъ къ Охлыстышевымъ съѣздить, замѣтилъ Иванъ Павлычъ.—Зимой каждый день бывали, а теперь, какъ свиньи, глазъ не показываемъ.

На это никто ничего не сказалъ.

— Что̀, у нихъ эта красивая барышня, продолжалъ Иванъ Павлычъ:—не вышла еще замужъ?

И на это никто ничего не сказалъ. На счастье, кто-то изъ дѣтей пролилъ на себя молоко, Марья Николаевна бросилась вытирать и, съ своей обычной суетливостью, надѣлала гораздо больше суматохи, чѣмъ было нужно. Иванъ Павлычъ сталъ надъ ней смѣяться.

— Ну, зачѣмъ вы такъ кидаетесь? Неужели это нужно такъ кидаться?

Послѣ обѣда всѣ пошли гулять. Вечеромъ пріѣхали изъ Москвы двое мужчинъ, и Надежда Николаевна тотчасъ же устроила карты. Соловой сначала отказывался, потомъ сѣлъ, но все время не снималъ съ себя пальто, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему холодно.

Братъ и надъ нимъ сталъ смѣяться.

— Онъ, давеча, я видѣлъ, спряталъ что̀-то такое въ карманъ и никакъ не можетъ теперь съ этимъ разстаться. Посмотрите-ка, что̀ у него тамъ такое.

Соловой сдѣлалъ видъ, что эти шутки его не занимаютъ. Онъ всегда въ картахъ бывалъ серьёзенъ, такимъ же остался онъ и теперь.

— Да сними ты свое пальто, продолжалъ братъ, который самъ въ карты не игралъ, а только смотрѣлъ на играющихъ. — Ну отдай мнѣ на сохраненіе! Я тебѣ даю слово, что я тебѣ въ карманъ не буду смотрѣть.

— Ты мнѣ подъ руку говоришь, сказалъ сухо Соловой.

Замѣтивши, что онъ такъ суровъ, и другіе играющіе стали

Digitized by Google

серьёзнѣе. Игра пошла вяло. Марья Николаевна ушла съ дѣтьми на rond point; Иванъ Павлычъ, которому скоро надоѣло смотрѣть въ карты, тоже куда-то ушелъ. Соловой и Надежда Николаевна оба были заняты своими мыслями. Передъ этимъ на прогулкѣ у нихъ было маленькое объясненіе.

Когда они шли рощей, Надежда Николаевна нарочно стала отставать отъ другихъ и такъ искусно удерживала его около себя разными пустыми разговорами, что и онъ долженъ былъ замедлить свои шаги.

— Вы знаете, что мы на этой недѣлѣ уѣзжаемъ? сказала она.

— Да̀, я знаю, отвѣтилъ онъ все съ той же удивительной простотой, которая вызывала въ ней приливъ радостныхъ чувствъ.

— Вы не откажете мнѣ въ одной просьбѣ? спросила она, вдругъ вспыхивая вся до кончика ушей.

— Въ чемъ будетъ ваша просьба?

— Мнѣ хотѣлось бы передъ отъѣздомъ видѣться съ вами безъ свидѣтелей. Мнѣ многое нужно сказать вамъ. Это будетъ наше послѣднее прощанье, прибавила она, какъ бы въ оправданіе.

Онъ отвѣтилъ ей не сразу. Онъ поблѣднѣлъ, и все лицо его приняло вдругъ выраженіе странное. Но ни онъ, ни она не смотрѣли другъ на друга.

— Гдѣ же вы хотите видѣться со мной? спросилъ онъ, наконецъ.

— Да хоть здѣсь; это все равно.

— Здѣсь, въ этой рощѣ?

— Да вотъ хоть около этого мостика. Запомните этотъ мостикъ: онъ—второй, если идти отъ нашего дома.

Онъ помолчалъ.

— Назначьте время, сказалъ онъ вдругъ рѣшительно.

— Вотъ въ это же время; хотите?

Онъ что̀-то соображалъ.

— Или хотите позже? спросила она неувѣренно.

— Мнѣ все равно. Дѣлайте, какъ будетъ удобнѣй для васъ.

— Такъ вотъ что̀: завтра, въ девять часовъ. Хотите такъ?

— Какъ угодно! Назначайте время сами.

— Видите, можно бы и нынче это устроить, да нынче у меня Маша, мнѣ неловко отъ нея уйти. А завтра она уѣдетъ.

— Это все равно, сказалъ онъ:—нынче или завтра.

Она шла вся пунцовая, какъ во времена ихъ первыхъ объясненій, когда отъ одного какого-нибудь слова ихъ обоихъ бросало въ жаръ. Ей казалось, что это время теперь опять возвращается. Они оба какъ будто конфузились другъ друга. Его сдер-

Digitized by Google

жанность, его странная покорность—все говорило о какой-то сильной перемѣнѣ въ немъ. Онъ весь какъ бы нравственно переродился; онъ былъ не тотъ, какимъ она знала его до сихъ поръ. Она не могла объяснить этой перемѣны иначе, какъ въ свою пользу. Зачѣмъ ему было такъ охотно соглашаться на всѣ ея просьбы? Еслибъ онъ хотѣлъ разрыва, онъ отказалъ бы ей въ этомъ свиданіи. Она почувствовала такой приливъ нѣжности къ нему, что ей невыносимо стало ждать до завтрашняго дня: она хотѣла сейчасъ же признанія. Но онъ, кромѣ полной готовности придти сюда завтра, ничего еще не показывалъ ей. Женскій инстинктъ подсказалъ ей, что теперь еще не время объясненія.

— Я къ вамъ только не зайду, сказалъ онъ вдругъ, какъ бы что-то вспомнивши.

Она съ удивленіемъ оглянулась на него.

— Вамъ и не надо вовсе заходить къ намъ.

— Вы, поэтому, устройте такъ, чтобы дома у васъ не знали, что я здѣсь. А то мнѣ придется заходить; мнѣ тогда неловко будетъ не зайти.

— Я дома никому ничего не скажу.

«Все кончено: подумалъ онъ: — я ничего не сдѣлалъ, чтобы это было такъ. Все сдѣлалось само собой».

Съ этой минуты онъ былъ палачъ, который зналъ часъ и мѣсто казни и которому еще пришлось послѣ этого играть съ своей жертвой въ карты. Онъ хотѣлъ сначала отказаться, но потомъ побоялся, что это можетъ возбудить подозрѣнія. Онъ сказалъ себѣ, что ему надо быть какъ можно спокойнѣе въ этотъ вечеръ, чтобы, впослѣдствіи, припоминая его поведеніе, не замѣтили въ немъ ничего подозрительнаго. Но слѣдовало также остерегаться излишней развязности; самое лучшее было бы держать себя такъ же, какъ и всегда. Поэтому все время за картами онъ занятъ былъ тѣмъ, чтобы каждый жестъ его и каждое слово были повтореніемъ его же собственныхъ жестовъ и словъ, чтобы онъ былъ таковъ же, какъ вчера, и третьяго дня, и мѣсяцъ тому назадъ. Онъ копировалъ самого себя. Его голова такъ была занята этимъ, что представленіе о завтрашнемъ днѣ явилось ему какъ бы въ туманѣ.

На слѣдующій вечеръ, ровно въ девять часовъ, онъ былъ около мостика. На немъ было все то же пальто, застегнутое на всѣ пуговицы. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, склонивши голову на руки, и ничего не видѣлъ, кромѣ двухъ квадратныхъ аршинъ песку подъ ногами. Кругомъ темной стѣной стояли сосны. Изрѣдка

Digitized by Google

проходилъ какой-нибудь одинокій дачникъ или заблудившаяся нянька съ дѣтьми. И только на сыромъ пескѣ ложились запутанной дорожкой ихъ слѣды, маленькіе и большіе, съ острымъ каблучкомъ или съ широкой, слоновой ступней. Соловой долго и внимательно смотрѣлъ на нихъ; онъ думалъ о нихъ глубокую думу, но что̀ именно онъ думалъ, онъ самъ этого не понималъ. Онъ старался поймать свои мысли, но, какъ только начиналъ ловить ихъ, такъ онѣ тотчасъ же разлетались, какъ дымъ, и оставляли его одного съ этими запутанными, перекрещивающимися слѣдами, на которые онъ смотрѣлъ уже безсмысленно.

Такъ прошло—онъ ясно сознавалъ это—два часа, по крайней мѣрѣ. Онъ вынулъ часы: было четверть десятаго. Онъ сидѣлъ тутъ всего четверть часа. Тогда онъ сталъ думать о томъ, что его время, и то время, которое показывали его часы, были двѣ разныя величины. Часы его, очевидно, были сдѣланы для людей, которые не знали ничего о существованіи высшей, невидимой силы, управлявшей всѣмъ и даже временемъ невидимо для другихъ. Эти часы были хороши для него прежде, но теперь они не годились: онъ зналъ время лучше ихъ.

Въ эту минуту, онъ увидалъ, что къ мостику подходитъ Надежда Николаевна. Она была въ сѣромъ платьѣ. Онъ обратилъ на это вниманіе, потому что онъ тоже былъ въ сѣромъ пальто. Всѣ мелочи казались ему теперь особенно важными; изъ нихъ должно было сложиться что̀-то великое, страшное...

Онъ всталъ съ улыбкою. Онъ не зналъ, что онъ улыбается, но онъ улыбался. Она тоже улыбнулась ему, но несмѣло, неувѣренно, и протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ. Она не поцѣловала его въ голову, какъ вчера; на нее вдругъ напала непонятная для нея робость. Она знала, что въ этомъ свиданіи она ставитъ на карту все, что, если онъ въ этотъ день не будетъ у ея ногъ, то онъ пропалъ для нея навсегда. При всей своей смѣлости и самоувѣренности, когда рѣшительная минута подошла, она упала духомъ; она не знала, что̀ сказать ему, съ чего начать разговоръ. Она спросила его, не опоздала ли.

— Немного, сказалъ онъ.—Но это ничего не значитъ.

До сихъ поръ ему все было ясно и просто: онъ зналъ, что̀ должно было совершиться и ка̀къ совершиться. Но вдругъ его поразила мысль, что онъ не знаетъ, когда это должно совершиться—сейчасъ или черезъ полчаса, или даже позднѣе. Онъ вдругъ растерялся; его спокойная, автоматическая рѣшимость мгновенно оставила его. Его мучало то, что онъ не знаетъ такой важной вещи.

Digitized by Google

Она истолковала его нерѣшительность въ свою пользу: онъ конфузился, онъ такъ же, какъ и она, не зналъ, съ чего начать. Не было никакого сомнѣнія, что онъ раскаявается въ своихъ поступкахъ, иначе онъ не былъ бы здѣсь. Только одно раскаяніе могло привести его сюда.

— Хотите пройтись? спросила она уже увѣреннѣе, но все еще съ нѣкоторой краской на лицѣ.

— Пойдемте, сказалъ онъ покорно.

Но онъ не предложилъ ей своей руки, а она не хотѣла ее взять сама.

— Я сдѣлала вамъ много зла, начала она, наконецъ: — но и вы мнѣ сдѣлали его много. Вы, можетъ быть, сами не знаете, что̀ вы сдѣлали со мной... (Она остановилась, чувствуя, что слезы неожиданно подступаютъ ей къ горлу). — Вы видѣли во мнѣ только врага, но вы никогда не подумали о томъ, что̀ скрывается подъ этой враждой, какая безумная, слѣпая любовь къ вамъ! Этотъ врагъ, для котораго вы не находили достаточно оскорбительныхъ словъ, этотъ врагъ готовъ былъ цѣловать слѣды вашихъ ногъ, молиться на васъ, умереть за васъ... И этотъ врагъ... И вы... (Она опять остановилась, чтобы не заплакать).—Я не то все говорю, продолжала она, стараясь казаться спокойной: — я вотъ о чемъ хотѣла просить васъ... чтобы мы простились... чтобы мы разстались... безъ ненависти. Неужели вы всегда будете ненавидѣть меня?

— Я никакой ненависти къ вамъ не чувствую, сказалъ онъ серьёзно.

Тонъ его словъ испугалъ ее: въ немъ не было и тѣни участія. Она взглянула на него и вдругъ что̀-то поразило ее. Въ его лицѣ было еще меньше участія, чѣмъ въ его словахъ. Ей сразу стало ясно, что она обманывалась: его привело сюда вовсе не раскаяніе и никакъ ужь не чувство къ ней. У него не могло быть такого выраженія, еслибъ онъ хоть что̀-нибудь чувствовалъ къ ней. Ее вдругъ охватилъ ужасъ, ужасъ обманутой навсегда надежды. Она желала бы быть за тысячу верстъ отъ этого мѣста и отъ этого человѣка, который ей показался въ эту минуту какой-то холодной могилой. Она теперь только поняла, что любовь къ ней въ немъ погибла навсегда, и не чувство, а простая вѣжливость привела его сюда. Почемъ она знала: можетъ быть, онъ рѣшилъ въ умѣ выпроводить ее поскорѣе и жениться безъ нея, какъ онъ и грозилъ ей послѣдній разъ?

Она вдругъ увидала передъ собой какой-то омутъ. Въ ней все дѣлалось мгновенно; такъ же мгновенно и теперь она перешла

Digitized by Google

отъ самыхъ радостныхъ надеждъ къ самому безумному отчаянію. А онъ все шелъ, не ускоряя и не замедляя шага и не глядя на нее.

— Куда мы съ вами идемъ? спросила она вдругъ рѣзко.

— Вы сами хотѣли идти, сказалъ онъ, не оборачиваясь.

— Вы думаете, можетъ быть, что, чѣмъ скорѣе мы сдѣлаемъ десять верстъ, тѣмъ скорѣй вы отъ меня отдѣлаетесь?

Онъ молчалъ и шелъ дальше.

— Вы отъ меня никуда не уйдете, продолжала она гнѣвно.— Неужели вы думаете, что есть такой край на землѣ, гдѣ бы я васъ не нашла?

Онъ все молчалъ.

— Напрасно вы говорите, что въ васъ нѣтъ ненависти ко мнѣ. Вы меня и теперь ненавидите.

— Нѣтъ, сказалъ онъ коротко.

— Вы ждете только того дня, когда меня не будетъ здѣсь. Вы только потому и сюда пришли, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ меня. Вы себѣ сказали: чортъ ее возьми! пойду съ ней на свиданье; это будетъ послѣдній разъ.

— Вы ошибаетесь.

— Я ошибаюсь? Дай Богъ, чтобы я ошибалась! Дай Богъ, чтобы въ васъ была хоть капля сожалѣнія ко мнѣ, чтобы вы хоть тысячную долю того чувствовали, что̀ я къ вамъ чувствую. Ахъ, еслибъ вы знали, какой адъ у меня въ душѣ! Какая смерть можетъ сравниться съ тѣмъ, что̀ я теперь испытываю! Боже мой, Боже мой!..

Она закрыла лицо руками.

— Вы не боитесь смерти? спросилъ онъ.

— Чего мнѣ бояться! Что̀ можетъ быть хуже моей жизни?

Они прошли такъ еще немного, пока она, наконецъ, не остановилась. Впереди виднѣлись какія-то дрова и рѣдѣла опушка лѣса, а еще дальше можно было разглядѣть огороды съ недавно вспаханными, чернѣвшими грядами. Въ сторонѣ гдѣ-то слышался свистъ локомотива.

— Куда мы пришли? спросила она, почувствовавъ вдругъ что она страшно устала.

— Не знаю, сказалъ онъ.

— Мы, должно быть, страшно далеко отъ дома.

Онъ посмотрѣлъ назадъ, какъ бы соображая разстояніе.

— Да̀, мы далеко, подтвердилъ онъ.—Вы не боитетесь быть тутъ со мной однѣ?

Она подняла голову; его вопросъ показался ей страннымъ. Но онъ прямо и просто глядѣлъ на нее. Это ее успокоило.

Digitized by Google

— А я, вѣдь, предупреждалъ васъ, чтобы вы не оставались со мной вдвоемъ, сказалъ онъ опять.

Она взглянула ему въ глаза, въ самые зрачки его глазъ, и вдругъ почувствовала, что земля какъ будто разступается подъ ней. Она все поняла. Эти глаза, которые казались ей до сихъ поръ такими простыми, были глазами убійцы. Они давно были уже таковы, но она только не понимала ихъ смысла; она только теперь поняла ихъ страшное выраженіе. Онъ вчера еще такъ именно смотрѣлъ на нее—она ясно теперь припоминала это.

Ужасъ до того оледенилъ ее, что даже чувство самосохраненія не могло ее заставить двинуться съ мѣста. Ни одинъ нервъ, ни одинъ мускулъ ей не повиновался. Она чувствовала, что въ ней все—камень, и, какъ въ камнѣ, въ ней не было движенія. Даже глаза у нея остановились, но они все видѣли. Выраженіе ихъ было такъ страшно, что, при взглядѣ на нихъ, убійца долженъ чувствовать не меньшій ужасъ, чѣмъ его жертва.

Но все это продолжалось только нѣсколько мгновеній. Пока они смотрѣли другъ другу въ глаза, они оба стояли, пораженные ужасомъ. Но когда онъ сдѣлалъ только движеніе, когда въ рукѣ его что-то блеснуло, она сама бросилась къ нему и схватила его за руку.

— Ты убьешь меня?! Ты! говорила она въ какомъ-то изступленіи, падая къ его ногамъ.—Ты! меня! меня, твою рабу... Ты, кто меня любилъ такъ... кто самъ былъ у моихъ ногъ.

Она не просила у него жизни, но онъ самъ увидалъ, что взялся за невозможное: то, что онъ хотѣлъ сдѣлать, было выше его силъ. У него никогда не поднимется рука на нее.

— Уйдите отъ меня, сказалъ онъ глухо. — Уйдите, если вы хотите еще жить.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорила она, покрывая слезами его руку. — Я не уйду отъ тебя!.. Милый мой, вотъ наше прощанье! Вотъ и конецъ нашей любви! конецъ всему...

Она смотрѣла на него какими-то восторженными, безумными глазами. Онъ оттолкнулъ ее и вырвался отъ нея самъ, почти какъ безумный.

Пока она обнимала его, она не чувствовала никакого страха—ничего, кромѣ сознанія, что онъ съ ней, что онъ опять около нея. Она не боялась его въ эту минуту, потому что она сознавала всю невозможность, всю чудовищность того, чтобы онъ поднялъ на нее руку; она знала такъ же, какъ и онъ, что это—невозможно. Пока она сжимала его руку въ своей, онъ былъ какъ бы частицей ея самой, онъ не былъ для нея страшенъ. Но

Digitized by Google

когда она увидала его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, она опять почувствовала въ немъ убійцу. Его глаза блеснули передъ ней страшной рѣшимостью. Ужасъ перваго момента снова охватилъ ее. Любовь къ жизни и чувство самосохраненія заговорили въ ней сильнѣй всего. Она бросилась бѣжать.

Она не бѣжала, а летѣла на крыльяхъ. Весь лѣсъ, казалось, мчался вмѣстѣ съ ней. Вихремъ летѣли эти сосны, недавно еще неподвижныя и черной стѣной, медленно, но, въ то же время, неотразимо двигалась за ними и нагоняла ихъ смерть. Ужасъ, леденившій ея кровь, былъ напрасенъ: когда смерть пришла, она не замѣтила ея. Она лежала на травѣ, настигнутая въ своемъ безумномъ бѣгствѣ этой громадной черной стѣной, отъ которой невозможно было уйти, отъ которой весь лѣсъ мчался вмѣстѣ съ ней въ слѣпомъ ужасѣ; но стѣна накрыла ее незамѣтно. Она опрокинула ее на траву, не давая даже и почувствовать, что это она и есть, стѣна, смерть, черная громада, наполнившая собой весь лѣсъ.

То, что̀ казалось ей такъ громадно, было просто маленькій кусокъ свинцу, ударившій ее въ затылокъ на мѣстѣ соединенія шейныхъ позвонковъ съ мозгомъ. Это была просто шальная пуля, посланная ей въ догонку человѣкомъ, который выстрѣлилъ на угадъ, не цѣлясь, потому что такъ нужно было, потому что къ суммѣ убійствъ онъ долженъ былъ прибавить одну единицу, и не въ его волѣ было идти противъ теченія.

Онъ вышелъ изъ лѣсу и пошелъ по дорогѣ къ Москвѣ. Его дѣло было кончено, какъ была кончена самая его жизнь. Смерть рѣшала все. Онъ дошелъ, наконецъ, до пониманія, что смерть есть покой.

Мы боимся ея потому, что мы мало думаемъ о ней; она для насъ есть что̀-то новое, мало намъ извѣстное. Но тотъ, кто думаетъ о ней часто, кто сроднился съ мыслью о ней, знаетъ, что она-то и есть истинный другъ человѣка. Что̀ такое смерть? Это — нѣсколько золотниковъ пороху и кусокъ свинцу; это — разорванныя ткани, разбитая кость... Это — чисто-физическое явленіе. Что̀ можетъ оно значить въ сравненіи съ нравственными страданіями, съ идеей о справедливости, которая поругана здѣсь на землѣ?

Оглянувшись на себя, Соловой увидалъ, что самъ онъ, какъ давно уже нарушившій всѣ законы справедливости, давно уже не заслуживалъ жизни...

Digitized by Google

Въ Москвѣ много говорили въ это лѣто о загадочномъ убійствѣ одной дачницы въ Сокольникахъ, у которой не были даже сняты съ рукъ брильянтовыя кольца, и о томъ, что одновременно почти застрѣлился одинъ изъ членовъ судебнаго вѣдомства, оставившій послѣ себя записку, что причиной его самоубійства— неудачи по службѣ и разстройство его денежныхъ дѣлъ.

С. Смирнова.

Конецъ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ДУРАКА,

СДЕРЖАВШАГО БОЛЬШЕ, ЧѢМЪ ОНЪ ОБѢЩАЛЪ.

ВЕДЕНЫ ИМЪ САМИМЪ,

СОБРАНЫ И ДОПОЛНЕНЫ

ЭЖЕНОМЪ НОЭЛЕМЪ.

XXXIV.

Музыкантъ и живописецъ.

Намекъ, высказанный Амедеемъ въ предъидущей главѣ, и его послѣднія слова требуютъ поясненія, и я долженъ разсказать вамъ о сынѣ Дезйра и о моемъ собственномъ. Но здѣсь мы опять вступаемъ со всей колоніей въ новый фазисъ.

Старшій сынъ Дезйра, Ячмень, еще съ дѣтства такъ хорошо научился отъ отца играть на рожкѣ, что почувствовалъ большую склонность къ музыкѣ и отъ убогаго отцовскаго инструмента перешелъ къ кларнету, потомъ къ скрипкѣ, и, волей неволей, его пришлось вести по новой дорогѣ. Я говорю: волей неволей—это не справедливо; оставаясь непоколебимыми въ нашихъ совѣтахъ дѣтямъ, мы никогда не препятствовали ихъ призваніямъ, если только призваніе дѣйствительно проявлялось. Ячмень окончилъ свое музыкальное образованіе въ Парижѣ, гдѣ онъ, благодаря рекомендаціи Эдуарда, нашелъ очень хорошаго учителя. Нѣсколько лѣтъ спустя, у насъ самихъ случилось подобное-же явленіе съ однимъ изъ нашихъ сыновей, только страсть мальчика была къ черченію и къ живописи. Мы такъ-же мало желали препятствовать его призванію; а талантъ у него былъ, и очень оригинальный. Долженъ-ли я прибавить, что въ настоя-

Digitized by Google

щую минуту онъ—одинъ изъ нашихъ пейзажистовъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе на послѣдней выставкѣ?

Пшено (таково его имя) отправился тоже въ Парижъ оканчивать свое образованіе. Ячмень, который жилъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ, былъ ему полезнымъ руководителемъ.

Я ничего еще не говорилъ объ этихъ двухъ мальчикахъ: призваніе поставило ихъ внѣ нашей колоніи, и мнѣ не случалось вводить ихъ въ мой разсказъ, гдѣ я исключительно занимался фермой. Къ тому-же, для насъ было истиннымъ горемъ видѣть, какъ они все удалялись отъ семьи. Но, съ другой стороны, ихъ первые успѣхи доставляли намъ большую радость: намъ казалось, что, какъ тотъ, такъ и другой, пошли по настоящей дорогѣ современнаго искуства. Ферма, деревня, воспоминанія о нашей колоніи навсегда запечатлѣлись въ ихъ памяти и сказывались въ произведеніяхъ. Ландшафты Пшена представляли намъ всѣ уголки и закоулки нашихъ владѣній. Изображались даже наши животныя. Какъ-то разъ, ко дню моего рожденія, онъ мнѣ прислалъ картину, полную свѣта и жизни (она еще до сихъ поръ украшаетъ нашу столовую), и знаете, что̀ онъ въ ней изобразилъ? *Священную телегу*, т. е. телегу дяди Лагоргота, въ которой я явился на свѣтъ между теленкомъ и бараномъ.

Ячмень, въ своихъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, передавалъ намъ мелодіи и гармоніи, столько разъ слышанныя нами подъ деревьями, окружавшими нашъ домъ. Несмотря на свою молодость, онъ написалъ и поставилъ прехорошенькую оперу въ двухъ дѣйствіяхъ.

Какая радость была для Дезйра, Туанеты, и для всей колоніи услыхать это милое произведеніе—не въ Парижѣ, куда мы не могли ѣхать—а въ нашемъ городѣ, гдѣ, право, очень хорошо исполнили оперу, а, главное, превосходно приняли!

Ка̀къ несчастны тѣ отцы, которые разбиваютъ артистическую карьеру своихъ дѣтей: какой великой радости они лишаютъ себя! Спросите у Дезйра: какой день въ его жизни былъ самый лучшій? Онъ вамъ отвѣтитъ: тотъ, когда онъ услыхалъ произведеніе своего сына и, главное, когда появился на сценѣ пастухъ и сталъ играть на рожкѣ, при шумныхъ рукоплесканіяхъ и крикахъ: «bis» всей публики.

Digitized by Google

XXXV.

Актёръ и актриса.

Это—не все, и я признаюсь вамъ, о, отцы семейства! еще коевъ чемъ. Композиторъ и живописецъ подружились въ Парижѣ съ однимъ молодымъ актёромъ. Его звали Дрозъ. Онъ уже стоялъ на виду во «Французской Комедіи». Это былъ честный, веселый молодой человѣкъ, пріятный въ сношеніяхъ и съ большимъ умомъ. Объ его талантѣ я ничего не скажу; теперь имя его извѣстно всѣмъ. Ячмень и Пшено привезли его съ собой погостить нѣсколько дней на фермѣ. Очень проницательный, наблюдательный, весь преданный своему искуству, онъ сдѣлалъ у насъ открытіе: оказалось, что у всѣхъ насъ были артистическія лица и что лично я имѣлъ всѣ данныя, чтобъ быть драматическимъ актёромъ: и голосъ, и жесты, и взглядъ, и игру физіономіи. Однимъ словомъ, я, по его мнѣнію, заглушилъ свое призваніе; но Дрозъ не унывалъ и говорилъ, что еще не все погибло.

— Какъ! Въ шестьдесятъ-то лѣтъ вы пойдете въ актёры!

— Нѣтъ, читатель, нѣтъ! Выслушайте спокойно продолженіе. Наша третья дочь—Рѣпка, такъ названная потому, что она родилась въ томъ мѣсяцѣ, когда рѣпа въ полномъ цвѣту, была, какъ утверждали, мой вылитый портретъ, только въ усовершенствованномъ видѣ: голосъ ясный, съ прекраснымъ тембромъ, выразительныя жесты, блестящіе, умные и веселые глаза.—Что за прелестную субретку можно изъ нея сдѣлать! сказалъ Дрозъ Пшену. Онъ попросилъ ее выучить наизусть двѣ-три маленькихъ роли и далъ ей нѣсколько совѣтовъ. И вотъ, наша Рѣпка начала говорить стихи съ такимъ умѣньемъ, съ такой граціей и оживленіемъ, что мы диву дались.

Нужно-ли теперь вамъ разсказывать подробности и всѣ фазисы ихъ любви? Право, это вышло очень обыкновенно.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разныхъ прелиминарій, мы отпраздновали свадьбу Рѣпки и Дроза. Въ настоящую минуту Рѣпка — достойная жена хорошаго артиста. Нѣчего мнѣ и прибавлять, что въ милой актрисѣ сохранились наивность и прочныя качества Горготины. Она теперь, безъ ущерба своему таланту—любящая мать двухъ прехорошенькихъ мальчиковъ:—старшему нѣтъ еще и четырехъ лѣтъ. Счастливая семья! Въ

Digitized by Google

ней соединились искуство и простота, театръ и деревня; ферма живетъ въ сердцѣ дорогой актрисы.

Всюду восхищались Рѣпкой, но, можетъ, никогда не указывали, какъ я на этой страницѣ, откуда происходитъ простота и правдивость ея сценическаго исполненія, которому и вы, добрый читатель, пожалуй, апплодировали.

XXXVI.

Богатая идея.

Разъ, за столомъ, Дрозъ заспорилъ съ Ячменемъ и сказалъ ему:

— Истинный артистъ вкладываетъ страсть въ свои произведенія, а не въ личную жизнь.

Именно въ этомъ-то я и узналъ себя артистомъ на свой ладъ, т. е. артистомъ въ земледѣліи, въ скотоводствѣ. Въ мои занятія я вложилъ всю страсть: остальное, во мнѣ самомъ и вокругъ меня—все устроилось для спокойствія.

Амедей тоже имѣлъ страсть къ своему искуству. Его искуство состояло въ преобразованіяхъ; это было постоянное стремленіе къ реформамъ или, какъ онъ любилъ выражаться, къ революціямъ. Онъ пользовался этимъ словомъ, какъ истый парижанинъ.

Я здѣсь передамъ и другой разговоръ, при которомъ я не участвовалъ, но мнѣ его пересказали.

Пшено и Рѣпка пріѣхали вмѣстѣ провести два дня на фермѣ. Отправились гулять, и, конечно, начались разговоры.

— Мы любимъ искуство, сказалъ Амедей:—а вы, друзья, не можете не любить деревни; вы въ ней родились, ваши лучшія привязанности въ ней-же, да и колыбель вашего таланта опять была деревня. Къ несчастью, жизнь такъ сложилась, что вы лишились вашей дорогой деревни, а у насъ—отсутствіе искуства. И то и другое—не полно!

— Какъ быть! отвѣтила Рѣпка, смѣясь:—вѣдь не станутъ-же для васъ ломать французскій театръ, оперу и перевозить ихъ сюда, или вы сами не переселитесь-же, со всей вашей колоніей, въ Jardin des Plantes?

— Ахъ, кузина, нѣтъ ничего проще того, что̀ я хочу вамъ предложить: Ячмень, Пшено, да и вы сами нѣтъ-нѣтъ, да и навѣстите насъ; только ваши посѣщенія случайны и зависятъ отъ обстоятельствъ, а обстоятельства не позволяли до сихъ поръ

Digitized by Google

собираться всѣмъ вмѣстѣ. Нужно назначить время для вашихъ визитовъ и положить ихъ по два въ годъ, съ условіемъ, чтобы вся семья была въ сборѣ въ продолженіи пяти дней.

— Согласна! вскричала Рѣпка, протягивая ему руку:—это—дѣло рѣшеное, и я отвѣчаю за Дроза.

— А я, прибавилъ Пшено:—за Ячменя. Но какія времена года возьмемъ мы для этихъ празднествъ?

— Возьмемъ самое роскошное время, лѣто: отъ 20-го до 24-го іюня; а на второй визитъ—бо́льшіе зимніе вечера—всегда такіе шумные и веселые:—отъ 20-го до 24-го декабря... Этотъ семейный союзъ будетъ празднествомъ искуствъ: музыка...

— Музыка, это—ужь дѣло Ячменя! воскликнула Рѣпка. Потомъ, подумавъ немного, она быстро обернулась къ брату и сказала:

— Ты, вѣдь, Пшено, не прочь намазать намъ двѣ, три декораціи? Всякій долженъ будетъ дать что-нибудь, и мы покажемъ, такимъ образомъ, нашимъ славнымъ старичкамъ, что̀ умѣемъ дѣлать. Вотъ такъ богатая идея!

XXXVII

Господинъ де Сент-Альбенъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано, и вы сейчасъ услышите разсказъ объ этихъ празднествахъ; но сперва я долженъ сказать нѣсколько словъ о визитѣ, который намъ сдѣлали вскорѣ послѣ вышеизложеннаго разговора. Господинъ, украшенный разными орденами, съ очень аристократической внѣшностью и неменѣе аристократическими пріемами, явился въ нашъ городъ и просилъ, чтобъ ему указали на болѣе выдающіяся по культурѣ фермы, говоря, что онъ желалъ бы ихъ посѣтить. Конечно, мой другъ, помощникъ префекта, указалъ ему на насъ. И разъ, какъ-то утромъ, барскій экипажъ остановился у нашего плетня. Входитъ ливрейный лакей и подаетъ мнѣ карточку, украшенную гербомъ, на которой я читаю: *Графъ Морисъ де-Сент-Альбенъ*. Лакей спрашиваетъ, могу ли я принять его барина? Я лично иду съ отвѣтомъ къ графу; тотъ выходитъ изъ кареты и направляется ко мнѣ на встрѣчу.

— Позвольте мнѣ, прежде всего, говоритъ онъ:—поздравить васъ съ вашими безподобными запашками и со всѣмъ, что̀ я успѣлъ замѣтить на вашей землѣ. Я не думаю, чтобы можно встрѣтить во Франціи землю въ болѣе цвѣтущемъ состояніи.

Digitized by Google

— Я польщенъ, графъ, вашимъ любезнымъ отзывомъ, но, можетъ, хорошее впечатлѣніе уменьшится при ближайшемъ разсмотрѣніи. Скажу только, что мы прикладываемъ всѣ наши старанія, чтобы вышло хорошо.

— Я смотрѣлъ на ваши поля изъ окна кареты и даже раза два-три выходилъ, чтобы лучше ознакомиться съ вашимъ способомъ воздѣлыванія. Я тотчасъ понялъ, что тутъ земледѣліе научное, хотя ничто не выходитъ изъ границъ. Я бывалъ у химиковъ-землевладѣльцевъ, но здѣсь я у землевладѣльца-химика... Я нисколько не желаю сказать каламбура, и, надѣюсь, вы понимаете смыслъ моихъ словъ...

— Совершенно!

— Въ васъ наука привилась къ крестьянину.

— Хотя я родился въ городѣ, но ваши наблюденія, тѣмъ не менѣе, вѣрны и справедливы.

— Въ настоящее время, я занимаюсь очень серьёзнымъ произведеніемъ, которое будетъ носить заглавіе: *Средства къ возстановленію большихъ поземельныхъ владѣній.* Теперь я ищу руководящей идеи у крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, между которыми, какъ я вижу, вы занимаете видное мѣсто, если не по объему вашего имѣнья, то по его превосходному веденію.

— Я никакъ ужь не могу быть причисленъ къ крупнымъ владѣльцамъ; на этой землѣ мнѣ лично принадлежитъ только участокъ ея. Мы здѣсь составляемъ артель какъ въ пользованіи, такъ и въ эксплуатаціи.

— Не есть ли это попытка: согласить общность владѣнія съ успѣхами земледѣлія?

— Это—немного болѣе того и немного менѣе. Я право не знаю, какое дать названіе нашему началу. Одно только могу сказать, что все устроилось само собой, въ силу времени и обстоятельствъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы приблизились къ одной изъ нашихъ деревенскихъ службъ и я понялъ, что г. де-Сент-Альбенъ былъ самъ опытный и образованный агрономъ. Онъ очень одобрилъ постройку сахарнаго завода при фермѣ и сдѣлалъ намъ много дѣльныхъ вопросовъ, на которые мы старались отвѣчать какъ можно яснѣе.

Дезиръ, настоящій артистъ во всемъ, что̀ касалось запашекъ, посѣвовъ и ухода за лошадьми, показался г. Сент-Альбену истиннымъ патріархомъ и царемъ извозниковъ, какъ онъ самъ выразился.

— Мой старый другъ Дезиръ не краснѣетъ, графъ, отъ на-

Digitized by Google

званія извозника, ибо онъ тридцать лѣтъ честно занимался у насъ извозничествомъ. Но Дезйръ не переставалъ быть моимъ компаньономъ и во всемъ остальномъ. Часть нашего заведенія законно принадлежитъ ему. И мы ему помогаемъ въ ея управленіи вмѣстѣ съ моимъ племянникомъ и зятемъ.

Удивленіе г. де-Сент-Альбена замѣтно возростало. На кухнѣ онъ увидѣлъ Горготину и Туанету, прелестные сѣдые волосы которыхъ одни только намекали на ихъ лѣта: столько было еще въ нихъ свѣжести и расторопности. Ихъ учтивость, радушіе, веселость, разумные отвѣты на самые подробные вопросы о сыроварнѣ, молочной и птичникѣ окончательно его смутили. Такъ что, подъ конецъ, онъ мнѣ сказалъ со вздохомъ и выраженіемъ въ глазахъ, которое я несовсѣмъ понялъ:

— Еслибъ я не видалъ своими глазами того, что̀ вы мнѣ теперь показывали, я бы никогда не повѣрилъ и всегда бы отрицалъ возможность существованія большаго поземельнаго владѣнія, превосходно веденнаго, благодаря только демократическимъ основаніямъ.

— И научнымъ, графъ, поспѣшилъ я добавить.

— Несомнѣнно! подтвердилъ графъ.

А я продолжалъ:

— Наша колонія основалась на трудѣ и дружескихъ отношеніяхъ; не ищите въ ней системы или предвзятой мысли—ничего подобнаго вы не найдете. Пожалуй, еще любовь къ природѣ и желаніе изучить ее поближе были нашими первыми двигателями. Все это сложилось очень просто.

— О! нѣтъ, вскричалъ г. де-Сент-Альбенъ: — далеко не такъ просто! Что̀ я думаю о результатахъ вашего труда, прибавилъ онъ, уѣзжая:—вы это узнаете изъ книги, въ которой я надѣюсь подробно изложить состояніе нашего земледѣлія.

Мы до сихъ поръ еще ждемъ книгу г. де-Сент-Альбена: *О средствахъ къ возстановленію большихъ поземельныхъ владѣній.* Если она когда появится, прочтите ее, друзья мои, и просмотрите хорошенько, что̀ онъ говоритъ о насъ.

На другой день я сказалъ Дезйру и Амедею:

— Этотъ г. де-Сент-Альбенъ, конечно, не безъ достоинствъ, и я думаю, что его намѣренія самыя хорошія; но это—человѣкъ касты, проникнутый духомъ касты. Поэтому, онъ видитъ вещи совершенно навыворотъ. Онъ—одинъ изъ тѣхъ, которые очень искренно воображаютъ, что могутъ и должны останавливать ходъ вещей. Эти люди полагаютъ всю свою надежду на деревни. Никогда еще не существовало подобнаго заблужденія. Деревни, напротивъ, призваны лишь дополнять наши преобразованія. Раз-

Digitized by Google

вѣ науки, сдѣлавшіяся фундаментомъ современнаго общества, могли бы достичь такъ быстро громаднаго значенія, еслибъ общество, по своей матеріальной необходимости, не нуждалось въ нихъ и еслибъ онѣ не помогали развитію промышленности, которая, благодаря имъ, все увеличивала свою силу? Иначе, кто знаетъ, можетъ, науки совсѣмъ бы заглохли, вмѣсто того чтобъ такъ развиться, какъ онѣ развились! Промышленность, въ ея различныхъ отрасляхъ, опирается только на физику и химію. Эти науки не могутъ доставить полныхъ философскихъ данныхъ. Кто же пополнитъ эти философскія данныя? Вотъ здѣсь-то на сцену и выступаетъ біологія; а какая промышлениость воспримѣтъ біологію и сдѣлаетъ ее популярной? Земледѣліе. Ибо земледѣліе не замедлитъ увидать, что физика и химія для него недостаточны, что ему нужна наука высшая, наука объ организованныхъ существахъ. Эта наука, которую считали полезной только для однихъ медиковъ, войдетъ скоро, будьте увѣрены, въ программу земледѣльческаго курса. Слѣдовательно, поля должны дополнить наше моральное преобразованіе, что̀ нисколько не мѣшаетъ г. де-Сент-Альбену полагать всю свою надежду на деревни для возстановленія стараго порядка вещей и старой поземельной собственности.

— Революція, съ самаго начала, воскликнулъ Амедей: — не переставала показывать подобныя явленія. Правда, ея первыми зачинщиками выступили нѣсколько благородныхъ натуръ и болѣе назависимыхъ, чѣмъ другія; къ тому же, массѣ не въ мого̀ту ужь становилось отъ королевскихъ оргій, уничтожавшихъ всякое право, всякую личную гарантію, ей не въ моготу были Бастилія и королевскіе бланки! Нѣсколько дворянъ стало во главѣ движенія; дворъ и защитники стараго порядка сперва не особенно сильно испугались этихъ вспышекъ независимости; они черезчуръ полагались на средній классъ, на его вѣковое повиновеніе; но вотъ и средній классъ, противъ всякихъ ожиданій, принялъ и развилъ идею революціи. Сегодня противники новаго порядка опять впадаютъ въ ту же ошибку: они разсчитываютъ на земледѣльческій элементъ, не замѣчая того, что земледѣльческій-то элементъ и будетъ скоро, благодаря наукѣ, настоящимъ революціоннымъ элементомъ. А тутъ еще пишутъ *О средствахъ къ возстановленію большихъ поземельныхъ владѣній!*

— Большія поземельныя владѣнія, подхватилъ Дезиръ: — я могу вамъ поразсказать о нихъ: они были у насъ, во Франціи до революціи; тогда крестьяне умирали съ голода въ своихъ норахъ, коли не умирали подъ барскою палкой. Въ то же самое

Digitized by Google

время англійская почва была усѣяна красивенькими коттэджами, ихъ описанія повторялись вездѣ и приводили всѣхъ въ телячій восторгъ. Но вотъ чудо! Теперь во Франціи видишь хорошенькіе домики, съ милліонами крестьянъ, счастливыхъ, веселыхъ, умныхъ. Въ Англіи же коттэджей и слѣдъ простылъ! Они ровно сгинули, и жильцы ихъ исчезли. Не ищите въ этой странѣ крестьянина, вы не найдете его. Во время жатвы работники разомъ выходятъ изъ городовъ и отправляются *казнить* землю. Но гдѣ же потомки владѣльцевъ красивыхъ коттэджей? Они населяютъ ужасные рабочіе дома. И вотъ это-то развитіе въ двѣ противоположныя стороны двухъ государствъ и произвело у насъ раздробленіе земель, а въ Англіи — сосредоточеніе владѣній въ нѣсколькихъ рукахъ. Вся англійская земля принадлежитъ ста-пятидесяти владѣльцамъ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ пройти болѣе тридцати льё по прямой линіи, не выходя изъ своихъ владѣній. Половина Шотландіи принадлежитъ двѣнадцати пашамъ; но у насъ, французовъ, въ поляхъ насчитываютъ, къ нашей чести, два милліона владѣльцевъ. Что-жь, пускай защитники большихъ поземельныхъ владѣній радуются тому, что сто-пятьдесятъ «маркизовъ Караба» могутъ скакать пятнадцать часовъ по одному направленію, оставаясь дома. На здоровье имъ! Но, пока они радуются, цѣлый народъ умираетъ съ голода и отчаянія. Подите-ка, посмотрите въ Англіи, какъ тысячи, милліоны бѣдныхъ—на содержаніи у приходовъ. Вотъ тамъ-то г. де-Сент-Альбенъ и его каста могутъ оцѣнить результаты большихъ поземельныхъ владѣній!...

Дезиръ, говоря это, держалъ косу въ рукахъ. Онъ вдругъ сдѣлалъ ею угрожающій жестъ и быстро пошелъ косить уголъ своего луга.

Другъ читатель, не забывайте этихъ разговоровъ. Для того, чтобы сообщить вамъ ихъ, мнѣ пришла и самая идея писать мои *Записки*. Идеи эта, коли ужь тутъ есть идея, была мнѣ внушена, опять-таки, нашимъ неугомоннымъ Амедеемъ, или, выражаясь вѣрнѣе, идея-то мнѣ не разъ приходила въ голову, но только, по его настояніямъ, я рѣшился привести ее въ исполненіе. Амедей помогъ мнѣ изложить главную сторону разсказа, которая, говорилъ онъ, должна была представлять собою исторію фермы, постепенно переходившей къ наукѣ, къ искуству, къ моральному принципу. Странное дѣло! Онъ началъ меня наэлектризовывать (это—его собственное выраженіе) на писательство вскорѣ послѣ нашего перваго празднованія семейнаго союза.

Теперь, кажется, самая удобная минута разсказать вамъ, какъ прошелъ нашъ праздникъ, такъ хорошо устроенный Амедеемъ, Пшеномъ, Дрозомъ, Ячменемъ и Рѣпкой.

Digitized by Google

XXXVIII.

Маленькое, почти неумѣстное предисловіе.

Я бы, все-таки, очень желалъ дать здѣсь еще нѣсколько поясненій на счетъ моихъ *Записокъ*, такъ какъ мы теперь пришли именно къ той минутѣ моей жизни, въ которую я началъ ихъ составлять. Никто въ домѣ не слыхалъ еще ни единаго слова изъ моей книжки. Вся колонія знаетъ только, что я пишу, но даже заглавіе неизвѣстно; а оно, я думаю, возстановило бы всѣхъ противъ себя. Я, все-таки, его оставляю: оно съ разу показываетъ, что наша колонія начала сперва жить однимъ инстинктомъ («божественной глупостью», какъ я часто говаривалъ) и потомъ постепенно пришла къ другому руководителю—разуму.

Это—исторія обществъ: инстинктъ былъ ихъ первымъ двигателемъ. Но пришло время, когда тѣ, которые желаютъ еще жить, должны взять себѣ въ руководители разумъ и науку.

И все таки я не знаю: одобрила ли бы наша колонія, послѣ всѣхъ этихъ объясненій, то званіе, какое я себѣ выдаю въ заголовкѣ моей странной книжки? Я надѣюсь, что читатель приметъ его, ибо теперь онъ не можетъ въ немъ усмотрѣть ничего худого.

Было бы, право, курьёзно, еслибъ въ этомъ подмѣтили хоть капельное желаніе порисоваться.

XXXIX.

Первое празднованіе семейнаго союза.

Наконецъ, состоялось празднованіе союза нашей колоніи! Все семейство было на лицо; насъ всѣхъ насчитывалось до тридцати. Всякъ размѣстился какъ могъ. Первый день празднества выпалъ въ декабрѣ и въ очень холодное время. Сахарный заводъ оказалъ намъ, въ этомъ случаѣ, большую помощь; въ самомъ строеніи завода мы соорудили театральную и концертную залу. Пусть представятъ себѣ, если это только возможно, радость двухъ патріарховъ, двухъ основателей колоніи, при видѣ того, какъ каждый изъ ея членовъ и дѣтей проявлялъ одновременно свое знаніе, свой талантъ, начиная съ самыхъ скромныхъ искуствъ и кончая самыми возвышенными! отъ прекраснаго супа, жаркого,

Digitized by Google

пироговъ Горготины и Туанеты—ихъ появленіе на столѣ было встрѣчено рукоплесканіями — вплоть до прелестныхъ мелодій Ячменя, до ландшафтовъ Пшена, до очаровательнаго сценическаго исполненія Дроза и Рѣпки. На этихъ праздникахъ намъ съ Дезйромъ казалось—да простятъ насъ—что мы какіе-то боги! Это безподобное племя землепашцевъ, артистовъ, ученыхъ, промышленниковъ, искусныхъ и милыхъ хозяекъ — все это было дѣло нашихъ рукъ! Ужь и чествовали же насъ съ Дезйромъ!

Но что̀ пришло въ голову Дрозу? Онъ, подобно Амедею, неистовый въ своемъ искуствѣ, вдругъ вздумалъ превратить насъ съ Дезйромъ въ актеровъ, и мы, право, очень не плохо выполнили наши комическія роли въ стихахъ. Мнѣ такъ даже это занятіе чрезвычайно понравилось. Рѣпка своей манерой и игрой придавала нашимъ старымъ классикамъ и нѣкоторымъ современнымъ авторамъ столько прелести и тонкости въ оттѣнкахъ, что драматическое искуство стало въ моихъ глазахъ первымъ, великимъ, могучимъ искуствомъ.

— Ахъ, ка̀къ это пріятно: — хорошіе стихи, сказанные такъ, какъ ты ихъ говоришь! воскликнулъ я, цѣлуя дорогую актрису.

Все селеніе допускалось на наши музыкальные и драматическіе вечера. Успѣхъ былъ неслыханный. Ячменю, за его декораціи, рукоплескали не менѣе другихъ. Пчелка и Франсуа тоже участвовали въ маленькихъ роляхъ. Что̀ же до революціонера Амедея, то онъ прочелъ лекцію и, конечно, сюжетомъ взялъ исторію электричества. Апплодировали всѣ до единаго слушателя, а ихъ было отъ четырехъ до пяти сотъ. На обѣды и ужины допускались только одни члены семейства. Какая радость, какое веселье, какіе разговоры, сколько воспоминаній о прошломъ колоніи и съ какимъ любопытствомъ слушали ихъ маленькія дѣти. Вотъ тогда-то блаженствовали и чествовались дѣдушки съ бабушками! По правдѣ сказать, въ такія минуты у насъ не разберешь ни старыхъ, ни молодыхъ; мы всѣ чувствовали себя въ полной силѣ вѣковѣчной жизни, радости, молодости.

На Дроза это празднество произвело особенное впечатлѣніе. Онъ одинъ изъ всѣхъ насъ никогда не бывалъ въ деревнѣ зимой, и воображалъ, какъ истый горожанинъ, что природа въ это время года—«мерзость запустѣнія». Каково же было его удивленіе при видѣ красотъ инея и снѣга на большихъ деревьяхъ, великолѣпія зимнихъ ночей при совершенномъ безмолвіи или величавомъ гулѣ лѣсовъ.

Нашъ праздникъ, хотя и скромный, но еще невиданный въ деревняхъ, очаровалъ и насъ, и весь околодокъ, который какъ

Digitized by Google

будто преобразился и сталъ еще больше уважать и любить нашу семью.

По этому можете себѣ представить, какъ при разставаніи всѣ обѣщались—и сами страстно желали—возобновить въ слѣдующемъ іюнѣ мѣсяцѣ празднованіе союза колоніи.

XL.

Дятлина и Медунка.

Теперь, когда все поуспокоилось и каждый взялся за свою каждодневную работу, читатель, пожалуй, соображаетъ и готовится мнѣ сказать слѣдующее:

— Хорошо; но вы, господинъ патріархъ, уже не молоды и, сколько намъ помнится, Дезйръ двумя годами старше васъ. Кто-же послѣ васъ будетъ управлять полевой частью фермы? Мы видимъ, что ея промышленнымъ и торговымъ отдѣломъ успѣшно завѣдуютъ Амедей и Франсуа; но васъ-то съ Дезйромъ кто замѣнитъ?

Ахъ, читатель, сколько разъ мы съ Дезйромъ задавали себѣ этотъ вопросъ! Но теперь преемникъ найденъ и ужь дѣйствуетъ; это — нашъ съ Горготиной сынъ, самый младшій. Въ день его рожденія, мы дали ему имя съ хорошимъ предзнаменованіемъ; оно назначало его къ сельскимъ работамъ; мы его назвали *Дятлина*. И, правда, онъ съ самаго ранняго дѣтства проявилъ непоколебимое призваніе къ землепашеству. Всѣ его мысли, желанія, мечты стремились къ нему. Поля, запашка, скотоводство—вотъ его первыя страсти. Но это еще не все. Пять лѣтъ послѣ его появленія на свѣтъ, у Дезйра родилась дочка, которую Туанета назвала Медункой, въ подражаніе Дятлинѣ. Туанета, давая такое имя дочери, не имѣла ли еще какой мысли? Я не осмѣлюсь этого утверждать; только, какъ бы тамъ ни было, но Дятлина и Медунка всегда питали большую дружбу другъ къ другу, и въ тотъ часъ, когда я пишу эти строки, они уже два мѣсяца какъ женаты.

Свадьбы не праздновали, ибо рѣшили, что ее отпразднуютъ черезъ шесть недѣль, вмѣстѣ съ церемоніей 15-го іюня (въ память нашего союза).

— Нѣтъ, что̀ ты скажешь? повторялъ мнѣ безпрестанно Дезйръ:—наши внучата будутъ изъ одной семьи, и мои внучата станутъ носить твою фамилію. Вотъ о чемъ я мечталъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ!

Digitized by Google

Дятлинѣ и Медункѣ нѐчего было устроиваться на фермѣ, гдѣ они оба постоянно жили. Только пришлось расширить немножко комнату Дятлины; Туанета съ Горготиной взялись прибавить въ ней мебели.

Дятлина—такой работящій, что мы съ Дезйромъ могли бы теперь и отдохнуть; но мы не отдыхаемъ: мы знаемъ, что для насъ трудъ такъ же необходимъ, какъ и воздухъ. И мы трудимся, довольные и счастливые тѣмъ, что насъ еще не приговорили къ отдыху, т. е. къ скукѣ, къ разжиженію мозга, къ сумасшествію. Медунка также могла бы замѣнить Туанету и Горготину; но Туанета и Горготина, какъ и ихъ мужья, никому не уступаютъ своего права на трудъ. Впрочемъ, надо быть справедливымъ: расторопность молодыхъ позволяетъ *старикамъ* имѣть болѣе свободнаго времени. Они имъ и пользуются, размышляя, занимаясь науками и читая....

Теперь читатель видитъ, что фермѣ не угрожаетъ погибель и тогда, когда исчезнутъ тѣ, которые управляли ею до сихъ поръ.

XLI.

Маленькая мукомольная мельница.

Долженъ ли я сейчасъ же разсказывать про іюньское празднество? Кàкъ же мнѣ быть, друзья мои: празднество это еще не состоялось, и кто знаетъ, разскажу ли я когда про него? У насъ еще только 21-е мая. Ибо теперь, замѣтьте это, я стану записывать происшествія по мѣрѣ того, какъ они совершаются. Ужь я не стану больше разсказывать прошлое, а только настоящее. Это, пожалуй, измѣнитъ характеръ моихъ *Записокъ*; но что̀ дѣлать? Моя книжка, вы сами видите, не написана въ подражаніе другимъ.

Новая идея засѣла на-дняхъ въ голову Амедея: онъ смастерилъ намъ маленькую чугунную мельницу. Она переносится, и вся ея двигательная сила заключается въ одной лошади. Результатъ—наилучшій. Вмѣсто того, чтобы везти хлѣбное зерно на рынокъ, мы прямо отправляемъ прекрасную муку, отруби, выбойку, и все это, конечно, не безъ барышей для фермы. Намъ начали дѣлать заказы такихъ-же мельницъ. Амедей, хотя и старается, чтобъ его мастерская не играла слишкомъ важной роли, она всетаки приноситъ большое значеніе колоніи и увеличиваетъ ея доходы.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, Франсуа пришло желаніе рас-

Digitized by Google

ширить сахарный заводъ; но мы ему ясно дали понять, что было бы неблагоразумно черезчуръ поддаваться промышленному элементу. Амедей тоже утверждалъ, и совершенно основательно, что промышленность, въ нашей земледѣльческой колоніи, должна быть дѣломъ второстепеннымъ, и даже, по его мнѣнію, не далеко то время, когда опять вернутся къ маленькимъ мастерскимъ. Вѣдь невозможно, наконецъ, чтобъ вся Европа и весь Новый Свѣтъ покрылись громадными фабриками, изъ которыхъ иныя могутъ завалить весь земной шаръ своими продуктами?

Напримѣръ, когда пряла на весь свѣтъ одна Англія и пять или шесть французскихъ провинцій, тогда громадныя мастерскія со страшнѣйшими прядильнями были возможны; но теперь, когда прядетъ и Россія, и Пруссія, и Швейцарія, и Италія, и Испанія—думаете ли вы, что подобныя мастерскія возможны повсюду? Или этотъ промыселъ сосредоточится въ одномъ только народѣ, или же большія мастерскія должны будутъ уменьшить свои размѣры. Въ настоящую же минуту, вѣтеръ пока еще дуетъ въ сторону расширенія размѣровъ.

Расширять сахарный заводъ было бы неблагоразумно. Въ земледѣліи нѐчего бояться увеличенія продуктовъ; природа здѣсь служитъ регуляторомъ и слово *слишкомъ* не существуетъ. Въ промышленности, напротивъ, излишество продуктовъ, а, слѣдовательно, и заваливаніе рынковъ представляетъ постоянную опасность для фабриканта, возбуждая его жадность и легкомысліе. Землепашецъ же отъ всего этого избавленъ.

Такъ говорилъ Амедей, и я съ нимъ согласенъ.

Вотъ почему мы стараемся положить у себя предѣлъ промышленному элементу. И, наоборотъ, мы увеличиваемъ, насколько возможно, земледѣльческую часть. При женитьбѣ Дятлины на Медункѣ мы дали каждому изъ нихъ по небольшому приданому, которыя и употребили на покупку имъ прекраснаго участка земли. Эта прикупка къ фермѣ сдѣлала ее самой обширной во всемъ кантонѣ.

XLII.

Четыре недѣли чтенія.

На другое утро того дня, въ который я оканчивалъ предъидущую главу, упала мнѣ на ногу борона, и я долженъ былъ не выходить изъ комнаты цѣлыхъ четыре недѣли. Впродолженіи этого времени, Амедей исполнялъ заказы: строилъ свои ма-

Digitized by Google

ленькія мельницы. Дятлина съ Медункой, Дезиръ, Горготина и Туанета управляли, наблюдали, помогали въ уборкѣ сѣна; Франсуа приготовлялся къ торговой поѣздкѣ насчетъ сахара, а что же дѣлалъ я на моемъ стулѣ?..

Я читалъ, перечитывалъ, просматривалъ сотни томовъ и даже томы стихотвореній. Дрозъ съ Рѣпкой такъ хорошо произносили стихи, что они наполовину примирили меня съ стихами современныхъ поэтовъ. Я говорю наполовину, т. е. съ формой, ибо въ сути стиховъ я попрежнему нахожу неудовлетворительность, невѣжественность и преднамѣренную гадость.

Къ счастію, я имѣлъ подъ рукой нѣсколько изданій популярныхъ научныхъ сочиненій и, могу смѣло сказать, что съ этой стороны успѣхъ за тридцать лѣтъ несомнѣнный. Разсказы о путешествіяхъ—нѣкоторые прекрасно написанные—тоже повсюду умножились; какому же вѣку, если не нашему, расширять область литературы? Каждый сбирается открывать что-нибудь новое на земномъ шарѣ и нетолько на поверхности его, но и въ самыхъ его сокровенныхъ нѣдрахъ; морское дно намъ ужь показано, и мы начинаемъ съизнова узнавать морскую флору и нескончаемое царство рыбъ. Теперь дѣти двѣнадцати лѣтъ знаютъ объ этомъ многое множество вещей, чего сорокъ лѣтъ назадъ не подозрѣвало большинство людей образованныхъ. Популяризація не остановилась на изученіи того шара, на которомъ мы живемъ: намъ стали описывать и другія планеты. Ученые, на глазахъ публики, разбирали химическій составъ солнца. Мы видѣли, благодаря телескопамъ, нарождающіяся свѣтила; рисунки, фотографіи этихъ грандіозныхъ картинъ можно найти теперь вездѣ. Микроскопъ позволилъ намъ схватить строеніе органическихъ существъ въ ихъ первообразѣ, и въ нихъ мы усмотрѣли повторенія нѣкоторыхъ феноменовъ, наблюденныхъ и въ образованіи небесныхъ тѣлъ.

Сравнительная анатомія, микроскопическая анатомія и физіологія дали намъ понятіе о природѣ, объ ея хронологіи, объ ея законахъ единства и ея движеніи. Геологическія свидѣтельства самой глубокой исторической и до-исторической древности сразу освѣтили намъ наше собственное происхожденіе. Несомнѣнно, что все это придаетъ нашему вѣку характеръ величія, знанія, силы, къ которому не приближался ни одинъ изъ предъидущихъ вѣковъ. Отрицать это или не признавать было бы беззаконіемъ.

Не станемъ думать о личностяхъ ничтожныхъ, извращенныхъ или вредныхъ, которыя безумно пробовали управлять міромъ, забудемъ имена собственныя, посмотримъ только на совершив-

Digitized by Google

шіеся факты: общее освобожденіе умовъ, свобода, равенство, правосудіе, установленное почти у всѣхъ народовъ; волны свѣта, пролитыя на всю вселенную; знаніе природы, разработанное какъ никогда; уничтоженіе разстояній, мгновенное сообщеніе всѣхъ народовъ между собою, возможность для человѣка переѣхать материки, моря, горы, степи, безопаснѣе и скорѣе, чѣмъ для перелетной птицы.

Можетъ быть, мы называемъ нашъ вѣкъ ничтожнымъ отъ того, что все это свершилось на нашихъ глазахъ, меньше чѣмъ на протяженіи человѣческой жизни?

Нѣтъ, ничтожество — въ нашихъ собственныхъ привычкахъ; онѣ еще не преобразованы, все еще держатся за старую рутину. Мы во всемъ поступаемъ такъ же, какъ въ вопросѣ желѣзныхъ дорогъ: наука дала намъ возможность путешествовать въ домахъ и дворцахъ—и что̀-жь? На новую дорогу поставили кареты, построенныя по образу и подобію нашихъ старыхъ дилижансовъ, и вотъ тридцать лѣтъ, какъ мы запираемъ себя въ эти ящики. Къ счастію, американцы начинаютъ понимать, что лучше поставить на рельсы что̀-нибудь другое, чѣмъ наши старые рыдваны. Зато и сто̀итъ посмотрѣть на ихъ теперешніе вагоны.

Неизвѣстно, сколько времени просидимъ мы еще въ нашихъ старыхъ каретахъ по философіи, политикѣ, администраціи. Наука, въ теченіи восьмидесяти лѣтъ, успѣла такъ быстро все передѣлать, что умъ человѣческій не могъ слѣдить за ней; наслѣдственное тупоуміе стало поперекъ дороги и все испортило. Наши несчастные отцы, при дикомъ воспитаніи, держались еще въ такой узости и въ такомъ мозговомъ бездѣйствіи, что мы, подчиняясь суровому закону атавизма, не могли вполнѣ переродиться въ людей новаго міра.

Въ настоящее время, личности, народъ, націи, самыя развитыя, стоятъ ниже событій. Прежде, напротивъ, часто случалось, что личности и народъ шли впереди своего времени. Вотъ почему мы, рядомъ съ ними, кажемся ниже. Они царили, направляли, содѣйствовали успѣхамъ своихъ современниковъ.

Нынче эти успѣхи таковы, что личности и народы ошеломлены, поражены, смущены. Между тѣмъ, никогда міръ не являлъ собою такого чуднаго зрѣлища, и безпристрастный созерцатель его не имѣлъ еще повода, какъ теперь, ощущать столько радости и восторга!..

Я удивляюсь, почему какой-нибудь великій комическій поэтъ не воспользуется этимъ зрѣлищемъ. *Комическій поэтъ!* Развѣ именно комическаго надо? И не поддаюсь ли я самъ здѣсь влі-

Digitized by Google

яніямъ прошлаго? *Комическое* чувство отвѣчаетъ ли на то, чего я хочу? Дѣйствительно, я желалъ бы не столько веселости въ произведеніи искуства, сколько чувства ясности, прочности и высшей радости...

Веселость пьесъ безспорно занимала и будетъ всегда занимать видное мѣсто на семъ свѣтѣ; но я обдумываю въ настоящую минуту нѣчто иное. Я желалъ бы, чтобъ къ смѣху, вызванному путаницей, недомолвками, дурачествомъ и нелѣпостями міра сего, присоединялась радость—спокойная, возвышенная, съ чуткимъ пониманіемъ величія, красоты, гармоніи, высшаго развитія вселенной. На чьемъ лицѣ блистаетъ ясная улыбка души, которой точныя науки показали, какъ природа божественна? Добрые люди, вы плачете оттого, что наука стремится доказать, что свѣтъ не созданъ чудомъ; вмѣсто того, чтобы плакать, радуйтесь, сознавая, что свѣтъ самъ — чудо. Вы полагаете, что наука противна древнимъ инстинктамъ; а она—продолженіе и дополненіе ихъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, желая видѣть лучшее, она смотрѣла на вещи иначе, чѣмъ они. Въ другихъ случаяхъ она подверждала, развивала начатое ими. . . . . .

. . . . . .

— Ну-съ, а о современныхъ нравахъ, что̀ вы намъ скажете господинъ философъ?

— Ничего, развѣ только то, что на этотъ счетъ мнѣ кажется, ни одинъ вѣкъ не былъ выше нашего... Эхъ!.. знаю я всѣ современные подлости и ужасы; но въ какое время ихъ не бывало и еще не хуже ли?

Никогда не слѣдуетъ забывать факта очень простаго, но который, по своей цѣли и новизнѣ, прекрасно характеризуетъ наше современное общество: девятнадцатый вѣкъ создалъ маяки, предназначенные для спасенія кораблей, безъ различія націй. тогда, какъ наши отцы зажигали огни на отмеляхъ съ жестокой цѣлью: привлечь мореплавателя и погубить его. Въ ихъ сводѣ законовъ стояло гнусное *право на наслѣдство чужестранца*. Назовите же мнѣ хоть одинъ народъ въ Европѣ, способный теперь на подобную подлость?

Вотъ къ какимъ размышеніямъ привели меня четыре недѣли чтенія. Кромѣ поэтовъ (завезенныхъ Дрозомъ и Рѣпкой), философовъ, полемистовъ, экономистовъ (занесенныхъ Амедеемъ), у меня были томы историковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, сознаюсь, глубоко меня тронули, и я нашелъ новыя причины уважать наше время.

— Ка̀къ, вы восхищаетесь XIX вѣкомъ?! Ну, а всѣ эти плу-

Digitized by Google

ты, мошенники, глупцы, невѣжды, безобразные льстецы — развѣ вы ихъ не видите?

— Да, я видѣлъ ихъ сотнями, тысячами; но мнѣ удалось создать у себя общество честное, умное, образованное. Я вижу, какъ оно благоденствуетъ, постоянно развивается и улучшается. Какъ же я могу жаловаться и покинуть васъ (а вѣдь мнѣ, друзья мои, семьдесятъ лѣтъ) съ лицомъ недовольнымъ и сварливымъ?

Совѣсть не велитъ такъ прощаться.

Вотъ каковы были мои мысли, пока нога моя поправлялась, и я безпрестанно слышалъ бесѣды Пчелки съ Горготиной о приготовленіяхъ къ іюньскому празднеству, до котораго оставалось нѣсколько дней. Пришли письма изъ Парижа съ обѣщаніемъ какихъ-то сюрпризцовъ. Семья должна была быть вся налицо.

Къ счастью, я могъ начать ходить за два дня до праздника.

Чтенія, размышленія, какимъ я предавался, надежда увидать чрезъ нѣсколько часовъ нашихъ дѣтей, сіяющихъ искуствомъ и талантами, пріятное чувство, какое я испытывалъ оттого, что могъ ходить, наслажденіе первыхъ прогулокъ послѣ цѣлаго мѣсяца бездѣйствія, видъ нашихъ полей, красивыхъ и роскошныхъ, какъ никогда, все это вмѣстѣ давало мнѣ высокое чувство блаженства и я...

XLIII.

Марьонетки.

Вотъ это славно! Мы ожидали дѣтей только послѣ завтра; а Пшено ужь прискакалъ, веселый, шумный... Онъ опередилъ другихъ на сорокъ восемь часовъ, чтобы успѣть поставить новую декорацію, заготовленную имъ въ Парижѣ. Большая радость отъ этой неожиданности! Обѣдъ прошелъ въ разсказахъ, въ безпрестанныхъ вопросахъ, въ безалаберныхъ возгласахъ и хохотѣ.

Однако, четыре недѣли чтенія все еще звенѣли въ ушахъ: я навелъ разговоръ на состояніе умовъ, и мы начали говорить объ искуствахъ, наукахъ, литературѣ. Пшено, самъ страстный любитель чтенія, но чтенія съ толкомъ, сказалъ мнѣ:

— Отецъ, все готовится къ нашему обновленію, которое научныя изслѣдованія сдѣлали неизбѣжнымъ, приведя насъ къ новому міровоззрѣнію. Правда, это міровоззрѣніе возвращаетъ

Digitized by Google

насъ къ старымъ идеямъ, отъ которыхъ не могла освободиться и сама революція. Революція дала свободу умовъ; а вы знаете, чѣмъ только литература не бредила въ продолженіи пятидесяти лѣтъ. Это было царство самой сумасбродной фантазіи. Теперь мы возвращаемся къ реальному. Во всякомъ искуствѣ повторяются эти симптомы перерожденія, но все не такъ, какъ въ литературѣ. Самые знаменитые, популярные и сильные изъ нашихъ фантазёровъ, поэтовъ, романистовъ и тѣ теперь оставлены. Кто подальновиднѣе изъ нихъ, тотъ сталъ слѣдовать теченію; что̀ же до другихъ—посмотрите, ка̀къ они барахтаются! Что̀ касается меня, то я каждый день прихожу въ восторгъ при видѣ того, какъ они летятъ внизъ головой. Однако, нѣкоторые изъ старичковъ тридцатыхъ годовъ...

— Спасибо, вскричалъ я:—я вѣдь самъ принадлежу къ этимъ старичкамъ.

— Ты, отецъ? Полно, да другого такого молодого умомъ и не найдешь. Ты и въ сто лѣтъ будешь не имъ чета.

— Аминь!.. ну, продолжай же, я очень радъ выслушать то, что̀ ты скажешь.

— И такъ, я сказалъ, что старики тридцатыхъ годовъ кричатъ объ общемъ упадкѣ, не понимая (прямо отъ невѣжественности), насколько реальность выше, величественнѣе, правдивѣе, привлекательнѣе всѣхъ ихъ фантазій и вымысловъ.

— Ка̀къ ты могъ все это такъ хорошо понять?

— Потому что вы насъ вскормили на правдѣ, потому что съ самаго дѣтства наставниками нашими были природа и разумъ.

Разговоръ длился въ этомъ духѣ еще съ полчаса; потомъ въ залу ворвались дѣти Амедея, Франсуа, и надо было заняться ими и начать распаковывать декараціи.

Намъ сулили сюрпризъ. Это былъ театръ марьонетокъ, которыми Пшено преискусно управлялъ. Актёровъ онъ самъ и вырѣзывалъ и раскрашивалъ, и одѣвалъ: они изображали въ карикатурѣ всѣхъ нашихъ современныхъ знаменитостей. Мы помогли ему вытащить ихъ изъ ящика. Можете себѣ вообразить восторгъ дѣтей. Они ни за что̀ не хотѣли оставить Пшено въ покоѣ, пока онъ тутъ же не соберетъ своего театра и не сыграетъ какую-нибудь сцену въ ожиданіи завтрашняго спектакля. Мы прослушали маленькій діалогъ, который привелъ въ восхищеніе самыхъ юныхъ зрителей и, могу васъ увѣрить, очень забавилъ самыхъ старыхъ.

Мы провели на этомъ спектаклѣ часть ночи. Дѣти готовы были провести ее и всю.

Сколько удовольствія и радостей предвкушалось заранѣе!

Digitized by Google

XLIV.

Подробности праздника.

Въ ту минуту, когда я пишу, уже двѣ недѣли прошло, какъ все кончено; но что̀ это былъ за праздникъ! И кто съумѣетъ описать его веселье, его прелесть, его успѣхъ? Всѣ возрасты участвовали на немъ съ одинаковымъ удовольствіемъ и энтузіазмомъ. На этотъ разъ, постороннихъ зрителей набралось полторы тысячи. Іюнь стоялъ безподобный, и большинство нашихъ забавъ было устроено на открытомъ воздухѣ. Амедей прочелъ свою лекцію на берегу рѣки. Тэмой онъ взялъ: *водяную культуру и культуру воды.* Подучившись у Дезйра, нашего огородника - рыбо - разводителя - воспитателя луговъ, онъ очень хорошо владѣлъ своей тэмой; самое же высшее изъ удовольствій были опять музыка и комедія: всѣ дѣйствующія лица превзошли самихъ себя. Никогда никакая труппа, я думаю, не играла съ такимъ одушевленіемъ. Рѣпка была прелестна умомъ и тонкостью исполненія. Дрозъ тоже усовершенствовался, въ особенности по части жестовъ. Новая декорація Пшена, изображавшая уголокъ стараго Парижа, была истиннымъ чудомъ. Передъ началомъ комедіи, вмѣсто увертюры, Дрозъ прекрасно исполнилъ на фортепіано (онъ—искусный піанистъ) симфонію Ячменя.

Прибавьте къ этому прогулки верхомъ, пѣшкомъ, деревенскій балъ, игры въ мячъ, кегли.

Театръ марьонетокъ далъ четыре представленія, къ великому удовольствію всѣхъ окружныхъ ребятишекъ, сбѣжавшихся на праздникъ вмѣстѣ съ родителями. Угощенія, какъ и въ первый праздникъ, были самыя простыя; необходимо прибавить, что на это мы мало тратили. Ничто̀ такъ дешево не стоитъ, какъ истинныя удовольствія.

Однако, Рѣпка заставила насъ сдѣлать непредвидѣнную затрату: на второй день, за дессертомъ, она произнесла слѣдующую рѣчь:

— Всѣхъ насъ здѣсь сидитъ около сорока, всѣ мы сбираемся жить хорошо. Но, ка̀къ знать, что черезъ нѣсколько лѣтъ никто изъ насъ не будетъ въ нуждѣ? И такъ, я предлагаю, чтобъ въ каждый праздникъ ставили на столъ копилку будущаго бѣдняка, въ которую всякій изъ насъ будетъ класть свою леп-

Digitized by Google

ту, не зная, что, пожалуй, онъ самъ себѣ помогаетъ въ будущемъ.

— Хорошо, дитя мое! вскричалъ я.

И какъ вы думаете, какую сумму собрали въ этотъ первый разъ? 2,197 франковъ.

Амедей, глубоко тронутый, все повторялъ:

— Прекрасно, кузина! благодаря вамъ, благодаря вашему семейному банку, мы можемъ даже избѣжать и страха бѣдности.

— Черезъ пять лѣтъ, замѣтилъ Дезиръ:—у насъ будетъ, если мы станемъ такъ продолжать, какъ сегодня начали, больше двадцати тысячъ франковъ.

— Вотъ такъ отлично! подхватилъ Пшено:—такъ что̀ будущій-то бѣднята окажется богачемъ?

— Браво! браво! захлопалъ Ячмень.—Семейный банкъ избавляетъ насъ отъ этой гадкой вещи: копить деньги.

— Да, подтвердилъ Амедей:—мы образуемъ общество взаимнаго вспомоществованія. Какая богатая идея!

А я возразилъ ему:

— Какой счастливый инстинктъ у женщинъ!

— Идея или инстинктъ, сказалъ спокойно Дезиръ:—что за дѣло, ежели суть сама по себѣ хороша!

XLV.

Послѣднее представленіе.

Читатель замѣтитъ, что въ этотъ разъ больше занимались дѣтьми, чѣмъ въ тотъ праздникъ. Марьонетки, устроенныя для нихъ, какъ вы уже видѣли, имѣли большой успѣхъ; четыре представленія, каждое по два часа, только еще больше возбуждали любопытство и восторгъ.

Пшено уложилъ своихъ болванчиковъ въ ящикъ, и мы уже не думали ихъ увидать; но, къ нашему великому удивленію, въ послѣдній день онъ принялся опять устанавливать свой театръ и изъ другого ящика началъ вытаскивать штукъ двадцать новыхъ актёровъ, таинственно укутанныхъ. Никому не позволялось взглянуть на нихъ до представленія.

Судите же о нашемъ удивленіи при поднятіи занавѣса! Декорація изображала дворъ фермы: въ глубинѣ домъ, по бокамъ—гумно, конюшни, хлѣва̀. Дверь въ домѣ отпирается, и мы видимъ, какъ изъ нея выходитъ въ блузѣ, въ деревянныхъ баш-

Digitized by Google

макахъ, въ шерстяномъ колпакѣ, съ лопатой въ рукахъ самъ Лагорготъ и за нимъ Дезйръ. Обѣ куклы были такъ похожи, и Пшено, управлявшій ими подъ сценой, такъ хорошо подражалъ голосу, походкѣ, жестамъ оригиналовъ, что иллюзія была полная. Мы, хоть и смѣялись, но глубоко были разстроганы. Это неожиданное появленіе Лагоргота насъ всѣхъ поразило.

Дезйръ, который никакъ не могъ придти въ себя оттого, что его такъ хорошо представляли, сказалъ мнѣ: «Ну, не глупо ли это! Я чуть не плачу!»

Подъ конецъ, однако, взрывы смѣха одержали верхъ; ибо пришла и моя очередь появиться на сцену; потомъ вышли Горготина, Туанета съ ихъ десятью дѣтьми. Мы всѣ были такіе уморительные съ нашими деревянными головами, съ привязными ногами и руками, съ неподвижными глазами и шеями, что мы сами себѣ задавали страху и, конечно, всѣ смѣялись до упада.

Это была комедія фермы или, скорѣе, каррикатура на ферму, которую Пшено придумалъ такъ забавно показать намъ. Никого не забыли; даже бѣдный Горготенъ и тотъ явился посреди пламени и, схвативъ насъ всѣхъ подъ мышку, началъ насъ бросать въ окно, головой внизъ, съ нелѣпымъ восклицаніемъ: «Смотрите, друзья мои, шеи себѣ не свихните!»

Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ называлось своимъ настоящимъ именемъ; исключеніе было сдѣлано только для меня одного. Пшено возвратилъ мнѣ мое прозвище, которое отецъ далъ мнѣ въ дѣтствѣ. Прозвище это имѣло громадный успѣхъ, когда, при моемъ появленіи въ большой шляпѣ, немного на затылокъ, Лагорготъ, взглянувъ на меня, вскричалъ: «Вотъ такъ работа!»

Никогда, ни въ какомъ театрѣ я не слыхалъ такихъ восторженныхъ аплодисментовъ и подобныхъ раскатовъ смѣха. Но послѣдняя сцена превзошла все и всѣхъ: явился Дезйръ и заигралъ на рожкѣ, а вся колонія стала плясать «жйгу», подпрыгивая до самыхъ крышъ.

XLVI.

Я продолжаю мою роль.

Эти празднества дали намъ больше репутаціи, чѣмъ сорокъ лѣтъ честной и труженической жизни. Эффектъ вышелъ таковъ, что на общихъ выборахъ непремѣнно захотѣли назначить меня въ депутаты.

Digitized by Google

Несмотря на краснорѣчіе (довольно сухое и болтливое) и настойчивость гг. избирателей, которые пріѣхали мнѣ предлагать депутатство, я осмѣлился имъ отказать.

— Ну, такъ мы отъ васъ не уѣдемъ, рѣшили они послѣ долгихъ увѣщаній, пока вы намъ сами не укажете на кого-либо изъ вашей колоніи, кто бы могъ принять полномочіе, вмѣсто васъ.

Я и отъ этого хотѣлъ отказаться, не находя еще, чтобы часъ пробилъ для насъ играть политическую роль. Но на этотъ разъ пришлось уступить, и я отвѣтилъ, что Амедей, кажется, лучше всѣхъ насъ подготовленъ къ званію депутата.

Выборы состоялись черезъ нѣсколько дней и Амедея выбрали. Я долженъ прибавить, что прежде чѣмъ принять кандидатуру, онъ разразился противъ моего постояннаго отказа отъ всякаго оффиціальнаго положенія.

— Теперь я вижу, дядя, до какой степени вы остались человѣкомъ инстинкта. Наука, опытность—ничтò не дѣйствуетъ. Въ васъ крестьянинъ сидитъ прежде всего; роль гражданина васъ пугаетъ; вы желаете, чтобъ вами управляли.

— Вовсе нѣтъ! Чтò меня гложетъ, такъ это, напротивъ—желаніе, чтобы нами вовсе не управляли, ни даже господа революціонеры. Слѣдовательно, я не желаю управлять и другими. Вотъ почему ты меня увидишь тогда только въ числѣ политическихъ дѣятелей, когда настанетъ время (для меня слишкомъ отдаленное), когда политика не будетъ заключаться въ управленіи заразъ массами. Совѣтывать, направлять, защищать интересы маленькой группы людей—я это понимаю, но никакъ не цѣлой націи. Для народовъ, оставшихся въ состояніи стада, такая система, можетъ, и разумна. Тогда довольно и пастуха. Но у народовъ свободныхъ и истинно просвѣщенныхъ титулъ выше отца семейства или патріарха колоніи мнѣ кажется неестественнымъ, по крайней мѣрѣ, я лично не могу признать его таковымъ; поэтому принуждать меня принять его—несправедливо... Прими ты кандидатуру; я тебѣ обѣщаю мой голосъ и даже, если хочешь, я тебѣ буду давать совѣты въ качествѣ избирателя и дядюшки.

Какъ я уже сказалъ, Амедея выбрали, и онъ теперь въ Парижѣ. Ему тамъ очень нравится, чтò видно изъ его слѣдующаго письма:

«Любезный дядюшка!

«Еще нѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ я оставилъ ферму, и сколькому я ужь научился! Парижъ, для того, кто желаетъ

Digitized by Google

учиться—безцѣнная школа. Я не думаю, чтобы въ настоящее время было ему подобное мѣсто на земномъ шарѣ».

«Между молодыми депутатами, моими сотоварищами, я замѣтилъ нѣкоторыхъ съ большими достоинствами; вообще же, они всѣ, кажется, одушевлены хорошими чувствами. Изъ ихъ разговоровъ выходитъ, что Франція—самая развитая страна по своей столицѣ и самая отсталая своими провинціями. Отнимите у насъ Парижъ, и мы сразу станемъ позади всѣхъ народовъ».

«Чрезмѣрная централизація произвела эту неправильность. Провинціи, хоть и ловко отстраненны отъ современнаго движенія, хоть и погружены въ невѣжество, нисколько не потеряли способности учиться. Лишь бы только обстоятельства благопріятствовали ихъ развитію, а онѣ пойдутъ впередъ».

«Значитъ, съ этой стороны нечего опасаться; къ тому же, мнѣ кажется, что одного Парижа хватитъ, чтобы пересоздать весь свѣтъ».

«Научный умъ — настоящая сила современныхъ обществъ — нигдѣ не проявлялся съ такимъ могуществомъ и отвагою, какъ здѣсь. Немудрено, что есть успѣхи».

«Если вы читаете газеты, то должны были замѣтить, насколько теперешнее законодательное собраніе выше всѣхъ предъидущихъ; но никакіе отчеты, ни краткіе, ни подробные, не могутъ вполнѣ передать его духа и побужденій (очень хорошихъ). Чтобы вполнѣ оцѣнить большое собраніе, нужно его видѣть и слышать внѣ публичныхъ засѣданій: въ подготовительныхъ сборищахъ, въ комиссіяхъ, въ разговорахъ по корридорамъ и даже въ буфетѣ».

«Итакъ, если вы хоть немножко довольны тѣмъ, что̀ видите изъ газетъ, то воочію вы бы совсѣмъ удовлетворились».

«P. S. Вчера мы обѣдали съ Пшеномъ у Дроза и Рѣпки. У нихъ я встрѣтилъ обоихъ сыновей вашего стараго друга Эдуарда. Они мнѣ очень понравились. Оба они профессорами въ одномъ коллежѣ и недавно выдержали экзамены на докторовъ наукъ; они сбирались вамъ писать. Послѣ обѣда мы отправились во «Французскую Комедію». Вотъ бы вы были счастливы, еслибъ могли слышать аплодисменты Рѣпкѣ и Дрозу. Мы тоже съ Пшеномъ старались изо всѣхъ силъ. Талантъ вашихъ дорогихъ дѣтей день ото дня становится выше по художественной правдѣ. Завтра, въ воскресенье, мы идемъ въ Лувръ. Я вамъ сообщу мое мнѣніе. До свиданія. Вложенное письмо—Дезйру.

«Поклоны, поцѣлуи, рукопожатія всѣмъ».

Я получилъ это письмо нѣсколько дней назадъ и хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ Франсуа и Дятлина начали кричать точно

Digitized by Google

безумные. Вотъ что̀ было тому причиной: сдѣлавшись—и тотъ, и другой—съ нѣкоторыхъ поръ страстными любителями газетъ, они увидали первую рѣчь Амедея. Я расположился въ библіотекѣ писать письмо, и они прибѣжали ко мнѣ точно безумные. Дезиръ, Горготина, Туанета, Пчелка, Дезирѐ, Медунка и всѣ ихъ дѣти слѣдовали за ними. Дятлина, сильно жестикулируя, читалъ рѣчь Амедея. Дѣло шло о научномъ преподаваніи въ приготовительныхъ школахъ. Рѣдко приходится политическимъ собраніямъ слышать такія толковыя слова̀. Вопросу публичнаго преподаванія нашъ электризаторъ придалъ настоящую программу; все это исходило изъ данныхъ историческихъ и философскихъ или, лучше—изъ научныхъ, ибо для Амедея, кромѣ науки, не было другой философіи.

Я оставилъ Дятлину продолжать чтеніе. Вечеромъ, прочитавъ одинъ, съ большимъ вниманіемъ, первую рѣчь Амедея я написалъ ему слѣдующее:

«Племянникъ,

«Вся колонія поздравляетъ тебя и посылаетъ свою благодарность. Такъ слѣдуетъ говорить мужчинѣ! Никогда я не понималъ съ такой ясностью, въ чемъ именно заключается прогрессъ нашего времени. Всѣ, до сихъ поръ, жили, какъ ты прекрасно выразился, инстинктомъ; на инстинктахъ построили вѣрованія, цивилизацію; но мы теперь переходимъ отъ инстинкта къ разуму, отъ вдохновенія къ провѣркѣ, и этимъ новымъ развитіемъ мы окончательно возвышаемся надъ животностью. Инстинктъ служитъ руководителемъ всѣмъ живымъ существамъ. Человѣкъ одинъ долженъ былъ дойдти до науки. И вотъ мы доходимъ».

«Но это вступленіе человѣчества въ новый фазисъ служитъ, какъ будто, сигналомъ къ недоразумѣніямъ, къ жестокой борьбѣ . . . . . Битва началась между цивилизаціей инстинктивной и цивилизаціей научной. Схватка можетъ длиться цѣлые вѣка; но исходъ ея все-таки будетъ вѣрный: инстинктъ не пропадетъ, а только подчинится разуму. Ошибочно вѣрить въ его разрушеніе. Высшія дарованія присоединяются къ нашимъ врожденнымъ способностямъ, не истребляя ихъ, какъ химическія свойства, присоединившись къ физическимъ свойствамъ матеріи, не истребили ихъ, допуская даже, что послѣднія невсегда въ ней и существовали, такъ же, какъ не исчезли, въ свою очередь, химическія свойства, когда матерія, поднявшись на извѣстную высоту, достигла органической жизни. И такъ, теперь человѣческій разумъ поднимается надъ инстинктомъ; отъ этого инстинктъ не разрушается, не опускается даже ниже, онъ

Digitized by Google

остается на своемъ мѣстѣ; только это мѣсто—уже не первое. Высшая способность дополняетъ его. Къ несчастію, инстинктъ, вмѣсто того, чтобы признать и привѣтствовать своего новаго повелителя, отрицаетъ и отталкиваетъ его. Поэтому, въ настоящую минуту инстинктъ и разумъ стараются взаимно уничтожить другъ друга, тогда какъ и тотъ и другой—вѣковѣчны».

«Я поздравляю тебя съ тѣмъ, что ты оставилъ за инстинктомъ его значеніе и далъ прекрасно понять, что есть цѣлыя племена, которыя, пожалуй, и неспособны были бы подняться выше его въ умственномъ отношеніи, что громадное большинство не знаетъ еще высшаго умственнаго состоянія и что даже значительное число несчастныхъ и на этомъ-то уровнѣ не могутъ удержаться и падаютъ одурѣлые, погибшіе, безъ просвѣта, безъ поддержки въ жизни».

«Но и тѣ, которые возвысятся надъ инстинктомъ, не избѣгнутъ его законовъ; точно такъ же, какъ и одушевленныя существа, достигнувъ закона высшаго, чѣмъ физическій и химическій, во всякомъ случаѣ должны подчиняться и физикѣ, и химіи во всемъ, что̀ относится къ ихъ области. Развѣ птица, поднимаясь въ воздухѣ, избавляется отъ законовъ тяготѣнія? А полетъ шара развѣ отрицаетъ ихъ? Напротивъ, все это еще болѣе подтверждаетъ силу тяготѣнія».

«Стало-быть, инстинктъ не уничтожится, а его только опередятъ. Отнынѣ могущество и величіе человѣка заключаются въ наукѣ. Наука есть вѣрная характеристика *человѣческаго царства*, какъ выразились нѣкоторые классификаторы изъ трусости; лучше было бы объявить это похрабрѣе».

«Нужно еще прибавить въ заслугу инстинкта (которымъ я и все человѣчество такъ долго жило), что у человѣка онъ возвышается до чувства справедливости, а иногда и до разума. Еще въ самой глубокой исторической древности великіе мыслители предчувствовали научную эру. Конецъ XIX вѣка будетъ восходящей зарей этой эры. Слѣдующій вѣкъ, вѣкъ возобновленія, будетъ совершенная противоположность XVIII-му, представлявшему собою крушеніе стараго свѣта, крушеніе, которое продолжается до сихъ поръ».

«Хоть ты этого прямо и не сказалъ въ твоей рѣчи, и хорошо сдѣлалъ такъ какъ вопросъ былъ чисто практическій; но я люблю читать между строкъ. Я прочелъ, воспользовался и благодарю тебя».

«Я прибавлю: что̀ касается до меня лично, то эти два элемента—инстинктъ и наука—боролись въ моемъ мозгу въ про-

Digitized by Google

долженіи пятидесяти лѣтъ, прежде чѣмъ я могъ отличить ихъ одинъ отъ другого и отвести каждому свое мѣсто».

«Что же до новой методы научной классификаціи и философіи, вышедшихъ изъ новаго міровоззрѣнія, мы съ Эдуардомъ когда-то это предчувствовали и почти формулировали въ нашихъ бесѣдахъ. Но нужно было время, изученіе, событія и та искра, которую ты зажегъ, чтобы все это освѣтить и сдѣлать осязательнымъ для нашей колоніи. Иначе мы бы остались *инстинктивно* чуждыми публичной жизни, когда, въ сущности, и для насъ пробилъ часъ участвовать въ ней».

«Вотъ мы, благодаря тебѣ, и участвуемъ. Съ этой стороны, значитъ, все хорошо, ибо никто лучше тебя и не могъ представлять насъ въ законодательномъ собраніи. У тебя есть молодость, спокойствіе, бодрость. Браво, браво, племянникъ!»

XLVII.

Другой философъ.

Съ первой почтой я получилъ второе письмо отъ Амедея. Онъ писалъ, что поздравленія колоніи доставили ему большую радость; но что я, желая читать между строкъ, выставлю его болѣе расположеннымъ къ инстинкту, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ: «позвольте васъ спросить: изъ чего состоитъ инстинктъ, откуда онъ происходитъ, какія данныя для вѣрованія въ него и проч.?...»

— Тарратата! вскричалъ Дезйръ, которому я читалъ письмо Амедея.—Оставь ихъ, пускай говорятъ, коли рѣчисты. Имъ подсказываетъ и управляетъ ими, правда, помимо ихъ самихъ: опять-таки чутье, инстинктъ.... Самый инстинктивный изъ всѣхъ насъ—не ты, не я, ни даже дѣтенышъ Медунки, а все тотъ же Амедей. Чутье непонятное, чутье сильное наталкиваетъ его и другихъ современныхъ мыслителей на выводъ, самый подходящій къ нашимъ теперешнимъ нуждамъ, на такой выводъ, который всего лучше поведетъ народы къ настоящему дѣлу. Какъ хочешь, такъ и называй это: инстинктомъ ли, разумомъ ли—мнѣ все равно; но я знаю, что въ этомъ-то самая суть теперь и есть. Еслибъ кто спросилъ моего мнѣнія объ этихъ двухъ способностяхъ, я бы сказалъ, что разумъ есть только орудіе инстинкта, орудіе, усовершенствованное вѣками, но....

— Знаешь ли, другъ Дезйръ, вѣдь ты—великій философъ!

Digitized by Google

— Я такъ это отлично знаю, что никогда ни во что не вмѣшивался, кромѣ запашки полей.

Дезйръ, занимаясь фермой, сильно работалъ и надъ своимъ развитіемъ. Посредствомъ чтенія? Нѣтъ. Мало людей менѣе его жили въ книжкахъ. Развитая среда, отличная память, большое вниманіе ко всему, что дѣлается вокругъ него, наблюдательный и проницательный умъ, большое практическое пониманіе сдѣлали изъ него, въ концѣ концовъ, человѣка очень образованнаго (на его собственный ладъ), оригинальнаго и подъ часъ слегка парадоксальнаго.

Такъ, онъ нерѣдко мнѣ говаривалъ, что въ обществѣ, гдѣ бы наука стала вещью самой простой и обыденной, школы были бы почти ненужны.

— Нѣтъ лучшаго преподаванія, говорилъ онъ:—какъ ученье словомъ и дѣломъ.

Что за книжку можно было-бы составить изъ собранія *мыслей Дезйра*! Я иногда подумываю объ этомъ... Но у такого человѣка рѣчи слабо передаютъ то, что у него на душѣ. Его самыя сильныя и самыя плодотворныя мысли—не слова, а дѣла.

Разъ онъ мнѣ говоритъ:

— Я признаю для человѣка только пять занятій: *передавать свою мысль дѣломъ, словомъ, письмомъ, пѣніемъ или живописью*, но, если умѣешь дѣлать только первое—такъ и то хорошо.

И достойный этотъ человѣкъ вложилъ все свое искуство въ дѣло. Также точно поступили и Горготина, и Туанета, и Франсуа, и Дезйре, и Пчелка, и всѣ остальные.

Дорогіе, великіе, прекрасные вы мои артисты!

XLVIII.

Автора прервали.

Что же до меня, то я сталъ-бы въ серединѣ: если я часто *передавалъ мысль дѣломъ* (какъ сказалъ-бы Дезйръ), то я ее довольно выражалъ и словомъ и попробовалъ въ этихъ запискахъ изложить ее. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Здѣсь манускриптъ остался неоконченнымъ. Нѣсколькихъ словъ достаточно будетъ, чтобы пополнить его.

Тотъ, кто писалъ эти записки, говаривалъ иногда съ улыбкой,

Digitized by Google

что рожденіе и жизнь его были такіе легкіе, что, конечно, и смерть не будетъ трудна.

Предсказаніе его сбылось: онъ скончался такъ же, какъ скончалась мать его: во снѣ, послѣ тихаго и пріятнаго вечера.

Ему пошелъ 78-й годъ. Горготина пережила его однимъ годомъ.

Въ тотъ часъ, когда эти записки печатаются, Дезйръ и Туанета—осьмидесяти-лѣтніе старики—все еще бодры и крѣпки.

Земледѣльческой частью успѣшно управляютъ Дятлина и Медунка.

Франсуа постарому завѣдуетъ сахарнымъ заводомъ и присматриваетъ за мастерской Амедея въ его отсутствіе.

Что-же до послѣдняго, то онъ сталъ однимъ изъ первыхъ политическихъ дѣятелей нашего времени, если не по своему краснорѣчію, то по толковому пониманію вещей. У него слишкомъ много политическаго таланта, чтобъ примѣнять его только къ однимъ словамъ.

Колонія все также цвѣтуща и весела.

Праздники семейнаго союза справляются по старому, два раза въ годъ, и каждый тогда счастливъ памятью о тѣхъ, кого уже нѣтъ. Воспоминанія эти еще болѣе всѣхъ оживляютъ, и кажется тогда, что умершихъ всѣ слышатъ и видятъ. Марьонетки больше, чѣмъ когда либо, восхищаютъ дѣтей.

Наука и искуство сдѣлались во всемъ округѣ, благодаря этому очагу, общимъ наслѣдіемъ, и нигдѣ нельзя найдти болѣе счастливыхъ жителей.

Одинъ тамошній старикъ говорилъ:

— Хозяева этой фермы росли и цвѣли подобно деревьямъ, ибо имъ дано было рости и цвѣсти, и они покорно слушались своей природы.

И въ самомъ дѣлѣ, у нихъ въ натурѣ было: постоянно развивать знанія, опытность, достатокъ, свободное мышленіе, силу, нравственное довольство... Они слѣдовали своему закону...

Ихъ назначеніе было: постоянно преуспѣвать и улучшать—назначеніе ихъ выполнилось. Человѣчество проявилось въ нихъ въ его настоящей и здоровой сущности.

Но сколько болѣзней, уклоненій, препятствій къ развитію обезображиваютъ вездѣ человѣчество, совращаютъ его съ такого легкаго пути! Философы всѣхъ странъ, видя вокругъ себя столько больныхъ, должны были заключить, что міръ—вещь очень грустная. Здѣсь-же выводъ ихъ былъ-бы иной. Что станется съ фермой и ея обитателями чрезъ полвѣка—никто не можетъ этого

Digitized by Google

предвидѣть. Ну, а развѣ можно предвидѣть, что̀ станется съ Франціей и со всей Европой?

По крайней мѣрѣ, о колоніи останется свѣтлая и радостная легенда. Въ этой легендѣ всякій найдетъ, чѣмъ позаимствоваться; дѣти и тѣ найдутъ въ ней то, что̀ веселитъ ихъ возрастъ, просвѣщаетъ и укрѣпляетъ его.

Быть въ продолженіи нѣсколькихъ дней свидѣтелемъ этой патріархальной, трудолюбивой жизни, чуткой ко всякимъ, научнымъ открытіямъ—истинная отрада для души! Тутъ ужь невольно перестанешь сомнѣваться и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ его усовершенствованіи, и въ его назначеніи. Даже слышать о такой жизни—и то благодѣяніе!

Старикъ крестьянинъ, который такъ хорошо выразился о колоніи, сказавъ, что она росла, какъ ростутъ деревья, былъ вполнѣ правъ: колонія была плодотворна, какъ самыя плодовитыя деревья. Она теперь—слава земледѣлія! Въ искуствѣ—вы видѣли какое занимаютъ мѣсто Рѣпка, Пшено и Ячмень. Что̀-же до революціонера Амедея, въ настоящую минуту, онъ—надежда Франціи и за предѣлами Франціи. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Здѣсь уступаемъ слово опять самому автору *записокъ*. Манускриптъ остался неоконченнымъ; но въ его записной книжкѣ прочли слѣдующія слова̀, написанныя имъ въ самый день смерти. Они, вѣроятно, были его послѣсловіемъ:

«Инстинктъ, разумъ, вы тревожите меня, вы поочередно, а иногда и оба разомъ, составляли суть моей жизни.... Такъ прошла тихая жизнь, полная мысленной работы, испытаній, думъ и научныхъ трудовъ.... Я чувствую, однакожь: недалекъ тотъ часъ, въ который все это должно будетъ кончиться, если только слово *конецъ* можно примѣнить къ чему нибудь въ этомъ безконечномъ мірѣ....»

«Здѣсь инстинктъ оставляетъ не много надежды. Наука молчитъ; она и не отрицаетъ, и не утверждаетъ—для нея это недосягаемо, и она говоритъ: дальше я не пойду. . . . . .

. . . . . .»

С. А. Б.

Digitized by Google

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ.

ВЪ ПОГОНЮ ЗА ИДЕАЛАМИ.

Ежели мы, русскіе, вообще имѣемъ довольно смутныя понятія объ идеалахъ, лежащихъ въ основѣ нашей жизни, то особенною безалаберностью отличается наше отношеніе къ одному изъ нихъ и самому главному—къ государству. Даже люди культуры, какъ-то: предводители дворянства, члены земскихъ управъ и вообще представители такъ-называемыхъ дирижирующихъ классовъ—и тѣ какъ-то нерѣшительно и до чрезвычайности разнообразно отвѣчаютъ на вопросъ: что̀ такое государство? Одни смѣшиваютъ его съ отечествомъ, другіе—съ закономъ, третьи—съ казною, четвертые—громадное большинство—съ начальствомъ. Одни, чтобъ отдѣлаться отъ вопроса, прибѣгаютъ къ нагляднымъ примѣрамъ: Швеція—государство, Великобританія — государство, Франція — государство и проч. Другіе говорятъ: государство! смѣшно даже спрашивать, что̀ такое государство! Третьи таращатъ глаза, точно ихъ сейчасъ разбудили. А если, сверхъ того, предложить еще вопросъ: какую роль̀ играетъ государство въ смыслѣ развитія и преуспѣянія индивидуальнаго человѣческаго существованія? то отвѣтомъ на это, просто-на-просто, является растерянный видъ, сопровождаемый неосмысленнымъ бормотаніемъ. Однимъ словомъ, изъ всего видно, что выраженіе «государство» даже въ понятіяхъ массы культурныхъ людей не представляетъ ничего опредѣленнаго, а просто принадлежитъ къ числу словъ, случайно вошедшихъ въ общій разговорный языкъ и силою привычки укоренившихся въ немъ. А такъ какъ съ подобнаго рода словами обыкновенно обращаются очень неряшливо, то выходитъ, что выраженіе, само по себѣ требующее опредѣленія, дѣлается, вслѣдствіе частаго употребленія, опредѣляющимъ, дающимъ окраску цѣлой совокупности жизненныхъ подробностей. Изъ кореннаго слова «государство» являются производныя: «государственность», «государственный», которыми

Digitized by Google

предводители дворянства щеголяютъ въ клубахъ и на земскихъ собраніяхъ безъ малѣйшаго стѣсненія, точно такъ, какъ бы слова эти были совершенно для нихъ понятны.

Но ежели такая смута въ понятіяхъ о государствѣ господствуетъ въ дирижирующихъ классахъ общества, то что̀ же должны мы ожидать отъ непросвѣщенной черни! Увы! здѣсь представленіе объ этомъ важномъ предметѣ уже до такой степени отсутствуетъ, что трудно даже вообразить себѣ простолюдина, произносящаго слово «государство». Простолюдинъ, конечно, знаетъ, что надъ нимъ поставленъ становой приставъ и что въ извѣстные сроки онъ обязанъ уплачивать подати и повинности, но какую роль во всемъ этомъ играетъ государство — этого онъ не знаетъ. Въ этомъ отношеніи передъ нимъ вѣчно стоитъ какое-то загадочное пространство, въ которое онъ тревожно вперяетъ взоры, но ничего, кромѣ становаго и повинностей, различить не можетъ.

Благодаря этой путаницѣ, мы вспоминаемъ объ государствѣ (и даже не объ государствѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а о чемъ-то подходящемъ къ нему) лишь тогда, когда насъ требуютъ въ участокъ для расправы. Что̀ же касается до обыденной жизненной практики, то, кромѣ профессоровъ, читающихъ съ каѳедры лекціи государственнаго права, да школьниковъ, обязанныхъ слушать эти лекціи, врядъ ли кто-нибудь думаетъ о той высшей правдѣ, осуществленіемъ которой служитъ государство и служенію которой должна быть всецѣло посвящена жизнь обывателей. Всякій живетъ и прозябаетъ по своему, самъ по себѣ, и дѣлаетъ свое маленькое дѣло совершенно независимо отъ государственныхъ соображеній. Сапожнику, тачающему сапоги, даже и на умъ никогда не придетъ, что его работа (да и вообще вся его жизнь) имѣетъ какое-нибудь отдаленное отношеніе къ тому общему строю вещей, которое носитъ названіе государства. Много, много, ежели онъ сознаётъ связь своей жизни съ мѣстнымъ квартальнымъ надзирателемъ, да и то не съ квартальнымъ надзирателемъ вообще, а именно съ Иваномъ Иванычемъ, который поступилъ на мѣсто Петра Петровича и увеличилъ дани вдвое. Поэтому, въ такихъ захолустьяхъ, куда квартальные не заглядываютъ вовсе, обыватели доходятъ до того, что вспоминаютъ о своей прикосновенности къ чему-то болѣе обширному и для нихъ загадочному только въ минуты уплаты податей и повинностей. И вспоминаютъ, конечно, невесело. Въ городахъ и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ эта неряшливость сказывается, конечно, въ меньшей степени; но, вѣдь, и здѣсь, какъ уже упомянуто выше,

Digitized by Google

руководящей нитью обывательской жизни, все-таки, служатъ взгляды и требованія ближайшаго начальства, а отнюдь не мысль о государствѣ. Да и сами квартальные надзиратели, развѣ они, заставляя, напримѣръ, обывателей очищать дворы отъ навоза, сознаютъ, что этимъ удовлетворяютъ высшей правдѣ, осуществляемой государствомъ? Нѣтъ; они исполняютъ это, во-первыхъ, потому, что такъ приказываетъ начальство, и, во-вторыхъ, потому, что выполненіе приказаній начальства есть ихъ ремесло. А на вопросъ: что̀ такое государство? могутъ точно такъ же, какъ и прочіе обыватели, отвѣчать только вздрагиваніемъ. Начальство же съ своей стороны...

Здѣсь я остановлюсь. Я знаю, мнѣ могутъ сказать, что я отсталъ отъ своего вѣка, что то, что̀ я говорю объ отсутствіи чувства государственности въ квартальныхъ надзирателяхъ, относится къ дореформенному времени и что, напротивъ того, нынѣшнее поколѣніе квартальныхъ надзирателей очень тонко понимаетъ, чему оно служитъ и какой идеи является представителемъ. На это я могу отвѣтить слѣдующее: я не выдаю своихъ мнѣній за безусловно истинныя и первый буду очень радъ успѣхамъ господъ квартальныхъ надзирателей на поприщѣ государственности, ежели успѣхи эти будутъ доказаны. Но, признаюсь откровенно, я боюсь, что упомянутое сейчасъ возраженіе основано на недоразумѣніи и что характеристическою чертою настоящаго времени является нестолько знаніе интересовъ и нуждъ государства и безкорыстное служеніе имъ, сколько самоувѣренная и хлесткая болтовня, сопровождаемая знаніемъ, гдѣ раки зимуютъ, и надеждою на повышеніе. Согласитесь, что между тѣмъ и другимъ имѣется разница довольно существенная.

А между тѣмъ, путаница въ понятіяхъ производитъ путаницу и въ практической жизни. Тутъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемся и съ взяточничествомъ, и съ наглѣйшимъ обираніемъ казны, и съ полнымъ равнодушіемъ къ уплатѣ податей, и, наконецъ, съ особымъ явленіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ сепаратизма. И все—вслѣдствіе неясности нашихъ представленій о государствѣ.

Обратитесь къ первому попавшему на глаза чиновнику-взяточнику и скажите ему, что дѣйствія его дискредитируютъ государство, что по милости его страдаетъ высшая идея правды и справедливости, оберегать которую призванъ сенатъ и государственный совѣтъ — онъ посмотритъ на васъ такими удивленными глазами, что вы, навѣрное, скажете себѣ: да̀, этотъ человѣкъ беретъ взятки единственно потому, что онъ ничего не слы-

Digitized by Google

халъ ни о государствѣ, ни о высшей идеѣ правды и справедливости. И, дѣйствительно, все, что онъ знаетъ по этому предмету, заключается лишь въ слѣдующемъ: 1) что дѣйствія его противорѣчатъ такой-то статьѣ уложенія о наказаніяхъ и, буде достаточно изобличены, подлежатъ такой-то карѣ; 2) что прежде, нежели подпасть этой карѣ, нужно его судить, а прежде, нежели судить, нужно еще предать суду; 3) что, слѣдовательно, взятки надо брать съ осторожностью, а паче всего надѣяться на милосердіе начальства, отъ котораго зависитъ преданіе суду. Спрашивается: при чемъ же тутъ государство?

То же самое замѣчаніе, и даже съ бо́льшимъ основаніемъ, можетъ быть примѣнено и къ той категоріи преступныхъ дѣйствій, которая извѣстна подъ названіемъ казнокрадства. Государство такъ часто продается за грошъ, и притомъ такъ простодушно продается, что даже исторія уже не слѣдитъ за подобными дѣяніями и не заноситъ ихъ на свои скрижали. Была горькая година въ жизни Россіи—година, во время которой шла рѣчь о ея значеніи въ сонмѣ европейскихъ государствъ и подвергалась сомнѣнію ея военная слава. И что-жь! въ это самое время находились люди, которые ставили ополченцамъ сапоги съ картонными подметками, продавали въ свою пользу воловъ, пожертвованныхъ на мясную порцію для нижнихъ чиновъ, снабжали солдатъ кремневыми ружьями, въ которыхъ, вмѣсто кремня, была вставлена выкрашенная чурочка и т. д. И, въ то же время, эти люди не только не имѣли злодѣйскаго вида, но и сами себя не считали злодѣями. Они пили, ѣли, провозглашали тосты, устроивали фестивали и даже очень искренно молились въ церквахъ о ниспосланіи побѣды и одолѣнія тѣмъ самымъ ратникамъ, которыхъ сейчасъ спустили по морозцу на картонныхъ подошвахъ. Ужели можно предположить, что, поступая такимъ образомъ, эти люди понимали, что они обездоливаютъ и продаютъ то самое государство, которое ихъ пріютило, поставило подъ защиту своихъ законовъ и даже дало средства нажиться? Нѣтъ, предположить это значило бы допустить въ людяхъ такую нравственную одичалость, которая сдѣлала бы немыслимымъ существованіе человѣческаго общества. Скорѣе всего упомянутые казнокрады отъ того такъ дѣйствовали, что не имѣли никакого понятія ни объ ключахъ отъ храма гроба Господня, ни объ устьяхъ Дуная, которыми разрѣшился вопросъ объ ключахъ, ни объ отношеніи этихъ вопросовъ къ русскому государству. Они дѣйствовали совершенно простодушно, полагая, что обездоливаютъ совсѣмъ не государство, а только казну. А объ казнѣ-матушкѣ даже пословица такая сложилась, которая доказываетъ, до какой степени велико ея долготерпѣніе.

Digitized by Google

Затѣмъ, что̀ касается уплаты податей и повинностей, то всѣ плательщики на этотъ счетъ единодушны. Всѣ уплачиваютъ что̀ нужно и въ тайнѣ, все-таки, думаютъ, что не платить было бы лучше. Рѣдкій понимаетъ, что своевременное и безнедоимочное очищеніе окладныхъ листовъ есть дѣло государственной важности; большинство же исповѣдуетъ то мнѣніе, что казна и безъ того богата.

Наконецъ, если мы всмотримся ближе въ причины, обусловливающія такое явленіе, какъ сепаратизмъ, то легко увидимъ, что и тутъ главную роль играетъ неясность понятій о государствѣ: многіе смѣшиваютъ понятіе о государствѣ съ понятіемъ о родинѣ и даже объ родной колокольнѣ; другіе приходятъ въ смущеніе вслѣдствіе частыхъ измѣненій государственныхъ граничныхъ рубежей. И ежели для вразумленія первыхъ достаточно домашнихъ мѣръ, то вторые не мало-таки причиняютъ безпокойствъ серьёзнымъ людямъ, завѣдывающимъ дѣлами Европы. Достаточно указать на такія мѣстности, какъ альпійское побережье Средиземнаго Моря, Шлезвигъ и, наконецъ, Эльзасъ и Лотарингію. Всѣ эти мѣстности кишатъ людьми, которые, несмотря на увѣренія, что понятіе объ государствѣ есть понятіе безразличное, независимое ни отъ національностей, ни даже отъ историческихъ преданій, никакъ не могутъ понять, почему они обязаны съ такого-то момента считать *своимъ* государствомъ Францію, а не Италію, Германію, а не Данію и не Францію. Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ Ташкентъ, но и то не потому, чтобы тамъ идеи о государствѣ были очень ясны, но потому, что правда, осуществлявшаяся въ лицѣ автобачей, не въ примѣръ менѣе доброкачественна, нежели правда, олицетвореніемъ которой явились русскіе уѣздные исправники.

Однимъ словомъ, какъ-то такъ выходитъ, что мы точно съ такимъ же правомъ называемъ себя членами государства, съ какимъ пустосвяты называютъ себя людьми религіи. Конечно, такое положеніе вещей не составляетъ новости (и въ прежнія времена, въ этомъ отношеніи, не лучше было), но ново то, что оно начинаетъ пробуждать пытливость человѣческаго ума. Покуда люди жили «безъ тоски, безъ думы роковой», до тѣхъ поръ и столпы стояли твердо и прямо. Становые брали взятки, подрядчики надували и обирали казну, крестьяне копили недоимки, сепаратисты говорили: нѣтъ, никогда москалямъ не пить такихъ водокъ, какъ наши малороссійскія сливянка и запеканка! и, за всѣмъ тѣмъ, никому не приходило на мысль, что отъ этого можетъ страдать государство. Но вотъ консерваторы первые замѣтили, что есть въ этомъ положеніи вещей что̀-то

Digitized by Google

неладное и, разумѣется, приписали это интригамъ злонамѣренныхъ людей. Это было съ ихъ стороны и неосторожно, и неполитично. Консерваторы лучше другихъ должны были понимать, что есть вещи, которыя слѣдуетъ молчаливо оставлять предметомъ боязливаго культа, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ интрига (притомъ же, существующая только въ воображеніи) и дѣйствительно направляла противъ нихъ свое жало.

Но особенную дикость понятій относительно значенія слова «государство» выказываютъ у насъ женщины. Вообще, онѣ у насъ бойки только по части разговоровъ о томъ, какое чувство слаще—любовь или дружба, или о томъ, какую роль игралъ криполинъ въ исторіи женскаго преуспѣянія. Тѣмъ не менѣе, ежели вы спросите, напримѣръ, княжну Оболдуй-Тараканову, на какую монету купецъ дастъ больше яблокъ—на гривенникъ или на цѣлковый, то, быть можетъ, найдутся свѣтлыя минуты, когда она и отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Но спросите ее: что̀ такое государство? — и она, во-первыхъ, струситъ, а, во-вторыхъ, заподозритъ въ васъ или демагога, или шпіона. Она не только ничего тутъ не понимаетъ, но и считаетъ лишнимъ понимать. И въ своей обыденной жизни поступаетъ совершенно такъ, какъ бы не была связана никакими государственными узами.

А между тѣмъ, замѣтьте, княжна—совсѣмъ не рядовая дѣвица изъ тѣхъ, которыя хохочутъ, когда имъ показываютъ палецъ (имена ихъ Ты, Господи, вѣси!). Нѣтъ, было время, когда она называла себя консерваторкой и въ этомъ качествѣ дѣлала изъ окна ручкой проѣзжему кавалергарду и выходила гулять не иначе, какъ въ сопровожденіи ливрейнаго лакея. Теперь она называетъ себя нигилисткой и, въ согласность съ этимъ, постукиваетъ по тротуару каблучками, говоритъ о трудовой жизни и кавалергардовъ называетъ пустоплясами. Стало быть, на ней, все-таки, что̀-нибудь да отражается, и она понимаетъ, что выражать собой нѣчто пріятнѣе и достойнѣе, нежели не выражать ровно ничего.

Но ежели даже такая женщина, какъ княжна Оболдуй-Тараканова, не можетъ дать себѣ надлежащаго отчета ни въ томъ, что̀ она охраняетъ, ни въ томъ, что̀ отрицаетъ, то что̀ же можно ждать отъ того несмѣтнаго легіона обыкновенныхъ женщинъ, изъ котораго, безъ всякой предвзятой мысли, но съ изумительнымъ постоянствомъ бросаются палки въ колеса человѣческой жизни? Нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ обыденной жизненной практики, лучше всего отвѣтятъ на этотъ вопросъ.

Въ молодости я зналъ одну почтенную старушку (фамилія ея была Терпугова), обладательницу значительнаго имѣнія и боль-

Digitized by Google

шую охотницу до гражданскихъ процессовъ, которая до смерти своей прожила въ полномъ невѣдѣніи о «государствѣ», несмотря на то, что самъ губернаторъ, встрѣчаясь съ нею, считалъ долгомъ цѣловать у нея ручку. И ни домашнее ея хозяйство, ни душевная ясность ея никогда не потерпѣли на малѣйшаго ущерба отъ этого пробѣла. Она жила, распоряжалась, кормила чиновниковъ обѣдами, выдавала беременныхъ дѣвокъ замужъ за мужиковъ въ дальныя деревни, содержала цѣлую стаю приказныхъ, которые именемъ ея вели тяжебныя дѣла въ судахъ, и никогда ей даже на мысль не приходило, что она живетъ и дѣйствуетъ такимъ образомъ въ государствѣ.

Однажды, пріѣзжаетъ къ ней въ побывку сынъ, молодой человѣкъ, только лѣтъ пять тому назадъ покинувшій школьную скамью, и объявляетъ, что онъ уже получилъ мѣсто обер-секретаря въ сенатѣ.

— Я, маменька, хоть и молодъ, похвастался онъ: — но начальство любитъ и отличаетъ меня. Теперь я въ своей экспедиціи—все. Сенаторы будутъ дремать, а всѣ дѣла буду рѣшать — я! Согласитесь сами, что въ двадцать-пять лѣтъ это—штука не маленькая!

— Ну, вотъ и слава Богу! отвѣчала почтенная старушка: — теперь, стало быть, ты какъ захочешь, такъ и будешь рѣшать! А у меня кстати съ птенцовскими мужиками дѣло объ лугахъ идетъ; двадцать лѣтъ длится — ни взадъ, ни впередъ! То мнѣ отдадутъ во владѣнье, то опять у меня отнимутъ и имъ отдадутъ. Да этакъ разъ съ десять ужъ. А теперь, по крайности, хоть конецъ будетъ: какъ тебѣ захочется, такъ ты и рѣшишь.

Какъ ни упоенъ былъ молодой человѣкъ собственнымъ величіемъ, но и у него отъ маменькихъ словъ дыханіе въ зобу сперло.

— Помилуйте, маменька! воскликнулъ онъ: — вѣдь, я не затѣмъ обер-секретаремъ сдѣланъ, чтобы свои дѣла въ свою пользу рѣшать! Вѣдь, меня за это...

— А ты, мой другъ, потихоньку! Разумѣется, со всякимъ встрѣчнымъ объ такихъ дѣлахъ не слѣдъ болтать, а такъ, слегка... какъ будто тебя не касающе...

— Не касающе! Да самъ-то я буду же знать! Ахъ, маменька, маменька! я, вѣдь, не личнымъ своимъ интересамъ, а государству служу.

— Такъ что-жь что государству! Государство — само по себѣ, а свои дѣла—сами по себѣ. Объ своихъ дѣлахъ всякій долженъ радѣть: грѣхъ великій у того на душѣ, который объ устройствѣ своемъ не печется! Ты знаешь ли, что въ писаніи-то сказано: имущему прибавится, а у неимущаго и послѣднее отнимется!

Digitized by Google

— Дà, но, вѣдь, это, голубушка, совсѣмъ не въ томъ смыслѣ сказано!

— Въ томъ ли смыслѣ или въ другомъ — это, какъ хочешь, такъ и можешь понимать. А только я всегда, и какъ мать, и какъ христіанка, скажу: кто объ своихъ дѣлахъ не радѣетъ, тотъ — и Богу не слуга!

На первый разъ разговоръ этимъ кончился. Но такъ какъ за нимъ скрывались интересы очень существенные, то онъ возобновился и на другой день, и вообще повторялся въ теченіи всѣхъ двадцати-восьми дней, покуда длился отпускъ Терпугова. Молодой человѣкъ нарочно пріѣхалъ къ старухѣ-матери, чтобы обрадовать ее своимъ возвышеніемъ, и вдругъ, вмѣсто радости, чуть-было не сдѣлался причиной цѣлаго семейнаго переполоха! Тщетно старался онъ втолковать старухѣ, что̀ такое государство, и почему чувство государственности должно имѣть верхъ надъ чувствомъ идивидуализма—почтенная женщина на всѣ его толкованія отвѣчала одними и тѣми же словами:

— Знаю я, батюшка! Десять лѣтъ сряду за убылыя души плачу—очень хорошо знаю! Кого въ солдаты, кого въ ратники взяли, а кто и самъ собой померъ—а я плати да плати! Россія-матушка — вотъ тебѣ государство! Не маленькая я, что ты меня этимъ словомъ тычешь! Знаю, ахъ, ка̀къ давно я его знаю!

— Но ежели вы, маменька, знаете...

— Знаю и, все-таки, говорю: государство тамъ какъ хочетъ, а свои дѣла̀ впереди всего! А объ птенцовскихъ лугахъ такъ тебѣ скажу: ежели ты ихъ себѣ не присудишь, такъ лучше и усадьбу, и хозяйство—все зараньше нарушь! Плохо, мой другъ, то хозяйство, гдѣ скота заведено пропасть, а кормить его нѐчѣмъ!

Кончилось тѣмъ, что восторжествовалъ, все-таки, индивидуализмъ, а государственность должна была уступить. Правда, что Терпуговъ оставлялъ поле битвы понемногу: сначала просто потому, что говорить о пустякахъ не сто̀ило, потомъ потому, что надо же старушку чѣмъ-нибудь почтить; но, наконецъ, разговаривая да разговаривая, и самъ вошелъ во вкусъ птенцовскихъ луговъ.

— А что̀, въ самомъ дѣлѣ! разсудилъ онъ:—вѣдь, безъ птенцовскихъ луговъ, пожалуй, и плохо придется? Ну, самъ я, положимъ... ну, конечно, я самъ ни за что̀!.. А кого бы, однакожъ, попросить, чтобъ это дѣло направить? То-то старушка обрадуется!

И, дѣйствительно, года черезъ два процессъ о птенцовскихъ лугахъ былъ конченъ...

Другой примѣръ.

Digitized by Google

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, женился мой однокашникъ и другъ, Володя Гороховъ. Жена его—очень милая особа, только что вышедшая изъ института (съ шифромъ) и наивная до безконечности. Однако, медовый мѣсяцъ ей понравился. Къ сожалѣнію, Гороховъ состоитъ на государственной службѣ и, въ качествѣ столоначальника департамента Препонъ, очень хорошо помнитъ мудрое изреченіе: «дѣлу время, потѣхѣ — часъ». Это изреченіе имѣлъ онъ въ виду и при женитьбѣ, а именно: выпросился въ двадцати-восьми дневный отпускъ съ тѣмъ, чтобы всецѣло посвятить это время потѣхѣ, а затѣмъ съ свѣжей головой приняться за дѣло.

Сказано-сдѣлано. На двадцать девятый день, утромъ, проснулась Наденька Горохова—хвать, мужа простылъ и слѣдъ! Живо надѣла она на босу ногу туфельки и въ одной кофточкѣ тихо-тихо подкралась къ мужнину кабинету. О ужасъ! онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ совсѣмъ одѣтый и строчилъ докладную записку «о мѣрахъ къ пресѣченію распространенія идей между инородцами, населяющими Мамадышскій Уѣздъ». И передъ нимъ, и по обоимъ бокамъ лежали развернутыя объемистыя дѣла, въ которыя онъ заглядывалъ съ видимымъ нетерпѣніемъ, какъ будто они стѣсняли полетъ его административной фантазіи. Но, что важнѣе всего, онъ до такой степени углубился въ свою работу, что нетолько не *почувствовалъ* присутствія Наденьки, но даже не слыхалъ приближенія ея шаговъ.

На одно мгновеніе, въ бѣлокурой головкѣ Наденьки промелькнула мысль: обидѣться ей или нѣтъ? Но, къ чести ея должно сказать, что она перемогла себя и не обидѣлась. Потихоньку, на цыпочкахъ, приблизилась она къ креслу, на которомъ сидѣлъ мужъ и зажала ему глаза своими крошечными ручками. Сюрпризъ засталъ Володю немного врасплохъ (въ эту минуту онъ только что началъ загибать фразу: «слѣдовательно, ежели съ одной стороны злоумышленники...»), и на мгновеніе онъ даже поморщился. Но именно только на одно мгновеніе, потому что тотчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ очень нѣжно отнялъ отъ глазъ ручки жены, поцѣловалъ ихъ и тономъ радостнаго изумленія сказалъ:

— Какъ! ты ужь и встала, Наденька?

— И онъ говоритъ это... безсовѣстный! Ушелъ — и думаетъ, что я не почувствую! А какъ мнѣ, Володька, безъ тебя было холодно! Сейчасъ же бери меня на колѣнки и согрѣй!

— Но, Наденька, ты знаешь... Сегодня срокъ моему отпуску; я долженъ явиться въ департаментъ, и вотъ докладная записка..

— Уже?! воскликнула Наденька.

Только всего она и сказала, но въ голосѣ ея звучало такое

Digitized by Google

горе, что Гороховъ тревожно взглянулъ на нее. На голубыхъ ея глазкахъ дрожали двѣ маленькія слезинки, щечки пылали, ротикъ полураскрылся подъ вліяніемъ горестнаго изумленія. Словомъ сказать, никогда она не была такъ очаровательна. Но Гороховъ былъ столоначальникъ всѣмъ естествомъ своимъ, и притомъ такой столоначальникъ, который съ минуты на минуту ждалъ, что его позовутъ въ кабинетъ директора и скажутъ: не хотите ли мѣсто начальника отдѣленія? Поэтому, даже въ такую опасную минуту, когда кофточка на груди у Наденьки распахнулась—даже и тогда онъ не могъ выжать изъ своихъ мозговъ иной мысли, кромѣ: дѣлу—время, потѣхѣ—часъ. Тѣмъ не менѣе, онъ понялъ, что нужно же какъ-нибудь утѣшить это милое дитя, которое такъ скоро зябнетъ въ его отсутствіи. Поэтому онъ шутливо искривилъ губы на манеръ актёра Пронскаго, и сказалъ:

— А ты какъ думала, дурочка? Вѣдь я на государственной службѣ состою и, слѣдовательно, несу извѣстныя обязанности. Государство, мой другъ, не шутитъ. Оно уволило меня на двадцать восемь дней, а на двадцать девятый день требуетъ, чтобъ я былъ на своемъ посту. Ступай же, ангелъ мой, и постарайся заснуть! Въ десять часовъ я тебя разбужу, ты нальешь мнѣ чаю, и въ одиннадцать часовъ я беру шляпу и спѣшу въ департаментъ!

Но она стояла неподвижно, раскрывши глазки, въ которыхъ словно застыли двѣ слезинки, появившіяся еще въ началѣ семейной сцены. Казалось, она ровно ничего не понимала въ томъ сумбурѣ, который бормоталъ ея мужъ.

— Неужели?! тихо шептала она, покуда мужъ разводилъ свою канитель.

— Что такое: «неужели»? обидѣлся онъ.

— Неужели ты уже промѣнялъ меня... *меня*!.. на эти дрянныя бумаги? вырвался изъ груди ея вопль.

— Но неужели же ты не можешь понять, что сегодня истекаетъ срокъ моему отпуску? Наденька! да пойми же меня, мой другъ! Я состою на службѣ; я служу не какому-нибудь частному лицу, а государству... Государству, голубчикъ мой, государству!

— Ахъ, это противное государство!

Гороховъ улыбнулся и обнялъ Наденьку за талію. Онъ понималъ тайну Наденькиныхъ восклицаній и не безъ основанія надѣялся, что съ той минуты, какъ она назвала государство противнымъ, дѣло непремѣнно должно пойти на ладъ. И дѣйствительно, какъ только Наденька почувствовала, что онъ гладитъ

Digitized by Google

ее по спинѣ, такъ тотчасъ же всѣ ея сомнѣнія разсѣялись. Черезъ минуту она уже обвивала руками его шею, и говорила:

— Володька! гадкій! противный! не смѣй бумагами заниматься! Цѣлуй меня! крѣпче... вотъ такъ!

Это было такъ мило, что даже вошедшій въ эту минуту въ кабинетъ лакей Иванъ — и тотъ не могъ удержаться, чтобъ не улыбнуться.

На этотъ разъ размолвка кончилась благополучно. Правда, что Гороховъ, вмѣсто надлежащихъ развитій, наскоро закончилъ свой докладъ такъ: «посему я полагаю раздѣлить сихъ людей на три категоріи: первую—раззорить, вторую—расточить, третью—выдержавъ при полиціи, водворить въ мѣста жительства подъ строгій надзоръ. И тогда, край несомнѣнно процвѣтетъ»—но все-таки онъ поспѣлъ въ департаментъ какъ разъ за пять минутъ до того, какъ прибылъ туда директоръ. Директоръ принялъ его милостиво, пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, какъ будто отыскивалъ тамъ слѣды чего-то, и, взявъ изъ его рукъ докладную записку, дружески молвилъ:

— Впрочемъ, я думаю, едва ли вы были въ состояніи дать моимъ мыслямъ надлежащее развитіе. Въ вашемъ положеніи... столь важная перемѣна въ жизни... Поздравляю васъ, мой другъ! отъ души поздравляю!

Несмотря на такой исходъ, государственная карьера Горохова была уже подорвана. Миръ былъ заключенъ, но на условіяхъ очень и очень не легкихъ. Наденька потребовала, во-первыхъ, чтобы въ кабинетѣ мужа была поставлена кушетка; во-вторыхъ, чтобы Володька, всякій разъ какъ идетъ въ кабинетъ заниматься, переносилъ и ее туда на рукахъ и клалъ на кушетку; и въ-третьихъ, чтобы Володька, всякій разъ, какъ Наденькѣ вздумается, сейчасъ же бросалъ и свои гадкія бумаги, и свое противное государство, и садился къ ней на кушетку.

Понятно, что, при такомъ положеніи вещей, никакія идеи надлежащаго развитія получить не могли.

Результатъ оказался плачевный. Мало-по-малу, Гороховъ совсѣмъ утратилъ довѣріе начальства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и надежду на полученіе мѣста начальника отдѣленія. И вотъ, надняхъ встрѣчаю я его на Невскомъ: идетъ сумрачный, повѣсивъ голову, какъ человѣкъ, у котораго на душѣ скребутъ мыши, но который, въ то же время, уже принялъ неизмѣнное рѣшеніе.

— Поздрань меня! я сейчасъ въ отставку подалъ! сказалъ онъ мнѣ.

— Что̀ такъ? Помилуй! вотъ чего бы я никогда не ожидалъ! Такая блестящая карьера предстояла впереди—и вдругъ!

— Карьера моя... то бишь, семейное мое положеніе... фу ты!

Digitized by Google

Словомъ сказать, не вѣрится тутъ что-то, мой другъ! Быть можетъ, впослѣдствіи... со временемъ... Прощай, голубчикъ!

И такимъ образомъ, благодаря Наденькѣ, государство лишилось одного изъ лучшихъ слугъ своихъ. И на этотъ разъ узкій индивидуализмъ побѣдилъ государственность. Спрашивается: могла ли бы Наденька такимъ образомъ поступать, еслибы въ институтѣ ей было своевременно преподано ясное и отчетливое понятіе о томъ, что такое государство? Но увы! не объ государствѣ и его требованіяхъ толковали ей, а на всѣ лады пѣли:

L'amour—qu'est que c'est que ça, mam'selle?
L'amour—qu'est que c'est que ça?

И вотъ плоды такого ученія.

Третій примѣръ.

Кормилицу мою, семидесятилѣтнюю старуху Домну, Богъ благословилъ семействомъ. Двѣнадцать человѣкъ дѣтей у нея, все—сыновья, и всѣ, какъ на подборъ—одинъ другого краше. И вотъ, какъ только, бывало, пройдетъ въ народѣ слухъ объ наборѣ, такъ старуха начинаетъ тосковать. Четырехъ сыновъ у нея въ солдаты взяли, двое — послужили въ ополченцахъ. Теперь очередь доходитъ до внуковъ. Плачетъ старуха, убивается каждый разъ, словно по покойникѣ воетъ.

— Вотъ и Богъ благословилъ, а радости нѣту! жалуется она мнѣ.

— Напротивъ того, урезониваю я ее:—есть радость, и даже большая. Дѣти твои государству послужатъ, и этого одного достаточно, чтобъ утѣшить тебя въ разлукѣ съ ними.

И я начинаю ей разъяснять, какъ, что и почему; но, по мѣрѣ того, какъ развиваются мои разъясненія, я и самъ незамѣтнымъ образомъ сбиваюсь съ толку. Вмѣсто того, чтобъ пропагандировать чистую идею государственности, я ударяюсь въ околичности, привожу примѣры, доказывающіе, что многіе солдаты до генеральскихъ чиновъ дослужились, а больше, конечно, до чина прапорщичьяго.

— Такъ-то такъ, возражаетъ старуха: — да что радости! вотъ у Петра Васильича сынъ-офицеръ изъ полку пріѣхалъ, взялъ да отца по шеѣ изъ дома и выгналъ!

И затѣмъ опять начинается вой, вой безъ конца, вой, который нельзя утолить ни увѣщаніями, ни государственными соображеніями. Не понимаетъ глупая баба—и все тутъ!

Я могъ бы привести такихъ примѣровъ множество, но думаю, что достаточно и трехъ.

Быть можетъ, мнѣ скажутъ: все это—женщины, которымъ, по неразумію, многое прощается?

Digitized by Google

Позвольте, господа! Откупщики—развѣ женщины? желѣзнодорожные дѣятели—развѣ женщины? Да и сами женщины — развѣ онѣ не по образу и подобію Божію созданы, хотя бы и изъ ребра Адамова?

Нѣтъ! я знаю одно: въ бывалыя времена, когда еще чудеса дѣйствовали, поступки и рѣчи, подобные тѣмъ, которые указаны выше, навѣрное не остались бы безъ должнаго возмездія. Либо земля разверзлась бы, либо огонь небесный опалилъ бы—словомъ сказать, непремѣнно что-нибудь да случилось бы въ предостерегательномъ и назидательномъ тонѣ. Но ничего подобнаго мы нынче не видимъ. Люди на каждомъ шагу самымъ несомнѣннымъ образомъ попираютъ идею государственности, и земля не разверзается подъ ними. Что же это означаетъ, однакожь?

Я знаю, впрочемъ, что нетолько иностранцы, но и многіе русскіе смотрятъ на свое отечество, какъ на Украйну Европы, въ которой было бы даже странно встрѣтиться съ живымъ чувствомъ государственности. Нельзя и ожидать, говорятъ они, чтобы оголтѣлые казаки сознавали себя живущими въ государствѣ; не здѣсь нужно искать осуществленія идеи государственности, а въ настоящей, заправской Европѣ, гдѣ государство является продуктомъ собственной исторіи народовъ, а не случайной административной поддѣлкой, устроенной ради наибольшей легкости административныхъ воздѣйствій.

Къ сожалѣнію, возраженіе это дѣлается больше по наслышкѣ, причемъ теоретическая разработка идеи государства всепроникающаго и всеобъемлющаго смѣшивается съ ея примѣненіемъ на практикѣ.

Несомнѣнно, что наука о государствѣ доведена на западѣ Европы до крайнихъ предѣловъ; правда и то, что всѣ усилія предержащихъ властей направлены къ тому, чтобъ воспитать въ массахъ сознаніе, что существованіе человѣка немыслимо иначе, какъ въ государствѣ, подъ защитой его законовъ, для всѣхъ равно обязательныхъ и всѣмъ равно покровительствующихъ. Представительными собраніями издано великое множество положеній, которыя до мельчайшихъ подробностей опредѣляютъ отношенія индивидуума къ государству; съ другой стороны, учеными издано не меньшее количество трактатовъ, въ которыхъ съ послѣднею убѣдительностью доказывается, что внѣ государства нѣтъ ни справедливости, ни обезпеченности, ни цивилизаціи. Зная и видя все это, конечно, ничего другого не остается, какъ радоваться и восклицать: вотъ благословенныя страны, ля кот орыхъ ничто не остается неразъясненнымъ! вотъ счаст-

Digitized by Google

ливые люди, которые могутъ съ горделивымъ сознаніемъ сказать себѣ, что каждый ихъ поступокъ, каждый шагъ проникнутъ идеей о государственности!

Но есть одно обстоятельство, которое въ значительной степени омрачаетъ эту прекрасную внѣшность. Обстоятельство это—глухая борьба, которая замѣчается всюду и существованіе которой точно такъ же не подлежитъ сомнѣнію, какъ и существованіе усилій къ ея подавленію. Трактаты пишутся, но читаются лишь самымъ незамѣтнымъ меньшинствомъ; законоположенія издаются, но не проникаютъ внутрь ядра, а лишь скользятъ по его поверхности. И здѣсь старуха Домна наполняетъ воздухъ своимъ воемъ и анти-государственными причитаніями.

Отношеніе массъ къ извѣстной идеѣ—вотъ единственное мѣрило, по которому можно судить о степени ея жизненности. Въ томъ еще нѣтъ ничего удивительнаго, что государственные люди и профессора государственнаго права имѣютъ совершенно отчетливое понятіе о значеніи государства въ жизни современныхъ обществъ. Это—ихъ ремесло, за которое они получаютъ соотвѣтствующее вознагражденіе. Можно бы даже и съ тѣмъ примириться, еслибъ съ ихъ стороны было меньше отчетливости, лишь бы массы отрѣшились отъ своей одичалости и, хотя до нѣкоторой степени (и притомъ, конечно, безъ вознагражденія), сообщили своимъ стремленіямъ и дѣйствіямъ характеръ сознательно-государственный. Но тутъ-то именно мы и встрѣчаемся съ тою же сумятицей, которая существуетъ и у насъ, съ незначительными лишь видоизмѣненіями въ подробностяхъ.

Вотъ уже цѣлый годъ, какъ я скитаюсь за-границей: сперва жилъ въ южной Германіи, потомъ въ Парижѣ и, наконецъ, въ южной Франціи. И всѣ мои наблюденія сводятся къ слѣдующему: 1) люди культуры видятъ въ идеѣ государственности базисъ для извѣстнаго рода профессіи, дающей или прямыя выгоды въ видѣ жалованья, или выгоды косвенныя—въ видѣ преміи за принадлежность къ той или другой политической партіи, и 2) что массы либо совсѣмъ игнорируютъ эту идею, либо относятся къ ней крайне робко и безалаберно. Я даже не думаю, чтобъ массы почувствовали какое-нибудь безпокойство, еслибъ, напримѣръ, отбываніе воинской повинности—одна изъ существеннѣйшихъ прерогативъ государства—было объявлено навсегда упраздненнымъ.

Правда, что Южная Германія—больное мѣсто имперіи, созданной войною 1870—71 г., но для наблюдателя важно то, что здѣсь, вслѣдствіе рѣзкихъ перемѣнъ, произведенныхъ успѣхами Пруссіи, уже нашли для себя выраженіе нѣкоторые симптомы, которые въ другихъ частяхъ новосозданнаго государства нахо-

Digitized by Google

дятся еще въ дремотномъ состояніи. Несмотря на замѣчательную ловкость прусскихъ государственныхъ людей и сильную поддержку, доставляемую имъ печатью, партикуляризмъ не только не успокоивается на югѣ Германіи, но, повидимому, съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Конечно (въ особенности, въ городахъ), и теперь встрѣчается не мало людей убѣжденныхъ, которыхъ восторгаетъ мысль о единствѣ и могуществѣ Германіи, о той неувядаемой славѣ, которою покрыло себя нѣмецкое оружіе, раздавивши «наслѣдственнаго врага», и о томъ прекрасномъ будущемъ, которое отнынѣ, по праву, принадлежитъ нѣмецкому народу; но вѣдь эти люди представляютъ собой только казовый конецъ современной южно-германской дѣйствительности. Подъ ними и за ними стоятъ цѣлыя массы субъектовъ, изнемогающихъ подъ гнетомъ вопроса о насущномъ хлѣбѣ, субъектовъ, которые не вопрошаютъ ни прошедшаго ни будущаго, но зато съ удивительною цѣпкостью хватаются за наличную дѣйствительность и очень безцеремонно взвѣшиваютъ и сравниваютъ все, что взвѣшиванію и сравненію подлежитъ.

Пропаганда идеи о германскомъ единствѣ ведется уже такъ давно, что не могла обойти и людей насущнаго хлѣба. Имъ припоминали прогулки Наполеона I-го по Германіи и угрожали подобными же прогулками «наслѣдственнаго врага» въ ближайшемъ будущемъ. Имъ говорили объ общемъ германскомъ отечествѣ, которое тогда только будетъ въ состояніи противостать какимъ бы то ни было присоединительнымъ поползновеніямъ, когда онъ сплотится въ единое, сильное и могущественное государство. Что только тогда они могутъ считать себя спокойными за свои семейства и за свою собственность и только тогда у нихъ не будетъ смѣшныхъ государствъ, въ родѣ Шаумбург-Липпе, о которыхъ ни одинъ путешественникъ не можетъ говорить иначе, какъ при помощи анекдотовъ. Что, тѣмъ не менѣе, снисходя къ ихъ человѣческой слабости, можно примирить партикуляризмъ съ объединеніемъ, оставивъ рядомъ съ общимъ государствомъ, сильнымъ и неприступнымъ, и прежнія частныя государства. И что, такимъ образомъ, для нихъ откроется возможность имѣть разомъ «двѣ высшихъ правды и два подданства.

Изъ всего этого люди насущнаго хлѣба отнеслись сочувственно только къ надеждѣ быть спокойными за свою собственность и за свои семейства; все прочее они выслушали ни сочувственно, ни несочувственно, потому что это прочее составляло для нихъ тарабарскую грамоту. Быть можетъ, нѣкоторымъ и приходилъ въ голову вопросъ: а въ какомъ положеніи будутъ подати

Digitized by Google

и повинности?—но вопросъ этотъ уже потому одному остался безъ послѣдствій, что нѣкому было отвѣтить на него. Война была на носу, и потому все дѣлалось впопыхахъ. Не до разъясненій въ такія минуты, когда требуются деньги и солдаты, солдаты и деньги. Даже представители южно-германской культуры, которые нынче такъ ясно понимаютъ, что промѣняли кукушку на ястреба—и тѣ въ то время должны были молчать. Они находились въ очень фальшивомъ положеніи, ибо надъ ними тяготѣло подозрѣніе въ недостаткѣ сочувствія къ опасностямъ, угрожающимъ общему германскому отечеству.

Такимъ образомъ, и солдаты, и деньги были даны. И вотъ, въ одно прекрасное утро, баварцы, бадейцы и проч. проснулись не просто королевскими, не императорско-королевскими подданными. Само собой разумѣется, что это привело ихъ въ восторгъ.

Но это былъ именно только восторгъ, слѣпой и внезапный, а отнюдь не торжество чувства государственности. Это было хмѣльное упоеніе славой побѣдъ, громомъ оружія, стонами побѣжденныхъ—упоеніе, къ которому, сверхъ того, въ значительной долѣ примѣшивалось и ожиданіе добычи, въ видѣ пяти милліардовъ.

Прошло не больше пяти лѣтъ, и путешественникъ уже съ изумленіемъ спрашиваетъ себя: куда дѣвались восторги? что̀ сдѣлалось съ недавнимъ упоеніемъ? гдѣ признаки того *добровольнаго* стремленія къ единству, въ жертву которому приносились солдаты и деньги, деньги и солдаты?

Ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ. Вмѣсто восторговъ, мы видимъ полное господство низменныхъ интерессовъ, вмѣсто добровольнаго стремленія къ успокоенію на лонѣ великаго, единаго государства—борьбу. Да̀, все политическое существованіе современной Германіи представляетъ отнюдь не торжество государства, а только сплошную борьбу во имя его. Борьбу съ партикуляризмомъ, борьбу съ католицизмомъ, борьбу съ соціалистическими порываніями—словомъ, со всѣмъ, что̀ чувствуетъ себя утѣсненнымъ въ тѣхъ рамкахъ, которыя выработалъ для жизни идеалъ государства, скомпанованный въ Берлинѣ. Но спрашивается: можно ли считать осуществившеюся идею, которая имѣетъ уже за себя право сильнаго, но и за всѣмъ тѣмъ вынуждена бороться за свое существованіе? и можно ли назвать успѣшнымъ такое мѣропріятіе, которое выполняется только потому, что за невыполненіе его грозитъ кара?

Повторяю: покуда низменные, будничные интересы держатъ массы въ плѣну, до тѣхъ поръ для нихъ недоступна будетъ высшая идея правды, осуществляемая государствомъ. Нѣмецъ,

Digitized by Google

ежели онъ — не гелертеръ, не присяжный политикъ и не чиновникъ, есть обыватель по преимуществу. Онъ всецѣло преданъ идеѣ насущнаго хлѣба и тѣмъ подробностямъ, которыми эта идея обставлена; затѣмъ, всѣ отношенія его къ государству ограничиваются податями и солдатчиною. Подати имперія значительно увеличила, солдатчину сдѣлала общедоступною. Все это, конечно, необходимо, ради государства, ради его величія и славы, и въ Германіи на этотъ счетъ менѣе, нежели гдѣ либо, можетъ быть недоразумѣній. Всякому извѣстно, что столько-то милліоновъ употреблено на заказъ пушекъ, столько-то на приобрѣтеніе ружей новой системы, столько-то на постройку и вооруженіе крѣпостей и что все это необходимо на страхъ наслѣдственнымъ и ненаслѣдственнымъ врагамъ. Но когда люди думаютъ совсѣмъ объ другомъ, то отъ нихъ самыя доказательныя убѣжденія отскакиваютъ, какъ отъ стѣны горохъ.

— Всѣ милліарды, уплаченные Франціей, употреблены на составленіе инвалиднаго фонда, да на вооруженія, да на дотаціи, а на развитіе промышленности ничего не попало! жалуется одинъ нѣмецъ.

— Прежде, мы солдатчины почти не чувствовали, а теперь даже болѣзнью отъ нея не отмолишься. У меня былъ сынъ; даже докторъ ему свидѣтельство далъ, что слабъ здоровьемъ— не повѣрили, взяли въ полкъ. И что-жь! шесть мѣсяцевъ его тамъ мучили, увидѣли, что малый дѣйствительно плохъ и прислали обратно. А онъ черезъ мѣсяцъ умеръ! вторитъ другой нѣмецъ.

— У насъ нынче въ школахъ только *завоеваніямъ* учатъ. Молодые люди о полезныхъ занятіяхъ и думать не хотятъ; все— «Wacht am Rhein» да «Kriegers Morgenlied» распѣваютъ! Что изъ этого будетъ—одинъ Богъ знаетъ! разказываетъ третій нѣмецъ.

— Всѣ наши соки Берлинъ сосетъ...

Понятно, что въ людяхъ, которые такимъ образомъ говорятъ, чувство государственности должно вполнѣ отсутствовать.

Во Франціи, это дѣло поставлено иначе. Тамъ партикуляризма, въ смыслѣ политической партіи, не существуетъ вовсе; борьба же съ католицизмомъ ведется совсѣмъ не во имя того, что онъ служитъ помѣхой для исполненія начальственныхъ предписаній, а во имя освобожденія человѣческой мысли отъ призраковъ, ее угнетающихъ. Сверхъ того, во Франціи, съ 1848 года, практикуется всеобщая подача голосовъ, которая, повидимому, должна бы непрестанно напоминать обывателямъ, во-пер-

Digitized by Google

выхъ, о томъ, что они живутъ въ государствѣ, и, во-вторыхъ, о томъ, что косвенно каждый изъ нихъ участвуетъ и въ выборѣ правителей страны, и въ самомъ управленіи ею.

Тѣмъ не менѣе, все это отнюдь не устраняетъ множества недоразумѣній, которыя и тутъ, какъ и вездѣ, ставятъ идею государства въ условія, весьма для нея неблагопріятныя.

Несмотря на нѣсколько революцій, во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, стоятъ лицомъ къ лицу два класса людей, совершенно отличныхъ другъ отъ друга и по внѣшнему образу жизни, и по понятіямъ, и по темпераментамъ. Во главѣ государства стоитъ такъ называемый правящій классъ, состоящій изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ феодальной аристократіи, изъ адвокатовъ, литераторовъ, банкировъ, купцовъ и вообще всевозможныхъ наименованій буржуà. Внизу кишитъ масса управляемыхъ, т. е. городскихъ пролетаріевъ и крестьянъ. И тотъ, и другой классы относятся къ государству совсѣмъ не одинаковымъ образомъ.

Въ средѣ правящихъ классовъ стремленіе къ государственности высказывается довольно опредѣленно. У буржуà государство не сходитъ съ языка, такъ что вы сразу чувствуете, что этотъ человѣкъ даже не можетъ мыслить себя внѣ государства, ибо слишкомъ хорошо понимаетъ, что это единственное его убѣжище противъ разнузданности страстей. Государство ограждаетъ его собственность; оно устроиваетъ въ его пользу тысячи разнообразнѣйшихъ удобствъ, которыя онъ никакъ не могъ бы имѣть, предоставленный самому себѣ; оно охраняетъ его предпріятія противъ завистливыхъ притязаній одичалыхъ массъ и, въ случаѣ надобности встанетъ за него горой. Взвѣшивая всѣ этѣ выгоды и сравнивая ихъ съ тѣми жертвами, которыя государство, взамѣнъ ихъ, отъ него требуетъ, буржуа не можетъ не сознавать, что послѣднія почти ничтожны, и потому рѣдко ропщетъ по ихъ поводу (между прочимъ, онъ понимаетъ и то, что всегда имѣетъ возможность эти жертвы разложить на другихъ). И жизнь его течетъ легко и обильно, проникнутая сознаніемъ тѣхъ благъ, которыя изливаются на него государствомъ, и рѣшимостью стоять за него, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока этой рѣшимости не будетъ угрожать серьёзная опасность.

Но самая эта увѣренность въ возможности всегда найти для себя защиту подъ покровомъ государства имѣетъ свою невыгодную сторону. А именно: она дѣлаетъ буржуà самонадѣяннымъ и даже привередливымъ; она пріучаетъ его неряшливо относиться къ тому самому предмету, передъ которымъ онъ долженъ только благодарно благоговѣть. Убѣжденный, что будущее во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ принадлежитъ ему, буржуà уже не довольствуется тѣмъ, что у него есть государство, которое не дастъ его въ обиду, но начинаетъ разсуждать вкривь и вкось о формѣ этого государства и признаетъ законною только ту форму, которая ему люба. Есть буржуà монархисты, и есть буржуà республиканцы. Монархистовъ три сорта: легитимисты, орлеанисты и бонапартисты; республиканцевъ тоже три сорта: лѣвый центръ, просто лѣвая сторона и, наконецъ, крайніе лѣвые. И всѣ эти прихотливые буржуà видятъ другъ въ другѣ смертельныхъ враговъ, предаются безпрерывнымъ взаимнымъ пререканіямъ и въ этихъ чисто внѣшнихъ эволюціяхъ доходятъ иногда до такого паѳоса, что издали кажется, не забыли-ли они, что у всѣхъ у нихъ одна цѣль: чтобъ государство оставалось неприкосновеннымъ и чтобъ буржуà былъ сытъ, стоялъ во главѣ и благодушествовалъ.

Изъ области государства дѣло переходитъ въ область вопроса о кличкахъ и о принадлежности тому или другому хозяину. Является предательство, измѣна, желаніе лучше утопить государство, нежели дать возможность восторжествовать противнику. Словомъ сказать, всѣ тѣ скандалы, которыми такъ обильно было существованіе недавно канувшаго въ вѣчность національнаго собранія и которые ясно доказали, что политическая арена слишкомъ легко превращается въ арену для разрѣшенія вопроса: при комъ или при чемъ выгоднѣе?—благоразумно при этомъ умалчивая: для кого?

Результатомъ такого положенія вещей является, конечно, не торжество государства, а торжество ловкихъ людей. Не преданность странѣ, не талантъ, не умъ дѣлаются гарантіей успѣха, а пронырливость, наглость и предательство. И Франція доказала это самымъ дѣломъ, безропотно, въ теченіи двадцати лѣтъ, вынося иго людей, которыхъ, по счастливому выраженію одной англійской газеты, всякій честный французъ счелъ бы позоромъ посадить за свой домашній обѣдъ.

Такимъ образомъ, и государство, и все, что̀ до него относится, находится во Франціи, такъ сказать, на откупу у буржуазіи. Что̀ же касается до массъ, то онѣ коснѣютъ въ полномъ невѣденіи чувства государственности и въ совершенномъ равнодушіи къ тѣмъ политическимъ пререканіямъ, которыя волнуютъ буржуазію. И здѣсь, какъ и вездѣ, очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи, и здѣсь, какъ и вездѣ, государство представляется исключительно въ видѣ усмирителя и сборщика податей, а не въ видѣ убѣжища. Надъ массами тяготѣютъ два закона: надъ городскими пролетаріями—законъ отчаянія, надъ обывателями деревень—законъ безсознательности. Отъ этого первые, при удоб-

Digitized by Google

номъ случаѣ, такъ легко ударились въ коммуну; отъ этого вторые, во время прусской войны, массами бѣжали съ поля сраженія. Первые не понимали, что они разрушаютъ, вторые — что имъ предстоитъ защищать. И въ томъ и въ другомъ случаѣ — увѣренность, что формы правленія безразличны и что всѣ онѣ имѣютъ въ виду только вящшее утучненіе и безъ того тучнаго буржуà, увѣренность печальная и даже неосновательная, но, тѣмъ не менѣе, сообщающая самому акту всеобщей подачи голосовъ характеръ чистой случайности.

Послѣдній опытъ всеобщей подачи голосовъ, происходившій въ февралѣ настоящаго года, далъ торжество республиканской партіи. Буржуазія, повидимому, поняла, что республика нисколько не препятствуетъ осуществленію ея стремленій, и, во-вторыхъ, что она представляетъ даже больше шансовъ для «благоразумной экономіи». Вслѣдствіе этого, во время избирательнаго періода, Франція была покрыта цѣлою сѣтью комитетовъ, которыхъ цѣль заключалась въ уловленіи массъ. Усилія комитетовъ увѣнчались успѣхомъ. Правда, что почти вездѣ цѣлая треть избирателей воздержалась отъ подачи голосовъ, и, затѣмъ, остальныя двѣ трети выказали въ этомъ случаѣ больше дисциплины, нежели сознательности; но, кàкъ бы то ни было, поле сраженія осталось за республикой. Естественно, что республиканцы поспѣшили запечатлѣть эту побѣду практическимъ результатомъ. Министерство Дюфора-Бюффе пало и было замѣнено министерствомъ Дюфора-Рикара...

Когда я узналъ объ этомъ изъ газетъ, то, конечно, прежде всего, поспѣшилъ сообщить о происшедшей перемѣнѣ портьè того пансіона, въ которомъ я поселился.

— Vous savez, André, сказалъ я ему: — que le ministère Dufaure-Buffet n'existe plus, et que désormais c'est le ministère Dufaure-Ricard qui dirigera les destinées de la France?

Но, къ удивленію, онъ до такой степени не понялъ моего вопроса, что заставилъ меня повторить его. И когда я это сдѣлалъ, то онъ вытаращилъ глаза и произнесъ:

— Est ce que je sais!

А между тѣмъ, этотъ человѣкъ существуетъ (cogito—ergo sum), получаетъ жалованье, устраиваетъ, кàкъ можетъ, свои дѣлà, и я даже положительно знаю, что 20-го февраля онъ подалъ голосъ за республиканца. И все это онъ дѣлаетъ, ни разу въ жизни не спросивъ себя: чтò такое государство?

Можно ли такъ жить?

Н. Щедринъ.

Digitized by Google

ЖАКЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ НРАВЫ.

Альфонса Додэ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Альфонсъ Додэ, романъ котораго «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій», появившійся въ прошедшемъ году, имѣлъ такой огромный успѣхъ—далеко не новичекъ въ литературѣ. Онъ написалъ уже много. Стихи, сказки, театральныя пьесы—во всемъ онъ пробовалъ свои силы; но всѣ эти произведенія, болѣе или менѣе нравившіяся публикѣ, однакожъ, не выдвигались особенно. Только теперь попалъ онъ, кажется, на свою настоящую дорогу. Его также слѣдуетъ причислить къ реальной школѣ, ведущей начало свое отъ Стендаля и Бальзака и блистательнѣйшими представителями которой считаются, въ настоящее время, Флоберъ и Зола. Но у него, сильнѣй, чѣмъ у нихъ, звучитъ поэтическая струна; и, кромѣ того, вы безпрестанно чувствуете въ его произведеніяхъ присутствіе самого автора; это отсутствіе объективности, эта привычка прямо выражать сочувствіе къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ или смѣяться надъ ними можетъ, пожалуй, считаться недостаткомъ; но вы охотно прощаете это Альфонсу Додэ, за его крайне симпатичную личность, къ которой вы, по мѣрѣ того, какъ подвигаетесь въ чтеніи его романовъ, все больше и больше привязываетесь. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Диккенса; да и вообще въ немъ слышится вѣяніе великаго англійскаго юмориста. Эта склонность выставлять скорѣе смѣшныя, нежели дурныя стороны характера, это стремленіе отыскать человѣческія примиряющія черты въ самыхъ испорченныхъ натурахъ—все этосвойства, которыми отличался Диккенсъ; наконецъ, у Альфонса Додэ, какъ и у Диккенса, чуть не въ каждомъ романѣ являются дѣти, къ которымъ онъ

*

Digitized by Google

относится съ трогательной задушевностью. Эмиль Золà, посвятившій Альфонсу Додэ весьма подробный этюдъ, говоритъ, что его въ особенности любятъ женщины, которымъ нравится его субъективность, потому что онѣ находятъ въ немъ свою собственную нервную чувствительность, свою душу и сердце. По мнѣнію Золà, это большое счастье для реальной школы, что она имѣетъ въ рядахъ своихъ такого обаятельнаго писателя, открывающаго двери для романистовъ болѣе суровыхъ, слѣдующихъ за нимъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, хотя Додэ изображаетъ дѣйствительность такою, какою она есть, безъ всякихъ прикрасъ, безъ лжи и манерности, однако, оставаясь глубоко правдивымъ, онъ, въ то же время, совершенно чуждъ безпощадной суровости, пессимизма и мизантропіи. У него никогда не слышится злобной и рѣзкой ноты. Его оружіе—тонкая, изящная, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, меткая иронія. Самыя мрачныя, неприглядныя картины въ его романахъ утрачиваютъ все рѣзкое и отталкивающее, благодаря его юмору и той поэтической искрѣ, которая живетъ въ его сердцѣ.

«Жакъ», предлагаемый здѣсь читателямъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, есть, по нашему мнѣнію, лучшее произведеніе Альфонса Додэ. Нигдѣ до сихъ поръ не было у него такой ширины захвата, такого разнообразія въ изображеніи современныхъ французскихъ нравовъ. Притомъ-же, и самая тэма очень нова. Авторъ разсказываетъ намъ исторію сына кокотки. Такихъ положеній, какъ здѣсь, намъ не случалось встрѣчать въ другихъ французскихъ романахъ. Если отношенія Жака къ человѣку, съ которымъ живетъ его мать, нѣсколько и напоминаютъ отношенія Копперфильда къ отчиму, то зато личность этого любовника, личность Жака и его матери всецѣло принадлежатъ автору. Особенно удалась ему мать. Это лицо въ высшей степени реально и характерно, и французскіе критики совершенно справедливо замѣчаютъ, что Альфонсъ Додэ выказалъ большой художественный тактъ, не сдѣлавъ ея дурной, отталкивающей женщиной, а только легкомысленной, и даже придавъ ей нѣкоторыя симпатическія черты. Слѣдуя пріему всѣхъ реалистовъ новой школы, Альфонсъ Додэ въ одинаковой степени обращаетъ вниманіе какъ на развитіе характера главнаго лица, такъ и на изображеніе вліяющей на него среды. Онъ вводитъ читателя въ различные слои общества: въ первой части онъ знакомитъ его съ кружкомъ «неудачниковъ» *ratés*, потерпѣвшихъ крушеніе на разныхъ поприщахъ—на литературномъ, артистическомъ, ученомъ и изъѣденныхъ самолюбіемъ; во второй части дѣйствіе переносится въ міръ рабочихъ, съ ихъ кипучей дѣятельностью, съ ихъ печалями и радостями. Ав-

Digitized by Google

торъ рисуетъ превосходную картину кузнечныхъ мастерскихъ и домашняго быта ремесленниковъ.

Роману Альфонсъ Додэ предпослано слѣдующее посвященіе: «Эта книга скорби, гнѣва и ироніи посвящается Густаву Флоберу, моему другу и учителю».

I.

Мать и ребенокъ.

— Черезъ Д, господинъ ректоръ, черезъ Д. Его имя пишется и произносится на англійскій манеръ... Djack (Джэкъ). Крестный отецъ ребенка былъ англичанинъ; онъ служилъ майоромъ въ индійской арміи... лордъ Пимбокъ. Вы, можетъ быть, знаете? Достойнѣйшій человѣкъ и самаго аристократическаго происхожденія... но понимаете, г. аббатъ, самаго аристократическаго; и какой вальсёръ... Онъ умеръ, впрочемъ, и ужасной смертью, въ Сингапурѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на великолѣпной охотѣ за тиграми, которую устроилъ въ честь его одинъ раджа изъ его друзей... Эти раджи, должно быть—настоящіе монархи... Особливо этотъ—очень извѣстенъ тамъ... кàкъ бишь его имя?.. Ахъ Господи! такъ и вертится на языкѣ. Рана... Рама...

— Извините, сударыня, отвѣчалъ ректоръ, невольно улыбаясь этой болтовнѣ и этимъ безпрестаннымъ скачкàмъ отъ одной мысли къ другой:—что̀ же мы поставимъ послѣ Жака?..

Облокотясь на письменный столъ и слегка наклонивъ голову, аббатъ искоса посматривалъ лукавымъ и проницательнымъ взглядомъ монаха на молодую женщину, сидѣвшую передъ нимъ, съ своимъ Жакомъ (черезъ Д.) Это была элегантная, безупречно одѣтая, сообразно модѣ и сезону, особа (дѣло происходило въ декабрѣ 1858 г.). Въ богатствѣ ея чернаго туалета, въ скромной оригинальности ея шляпки, въ мягкости ея мѣха сказывалась спокойная роскошь женщины, обладающей каретой, и отъ своихъ опрятныхъ ковровъ прямо переходящей къ подушкамъ своего экипажа, не подвергая себя промежуточнымъ неудобствамъ улицы. У ней была очень маленькая голова, отчего женщины всегда кажутся больше, красивое личико, подвижное, улыбающееся, съ наивными, ясными глазами и очень бѣлыми зубами, которые она то и дѣло показывала. Эта подвижность чертъ ея, казалась необычайной; и не знаю, что̀-то въ этой веселой физіономіи, можетъ быть, нижняя губа, слегка оттопыренная, вслѣдствіе безпрерыв-

Digitized by Google

ной потребности говорить, можетъ быть, узкій лобъ подъ спущенными, блестящими волосами, указывало на отсутствіе размышленія, на нѣкоторую ограниченность ума и объясняло ежеминутныя скобки въ разговорѣ этой хорошенькой женщины. Что̀ касается ребенка, то представьте себѣ мальчугана лѣтъ семи или восьми, поджараго, слишкомъ быстро ростущаго и одѣтаго по англійски, какъ этого требовало Д, т. е. съ голыми икрами, въ токѣ съ серебрянными репейками и въ пледѣ. Костюмъ, можетъ быть, шелъ къ его возрасту, но не шелъ къ его длинной фигурѣ и шеѣ, уже довольно плотной; онъ видимо стѣснялъ его. Неловкій, застѣнчивый, съ опущенными глазами мальчикъ, отъ времени до времени, бросалъ безнадежный взглядъ на свои голыя озябшія ноги, какъ-бы проклиная въ душѣ лорда Пимбока и всю индійскую армію, по милости которыхъ онъ былъ облеченъ въ подобное одѣяніе. Наружностью онъ походилъ на мать; но въ чертахъ его было болѣе изящества и благородства. При томъ, это было полное превращеніе физіономіи хорошенькой женщины въ физіономію умнаго мужчины. Тотъ-же взглядъ, но глубже; тотъ-же лобъ, но шире; тѣже губы, но сжатыя болѣе серьёзнымъ выраженіемъ.

На лицѣ женщины мысли и впечатлѣнія, не оставляя ни слѣда, ни морщинки, скользили съ такой поспѣшностью, такъ быстро прогоняли другъ друга, что взглядъ ея постоянно выражалъ удивленіе, — куда это они исчезли? — У ребенка, напротивъ, замѣчалась устойчивость мысли, и его черезъ чуръ задумчивый видъ могъ бы даже внушать опасеніе, еслибы къ этому не присоединялись нѣкоторая лѣность движеній и какая-то изнѣженность всего его маленькаго существа—ласковость и застѣнчивость мальчика, воспитаннаго посреди материнскихъ юбокъ.

Въ эту минуту, прислонясь къ ней и засунувъ одну руку въ муфту ея, онъ съ нѣмымъ восторгомъ слушалъ, какъ она говорила, по временамъ, боязливо и съ любопытствомъ взглядывая на аббата и на все окружавшее его. Онъ обѣщалъ не плакать. Но иногда, однакоже, у него вырывался вздохъ, какъ будто остатокъ рыданія, и его бросало въ дрожь. Тогда глаза матери останавливались на немъ и, казалось, говорили: «Помни, что̀ ты обѣщалъ мнѣ». И ребенокъ тотчасъ же подавлялъ свой вздохъ и свои слезы. Но въ немъ проглядывало большое горе, то гнетущее впечатлѣніе одиночества и покинутости, какое всегда производитъ первый пансіонъ на ребенка, долго остававшагося въ родительскомъ домѣ.

Эти свѣдѣнія о матери и ребенкѣ, полученныя аббатомъ, могли бы удовлетворить поверхностнаго наблюдателя; но отецъ О.,

Digitized by Google

болѣе двадцати пяти лѣтъ завѣдывавшій аристократическимъ учебнымъ заведеніемъ вожирарскихъ іезуитовъ, слишкомъ хорошо зналъ свѣтъ и всѣ оттѣнки высшаго парижскаго общества, его языкъ и манеры, для того чтобы не угадать въ матери новаго ученика кліентку совершенно особаго рода.

Апломбъ, съ которымъ она вошла въ его кабинетъ, апломбъ, очевидно искуственный, ея манера садиться, откидываясь назадъ, этотъ молодой, нѣсколько принужденный смѣхъ и, въ особенности этотъ потокъ словъ, которымъ она какъ будто старалась замаскировать какую-то смущавшую ее затаенную мысль—все это порождало въ аббатѣ недовѣрчивость. Но, къ несчастью, въ Парижѣ всѣ слои общества такъ перемѣшаны; демаркаціонная линія между модными женщинами хорошаго и дурнаго круга, между лореткой, которая держится, и маркизой, которая отдается, сдѣлалась, вслѣдствіе общности удовольствій, прогулокъ, туалетовъ, до такой степени тонкой и незамѣтной, что самый опытный, изощренный взглядъ можетъ ошибиться съ перваго разу. Вотъ почему патеръ такъ внимательно наблюдалъ эту женщину.

Въ особенности сбивалъ его съ толку этотъ безсвязный разговоръ. Онъ не имѣлъ времени ничего сообразить посреди этихъ прихотливыхъ выходокъ, этихъ вольтъ-фасовъ, этихъ скачковъ бѣлки въ клѣткѣ. Но, однакожъ, его сужденіе, какъ ни старались, можетъ быть, сбить его, было уже на половину составлено. Смущеніе матери, когда онъ спросилъ ее, какое еще у ребенка имя, кромѣ Жака, заставило его окончательно остановиться на этомъ сужденіи. Она покраснѣла, сконфузилась и, послѣ минутнаго калебанія, отвѣчала.

— Извините... я и забыла... Я до сихъ поръ не представилась вамъ... Боже мой! гдѣ у меня была голова? И, вынувъ изъ кармана крошечный porte-cartes изъ слоновой кости, весь раздушенный, какъ подушечки для бѣлья, она подала аббату визитную карточку, гдѣ длинными буквами было напечатано ничего не означавшее имя: «*Ида де Баранси*». Ректоръ какъ-то странно улыбнулся.

— Это—также и имя ребенка? спросилъ онъ.

Вопросъ былъ почти дерзкій. Дама поняла это, еще болѣе смутилась и постаралась скрыть свое смущеніе, принявъ гордый видъ.

— Разумѣется, г. аббатъ...

— А! серьёзнымъ тономъ произнесъ патеръ.

Теперь онъ, въ свой чередъ, не зналъ какъ выразить то, что ему нужно было сказать. Онъ вертѣлъ въ рукахъ визитную кар-

Digitized by Google

точку, при чемъ его губы слегка дрожали, какъ у человѣка, понимающаго, какое значеніе и дѣйствіе должны будутъ имѣть слова, которыя онъ готовится произнесть. Вдругъ онъ всталъ и, подойдя къ большому окну, выходившему въ садъ, облитый красноватымъ свѣтомъ зимняго солнца и гдѣ виднѣлись высокія густыя деревья, постучалъ въ стекло. Черный силуэтъ промелькнулъ передъ окнами, и молодой священникъ тотчасъ-же появился въ кабинетѣ.

— Погуляйте, мой добрый Дюффьё, съ этимъ ребенкомъ, сказалъ ректоръ.—Покажите ему нашу церковь, наши оранжереи. Бѣдняжка скучаетъ.

Жакъ подумалъ, что эта прогулка служитъ только предлогомъ для того, чтобы сократить его прощанье съ матерью, и во взглядѣ его выразились такое отчаяніе и такой ужасъ, что ректоръ поспѣшилъ успокоить его.

— Не бойся, крошка, сказалъ онъ ласково.—Мама твоя не уѣдетъ... она будетъ здѣсь...

Ребенокъ все еще колебался.—«Ступай, мой другъ!» произнесла г-жа Баранси съ жестомъ королевы. Тогда онъ немедленно вышелъ, безъ слова, безъ жалобы; словно жизнь ужь пригнула его и приготовила ко всякому порабощенію.

По уходѣ его, въ кабинетѣ на минуту водворилось молчаніе. Слышались удалявшіеся шаги ребенка и его спутника и хрустѣнье жосткаго песка подъ ногами ихъ; трескъ огонька въ каминѣ, чириканье воробьевъ на деревьяхъ; дѣтскіе голоса, звуки фортепьяно... Въ домѣ стоялъ гулъ, какой всегда бываетъ въ большомъ пансіонѣ въ классное время...

— Этотъ ребенокъ, кажется, очень любитъ васъ, сударыня? сказалъ ректоръ, котораго тронуло послушаніе Жака.

— Какъ ему не любить меня? отвѣчала г-жа Баранси, можетъ быть нѣсколько мелодраматически.—У бѣднаго малютки только и есть на свѣтѣ, что мать!

— А! вы—вдова?

— Увы! г. ректоръ. Мужъ мой умеръ десять лѣтъ тому назадъ, въ самый годъ нашей свадьбы и при очень грустныхъ обстоятельствахъ. Ахъ! г. аббатъ, романисты, выдумывающіе разныя приключенія, не подозрѣваютъ, что иногда самая обыкновенная жизнь можетъ наполнить десять романовъ!.. Моя жизнь служитъ тому доказательствомъ. Да вотъ... Графъ де Баранси принадлежалъ, какъ вы можете уже судить по его имени, къ одной изъ самыхъ старинныхъ фамилій въ Турэни...

Она неловко попала. Аббатъ именно родился въ Амбуазѣ и отлично зналъ все дворянство своей провинціи. Въ туже мину-

Digitized by Google

ту, въ сомнѣніяхъ его ума графъ де Баранси занялъ мѣсто рядомъ съ лордомъ Пимбокомъ и сингапурскимъ раджей. Но онъ, однакожь, не выказалъ этого и довольствовался тѣмъ, что мягко прервалъ мнимую графиню:

— Не раздѣляете ли вы, сударыня, моего мнѣнія, что было бы жестоко удалить отъ васъ такъ рано ребенка, который къ вамъ такъ привязанъ? Онъ еще очень молодъ. И будетъ ли онъ въ силахъ перенести горе подобной разлуки?

— Но вы ошибаетесь, г. аббатъ, отвѣчала она наивно.—Жакъ—очень крѣпкій ребенокъ. Онъ никогда не былъ боленъ. Можетъ быть, онъ немножко блѣденъ; но это—слѣдствіе парижскаго воздуха, къ которому онъ не привыкъ.

Аббатъ, которому надоѣло, что она не угадываетъ его мысли, продолжалъ на этотъ разъ болѣе вразумительно.

— Впрочемъ, въ настоящую минуту, наши дортуары полны... учебный годъ близокъ къ концу. Мы должны были отказать уже нѣсколькимъ новымъ ученикамъ до будущаго года. Я былъ бы вамъ очень обязанъ, еслибъ и вы подождали до этого времени. Тогда, можетъ быть, мы попытаемся... впрочемъ, я ни за что не отвѣчаю... Она поняла. «Стало быть, сказала она поблѣднѣвъ:—вы не согласитесь принять моего сына? Не объясните ли вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, почему?»

— Я отдалъ бы все на свѣтѣ, сударыня, отвѣчалъ аббатъ.—чтобъ этого объясненія не было. Но, ужь если вы непремѣнно хотите, то я скажу вамъ, что заведеніе, во главѣ котораго я стою, требуетъ отъ семействъ, довѣряющихъ ему дѣтей своихъ, исключительныхъ нравственныхъ условій. Въ Парижѣ нѣтъ недостатка въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ вашъ маленькій Жакъ найдетъ всѣ попеченія, въ которыхъ онъ нуждается. Но у насъ это невозможно. Я васъ умоляю, прибавилъ онъ, при видѣ ея протестующаго жеста:—не требуйте отъ меня дальнѣйшаго объясненія; я не вправѣ ни о чемъ васъ спрашивать, ни въ чемъ упрекать васъ... Я очень соболѣзную о томъ огорченіи, которое причиняю вамъ въ настоящую минуту; и вѣрьте, что суровость моего отказа столь же тяжела для меня самого, какъ и для васъ.

Пока аббатъ говорилъ, лицо г-жи Баранси прошло черезъ всѣ впечатлѣнія горя, негодованія, смущенія. Сначала она попробовала было не уступать, держать прямо голову и не сбрасывать свѣтской маски; но добрыя слова ректора тронули эту дѣтскую душу, и у молодой женщины хлынули слезы, полились жалобы, признанія. О! она была очень несчастна; никто не зналъ сколько она уже выстрадала изъ-за этого ребенка. Ну, да! у бѣднаго

Digitized by Google

малютки не было отца, не было имени; но развѣ можно было ставить ему въ преступленіе его несчастіе и дѣлать его отвѣтственнымъ за вину его родителей? «Ахъ! г. аббатъ, г. аббатъ, умоляю васъ...»

И, говоря, она въ какомъ-то наивномъ порывѣ, который, при менѣе важныхъ обстоятельствахъ, могъ бы вызвать улыбку, схватила бѣлую, пухлую, совсѣмъ епископскую руку аббата, которую тотъ, не безъ смущенія, старался тихонько высвободить.

— Успокойтесь сударыня, говорилъ онъ въ испугѣ отъ этихъ изліяній и слезъ... потому что она плакала, плакала какъ ребенокъ—съ рыданіями, всхлипываніями, съ наивной невоздержностью нѣсколько вульгарной натуры.

«Господи! думалъ несчастный аббатъ:—кàкъ мнѣ быть, если съ этой дамой сдѣлается дурно.»

Но словà, которыми онъ старался ее успокоить, еще болѣе возбуждали ее. Она хотѣла оправдаться, объяснить все, разсказать свою жизнь; и ректоръ, волей-неволей, долженъ былъ слѣдить за ея темнымъ, прерывистымъ, спѣшнымъ, безконечнымъ разсказомъ, въ которомъ она на каждомъ шагу обрывала главную нить, не заботясь о томъ, кàкъ опять возвратиться къ ней. «Это имя Баранси было не ея. О! еслибъ она могла сказать свое имя—кàкъ бы всѣ удивились. Но честь одной изъ самыхъ древнѣйшихъ фамилій Франціи—понимаете ли, изъ самыхъ древнѣйшихъ! — была связана съ этимъ именемъ; и ее скорѣй можно было убить, нежели вырвать у ней его имя».

Ректоръ хотѣлъ протестовать, увѣрить ее, что онъ не желаетъ ничего вырвать у ней... но не могъ добиться даже, чтобъ она его выслушала. Легче можно было остановить крылья вѣтреной мельницы, чѣмъ эти рѣчи, вращавшіяся въ пустотѣ. Главнымъ образомъ, хотѣлось ей, повидимому, доказать, что она принадлежала къ высшему дворянству, что у ея гнуснаго обольстителя было также чтò-то такое въ гербѣ и что, наконецъ, она—жертва неслыханной роковой случайности...

Чему слѣдовало вѣрить во всемъ этомъ? Вѣроятно, ни одному слову, потому что весь этотъ безсвязный разсказъ изобиловалъ противорѣчіями и умолчаніями. Но и въ немъ, однакоже, выступало нѣчто искренное и даже трогательное: любовь другъ къ другу этой матери и этого ребенка. Они жили всегда вмѣстѣ. Онъ занимался дома съ учителями, и, если она теперь рѣшилась разстаться съ нимъ, то потому только, что ее пугали этотъ пробуждавшійся умъ, эти раскрывавшіеся глаза, отъ которыхъ нельзя уберечься, какія бы ни принимались предосторожности.

—Лучшей предосторожностью было бы, сказалъ строго аббатъ:—

Digitized by Google

не допускать въ вашей жизни ничего неправильнаго и сдѣлать вашъ домъ достойнымъ ребенка, живущаго въ немъ.

— Это—моя постоянная забота, г. аббатъ, отвѣчала она.—По мѣрѣ того, какъ Жакъ растетъ, я чувствую, что я становлюсь серьёзнѣе. Притомъ, не сегодня-завтра, мое положеніе установится... Есть человѣкъ, который давно уже ищетъ моей руки... но покамѣстъ мнѣ бы хотѣлось удалить ребенка... отстранить его отъ моей еще тревожной жизни, дать ему воспитаніе аристократическое и христіанское, достойное великаго имени, которое онъ будетъ носить. Я думаю, что нигдѣ ему не было бы такъ хорошо, какъ здѣсь; и вотъ вы отталкиваете его... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнимаете у матери надежду осуществить ея добрыя намѣренія...

Но здѣсь ректоръ, казалось, поколебался. Помолчавъ съ минуту и потомъ пристально посмотрѣвъ ей въ глаза, онъ сказалъ:

— Хорошо, сударыня. Если ужь вы непремѣнно настаиваете: я готовъ исполнить ваше желаніе. Маленькій Жакъ мнѣ очень понравился. Я согласенъ принять его въ число нашихъ учениковъ.

— О! г. ректоръ...

— Но подъ двумя условіями.

— Я готова принять ихъ всѣ.

— Во-первыхъ: до тѣхъ поръ, пока ваше положеніе не установится, ребенокъ будетъ проводить здѣсь всѣ дни отпуска и даже вакаціи и не возвратится къ вамъ.

— Но вѣдь онъ умретъ, мой Жакъ, если не будетъ видѣть своей матери.

— О! вы можете пріѣзжать къ нему когда вамъ угодно. Но только,—и это наше второе условіе—вы будете видѣться съ нимъ не въ пріемномъ залѣ, но здѣсь, въ моемъ кабинетѣ. Я позабочусь о томъ, чтобъ вы ни съ кѣмъ не встрѣчались.

Она встала въ негодованіи. Эта мысль, что она никогда не попадетъ въ пріемную, на эти блестящія четверговыя собранія, гдѣ гордятся красотой своего ребенка, богатствомъ его одежды и экипажа, ожидающаго у крыльца; что ей нельзя будетъ сказать своимъ пріятельницамъ: «я вчера разговаривала у отцевъ съ мадамъ де-С. или съ мадамъ де-V... съ настоящими «мадамъ», что она должна будетъ украдкой пріѣзжать къ своему Жаку и цѣловать его въ уголку, въ сторонкѣ—все это, наконецъ, возмущало ее. Хитрый аббатъ попалъ мѣтко.

— Вы жестоки ко мнѣ, г. ректоръ. Вы заставляете меня отказаться отъ того, за что я васъ благодарила сейчасъ, какъ за

Digitized by Google

милость. Но я должна сохранить достоинство женщины и матери. Ваши условія неисполнимы. И что подумалъ бы мой ребенокъ о... Она остановилась, увидавъ раскраснѣвшуюся отъ холода рожицу мальчугана, съ безпокойствомъ смотрѣвшаго въ окно. Она сдѣлала ему знакъ, и ребенокъ вскорѣ вошелъ.

— Ахъ! мама, какая ты хорошая... какъ меня нн увѣряли, что ты еще тутъ, а я все-таки думалъ, что ты уѣхала.

Она схватила его за руку. «Ты поѣдешь со мной, сказала она ему:—мы здѣсь—лишніе». И, выпрямившись, она гордо вышла большими шагами, увлекая за собой ребенка, удивленнаго этимъ внезапнымъ отъѣздомъ, походившимъ на бѣгство. Она едва кивнула головой въ отвѣтъ на почтительный поклонъ ректора, который также всталъ. Несмотря на свою поспѣшность, она все же удалилась не столь быстро, чтобы ея Жакъ не могъ разслышать тихо произнесенныхъ позади его словъ: «Бѣдный, бѣдный ребенокъ!»

О немъ сожалѣли... Почему? Онъ часто думалъ объ этомъ съ тѣхъ поръ.

Ректоръ не обманулся. Графиня Ида де-Баранси была не настоящая графиня. Она называлась не Баранси и, можетъ быть, даже не Идой. Кто и откуда она была и насколько было правды во всѣхъ ея дворянскихъ исторіяхъ—никто не могъ бы сказать этого. Одно только было достовѣрно, что она—не парижанка, а пріѣхала изъ какого-то большого города, акцентъ котораго еще у ней сохранился; что она совсѣмъ не имѣла понятія о Парижѣ и что ей, по словамъ ея горничной, дѣвицы Констанъ, положительно недоставало «genr'a».

«Провинціальная кокетка! говорила презрительно дѣвица Констанъ. Но всѣ эти свѣдѣнія были довольно неопредѣленныя. Правда, однажды, въ театрѣ Gymnase, два ліонскихъ негоціанта приняли ее за нѣкую Мелани Фавръ, содержавшую когда-то магазинъ перчатокъ и парфюмёрныхъ товаровъ на площади des Terreaux. Но эти господа ошиблись и очень извинялись. Потомъ, одинъ офицеръ третьяго гусарскаго полка призналъ въ ней какую-то Nana, съ которой онъ былъ знакомъ лѣтъ восемь тому назадъ въ Орлеанвиллѣ. Этотъ тоже ошибся и тоже извинился. Ужасно наглыя бываютъ иногда сходства!

Однакожъ, г-жа Баранси много путешествовала, и не скрывала этого. Но ничего яснаго, положительнаго объ ея происхожденіи и жизни нельзя было извлечь изъ ея безконечныхъ разсказовъ. То она родилась въ колоніяхъ и говорила о своей

Digitized by Google

матери, очаровательной креолкѣ, о своихъ плантаціяхъ, негритянкахъ и пр.; то она была турская уроженка и провела дѣтство въ большомъ зàмкѣ на берегахъ Луары. Какъ вы уже видѣли, въ этихъ фантастическихъ исторіяхъ преобладало тщеславіе. Дворянство, деньги, титулы, состояніе—она не выходила изъ этого. Чтò касается богатства, то оно у ней было; или, по крайней мѣрѣ, ее содержали очень богато. Ей нанимали маленькій отель на бульварѣ Гаусмана. У ней были лошади, экипажи, роскошная мёбель сомнительнаго вкуса, три или четыре лакея. Она вела праздное и пустое существованіе всѣхъ женщинъ этого рода; у ней только было поменьше апломба и побольше стыдливости, сообщенной ей, вѣроятно, провинціей, которая лучше Парижа защищается отъ женщинъ извѣстнаго свѣта. Благодаря этому свойству и также ея дѣйствительной свѣжести, (вѣроятное послѣдствіе дѣтства, проведеннаго на чистомъ воздухѣ), она стояла особнякомъ въ парижскомъ потокѣ, гдѣ у ней, впрочемъ, еще не было своего мѣста, какъ у недавно пріѣхавшей.

Каждую недѣлю, пожилой человѣкъ, съ просѣдью, и очень порядочный посѣщалъ ее. Говоря о немъ, Ида называла его «monsieur» съ такимъ величественнымъ видомъ, что можно было вообразить себя при французскомъ дворѣ, въ тѣ времена, когда такимъ образомъ назывался братъ короля. Ребенокъ говоритъ просто: «нашъ другъ». Лакеи докладывали о немъ: «графъ», но между собой называли его болѣе фамильярно: «ея старикъ».

«Ея старикъ», надо полагать, былъ очень богатъ, потому что она ни во чтò не входила, и денегъ тратилось въ домѣ пропасть. Всѣмъ заправляла дѣвица Констанъ, горничная-factotum, единственное вліятельное лицо въ хозяйствѣ. Она давала своей госпожѣ адресы поставщиковъ, руководила ея неопытностью въ знаніи парижской жизни и хорошаго общества; потому что ея мечтой, ея главнымъ желаніемъ, пришедшимъ къ ней, вѣроятно, съ богатствомъ, было—прослыть за порядочную, знатную, безупречную женщину.

И потому можно себѣ представить, кàкъ подѣйствовалъ на нее пріемъ ректора и съ какой яростью въ сердцѣ она ушла отъ него. Какой стыдъ! Сказать, что ребенка ея не приняли и что съ перваго взгляда этотъ аббатъ угадалъ ея положеніе; тогда какъ ей казалось, что она такъ хорошо скрыла его подъ всей этой роскошной и лживой внѣшностью свѣтской женщины и безупречной матери. Значитъ, сейчасъ было видно, кто она?

Возвращаясь домой, она всю дорогу рыдала, прижавшись къ

Digitized by Google

углу карету, между тѣмъ какъ Жакъ изъ другого угла печально смотрѣлъ на мать, ничего не понимая въ ея отчаяніи, кромѣ того развѣ, что она страдала изъ-за него. Онъ безсознательно чувствовалъ себя виноватымъ, этотъ бѣдный крошка; но къ этой печали примѣшивалась и великая радость, что его не приняли въ пансіонъ.

Подумайте только! Въ продолженіи двухъ недѣль, ни о чемъ другомъ не говорили, кромѣ этого Вожирара. Мать взяла съ него обѣщаніе, что онъ не будетъ плакать, что будетъ уменъ. «Нашъ другъ» читалъ ему наставленія; Констанъ закупала ему приданое. Все было готово, рѣшено. Онъ жилъ въ страхѣ, весь поглощенный мыслью объ этой тюрьмѣ, куда его всѣ толкали. И вотъ, въ послѣднюю минуту — его помиловали. О! еслибъ его мать не была такъ огорчена, какъ бы онъ поблагодарилъ ее! какъ бы онъ былъ счастливъ, чувствуя себя подлѣ нея, въ этой маленькой кареткѣ, въ которой они столько разъ вмѣстѣ катались и теперь могутъ опять кататься! И Жакъ припомнилъ эти поѣздки въ лѣсъ, послѣ полудня, это долгое катанье по грязному, окоченѣвшему отъ холода Парижу, столь новому для нихъ и на который оба они глядѣли съ одинаковымъ любопытствомъ. Какой-нибудь памятникъ по дорогѣ, какая-нибудь уличная сцена—все ихъ радовало.—«Посмотри, Жакъ!..» «Посмотри мама...» Точно двое дѣтей. Въ дверцахъ кареты виднѣлись вмѣстѣ бѣлокурые, длинные локоны мальчика и лицо матери подъ опущеннымъ вуалемъ.

Отчаянный крикъ г-жи Баранси оторвалъ мальчика отъ всѣхъ его хорошихъ воспоминаній.

— Боже мой! Боже мой! Что же я сдѣлала, говорила она ломая себѣ руки:—чѣмъ заслужила такое несчастіе?

Этотъ вопросъ остался, конечно, безъ отвѣта, потому что маленькій Жакъ находился по меньшей мѣрѣ въ такомъ же невѣдѣніи, какъ и она сама, относительно того, что она сдѣлала. Не зная, что сказать ей, чѣмъ утѣшить ее, онъ робко взялъ ея руку и съ жаромъ прильнулъ къ ней губами — какъ настоящій влюбленный.

Она вздрогнула и дико посмотрѣла на него.

— Жестокій, жестокій ребенокъ! Сколько зла ты мнѣ сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ живешь на свѣтѣ!

Жакъ поблѣднѣлъ. Онъ зналъ и любилъ только одно существо на землѣ—это мать свою. Онъ находилъ ее прекрасной, доброй, несравненной. И, не желая, не зная онъ причинилъ ей зло. При этой мысли и съ нимъ также сдѣлался припадокъ отчаянія—но отчаянія нѣмого. Это были подавленныя рыданія,

Digitized by Google

нервныя судороги, дрожь. Мать испугалась и обняла его. «Нѣтъ, нѣтъ, я пошутила... перестань безстыдникъ. Развѣ можно быть такимъ чувствительнымъ?.. извольте полюбоваться на этого верзилу, который заставляетъ укачивать себя, какъ крошечнаго ребеночка!.. Нѣтъ, мой голубчикъ, ты никогда не дѣлалъ мнѣ зла... Это я, сумасшедшая, вздумала тебя вмѣшивать въ такія исторіи... Полно, дружокъ, не плачь... Посмотри—развѣ я плачу?»

И странное существо, забывъ свое горе, искренно смѣялось, чтобъ разсмѣшить своего Жака. Однимъ изъ преимуществъ этой подвижной, поверхностной натуры было то, что она не сохраняла долго никакого впечатлѣнія. Странное дѣло! Пролитыя ею слезы придали ей еще болѣе молодости и свѣжести, какъ ливень, только скользящій по перьямъ горлицы, но непроникающій въ нихъ—дѣлаетъ ее еще глаже и блестящѣе.

— Гдѣ это мы? сказала она вдругъ, опуская запотѣвшее стекло.

— Ужь церковь Магдалины! Какъ мы скоро пріѣхали... не заѣхать ли намъ къ этому... какъ его... знаешь, знаменитый пирожникъ? Ну, полно же, вытри глаза, дурачокъ... я тебя накормлю пирожками.

Они завернули въ испанскую кондитерскую, бывшую тогда въ большой модѣ. Тамъ была толпа разряженныхъ дамъ. Г-жа Баранси и ея ребенокъ обратили на себя ихъ вниманіе. Это было ей очень пріятно. Этотъ маленькій успѣхъ, въ соединеніи съ только-что миновавшимъ припадкомъ, заставилъ ее поглотить порядочное количество всякихъ сладостей и запить ихъ маленькой рюмочкой испанскаго вина. Жакъ слѣдовалъ ея примѣру, но съ бо́льшею умѣренностью, потому что недавно испытанное имъ большое горе наполняло его маленькое сердце подавленными вздохами, непролитыми слезами.

Когда они вышли оттуда, погода такъ прояснилась, букеты фіялокъ на рынкѣ Madeleine разливали въ воздухѣ такое благоуханіе, что Идѣ захотѣлось пройтись пѣшкомъ, и она отослала карету. Развязно, но нѣсколько замедленнымъ шагомъ женщины, привыкшей возбуждать удивленіе, она пустилась въ путь, ведя за руку своего маленькаго Жака. Движеніе, свѣжій воздухъ, видъ магазиновъ, которые начинали освѣщать — окончательно возвратили ей хорошее настроеніе духа.

Вдругъ, передъ однимъ магазиномъ, болѣе яркимъ и пестрымъ, нежели другіе, она вспомнила о маскарадѣ, куда она собиралась ѣхать въ тотъ вечеръ и которому долженъ былъ предшествовать обѣдъ въ кабачкѣ.

— Ахъ! Боже мой... совсѣмъ изъ ума вонъ! Вотъ какая твоя мама разсѣянная, Жакъ; скорѣй, скорѣй...

Ей нужны были цвѣты, букетъ, разныя бездѣлушки, которыя

Digitized by Google

она забыла купить. И ребенокъ, почти въ такой же степени, какъ и она, чувствовавшій утонченную прелесть всѣхъ этихъ элегантностей—потому что эти пустячки были всегда его жизнью—слѣдовалъ за матерью припрыгивая, оживленный мыслью о балѣ, котораго онъ не долженъ былъ увидѣть.

— Ахъ! какъ это мило! Восхитительно... Вы пришлёте это ко мнѣ... бульваръ Гауссмана.

Г-жа Барапси бросала свою карточку, уходила, болтала съ Жакомъ о своихъ покупкахъ. Потомъ она принимала серьёзный видъ.

— Главное, помни то, что̀ я тебѣ говорила: не нужно сказывать нашему другу, что я ѣздила на этотъ балъ. Это—тайна... Ахъ! канальство, ужь пять часовъ... То-то будетъ меня бранить Констанъ...

Она не ошибалась. Ея камеристка-фактотумъ, высокая и полная особа, некрасивая и походившая на мужчину, заслышавъ ея шаги, бросилась къ ней на встрѣчу.

— Костюмъ давно принесенъ... Можно ли такъ опаздывать?.. Вы не будете готовы. Развѣ успѣешь одѣть васъ такъ скоро.

— Не брани меня, моя добрая Констанъ; еслибъ ты знала, что̀ со мной было! Вотъ, посмотри! И она указала на ребенка. Фактотумъ былъ возмущенъ.

— Ка̀къ? Господинъ Жакъ... вы возвратились? Это очень дурно, сударь, очень дурно, послѣ того, что̀ вы намъ обѣщали. Остается только отправить васъ въ школу съ жандармами. Нѣтъ! ваша мамаша слишкомъ добра.

— Да онъ не виноватъ... Это попы не захотѣли... Понимаешь ты это? Оскорбить меня такимъ образомъ... меня... меня! Тутъ у ней снова полились слезы, и она снова начала спрашивать у Бога, что̀ она сдѣлала, чѣмъ заслужила такое несчастіе? Прибавьте къ этому пирожки, испанское вино, духоту въ комнатахъ. Ей сдѣлалось дурно. Нужно было отнести ее на кровать, дать ей понюхать соли, эѳиру для того, чтобы привести ее въ чувство. Дѣвица Констанъ дѣйствовала какъ женщина, привыкшая къ подобнымъ припадкамъ. Она расхаживала по комнатѣ, отворяла и затворяла шкапы съ тѣмъ неподражаемымъ хладнокровіемъ, которое дается опытомъ, и съ видомъ, говорившимъ: «это пройдетъ». Исполняя свои обязанности, она, въ то же время, думала: «И что̀ за мысль была везти этого ребенка къ отцамъ! Развѣ это—заведеніе для такихъ, какъ онъ... Ничего бы этого, разумѣется, не случилось, еслибы посовѣтывались сначала со мной. Я бы тотчасъ нашла для него пансіонъ... и отличный».

Испуганный Жакъ, видя мать свою въ такомъ положеніи, по-

Digitized by Google

дошелъ къ кровати, на которой она лежала. Онъ боязливо смотрѣлъ на нее, прося у ней, въ глубинѣ сердца, прощенія за то горе, котораго онъ былъ причиной.

— Отойдите, г. Жакъ. Мамашѣ лучше... мнѣ нужно одѣвать ее.

— Какъ! ты хочешь, Констанъ, чтобъ я ѣхала на этотъ балъ? Но развѣ я расположена теперь веселиться?

— Полноте! Вѣдь я васъ знаю. Черезъ пять минутъ все пройдетъ. Взгляните-ка на этотъ прелестный костюмъ Шалости, на эти розовые, шелковые чулки... а вотъ и колпачокъ съ погремушками.

Она взяла костюмъ и разложила его, выставивъ на видъ его блестки и погремушки, передъ которыми Йда не устояла. Пока она одѣвалась, Жакъ ушелъ въ будуаръ, одинъ, безъ огня. Въ этой кокетливой, ваточной, загроможденной комнатѣ было темно; только слабый, неопредѣленный свѣтъ отъ ближайшаго фонаря, проникалъ туда. Грустно приникнувъ головой къ окну, Жакъ задумался объ этомъ тревожномъ днѣ и, мало-по-малу, самъ не умѣя объяснить себѣ почему, онъ почувствовалъ, что онъ дѣлается «бѣднымъ ребенкомъ», о которомъ съ такимъ сожалѣніемъ говорилъ этотъ аббатъ. Какъ-то странно слышать о себѣ сожалѣнія, когда считаешь себя счастливымъ. Стало быть, есть несчастія, такъ хорошо скрытыя, что даже ни виновники ихъ, ни жертвы не догадываются объ нихъ!

Дверь отворилась. Его мать была готова.

— Войдите, г. Жакъ... Посмотрите, каково...

О! что это была за прелестная Шалость, розовая съ серебромъ, вся въ атласѣ, и какъ она мило шумѣла фольгой при каждомъ своемъ движеніи! Ребенокъ смотрѣлъ, удивлялся, а мать, вся напудренная, легкая, граціозная, съ своей гремушкой въ рукѣ, смѣялась Жаку, смѣялась въ душѣ самой себѣ, не спрашивая больше, что она сдѣлала Господу Богу и за что была такая несчастная? Потомъ Констанъ набросила ей на плечи теплую sortie de bal и проводила ее до кареты, а Жакъ, между тѣмъ, облокотясь на перила, смотрѣлъ, какъ по ковру лѣстницы спускались живые и быстрые, словно ужь приведенные въ движеніе танцами, два розовые, вышитые серебромъ башмачка, увлекавшіе его мать далеко, далеко отъ него, на балы, куда не возятъ дѣтей. При послѣднемъ шумѣ гремушекъ, онъ возвратился въ комнаты, въ первый разъ въ жизни тяготясь одиночествомъ, на которое обрекали его каждый вечеръ.

Когда г-жа Баранси обѣдала въ гостяхъ, его поручали Констанъ. «Она будетъ обѣдать съ тобой», говорила мать. Въ сто-

Digitized by Google

ловой накрывали тогда два прибора, и день казался ребенку очень длиннымъ. Но всего чаще случалось, что Констанъ, которой было вовсе не весело въ обществѣ мальчугана, переносила оба прибора въ кухню, и онъ обѣдалъ вмѣстѣ со всей прислугой, въ подвальномъ этажѣ дома.

Тогда происходилъ настоящій кутежъ, о которомъ свидѣтельствовали жирныя пятна на столѣ и безпорядочныя рѣчи собесѣдниковъ. Камеристка, разумѣется, предсѣдательствовала и для увлеченія общества принималась повѣствовать о похожденіяхъ своей госпожи — впрочемъ обиняками, чтобы не встревожить мальчика.

Въ этотъ вечеръ въ подвальномъ этажѣ происходили большія пренія по поводу отказа отцовъ принять Жака. Кучеръ Августинъ объявилъ, что «тѣмъ лучше», потому что они сдѣлали бы изъ ребенка іезуита, тартюфа. Дѣвица Констанъ протестовала противъ этого выраженія. Хотя она «не исполняетъ обрядовъ», но не позволитъ, чтобъ о религіи говорили дурно». Тогда разговоръ перемѣнился, къ великому огорченію Жака, которому все хотѣлось узнать, за что̀ этотъ аббатъ, съ виду такой добрый, не принялъ его. Въ настоящую минуту, вопросъ о Жакѣ и его матери былъ отложенъ въ сторону, и рѣчь шла о религіозныхъ убѣжденіяхъ каждаго изъ присутствовавшихъ. У кучера Августина, когда онъ былъ на̀-веселѣ, оказывались престранныя. Его богомъ было солнце. Онъ не зналъ другого.

— Я—какъ слоны, я обожаю солнце, повторялъ онъ безпрестанно съ упорствомъ пьяницы. Наконецъ, его спросили, гдѣ онъ это видалъ, что слоны обожаютъ солнце?

— Я это видѣлъ однажды на фотографіи! произнесъ онъ величественно, съ видомъ совершеннаго отупленія.

Дѣвица Констанъ назвала его нечестивцемъ и атеистомъ, между тѣмъ какъ кухарка, толстая крестьянка изъ Пикардіи, исполненная деревенской плутоватости, повторяла имъ обоимъ:

— Послушайте... Это нельзя... о вѣрѣ не слѣдуетъ разсуждать...

А Жакъ? что̀ дѣлалъ онъ въ это время? Сидя на самомъ концѣ стола и отяжелѣвъ отъ кухоннаго жару и отъ безконечныхъ разглагольствованій этихъ людей, онъ засыпалъ. Голова его лежала на рукѣ, и бѣлокурые локоны разсыпались по бархатному рукаву. Въ дремотѣ, предшествовавшей сну, утомительному и непріятному въ сидячемъ положеніи, онъ слышалъ шопотъ прислуги. Ему казалось теперь, что говорили о немъ, но гдѣ-то далеко, очень далеко, въ туманѣ...

— Чей онъ, голубчикъ? спрашивалъ голосъ кухарки.

Digitized by Google

— Я ничего не знаю, отвѣчала Констанъ:—но дѣло въ томъ, что онъ не можетъ здѣсь оставаться и что она поручила мнѣ отыскать ему пансіонъ.

Кучеръ, икнувъ два раза, пробормоталъ:

— Постойте, постойте... я знаю одинъ пансіонъ... Отмѣнный! Совсѣмъ подходящій для васъ... Онъ называется учи... нѣтъ, гим... гимназія Моронваль. Ну, да это все равно, то же училище. Когда я жилъ у своихъ египтянъ, у саидовъ, такъ возилъ туда ихъ ребенка. Мнѣ даже продавецъ супа нѣсколько разъ объявленія въ руки совалъ... Должно быть, у меня осталось одно... погодите....

Онъ сталъ рыться въ своемъ бумажникѣ и, выкладывая на столъ разныя засаленныя бумажонки, нашелъ между ними одну, еще болѣе грязную, нежели всѣ остальныя.

— Вотъ! воскликнулъ онъ съ торжествующимъ видомъ.

Развернувъ программу, онъ началъ читать по складамъ: гим... гимназія Моронваль въ луч... въ лучшемъ...

— Дайте-ка мнѣ, сказала Констанъ и, взявъ у него объявленіе, прочла, не останавливаясь:

«*Гимназія Моронваль. Авеню Монтэнь 25. Въ лучшемъ кварталѣ Парижа. Большой садъ. Учебно-воспитательное заведеніе. Семейный характеръ. Число учениковъ ограниченное. Курсъ произношенія французскаго языка по методѣ Моронваль-Дэкостеръ. Исправленіе иностраннаго и провинціальнаго акцентовъ. Исправленіе всякаго рода пороковъ выговора, посредствомъ распредѣленія фонетическихъ органовъ.*

Здѣсь дѣвица Констанъ остановилась, чтобъ перевести духъ и сказала:

— Мнѣ кажется, что это—очень приличное заведеніе!

— Еще бы! произнесла кухарка, слушавшая вытаращивъ глаза.

— ...*Фонетическихъ органовъ... Выразительное чтеніе вслухъ...*

Чтеніе программы продолжалось. Но Жакъ заснулъ и не слыхалъ ничего болѣе. Между тѣмъ, какъ будущность его рѣшалась за этимъ грязнымъ, кухоннымъ столомъ, между тѣмъ, какъ его мать, одѣтая розовой Шалостью, веселилась, какъ безумная, неизвѣстно гдѣ—ему снился старый аббатъ, и слышался тихій, соболѣзнующій голосъ: «Бѣдный ребенокъ!»

Digitized by Google

II.

Гимназія Моронваль.

«*Avenue Монтэнь. 25. Въ лучшемъ кварталѣ Парижа*», говорилось въ объявленіи Моронваль. Нельзя отрицать, что avenue Монтэнь, дѣйствительно, находится въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ Парижа, въ центрѣ Елисейскихъ Полей, и что въ ней очень пріятно жить. Однимъ концомъ она упирается въ набережную Сены, другимъ примыкаетъ къ окаймленнымъ цвѣтами фонтанамъ. Но она имѣетъ безпорядочный, загроможденный видъ спѣшно проведенной и еще неоконченной дороги. Подлѣ большихъ отелей, округленные углы которыхъ украшены зеркальными стеклами, шелковыми свѣтлыми занавѣсками, позолоченными статуэтками, жардиньерками, вы видите жилища рабочихъ, лачуги, гдѣ стучитъ молотъ тележника или кузнеца. Здѣсь еще остатки предмѣстья, оживляемыя по вечерамъ веселыми звуками Мабиля. Въ эту эпоху существовали въ той же самой avenue Монтэнь и чуть ли не существуютъ еще до сихъ поръ два или три грязныхъ прохода, жалкій видъ которыхъ представлялъ странный контрастъ съ окружающимъ великолѣпіемъ. Одинъ изъ этихъ проходовъ, называвшійся пассажемъ Двѣнадцати Домовъ, начинался около дома 25, стоявшаго въ avenue Монтэнь. Золотыя буквы на фронтонѣ стрѣльчатой рѣшетки пассажа торжественно возвѣщали, что въ этомъ мѣстѣ находится гимназія Моронваль. Но, какъ только вы проникали за рѣшетку, нога ваша вязла въ черной, вонючей, вѣчной грязи, образуемой разрушеніемъ старыхъ зданій и постройкой новыхъ—въ грязи пустопорожняго мѣста. Лужа посреди переулка, висячій фонарь, перерѣзывавшій пространство, по обѣимъ сторонамъ темные дома, съ «меблированными комнатами», каменныя зданія съ пристройками, изъ старыхъ досокъ—все это переносило васъ за сорокъ лѣтъ назадъ и въ другой конецъ Парижа, къ Менильмонтану или въ la Chapelle. Эти дома, уподоблявшіеся «шале» съ крытыми галлереями, балконами, наружными лѣстницами, посредствомъ которыхъ они сообщались прямо съ улицей, изобиловали развѣшаннымъ бѣльемъ, кроликами въ клѣткахъ, оборванными ребятишками, тощими кошками, ручными сороками.

Удивительно было также, что на такомъ маленькомъ пространствѣ кишѣло столько англійскихъ конюховъ, негровъ-лакеевъ, старыхъ ливрей, красныхъ жилетовъ, клѣтчатыхъ фуражекъ и

Digitized by Google

всякихъ лохмотьевъ. Прибавьте къ этому, что каждый вечеръ, съ закатомъ солнца, возвращались сюда, окончивъ свою поденщину, женщины, предлагающія прохожимъ стулья, продавцы печенья или рѣдкихъ собакъ, фокусники, всякаго рода нищіе, карлики изъ цирка съ своими микроскопическими пони, и съ рекламами-ярлыками, карета, запряженная козами, и вы будете имѣть понятіе объ этомъ странномъ переулкѣ, походившемъ на темныя, загроможденныя кулисы, позади прекрасной декораціи Елисейскихъ Полей. Окруженный глухимъ шумомъ катящихся экипажей, зелеными деревьями и спокойной роскошью большихъ улицъ, онъ какъ бы представлялъ ихъ оборотную сторону, жалкую и неугомонную.

Нельзя сказать, чтобъ посреди этого оригинальнаго пейзажа гимназія Моронваль была не на мѣстѣ. По нѣскольку разъ въ день, мулатъ высокаго роста, съ прямыми волосами, падавшими на плечи, въ квакерской шляпѣ съ широкими полями, надѣтой на затылокъ и уподоблявшейся ореолу, проходилъ переулкомъ съ озабоченнымъ видомъ, въ сопровожденіи полдюжины маленькихъ чертенятъ различнаго цвѣта кожи, начиная съ мѣдно-краснаго и кончая самымъ чернымъ. Одѣтые въ потертые мундиры школьниковъ, которыхъ дурно содержатъ, тощіе, распущенные, они какъ будто составляли часть какого-нибудь возмутившагося полка въ колоніальной арміи. Это директоръ гимназіи Моронваль водилъ на прогулку «свои маленькія знойныя страны», какъ онъ называлъ воспитывавшихся въ его заведеніи учениковъ. Безпрестанная ходьба этого разноцвѣтнаго пансіона, безсвязность его занятій, удивительныя фигуры его профессоровъ какъ нельзя лучше дополняли оригинальную физіономію переулка Двѣнадцати Домовъ.

Разумѣется, еслибы г-жа Баранси сама привезла своего ребенка въ гимназію, то видъ этихъ мытарствъ, черезъ которыя нужно было пройти, чтобы достичь заведенія, ужаснулъ бы ее, и она ни за что не согласилась бы оставить «свое маленькое сокровище» въ такой клоакѣ. Но неудача, которую она потерпѣла у іезуитовъ, этотъ пріемъ, всего менѣе соотвѣтствовавшій ея ожиданіямъ, такъ испугалъ бѣдную женщину, въ сущности очень застѣнчивую и легко поддававшуюся унынію, что, опасаясь какого-нибудь новаго униженія, она поручила своей горничной, дѣвицѣ Констанъ, помѣстить Жака въ пансіонъ, выбранный для него прислугой.

Было печальное утро, холодное и снѣжное, когда карета Иды остановилась въ улицѣ Монтэнь, противъ вывѣски гимназіи Моронваль. Переулокъ былъ пустъ; фонарь скрипѣлъ на своей

Digitized by Google

веревкѣ; доски лачужекъ, бумага, служившая имъ вмѣсто оконныхъ стеколъ—все имѣло такой заплеснѣвшій, безпорядочный, раззореный видъ, какой бываетъ послѣ недавняго наводненія или отъ сосѣдства съ каналомъ, у котораго нѣтъ еще набережной.

Отважный фактотумъ шелъ храбро, въ одной рукѣ неся зонтикъ, другою ведя мальчика.

У двѣнадцатаго дома остановились. Это было на самомъ концѣ переулка, гдѣ онъ еще болѣе съуживается, между двумя высокими стѣнами, достигая улицы Марбёфъ. Нѣсколько черныхъ, тощихъ вѣтвей дрожали надъ зеленой, полинявшей дверью. Нѣкоторая чистота возвѣщала близость аристократическаго заведенія; устричныя раковины, черепки разбитой посуды, коробки изъ-подъ сардинъ, пустыя и продавленныя, были тщательно устранены отъ зеленыхъ, солидныхъ, массивныхъ воротъ, недовѣрчиво смотрѣвшихъ, какъ будто они сторожили доступъ въ тюрьму или монастырь. Глубокая тишина, вслѣдствіе которой обширное зданіе и садъ пансіона какъ будто казались снаружи еще больше, была вдругъ нарушена дѣвицей Констанъ, сильно позвонившей въ колоколъ. Сердце ребенка сжалось при этомъ ударѣ колокола, и воробьи, сидѣвшіе стаей на одномъ деревѣ, съ тѣмъ инстинктомъ ассоціаціи, который является у нихъ зимой, когда зернушки рѣдки, разомъ вспорхнули въ испугѣ и сѣли на крышу сосѣдняго дома.

Никто, однакоже, не отворялъ; но за тяжелыми воротами слышался шопотъ, и у маленькой рѣшетчатой калитки, пробитой въ нихъ, показалось черное лицо, съ толстыми губами, съ удивленнымъ взглядомъ, съ молчаливой улыбкой.

— Гимназія Моронваль? величественно спросилъ фактотумъ г-жи Баранси.

Курчавая голова смѣнилась другимъ типомъ, манджурскимъ или татарскимъ, съ маленькими глазками, съ выдавшимися скулами, съ узкимъ, остроконечнымъ черепомъ. Потомъ появился метисъ, цвѣта кофе на молокѣ, любопытный и улыбающійся, но ворота оставались запертыми, и мадмуазель Констанъ начинала терять терпѣніе, когда рѣзкій, пронзительный голосъ крикнулъ вдалекѣ: «Отворите ли вы, обезьяны!»

Шопотъ усилился, странный, съ какими-то особенными удареніями; ключи защелкали въ замкахъ, послышались ругательства, затрещины, кто-то полетѣлъ на землю, и ворота, наконецъ, отворились. Жакъ увидалъ спины учениковъ, въ испугѣ разсыпавшихся во всѣ стороны, не хуже давишнихъ воробьевъ. У [illegible]зался теперь только одинъ высокій, худой мулатъ,

Digitized by Google

бѣлый галстухъ котораго, въ нѣсколько разъ обмотанный вокругъ его шеи, сообщалъ лицу его еще болѣе темный, землистый цвѣтъ.

Г. Моронваль попросилъ дѣвицу Констанъ войти и, подавъ ей руку, повелъ ее черезъ садъ, довольно большой, но запущенный и унылый. Его изрытыя аллеи и разрушенныя клумбы, благодаря однообразнымъ зимнимъ тонамъ, смотрѣли еще печальнѣе. Нѣсколько строеній, какого-то страннаго вида, были разбросаны тамъ и сямъ, посреди поблекшихъ лужаекъ. Оказывалось, что г. Моронваль приспособилъ къ учебному заведенію зданіе бывшей конской фотографіи. Между прочимъ, въ числѣ этихъ строеній находилась большая ротонда, усыпанная пескомъ и служившая для учениковъ рекреаціонной залой; окна ея, уподоблявшіяся оранжерейнымъ и бо́льшею частью съ разбитыми или надтреснутыми стеклами, испещрены были безчисленнымъ множествомъ бумажныхъ заклеекъ.

Въ одной изъ аллей попался навстрѣчу маленькій негръ, въ красномъ жилетѣ, съ большой метлой и ведромъ, наполненнымъ угольями. Онъ робко, почтительно посторонился передъ г. Моронвалемъ, который очень быстро сказалъ ему мимоходомъ: «Затопить въ залѣ».

Это распоряженіе такъ озадачило негра, какъ будто ему сказали, что зала горитъ. Оно было далеко не лишнее. Нельзя представить себѣ ничего холоднѣе этой обширной пріемной, полинявшій, навощенный полъ которой производилъ впечатлѣніе скользкаго, замерзшаго озера. Самая мебель, повидимому, старалась предохранить себя отъ этой полярной температуры и куталась кое-какъ въ ветхіе, сшитые не по ней чахлы, словно госпитальный больной въ свой форменный халатъ.

Но дѣвица Констанъ не замѣтила ни ободранныхъ стѣнъ, ни пустоты этой залы, походившей на стеклянную галлерею и которой конская фотографія оставила въ наслѣдство, такъ же, какъ и всѣмъ зданіямъ, гдѣ она помѣщалась, обиліе холоднаго свѣта, совершенно излишняго. Горничная была въ полномъ восторгѣ, что можетъ разыгрывать роль дамы и задавать тону. Она вся сіяла и находила, что дѣтямъ, должно быть, здѣсь прекрасно; они на чистомъ воздухѣ, какъ въ деревнѣ...

— Совершенно какъ въ деревнѣ... отвѣчалъ Моронваль, рисуясь.

Произошло минутное смятеніе, какъ это бываетъ въ квартирахъ бѣднаго люда, гдѣ посѣтители всегда словно вспугиваютъ массу невидимыхъ атомовъ.

Маленькій негръ приготовлялся топить, Г. Моронваль искалъ

Digitized by Google

табурета для благородной посѣтительницы. Наконецъ, г-жа Моронваль, урожденная Дэкостеръ, которой дали знать, вошла съ чопорнымъ поклономъ. Эта маленькая, очень маленькая женщина, съ длинной блѣдной головой, которая вся ушла въ лобъ и подбородокъ, едва ли не была уродцемъ. Она всегда показывалась съ фаса, держась очень прямо, чтобы ея маленькій ростъ не потерялъ ни на палецъ, и какъ бы стараясь скрыть что-то лишнее, находившееся у ней между плечами. Но, впрочемъ, была очень любезна, предупредительна и исполнена достоинства. Она подозвала къ себѣ ребенка, ласкала его длинные волосы, нашла, что у него прекрасные глаза.

— Глаза его матери... прибавилъ съ нахальствомъ Моронваль, смотря на дѣвицу Констанъ; та не спѣшила возражать, но Жакъ, возмущенный, вскричалъ со слезами въ голосѣ:

— Это—не мамаша... это—моя нянька.

Тогда г-жа Моронваль, урожденная Дэкостеръ, устыдившись своей фамильярности съ дѣвицей Констанъ, стала гораздо суше, что могло повредить интересамъ заведенія, но, къ счастью, супругъ ея удвоилъ свою любезность, понимая, что горничная, которой поручено самой отвести въ пансіонъ ребенка ея господъ, должна имѣть въ домѣ нѣкоторое значеніе. И дѣвица Констанъ доказала ему это. Она говорила свысока, рѣшительнымъ тономъ, не скрывала, что выборъ пансіона былъ предоставленъ вполнѣ ея усмотрѣнію, и, каждый разъ, какъ произносила имя своей госпожи, брала покровительственный и соболѣзнующій тонъ, приводившій Жака въ отчаяніе.

Заговорили объ условіяхъ. Плата назначалась три тысячи франковъ въ годъ, не считая обзаведенія; объявивъ эту цифру, Моронваль принялся росписывать свое училище. Три тысячи франковъ—эта сумма, конечно, могла показаться довольно значительной... Онъ самъ первый соглашался съ этимъ. Но «гимназія» Моронваль не походила на другія заведенія. Ей не безъ причины дали нѣмецкое названіе «гимназія»—мѣсто свободнаго упражненія для ума и тѣла. Здѣсь, ученики, въ одно и то же время, получали образованіе и посвящались въ парижскую жизнь. Они сопровождали своихъ учителей въ театръ, въ свѣтъ, присутствовали на торжественныхъ засѣданіяхъ академіи. Вмѣсто того, чтобы дѣлать изъ нихъ тупыхъ педантовъ, напшигованныхъ латынью, въ нихъ старались развить всѣ человѣческія чувства; ихъ знакомили съ тихими радостями семейнаго очага, котораго они, какъ чужеземцы, были издавна лишены. Но, несмотря на это, учебная часть не находилась въ пренебреженіи—совершенно напротивъ: люди, самые замѣчательные,

Digitized by Google

ученые, артисты, не убоялись примкнуть къ этому человѣколюбивому предпріятію въ качествѣ професоровъ—профессоровъ положительныхъ наукъ, исторіи, музыки, литературы. Преподаваніе этихъ предметовъ ежедневно чередавалось съ курсомъ произношенія французскаго языка по новой, усовершенствованной методѣ, изобрѣтенной г-жей Моронваль-Дэкостеръ. Кромѣ того, каждую недѣлю происходилъ публичный сеансъ выразительнаго чтенія вслухъ, куда приглашались родственники учениковъ или корреспонденты родственниковъ и гдѣ они могли убѣждаться въ превосходствѣ системы Моронваль.

Эту длинную тираду директоръ, болѣе, чѣмъ кто-либо, нуждавшійся въ урокахъ г-жи Моронваль-Дэкостеръ, произнесъ тѣмъ быстрѣе, что онъ, въ качествѣ креола, глоталъ половину словъ и изгонялъ изъ своей рѣчи букву р: вмѣсто «профессоръ литературы» говорилъ «пофессо литеату» и проч. Но все равно, дѣвица Констанъ была буквально ослѣплена. Вопросъ о платѣ, вы понимаете, былъ для нея вопросомъ далеко не важнымъ; самое главное — чтобы мальчикъ получилъ хорошее, аристократическое воспитаніе.

— О! ужъ насчетъ этого!.. сказала г-жа Моронваль, урожденная Дэкостеръ, подымая свою длинную голову.

Мужъ ея прибавилъ, что онъ принимаетъ въ гимназію только родовитыхъ иностранцевъ, наслѣдниковъ знатныхъ фамилій, дворянъ, князей. Въ настоящее время, онъ воспитывалъ даже ребенка царской крови, родного сына короля дагомейскаго. Тогда энтузіазмъ дѣвицы Констанъ достигъ крайнихъ предѣловъ.

— Королевскій сынъ! Слышите, мсьё Жакъ, вы будете воспитываться вмѣстѣ съ королевскимъ сыномъ!

— Да, продолжалъ съ важностью директоръ:—его величество, король дагомейскій, довѣрилъ мнѣ воспитаніе его высочества королевскаго принца, и я, кажется, могу сказать безъ хвастовства, что мнѣ удалось сдѣлать изъ него человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго.

Но, что это сдѣлалось съ маленькимъ негромъ, затоплявшимъ каминъ, что онъ вдругъ заметался, закопошился и поднялъ такой страшный стукъ ведромъ съ угольями?

Директоръ продолжалъ: «Надѣюсь—и г-жа Моронваль-Дэкостеръ, присутствующая здѣсь, надѣется точно также—что юный король, вступивъ на тронъ своихъ предковъ, припомнитъ добрые совѣты, хорошіе примѣры, которые подавали ему парижскіе наставники, золотые годы, проведенные подлѣ нихъ, ихъ неусыпныя заботы, ихъ дружныя усилія...

Здѣсь Жакъ былъ весьма изумленъ, увидѣвъ, что негръ, все

Digitized by Google

еще возившійся около камина, повернулъ къ нимъ свою курчавую голову и качалъ ею, вращая своими большими бѣлыми глазами, съ мимикой энергическаго отрицанія. Не хотѣлъ ли онъ сказать этимъ, что его королевское высочество нисколько не намѣрено помнить гимназію Моронваль и не сохранитъ къ ней ни малѣйшей благодарности. Но что̀ же могъ онъ знать, этотъ рабъ?

Послѣ этой послѣдней тирады директора, дѣвица Констанъ объявила, что она готова заплатить, согласно существующему обыкновенію, за треть впередъ. Моронваль сдѣлалъ благородное движеніе, означавшее: о! еще время терпитъ... Напротивъ, оно совсѣмъ не терпѣло. Весь домъ кричалъ это, своей колченогой мебелью, своими облупленными стѣнами, своими ветхими, полинявшими коврами. И черный, потертый фракъ Моронваля, и лоснившееся, обвислое платье маленькой дамы съ большимъ подбородкомъ говорили, по своему, то же самое, что время не терпитъ.

Но всего болѣе доказывалось это тою поспѣшностью, съ какой супруги бросились въ сосѣднюю комнату, за великолѣпной книгой съ застежками, для того чтобы внести въ нее имя, возрастъ и день поступленія въ гимназію новаго воспитанника.

Между тѣмъ, какъ всѣ эти вопросы приводились въ ясность, маленькій негръ все еще сидѣлъ на корточкахъ передъ огнемъ, уже вовсе не требовавшимъ его присутствія. Каминъ сначала не хотѣлъ истреблять ни малѣйшей лучинки, какъ отощавшій желудокъ отказывается принимать пищу, но теперь съ жадностью пожиралъ дрова, всею силой своей воздушной тяги, раздувая красное, прихотливое, хрипящее пламя.

Негръ, стиснувъ руками голову и уставивъ глаза въ одну точку, своей черной фигурой, выдѣлявшейся на яркомъ, огненномъ фонѣ, походилъ на силуэтъ чертенка. Казалось, будто онъ всѣмъ своимъ рабскимъ существомъ вдыхаетъ въ себя теплоту и свѣтъ, распространявшіеся около него, между тѣмъ какъ на дворѣ, подъ низкимъ, желтоватымъ небомъ, летали и кружились снѣжинки.

Жаку было грустно: этотъ Моронваль, несмотря на свою сладкую мину, казался злымъ... И потомъ, ребенокъ, въ этомъ странномъ пансіонѣ, чувствовалъ себя совсѣмъ затеряннымъ, еще больше удаленнымъ отъ матери, какъ будто эти маленькіе мулаты и негры, собравшіеся со всѣхъ концовъ земли, принесли съ собой тоску одиночества, безпокойство, навѣянное огромными разстояніями, далекимъ путемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вспоминалъ вожирарское училище, гдѣ все дышало спокойствіемъ, кроткой

Digitized by Google

заботливостью... гдѣ было такъ тепло и уютно... Зачѣмъ онъ не остался тамъ? И ему пришло въ голову, что, можетъ быть, его не примутъ и здѣсь. Съ минуту онъ очень боялся этого.—Между тѣмъ, у стола, надъ толстой книгой супруги Моронваль и дѣвица Констанъ перешептывались, посматривая на него. Онъ ловилъ клочки фразъ, подмигиванья, относившіеся къ нему. Маленькая женщина съ длинной головой глядѣла на него съ участіемъ, и два раза Жакъ слышалъ восклицаніе: «Бѣдный ребенокъ!»—И она тоже? Почему это они всѣ жалѣли его? Онъ чуть не заплакалъ отъ стыда, приписывая, въ своей дѣтской душѣ, это сожалѣніе, смѣшанное съ пренебреженіемъ, какой нибудь особенности своего костюма, своимъ голымъ ногамъ или слишкомъ длиннымъ волосамъ. Но что̀ всего болѣе пугало его въ новомъ отказѣ, это—отчаяніе матери. Вдругъ онъ увидѣлъ, что дѣвица Констанъ вынимаетъ изъ своей сумки билеты и луидоры и раскладываетъ ихъ на старомъ залитомъ чернилами зеленомъ сукнѣ стола. Положительно, его принимали. Бѣдняжка искренно обрадовался, не подозрѣвая, что тутъ, на этомъ столѣ, подписывалось несчастіе его жизни, всей его горькой жизни. Въ эту минуту, въ пустынномъ саду, громовой басъ заревѣлъ изъ Роберта:

Вотъ развалины тѣ...
На нихъ печать проклятья...

Стекла пріемной еще дрожали, когда маленькій человѣчекъ, толстый и короткій, широкій и коренастый, обстриженный подъ гребенку, съ бородой вилами, съ черной бархатной шляпой, шумно растворилъ дверь.

— Каминъ затопленъ! воскликнулъ онъ въ комическомъ изумленіи.—Что̀ за роскошь? ба-а! не прибавилось ли маленькой знойной страны? ба-а!

Вошедшій заканчивалъ каждую свою фразу этими ба-а, для того, чтобы заявить и констатировать присутствіе извѣстной ноты, которой онъ, въ качествѣ пѣвца, очень гордился и о которой постоянно безпокоился; это глухое мычанье, казалось, выходило изъ самой земли, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проходилъ.

Увидѣвъ незнакомую даму, ребенка и груду денегъ, онъ остановился, какъ вкопанный, и рѣчь замерла на губахъ его.

Моронваль съ важностью обратился къ горничной:

— Г. Лабасендръ, изъ императорской академіи музыки... нашъ профессоръ пѣнія. Лабасендръ поклонился два раза, три раза, а потомъ, неизвѣстно для чего, далъ пинка маленькому негру, который, не сказавъ ни слова, исчезъ, унеся свое ведро съ угольями.

Дверь опять отворилась и впустила еще два новыхъ лица.

Digitized by Google

Одинъ былъ очень дуренъ, съ просѣдью, безъ бороды, съ худощавымъ лицемъ, въ большихъ выпуклыхъ очкахъ, въ старомъ застегнутомъ до верху сюртукѣ, борты котораго носили на себѣ слѣды близорукости его обладателя.

Это былъ докторъ Гиршъ, профессоръ математики и естественныхъ наукъ. Отъ него сильно несло щелочью, и, благодаря всякаго рода химическимъ манипуляціямъ, пальцы его были разноцвѣтные—желтые, зеленые, голубые, красные.

Послѣдній изъ вошедшихъ представлялъ рѣзкій контрастъ съ этимъ чудакомъ. Довольно красивый, тщательно одѣтый, въ свѣтлыхъ перчаткахъ, съ волосами, изысканно откинутыми назадъ, какъ бы для того, чтобы безконечный лобъ казался еще больше, онъ смотрѣлъ разсѣянно и презрительно. Его бѣлокурые усы, сильно напомаженные, его блѣдное и широкое лицо дѣлали его похожимъ на какого-то больнаго мушкетера.

Моронваль рекомендовалъ его, какъ «нашего великаго поэта Амори д'Аржантона, профессора литературы».

И онъ также, при видѣ золота, былъ озадаченъ, подобно доктору Гиршу и пѣвцу Лабасендру. Холодные глаза его сверкнули, но вскорѣ закрылись, послѣ взгляда, свысока брошеннаго на ребенка и его няньку. Потомъ онъ подошелъ къ другимъ профессорамъ, усѣвшимся около огня; обмѣнявшись привѣтствіями, всѣ трое смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова, съ веселыми и изумленными лицами.

Дѣвица Констанъ нашла, что у этого д'Аржантона очень гордый видъ. Жакъ почувствовалъ къ нему невыразимое отвращеніе, смѣшанное со страхомъ. Онъ словно подозрѣвалъ, что ему придется вытерпѣть отъ него еще больше, нежели отъ всѣхъ остальныхъ. Ребенокъ инстинктивно угадалъ въ немъ «врага», едва только онъ вошелъ, и этотъ жосткій взглядъ, встрѣтившись со взглядомъ Жака, оледенилъ его сердце. Когда разговоръ между четой Моронваль и дѣвицей Констанъ кончился, мулатъ подошелъ къ своему новому воспитаннику и, ласково потрепавъ его по щекѣ, сказалъ: «полно, полно, дружокъ, надо смотрѣть повеселѣй». Дѣло въ томъ, что, когда пришлось разстаться съ Констанъ, Жакъ не могъ удержаться отъ слезъ. Не то, чтобы онъ былъ слишкомъ привязанъ къ нянькѣ, но она принадлежала къ дому; она каждый день видѣла мать Жака; и, по уходѣ этой толстой особы, разлука казалась ему окончательной.

— Констанъ, Констанъ! лепеталъ онъ, цѣпляясь за ея юбку:— скажите, чтобы мамаша пріѣхала ко мнѣ.

— Она пріѣдетъ, пріѣдетъ, мсьё Жакъ; но не надо плакать...

Жаку очень хотѣлось плакать; но ему казалось, что всѣ эти

Digitized by Google

люди смотрятъ на него, что профессоръ литературы устремилъ на него холодный, насмѣшливый взглядъ, и этого было довольно, для того чтобы ребенокъ подавилъ свое отчаяніе.

На дворѣ такъ и валилъ снѣгъ. Моронваль предложилъ послать за экипажемъ: но фактотумъ объявилъ, что Августинъ съ каретой ждетъ на углу переулка. Это ошеломило всю компанію. Карета—чортъ возьми!

— Кстати объ Августинѣ, сказала горничная:—онъ далъ мнѣ порученіе... У васъ есть ученикъ—по имени Саидъ?

— Какже... есть... есть... премилый мальчикъ, отозвался Моронваль.

— И отличный басъ... вы его сейчасъ услышите, прибавилъ Лабасендръ, высунувшись въ окно, и громовымъ голосомъ кликнувъ Саида. Ему отвѣчало ужаснѣйшее мычаніе, за которымъ послѣдовало появленіе милаго мальчика.

Вошелъ высокій и смуглый школьникъ. Платье его было ему коротко и узко; и онъ, въ самомъ дѣлѣ, походилъ въ немъ на египтянина, одѣтаго по европейски. Но что̀ составляло его главную особенность, это—его желтая кожа, до такой степени натянутая, что, казалось, она сейчасъ лопнетъ. Кожи было ему, дѣйствительно, отпущено отъ природы черезъ чуръ экономно, такъ что глаза его сами собой закрывались, когда открывался ротъ, и наоборотъ. При видѣ этого несчастнаго юноши, съ короткой кожей, у васъ положительно являлось желаніе, сдѣлать ему надрѣзъ, проколъ, что нибудь такое, чтобъ облегчить его. Онъ, впрочемъ, очень хорошо помнилъ кучера Августина, служившаго у его родныхъ и дарившаго ему всѣ свои окурки сигаръ.

— Что̀ прикажете передать ему отъ васъ? самымъ любезнымъ тономъ спросила его Констанъ.

— Ничего, отвѣчалъ просто воспитанникъ Саидъ.

— А ваши родные... ка̀къ ихъ здоровье? Вы получаете отъ нихъ извѣстія?

— Нѣтъ.

— Не возвратились ли они, какъ намѣревались, въ Египетъ?..

— Не знаю. Никогда не пишутъ.

Этотъ обращикъ воспитанія Моронваль-Дэкостеръ не поражалъ, какъ видите, особеннымъ блескомъ своихъ отвѣтовъ; и Жакъ, слушая его, предавался страннымъ размышленіямъ. Отзывы этого юноши о своихъ родныхъ, въ соединеніи съ тѣмъ, что̀ говорилъ сейчасъ Моронваль о семейной жизни, которой бо̀льшая часть его учениковъ лишена была съ дѣтства и которую онъ старался возстановить для нихъ, произвели на Жака зловѣщее впечатлѣніе... ему казалось, что посреди этихъ сиротъ, этихъ

Digitized by Google

покинутыхъ дѣтей, и самъ онъ будетъ такъ же покинутъ, какъ если бы онъ пріѣхалъ изъ Тумбукту или Отаити.

— Скажите же, непремѣнно скажите, чтобъ она пріѣзжала, твердилъ онъ, машинально хватаясь за платье Констанъ; и, когда ея фалбалы исчезли за дверью, онъ понялъ, что все кончено, что цѣлая полоса его жизни—существованіе балованнаго ребенка — отходила въ область прошедшаго и что ему уже никогда не пережить снова этихъ счастливыхъ дней! Въ то время, какъ онъ молча плакалъ, стоя у садовой калитки, къ нему протянулась рука, державшая что-то черное. Это былъ Саидъ, который, желая утѣшить его, предлагалъ ему окурки сигаръ.—«Бери... не стѣсняйся; у меня ихъ полная сумка», говорилъ интересный молодой человѣкъ, закрывая глаза, для того чтобъ имѣть возможность разинуть ротъ. Жакъ улыбался сквозь слезы и дѣлалъ знакъ головой, что не надо, что онъ не хочетъ этихъ превосходныхъ сигарныхъ окурковъ, и воспитанникъ Саидъ, краснорѣчіе котораго было весьма ограничено, стоялъ передъ нимъ, не зная что еще сказать, когда вошелъ Моронваль. Онъ только-что проводилъ дѣвицу Констанъ до кареты и возвращался исполненный почтительнаго снисхожденія къ горю своего новаго ученика. У кучера Августина было такое великолѣпное одѣяніе, лошадь, которой онъ правилъ, казалась такой рѣзвой, вообще вся внѣшность экипажа маленькаго Баранси была такъ изящна, что это не могло не послужить ему въ пользу. Обыкновенно же, г. Моронваль, для успокоенія носталгіи своихъ «знойныхъ странъ», прибѣгалъ къ другой системѣ, менѣе кроткой и не Дэкостеровской...

— Это хорошо, сказалъ онъ египтянину, постарайся его разсѣять... Поиграйте вмѣстѣ въ пти-жё... но, прежде всего, ступайте въ залъ, тамъ теплѣе, нежели здѣсь. На нынѣшній день освобождаю васъ всѣхъ отъ ученья—ради поступленія новичка...

Бѣдный новичекъ! Въ большой стеклянной ротондѣ, гдѣ около десятка метисовъ играли съ крикомъ и завываньемъ въ городки, его тотчасъ же окружили и засыпали вопросами на непонятныхъ нарѣчіяхъ. Жакъ, съ своими бѣлокурыми локонами, голыми ногами и пледомъ, застѣнчивый и неподвижный, посреди необузданной жестикуляціи этихъ «маленькихъ знойныхъ странъ», живыхъ и тощихъ, походилъ на элегантнаго парижанина, попавшаго въ большую клѣтку обезьянъ зоологическаго сада. Эта мысль, пришедшая въ голову Моронвалю, очень его развеселила; но его безмолвный, внутренній смѣхъ былъ прерванъ шумомъ весьма жаркаго спора. Между Лабасендровскими ба-а! и маленькимъ, торжественнымъ голоскомъ госпожи Моронваль—происхо-

Digitized by Google

дилъ ожесточенный турниръ. Онъ въ ту же минуту смекнулъ, въ чемъ дѣло, и поспѣшилъ на помощь женѣ, героически отстаивавшей третное жалованье, требуемое профессорами, которымъ порядочно задолжали.

Эваристъ Моронваль, адвокатъ и литераторъ, былъ привезенъ изъ Point-à-Pitr'a въ Парижъ, въ 1848 г., въ качествѣ секретаря одного депутата отъ Гваделупы. Ему было тогда 25 лѣтъ; исполненный честолюбія и не лишенный ни образованія, ни способностей, но безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ принялъ это зависимое положеніе только для того, чтобы попасть въ этотъ страшный Парижъ, пламя котораго такъ далеко распространяется въ мірѣ, что на него летятъ даже мотыльки изъ колоній.

Не успѣлъ онъ высадиться на берегъ, какъ бросилъ своего депутата, завязалъ нѣкоторыя знакомства и бросился въ политику, говорящую и жестикулирующую, въ надеждѣ завоевать и здѣсь тотъ успѣхъ, которымъ онъ пользовался за-моремъ; но онъ упустилъ изъ виду парижскую «смѣшливость» и проклятый акцентъ креола, отъ котораго онъ, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ никогда отдѣлаться. Въ первый же разъ, какъ онъ выступилъ передъ публикой въ какомъ-то литературномъ процессѣ, его горячая выходка противъ «этихъ жалкихъ *хоникёовъ, позоящихъ* достоинство *литеатуры*» встрѣчена была взрывомъ такого колоссальнаго хохота, который тотчасъ же убѣдилъ несчастнаго «*Эваиста Моонваля*», что онъ едвали когда-нибудь составитъ себѣ имя въ адвокатурѣ. Послѣ этой неудачи, онъ рѣшился только писать; но вскорѣ увидѣлъ, что въ Парижѣ не такъ легко добиться извѣстности, какъ въ Point-à-Pitr'ѣ. Самолюбивый, избалованный мѣстнымъ успѣхомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне заносчивый, онъ переходилъ изъ одной редакціи въ другую, но нигдѣ не могъ ужиться.

Тогда началось для него то страшное существованіе, которое или сразу разобьетъ васъ, или навсегда окаменитъ ваше сердце. Онъ сдѣлался однимъ изъ этихъ десяти тысячъ бѣдняковъ, которые каждое утро просыпаются въ Парижѣ съ головой, кружащейся отъ голода и честолюбивыхъ мечтаній, поглощаютъ на улицѣ маленькими кусочками копеечный хлѣбецъ, спрятанный у нихъ въ карманѣ, замазываютъ швы своего сюртука чернилами, бѣлятъ бильярднымъ мѣломъ воротнички своей рубашки и грѣются только около церковныхъ печей или въ библіотекахъ. Онъ узналъ всѣ униженія, всѣ бѣдствія нищеты... Ему отказывали въ ключѣ, когда онъ возвращался въ свои «меблированныя комнаты» позже одиннадцати часовъ, не давали въ долгъ

Digitized by Google

обѣда въ грязной харчевнѣ; у него не хватало на ночь свѣчи для занятій; онъ промачивалъ себѣ ноги, бродя по улицамъ въ худыхъ башмакахъ...

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ учителей, учащихъ неизвѣстно чему и безполезно утаптывающихъ парижскую мостовую; писалъ гуманитарныя брошюры, статьи для энциклопедіи, по полусантиму за строчку, составлялъ исторіи среднихъ вѣковъ въ двухъ томахъ, по 25 франковъ за томъ, извлеченія, руководства; списывалъ театральныя пьесы. Получивъ мѣсто репетитора англійскаго языка въ одномъ учебномъ заведеніи, онъ былъ уволенъ оттуда за то, что, по старой креольской привычкѣ, сталъ бить учениковъ. Потомъ онъ пытался опредѣлиться писцомъ въ Моргу, но и это не удалось ему—по неимѣнію протекціи и также вслѣдствіе прикосновенности къ какому-то политическому дѣлу. Наконецъ, послѣ трехъ лѣтъ этой каторжной жизни, истребивъ несмѣтное количество редисокъ и сырыхъ артишоковъ, потерявъ всѣ свои иллюзіи и въ конецъ разстроивъ желудокъ, онъ случайно нашелъ себѣ урокъ англійскаго языка въ пансіонѣ для дѣвицъ, который содержали три сестры Дэкостеръ. Двумъ старшимъ перевалило за сорокъ; младшей шелъ тридцатый годъ. Маленькой, сантиментальной, исполненной претензій изобрѣтательницѣ методы Дэкостеръ угрожало, такъ же, какъ ея сестрамъ, пожизненное дѣвство, когда Моронваль сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе.

Послѣ свадьбы, они продолжали нѣкоторое время жить въ пансіонѣ, гдѣ оба были полезны, давая уроки; но Моронваль сохранилъ отъ своей прежней жизни фланёрскія, трактирныя привычки; и цѣлая толпа богемы вторгалась за нимъ въ это мирное и честное учебное заведеніе: кромѣ того, мулатъ такъ повелъ дѣло со своими ученицами, какъ-будто эксплуатировалъ плантацію сахарнаго тростника. Хотя старыя дѣвицы Дэкостеръ обожали свою сестру, но были, однакожь, вынуждены разстаться съ ней и удалили чету, выдѣливъ ей тридцать тысячъ франковъ.

Куда дѣвать эти деньги? Моронваль сначала хотѣлъ-было издавать журналъ; но боязнь лишиться своего капитала взяла верхъ надъ желаніемъ видѣть свое имя въ печати. Прежде всего, ему нужно было вѣрное средство обогатиться; и, отыскивая его, онъ набрелъ въ одно прекрасное утро на геніальную идею. Онъ зналъ, что изъ самыхъ отдаленныхъ странъ присылаютъ дѣтей воспитываться въ Парижъ. Ихъ привозятъ изъ Персіи, Японіи, Индостана, Гвинеи; капитаны кораблей или комерсанты, избранные ихъ родителями въ корреспонденты. Весь этотъ маленькій народъ былъ вообще изрядно снабженъ деньгами и

Digitized by Google

очень неопытенъ относительно способа ихъ употребленія, а потому Моронваль смекнулъ, что тутъ золотая руда, которую легко эксплуатировать. Притомъ же, метода г-жи Моронваль-Дэкостеръ могла быть отлично примѣнена къ исправленію всякаго рода недостатковъ выговора. Мулатъ, сохранившій еще кое-какія отношенія съ колоніальными газетами, помѣстилъ въ нихъ удивительную рекламу на нѣсколькихъ языкахъ, перепечатанную потомъ въ марсельскихъ и гаврскихъ листкахъ, между объявленіями о разныхъ товарахъ и названіями отплывающихъ кораблей.

Въ первый же годъ, племянникъ имама Зензибарскаго и два великолѣпнѣйшихъ чернокожихъ съ береговъ Гвинеи явились въ Батиньолль, въ маленькую квартиру Моронваля, которая теперь уже становилась тѣсна, ввиду его новыхъ занятій. Тогда-то начались поиски болѣе просторнаго помѣщенія; и Моронваль для того, чтобы согласить требованія своего новаго положенія съ экономіей, нанялъ въ этомъ ужасномъ переулкѣ «Двѣнадцати Домовъ», отдѣлявшемся отъ улицы Монтэня такой изящной рѣшеткой, полуразрушенное зданіе конской фотографіи, только-что обанкротившейся, вслѣдствіе постояннаго сопротивленія лошадей, не желавшихъ въѣзжать въ эту клоаку.

Новый пансіонъ можно было упрекнуть въ излишнемъ обиліи стеколъ; но это неудобство было временное; фотографы возбудили въ Моронвалѣ надежду на близкое отчужденіе этой собственности увѣривъ его, что тутъ долженъ пройдти новый бульваръ и что проектъ уже почти утвержденъ. Слѣдовательно, оставалось только заключить контрактъ на самый продолжительный срокъ, прибить вывѣску съ золотыми буквами и ждать. Сколько парижанъ, за послѣднія двадцать лѣтъ, раззорились, растратили свои способности, свою жизнь въ этой лихорадкѣ ожиданія! Она совсѣмъ овладѣла Моронвалемъ; и съ тѣхъ поръ, онъ всего менѣе заботился о воспитаніи и благоденствіи своихъ учениковъ. Когда въ домѣ требовались поправки, онъ говорилъ: «не стòитъ... все это скоро должно измѣниться» или «мы проживемъ тутъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ». И у него являлись фантастическіе проекты, основанные на громадной суммѣ отчужденія. Онъ будетъ продолжать начатое дѣло въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; создастъ изъ этого нѣчто грандіозное, цивилизующее, плодотворное. А покамѣсть, онъ совсѣмъ запустилъ свою гимназію; рыскалъ безъ всякой нужды по городу и, возвращаясь домой, каждый разъ спрашивалъ: «ну что? никто не являлся... на счетъ отчужденія?» Отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же: никто.—«Чего же они еще медлятъ?» Но вскорѣ онъ понялъ, что

Digitized by Google

его одурачили. И эту слабую, лѣнивую, креольскую натуру малодушное уныніе довело быстро до подлости. За учениками даже перестали смотрѣть. Все, что требовалось отъ нихъ, это — чтобъ они раньше ложились спать, чтобъ ненужно было тратиться для нихъ на дрова и освѣщеніе. День ихъ былъ раздѣленъ между классными занятіями, весьма неопредѣленными, неаккуратными, зависѣвшими отъ каприза директора, и порученіями, которыя онъ давалъ имъ, безпрестанно гоняя ихъ по своимъ дѣламъ. Сначала большіе слушали лицейскій курсъ; но потомъ этотъ расходъ сократился, хотя въ трехмѣсячныхъ бюллетеняхъ продолжалъ значиться.

Развѣ частные профессора не могли съ выгодой замѣнить университетскую рутину? И Моронваль пригласилъ къ себѣ своихъ старыхъ знакомыхъ по бесѣдамъ въ кафѐ: медика безъ диплома, поэта безъ издателя, пѣвца безъ ангажемента, неудачниковъ, озлобленныхъ, какъ и онъ, противъ общества, не признавшаго ихъ талантовъ.

Замѣчательно, кàкъ въ Парижѣ эти люди ищутъ другъ друга, кàкъ ихъ влечетъ другъ къ другу, кàкъ они группируются, кàкъ поддерживаютъ одинъ въ другомъ праздное и безплодное тщеславіе, всякія требованія и жалобы. Исполненные, въ сущности, презрѣнія другъ къ другу, они создаютъ себѣ мірокъ взаимнаго восхваленія и кажденія, внѣ котораго для нихъ нѣтъ ничего, кромѣ пустоты.

Можно представить себѣ, что такое были уроки у подобныхъ профессоровъ—уроки, едва оплаченные и бóльшая часть которыхъ проходила въ спорахъ за кружкой пива, посреди табачнаго дыма, достигавшаго вскорѣ такой густоты, что становилось невозможнымъ ничего видѣть. Спорили громко, доводя до абсурда немногія тощенькія идейки, имѣвшіяся въ запасѣ у каждаго, и въ этихъ спорахъ искусство, наука, литература являлись обезображенными, изкромсанными, издерганными, разорванными въ клочки, какъ дорогая матерія, облитая какой-нибудь кислотой. А что же творилось, посреди всего этого, съ маленькими «знойными странами?»

Одна только г-жа Моронваль, сохранившая хорошія традиціи пансіона Дэкостеръ, относилась къ своей роли серьёзно. Но чинка, кухня, наблюденіе за этимъ огромнымъ полуразрушеннымъ помѣщеніемъ отнимали у нея бóльшую часть времени. Слѣдовало позаботиться, чтобы, по крайней мѣрѣ, мундиры учениковъ для выхода со двора были въ порядкѣ. Ученики очень гордились своими туниками, которыя всѣ, безъ различія, блистали нашивками изъ галуна, покрывавшими рукава вплоть до

Digitized by Google

локтя. Въ гимназіи Моронваля, какъ въ нѣкоторыхъ южно-американскихъ арміяхъ, были только одни сержанты. Это было очень скудное вознагражденіе за тоску изгнанія и за дурное обращеніе директора... Да! мулатъ не любилъ шутить. Въ первые дни каждой трети, когда касса его наполнялась, его еще видѣли улыбающимся; но въ остальное время онъ мстилъ этимъ чернокожимъ за то, что въ его жилахъ текла негритянская кровь. И его жестокость довершила то, что̀ начато было его лѣностью. Нѣкоторые корреспонденты, консула̀, судохозяева были возмущены усовершенствованной системой воспитанія въ гимназіи Моронваль, и, по совѣту ихъ, многихъ дѣтей взяли оттуда; такъ, что изъ пятнадцати маленькихъ «знойныхъ странъ» осталось тамъ только восемь. «Число учениковъ ограниченное», гласила программа. Одно это и было еще въ ней справедливо.

Мрачное уныніе царствовало въ большомъ запущенномъ зданіи. Гимназіи угрожала даже опись имущества, когда дѣвица Констанъ привела туда маленькаго Жака. Конечно, эти деньги, внесенныя за треть впередъ, не составляли еще богатства, но Моронваль понялъ всю выгоду, какую можно извлечь изъ положенія этого новаго ученика и изъ этой странной матери, которую онъ ужь угадывалъ, не зная ея.

И потому въ этотъ день ученики отдохнули отъ строгостей мулата. Въ честь новичка данъ былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ профессора; и маленькія знойныя страны получили по глоткѣ вина, чего съ ними давно уже не случалось.

III.

Величіе и паденіе маленькаго короля Маду-Гезо.

Если гимназія Моронваль существуетъ еще, то обращаю вниманіе санитарной комиссіи на дортуаръ этого почтеннаго заведенія, какъ на самое нездоровое, сырое, отвратительное мѣсто, гдѣ когда-либо спали дѣти. Представьте себѣ длинное, одноэтажное зданіе, безъ оконъ, освѣщенное только сверху стеклянным потолкомъ и пропитанное запахомъ коллодіума и эѳира, потому что оно служило когда-то фотографической лабораторіей. Оно было расположено въ глубинѣ одного изъ этихъ парижскихъ садовъ, гдѣ возвышаются огромныя, мрачныя стѣны, покрытыя плющемъ, тѣнь отъ котораго всюду распространяетъ плѣсень. Дортуаръ примыкалъ къ конюшнямъ одного великолѣпнаго отеля, въ которыхъ во всякій часъ слышались удары лошадиныхъ ко-

Digitized by Google

пытъ и шумъ насоса, не перестававшаго дѣйствовать. Сырость въ этомъ дортуарѣ царствовала круглый годъ и зимой и лѣтомъ, съ тою только разницей, что, смотря по сезону, порождала или сильный холодъ, или сильную духоту. Лѣтомъ этотъ ящикъ безъ воздуха, раскаленный, вслѣдствіе своего стекляннаго потолка, испаряя къ ночи весь свой дневной жаръ, наполнялся, подобно банѣ, клубами пара, выходившаго изъ всѣхъ его потрескавшихся камней. Кромѣ того, разныя насѣкомыя, которыхъ распложало сосѣдство плюща, проникали черезъ малѣйшія щели, летали или ползали съ шуршаьемъ по потолку и потомъ тяжело падали на кровати, привлеченные бѣлизной простынь. Зимняя сырость оказывалась еще лучше. Холодъ падалъ съ неба, проходилъ сквозь ветхія рамы, сквозь тонкій и разщелявшійся полъ; забившись подъ одѣяло и скорчившись такъ, чтобы колѣна подошли къ подбородку, согрѣться часа въ два-въ три все-таки было можно.

Отеческій глазъ Моронваля понялъ сейчасъ, какое можно дать назначеніе этому безполезному сараю, одиноко стоявшему между кучами сора и почернѣвшему отъ ливней и парижскаго дыму.

— Здѣсь дортуаръ! сказалъ, не колеблясь, мулатъ.

— Не будетъ ли сыровато?.. тихонько осмѣлилась возразить г-жа Моронваль.

Онъ усмѣхнулся. «Ничего, наши маленькія знойныя страны освѣжатся немножко...»

Мѣста хватало, въ сущности, на десять кроватей, но помѣстили двадцать. Въ глубинѣ поставили умывальникъ; въ дверяхъ постлали какой-то несчастный коврикъ, и «дотуа», какъ говорилъ Моронваль, былъ готовъ. И, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же это былъ не дортуаръ? Вѣдь, дортуаръ — мѣсто, гдѣ спятъ, а дѣти спали себѣ, несмотря ни на жаръ, ни на холодъ, несмотря на недостатокъ воздуха, на насѣкомыхъ, на насосъ, на лошадиный топотъ. Они получали ревматизмы, бронхиты, офтальміи, но все-таки спали, сжавъ кулаки, спокойные, улыбающіеся, вздыхающіе—спали тѣмъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ, который слѣдуетъ всегда за играми, за движеніемъ, за беззаботными днями... Святое дѣтство!

Первую ночь Жакъ не могъ сомкнуть глазъ. Онъ никогда не ночевалъ въ чужомъ домѣ, да и переходъ отъ его маленькой комнатки, освѣщенной ночникомъ, наполненной его любимыми игрушками, къ этому мрачному и странному мѣсту, гдѣ онъ находился, былъ слишкомъ рѣзокъ.

Какъ только всѣ улеглись, маленькій черный слуга, унесъ лампу, и съ этой минуты Жакъ не засыпалъ. При блѣдномъ свѣтѣ, падавшемъ съ потолка, занесеннаго снѣгомъ, онъ смотрѣлъ на

Digitized by Google

рядъ этихъ желѣзныхъ кроватей, выравненыхъ во всю длину залы, по бо̀льшей части незанятыхъ, плоскихъ, съ одѣялами, скатанными въ головахъ. Только на семи или восьми слышалось дыханье, храпъ или кашель подъ одѣяломъ. Новичку отвели лучшее мѣсто, подальше отъ входной двери и отъ конюшни. Но ему, все-таки, было не тепло, и холодъ, въ соединеніи съ неожиданностью этой жизни, въ которую онъ вступалъ, не давали ему закрыть глазъ. Онъ припоминалъ всѣ подробности прожитаго дня: ребенку представлялся бѣлый галстухъ Моронваля, походившій на большаго кузнечика; силуэтъ съ локтями, прижатыми къ туловищу и выпятившимися за спиной, подобно лапкамъ; огромные выпуклые очки доктора Гирша и его запятнанное пальто; но въ особенности высокомѣрный, ледяной, ироническій и голубой взглядъ «врага». При этомъ послѣднемъ воспоминаніи, ужасъ его былъ такъ великъ, что онъ тотчасъ же невольно началъ думать о своей матери, какъ о защитникѣ. Что̀-то она подѣлываетъ теперь? Пробило гдѣ-то вдали одиннадцать часовъ. Она, вѣроятно, на балѣ или въ театрѣ и скоро вернется, вся закутанная въ мѣхъ и въ кружева своего капюшона.

Когда она возвращалась такимъ образомъ—какъ бы ни было поздно—она отворяла дверь Жака и подходила къ его кровати. «Ты спишь, Жакъ?» Даже во снѣ онъ чувствовалъ ее подлѣ себя, улыбался ей, подставлялъ для поцѣлуя свой лобъ и полузакрытыми глазами смотрѣлъ на великолѣпіе ея наряда. И у него оставалось видѣніе свѣтлое, благоуханное, какъ будто фея спускалась къ нему въ радужномъ облакѣ.. А теперь?..

Но между этими огорченіями истекшаго дня проскользнуло и нѣсколько радостей удовлетвореннаго самолюбія: галуны, кепи и чувство удовольствія при мысли, что его длинныя ноги наконецъ будутъ спрятаны подъ синимъ мундиромъ съ красной обшивкой. Костюмъ былъ немножко длиненъ, но его хотѣли убавить. Г-жа Моронваль даже обозначила булавками тѣ мѣста, гдѣ нужно было подшить. Потомъ онъ познакомился съ новыми товарищами, странными, но, несмотря на дикость своихъ манеръ, очень добрыми ребятами. Они играли въ саду, на свѣжемъ воздухѣ, въ снѣжкѝ, и это было совершенно новой забавой, исполненной прелести для ребенка, воспитаннаго въ тепломъ будуарѣ хорошенькой женщины.

Одно только интриговало Жака: ему хотѣлось увидѣть его королевское высочество. Гдѣ былъ этотъ маленькій король дагомейскій, о которомъ такъ краснорѣчиво говорилъ г. Моронваль? Въ отпуску? Въ больницѣ? Ахъ! еслибъ онъ могъ познакомиться, подружиться съ нимъ. Онъ узналъ имена восьми «маленькихъ

Digitized by Google

знойныхъ странъ», но ни малѣйшаго принца не оказалось между ними. Наконецъ, онъ рѣшился спросить длиннаго Саида: «Развѣ его королевское высочество не въ пансіонѣ?

Молодой человѣкъ съ короткой кожей посмотрѣлъ на него удивленными глазами, раскрывшимися такъ широко, что у Саида осталось немножко кожи для того, чтобы закрыть на минуту ротъ; онъ тотчасъ же этимъ воспользовался, и на вопросъ Жака, такимъ образомъ, не послѣдовало отвѣта.

Жакъ продолжалъ думать объ этомъ, ворочаясь на своей кровати и слушая долетавшіе до него изъ дому звуки органа, сопровождаемые густымъ басомъ Лабасендра. Все это пріятно смѣшивалось съ шумомъ насоса, не переставшаго еще дѣйствовать, и съ ударомъ копытъ, которыми сосѣднія лошади потрясали стѣну конюшни. Наконецъ водворилось спокойствіе. Въ дортуарѣ также, какъ и въ конюшнѣ, спали; гости Моронваля, затворивъ за собой рѣшотку пассажа, удалились, и шумъ ихъ шаговъ смѣшался съ отдаленнымъ уличнымъ гуломъ, когда дверь въ дортуаръ, занесенная съ наружной стороны снѣгомъ, вдругъ отворилась. Маленькій черный слуга вошелъ съ фонаремъ въ рукѣ. Онъ отряхнулъ съ себя снѣгъ, отъ котораго казался еще чернѣе, и направился въ другой конецъ дортуара, согнувшись, дрожа отъ холода, съ головой, ушедшей въ плечи. Жакъ смотрѣлъ на этотъ комическій силуэтъ, тѣнь котораго, удлинняясь на стѣнѣ, рельефно выставляла на видъ всѣ недостатки обезьянообразной головы негра, выдавшіяся впередъ губы, огромныя, отставшія уши, круглый черепъ съ курчавыми, шерстистыми волосами.

Онъ повѣсилъ фонарь въ глубинѣ дортуара, который, при этомъ освѣщеніи, сталъ похожъ на пространство между деками корабля. Потомъ остановился, приблизивъ свои большія, окоченѣвшія отъ холоду руки и свое землистое лицо къ теплу, къ свѣту съ такимъ добрымъ, дѣтскимъ, довѣрчивымъ выраженіемъ, что Жакъ тотчасъ же полюбилъ его. Грѣясь, маленькій негръ, отъ времени до времени взглядывалъ на стеклянный потолокъ: «*Снигу*-то, *снигу*-то сколько! говорилъ онъ дрожа.

Это слово: снигъ, вмѣсто снѣгъ, этотъ мягкій голосъ, которымъ негръ съ неувѣренностью говорилъ на языкѣ ему чуждомъ, тронули Жака, и онъ устремилъ на него исполненный живаго сочувствія и любопытства взглядъ. Тотъ замѣтилъ это, и шопотомъ сказалъ: бà! новичекъ. Зачѣмъ ты не спишь, «мусье».

— Не могу, отвѣчалъ Жакъ, вздохнувъ.

— Это хорошо—вздыхать, когда есть горе, произнесъ маленькій негръ и потомъ прибавилъ поучительнымъ тономъ:—еслибы нѣтъ не вздыхалъ, бѣдный свѣтъ навѣрно бы задохнулся.

Digitized by Google

Говоря это, онъ постилалъ одѣяло на кровати, стоявшей рядомъ съ кроватью Жака.

— Какъ? Вы хотите тутъ лечь? спросилъ Жакъ, удивленный тѣмъ, что слуга помѣщается въ дортуарѣ вмѣстѣ съ учениками.—Но вѣдь тутъ нѣтъ простыни?

— Простыни, это—не для Маду... у Маду слишкомъ черна кожа.

Негръ произнесъ это съ тихой усмѣшкой. Онъ уже готовился юркнуть въ свою постель, полуодѣтый, для того чтобы было не такъ холодно, какъ вдругъ остановился и, взявъ висѣвшую у него на груди какую-то дощечку изъ слоновой кости съ рѣзьбой, сталъ цѣловать ее съ жаромъ.

— Ахъ! какой странный медальонъ, сказалъ Жакъ.

— Это—не медальонъ, возразилъ негръ.—Это—мой гри-гри.

Жакъ не зналъ, что̀ такое «гри-гри», и тотъ объяснилъ ему, что это—амулетка, нѣчто въ родѣ талисмана, приносящаго счастье. Онъ получилъ этотъ подарокъ, уѣзжая на чужбину, отъ своей тётки Керики, воспитавшей его и съ которой онъ надѣялся скоро опять увидѣться.

— Какъ я съ мамашей, сказалъ маленькій Бараиси.

Съ минуту они оба молчали; каждый думалъ о своей Керикѣ.

— Хороша ваша земля? спросилъ, наконецъ, Жакъ.—Далеко она? Ка̀къ она называется?

— Дагомей, отвѣчалъ негръ.

Жакъ приподнялся на своей постелѣ.

— Неужели? Такъ вы его знаете? Вы, можетъ быть, пріѣхали съ нимъ во Францію?

— Съ кѣмъ?

— Съ его королевскимъ высочествомъ... съ маленькимъ королемъ Дагомейскимъ?

— Это—я, просто отвѣтилъ негръ.

Жакъ остолбенѣлъ. Король! Этотъ лакей, бѣгающій весь день въ своихъ красныхъ шерстяныхъ лохмотьяхъ, то съ метлой, то съ ведромъ въ рукахъ, служащій за столомъ, выполаскивающій стаканы!

И, однакожь, маленькій негръ говорилъ серьёзно. Глубокая печаль выражалась на лицѣ его, и неподвижные глаза его, казалось, смотрѣли куда-то вдаль... видѣли прошлое... потерянную отчизну.

Отсутствіе ли краснаго жилета, или магическая сила этого слова «король» были тому причиной, но только этотъ негръ, сидѣвшій на краю своей кровати, съ растегнутой рубашкой, съ обнаженной шеей и костяной амулеткой на черной груди, получилъ въ глазахъ маленькаго Жака какое-то обаяніе...

— Ка̀къ же это могло случаться? робко спросилъ онъ, резюмируя въ этомъ вопросѣ всѣ недоумѣнія своего

Digitized by Google

— Случилось, сказалъ негръ.

Вдругъ онъ вскочилъ, чтобъ задуть фонарь.

— Мусье Моронваль недоволенъ, когда Маду оставляетъ огонь.

Потомъ онъ подвинулъ кровать свою къ кровати Жака.

— Тебѣ не хочется спать... сказалъ онъ.—А мнѣ никогда не хочется—когда я говорю про Дагомей. Слушай.

Его звали Маду, по имени его отца, знаменитаго воина Ракъ-Маду-Гезо, одного изъ могущественнѣйшихъ монарховъ, въ странѣ золота и слоновой кости, которому Франція, Голландія и Англія присылали подарки изъ-за моря. У отца его были большія пушки, тысячи солдатъ, вооруженныхъ ружьями и стрѣлами, стада слоновъ, обученныхъ для войны, музыканты, попы, танцовщицы, четыре полка амазонокъ и двѣсти женщинъ для него одного. Дворецъ его былъ огромный, украшенный копьями, раковинами и отрубленными головами, которыя выставлялись на фасадѣ послѣ битвы или жертвоприношенія. Маду воспитывался въ этомъ дворцѣ, куда солнце проникало со всѣхъ сторонъ, согрѣвая каменныя плиты половъ и разостланные ковры. Его тётка Керика, главная начальница амазонокъ, пеклась о немъ и брала его съ собой въ походы. Какъ хороша была Керика! Высокая, полная, какъ мужчина, въ голубой туникѣ, въ кольцахъ, ожерельяхъ, браслетахъ, стеклярусѣ, на голыхъ рукахъ и ногахъ; съ колчаномъ стрѣлъ за спиной, съ лошадиными хвостами, развѣвавшимися за поясомъ и на головѣ; съ двумя маленькими рожками антилопы въ волосахъ, соединявшимися между собою на подобіе нарождающагося мѣсяца, какъ будто у этихъ черныхъ воиновъ сохранялось преданіе о богинѣ Діанѣ. Какая вѣрность глаза и руки, когда нужно было вырвать изъ рукъ врага костяное оружіе или снести однимъ ударомъ голову Ашантію. Но если у Керики были минуты жестокости, то къ своему маленькому Маду она всегда была ласкова и добра, дарила ему коралловыя ожерелья, шелковыя, вышитыя золотомъ одѣянія и много раковинъ, которыя въ тѣхъ странахъ замѣняютъ монету. Она даже подарила ему маленькій карабинъ изъ позолоченой бронзы, присланный ей англійской королевой и который былъ для нея слишкомъ легокъ. Маду употреблялъ его, когда отправлялся съ ней на охоту въ безконечные лѣса, гдѣ огромныя деревья переплетались съ ліанами. Эти деревья были такъ густы, листья ихъ такъ широки, что солнце никогда не проникало сквозь эти зеленые своды; и каждый звукъ отдавался тамъ, какъ въ храмѣ. Но все-таки тамъ было свѣтло, и огромные цвѣты, созрѣвшіе плоды, разноцвѣтныя птицы, перья которыхъ висѣли съ вы-
ей до самой зелени, блистали всѣми отливами дра-
амней. Жужжанье, шумъ крыльевъ, шелестъ въ ліа-

Digitized by Google

нахъ, слышались со всѣхъ сторонъ. Безвредныя змѣи покачивали своими плоскими головами, вооруженными жаломъ; черныя обезьяны перепрыгивали однимъ скачкомъ пространства между вершинами; большіе, таинственные пруды, никогда не отражавшіе въ себѣ неба, лежали какъ зеркала въ безконечномъ лѣсу и, казалось, продолжали его подъ землей...

На этомъ мѣстѣ разсказа Жакъ не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Ахъ! какъ тамъ должно быть хорошо...

— Хорошо... чудесно... сказалъ негръ, можетъ быть, нѣсколько преувеличивавшій и видѣвшій свою родину, сквозь призму отсутствія, дѣтскихъ воспоминаній и энтузіазма восточныхъ нароловъ.

И, ободренный вниманіемъ товарища, онъ продолжалъ свою исторію...

Эта жизнь на чистомъ воздухѣ, исполненная приключеній, рано укрѣпила маленькаго короля и сдѣлала его способнымъ ко всякаго рода воинскимъ упражненіямъ; онъ умѣлъ владѣть саблей и топоромъ въ томъ возрастѣ, когда другія дѣти еще цѣпляются за платье матери. Король Ракъ-Маду-Гезо гордился своимъ сыномъ, наслѣдникомъ трона; но, какъ видно, даже и для негритянскаго принца не довольно владѣть оружіемъ и метко пускать пулю въ глазъ слону, надо еще читать книги бѣлыхъ и разбирать письма ихъ для того, чтобы вести съ ними торговлю золотымъ пескомъ. Мудрый Ракъ-Маду-Гезо, говорилъ своему сыну: «у бѣлаго всегда въ карманѣ бумага, чтобъ надуть негра».

Конечно, и въ Дагомеѣ можно бы было найдти для молодого принца наставника изъ ученыхъ европейцевъ, потому что французскій и англійскій флаги развѣвались на морскомъ берегу, надъ факторіей, такъ же, какъ и на мачтахъ кораблей, стоявшихъ въ гавани; но король былъ въ дѣтствѣ отправленъ отцомъ своимъ далеко, на край свѣта, въ городъ, называющійся Марселемъ, для того чтобы тамъ набраться всякой учености, и хотѣлъ дать сыну такое же воспитаніе, какое получилъ самъ.

Горько было маленькому королю покидать Керику, покидать свой карабинъ и свою саблю и уѣзжать съ «мусье Бонфисомъ», бѣлымъ изъ факторіи, ежегодно отвозившимъ въ вѣрное мѣсто золотой песокъ, накраденный у бѣдныхъ черныхъ; но Маду покорился, однакожь. Онъ хотѣлъ быть современемъ королемъ, повелѣвать амазонками своего отца, обладать его хлѣбными и маисовыми полями, его дворцами, наполненными золотомъ, слоновой костью, коралломъ; для того, чтобы имѣть всѣ эти богатства, надо было ихъ заслужить, сдѣлаться способнымъ защищать

Digitized by Google

ихъ. По случаю отъѣзда его, назначены были народныя празднества, жертвоприношенія фетишамъ и морскимъ божествамъ.

Всѣ храмы были открыты для этого торжества; весь народъ молился; и, въ послѣднюю минуту, когда корабль былъ готовъ къ отплытію, палачъ привелъ на берегъ пятнадцать плѣнныхъ Ашантіевъ, отрубленныя головы которыхъ, истекая кровью, упали со звономъ, въ большой тазъ изъ красной мѣди.

— Боже мой! воскликнулъ въ испугѣ Жакъ, забиваясь подъ свое одѣяло.

Въ самомъ дѣлѣ, слышать подобныя исторіи отъ того, кто самъ былъ ихъ героемъ, не совсѣмъ успокоительно. Онѣ могли навести ужасъ на самыхъ храбрыхъ. Для того, чтобы пріободриться, надо было поскорѣй вспомнить, что находишься въ гимназіи Моронваль, среди Елисейскихъ Полей, а не въ этомъ страшномъ Дагомеѣ.

Замѣтивъ волненіе своего слушателя, Маду не распространялся болѣе о публичныхъ увеселеніяхъ, предшествовавшихъ его отъѣзду, и прямо перешелъ къ своему пребыванію въ марсельскомъ лицеѣ.

О! этотъ лицей, съ своими мрачными стѣнами, скучными классами, заплеснѣвшими скамейками, гдѣ имена учениковъ, вырѣзанныя перочинными ножичками, свидѣтельствовали о развлеченіяхъ учениковъ. Маду хорошо помнилъ его; помнилъ важныхъ профессоровъ въ черной одеждѣ, торжественность которой еще увеличивалась широкими рукавами и токомъ; голосъ старшаго, кричавшаго: молчать! наклоненныя головы, скрыпъ перьевъ; уроки, монотонно повторявшіеся по двадцати-пяти разъ, огромную столовую, дортуары, казарменный дворъ, такъ скудно и такъ ненадолго освѣщаемый солнцемъ—здѣсь утромъ, тамъ вечеромъ—что, для того чтобы чувствовать его, вбирать въ себя его тепло, нужно было прислоняться къ высокимъ, чернымъ стѣнамъ, поглощавшимъ его всецѣло. Ничто не занимало, не интересовало Маду; одно только заставляло биться маленькое сердце короля-воина: это—барабанъ, возвѣщавшій, что пора идти въ классы или обѣдать, ложиться спать или просыпаться. Вскорѣ онъ даже лишенъ былъ отпуска, и вотъ почему. Какъ только «мусье Бонфисъ» приходилъ за нимъ, Маду увлекалъ его къ гавани. Только тамъ, въ этой атмосферѣ, пропитанной запахомъ дегтя, при выгрузкѣ товаровъ, изъ которыхъ многіе шли изъ Дагомея, чувствовалъ онъ себя счастливымъ. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ, какъ сыпались золотистыя зерна, какъ таскали мѣшки и тюки, на которыхъ порой встрѣчалось знакомое клеймо. Топившійся пароходъ, какой-нибудь большой корабль, подымавшій паруса и натягивавшій веревки, готовясь къ отплытію—говорили ему объ отъѣздѣ, объ освобожденіи.

Digitized by Google

Онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ, слѣдя глазами за бѣлѣвшимъ, какъ чайка, парусомъ, за легкимъ дымомъ, словно отъ закуренной сигары; онъ не переставалъ думать объ этихъ отплывшихъ судахъ и въ классное время. Такъ и онъ возвратится когда-нибудь въ страну свѣта: одна птица принесла его, другая унесетъ, думалъ онъ. И, преслѣдуемый этой идеей, бросивъ свои склады, свои ба, бе, би, бо, бю, гдѣ глаза его не видѣли ничего, кромѣ голубаго неба и моря, онъ однажды вырвался изъ училища, и юркнулъ на одинъ изъ кораблей «мусье Бонфиса» въ глубину трюма; найденный во-время, онъ вскорѣ потомъ убѣжалъ опять; и, на этотъ разъ, спрятался такъ ловко, что его присутствіе на кораблѣ было замѣчено только посреди Ліонскаго Залива. Другого ребенка оставили бы, пожалуй; но, когда узнали, что это—Маду, то капитанъ, надѣясь на вознагражденіе, отправилъ его королевское высочество обратно въ Марсель.

Съ тѣхъ поръ его положеніе сдѣлалось еще хуже. За нимъ усилили надзоръ, его запирали. Но его рѣшимость не ослабѣвала. Несмотря ни на что, онъ продолжалъ исчезать; прятался на всѣхъ отплывающихъ корабляхъ; его находили въ кочегарной, въ чуланѣ съ углемъ, подъ рыболовными сѣтями. Когда его приводили назадъ, онъ не оказывалъ никакого сопротивленія и только улыбался грустно, такъ что ни у кого не доставало духу его наказывать.

Наконецъ, начальство лицея не захотѣло долѣе держать на своей отвѣтственности такого ученика. Отослать маленькаго принца въ Дагомей «мусье Бонфисъ» не посмѣлъ, боясь потерять расположеніе Ракъ-Маду-Гезо, королевское упрямство котораго было ему хорошо извѣстно. Въ это самое время, появилось въ газетахъ объявленіе о гимназіи Моронваля. И маленькаго негра тотчасъ же спровадили въ улицу Монтэнь, 25, «въ лучшій кварталъ Парижа.» Вы, конечно, не усумнитесь, что его приняли тамъ съ распростертыми объятіями.

Этотъ маленькій черный наслѣдникъ отдаленнаго государства былъ для гимназіи находкой, живой рекламой, и потому принялись его выставлять, щеголять имъ. Г. Моронваль являлся съ нимъ въ театрѣ, на скачкахъ, на бульварахъ, подобно тѣмъ комерсантамъ, которые въ извѣстный часъ дня разъѣзжаютъ по Парижу, въ фіакрѣ, съ наклеенной на немъ вывѣской своей лавки. Онъ возилъ его съ собой въ салоны, въ клубы, куда имѣлъ доступъ, важный какъ Фенелонъ, сопровождающій герцога Бургундскаго, между тѣмъ какъ лакеи докладывали: «его высочество принцъ Дагомейскій и г. Моронваль, его наставникъ».

Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, маленькія газеты были

Digitized by Google

наполнены разными анекдотами и остроумными отвѣтами, которые приписывались Маду. Одинъ изъ сотрудниковъ «Standard'a» даже нарочно пріѣзжалъ изъ Лондона, чтобы видѣться съ нимъ, и между ними произошелъ весьма серьёзный финансовый и административный разговоръ о томъ, какъ молодой принцъ думаетъ управлять со временемъ своимъ государствомъ и какого онъ мнѣнія относительно парламентскаго режима, обязательнаго обученія и пр., и пр. Англійская газета передала въ то время весь этотъ замѣчательный разговоръ; всѣ вопросы и отвѣты—въ подробности. Отвѣты, довольно неопредѣленные, оставляли вообще желать многаго. Но, впрочемъ, одна выходка Маду была замѣчена. Когда пожелали узнать его мнѣніе о свободѣ печати, онъ отвѣчалъ: «Кушать можно всякую пищу. Говорить можно не всякое слово».

Всѣ издержки по гимназіи Моронваля были покрыты однимъ этимъ ученикомъ. «Мусье Бонфисъ» платилъ безъ всякихъ возраженій. Воспитаніемъ Маду, правда, нѣсколько неглижировали. Онъ все еще сидѣлъ за азбукой, упорно сопротивляясь прелестямъ методы Дэкостеръ, но въ этомъ не было никакой бѣды. Чѣмъ меньше принцъ дѣлалъ успѣховъ, тѣмъ дольше онъ могъ пробыть въ гимназіи Моронваля.

За нимъ ухаживали, его лелѣяли, холили. Другія «маленькія знойныя страны» обязаны были развлекать его, уступать ему—чего не легко было сначала добиться, благодаря черезъ чуръ темной кожѣ, считающейся во всѣхъ экзотическихъ странахъ знакомъ рабства. Какъ снисходительны были къ нему всѣ профессора! Какія улыбки они расточали этому маленькому черному клубку, который, несмотря на свою понятливость, упорно отказывался отъ всѣхъ благъ просвѣщенія и таилъ подъ жесткой шерстью своихъ волосъ, вмѣстѣ съ жгучимъ воспоминаніемъ о родинѣ, глубокое презрѣніе ко всѣмъ этимъ пустякамъ, которые пытались вбить ему въ голову. Каждый въ гимназіи возлагалъ надежды на это будущее величество, и теперь уже могущественное и окруженное поклоненіемъ, словно Маду торжественно прошелъ по парижскимъ улицамъ подъ золотымъ балдахиномъ, подъ опахалами и скрещенными копьями свиты своего отца.

«Когда Маду будетъ королемъ!» слышалось безпрестанно во всѣхъ ихъ разговорахъ. Слова эти сдѣлались какимъ-то припѣвомъ. Какъ только Маду коронуется—всѣ поѣдутъ туда. Лабасендръ мечталъ о возрожденіи грубой дагомейской музыки. Онъ уже видѣлъ себя директоромъ консерваторіи, завѣдующимъ королевской капеллой. Г-жа Моронваль-Дэкостеръ надѣялась при-
[illegible]ою методу, en grand, въ обширныхъ классныхъ ком-
[illegible]полненныхъ безчисленнымъ множествомъ маленькихъ

Digitized by Google

черныхъ существъ, которыя, нагнувшись, скрыпѣли перьями. А докторъ Гиршъ воображалъ себѣ всю эту мелюзгу на кроватяхъ, тянувшихся длинными рядами, и производилъ надъ ней, въ мечтахъ своихъ, опасные опыты своей фантастической, бездипломной медицины, не опасаясь никакого вмѣшательства полиціи.

На первыхъ порахъ, маленькій король, по причинѣ этого обожанія, былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ; притомъ же нѣтъ города въ мірѣ, гдѣ бы изгнаники менѣе скучали, чѣмъ въ немъ; можетъ быть, потому, что къ парижской атмосферѣ немножко примѣшивается атмосферы всѣхъ другихъ странъ.

Еслибы только небо, въ свой чередъ, также улыбалось ему иногда, вмѣсто того, чтобы кутаться въ вихрь этого *снега*, который такъ походилъ на раскрытыя, созрѣвшія зерна хлопчатника; еслибы не шелъ непрестанно мелкій, хлеставшій въ лицо дождикъ; еслибъ солнце побольше грѣло, пронизывая вѣчно окружавшій его туманъ; да еслибъ еще Керика, съ своимъ колчаномъ, позолоченымъ карабиномъ и съ браслетами на голыхъ рукахъ, отъ времени до времени появлялась въ переулкѣ Двѣнадцати-Домовъ—то Маду былъ бы совершенно счастливъ.

Но судьба его измѣнилась внезапно. «Мусье Бонфисъ» явился однажды въ гимназіи Моронваль съ печальными вѣстями изъ Дагомея. Король Ракъ-Маду-Гезо былъ свергнутъ съ престола и взятъ въ плѣнъ Ашантіями, овладѣвшими страной и основавшими новую династію. Королевскія войска, полки амазонокъ, все было побѣждено, разсѣяно, истреблено, и Керика, одна спасшаяся какимъ-то чудомъ и нашедшая убѣжище въ факторіи Бонфиса—просила черезъ него Маду, чтобъ онъ оставался во Франціи и хорошенько берегъ свой гри-гри.

Было написано: «если Маду не потеряетъ своего гри-гри, то будетъ царствовать». Только эта мысль могла поддерживать мужество бѣднаго, маленькаго короля. Моронваль, который не вѣрилъ въ гри-гри, представилъ счетъ — и какой счетъ!—мусье Бонфису, на этотъ разъ заплатившему все сполна, но замѣтившему содержателю пансіона, что впредь онъ не долженъ разсчитывать на немедленную уплату, но можетъ вполнѣ положиться на благодарность и милости короля, если успѣхи войны возвратятъ ему тронъ. Нужно было выбирать одно изъ двухъ: или совершенно отказаться отъ воспитанія ребенка, или ждать этого невѣрнаго богатства.

Моронваль сказалъ съ благородствомъ: я беру «мальчика» на свое попеченіе. Это ужь былъ «мальчикъ», а не его королевское высочество.

Съ тѣхъ поръ, заботы, вниманіе, окружавшія маленькаго

Digitized by Google

негра—все исчезло. Каждый былъ золъ на него, за свое личное разочарованіе и за дурное настроеніе духа всѣхъ другихъ. Онъ сдѣлался простымъ пансіонеромъ, ничѣмъ — ни малѣйшей пуговицей на мундирѣ—не отличавшимся отъ остальныхъ, спавшихъ въ дортуарѣ и подчинявшихся общимъ правиламъ; его бранили, наказывали, исправляли, наравнѣ со всѣми.

Ребенокъ ничего не понималъ. Напрасно прибѣгалъ онъ опять къ своимъ дѣтскимъ шуткамъ, къ гримасамъ, въ прежнее время «милымъ, очаровательнымъ», а теперь встрѣчавшимъ странную холодность.

Но еще хуже стало, когда Моронваль, не получивъ за нѣсколько третей денегъ, началъ находить, что Маду—безполезный ротъ. Изъ пансіонеровъ его понизили въ прислужники. Когда лакею отказали, изъ экономіи, Маду замѣнилъ его—но не безъ сопротивленія. Въ первый разъ, какъ ему дали въ руки метлу и указали, что̀ должно дѣлать ею, онъ упорно отказывался. Но у г. Моронваля были неотразимые аргументы; и, послѣ сильной порки, ребенокъ покорился. Впрочемъ, онъ находилъ, что мести все-таки лучше, нежели учиться читать.

Маленькій король мѣлъ и тёръ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и постоянствомъ, въ чемъ можно было убѣдиться, взглянувъ на блестѣвшій салонъ Моронваля. Но ничто̀ не смягчало свирѣпаго нрава мулата; онъ не могъ простить ему всѣ разочарованія, которыхъ тотъ былъ невольной причиной.

Ка̀къ ни старался Маду скоблить и тереть, чтобы придать раззоренному жилищу лоскъ чистоты, ка̀къ ни смотрѣлъ въ глаза своему хозяину съ заискивающимъ видомъ, съ робкимъ униженіемъ покорной собаки, но не получалъ ничего въ награду, кромѣ пинковъ.

— Никогда доволенъ... никогда доволенъ, говорилъ негръ съ выраженіемъ отчаянія, и парижское небо казалось ему еще чернѣе, дождь еще безпрерывнѣе, снѣгъ еще обильнѣе и холоднѣе. О! Керика, любящая, и гордая тётка Керика!—гдѣ ты? Приди взглянуть, что̀ они дѣлаютъ съ маленькимъ королемъ, ка̀къ жестоко съ нимъ обращаются, ка̀къ его дурно кормятъ, въ въ какіе отрепья одѣваютъ. У него теперь только одна чистая одежда, это—его ливрея: красный казакинъ, полосатый жилетъ, фуражка съ галуномъ. Теперь, когда онъ сопровождаетъ директора, онъ не идетъ съ нимъ рядомъ, какъ съ равнымъ, онъ слѣдуетъ за нимъ въ десяти шагахъ. Но это еще не все. Изъ передней онъ переходитъ на кухню, а съ кухни его посылаютъ на рынокъ Шальйо, съ большой корзиной, для закупки провизіи, потому что замѣтили его честность, его наивность; и вотъ до чего доведенъ послѣдній потомокъ могущественнѣйшаго То-

Digitized by Google

кодону, основателя дагомейской династіи... онъ долженъ торговать съѣстные припасы для гимназіи Моронваль! Два раза въ недѣлю можно видѣть его, идущаго по длинной улицѣ Шальйо; онъ пробирается втоль стѣнъ, исхудалый, дрожащій, съежившійся, потому что теперь ему холодно, всегда холодно, и ничто не согрѣваетъ его—ни насильственная работа, на которую его обрекаютъ, ни удары, ни стыдъ видѣть себя лакеемъ, ни даже ненависть къ «человѣку съ палкой», какъ онъ называетъ Моронваля, хотя она очень сильна — эта ненависть! Ахъ! еслибы Маду сдѣлался когда-нибудь королемъ! Сердце его трепещетъ отъ ярости при этой мысли; и нужно слышать, какъ онъ повѣряетъ Жаку планъ своего отмщенія.

«Когда Маду вернется въ свою сторону, онъ напишетъ доброе, ласковое письмецо къ человѣку съ палкой и пригласитъ его въ Дагомей; а тамъ велитъ отрубить ему голову надъ большимъ мѣднымъ тазомъ... а изъ кожи его сдѣлаетъ большой барабанъ, чтобъ идти воевать съ Ашантіями. Дзимъ! бумъ! бумъ! Дзимъ бумъ! бумъ!

Жакъ видѣлъ, какъ въ темнотѣ, нѣсколько умѣряемой отраженіемъ снѣга, блестѣла пара маленькихъ глазъ—словно глаза тигренка; слышалъ, какъ негръ глухо стучалъ рукой о спинку своей кровати, подражая барабанному бою. Маленькому Баранси было страшно; и потому разговоръ на нѣсколько минутъ прекратился. Закутавшись въ свое одѣяло, новичекъ притаилъ дыханіе и ему казалось, что передъ глазами его сверкали сабли...

Маду, возбужденному своимъ разсказомъ, хотѣлось бы говорить еще, но онъ думалъ, что товарищъ его спитъ. Наконецъ, Жакъ вздохнулъ.

— Ты не спишь, мусье, сказалъ Маду тихо:—давай говорить еще.

— Хорошо, отвѣчалъ Жакъ, только, пожалуйста, перестанемъ говорить о вашемъ гадкомъ барабанѣ, и о тазѣ изъ красной мѣди... а то я боюсь...

Негръ усмѣхнулся тихонько и потомъ съ добродушнымъ видомъ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, мусье. Маду не будетъ больше говорить. Ты говори теперь; какъ тебя зовутъ?

— Жакъ; черезъ Д... мамаша очень настаиваетъ на этомъ.

— Она богата, твоя мамаша?

— Богата ли она?.. я думаю! сказалъ Жакъ, который въ свой чередъ былъ не прочь пустить пыль въ глаза маленькому негру.—У насъ карета, хорошій домъ на бульварѣ, лошади, лакеи, и все... и потомъ, вы увидите, когда мамаша пріѣдетъ ко мнѣ, какая она красавица. На улицѣ всѣ на нее смотрятъ. У ней

Digitized by Google

прекрасныя платья, брильянты... «Нашъ другъ» правду говоритъ, что онъ ей ни въ чемъ не отказываетъ. Когда мамашѣ захотѣлось поѣхать въ Парижъ, онъ привезъ насъ сюда. Прежде мы жили въ Турѣ. Вотъ славный городъ! Мы часто гуляли по Королевской Улицѣ; тамъ продаютъ отличные пирожки... и сколько тамъ офицеровъ гуляетъ... въ блестящихъ мундирахъ... Ахъ! какъ мнѣ было тамъ весело... Во-первыхъ, всѣ эти господа меня цаловали, ласкали... У меня былъ папà Шарль, папà Леонъ — конечно, это все въ шутку, потому что мой папà давно, давно умеръ, и я его никогда не зналъ. Сначала, какъ мы пріѣхали въ Парижъ, мнѣ было немножко скучно не видѣть деревьевъ, полей... Но мамаша меня такъ любитъ, такъ балуетъ, что это меня утѣшило... Меня одѣли по англійски; это—теперь мода такая... и каждый день завивали. Мы ѣздили кататься въ Булонскій Лѣсъ, вокругъ озера... но нашъ другъ сказалъ, что я никогда ни чему не выучусь, что меня надо отдать въ пансіонъ, и мамаша повезла меня въ Вожираръ къ отцамъ... Здѣсь Жакъ остановился.

Признаніе, которое ему предстояло сдѣлать, оскорбляло его самолюбіе. Несмотря на свою наивность, на невѣдѣніе своего возраста, онъ чувствовалъ, что для него и для его матери было что-то унизительное въ этомъ отказѣ іезуитовъ принять его. И потомъ, этотъ разсказъ, который онъ началъ, не подумавши, приводилъ его къ единственной серьёзной заботѣ, какая была у него когда-либо въ жизни.

«Почему его не приняли? Что значили слезы матери и это восклицаніе ректора: бѣдный ребёнокъ!»

— Скажи мнѣ, мусье, спросилъ вдругъ Маду: — что такое значитъ: кокотка?

— Кокотка? отвѣчалъ Жакъ, нѣсколько удивленный:—я не знаю... Это—курочка—кокотка.

— Человѣкъ съ палкой говорилъ г-жѣ Моронваль, что твоя мамаша—кокотка.

— Вотъ странная идея! Мамаша—кокотка... вы ослышались вѣрно, мамаша—кокотка!

При этой мысли, что его мать была курочка съ перьями, съ крыльями и съ лапками, Жаку стало ужасно смѣшно, и онъ принялся хохотать во все горло. Маду, глядя на него, тоже смѣялся, самъ не зная чему.

Эта веселость изгладила мрачное впечатлѣніе, сдѣланное исторіями Маду; и вскорѣ оба эти маленькія, покинутыя существа, повѣривъ другъ другу свои огорченія, сладко заснули съ открытымъ ртомъ, еще полнымъ смѣха.

А. П.

Digitized by Google

ЛЮДИ И НРАВЫ.

Очерки.

I.

Книжка чековъ.

I.

Иванъ Кузьмичъ Мясниковъ, купецъ и фабрикантъ, окончивъ дѣла, за которыми нарочно пріѣзжалъ въ губернскій городъ, возвратился въ грязноватый нумеръ грязноватой гостинницы, приказалъ запрягать лошадей и сталъ собираться въ дорогу.

— Что-жь, Иванъ Кузьмичъ, мало погостили у насъ? помогая уложить весьма не большое количество вещей отъѣзжавшаго, говорилъ трактирный слуга.—Право, совсѣмъ и не погуляли въ городѣ-то...

— Нагуляюсь потомъ... Слава Богу, хоть отдѣлался...

— Все-ли благополучно покончили?..

— Все... хорошо... На-ко, вотъ, погляди эту штучку.

Мясниковъ вынулъ изъ подъ жилета и подалъ корридорному какую-то маленькую книжку, которую тотъ съ недоумѣніемъ взялъ въ руки и долго, съ тѣмъ же недоумѣніемъ, смотрѣлъ на нее.

— Это, что же будетъ? спросилъ, наконецъ, корридорный.

— А это, другъ любезный, съ довольнымъ и веселымъ лицомъ, проговорилъ Мясниковъ: — эта штучка стоитъ пят-над-цать тысячъ рубликовъ... Вотъ, что это такое!

— Этакая муха? Пятнадцать тысячъ?..

— Да-да, муха, пятнадцать тысячъ... Какъ ты думаешь? Что?

— Да тутъ все бумага... все одно какъ книжка... Тутъ денегъ-то нѣтъ нисколько...

— То-то вотъ и хорошо... Поди-ко узнай, что это деньги!.. Чистая бумага, а пятнадцать тысячъ въ ней вѣсу... Называется — чекъ!

Digitized by Google

При этомъ словѣ лакей повернулъ передъ собою книжку, поглядѣлъ на нее съ другого бока, и уставилъ ничего непонимавшія глаза на купца.

— Это, значитъ—видишь что̀... Сейчасъ ты отодралъ лоскутъ—и вся!.. попробовалъ было объяснить Мясниковъ, но, такъ какъ и при этомъ корридорный ровно ничего не понялъ, то хозяинъ книжки чековъ долженъ былъ начать разсказывать ему банковыя дѣла со всѣми подробностями. Нельзя сказать, чтобы изложеніе этихъ дѣлъ, продолжавшееся довольно долго, уяснило корридорному значеніе книжонки, которую онъ не переставалъ держать въ своихъ рукахъ, по временамъ останавливая на ней внимательный взглядъ; тѣмъ не менѣе, когда рѣчь купца была, наконецъ, кончена, корридорный вздохнулъ и въ какомъ-то раздумьѣ произнесъ.

— Да-да!... Мала-мала штучка, а какую прорву денегъ вобрала!

Это выраженіе очень понравилось хозяину книжки.

— Питательная книжонка... Именно, что впитала!

— Пятнадцать тысячъ! продолжалъ разсуждать корридорный:—вѣдь это, въ старые годы, деревня, да душъ сто крестьянъ, да лѣсу...

И эдакая-то муха слопала...

Слуга замоталъ головою, въ знакъ полнаго недоумѣнія, и отдалъ книжку купцу, который, продолжая быть вполнѣ довольнымъ, спряталъ ее опять подъ жилетъ.

— Грѣхи-грѣхи! почему-то пришло корридорному въ голову.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ кучера, который доложилъ, что все готово.

II.

Черезъ часъ, тележка, въ которой, закутавшись въ мерлушечью шубу (на случай ночныхъ осеннихъ заморозковъ), сидѣлъ Мясниковъ, ѣхала далеко за городомъ, по проселочной дорогѣ. Иванъ Кузьмичъ дремалъ, болтая головой съ права на лѣво, и съ переди назадъ. По временамъ онъ шарилъ у себя на груди подъ шубой, желая удостовѣриться тутъ-ли книжка, и всякій разъ, когда рука ощупывала ее, ему почему-то тотчасъ же припоминалось выраженіе трактирнаго слуги «вобрала»; это слово оживляло его и заставляло невольно припоминать, что̀ именно она вобрала въ себя. Но, чѣмъ яснѣе представлялись ему составныя части этихъ тысячъ и этой книжонки, которая такъ

Digitized by Google

искусно всосала ихъ, тѣмъ менѣе хотѣлось спать и становилось какъ-то скучнѣе.

Однажды Иванъ Кузьмичъ даже вздохнулъ.

Отчего это? Неужто книжонка вобрала, въ самомъ дѣлѣ, ужь очень много?

Съ другой стороны, неужели, въ самомъ дѣлѣ, Иваномъ Кузьмичемъ положено въ эту книжку такъ много труда, что мысль объ этомъ трудѣ, явившаяся вслѣдъ за вздохомъ, совершенно успокоила его, до того успокоила, что онъ уже не вздыхалъ больше ни разу, а скоро и совсѣмъ заснулъ.

Необходимо обстоятельнѣе познакомиться съ Иваномъ Кузьмичомъ и его дѣятельностію, чтобы отвѣтить на всѣ вопросы, толпящіеся вокругъ книжки чековъ.

Иванъ Кузьмичъ, какъ уже сказано, принадлежитъ къ купеческому званію, хотя ровно ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ типомъ «купца», къ которому привыкъ читатель, котораго онъ видѣлъ и въ лавкѣ, и на сценѣ. Между Иваномъ Кузьмичомъ и «купцомъ» стараго типа, ни въ фигурѣ, ни во взглядахъ, ни въ манерѣ дѣятельности—нѣтъ никакого сходства.

Старомодный купецъ, какъ скажетъ всякій, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, жилъ обманомъ, богатство приходило къ нему тѣмными путями, и слова «темный богачъ» такъ же справедливы по отношенію къ старомодному купцу, какъ поговорка: «Не обманешь—не продашь» справедлива относительно его дѣятельности. Въ немъ все было обманъ. Женился онъ обыкновенно не на женщинѣ, а на сундукѣ, но притворялся, что онъ—семейный человѣкъ и живетъ въ страхѣ Божіемъ, зная, что всѣ въ его семьѣ точно такъ же притворяются и лгутъ, какъ и онъ самъ. Обходительность и ласковость, которою онъ щеголялъ передъ покупателемъ, пришедшимъ къ нему въ лавку, были не болѣе, какъ средствомъ «отвести» покупателю глаза, «заговорить зубы» и всучить тѣмъ временемъ гнилое, линючее или спустить противъ настоящей мѣры на вершокъ, а то и на цѣлый аршинъ, если удастся... Такъ думали про стариннаго купца всѣ, да такъ думалъ и онъ самъ, потому что, хоть иной разъ онъ и наживалъ большіе капиталы, хоть иной разъ и ловко удавалось ему «обойти» покупателя, но въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что дѣло его не чисто, что каждую минуту его могутъ уличить и поступить на законномъ основаніи, да и на томъ свѣтѣ, пожалуй, будетъ не очень хорошо. Вотъ почему старомодный купецъ считалъ своею глубокою обязанностію радѣть ко храму Божію, заглушать голосъ совѣсти стопудовымъ колоколомъ или фунтовой свѣчкой мѣстному образу, съ которою онъ,

Digitized by Google

пыхтя и обливаясь потомъ, пробирался посреди толпы, наполнявшій храмъ, толкая публику направо и налѣво. Жертвы храму Божьему успокоивали его душу, сознававшую, что она не очень чиста, но едва ли онѣ могли успокоить его насчетъ неумолимаго закона, которому нельзя ставить никакихъ свѣчекъ, который не нуждается въ колокольномъ звонѣ. И, дѣйствительно, законъ, начиная будочникомъ и кончая губернаторомъ, постоянно стоялъ надъ старомоднымъ купцомъ въ самомъ угрожающемъ видѣ. Купецъ былъ дойною коровою всѣхъ, кто представлялъ собою какую-нибудь власть. Онъ давалъ взятки, подносилъ хлѣбъ-соль, жертвовалъ, подписывалъ на альбомъ видовъ, который общество задумало поднести значительному лицу, проѣзжавшему изъ столицы, дѣлалъ иллюминаціи въ честь... участвовалъ карманомъ въ какомъ-то аллегри въ пользу и т. д. и т. д., не говоря о томъ, что пирогъ, съ приличной закуской,—причемъ всегда должна быть отличнѣйшая икра и рѣдкостнѣйшая рыба—двѣ вещи, неразрывно связанныя съ словомъ «купецъ», какъ неразрывно связана съ этимъ же словомъ «лисья шуба» и «кипяточку» — этотъ пирогъ не сходилъ у него со стола для званныхъ и незванныхъ... Квартальный, городничій, частный приставъ, брандмейстеръ, судейскій крючокъ, ходатай и т. д., — все это шло къ нему въ домъ, въ лавку и брало деньги, ѣло икру, рыбу, пило водку, постоянно грозилось и требовало благодарности за снисхожденіе... Старомодный купецъ всѣмъ платилъ, всѣхъ кормилъ, чувствуя себя виновнымъ, и, только миновавъ всѣ эти препоны, т. е. накормивъ, одѣливъ всѣхъ, могъ завтра опять «заговаривать зубы» и «отводить глаза». Недаромъ стародавній купецъ одѣвался въ лисій мѣхъ: нѣчто лисье было во всей его дѣятельности, а травля, гораздо болѣе оживленная и дѣятельная, чѣмъ бываетъ травля на настоящую лисицу, преслѣдовала старомоднаго купца изо дня въ день, изъ года въ годъ. И вотъ, налгавшись вдоволь, напотѣвшись за чаемъ и изъ страха наказанія за свои плутни, этотъ лиса-человѣкъ кончалъ тѣмъ, что подъ конецъ жизни пряталъ свои деньжонки, скопленныя обманомъ и криводушіемъ, въ сундукъ, и, чтобы спокойно дожить остатокъ дней, долженъ былъ притворяться нищимъ, увѣрять всѣхъ и каждаго, что у него за душой нѣтъ копейки, и въ доказательство справедливости этихъ словъ—питался одной только рѣдькой.

Ничего съ этого рода типомъ не имѣетъ общаго Иванъ Кузьмичъ Мясниковъ; въ физіономіи его нѣтъ ни той слащавости, которая замѣчалась у прежняго купца въ моменты спусканія аршина на четверть противъ настоящей мѣры, ни страха, являв-

Digitized by Google

шагося при появленіи квартальнаго. Напротивъ, физіономія Ивана Кузьмича—физіономія смѣлая, увѣренная, и эту открытую смѣлость Иванъ Кузьмичъ не прячетъ даже въ бороду, потому что, «по нонѣшнему времени», онъ эту бороду брѣетъ. Такая существенная разница между старымъ и новымъ представителемъ капитала объясняется тѣмъ, что старый типъ считалъ свое дѣло, въ глубинѣ души, «не совсѣмъ, чтобы побожески», а новый, напротивъ, ничуть не сомнѣвается въ томъ, что его дѣло—настоящее и что отечество даже обязано ему благодарностью за то, что онъ жертвуетъ своимъ капиталомъ на общую пользу и, хотя дѣйствуетъ изъ личныхъ выгодъ, но за то даетъ другимъ хлѣбъ, оживляетъ «мертвыя мѣстности» и капиталы, какъ пишутъ въ газетахъ (съ которыми Иванъ Кузьмичъ частію знакомъ), капиталы, которыя, по словамъ газетъ и по убѣжденію Ивана Кузьмича, Богъ знаетъ, сколько времени лежали бы безъ движенія, еслибы онъ, Мясниковъ, не приложилъ къ нимъ своихъ рукъ. Въ этомъ убѣжденіи Ивана Кузьмича укрѣпляетъ общественное мнѣніе, мнѣніе печати, и та дѣйствительная нищета, среди которой его капиталы, его хлѣбъ — дѣйствительно благодѣяніе. Вотъ почему взглядъ его прямъ и простъ, вотъ почему ему нѣтъ надобности ни вилять, ни бояться: онъ дѣйствуетъ на законномъ основаніи. И нѣтъ, по этому, Ивану Кузьмичу никакой надобности тащить къ мѣстному образу пудовую золоченую свѣчку, чтобы тѣмъ успокоить свою совѣсть—совѣсть эта покойна потому, что Иванъ Кузьмичъ «даетъ просто оборотъ своимъ капиталамъ», а это не запрещено. И причтъ того прихода, къ которому принадлежитъ Иванъ Кузьмичъ, ужь и не ждетъ отъ него никакого финансоваго поощренія, разъ навсегда рѣшивъ, что тутъ много «не пообѣдаешь», «не разъѣшься». Дѣйствуя на законномъ основаніи, Иванъ Кузьмичъ совершенно покоенъ и съ этой стороны, зная навѣрное, что его никто не посмѣетъ тронуть: на все у него есть патенты; вездѣ заплачено, что̀ слѣдуетъ; безъ заискиванія, безъ страха, не съ задняго крыльца, не тайкомъ въ темномъ углу сунуто въ руку, а дано прямо, «что̀ вамъ слѣдуетъ», и, благодаря этому, начальство не только не можетъ принять относительно его той угрожающей позы, въ которой оно постоянно фигурировало предъ купцомъ стараго типа, но, по-примѣру духовенства, знаетъ, что тутъ «больше не ухватишь», и держитъ себя въ почтительномъ отъ Ивана Кузьмича отдаленіи. Словомъ, сознаніе, что капиталъ—сила, что прятать его въ сундукъ—глупость, что дѣлать на этотъ капиталъ оборотъ, что покупать и продавать можно рѣшительно все, что̀ продается и покупается, что полученіе барыша тоже вполнѣ разрѣшено и до-

Digitized by Google

пущено—все это составляетъ отличительную черту Ивана Кузьмича отъ купца стародавняго, дѣлаетъ его спокойнымъ, увѣреннымъ и небоящимся ничего, ни здѣсь, ни тамъ.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы, по старому обычаю, отправляясь въ дорогу по дѣламъ, отслужить съ водосвятіемъ напутственный молебенъ, какъ это дѣлалъ прежній купецъ, если ѣхалъ за гнилымъ товаромъ въ Москву; вмѣсто того, чтобы дать окропить себѣ лицо, и окропить внутренность кибитки и даже внутренность шапки ямщика, Иванъ Кузьмичъ кладетъ въ карманъ шестиствольный, заряженный шестью пулями револьверъ, и совершенно спокойно отправляется «оживлять» мертвыя мѣста и капиталы, отправляется въ глубину русской глуши, гдѣ этихъ капиталовъ вездѣ лежатъ непочатые углы, совершенно недоступные для купца стараго закала...

И, словно сказочный богатырь, надѣленный непомѣрною силою денегъ, Иванъ Кузьмичъ начинаетъ буквально двигать горами. Прикоснется онъ съ своими капиталами къ дремучему темному бору, грозно шумѣвшему тучамъ и грозамъ: «вороти назадъ, держи около», и съ материнской заботливостію дававшему пріютъ тысячамъ звѣрей и птицъ, и—глядишь, въ двѣ-три недѣли, послѣ появленія въ этомъ лѣсу Ивана Кузьмича—лѣсъ исчезъ, и ужь больше нѣтъ этого дремучаго богатыря... Разбѣжался звѣрь; съ шумомъ, карканьемъ и плачемъ разлетѣлись птицы, и остались одни полѣнья, кое-гдѣ придавившія зайца, спасавшагося бѣгствомъ, полѣнницы дровъ, брусья... А скоро и это исчезнетъ отсюда, и останется голое, изрытое мѣсто, да деньги въ карманѣ Ивана Кузьмича, какія-то разноцвѣтныя маленькія бумажки, которыя тотчасъ вновь идутъ въ дѣло, и—глядишь, гдѣ нибудь въ другомъ глухомъ уголкѣ идетъ стонъ и ревъ, и рѣкою льется кровь быковъ, свиней, овецъ... Стадо превращается въ мясо, въ солонину, въ сало, въ шкуры, въ пуды, въ фунты—и все это скоро исчезаетъ, уѣзжаетъ на скрипучихъ возахъ, оставивъ послѣ себя пустое пастбище съ тремя больными овечками и столѣтнимъ пастухомъ, да бумажки, бумажки разноцвѣтныя въ карманѣ Ивана Кузьмича, тотчасъ идущія на какое нибудь новое дѣло... Но какого бы рода дѣло это ни было, всегда что-то очень похожее на опустошеніе, на исчезаніе, на смерть чего-то, что было и чего не стало—остается по приведеніи этого дѣла къ окончанію. Надо отдать справедливость твердости характера и нервъ Ивана Кузьмича; онъ никогда почти не испытывалъ этого ощущенія смерти, ни тогда, когда, треща и крича испуганными птицами и нехотѣвшими сдаваться топору стволами, падали тысячи деревьевъ, ни тогда, когда подъ ножомъ умирали тысячи животныхъ, ни

Digitized by Google

тогда, когда тысячи другихъ тварей, оставленныхъ живыми, съ ревомъ, хрюканьемъ или безпомощнымъ блеяньемъ крѣпко накрѣпко привязывались къ телегамъ, причомъ веревка зацѣплялась за нижнюю челюсть, за ногу, за шею и т. д. Все это было для него: триста-двадцать-пять саженъ дровъ, пятьсотъ пудовъ сала и т. д., и, покончивъ совсѣми этими, еще недавно живыми саженями и пудами—онъ чувствовалъ только усталость, утомленіе, и убѣждался, что деньги достаются не даромъ, что труда онъ кладетъ въ нихъ много, и что прозвища «благодѣтель», «кормилецъ», которыя иной разъ приходилось Ивану Кузьмичу слышать въ оживляемыхъ имъ глухихъ мѣстахъ, пожалуй-что и справедливыя прозвища...

И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ сущности ни проста система оборотовъ капитала, которой придерживается Иванъ Кузьмичъ, какъ ни простъ пріемъ обогащенія, основанный на томъ, чтобы въ корень извести все, что произвели природа или чужія руки, какъ ни просто, проглотивши этотъ многолѣтній трудъ природы и человѣка, положить потомъ себѣ въ карманъ чистыя деньги — но условія жизни глухихъ мѣстъ бываютъ иной разъ таковы, что и такая система дѣйствія, такая голая купля готоваго добра, такое безслѣдное уничтоженіе естественныхъ и трудовыхъ богатствъ могутъ, поистинѣ, считаться благодѣяніями, а Иванъ Кузьмичъ дѣйствительнымъ благодѣтелемъ...

Въ самомъ дѣлѣ, что такое было, напримѣръ, въ деревнѣ Распоясовѣ, гдѣ теперь властвуетъ Иванъ Кузьмичъ и куда онъ теперь ѣдетъ, прежде, нежели появились въ ней капиталы Ивана Кузьмича?

III.

Лѣтъ шестнадцать, семьнадцать тому назадъ, вся «округа», нынѣ облагодѣтельствованная Иваномъ Кузьмичомъ, смѣло могла быть причислена къ одной изъ самыхъ обыкновенныхъ на Руси глухихъ мѣстностей... Поля были безконечныя, оживленныя только скачущими галками и воронами или фигуркой крестьянина съ сохой, издали весьма напоминавшаго собою тоже ворону... Лѣсъ, темнѣвшій по окраинамъ этой холмистой равнины, былъ лѣсъ глухой и дремучій; лѣтомъ, въ самый разгаръ полуденнаго зноя, въ глубинѣ этого лѣса чувствовалась прохлада, пахло влажной землей, и нога вязла въ грудахъ сгнившей и тоже влажной листвы. Солнцу было трудно проникнуть сквозь густую чащу вѣтвей и листьевъ, и только иногда лучъ его, какъ алмазъ,

Digitized by Google

блеститъ гдѣ нибудь на поверхности быстраго ручья, гремящаго по оврагу, совершенно затерявшемуся въ обильной растительности... Глушь и тишина царствовали здѣсь поразительныя; лѣсъ стоялъ словно въ заколдованномъ снѣ. Привольно жилось здѣсь звѣрю и птицѣ; великое множество было здѣсь кустовъ съ ягодами; великое множество рыбы бродило въ быстрой рѣчкѣ... И никто не прикасался къ этимъ сокровищамъ, и никто, казалось, не вспоминалъ и не думалъ о нихъ... Разъ или два въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, въ лѣтнюю или осеннюю пору, удавалось кой-кому увидать выбѣгающаго изъ чащи сетера... Это—баринъ воротился изъ заграницы и охотится въ своихъ владѣніяхъ... Нагнувъ голову и заложивъ руки назадъ, разсѣянно бредетъ онъ вслѣдъ за обезумѣвшей отъ обилія дичи собакой и о чемъ-то, повидимому, скучаетъ, о чемъ-то крѣпко думаетъ; ружье лѣниво болтается у него за спиной... О чемъ же думалъ баринъ? Думалъ онъ, несомнѣнно, объ очень многомъ, но выходило всегда какъ-то такъ, что думы эти ни чуть не измѣняли печальнаго положенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ бродилъ онъ; несмотря на обиліе всего, что̀ росло и жило въ лѣсу и рѣкахъ, находившихся во власти этого барина, несмотря на громадныя пространства полей, лѣса эти и поля, и рѣки, и послѣ его отъѣзда за границу (онъ былъ боленъ), оставались въ томъ же забвеніи; кое-гдѣ среди безконечныхъ владѣній его торчали черныя, нищенскія деревеньки, виднѣлся тощій скотъ и тощій человѣкъ, носившій уже кличку «вора» и «неплательщика», потому что, дѣйствительно, покушался пробраться въ эти дебри за дровами, за ягодами, за рыбой, норовилъ урвать тайкомъ, а что̀ слѣдовало платить—не платилъ иначе, какъ изъ-подъ палки.

Богатство стояло забытое, никому ненужное и никому недоступное. У барина пропадалъ аппетитъ охотиться въ лѣсу, гдѣ каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль—такъ было много всякой твари; у мужика не было дровъ зимою, и онъ зябъ въ раззоренныхъ лачужкахъ, выводился со связанными руками изъ лѣса, если конечно попадался на глаза сторожу, или уходилъ безъ ружья, если тотъ же сторожъ запримѣчивалъ въ немъ намѣреніе убить тетерьку. Вотъ въ какомъ видѣ была распоясовская округа лѣтъ шестнадцать тому назадъ—всего много и никому нѣтъ отъ этого пользы. Баринъ скучалъ, страдалъ меланхоліей, мужикъ бѣдствовалъ и тоже терялъ аппетитъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Освобожденіе крестьянъ сразу покончило съ этою обоюдною меланхоліей барина и мужика. Какъ только, благодаря этому событію, что̀-то такое «отошло» отъ мужиковъ къ господамъ, отъ

Digitized by Google

господъ къ мужикамъ, тотчасъ же и въ тѣхъ, и другихъ проявились первые проблески чувства собственности; какъ только какой-то кусокъ лѣса или поля сталъ чужимъ, баринъ сообразилъ, что все это—«мое», и—какъ только увидѣлъ это же самое мужикъ, то и онъ тоже сообразилъ, что вѣдь это—«наше».

«Мое» и «наше», ощущенія до такой степени были новыми для упомянутыхъ меланхоликовъ и до такой степени оказались кстати какъ для души барина, такъ и для желудка мужика, что аппетитъ къ «моему» и «нашему» сталъ возрастать не по днямъ, а по часамъ, и у барина и у мужика.

У стариннаго управляющаго Распоясовской округой явилась въ это время довольно счастливая мысль: оказалось, что мѣста, на которыхъ издавна сидѣли распоясовцы, какъ разъ подходятъ подъ что̀-то такое, что, ежели это что̀-то «округлить» съ чѣмъ-то, то какъ разъ въ четверо можно получать доходу болѣе противъ прежняго. Для этого сто̀итъ только переселить распоясовцевъ куда-то въ другое мѣсто, гдѣ имъ все подстать и «еще лучше прежняго».

Управляющій сообщилъ этотъ планъ барину, и, хотя баринъ долго колебался въ своемъ рѣшеніи, но проклятый, совершенно прежде невѣдомый аппетитъ къ «моему» довелъ его, наконецъ, до того, что онъ какъ бы приросъ къ сознанію, что это—его собственность.

— Ей-Богу же, вѣдь это мое! стало все чаще и чаще думаться ему среди всякихъ соображеній за предложеніе управляющаго и противъ него, и, наконецъ, уѣхавъ заграницу, онъ написалъ изъ Лозанны управляющему, чтобы онъ дѣйствовалъ ка̀къ знаетъ, «ка̀къ лучше».

Управляющій принялся за дѣло... «Наши» тоже ощетинились, началась свалка.

Сильно ощетинились «наши». Жажда свалки и побѣды, имѣвшей цѣлію, какъ уже сказано, удовлетвореніе весьма простыхъ стремленій желудка, усиливались тѣми мечтаніями насчетъ лучшей жизни, которыя тоже какъ бы пробудились въ моментъ освобожденія. Эти мечтанія были неопредѣленны, выростали подъ вліяніемъ разсказовъ древнихъ беззубыхъ стариковъ о старинѣ, пополнялись нравоученіями прохожаго богомольца, бѣглаго солдата, но, благодаря почти непроницаемой темнотѣ крестьянской избы во время сумерекъ, когда, «сумерничая», онъ обыкновенно слушалъ эти разсказы солдатъ и богомольцевъ и предавался мечтамъ, мечты эти, хоть и неопредѣленныя, залетали тѣмъ не менѣе далеко-далеко отъ крестьянской избы... Такъ далеко, что, начавъ пѣсню надъ ребенкомъ, въ которой говорилось, что по-

Digitized by Google

нёва, лежащая подъ нимъ «поневёночка худая, ровно три года гнила», и заслушавшись разсказовъ и замечтавшись, крестьянка бросала этотъ грустный мотивъ и, обращаясь къ ребенку, почти съ увѣренностію говорила: «выростешь великъ, будешь въ золотѣ ходить»... Таковы были вполнѣ несбыточныя мечты распоясовскаго мужика, воспитанныя темными, угрюмыми зимними вечерами; онѣ до такой степени подняли духъ распоясовскихъ обывателей, что обыватели эти рѣшились въ предстоящей битвѣ не жалѣть своего добришка, такъ какъ, думали они, «наше дѣло вѣрное».

— Распоясывайся рябя! галдѣли они.—Не жалѣй! въ трое воротимъ... Вынимай кошалки-то! Эй, старикъ! Что у кого есть подъ печкой—волоки... Обчисво!.. Надо въ городъ посылать человѣка вѣрнаго. Дѣдушка Парменъ! Постой за міръ! Расправь кости, обхлопочи...

— Пожалѣйте меня, православные! говорилъ дѣдушка Парменъ, восьмидесятилѣтній старецъ.—Охъ, натерпѣлась моя спинушка...

— Уважь сиротскія слезы! надвигались на него распоясовцы.—Кто, окромя тебя, имѣетъ въ себѣ умъ? Мы—народъ чорный, путемъ свѣта не видали. А ты изжилъ вѣкъ, стало, все какъ по писаному видишь... Постой за наши животы! Дѣдъ, а, дѣдъ! Побойся Бога, не дай въ обиду.

— Охъ-о-охъ, пожалѣйте мою древность ветхую, дѣтушки! о-о-о-хъ-охъ...

— Дѣдъ! Парменъ! вопіяли распоясовцы:—али тебѣ крестьянскаго разоренья не жалко? Чисто всѣ помремъ...

Долго ревѣла толпа и долго, обливаясь слезами, оборонялся отъ нея старый дѣдъ, но, наконецъ-таки сдался.

— Н-ну, сказалъ онъ, выпрямившись и осушивъ глаза:—коли такъ, такъ стало Божья воля мнѣ потерпѣть еще на старости лѣтъ!

— Авось Богъ, наше дѣло чистое!..

— Видно, ужь господь батюшка Никола-милостивый такъ осудилъ меня вѣнцомъ—иду!

— Дай тебѣ Господи! Сошли тебѣ Царица небесная! голосила воодушевившаяся толпа...

— А что деньги дадите, такъ я единой копейкой не покорыстуюсь...

— Дѣдъ! Дѣдъ! Грѣхъ тебѣ, старому, этакъ-то говорить, упрекали его распоясовцы.—Такія слова про своего брата. Дѣлай по своему уму, какъ тебя Господь вразумитъ... Ступай съ Богомъ, постой за своихъ.

Digitized by Google

И вотъ, старый дѣдъ съ котомкой за плечами, съ длинной палкой въ сухой рукѣ, неровною поступью худыхъ тонкихъ ногъ, обутыхъ на мірской счетъ въ новые лапти—пошолъ воевать за свое дѣло.—Давненько-таки, признаться, онъ не бывалъ въ городѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, сидѣлъ въ городскомъ острогѣ, изъ котораго и пошолъ прямо въ Сибирь... А послѣ Сибири, когда, по манифесту, ему вышло прощеніе, онъ не показывалъ въ городъ и глазъ и отвыкъ отъ всѣхъ городскихъ порядковъ. А порядки съ тѣхъ поръ шибко измѣнились; подъячій, который, взявъ взятку, дѣлалъ въ прежнее время то, что̀ хотѣлъ, то, что̀ выходило по деньгамъ—вывелся. Пармену оставалось одно — положиться во всемъ на Бога, на его милость и указаніе. Для бо̀льшаго успѣха въ своемъ дѣлѣ, онъ не ѣлъ, не пилъ по цѣлымъ днямъ, желая постничествомъ угодить Богу, а мірскія деньги ревностно раздавалъ тѣмъ, кто обѣщалъ постоять за распоясовцевъ, причемъ онъ слезно плакался и умолялъ не погубить... Но въ то время, когда старецъ Парменъ постился и слезно плакалъ передъ лицами, бравшими его деньги, какъ-то незамѣтно пропускались очень важные сроки къ подачѣ прошенія, къ выслушанію рѣшенія, къ изъявленію несогласія, къ апелляціи въ законный срокъ. Пропускались эти маленькіе пустячки потому, должно быть, что Парменъ не зналъ ихъ, не могъ о нихъ упоминать и въ молитвахъ, или потому, что кому-то, знавшему эти штучки, выгодно было молчать о нихъ предъ темнымъ мужикомъ. Такимъ образомъ, выходило какъ-то такъ, что едва Парменъ, возвратившись изъ губерніи, объявлялъ міру, что все—слава Богу, что приказано ждать «тайнаго чиновника», который все повернетъ противъ «ихъ», являлся исправникъ или становой и объявлялъ, что:

— На основаніи тома, статьи и на основаніи статьи... тома... уложенія... и по случаю пятнадцатаго примѣчанія къ тому... статьѣ... и параграфу... опредѣлено: объявить крестьянамъ деревни Распоясово, что просьба ихъ возвращается безъ послѣдствій за пропущеніемъ срока и постановленіе съѣзда входитъ въ законую силу...

Такъ какъ, во время отсутствія Пармена, крестьяне тоже возлагали надежды на Бога, а убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла основывалось у нихъ исключительно на мечтаніяхъ въ темные осенніе и зимніе вечера и ночи, то, не понимая путемъ того, что̀ читалъ пріѣхавшій чиновникъ, они догадывались, однако, что въ бумагѣ нѣтъ ничего насчетъ того, чтобы все «повернуть къ нимъ», какъ обѣщано, и поэтому говорили, что это бумага «не та», что подписывать ее не будутъ...

Digitized by Google

— Согласу нашего нѣтъ! говорили они.

— Несогласны?

— Никакъ нѣтъ. Это—бумага фальшивая, наше дѣло правое. Дѣдушка Парменъ, такъ аль нѣтъ?..

— Фальшивая, дѣтушки, бумага... Не она, не наша... Ступай ты, баринъ, съ ней откуда пришолъ...

— Такъ несогласны? переспрашивалъ пріѣзжій.

— Будетъ зубы-то заговаривать! отвѣчала толпа.—Бери ее себѣ бумагу-то... а намъ она ненужна... Поддѣлка!

Пріѣзжій все это вноситъ въ протоколъ, причемъ Пармена распрашиваютъ особенно подробно, и затѣмъ, написавъ все это на нѣсколькихъ листахъ, отправляютъ по назначенію. Распоясовскій мужикъ везетъ эту бумагу куда слѣдуетъ и погоняетъ лошадь... На распоясовскихъ лошадяхъ уѣзжаетъ и чиновникъ... Распоясовцы и не знаютъ, что, пропустивъ по своему невѣжеству сроки, они впутались еще въ новое дѣло. Напротивъ, послѣ этой «фальшивой» бумаги, они, какъ будто, ожесточаются относительно размѣровъ жертвъ, которыя нужно принести за свое дѣло правое.

— Но, рябя, распоясывай! Распоясывайся, міряне. Закипаютъ дѣла—не жалѣй, покоряй ихъ своими животами! Неужто такъ пропадать?..

— Зачѣмъ пропадать... Послѣднее надоть отдать, а не токма что...

— Дѣдушка Парменъ, постой и во вторительномъ подвигѣ! Окромѣ тебя, кто же...

— Ты ужь ходилъ—знаешь.

— Приму свою кончину за свое племя!.. Собирайте въ дорогу!.. Отдаю вамъ свой животъ, только молите Бога о грѣхахъ моихъ... Можетъ, это отъ грѣховъ моихъ бумага офальшивилась противъ насъ... Прощайте, православные!.. Простите чѣмъ обидѣлъ...

И вновь отправляется Парменъ, еще болѣе длинный, еще болѣе худой, вновь принимается молить Бога и поститься, и... не возвращается... Отыскивать Пармена берется дьячковъ сынъ, служившій уже въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ въ губернскомъ городѣ и знающій, по его словамъ, всѣ порядки. Онъ вызывается ѣхать въ городъ, обѣщая сдѣлать все скоро и дешево; міръ, подумавъ, и ему даетъ денегъ, но не пускаетъ его одного, а наряжаетъ въ спутники мужика, изъ своихъ, такъ какъ человѣкъ этотъ—хоть и мастеръ въ бумажныхъ дѣлахъ, въ перепискѣ и отпискѣ, но давно уже извѣстенъ всему Распоясову, какъ пьяница и человѣкъ ненадежный. Передъ отъѣздомъ

Digitized by Google

ему рекомендуютъ вспомнить Бога и поминать о сиротскихъ слезахъ... и т. д. Дьячковъ сынъ не жалѣетъ мірскихъ денегъ— на взятки и угощенія. Въ номерѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ онъ остановился вмѣстѣ съ мужиками—идетъ непробудное пьянство нѣсколько дней къ ряду, и такое безчинство, что депутатъ и проводникъ только дивится на господъ и «ужахается». Пробовалъ-было онъ заикнуться о нашихъ дѣлахъ, но дьячковъ сынъ, будучи пьянъ, только обругалъ его и какъ будто даже доказалъ, что дѣло ихъ давно пропало, что хлопотать тутъ ужь больше нѐчеге, и что все давно пошло своимъ чередомъ противъ нихъ... Но на утро онъ оправился и отпустилъ мужиковъ домой, сказавъ, что онъ, дьячковъ сынъ, останется ждать въ городѣ какой-то бумаги, въ которой именно и будетъ сказано все, что̀ слѣдуетъ...

И идетъ опять бумага, и опять везетъ ее становой, и опять въ бумагѣ что̀-то, какъ будто, не такъ... оказывается, что въ то время, какъ они галдѣли съ дядей Парменомъ о вторичномъ его путешествіи, и въ то время, какъ пьянствовалъ въ городѣ дьячковъ сынъ — «истекъ» еще какой-то срокъ день или часъ, въ который можно было что̀-то сдѣлать, а послѣ котораго ужь все пропало...

— И поэтому, говорю вамъ по чести: сдѣлайте переселеніе добровольно, прибавилъ становой.—Это будетъ вамъ выгоднѣе; если же вы будете продолжать упорствовать, то, и т. д.

Несмотря на полную справедливость того, что̀ говорилъ становой приставъ, распоясовцы видѣли, что это—вовсе не то, что̀ имъ нужно, и они опять не дали ни на что̀ «согласу».

— Такъ несогласны?

— Никакъ нѣтъ... Согласу не даемъ...

— Не подписываете?

— Храни Богъ грѣха...

— Но, вѣдь, ваше дѣло проиграно?..

— Это—не та бумага.

— Фальшь!..

— Ка̀къ твоя фамилія? Кто это сказалъ — фальшь? выходи сюда; кто̀ ты таковъ?

— Братцы! Не выдавай!..

— Что-о-о??..

Въ шумѣ и гамѣ пишется новый протокольчикъ, и новый распоясовскій мужикъ везетъ его куда слѣдуетъ, погоняя лошадь. И становой уѣзжаетъ тоже на распоясовскихъ лошадяхъ...

Эти два неожиданные удара, эти двѣ бумаги, такъ жестоко обманувшіе надежды распоясовцевъ, такъ много поглотившіе де-

Digitized by Google

негъ, разрушившіе такъ много мечтаній, въ первую минуту до того потрясаютъ распоясовцевъ, что они не знаютъ, что̀ дѣлать. Нѣтъ у нихъ никого, къ кому бы обратиться, узнать ка̀къ быть: дьячковъ сынъ пропалъ, Парменъ пропалъ — никто ничего не знаетъ... Старшина гнетъ на «ихнюю» сторону—въ сторону фальшивой бумаги... Что̀ тутъ дѣлать? Да неужто нѣтъ правды на свѣтѣ?.. Время теперь не прежнее!.. И, какъ только эта мысль о правдѣ вступаетъ въ головы распоясовцевъ, остолбенѣніе ихъ тотчасъ же замѣняется жаждою борьбы, въ сотни разъ сильнѣйшею той, которая двигала ими въ первыхъ двухъ попыткахъ.

— Али правды нѣту на свѣтѣ? гремитъ «коноводъ», вдругъ взявшійся не знамо откуда.—Подымай, ребята, послѣдними животами!.. Все одно помирать...

— Выпускай послѣдній духъ!.. Авось сыщется правда-то!..

— Богъ-то на небѣ, чай, есть.

— Оскребай ребята что есть! Н-но! за одно!..

Этотъ моментъ въ жизни распоясовцевъ былъ полонъ такимъ удивительнымъ самоотверженіемъ, какое бываетъ только въ самыя рѣшительныя минуты. Выворотивъ все, что̀ «оставалось», «выпустивъ послѣдній духъ», распродавъ «коровенокъ, овченокъ» — распоясовцы стали доходить до Москвы, которая казалась имъ выше губернскаго города, стали доходить въ Петербургъ, послѣ того какъ Москва «просалила дѣло». И, когда въ Петербургѣ тоже оказалось что̀-то плохо, то, воодушевившись мыслію, что Петербургъ сошолся не клиномъ—стали распоясовцы достигать до сената, и т. д., пока не уперлись въ пересылочную тюрьму... Оставшіеся дома распоясовцы ждали результатовъ съ непоколебимымъ терпѣніемъ. Не было случайно проходившаго или проѣзжавшаго чрезъ ихъ деревню человѣка, къ которому они не адресовались бы съ распросами о своемъ дѣлѣ и не совали бы ему поросенка, чтобы онъ сказалъ все, что̀ знаетъ. Сами они не знали ничего.

— Гдѣ у васъ бумаги? спрашивалъ заинтересовавшійся проѣзжій.

— Бумаги даны Пармену.

— А Парменъ гдѣ?

— Въ губерніи.

— А гдѣ такая-то бумага?

— Дьячковъ сынъ, Антипкинъ, взялъ.

— Гдѣ-жь онъ?

— Неизвѣстны...

— А такая-то?

Digitized by Google

— А такой и не было.

— Должна быть!

— Можетъ, у Пахомки... У Пахомки нагдысь оглядѣлъ я бумагу.

— Каё у Пахомки? у Радивона... Радивонъ сказывалъ, говоритъ, у мине...

— У Радивона воспянàя бумага... Припущать оспу...

— А може...

— Такъ нѣтъ бумагъ?

— Бумагъ у насъ, надо говорить прямо, нѣтъ.

— Ну, такъ ничего и нельзя дѣлать.

— Ничего?

— Ничего нельзя!..

Таковъ былъ бòльшею частію отвѣтъ всѣхъ, кто понималъ дѣло или хотѣлъ понять его. Всякій разъ распоясовцы послѣ такихъ распросовъ становились грустнѣе и все больше и больше чувствовали желѣзную силу незнанія и безсиліе разорвать эту паутину «сроковъ», «просрочекъ», «апелляцій», «кассацій», «скопій» и т. д. Спасибо, большое спасибо прохожимъ богомольцамъ, отставнымъ солдатамъ и прочему захожему люду, тоже, какъ и распоясовцы, непонимавшему въ этомъ дѣлѣ ровно ничего. Тѣ всегда говорили, что ихъ дѣло вѣрное, что повернуть можно его какъ угодно, что стòитъ только дойти куда выше, а тамъ только черкнуть—и перевернутъ всю округу. Солдаты особенно ярко представляли возможность успѣха. Они сами бывали въ Петербургѣ и видѣли все и знаютъ, «а что, ежели становой тамъ что-нибудь, такъ въ Петербургѣ становые продаются по грошу пара!» Точно сахаръ, вѣсти эти расплывались по сердцу распоясовцевъ... Однажды, Миронъ Петровъ, распоясовскій мужикъ, ѣздившій къ Троицѣ-Сергію, привезъ подобную же вѣсточку и отъ питерскихъ ходаковъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не видалъ, а слыхалъ, что на станціи одному купцу кто-то сказывалъ, что вышло распоясовскимъ въ пользу, а купецъ все это разсказалъ Мирону, да и купецъ-то какой-то незнакомый...

— Должно добёръ, купецъ-то! думали распоясовцы.

Но покуда шли эти распросы, разсказы, покуда распоясовскіе мужики медленно шли и перевозились по этапу домой, сроки всѣ были пропущены окончательно и безвозвратно, и, при наступленіи осени, уѣздный исправникъ, явившійся въ деревнѣ на тройкѣ собственныхъ лошадей, съ колокольчикомъ и бубенцами, очень коротко и просто объявилъ, что съ завтрашняго дня распоясовцы должны переселяться.

Онъ прочелъ имъ всѣ бумаги, которыя когда бы и куда бы

Digitized by Google

то ни было подавали распоясовцы, прочелъ рѣшеніе по этимъ бумагамъ, прочелъ рѣшеніе по бумагамъ петербургскихъ ходаковъ и повторилъ, что, послѣ всего этого, разговаривать нѣчего. Если же, прибавилъ онъ, распоясовцы попрежнему будутъ упорствовать, то переселеніе будетъ сдѣлано полиціей на ихъ счетъ и что рабочихъ теперь сколько угодно, потому что осень.

Распоясовцы ничего не понимали.

Исправникъ растолковалъ имъ опять дѣло съ начала до конца; они все-таки не могли понять ничего.

И въ третій разъ было все имъ разъяснено и доказано. И въ третій разъ они не понимали и не вѣрили.

Очнулись они тогда только, когда имъ предложили подписать что̀-то.

Тутъ они опять увидѣли «фальшь» и подписать отказались.

И опять три раза было, какъ по пальцамъ, разсказано все дѣло, и опять предложено подписаться, и опять они не тронулись съ мѣста и «согласу» не дали.

Составленъ былъ третій протоколъ, и третій распоясовскій мужикъ отвезъ его, погоняя лошадь, куда слѣдуетъ.

Предложеніе «подписать», напоминавшее распоясовцамъ два такихъ же «фальшивыхъ» предложенія и изворотливость, съ которой они отстояли «свои права̀» и не подписали ихъ, на нѣкоторое время было оживили ихъ и воскресили нѣкоторую надежду, что еще будутъ добрыя новости, что вотъ-вотъ придутъ петербургскіе ходаки, что вотъ-вотъ пріѣдутъ какіе нибудь «особенные, чиновники и повернутъ все дѣло по свойски.

Но на слѣдующій день, съ восходомъ солнца, восемьдесятъ человѣкъ народу, собраннаго со всѣхъ окрестныхъ деревень, пришло въ Распоясово.

— Вы что̀, ребята? Здорово! спрашивали распоясовцы.

— Здраствуйте! Да вотъ нанялись...

— На пересёлъ, вишь, сгоняли...

— Али это насъ разорять пришли?

— Подѣламъ такъ, что въ родѣ, какъ—васъ.

— Ни-ча-во!

— Намъ что̀ же? Восемь гривенъ въ день!.. Суди самъ!

— Цѣна хорошая!..

— Наше дѣло, сами знаете, чай...

— Такъ-то такъ... По восьми гривенъ?..

— По восьми...

— Шабашь, значитъ!..

Это событіе сразу разрушило всѣ распоясовскія надежды... Въ довершеніе бѣды, скоро вслѣдъ за рабочими пріѣхалъ исправ-

Digitized by Google

нимъ и подтвердилъ, что рабочіе наняты насчетъ распоясовцевъ, и если, поэтому, распоясовцы добровольно не исполнятъ того, что слѣдуетъ имъ исполнить, то рабочіе сейчасъ же приступятъ къ дѣлу.

Минута была тяжолая для распоясовцевъ. Надежды и мечты были разрушены окончательно; они ничего не могли сообразить въ виду очевидности ихъ неудачи, и, вмѣсто того, чтобы негодовать, шумѣть и буйствовать, чего такъ ожидалъ исправникъ, они совершенно ослабли духомъ, отчаялись, впали въ глубокоупорную апатію. «Помереть» — было единственнымъ желаніемъ почти всѣхъ распоясовцевъ, и фразою «намъ легче помереть» они отвѣчали на новыя безконечныя доказательства безразсудности ихъ упорства, и окончательно проиграли дѣло.

Истощивъ всѣ усилія въ борьбѣ съ этимъ окаменѣлымъ состояніемъ народа, исправникъ скомандовалъ наконецъ:

— Ломай!

Рабочіе принялись за дѣло...

Три недѣли шла ломка распоясовскихъ дворовъ; три недѣли надъ деревней стояла пыль густымъ облакомъ отъ развороченной соломы крышъ, разломанныхъ печей, три недѣли отъ Распоясова тянулись возы съ бревнами, съ рамами, съ досками отъ крышъ, съ оторванными дверями и проч. и проч. Исправникъ ходилъ весь черный отъ пыли и еле-таскалъ ноги отъ усталости. Онъ совершенно охрипъ—такъ много было работы.

Распоясовцы, молча, словно каменныя статуи смотрѣли на это разрушеніе. Они, дѣйствительно, какъ будто окаменѣли, ничего не ѣли, не слыхали и не видали...

— Прими ребенка-то, сумасшедшая! кричалъ исправникъ распоясовской бабѣ.—Вѣдь убьетъ! Дура этакая! видишь стропило падаетъ!..

Баба стоитъ и не слышитъ, и только Богъ спасъ ребенка, стропило упало рядомъ съ нимъ...

— Ишь! буркнулъ распоясовецъ, глядя, какъ бревно проносилось надъ ребенкомъ.

Въ другомъ мѣстѣ никто не тронулся съ мѣста, когда среди разрушаемаго дома раздался раздирающій женскій вопль.

Оказалось, что тамъ лежала беременная женщина въ послѣднихъ мукахъ...

— Православные! обращались рабочіе къ распоясовцамъ:—помогите старичка снять съ печи: — что вы столбами то стоите? Дьяволы этакіе! И на это приглашеніе никто не отвѣчалъ: всѣмъ было «все равно», всѣ были словно каменные.

Черезъ три недѣли Распоясово представляло такой видъ: гру-

Digitized by Google

ды содранной съ крышъ соломы валялись на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были дома, амбары, сараи; отъ домовъ остались заваленки, отъ погребовъ ямы, отъ сараевъ кое-гдѣ торчали столбы... И среди этихъ грудъ соломы безъ призору бродила скотина, тщетно взывая къ какому-нибудь вниманію хозяина; въ этой же соломѣ возились дѣти и спали родители, не раздѣваясь и не перемѣняя бѣлья и одежды съ перваго же дня разоренія деревни. Что̀ они ѣли? отвѣчать трудно; хлѣба они не сѣяли и не собирали. На берегу рѣки кое-гдѣ виднѣлись вырытыя въ землѣ печи, по временамъ дымившіяся, около которыхъ возились женщины.

Распоясовцы не шли на новыя мѣста и держались попрежнему убѣжденія, что—«лучше померѣть».

Настали осенніе дожди... Распоясовцы сказали себѣ:

— Ну, рябя, теперечи—чистая приходитъ наша смерть! Отдавай, ребята, Богу душу... Помирай!

И все-таки не шли съ старыхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ больными ребятами, мокли они въ мокрой соломѣ, въ ямахъ, оставшихся послѣ погребовъ и выломанныхъ печей...

И, дѣйствительно, стали помирать...

Наконецъ, всѣхъ ихъ отдали подъ судъ.

IV.

Пропустившій «сроки» распоясовецъ ослабъ духомъ совершенно; онъ, очевидно, потерялъ все; онъ, очевидно, не зналъ, въ чемъ дѣло, былъ дуракъ, невѣжа, и это сознаніе своей глупости, отозвалось въ характерѣ распоясовцевъ полнымъ презрѣніемъ другъ къ другу. Они, какъ собаки, грызлись и вредили другъ другу на новыхъ мѣстахъ; всякому было отвратительно видѣть въ другомъ набитаго дурака, который, изъ-за своего невѣжества и дурости, раззорился самъ, да и другихъ раззорилъ. Поэтому, при слѣдствіи «объ упорствѣ и неисполненіи и т. д.»—они валили все другъ на друга, валили на Пармена, на всѣхъ, кто первый кричалъ «постоимъ за свои животы», «подымай ребята своими животами», и на всѣхъ, кто «первый» отдавалъ эти животы...

Закончивъ долголѣтнюю исторію своего терпѣнія и бѣдности сознаніемъ своей глупости, ничтожества, такого ничтожества, которое можетъ быть во всякое время выкинуто вонъ, какъ соръ—распоясовецъ чувствовалъ внутри себя полный разгромъ, разворотъ и сталъ пропивать все, что̀ оставалось, сталъ воро-

Digitized by Google

вать, изнаглѣлъ до того, что прямо подходилъ къ проѣзжему купцу и говорилъ:

— Ну что-жь, купецъ, расплачивайся, что-ли?..

И вотъ, въ такую-то минуту нравственнаго паденія, грозившаго потопить распоясовца въ морѣ самой крайней нищеты, однажды, по осени, въ самое трудное для распоясовцевъ время, когда приходилось вносить недоимки — въ маленькой тележкѣ, запряженной добрымъ меренкомъ, появился Иванъ Кузьмичъ, вмѣстѣ съ управляющимъ. Они, очевидно, объѣзжали и осматривали «округу». Меренокъ шолъ свободно и весело по дорогѣ; Иванъ Кузьмичъ просто и прямо оцѣнивалъ «что чего стоитъ», и скоро стало извѣстно, что «купецъ снялъ» у барина «все»—и лѣсъ дремучій, и рѣки, и поля, все—все до нитки... Скоро ново-распоясовцы узнали, что и ихъ Иванъ Кузьмичъ тоже «снялъ», всѣхъ до единова: «полтина въ сутки пѣшему и рубль конному»; кто хочетъ *по этой цѣнѣ* идти на станцію за пятнадцать верстъ принять оттуда паровикъ—иди».

Такова была прокламація Ивана Кузьмича къ народу:

«*Человѣкъ—полтина*»—вотъ суть теоріи, принесенной имъ въ распоясовскую среду. Тутъ не предполагалось никакихъ разсужденій о томъ, что наше, что ваше.

Ни насчетъ какихъ «правовъ» тутъ разговору бытью же не могло.

Просто: хочешь полтину — иди, не хочешь—не надо. Все это потерявшему внутренній смыслъ распоясовцу, было какъ нельзя лучше по душѣ: у него, послѣ полнаго нравственнаго разгрома, оставались цѣлыми руки, ноги, мускулы и желудокъ. Иванъ Кузьмичъ только того и требовалъ—назначилъ желудку полтинникъ въ сутки и самое главное—водку.

— Повеземъ, ребята, говорили его прикащики, скликая распоясовскій народъ:—повеземъ одной водкой!

— Дай вамъ Богъ за это!.. кричали распоясовцы.

— Насчетъ водки не робѣй—сколько хошь пей, только дѣло дѣлай.

— У насъ вотъ какъ дѣло закипитъ—ключемъ! И, дѣйствительно, скоро закипѣло дѣло...

Тысяче-пудовое чудовище, наконецъ, пріѣхало изъ Москвы на станцію желѣзной дороги и, окружонное массою распоясовскаго народа, тронулось оживлять мертвую «округу». Широко разинуло оно свою нелѣпую, желѣзную пасть, какъ бы грозясь поглотить всю эту благодать, которая открывалась передъ нею, всю эту рвань, которая копошилась вокругъ нея... Медленно и грозно двигается оно впередъ... То затрещитъ и рухнетъ подъ нимъ гнилой мостъ, то застрянетъ оно на крутомъ подъемѣ... Визгъ

Digitized by Google

кнутьевъ по ободраннымъ, обезумѣвшимъ отъ усталости лошаденкамъ, оранье обезумѣвшихъ отъ водки распоясовцевъ, оранье хриплое и изо всѣхъ кишокъ, оранье, переполненное ругательствами, бранью, пѣснями, цѣлою тучей висить надъ этимъ чудищемъ, и оно кой-какъ вылѣзаетъ изъ ямы и идетъ дальше... То вдругъ, на крутомъ поворотѣ, когда разойдутся и лошади и люди и съ гиканьемъ мчатъ его впередъ, оно вдругъ свернется на бокъ и растянется на пашнѣ, раздавивъ подъ собой и дядю Егора, и дядю Пахома, да Микишку, да Андрюшку... Долго лежитъ тутъ душегубецъ-чудовище, ожидая судебнаго слѣдователя и слѣдствія, и полчище распоясовцевъ долго, нѣсколько дней подъ рядъ, пьянствуетъ, ругается другъ съ другомъ... Много разбитыхъ въ дракѣ, во время этого продолжительнаго бездѣлья лицъ, совершенно чорныхъ шишекъ у глазъ, запекшейся крови на вискахъ видно въ то время, когда чудище снова трогается впередъ, и снова выбиваются изъ силъ лошаденки, хлещутъ кнуты и пьяное оранье наполняетъ воздухъ.

Кое-какъ этотъ «человѣкъ-полтина» дотащилъ чудовище до мѣста, до быстрой рѣчки, пробѣгавшей въ лѣсу, котораго теперь ужь почти не было... Масса другихъ распоясовскихъ полтинниковъ уже сводила его самымъ усерднымъ образомъ, превращая его въ сажени, въ срубы и т. д. Съ трескомъ валились деревья, громко разносились пѣсни, звонъ пилъ и стукъ топоровъ—и вечеромъ, когда все это замолкало, начинаетъ гудѣть и дрожать отъ плясу, брани и драки выстроенный Иваномъ Кузьмичемъ изъ этого же лѣсу кабакъ.

— Голова—нашъ Кузьмичъ, братцы! охмѣлѣвъ, бурчалъ распоясовецъ.—И башка!

— Давольно чисто поворачиваетъ дѣлами, надо сказать прямо. Себѣ имѣетъ пользу, да и нашему брату способно...

— Хлѣбъ даетъ бѣдному, во-отъ! прибавлялъ третій.

— Ав-вось не помремъ, налей-ко еще стаканчикъ!

— Во-ота! Еще толи будетъ! Сказываютъ, взрывать все хочетъ начисто... деревянный камень какой-то есть.. Наливай!

— Эхъ, ребята, попьемъ, погуляемъ!.. Денежки-то вотъ онѣ... Новаго чекану, по старинному счету два рубля... Наливай, наливай, другъ!

— Ужь и мнѣ, старухѣ, стаканчикъ пожалуй-что придется съ вами съ молодцами выкушать... И у насъ кузьмичовы есть деньги, три пятака, пожалуй-что полтина—чево жь и не погрѣться.

— Пей, старуха! У Кузьмича денегъ много!.. Пойдемъ деревянный камень рыть—все воротимъ... Наливай!

И дѣйствительно, послѣ того какъ исчезъ лѣсъ, Иванъ Кузь-

Digitized by Google

мичъ напалъ на камень и сталъ рыться за нимъ въ глубь земли, таскать его оттуда и продавать до тѣхъ поръ, покуда не вытаскалъ весь и покуда вырытыя имъ пещеры не обвалились и не задавили нѣсколько десятковъ человѣкъ... Тогда оказалось, что и желѣза есть въ этихъ мѣстахъ количество не малое, и Иванъ Кузьмичъ принялся за желѣзо... Рылъ, вывозилъ и продавалъ, а деньги возилъ въ банкъ и получалъ книжки чековъ.

Вотъ что̀ мы знаемъ объ этихъ книжкахъ, которыя онъ почти каждый годъ привозилъ съ собою изъ города. Много ли впитали они въ себя добра—пусть судитъ читатель, который, надѣюсь, однако, согласится, что Иванъ Кузьмичъ дѣлалъ народу добро.

V.

... Иванъ Кузьмичъ только вечеромъ того дня, когда получилъ въ городѣ послѣднюю изъ своихъ книжекъ, доѣхалъ до своего мѣстопребыванія, въ распоясовскую округу. Ярко горѣли окна фабрики, гдѣ дымилъ и свисталъ чудовище-паровикъ. Шумѣла мельница, стучали толчея и крахмальный заводъ. Иванъ Кузьмичъ все скупалъ, все мололъ, толокъ и продавалъ... Тысячи народу копошились на фабрикѣ, на заводѣ. Сюда была согнана вся распоясовская округа—по рублю, по полтиннику, по четвертаку, и даже самые маленькіе мальчики и дѣвчонки могли заработывать по гривеннику въ день, занимаясь щипаньемъ корпіи, которую доставляли изъ больницъ въ гною и крови, и которая шла на бумажный заводъ.

Все было поставлено къ дѣлу и оцѣнено.

Иванъ Кузьмичъ жилъ въ центрѣ этого поселка, въ маленькомъ домикѣ, съ окнами на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ было видно все, что̀ ни дѣлалось вокругъ него.

Когда онъ вошелъ—въ комнатѣ было жарко натоплено и кипѣлъ самоваръ. Онъ не былъ женатъ, но прислуга у него была ловкая, знающая, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Иванъ Кузьмичъ напился чаю. Пилъ онъ его долго, часа три, распрашивалъ про то, что̀ было безъ него.

Все оказалось обстояло благополучно...

По окончаніи чаю, Иванъ Кузьмичъ прилегъ.

Все было кажется хорошо, а чего-то—это Иванъ Кузьмичъ чувствовалъ постоянно—какъ будто недоставало. Нѣсколько разъ мысли его останавливались на женитьбѣ. Но, подумавъ хорошенько, онъ находилъ, что это—чистая глупость... По я-

Digitized by Google

теперь онъ рѣшился отдѣлаться отъ скуки, такъ какъ отдѣлывался обыкновенно.

— Иванъ! сказалъ онъ какъ-то очень серьёзно.

Явился лакей.

— Что̀ на толчеѣ?..

— На толчеѣ ноне плохо, Иванъ Кузьмичъ.

— Ка̀къ плохо?..

— Всего двѣ бабы и то старухи... Вотъ на мельницѣ—есть...

— Кто такая?

— Андронова—изъ Большихъ Озеръ.

— Ну, хорошо...

— Мужъ съ ей...

— Дай ему рубль.

Лакей съ улыбкой вышелъ вонъ и отправился на мельницу.

Все это еще недавно была вещь вполнѣ невозможная. Но послѣ того, какъ человѣкъ сталъ цѣниться въ рубль, въ полтинникъ,—и полтинникъ, и рубль стали все!..

— Иди-иди, любезная!.. Торопись, матушка! Потаскай-ка вотъ этакую пасть съ собой—узнаешь, каково они сладки платки-то красные, да мелочь-серебро...

Такъ говорила какая-то женщина, съ ребёнкомъ на рукахъ, проходившая мимо дома Ивана Кузьмича въ то время, когда вслѣдъ за его лакеемъ бѣгомъ вбѣгала по ступенямъ крыльца какая-то женщина.

— О, дуры, дуры набитыя! вздыхая говорила женщина съ ребёнкомъ.—Одной ѣсть нечего, а тутъ и другое горло тоскай... Чай онъ отцомъ-то не хочетъ быть...

Слово «онъ» относилось къ Ивану Кузьмичу. Ребёнокъ апатично смотрѣлъ черезъ плечо матери куда-то въ даль.

Что̀ ждетъ его?

Никакихъ золотыхъ нарядовъ, которые сулила своему сыну размечтавшаяся крестьянка, фабричная женщина сулить не можетъ; она знаетъ, что цѣна ея мальчонкѣ долгое время будетъ гривенникъ, потомъ двугривенный и такъ до рубля, а ужь дальше ничего не будетъ... Сама она про себя знаетъ, что цѣна ей ничтожная, что хватаетъ только кормиться... Что̀ же она скажетъ своему мальчишкѣ? Что̀ же можетъ выдти изъ него, кромѣ человѣка, который нуженъ въ дѣлахъ Ивана Кузьмича: какъ сила, какъ дрова, какъ тряпки?.. По всей вѣроятности, иной будущности этому мальчугану и не предстоитъ.

Digitized by Google

II.

Неплательщики.

I.

Для полной послѣдовательности въ изложеніи исторіи распоясовскаго кармана, съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, необходимо было бы, тотчасъ за разсказомъ о появленіи въ распоясовскихъ палестинахъ Ивана Кузьмича съ его теоріей оборотовъ капитала, начать разсказъ о появленіи въ тѣхъ же мѣстахъ новой питательной желѣзно-дорожной вѣтви, такъ какъ Иваны Кузьмичи и питательныя вѣтви составляютъ между собою неразрывный союзъ, и другъ безъ друга рѣшительно не могли бы существовать: Иванъ Кузьмичъ потому только находитъ выгоду рубить, копать, рыть, пилить и вообще опустошать распоясовское доброе, что желѣзная питательная вѣтвь тотчасъ же, во мгновеніе ока, можетъ за тридевять земель унести все это выкопанное, расколотое, распиленное, поваленное на землю и вывернутое съ корнемъ изъ земли... Точно также и новая питательная вѣтвь потому только не занесена сугробами, что съ каждымъ днемъ ростетъ количество Ивановъ Кузьмичей, а, сталобыть, и количество нарубленнаго, вырытаго, распиленнаго—словомъ, количество опустошаемаго или, говоря газетнымъ языкомъ, количество грузовъ. Не будь дороги, Иванъ Кузьмичъ не сталъ бы рубить и рыть — куда бы онъ дѣлся со всѣмъ этимъ добромъ?.. Не будь Ивана Кузьмича, что̀ бы взяла желѣзная дорога съ распоясовскаго населенія, у котораго нѣтъ почти ничего, кромѣ бѣлаго, довольно кислаго квасу? Неразрывность связи питательныхъ вѣтвей и Ивановъ Кузьмичей подкрѣпляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ одни, такъ и другіе одинаково развиваютъ въ распоясовскомъ населеніи вкусъ получать *за все* чистыми деньгами: «чистыми деньгами» платитъ Иванъ Кузьмичъ за эти дремучіе лѣса, каменныя горы, за всѣ эти «нѣдра земли»; за «чистыя деньги» тащитъ онъ всѣ эти нѣдра при посредствѣ, конечно, все тѣхъ же распоясовскихъ обывателей на желѣзную дорогу, а дорога, нагрузивъ добычу Ивана Кузьмича въ свои новые вагоны, немедленно уноситъ ее за тридевять земель, оставляя распоясовскимъ обывателямъ за нагрузку увезеннаго добра ни много, ни мало — *по восьми гривенъ съ тысячи пудовъ*, ко-

Digitized by Google

нечно, «чистыми деньгами» и, конечно, по взаимному соглашенію...

Несмотря на крайне юмористическій, хотя и вполнѣ дѣйствительный объемъ вышеупомянутой цифры, тотъ фактъ, что распоясовскій обыватель такъ или иначе получаетъ «за все» имъ самимъ утраченное восемь гривенъ серебромъ барыша чистыми деньгами, этотъ фактъ самъ по себѣ уже достаточенъ для того, чтобы тотчасъ же со всею обстоятельностію изслѣдовать цѣли, средства и результаты, имѣющіе быть отъ появленія въ глухихъ мѣстахъ новорожденныхъ питательныхъ вѣтвей. Но, при всемъ нашемъ желаніи теперь же сосредоточиться на этомъ новомъ, продолжающемъ и развивающемъ теоріи Ивана Кузьмича явленіи, мы не дѣлаемъ этого сію минуту потому, во-первыхъ, что боимся слишкомъ долго останавливать вниманіе читателя на одномъ и томъ же и притомъ такомъ непривлекательномъ предметѣ, какъ мужицкій карманъ — на предметѣ, сухость и тягость котораго еще болѣе увеличивалась бы развитіемъ такой трагической подробности, какъ физіологія питательной вѣтви, а, во-вторыхъ, потому, что питательная вѣтвь, несмотря на свои молодые годы, уже успѣла ознаменовать себя такими яркими проявленіями, которыя невольно охлаждаютъ охоту умиляться передъ шестнадцатью пятаками, оставляемыми ею распоясовскому мужику, и невольно заставляютъ подумать о другомъ. Чтобы не ходить далеко за такими неловкими проявленіями, упомянемъ хотя бы о томъ плачевномъ фактѣ съ этими же шестнадцатью пятаками, по которому оказывается, что, выдавая ихъ распоясовцу чистыми деньгами чрезъ посредство какого-нибудь начальника станціи, питательная вѣтвь, совершенно иными путями, словно и не она, а кто-то другой, извлекаетъ эти шестнадцать пятаковъ (пятакомъ больше, пятакомъ меньше—не все ли равно?) въ бездонную пропасть своего трехмилліоннаго бюджета.. Фактъ печальный, но дѣйствительный. Въ ту самую минуту, когда распоясовецъ, превращенный Иваномъ Кузьмичемъ въ истиннаго Лира и затѣмъ вновь возвращенный въ мужицкое званіе восьмью гривнами, въ ту самую минуту, когда этотъ не король Лиръ, а Лиръ-мужикъ, сталъ-было увѣрять себя, что «вотъ, молъ... *по-крайности, все же деньги*» — въ эту-то минуту къ нему явился трех-милліонный бюджетъ питательной вѣтви и потребовалъ заплатить за него полмилліона рублей гарантіи... Оказывалось, что, несмотря на всѣ старанія Ивановъ Кузьмичей опустошить отечество, дорога не можетъ покрыть расходовъ, не можетъ заплатить процентовъ на тѣ кучи денегъ, которыя нахватала она тамъ и сямъ, приготовляясь обогащаться и обогащать... Трех-

Digitized by Google

милліонный бюджетъ громко роптал на распоясовца, что онъ ничего не производитъ, а умѣетъ торговать только своими «готовыми нѣдрами», которыя слишкомъ дешевы и постоянно требуютъ пониженнаго тарифа... Оказывалось, кромѣ того, что не понижать тарифа на эти нѣдра невозможно, такъ какъ все, что имѣлъ бюджетъ въ виду, кромѣ распоясовскихъ нѣдръ, точно также обмануло его, и обмануло самымъ жестокимъ образомъ: мука гречневая, мука пшеничная, пеклеванная, ржаная — словомъ, всѣ сорта всевозможной муки, на безчисленное количество грузовъ которой разсчитывала вѣтвь, эта безсовѣстная мука не поѣхала по вѣтви... совсѣмъ не поѣхала... На всѣхъ парахъ разлетѣвшись къ той избенкѣ на берегу Волги, гдѣ проживала эта мука, красноглазый локомотивъ новой питательной вѣтви увидѣлъ, что у той же избенки уже свѣтятся десятки красныхъ глазъ другихъ локомотивовъ отъ другихъ питательныхъ вѣтвей, пріѣхавшіе къ избенкѣ тоже за этой мукой. «Гдѣ тутъ пеклеванная? Гдѣ тутъ пшеничная? Гдѣ мука ржаная?»... орали красноглазые кулаки, а изъ избенки слышался кашель и какой-то больной голосъ едва слышно отвѣчалъ: «Как-кая тамъ мука-а!.. Самимъ нѐчего... кха-кха... всеё дочиста обобрали... кха-а-а!.. Нѣту ничаво!»... Кàкъ ни орали, кàкъ звонко ни гаркали локомотивы питательныхъ вѣтвей, а должны были убѣдиться, что нѣтъ муки, что какая была, та ужь уѣхала... Посвисталъ, посвисталъ и нашъ красноглазый покупатель, да и поплелся назадъ, таща за собою въ бюджетъ весьма основательный и тоже «чистый» убытокъ... То же, что и съ мукой, случилось и со всѣмъ прочимъ, что должно было ѣхать по нашей вѣтви... Должно было, кромѣ муки, ѣхать — сѣмя льняное, сѣмя конопляное, сѣмя горчичное, сѣмя сарочинское—и не поѣхало... «Какое тутъ сѣмя-а!.. отвѣчали съ кашлемъ изъ избенки на Волгѣ.—Ступайте отседа... Ну, васъ... кха!»... Долженъ былъ ѣхать копчоный балыкъ, мороженый бершь, бѣлорыбица, бѣлуга, лососина, стерлядь... Должны были тучей нестись сухая вобла, окунь, осетръ, сазанъ малосольный и сухой, сельдь иностранная и русская семга; севрюга, сомъ, малосольная сопа, жерихъ, судакъ, тарань, чехонь, шемая... Должны были—и не поѣхали... Частію потому, что ужь были увезены давнымъ давно, частію, какъ, напримѣръ, вобла сухая, по невѣжеству: эта неповоротливая тварь прямо объявила, что не поѣдетъ въ заграничное путешествіе, потому, молъ, что непригоже копѣечной дамѣ объявляться за границей въ рубль серебромъ. «У господъ иностранцевъ, поди, какія свои есть!»... И снова улеглась на берегу Волги вмѣстѣ съ бурлаками, продолжая свою копѣечную торговлю и

Digitized by Google

не обращая вниманія на то, что трех-милліонный бюджетъ твердилъ ей о совершенно готовомъ и притомъ пониженномъ до крайности тарифѣ на ея перевозку. «Ну, ужь, что̀ ужь!»... бормотала Анфуса-вобла... И бюджетъ остался ни съ чѣмъ. Соображая всѣ эти несчастія бюджета, распоясовецъ рѣшительно не зналъ, чѣмъ помочь барину, все, что̀ было, увезъ этотъ самый баринъ вмѣстѣ съ Иваномъ Кузьмичемъ; прежде были, правда, соленые огурцы, но съ тѣхъ поръ, какъ прошла чугунка, и солить нѐначто стало, потому что нѣтъ уже заработка извозомъ. Кромѣ восьми гривенъ, которыя, дай Богъ здоровья, далъ вотъ этотъ самый трех-милліонный баринъ, у распоясовца не было почти ничего. Эти-то восемь гривенъ и потребовалъ баринъ, прося «честью». Распоясовецъ зналъ, что̀ можетъ послѣдовать за выраженіемъ: «честью тебѣ говорю» — и сказалъ поэтому: «Н-ну, Богъ съ вами... получай!» Отдалъ деньги и ушелъ.

Такой, по малой мѣрѣ, неджентльменскій поступокъ бюджета новой питательной вѣтви самъ по себѣ настолько ярокъ и вѣсокъ, что, и не вдаваясь въ особенныя подробности, можно ужь имѣть общее понятіе о достоинствахъ такого новаго явленія глухихъ мѣстъ, какъ желѣзная дорога... И вотъ, принимая во вниманіе какъ смыслъ этого новаго явленія, такъ и смыслъ всего, что̀ до него происходило въ распоясовскихъ мѣстахъ, невольно устаешь, утомляешься отъ непомѣрно однообразной сути и старыхъ, и новыхъ формъ распоясовской жизни и думаешь, кто же тѣ, кто по каплямъ выпиваетъ эту рѣку бюджетовъ, сливающуюся изъ безчисленныхъ распоясовскихъ ручейковъ? Ка̀къ и чѣмъ живутъ тѣ, кто ни рубитъ, ни возитъ, ни пилитъ, ни глупитъ, какъ распоясовскій мужикъ, но для которыхъ на потребу идетъ распоясовскій трудъ, глупость — все?.. Счастливы ли, довольны ли эти люди, стоящіе у готоваго, у настоящихъ «чистыхъ» денегъ — эти истинные неплательщики, хотя и не недоимщики?

Эти невольно родившіеся вопросы заставляютъ насъ покинуть распоясовскій карманъ, покинуть деревню, перенестись въ городъ и обратить вниманіе уже не на карманъ, а вообще на состояніе духа городскаго жителя, такъ какъ всякій городъ, даже такой крошечный, какой предстоитъ намъ видѣть, непремѣнно стоитъ и держится потому, что черезъ него идетъ ручеекъ изъ общаго, широкаго и глубокаго бюджета и, такъ какъ, живя на готовое, городской бюджетный человѣкъ блюдетъ несомнѣнно какіе-нибудь высшіе духовные интересы...

Въ этихъ-то видахъ мы и приглашаемъ читателя, забывъ всѣ

Digitized by Google

бѣды и радости распоясовцевъ, послѣдовать за нами въ современный губернскій городъ и хоть мелькомъ взглянуть, что̀ у него на душѣ?

II.

Физіономія современнаго губернскаго города какъ снаружи, такъ и внутри, это—нѣчто такое, что̀ сразу, съ одного дня разслабляетъ нервную систему и сразу, съ одного дня, дѣлаетъ жизнь какою-то досадною путаницею. Путаница явленій, поражающая вашъ глазъ, наравнѣ съ путаницею явленій, поражающей вашъ умъ, лишаетъ физіономію современнаго города всякого образа и подобія, образуя, вмѣсто какой бы то ни было физіономіи, нѣчто неуклюжее, разношорстное, какую-то кучу, свалку явленій, неимѣющихъ другъ съ другомъ никакой связи и, несмотря на это, дѣлающихъ усилія ужиться вмѣстѣ... Старинный тарантасъ, запряженный пятерикомъ мухортыхъ лошаденокъ, какъ нельзя лучше подходилъ къ глубинѣ той лужи, въ которой онъ обыкновенно застревалъ и изъ которой, тоже обыкновенно, вытаскивали его народомъ; все это вмѣстѣ, т. е. тарантасъ, лужи, люди съ дубинами, какъ нельзя лучше подходило къ широкому постоялому двору, густо застланному мягкимъ навозомъ и широко распахивавшему свои тесовыя ворота выбравшимся изъ бѣды путешественникамъ. Трактиръ, грязный, темный, какъ уголъ, заплетенный паутиной, трактиръ этотъ, помѣщавшійся въ верхнемъ этажѣ постоялаго двора, какъ нельзя лучше подходилъ къ толстому купцу, пришедшему поговорить съ худенькимъ приказнымъ по кляузному дѣлу, а къ обоимъ вмѣстѣ какъ нельзя лучше подходила подъ стать трактирная машина, гудѣвшая лучинушку и заглушавшая кляузные разговоры... А въ хорошій морозный день, какую удивительную гармонію представлялъ обыватель, весело несущій за ногу живаго поросенка или гуся и, несмотря на пронзительный вопль животнаго (которое чуетъ, что его сейчасъ съѣдятъ люди), неупускающій случая приторговывать все встрѣчное и поперечное—какую гармонію представлялъ этотъ обыватель вмѣстѣ съ хрюканьемъ, и ораньемъ, со скрипомъ замороженнаго снѣга и съ веселымъ буханьемъ въ большой соборный колоколъ, по случаю параднаго дня?.. Гармонія во всемъ этомъ была полная. Тряпье, дикость, невѣжество, хрюканье, и пр. и проч.—все это было пригнано и прилажено, все къ тому же невѣжеству, тряпью, хрюканью и дикости и, стало быть, не могло не только поражать вашего глаза, но даже ни на волос-

обижало его... Теперь не то. Гармонія подлиннаго тряпья нарушена пришествіемъ рѣшительно не совмѣстныхъ съ нимъ явленій. Изъ превосходнаго вагона желѣзной дороги пассажиръ вылѣзаетъ прямо въ лужу грязи, грязи непроходимой, изъ которой никто не придетъ васъ вынуть, потому что машина прошла въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отъ роду не было ни народу, ни дорогъ... Ощущеніе гибели, безпомощности вдругъ овладѣваетъ вами нежданно негаданно, и, съ перваго же шага, нежданность явленій и ощущеній ужъ не покидаетъ васъ: въ новомъ судѣ изо дня въ день тянется передъ глазами слушателей одна и та же, до мелочей однообразная повѣсть о крайнемъ убожествѣ, объ убійствѣ съ пьяну, о кражѣ съ пьяну, о кражѣ съ голоду— повѣсть о круглой голи, о какой-то маленькой, зеленой копейкѣ, а обстановка этой копейки стòитъ рубля; на сцену ставятъ дѣло о несчастнѣйшей бѣднѣйшей, забитѣйшей женщинѣ, которая не помнитъ, какъ родила гдѣ-то въ хлѣву ребенка, не помнитъ, живой онъ былъ или мертвый, а только умѣетъ ревѣть, ничего не въ силахъ будучи сообразить, а на обстановку этого несчастія идетъ ничуть не меньше, чѣмъ на постановку *Аиды* и *Африканки*. Прежняя, старинная грязь и лужи, прежніе гнилые заборы, съ нищими на углу, поющими «подайте Христа ради!» а надъ головой нищей — «Парижская жизнь», оперетка, а изуродованный куплетъ оперетки заглушается буханьемъ въ колоколъ у Никитья, гдѣ завтра престолъ... *Вдругъ*, нежданно, негаданно налетитъ по желѣзной дорогѣ Рубинштейнъ, Давыдовъ... *Вдругъ* забѣжитъ волкъ и перекусаетъ возвращавшихся съ концерта меломановъ... Лохмотья, до послѣдней степени разстроенные нервы, волкъ, Рубинштейнъ, вѣнская карета и первобытная мостовая, мигрень и тикъ рядомъ съ простымъ угаромъ — все это проходитъ одно за другимъ, желая представить изъ себя нѣчто общее, нѣчто переплетенное въ одну книгу подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Губернскій городъ такой-то», и нисколько не достигаетъ чего нибудь подобнаго, а только поражаетъ, заставляя на каждомъ шагу спрашивать себя: зачѣмъ и откуда взялась вѣнская карета въ этой лужѣ? Почему не просто соленый огурецъ, а какой-то соленый конкомбръ? Зачѣмъ Рубинштейнъ? Зачѣмъ волкъ? Зачѣмъ «Парижская жизнь»?.. Зачѣмъ желѣзная дорога?.. Словомъ—полная неизмѣнность первобытныхъ условій, при которыхъ по городу свободно могутъ бѣгать волки, при которыхъ даже и состоятельный человѣкъ считаетъ долгомъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ угорѣть такъ, что его «вытаскиваютъ» за мертво, полная неизмѣнность условій, при которыхъ вполнѣ возможны и законны сугробы, лохмотья,

Digitized by Google

и т. д., и, въ то же время, несомнѣнное присутствіе или напоръ въ среду этихъ условій—мигреней, вѣнскихъ каретъ, оперетокъ, громадныхъ окладовъ, разстроенныхъ нервовъ и множества другихъ новостей, рѣшительно не подходящихъ къ старому, но смѣшанныхъ съ нимъ какою-то невѣдомою и невидимою силою — дѣлаетъ эту смѣсь, толкучку явленій досадною до послѣдней степени. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ должна перенести ваша мысль, если разговоръ о литературѣ, который вы сейчасъ вели въ весьма просвѣщенномъ обществѣ, смѣняется темною, какъ могила, улицею, по которой вамъ приходится идти, думая только о спасеніи себя отъ лужъ, собакъ, а то и прямо отъ волковъ; если грустныя впечатлѣнія суда — непремѣнно должны быть либо просто забыты, либо изгажены маркизами, возвратившимися изъ булонскаго лѣсу, которыхъ вы видите на театрѣ?.. Крайняя разнородность, полная разорванность явленій, которыхъ невольно должна касаться ваша мысль въ продолженіи хотя одного дня, къ вечеру этого дня истомляетъ васъ, разслабляетъ. Приходится неожиданно думать о неожиданныхъ вещахъ и неожиданно прекращать случайно начатую мысль ради чего нибудь также неожиданнаго, а въ результатѣ—нуль, скука, досадная зѣвота..

Вотъ, въ рѣзкихъ, грубыхъ чертахъ, тоскливая, испуганная физіономія современнаго, реформированнаго губернскаго города... Потребность уйти изъ него, которая начинаетъ мелькать у васъ очень скоро послѣ знакомства съ этой пріятной физіономіей, оказывается потребностію весьма распространенною, конечно, подъ весьма разнообразными формами. Одни просто готовы бѣжать куда глаза глядятъ, другіе только сегодня «не знаютъ куда дѣться», а завтра можетъ и дѣнутся куда нибудь, третьи, вообще «чувствуютъ неудовольствіе». Кой-кто изъ всей этой массы народа, чувствующей досадное иго и бремя досадной дѣйствительности, не задумывается долго и уходитъ; но неизмѣримое большинство живетъ, ежеминутно чувствуя неудовлетвореніе...

И вотъ, по чему-нибудь оставшись среди этой досадной путаницы жизни, оставшись на долго, начинаешь мало по малу покойнѣе всматриваться въ нее, изучать ее въ виду того, что не одинъ ты влачишь это иго и бремя, а тысячи и десятки тысячъ, и, благодаря этому, совершенно теряешь всякую возможность досадовать на какую бы то ни было неожиданность, прибавляющую къ существующимъ нелѣпицамъ нелѣпицу новую, теряешь эту способность потому, что приходишь къ такому убѣжденію: да вѣдь это—все не здѣсь дѣлается, вѣдь это все—только отраженныя движенія какой-то нервной системы, мозгъ ко-

Digitized by Google

торой не здѣсь. Оказывается, что здѣшній мѣстный мозгъ—почти парализованъ, почти не дѣйствуетъ, а, если и дѣйствуетъ, то очень слабо, едва-едва. Оказывается, что явленія здѣшней жизни—явленія въ буквальномъ смыслѣ, потому что буквально являются сюда и перевертываютъ все вверхъ дномъ, не давая здѣшнему мозгу опомниться, пріучивъ его молчать, обезсиливъ и обезкровивъ его...

Ниже, мы фактами новѣйшей исторіи постараемся показать какъ внезапность, случайность явленій нашей досадной жизни, такъ и вліяніе этой случайности, пришлости явленій на состояніе мысли и расположеніе духа мѣстнаго бюджетнаго потребителя. Теперь же, прежде всего необходимо сказать два слова въ подтвержденіе сказаннаго вообще о случайности появленія новинъ въ нашихъ мѣстахъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этой случайности, лучше всего посмотрѣть на мѣстнаго «жителя», на коренника, на потомка тѣхъ коренниковъ, тѣхъ подлинныхъ «жителей», которые насидѣли мѣсто, называемое теперь «городомъ такимъ-то», которые застроили его этими домиками въ три окна, этими церквами, этими базарами, которые горѣли и погорали до тла и все-таки опять выстраивались на насиженномъ мѣстѣ. Каковъ же этотъ потомокъ, каковъ этотъ теперешній коренникъ, фундамѐнтъ города, житель или, что̀ — тоже, «предполагаемый на будущій годъ доходъ съ недвижимыхъ имуществъ»—каковъ-то онъ, этотъ недвижимый человѣкъ? Оказывается, что этотъ недвижимый человѣкъ какъ двѣ капли воды такой же самый, какъ и его предокъ... Чего-чего не перебывало съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней на томъ мѣстѣ, которое насидѣлъ до-историческій коренникъ, а онъ хоть бы на булавочную головку измѣнилъ суть своей жизни... Чѣмъ жилъ предокъ, откуда бралъ онъ силу чуть не ежегодно строиться вновь, ежегодно погорая отъ собственнаго самовара—опредѣлить нѣтъ возможности; точно также нѣтъ никакой возможности опредѣлить, чѣмъ живетъ, откуда беретъ силу жить и теперішій житель, населяющій эти безконечные трехъ и четырехъ оконные, каменные и полу-каменные дома; но, точь въ точь какъ и предокъ, онъ погораетъ отъ собственнаго самовара и, точь въ точь какъ предокъ—невѣдомо какъ—умѣетъ выстроиться. Подлинный житель непостижимъ безъ собственнаго дома. Домъ и житель, это—тоже, что̀ мышь и нора; житель, поэтому—не просто человѣкъ, а, такъ сказать, человѣко-домъ, и въ этомъ видѣ и смыслѣ онъ—двѣ капли воды тотъ же самый человѣко-домъ, какъ и его до-историческій предокъ... Идутъ мимо него реформы, оперетки, а онъ все бухаетъ, да бухаетъ у Никитья

Digitized by Google

къ ранней и поздней, къ первому, ко второму и третьему звону... Среди бездонныхъ лужъ, устроенныхъ этимъ самымъ жителемъ, появляются вѣнскія кареты, и въ каретахъ сидятъ въ высшей степени разстроенныя нервы, а житель, не обращая на эти нервы никакого вниманія, продолжаетъ терзать ихъ хрюкомъ и ревомъ своихъ базарныхъ площадей и по старинному тащитъ поросенка за заднюю ногу, ни капли не разстраивая его воплемъ своихъ нервовъ. Мимо него идутъ линіи желѣзныхъ дорогъ, открывающія ему ворота на дороги всего свѣта, а онъ все-таки продолжаетъ ѣздить въ одну только Оптину пустынь... Придутъ, вмѣсто желѣзныхъ дорогъ, аэростаты—и онъ все-таки, и на аэростатѣ поѣдетъ въ ту же Оптину пустынь, или ужь (благо скоро ходитъ), съѣздитъ къ Троицѣ-Сергію, потому давно (лѣтъ 30) собирался. Во имя чего онъ дубаситъ у Никитья, толкается на базарѣ, горитъ и строится—я не знаю, точно такъ же, какъ не знаю, почему мышь проявляетъ себя только въ прогрызаніи дыръ; но, что мышь и житель одинаково непоколебимо тверды въ упомянутыхъ проявленіяхъ—это я вижу ясно. Чѣмъ же объяснить такую удивительную непоколебимость нравовъ человѣко-дома, если не тѣмъ, что почти ни одно изъ «явленій» послѣднихъ дней не началось въ его норѣ, а прилетало, являлось со стороны? Въ нору жителя доходилъ только звукъ, свѣтъ явленія; «нонѣ *пошло*» вотъ то-то, говорилъ онъ, и на томъ оканчивалъ связь съ тѣмъ, что «пошло»... «Пошло земство», «пошолъ шиньёнъ», «пошли банки», «пошла стуколка»... Кое-что, напримѣръ, шиньонъ, необходимость билета на желѣзную дорогу, онъ удерживалъ у себя; но, принимая шиньонъ, онъ все-таки отправлялъ въ немъ свою дочь къ тому же самому Никитью, куда ходила и бабушка, хоть и безъ шиньона, а по желѣзной дорогѣ, какъ уже сказано, ѣздитъ все въ ту же Оптину пустынь.

При этомъ необходимо упомянуть, что и принятіе такихъ вещей, какъ шиньонъ и билетъ, всегда обходилось ему необыкновенно дорого. Такъ, прежде, нежели онъ научился брать билеты, у него было и долго тянулось дѣло по оскорбленію начальника станціи словами. Онъ пять разъ подходилъ къ кассѣ и спрашивалъ билетъ въ Оптину пустынь, пять разъ ему говорили, что нѣтъ такой станціи; пять разъ онъ отвѣчалъ на это, что, какъ же, молъ, Иванъ-то Петровичъ ѣздилъ?» — «Проходите, проходите!» говорилъ ему жандармъ, и пять разъ житель влѣзалъ за перила и вылѣзалъ изъ нихъ безъ всякаго результата. Такъ какъ прежде, до чугунки, всѣ ѣзжали въ Оптину пустынь весьма благополучно и такъ какъ Иванъ Петровичъ ѣздилъ туда же по чугункѣ, то

Digitized by Google

отказывать въ билетѣ, это значитъ просто желать взять взятку.—«Это вы, я вижу, господинъ, помазаться захотѣли, что, молъ, въ Оптину пустынь нельзя... видно и тутъ съ нашего брата наровите слизать...», въ шестой разъ продравшись къ кассѣ, съ полною увѣренностію заявилъ житель.—«Что-о-о-о?»—загремѣло на это изъ глубины кассовой будочки, и загремѣло именно такимъ голосомъ, послѣ котораго непремѣнно долженъ слѣдовать протоколъ; такъ и вышло. Дѣло это, тянувшееся полтора года, стало жителю въ копейку, но научило его брать билеты въ Оптину пустынь. «Ты у меня спроси, говорилъ онъ какому нибудь юному жителю:—какъ, напримѣръ, по нонешнему времени, въ Оптину-то пустынь ѣздятъ, такъ я тебѣ могу объяснить это... Оно у меня вотъ гдѣ сидитъ, слѣдовательно, я знаю какъ билеты берутся... вотъ!»... А шиньонъ? Тутъ ревѣло, не день, не два, а два-три года къ ряду, цѣлая масса дѣвицъ, изнывающихъ въ душныхъ жителевыхъ норахъ, женъ и матерей, понимающихъ, что, по нонешнему времени, нельзя безъ этого, бабушекъ и прабабушекъ, тронувшихся рыданіями внучекъ и т. д. И только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ этого рева, просьбъ и рыданій, возобновлявшихся акуратно передъ каждой всенощной и обѣдней, житель, который все время упирался единственно только потому, что все новое, приходящее со стороны, непріятно ему, наконецъ, разрѣшаетъ купить шиньонъ, прибавляя. такъ ужь, ни къ селу, ни къ городу: «да смотри у меня. Ежели—чуть-что, изъ дому выгоню. Хоть околѣй на улицѣ—не пущу».

Но, принимая кое-что изъ новаго, онъ суть дѣла оставляетъ всегда прежнею, какъ уже это и было показано на исторіи съ билетомъ и шиньономъ, и принимаетъ это кое-что послѣ продолжительнаго самоистязанія, воплей семьи, расходовъ по дѣлу и т. д. Все же остальное новое, что не подходитъ такъ близко къ его основнымъ убѣжденіямъ, какъ подошолъ шиньонъ и билетъ на желѣзную дорогу—все являлось къ нему въ видѣ повѣстокъ, просовываемыхъ въ его нору какимъ-то сѣрымъ рукавомъ и требующихъ 1 р., 2 р., 5 р. и т. д. и т. д., только оплачивается имъ, причемъ житель кряхтитъ, чешется и подъ конецъ все-таки платитъ. Оплаченныя, такимъ образомъ, новости какъ будто бы осуществляются въ дѣйствительности, но въ нравственномъ мірѣ кореннаго жителя — отъ нихъ ни тепло, ни холодно. Вѣритъ онъ, въ сущности, все-таки только въ то, во что вѣрилъ его древнѣйшій предокъ.

Digitized by Google

III.

Таковъ коренной, фундаментальный житель города. Притерпѣвшись ко всевозможнымъ перемѣнамъ, закалившись, съ одной стороны, въ увѣренности, что появленіе этихъ несчастій неизбѣжно (всякій, даже и ни въ чемъ не виноватый изъ жителей, увѣренъ, что отъ сумы, да отъ тюрьмы — отказываться нельзя), съ другой стороны—въ томъ, что оно, это явленіе перемѣнъ, не отъ насъ и намъ не требуется, житель, хоть и кряхтитъ, хоть и платитъ, но основы, то-есть пироги, храмовые праздники, пожары и т. п., завѣщанные ему предками, узаконяютъ въ его собственныхъ глазахъ его существованіе. Вѣря въ эти основы, онъ чувствуетъ нѣкоторое тепло близь нихъ, имѣетъ на бѣломъ свѣтѣ нѣкоторый уютъ. Выстроившись, отвертѣвшись благополучно отъ дѣла, да съѣздивъ при этомъ тоже благополучно къ Троицѣ-Сергію, житель можетъ имѣть въ своей норѣ минуты истиннаго счастія, особливо когда увѣренъ, что ближе будущаго года горѣть ему не придется, что вороты заперты, собаки спущены, что около кровати старшей дочери, свернувшись клубочкомъ, подъ шубкой на полу, лежитъ старая бабушка и всю ночь, не показывая виду, не спускаетъ съ своей внучки глазъ... Въ такія минуты, когда житель вполнѣ увѣренъ, что въ такой поздній часъ не придутъ съ повѣсткой, что не влѣзетъ воръ, что Господь сохранитъ отъ пожара, что дочка вертись не вертись, а ужь замужъ пойдетъ по божески—въ такія минуты житель можетъ быть вполнѣ счастливъ... На душѣ его, въ такія минуты, тихо, тепло; тихо и тепло, въ такія минуты, въ его спальнѣ, въ его перинѣ, и весело отъ ровнаго, тихаго свѣта лампадки...

Но каково тому, кто не глупитъ, какъ распоясовскій мужикъ, каково тому, кто не сѣетъ, не жнетъ, не рубитъ и не опустошаетъ, кто не терпитъ, какъ коренной житель, отъ новыхъ временъ и отъ пожаровъ, но кто поставленъ къ этимъ временамъ, для того, чтобы дѣлать ихъ, кому заплачено чистыми деньгами и сказано: «не хлопочи ни о чемъ, а думай, дѣлай и получай за это!»—каково-то на душѣ у этого человѣка, лишеннаго совершенно того уюта душевнаго, который есть у «жителя», который поставленъ внѣ условій, заставляющихъ распоясовскаго мужика, получившаго восемь гривенъ, успокоивать себя фразой—«по крайности—деньги»? Каково-то состояніе духа этого подлиннаго неплательщика (иные называютъ этотъ сортъ людей интелигенціей, въ данномъ случаѣ, провинціальной), въ виду все той

Digitized by Google

же случайности появленія новыхъ дѣлъ, къ которымъ ставятъ его и за которыя ему такъ хорошо платятъ?..

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что состояніе духа лучшаго экземпляра современнаго провинціальнаго интелигентнаго неплательщика — по истинѣ ужасное. Именно, ужасъ этого душевнаго состоянія и заставилъ насъ оторваться на время отъ распоясовскихъ интересовъ. Чтобы это опредѣленіе не показалось читателю голословнымъ, мы постараемся разобрать, хотя въ общихъ чертахъ, элементы, изъ которыхъ слагается это опредѣленіе, а, такъ какъ корень и источникъ положенія, опредѣляемаго, въ концѣ концовъ, словомъ «ужасный», все-таки, та же «случайность», то—прежде всего, намъ необходимо взять какое нибудь явленіе, случайность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію и ясна для всѣхъ.

Возьмемъ, поэтому, такое явленіе, какъ желѣзная дорога. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что городъ, о которомъ идетъ рѣчь, никоимъ образомъ не могъ имѣть надобности въ этомъ новомъ явленіи. Погорая ежегодно, онъ былъ бѣденъ, какъ бѣдна была вся округа. Поэтому, на предложеніе еще только проектированной дороги войти городу съ нею въ какія-то соглашенія и сдѣлать въ ея пользу какія-то уступки городъ отвѣчалъ прямымъ отказомъ. Онъ зналъ свои средства и находилъ, что это ему будетъ—не разсчетъ. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ дѣлѣ можно повѣрить опытности жителя, и, стало быть, если несмотря на этотъ отказъ, дорога все-таки явилась въ нашихъ мѣстахъ, то появленіе ея можно смѣло считать вполнѣ неожиданнымъ, случившимся вопреки мѣстнымъ надобностямъ и экономическимъ возможностямъ. Но, такъ или иначе, мысль, родившаяся въ какой-то посторонней головѣ, родившаяся изъ чисто личныхъ, до насъ ни на волосъ не касавшихся разсчетовъ, приведена въ исполненіе: локомотивы свистятъ, поѣзды приходятъ и отходятъ. Фактъ совершился, и волей не волей приходится подчиниться ему.

Кряхтя и почесываясь, городъ принужденъ строить шоссе къ станціи желѣзной дороги, которая послѣ отказа въ соглашеніи, выстроилась гдѣ-то необычайно не у мѣста. Прошла дорога и стала возить все дешевле, чѣмъ на лошадяхъ; лошадиная ѣзда стала невозможностію, и; хотя то, что городъ и округа возили на лошадяхъ въ старину, съ проходомъ дороги не могло увеличиться, но неволя заставляетъ и для этихъ маленькихъ грузовъ строить шоссе, потому что возить людей и товаръ по такимъ мѣстамъ, гдѣ отъ роду не было никакихъ дорогъ, не представляется никакой возможности; и вотъ, изъ доходовъ города

Digitized by Google

выламывается, нежданно, негаданно, кушъ въ сто пятьдесятъ тысячъ рублей. Въ расходахъ, кое-какъ удовлетворявшихся мѣстными средствами, образуется новый, на который еще вчера никто не разсчитывалъ и который нечѣмъ покрыть, такъ какъ и прежніе едва-едва удовлетворялись. Мѣстное самоуправленіе, выломивъ изъ своихъ доходовъ такой кушъ, вдругъ съёживается въ удовлетвореніи самыхъ настоятельныхъ потребностей, только что пробужденныхъ другими, тоже, бо́льшею частію, случайно вторгнувшимися въ жизнь явленіями. Положено, поэтому, закрыть христорождественское училище; отложить до будущаго года проектъ о водопроводѣ, уменьшить, сократить, отклонить, отложить... Въ дѣятельности городского самоуправленія — предположимъ даже такого, которое одушевлено самыми благими намѣреніями — внезапное исчезаніе такой кучи денегъ, какая пошла на мостовую, сразу дѣлаетъ прорѣху, и люди, даже самые лучшіе, стоящіе впереди этой прорѣхи, неизбѣжно должны сознавать ее, чувствовать, что дѣло ихъ—не дѣло, а такъ вокругъ чего-то толкотня, и что, покуда не заполнится чѣмъ нибудь эта прорѣха, всѣ остальныя потребности города, еще вчера крайне настоятельныя, должны удовлетворяться только обиняками, могутъ поддерживаться только въ перепискѣ, на бумагѣ, замазываться и размазываться особенно-искусно придуманнымъ для выраженія несуществующихъ вещей языкомъ...

Такъ отзывается внезапность явленія желѣзной дороги на хозяйствѣ города. На хозяйствѣ «округи» она отзывается появленіемъ Ивана Кузьмича. До появленія дороги, у жителя округи, у распоясовскаго обывателя, было очень мало; все, что у него было, онъ весьма удобно увозилъ въ городъ на продажу на своихъ дровнишкахъ. Съ появленіемъ дороги, размѣръ его имущества не увеличился. Распоясовскому обывателю отъ нея ни тепло, ни холодно, но Ивану Кузьмичу отъ нея тепло несомнѣнно. Отъ нея тепло хищнику, тепло человѣку, имѣющему что-нибудь. Иванъ Кузьмичъ благодаря новому пути, является въ глушь и беретъ то, что есть. У обывателя очень мало, онъ беретъ у помѣщика. беретъ лѣса, камни, словомъ нѣдра, т. е. безжалостно разстроиваетъ благосостояніе распоясовца, уничтожая, покупая и увозя такія вещи, потеря которыхъ невознаградима... Неудивительно, поэтому, если на будущую сессію окружнаго суда, масса дѣлъ о кражѣ увеличится.

Такимъ образомъ, кромѣ городскаго самоуправленія, прорѣха благодаря внезапности явленія, должна обнаружиться на другой же день по проходѣ желѣзной дороги, еще въ двухъ но-

Digitized by Google

выхъ инстанціяхъ. Она, во-первыхъ, обнаружится во всей громадной организаціи новой желѣзной дороги, со всѣми безчисленными ея службами, отдѣленіями и конторами, и, во-вторыхъ, задѣваетъ, отчасти, дѣятельность учрежденія, повидимому, вовсе къ дорогѣ неприкосновеннаго, именно—новаго суда.

До появленія Ивана Кузьмича громадная, требующая трехмилліонныхъ расходовъ организація дороги не дѣлаетъ ровно-таки ничего. Телеграфы ея гудятъ: — «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...» Въ отчотахъ и вѣдомостяхъ, надъ которыми сидитъ не одна сотня народу, проставляется, пишется, докладывается о томъ, что грузовъ не было и нѣтъ, и весь этотъ хоръ, стоющій три милліона рублей, на разные голоса, разными почерками поетъ и пишетъ: «ноль, ноль, ноль; нѣтъ, и нѣтъ, и нѣтъ—и ничего, и ничего, и ничего, не было, не было, не было», квакаютъ, кудахтаютъ и стонутъ, по конторамъ, по отдѣленіямъ и т. п. Тутъ ужь не просто прорѣхи—тутъ прямо пустое мѣсто, дыра бездонная, вокругъ которой стоитъ масса неплательщиковъ и получаетъ «за это» чистыми деньгами.

Въ такомъ положеніи находится «дѣло» до появленія Ивана Кузьмича. Съ появленіемъ же этого оживителя глухихъ мѣстностей, дорога начинаетъ работать: «лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ», начинаютъ гудѣть телеграфы... «Лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ», проставляютъ и записываютъ въ вѣдомостяхъ, въ отчетахъ, въ книгахъ и бумагахъ... «Лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ» бѣжитъ по всей линіи, наполняетъ всѣ вагоны до тѣхъ поръ, пока вдругъ не прекратится этотъ «грузъ» подъ топоромъ Ляпунова Ивана Кузьмича, и не побѣжитъ по всей линіи изъ подъ его лопаты уголь или камень... То, что дорога, съ появленіемъ въ глуши Ивана Кузьмича, «начала работать» — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ, какъ уже извѣстно, что, благодаря этой работѣ дороги, у распоясовскаго обывателя появилось, одно время, до восьмидесяти копеекъ серебромъ чистыми деньгами, но, несмотря на несомнѣнность «работы», едва ли такая работа можетъ связать съ собою интеллигентныя силы неплательщиковъ, такъ какъ, если, благодаря Ивану Кузьмичу, и нельзя ужь назвать ея дѣла пустымъ мѣстомъ, то язвою и раною не назвать невозможно...

Кромѣ всего этого, внезапный толчокъ новаго явленія отдается даже и въ такомъ мѣстѣ, которое, повидимому, не имѣетъ съ этимъ внезапнымъ явленіемъ никакой связи—въ новомъ судѣ... Кража бревна, кража овчины, кража двухъ кулей ржи, кража подпояски, кража, кража, кража—безконечнымъ потокомъ плетется на скамью подсудимыхъ... Распоясовскій обыватель начинаетъ занимать въ острогахъ и на скамьѣ подсудимыхъ довольно видное мѣсто. Его хватаютъ, везутъ, содержатъ въ тюрь-

Digitized by Google

махъ, кормятъ, допрашиваютъ, дѣлаютъ очныя ставки, говорятъ рѣчи; для его оправданія и обвиненія толчется и получаетъ деньги цѣлая толпа народу, пишущаго, разъѣзжающаго по казенной надобности, сочиняющаго бумаги, рѣчи... Но и тутъ, въ этомъ постороннемъ новому явленію мѣстѣ, не оказалось ли, благодаря этому явленію, пустого мѣста, чего-то ненужнаго, чего-то такого, о чемъ не стоило бы ни хлопотать, ни писать, ни говорить рѣчей, такъ какъ все дѣло ясно, какъ дважды-два: пришла чугунка, пріѣхалъ Иванъ Кузьмичъ, все вырубилъ, выкопалъ, даже украсть стало негдѣ,—ну вотъ и все... Гг. присяжные говорятъ, правда,—нѣтъ, не виновенъ, но вѣдь они за то и не стоютъ бюджету ни копейки. Все же, что стоитъ денегъ, чувствуетъ, что, говоря объ этомъ бревнѣ, утащенномъ распоясовцемъ, объ этомъ взломѣ и прочихъ распоясовскихъ преступленіяхъ, оно не имѣетъ подъ собою реальной почвы, не ощущаетъ дѣйствительнаго дѣла, по крайней мѣрѣ, большею частію не ощущаетъ его, а что-то пустое, хлопотливое, что-то совершенно не серьёзное, не настоящее ощущается и тутъ, среди всей дорого стоющей помпы, съ которою это, яко бы серьёзное, совершается...

И такъ, вотъ какимъ образомъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, отзывается внезапность того или другого новаго явленія, на этотъ разъ—внезапное явленіе новой желѣзной дороги. Въ трехъ пунктахъ новыхъ дѣлъ оно отозвалось появленіемъ пустого мѣста, чего-то такого, чего нечѣмъ наполнить; оно пустымъ мѣстомъ отозвалось въ городскомъ самоуправленіи, образовало новое пустое и даже больное мѣсто въ видѣ всей организаціи новой дороги и внесло хлопотливые и дорогіе пустяки въ серьёзное дѣло суда. Только въ общихъ чертахъ, только на единичномъ случаѣ внезапнаго нововведенія показали мы результаты этой внезапности, результаты, происходящіе тотчасъ, на другой день послѣ того, какъ невозможное почему-то стало возможнымъ. Но если мы предположимъ, что, и кромѣ новой питательной вѣтви, почти всѣ явленія жизни нашего городка имѣютъ тотъ же характеръ неожиданности въ своемъ появленіи, что всѣ они, появляясь неожиданно, нарушаютъ существовавшій до нихъ обиходъ, то будетъ понятно, почему вокругъ новыхъ дѣлъ не чувствуется особенной жизни, а напротивъ, въ каждомъ такомъ явленіи замѣчается какая-то дыра, образовавшаяся отъ того, что нашу провинціальную шкуру принялись тянуть въ разныя стороны, да и разорвали въ двадцати мѣстахъ... Не явись чугунка—не пришлось бы строить шоссе, полтораста тысячъ пошли бы на другое, христорождественская школа существовала бы, приготовила бы лишній десятокъ грамотныхъ... Иванъ Кузьмичъ не пріѣхалъ бы къ намъ съ своими капиталами, и рас-

Digitized by Google

поясовскіе лѣса хотя кое-какъ грѣли бы распоясовскаго обывателя, а, быть можетъ, случилось бы и такъ, что, нуждаясь въ деньгахъ, баринъ и самъ бы вошелъ въ сдѣлку съ этими обывателями. Не было бы пустыхъ дѣлъ въ судѣ, не было бы такого расхода на тюрьмы... Но дорога, на зло всѣмъ возможностямъ, прилетѣла и все перевернула вверхъ дномъ. Благодаря ей, является шоссе и закрывается христорождественская школа, гдѣ учился десятокъ бѣднѣйшихъ мальчишекъ; благодаря ей, является Иванъ Кузьмичъ, платитъ за распоясовскіе лѣса чистыми деньгами; деньги эти являются въ городъ и, въ ту самую минуту, когда закрывается христорождественская школа — открывается театръ съ оперетками, и, въ то же время, окружный судъ наполняется ворами, укравшими у Ивана Кузьмича бревно... Обиліе какихъ-то денегъ отъ проданныхъ лѣсовъ и отъ денегъ, которыя тратитъ организація новаго явленія, помогая Ивану Кузьмичу, начинаетъ бить запахомъ денегъ въ носъ обывателямъ, и вотъ, батюшка, лицо духовное, чему мы можемъ привести примѣры, прекращаетъ у себя маленькую школу, ибо за ту комнату, въ которой она помѣщается, теперь можно получить втрое противъ того, что̀ давала школа, при ежедневномъ трудѣ на нее.

Мы бы никогда не кончили съ этой путаницей барышей и убытковъ, еслибы стали подробно разбирать что̀ и ка̀къ происходитъ въ провинціальной жизни отъ неожиданности вторгающихся въ нее явленій. Работа эта трудна, а у насъ нѣтъ достаточно досуга, чтобы заняться съ подобающею ей тщательностію, но, ка̀къ бы̀ ни было велико количество сцѣпляющихся съ неожиданностію явленій, фактовъ, общій ихъ смыслъ—нарушеніе распорядковъ въ мѣстномъ карманѣ и мышленіи. Къ какому бы новому, либо старому явленію мы ни подошли, въ сущности его всегда будетъ прорѣха, недохватъ чего-то или окажется хвачено черезъ край... Тамъ чувствуется что̀-то ненужное, тамъ прямо невозможное, а въ иномъ мѣстѣ—просто чортъ знаетъ что̀, вообще же все какъ будто не настоящее, растопыренная нищета, уголовная бѣдность и т. д. Отдать такимъ полудѣламъ, такимъ, какъ будто бы, дѣламъ свою душу, кровь, мозгъ, умъ, словомъ все — нѣтъ никакой возможности. Сегодня я отдаюсь дѣлу всей душой, а завтра нагрянетъ такое явленіе, которое, Богъ знаетъ, какъ далеко отшвырнетъ меня отъ этого дѣла; возможность такого явленія отнимаетъ охоту отдаваться всей душой. Душа, поэтому, то-есть самая лучшая ея часть—тутъ во всемъ этомъ не причемъ, такъ, что вообще распоясовскій обыватель рѣшительно не можетъ, да и не долженъ завидовать интелигентному неплательщику; дѣла̀, за ко-

Digitized by Google

торыя этотъ неплательщикъ получаетъ готовыя денежки — въ сущности, не дѣла, а какія-то рубища, которымъ надобно придавать благоприличный видъ; какая-то толкотня около и вокругъ почти пустыхъ мѣстъ, съ обязательствомъ придавать имъ видъ воздѣланныхъ полей; на мой взглядъ, куда не сладка такимъ путемъ достающаяся копейка!.. Тратить всю жизнь *не взаправду*, уставать отъ хлопотъ вокругъ пустаго мѣста—да этой муки не вознаградить никакими деньгами...

Но въ исторіи состоянія духа интеллигентнаго неплательщика, это горе, происходящее отъ отсутствія связи его души съ тѣмъ дѣломъ, къ которому онъ приставленъ — это еще только цвѣточки, ягодки будутъ впереди! Самая глубокая бѣда для него еще не въ этомъ, а въ томъ, отчего интеллигентный неплательщикъ, не взирая на то, что онъ не получаетъ взамѣнъ жалованья ничего, кромѣ горькаго сознанія, что «уходятъ» года, все-таки стоитъ у этихъ полупустыхъ или пустыхъ мѣстъ. Почему онъ, зная, что уголовное дѣло о пропажѣ у Ивана Кузьмича двухъ овчинъ, произведено въ сущности самимъ Иваномъ Кузьмичемъ, все-таки бурчитъ что-то для проформы противъ распоясовскаго обывателя, и бурчитъ, скучая, цѣлые годы? Какая сила держитъ этого неплательщика около дѣла, гдѣ нѣтъ ровно ничего, кромѣ: «не было», «и нѣтъ», «и не будетъ»? Какая сила подавляетъ его негодованіе на это дѣло «о не было», на эту безплодную потерю дней и годовъ, которые—онъ отлично это знаетъ—никогда не воротятся къ нему? Вообще же, кто и что превратило его въ интелигентный гвоздь, который вбиваетъ на извѣстное мѣсто посторонняя рука и который оказывается способнымъ держать все, что эта посторонняя рука на него ни повѣситъ? О, глядя на этотъ гвоздь, глядя на то, какъ, интелигентно ворча что-то, онъ все-таки продолжаетъ крѣпко сидѣть тамъ, гдѣ его вбили, негодованіе, боль, скорбь, гнѣвъ и слезы задушили бы, замучили бы сразу человѣка, рожденнаго внѣ случайностей нашей жизни; но мы, рожденные тутъ, въ самомъ центрѣ пустаго мѣста, не умѣемъ ни плакать, ни негодовать столь глубоко, тѣмъ болѣе, что у насъ есть и ключъ къ этому явленію.

Этотъ ключъ—все тотъ же случай.

IV.

Намъ приходится, такимъ образомъ, перейти къ явленіямъ, которыя происходятъ во внутреннемъ мірѣ интелигентнаго не-

Digitized by Google

плательщика; при этомъ, прежде всего, необходимо сказать два слова о томъ, что безконечный рядъ предшествовавшихъ случайностей съумѣлъ воспитать, довести до степени породы значительный классъ болѣе или менѣе мелкихъ неплательщиковъ, которые, ни по натурѣ, ни по умственному развитію, *не могутъ*, въ буквальномъ смыслѣ слова, дѣлать никакихъ дѣлъ, кромѣ дѣлъ, составляющихъ голое, пустое мѣсто. Возня вокругъ «ничего» въ этихъ рѣдкихъ экземплярахъ, служеніе пустому мѣсту возведено въ настоящее дѣло, въ такое дѣло, на которое уходятъ всѣ движенія души, вся страсть... Бѣлое поле бумаги, на которой надобно часа четыре съ осторожностью мухи ползать перомъ, чтобы въ растопыренныхъ выраженіяхъ не сказать, бо́льшею частію, ровно ничего, это поле бумаги, бѣлой и сыроватой, производитъ на такія организаціи впечатлѣніе почти женской, дѣвственной красоты... Стальное перо почти сладострастно впивается въ это бѣлое тѣло, бережетъ его, дрожитъ за него... Съ какимъ захватывающимъ духъ восторгомъ взлетаетъ это перо вверхъ, чтобы, секунду подержавшись на вершинѣ какой-нибудь буквы, вдругъ сорваться и торчмя головой ринуться смѣлымъ, даже отчаяннымъ завиткомъ въ низъ, въ бездну, въ эту бѣлую, бумажную бездну. Положительно можно сказать, что эти рѣдкіе экземпляры, рожденные въ самой срединѣ всевозможныхъ кружащихся вокругъ пустаго мѣста обиняковъ, въ такія минуты живутъ настоящею жизнію, и именно тутъ, близь этой бумаги, отъ душнаго воздуха этихъ гнилыхъ обиняковъ, бьется ихъ сердце, волнуется кровь, человѣкъ оживаетъ, унываетъ, груститъ, вообще, живетъ...

Этотъ удивительный экземпляръ, выработанный условіями жизни для пустыхъ мѣстъ, экземпляръ рѣдкій, и безъ примѣси пьянства, мелкой алчности и какой-то грязи во всѣхъ другихъ своихъ чисто личныхъ и дѣйствительно живыхъ отношеніяхъ, встрѣчается очень рѣдко. Но и въ чистомъ видѣ, безъ малѣйшихъ признаковъ чего-либо живого, онъ тоже есть, и въ такомъ видѣ ему положительно нѣтъ цѣны. Грустно вымолвить, а нельзя утаить, что въ этомъ олицетвореніи обиняка нуждаются всѣ, даже самоновѣйшія учрежденія. Онъ, этотъ обинякъ, появившись тамъ, гдѣ люди, чувствуя передъ собою пустоту, теряются и не знаютъ что̀ дѣлать съ ней, чѣмъ ее наполнить, вдругъ, въ мгновеніе ока, вноситъ въ эту пустоту всѣми желаемую атмосферу дѣла, хлопотъ и заботъ. Тамъ, гдѣ всѣ дѣла̀ передѣлывались въ полчаса и затѣмъ оставалось нѣсколько часовъ, которые приходилось убивать кое-какъ, кой-чѣмъ, тамъ, съ появленіемъ обиняка вдругъ, начинаетъ нехватать цѣлыхъ сутокъ для того, чтобы исполнить хоть часть

Digitized by Google

дѣлъ и становится не стыдно получать жалованье. Непритворность и страстность этого обиняка необычайно сильно дѣйствуютъ на всѣхъ, невольно покоряя своею искренностію, какъ вообще покоряетъ человѣка все подлинно-искреннее... Кто, кромѣ обиняка, можетъ такъ искусно балансировать надъ бездонной дырой, открывающейся передъ всякимъ живымъ человѣкомъ, балансировать, «отклонять», «отклоняться», «обходить», «отвладывать», «умалчивать», «заслушивать» и т. д.? Только онъ, одинъ онъ въ силахъ изъ «ничего» создать «засѣданіе», да не одно, а пять, десять, исписать поэтому случаю вороха бумагъ, возбудоражить или, по крайней мѣрѣ, сцѣпить въ кучу не одинъ десятокъ человѣкъ, изложить въ тысячѣ пунктахъ то, чего бы никто не замѣтилъ, даже пристально разсматривая на собственной своей ладони... Нѣтъ никакой возможности исчислить всю необычайную пригодность для пустыхъ дѣлъ этого чистѣйшаго экземпляра обиняка, равно какъ нѣтъ возможности съ точностію и ярко представить внѣшній и внутренній видъ этого экземпляра— и то и другое до безконечности неуловимо... Это — духъ, невидимо присутствующій во всѣхъ новыхъ и старыхъ дѣлахъ обиняковаго содержанія...

Такіе цѣльные экземпляры необыкновенно дороги и рѣдки; рѣдки отъ того, что для выработки такого экземпляра необходимо нѣсколько поколѣній, на которыхъ бы случайности жизни, отнимающія вѣру во все живое, дѣйствовали бы съ неумолимою настойчивостію, въ одномъ и томъ же смертоносномъ направленіи, болѣе или менѣе продолжительное время. А такая систематичность выдается на долю немногихъ и есть тоже случай; поэтому-то, чистый типъ обиняка, хотя и одушевляетъ собою всѣ пустыя мѣста, но къ числу интелигентныхъ неплательщиковъ причисленъ быть не можетъ. «Безъ меня тамъ сядутъ. Я одинъ работаю за всѣхъ!» говоритъ такой экземпляръ обиняка гдѣ нибудь на именинномъ пирогѣ, подъ хмѣлькомъ, и говоритъ сущую правду, потому что онъ одинъ живетъ и дышетъ и искренно преданъ всѣмъ этимъ обиняковымъ дѣламъ; но поэтому-то, что онъ искрененъ въ своемъ пустомъ дѣлѣ, онъ и не принадлежитъ къ интелигенціи, ибо неискренность—вообще, удѣлъ интелигентнаго неплательщика. Да, наконецъ, несмотря на то, что онъ все невидимо наполняетъ и движетъ, ужь одно то обстоятельство, что онъ почти всегда получаетъ отъ бюджета мѣдный грошъ, крупицу—ужь это выдѣляетъ его изъ полчища неплательщиковъ, удѣлъ которыхъ, кромѣ неискренности, также и способность съѣдать очень много... Повторяемъ, это—духъ, а не интелигентный неплательщикъ.

Digitized by Google

Грустно положеніе человѣка, у котораго бьетъ сѣдина и который, содрогаясь, что «ушли годы», и вспоминая ихъ, эти безвозвратно изчезнувшіе годы, къ ужасу своему видитъ, что ему нельзя отстать отъ этого «обиняка», къ которому его принесла рѣка случайностей жизни... Нельзя потому, что тутъ, по крайней мѣрѣ, «вѣрный» кусокъ хлѣба, именно хлѣба, пропитанія... То, что̀ съ нимъ случилось, отняло у него охоту цѣнить свою мысль, свои симпатіи, отучило его даже слушаться своей натуры, того, что̀ безъ его вѣдома прирожденно ему... Тихій и кроткій, онъ «попалъ» въ разрядъ «озлобленныхъ». Неожиданность! Когда его наказывали, онъ неожиданно чувствовалъ себя хорошо, когда его прощали, это было его наказаніемъ. Съ молоду это весело и чудно̀. Жизнь выдѣлываетъ такія неожиданности, сталкивая съ хорошимъ тамъ, гдѣ должно бы быть дурное, и наоборотъ, ставя въ положенія, въ которыя ни за что̀ бы не попалъ, еслибы распоряжался самъ, и т. д. Но эта комедія случайностей, съ той минуты, когда неразборчивая, грубая рука ея начинаетъ рвать живое тѣло (тоже по недоразумѣнію), съ этой минуты шутовская комедія превращается въ глубокую драму. Сила случая, дающая себя знать такъ больно, ясно доказываетъ свои громадные размѣры, заставляетъ жаться отъ нея подальше, беречься, чтобы сильная и безтолково дѣйствующая рука ея не достала, не дохватила, и вотъ человѣкъ съеживается, забивается въ уголъ и весь израненный, говоритъ себѣ: — «по крайней мѣрѣ, вѣрный кусокъ хлѣба», и становится къ пустому, въ иной разъ, и не совсѣмъ чистому дѣлу.

Все это яркіе продукты случая—явленія крупныя, видныя, но и вся остальная бюджетная братія, если и неподвержена была такимъ заботливымъ попеченіямъ случая, извѣдала его власть на безчисленныхъ мелочахъ. Тысячи системъ воспитанія и образованія, пережитыя съ дѣтства, и всякій разъ обязательно связанныя съ кускомъ (большимъ или меньшимъ—все равно) въ будущемъ, уже въ ранней юности ослабили, если не совсѣмъ умертвили мысль, пріучивъ человѣка только къ страху къ такому будущему, въ которомъ могутъ и не дать этого куска хлѣба. Затѣмъ, если, несмотря на эти способы превратить человѣка въ автомата, ему, по врожденной силѣ мысли, удалось сохранить въ нее вѣру и въ послѣдующіе годы, то заботливая рука случая не замедлитъ и здѣсь показать свою власть, вырвавъ изъ рукъ его любимую книгу, или понесетъ его по волнамъ такихъ случайностей, о которыхъ уже говорено выше и которыя все-таки приводятъ къ страху потерять кусокъ хлѣба (большой или маленькій, опять-таки все равно).

Digitized by Google

Мы не говоримъ о тѣхъ изъ числа бюджетныхъ неплательщиковъ, которые чуть не съ дѣтства знаютъ уже, что «вѣрно» въ этой земной юдоли, и прямо несутъ на бѣлый свѣтъ свою пасть, хоть несомнѣнно тоже, что не принадлежатъ дѣйствительно къ интелигентнымъ неплательщикамъ, но сами несомнѣнно причисляютъ себя къ нимъ, и уже, во всякомъ случаѣ, могутъ дѣйствительно назваться неплательщиками. Мы не говоримъ о нихъ потому, что слово «*ротъ*» вполнѣ достаточно для того, чтобы опредѣлить и ихъ личные взгляды и ихъ отношенія къ тѣмъ новымъ или старымъ дѣламъ, благодаря которымъ этотъ ротъ постоянно и плотно набитъ... Но, увы, и подлинный ителигентный неплательщикъ, мы должны это сказать скрѣпя сердце, тоже связанъ съ своимъ дѣломъ — тоже только однимъ ртомъ... Къ длинному, большому бюджету онъ тоже несетъ только свой ротъ...

Теперь, подведя всему сказанному итогъ, потрудитесь представить себѣ состояніе духа наилучшаго интелигентнаго неплательщика. Дѣла̀, которыя онъ дѣлаетъ, не связываются (если, конечно, привычка не возьметъ свое) съ его мыслью надлежащимъ образомъ плотно и крѣпко; отдать на служеніе имъ силу души — нельзя: завтра можетъ вломиться такое явленіе, которое сразу высадитъ цѣлый уголъ только-что съ любовью начатаго зданія; возиться надъ разбросанными осколками и щепками невозможно: послѣ завтра можетъ нагрянуть новое, даже и отрадное явленіе, которое опять-таки, втиснувшись внезапно и не туда, куда надо бы, разшвыряетъ и щепки... Дѣло, превращенное въ прорѣху, требуетъ медленнаго утомительнаго штопанья, толченья вокругъ полупустяковъ, вокругъ словъ, хотя бы и громкихъ, но пустыхъ... И у такихъ-то пустыхъ дѣлъ стоитъ человѣкъ, у котораго точно такія же дырья и прорѣхи сдѣланы ужь въ самой душѣ; у котораго мысль отвыкла совать свой носъ на сторону, словомъ—у котораго случай все помялъ, все испугалъ, на все прикрикнулъ и прикрикнулъ основательно. Ослабленный и испуганный внутри себя, интелигентный неплательщикъ стоитъ у разслабленнаго дѣла, знаетъ это, видитъ, ка̀къ это пусто и пошло, каждую минуту чувствуетъ если не всю пошлость положенія, то ужь всю его холодную пустоту, и стоитъ потому, что, «по крайней мѣрѣ», вѣрный кусокъ хлѣба!.. Жить въ постоянной атмосферѣ «*не настоящаго*», «*не заправскаго*», дышать постоянно воздухомъ «неискренности»—и все потому, что только при такихъ условіяхъ неплательщику дается возможность жить—это чистое мученіе!..

Предоставляю читателю самому соединить во едино сотни

Digitized by Google

индивидуумовъ, хотя и разнохарактерныхъ, но несомнѣнно заражонныхъ одинаковымъ недугомъ неискренности, и представить себѣ, что̀ за жизнь, что̀ за взаимныя отношенія могутъ сложиться изъ всего этого... Чтобы недалеко ходить за результатами такой жизни, спросите любого изъ интелигентныхъ неплательщиковъ, и онъ вамъ скажетъ, въ откровенную минуту, что это — мученье, что это — ужасъ что̀ такое, только не жизнь. «Но вѣдь такъ жить дѣйствительно нельзя!» скажетъ читатель. Было бы дѣйствительно невозможно въ такомъ положеніи просуществовать и дня, еслибы въ неплательщикѣ и кругомъ него все было опустошаемо систематически. Но, благодаря тому же случаю, иное въ дѣлахъ и лицахъ какимъ-то чудомъ остается нетронутымъ, живымъ, обманываетъ глазъ... Велико ли, въ самомъ дѣлѣ, обиліе силъ русской души, велика ли ихъ живучесть, только присутствіе и существованіе ихъ несомнѣнно почти въ каждой, какъ бы грубо ни разшатанной душѣ неплательщика и изумительно по своей стойкости, по своему умѣнью съежиться до послѣдней степени и, всетаки, жить, хоть урывками, но жадно вглядываясь въ бѣлый свѣтъ... Книга—вотъ прибѣжище всего съёжившагося, притаившагося, но вполнѣ живого въ неплательщикѣ... Боже милосердый, ка̀къ жаденъ онъ до книгъ! Чего-чего не поглотилъ онъ на своемъ вѣку, и, несмотря на бездну проглоченнаго, мозгъ его до сей поры голоденъ, какъ будто бы ничего и не ѣлъ никогда, и все проситъ, и все проситъ еще... Книга, чтеніе — единственное прибѣжище и отрада, но только отрада, и отрада, увы! весьма безплодная!.. Чего-чего только не перенесъ, не испыталъ, благодаря непрерывному чтенію, этотъ мозгъ, но, не имѣя возможности, даже утративъ отчасти самую мысль о возможности куда-нибудь нести то, что̀ перенесъ, въ чемъ убѣдился этотъ мозгъ, онъ привыкъ наслаждаться мыслью самъ для себя, онъ привыкъ и пріучилъ себя къ ощущенію чтенія и, что̀ дѣлать, превратился въ какую-то бездонную прорву, въ которую можно валить томы, вороха напечатанныхъ мыслей и которая, всетаки, будетъ пуста... Пишите, валите туда написанное всѣми перьями, существующими на бѣломъ свѣтѣ — все мало; давай еще новаго, а дѣла̀ онъ, всетаки, будетъ дѣлать пустыя и вѣрить искренно въ одно — хлѣбъ насущный. Нѣтъ, незавидное, бѣдовое положеніе интелигентнаго неплательщика! Удивительно, ка̀къ онъ живъ еще. Но что̀ особенно грустно среди всего этого, такъ это — дѣти!

Распоясовецъ! Мужикъ! Дай ты этимъ ребятишкамъ, этимъ подростающимъ неплательщикамъ, дай ты имъ своихъ сказочекъ,

Digitized by Google

простыхъ деревенскихъ пѣсенокъ! Повесели ты ихъ цвѣточками, и звѣрьками, и зайками... Пошути, побалуйся съ ними! Вѣдь, они чахнутъ въ этомъ воздухѣ неискренности, утайки, неправды, а, главное, въ этой дорогой пустотѣ!.. Спаси ихъ твоей простою правдой, дай дохнуть свѣжаго здороваго воздуха, услышать прямое слово,—вѣдь они будутъ глубоко несчастны и глубоко гадки безъ тебя, безъ твоего правдиваго и горькаго опыта, безъ твоей искренней, забывающей худое шутки.

V.

Такъ, изо дня въ день и изъ года въ годъ тянется унылая, пустая, скучная и нищенски пестрая неплательщичья жизнь. Довольно значительнымъ количествомъ интелигентныхъ ртовъ съѣдается довольно значительное количество бюджетныхъ цифръ, а въ результатѣ—«словно корова лизнула языкомъ». Въ этой атмосферѣ «ненастоящаго», «незаправскаго» нѣтъ минуты веселья, нѣтъ здоровья, нѣтъ дѣла, нѣтъ сознанія простого покоя... Всякаго что-то точитъ, вертитъ въ душѣ, особливо, когда этотъ всякій остался одинъ самъ съ собой и улучилъ минутку, когда можетъ если не лгать прямо, то хоть не вывихивать себя, что почти составляетъ всеобщую привычку... Лучшее, задушевнѣйшее желаніе большинства неплательщиковъ—уйдти другъ отъ друга, и несмотря на это, завтра, напившись утромъ чаю, все это, желающее разбѣжаться, вновь сцѣпляется въ тѣсный хороводъ вокругъ пустого мѣста, и вновь продолжаетъ почти безплодную толчею, вырабатывая или, вѣрнѣе, «вылыгая» себѣ хлѣбъ. Какая-то непроглядная, жалкая безтолковщина, что-то тягучее и крайне больное непрерывно тянется въ этой жизни изо дня въ день (если не считать моментовъ, которые веселы даже и для птицъ и мухъ—любовныя дѣла, и пр.), пронизывая воздухъ, которымъ приходится дышать, и душнымъ туманомъ застилая будущее... Бываютъ моменты, когда одновременно въ разныхъ концахъ неплательщичьяго міра чувствуется полное удушье... вотъ, вотъ, кажется, дальше нѣтъ возможности выносить... И вдругъ, какъ молнія блеснетъ: «Слышали? Варинька-то!.. Вѣдь застрѣлилась!..» «Какъ? что такое? Неужели?...» И точно могучимъ ударомъ могучаго кулака ударитъ эта вѣсть по разслабленной неплательщичьей душѣ...—«Стало быть, и въ правду душно и трудно!» думаетъ она... «Въ правду-въ правду!..» говоритъ совѣсть, отвыкнувшая признавать за правдой какой нибудь существенный смыслъ. И все, что уцѣлѣло въ этой душѣ хорошаго, все вый-

Digitized by Google

детъ на божій свѣтъ. Боже, какъ реветъ иной закоснѣлый неплательщикъ въ такія минуты!.. Какъ онъ много начинаетъ видѣть и страшиться—хотя къ пустому мѣсту всетаки продолжаетъ ходить аккуратно каждый день въ половинѣ двѣнадцатаго утра и, скрѣпя свое, дѣйствительно, больное сердце, все-таки усердно трудится до 5-ти часовъ вечера, ради своего рта, трудится надъ отвиливаніемъ отъ «насущныхъ вопросовъ»... А туманъ, духота, мало-по-малу опять сгущаются кругомъ... Опять тянутся, скучные и сѣрые дни... тянутся, тянутся и вдругъ опять какъ громъ грянетъ, гдѣ нибудь не вытерпитъ и прорвется «сущая правда»... Отъ этихъ неожиданныхъ появленій сущей правды не застраховано рѣшительно ни одно изъ тѣхъ гнѣздъ, гдѣ засѣдаютъ вокругъ пустого мѣста обремененные жалованіемъ неплательщики.—Что господа, проглотили вагончикъ-то? совершенно внезапно раздается ядовитая фраза какого-то засаленнаго съ головы до ногъ мѣщанина,—неизвѣстно откуда появившагося среди совершенно серьёзно ничего недѣлающихъ желѣзно-дорожныхъ тузовъ—и отрезвляетъ ихъ хотя на мгновеніе.

Или вотъ еще такъ:

Устроилась ссудо-сберегательная касса, устроилась при посредствѣ людей хорошихъ, съ благою цѣлію... Тутъ членомъ — священникъ, сказавшій при открытіи кассы добрую и теплую рѣчь; тутъ и членъ совѣта въ нагольномъ тулупѣ и съ мозолями на трудовыхъ рукахъ; мирно и тихо дѣлаютъ они дѣло, несомнѣнно полезное, и даже въ столичныхъ газетахъ ужь появилось теплое словцо объ этихъ скромныхъ гражданахъ, и вдругъ, въ эту-то тихую пристань, откуда кромѣ добра еще никому ничего не вышло, вламывается какой-то человѣкъ... Онъ и оборванъ, и пьянъ, и золъ... И молится на образъ, и бѣлѣетъ...

— Что вамъ угодно? кротко спрашиваютъ его добросердечные члены...

— Желаю получить ссуду!.. смѣло и нагло произноситъ фигура, заложивъ руки съ шапкой назадъ и бокомъ двинувшись къ добросердечнымъ членамъ...

— Что-же-съ... нѣсколько смущенно и тихо начинаетъ одинъ изъ нихъ, но неизвѣстнаго званія человѣкъ не даетъ сказать слова.

— Да-съ, ужь ваше высоколѣпіе, потрудитесь... Ужь я въ надеждѣ, безъ сомнѣнія, насчетъ коровы... А какъ было ваше удостовѣреніе чрезъ вѣдомости, что на пользу, и для бѣдныхъ, напримѣръ, и упомянуто про Бога-съ и махонькой процентъ — въ такомъ случаѣ двадцать пять рублей серебромъ — въ полномъ

Digitized by Google

смыслѣ одолжите-съ!.. Дà-съ! И еще больше повернулся и надвинулся бокомъ.

— Взносъ надобенъ, поручители!.. говорятъ ему.

— Чи-во-съ?

— Взносъ! Поручителей нужно! да взносъ!..

— Ну, этого намъ неизвѣстно... А какъ на пользу ближнему и все честь честью съ водосвятіемъ—то и соблаговолите выдать на коровку бѣдному человѣку...

— Да чѣмъ же ты отдашь-то?

— Отдать мнѣ нечѣмъ-съ! необыкновенно бойко произноситъ неизвѣстный посѣтитель.—Кабы у меня что̀ было, я бы не требовалъ отъ васъ,—а то нѣту.. А какъ сказали, что молъ ближнему — то и вручите-съ!..

Настаетъ молчаніе. Неизвѣстная личность наблюдательно взираетъ на добросердечныхъ членовъ и смотритъ на нихъ почти черезъ плечо. Члены въ затрудненіи. Молчаніе продолжается долго.

— Этого нельзя! рѣшается произнести членъ изъ крестьянъ...

— Очень вамъ благодарны!.. Почему же-съ?

— Болѣ ничего—что банкъ!.. видѣлъ?

— Помилуйте, мы видимъ-съ, въ высшей степени замѣчаемъ. Извольте рекомендовать далѣе...

— А далѣе—что̀ есть кредитъ и дебитъ... видишь вотъ? Значитъ взялъ и отдай—понялъ?..

— Приасхонна! Утверждайте далѣе!..

— Все!

— И на этомъ благодарны. Слѣдовательно, бѣднымъ не даете?

Опять настаетъ нѣсколько неловкое молчаніе.

— Да ка̀къ же ты не хочешь понять, что вѣдь нельзя этого, начинаетъ батюшка.—Невозможно вѣдь! Посуди ты самъ, какой же это будетъ банкъ, ежели ты придешь, другой придетъ—дай ему на корову! Вѣдь, это—не банкъ, а смѣхъ.

— А ежели у меня нѣтъ?

— Такъ банкъ-то чѣмъ виноватъ?

— Да я-то чѣмъ кого обидѣлъ?...

— Обижалъ ты или не обижалъ, а что... Ка̀къ же это можно? Да и гдѣ это видано?

— Слѣдовательно, бѣдному, по случаю, что это банкъ — невозможно?

Опять молчаніе.

— И, слѣдовательно, освобождая изъ за спины руки и вплотную подступая къ добросердечнымъ членамъ, отчеканиваетъ

Digitized by Google

неизвѣстный гость:—и, слѣдовательно, у кого есть—тому даете, а у кого нѣту—не надо?...

Молчаніе...

— Потому, «дибетъ?»...

Продолжительное и грозное молчаніе. Всѣ ждутъ чего-то не очень пріятнаго, потому что глаза полупьянаго посѣтителя свѣтятся не добромъ... Но, вмѣсто ожидаемой бури, неизвѣстный человѣкъ какъ-то вдругъ теряетъ нахрапъ и грустно говоритъ.

— Э-эхъ господа, господа!.. Что̀ вы пустословите-то! Ближнему!.. Э-эхъ вы, мельницы-ы!... Я вотъ объ чемъ—ты думаешь я дуракъ что̀-ль, такъ залѣзъ къ вамъ, въ самомъ дѣлѣ за коровой?

Молчаніе.

— Э-эхъ—вы-ы!..

И съ силою тряхнувъ и надвинувъ шапку, быстро уходитъ непрошенный гость... Кусокъ щекотурки сваливается гдѣ-то въ углу—такъ сильно грохнулъ онъ дверью... И въ наступившей затѣмъ тишинѣ остается что̀-то новое, что̀-то такое, что̀ хотя на часъ на два непремѣнно совсѣмъ выбиваетъ человѣка изъ обычной колеи.

Является эта сущая правда вездѣ, гдѣ не плательщики только что было спѣлись, только что привыкли къ своему положенію и пріучили себя думать, что они заняты дѣломъ, является и мгновенно вноситъ въ это пригрѣвшееся гнѣздо такую кучу холоду, настоящаго подлиннаго морозу, словомъ—подлинной, хотя грубо и отвратительнымъ языкомъ высказанной дѣйствительности, что неплательщиковъ долго послѣ того подираетъ по кожѣ морозъ. Они не могутъ не сознавать, что это приходила правда, сущая правда...

Вдругъ приходитъ эта правда, приходитъ на мгновеніе, приходитъ неизвѣстно откуда и исчезаетъ потомъ навсегда, тоже неизвѣстно куда. Вотъ почему дѣйствіе ея визитовъ, хотя и несомнѣнно благотворное, не приноситъ существеннаго облегченія бѣдной душѣ неплательщика... Она потрясаетъ ее случайно, мгновенно—и только; сила и первенство власти надъ этой душой остаются все-таки за выработанной случаемъ атмосферой неискренности, надутыхъ пустяковъ, растопыреннаго нищенства и т. д., словомъ—лжи... Упорство и настойчивость, съ которыми эта душная атмосфера заполняетъ очень скоро всѣ прорѣхи, дѣлаетъ то, что эти появленія остаются почти безслѣдными...

Но откуда берутся они, эти явленія «сущей правды?»...

Г. И.

Digitized by Google

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ВЪ С. АМЕРИКѢ.

Очерки изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ.

I.

Таможенный уставъ.

На небольшой четырехугольной площади, почти въ центрѣ стараго Бостона, особнякомъ отъ другихъ домовъ, стоитъ трехэтажное кирпичное зданіе, неопредѣленной архитектуры прошлаго столѣтія. Оно, по наружности, такъ рѣзко отличается отъ окружающихъ его домовъ новѣйшей постройки, что невольно обращаетъ на себя вниманіе посѣтителя города. Узкій фронтъ этого строенія съ его верандами, съ тремя окнами въ верхнемъ ярусѣ и стѣнными часами чуть-ли не подъ самой кровлей, обращенъ къ одной изъ наиболѣе людныхъ улицъ, ведущихъ къ докамъ превосходной и просторной гавани. Надъ крышей самаго зданія высится четырехъ-угольная башенька въ два яруса съ сигнальными флагами на верху, извѣщающими жителей о приходѣ въ гавань купеческихъ кораблей разныхъ націй.

Въ этой, такъ называемой нынѣ, *старой ратушѣ*, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, помѣщалась судебная палата одной изъ старѣйшихъ колоній Новой Англіи—Массачузетса. Здѣсь, въ февралѣ 1761 года рѣшалось дѣло, касавшееся въ сущности только торговыхъ интересовъ бостонскихъ купцовъ, но получившее впослѣдствіи болѣе широкое, роковое значеніе.

Судъ былъ въ полномъ сборѣ. Предсѣдатель, по имени Гёдчинсонъ, и четыре товарища его заняли свои мѣста. Въ неширокой, продолговатой залѣ толпилась многочисленная публика, почти вся состоявшая изъ торговцевъ, судохозяевъ и шкиперовъ города Бостона. Въ обставленной съ крайнею простотою палатѣ не было ничего особенно торжественнаго. Лица, которымъ предстояло занять главныя роли на этой скромной сценѣ, весьма просто одѣтыя, въ кафтанахъ, какіе носились тогда горожанами,

Digitized by Google

вовсе даже не были извѣстны за предѣлами своего родного города; да и въ настоящее время объ нихъ едва упоминается въ исторіяхъ, изображающихъ болѣе громкія, потрясающія міръ событія. На скамьѣ подсудимыхъ, на этотъ разъ, никого даже не было, кто могъ бы возбудить въ зрителяхъ хотя бы малѣйшее любопытство. А, между тѣмъ, по самой уже тѣснотѣ и, еще болѣе, по напряженному ожиданію, отразившемуся на лицахъ слушателей, легко было догадаться, что тутъ рѣшается дѣло высокой важности. Оно, дѣйствительно, и само по себѣ уже было важно для присутствующихъ; но настоящее значеніе его вполнѣ выяснилось лишь съ теченіемъ времени, когда успѣли обнаружиться всѣ крупныя послѣдствія этого знаменательнаго для американцевъ собранія бостонскаго суда.

По открытіи засѣданія, прокуроръ изложилъ въ рѣчи суть предстоявшаго дѣла. Оно завязалось вслѣдствіе назначенной англійскимъ парламентомъ пошлины на сахаръ и другіе предметы, доставляемые въ колоніи на англійскихъ корабляхъ. Такой уставъ со стороны метрополіи, какъ вообще всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, послужилъ поводомъ къ развитію обширной контрабанды, ускользавшей отъ самой строгой бдительности пограничной стражи. Въ контрабандной торговлѣ, завѣдомо для всѣхъ, участвовали даже первостатейные бостонскіе купцы. Таможенные чиновники по этому поводу и заявили начальству, что они не въ состояніи исполнять свою должность и взимать назначенныя пошлины съ кого слѣдуетъ, если имъ не будетъ разрѣшено дѣлать обыски въ домахъ горожанъ. Вслѣдствіе этого, британскій парламентъ и снабдилъ таможенныхъ чиновниковъ широкимъ полномочіемъ, въ силу котораго мѣстная администрація, по первому требованію, обязана представить всякія зависящія отъ нея средства въ распоряженіе сборщиковъ пошлины, съ тѣмъ, чтобы они безъ задержки могли производить обыски въ домахъ и лавкахъ купцовъ, подозрѣваемыхъ въ торгѣ контрабандными товарами. Купцы протестовали противъ такого устава и перенесли дѣло на разбирательство верховнаго суда въ Бостонѣ.

Прокуроръ старался доказать передъ судомъ, что, по смыслу англійскаго законодательства, парламентъ въ полномъ правѣ выдать сказанныя полномочія таможеннымъ чиновникамъ, и кто нарушаетъ уставъ, тотъ явно возстаетъ противъ верховной власти парламента.

Купцы, съ своей стороны, поручили дѣло двумъ извѣстнымъ въ Бостонѣ адвокатамъ. Первый изъ нихъ, отвѣчая на рѣчь прокурора, опровергалъ его доводы, не выходя, впрочемъ, изъ

Digitized by Google

предѣловъ англійскаго законодательства. Оставаясь на почвѣ господствовавшаго права, онъ старался лишь доказать, что правила, какими руководятся англійскіе суды, въ настоящемъ случаѣ непримѣнимы къ Америкѣ.

Послѣ того, въ качествѣ второго защитника, выступилъ Джэмсъ Отисъ. До этого дня онъ былъ адвокатомъ на коронной службѣ. Когда-же бостонскіе купцы пригласили его взяться за ихъ весьма щекотливый процессъ съ британскимъ парламентомъ, то немолодой уже, горячо преданный интересамъ своей родины адвокатъ, несмотря ни на какія выгодныя для него предложенія со стороны администраціи, тутъ же подалъ въ отставку и рѣшился отстоять согражданъ противъ превышенія парламентской власти.

Рѣчь Отиса, говорившаго болѣе четырехъ часовъ, не сохранилась въ полномъ своемъ составѣ; стенографовъ въ то время еще не было, и никто не догадался записать импровизованную защиту его въ тотъ-же самый день. Но между слушателями въ палатѣ находился тогда еще молодой, будущій сподвижникъ Отиса, Джонъ Адамсъ, съ этого дня посвятившій всего себя дѣлу освобожденія своего отечества и бывшій впослѣдствіи президентомъ возникшей при содѣйствіи его республики. Много лѣтъ спустя, въ дни глубокой старости, Джонъ Адамсъ на память уже изложилъ главныя основныя положенія изъ рѣчи Отиса, котораго называлъ передовымъ бойцомъ за независимость американскихъ колоній. Памятныя записки Адамса и служатъ единственнымъ источникомъ въ настоящемъ случаѣ.

Въ началѣ своей рѣчи, Отисъ сказалъ:

«Я всегда готовъ принести въ жертву на алтарь отечества все свое достояніе, почести, славу и жизнь, для того чтобы воспротивиться всякому произволу».

Потомъ онъ приступилъ къ разбору полномочій, выданныхъ чиновникамъ съ цѣлью обыска горожанъ. Такія полномочія, утверждалъ адвокатъ, всегда и неизбѣжно сопровождаются явнымъ насиліемъ. Снабжая ими таможенныхъ сборщиковъ, парламентъ предаетъ свободу мирныхъ жителей, не совершившихъ никакого преступленія, безотвѣтному произволу своихъ чиновниковъ. Заручившись подобнымъ полномочіемъ, каждый изъ нихъ на законномъ основаніи властенъ сдѣлаться маленькимъ тираномъ своихъ согражданъ. Онъ по своему произволу воленъ чинить у нихъ обыски и отправлять ихъ въ тюрьму, и все это—по одному пустому подозрѣнію. Не подлежа за то лично никакой отвѣтственности передъ судомъ, чиновникъ, побуждаемый нерѣдко одною злобою или жаждою мести, воленъ во всякое время дня и ночи ворваться въ домъ любого горожанина, проникнуть къ за-

Digitized by Google

вѣтному домашнему очагу его, не принимая въ уваженіе ни личныхъ правъ, ни семейной святыни».

«Такія полномочія, говорилъ Отисъ:—самое опасное и гнусное орудіе властнаго произвола; они въ самомъ корнѣ губятъ гражданскую свободу и всѣ основныя права̀ жителей».

Коснувшись этихъ правъ, Отисъ не ограничился доводами, основанными на однихъ только писанныхъ законахъ. Онъ сталъ разбирать вопросъ съ высшей, всеобъемлющей точки зрѣнія. Ученымъ выводамъ британскихъ юристовъ онъ противоставилъ начала «чистаго разума» и вѣчныхъ, общечеловѣческихъ истинъ. Онъ доказывалъ, что, по исконному уставу природы, всѣ люди рождены свободными, и никакіе писанные законы, ни такъ называемыя юристами обычныя права̀, несмотря на всю свою давность, не могутъ искоренить этотъ высшій, волею Творца установленный законъ. «Еслибъ всѣ властители, начиная съ самого Нимрода, были деспотами, то это отнюдь не даетъ имъ никакихъ правъ на деспотическую власть». Парламентскіе уставы, въ родѣ постановленія объ обыскѣ, изданнаго въ своекорыстныхъ видахъ власти, никоимъ образомъ не могутъ освятить собою дѣйствія, нарушающія высшія общечеловѣческія права̀. Такіе уставы слѣдуетъ считать беззаконіемъ. Правый судъ никогда не окажетъ имъ своего содѣйствія.

Окончательные выводы защитника сводились къ тому, что уставъ о полномочіяхъ чинить домашніе обыски, сочиненный какимъ-нибудь изъ желающихъ подслужиться начальству юристомъ, есть явное нарушеніе господствующихъ законовъ и правъ гражданскихъ, а потому его слѣдуетъ признать недѣйствительнымъ.

Смѣлая рѣчь Отиса, по отзывамъ свидѣтелей, нетолько со стороны постороннихъ слушателей, но также самихъ правительственныхъ лицъ, подѣйствовала словно искра, брошенная въ груду пороха. Даже судьи были увлечены всѣхъ охватившимъ порывомъ. Вниманіе заинтересованной въ дѣлѣ публики, ожидавшей услышать обычныя въ такомъ случаѣ юридическія тонкости ловкаго адвоката, и безъ того уже было сильно напряжено. А тутъ — новизна, неожиданность доводовъ, впервые такъ явно высказанныя въ этой палатѣ идеи о высшихъ естественныхъ правахъ человѣка — все вмѣстѣ разомъ пробудило въ изумленныхъ слушателяхъ давно въ нихъ таившіеся, но еще никѣмъ невыясненные помыслы. Каждому казалось, будто передъ нимъ вдругъ освѣтился скрывавшійся доселѣ за туманомъ широкій кругозоръ. Все, что̀ прежде смутно бродило въ умахъ этихъ простыхъ, но уже свыкшихся съ самостоятельною жизнью людей, что̀, однако, до сихъ поръ никто изъ нихъ не могъ и

Digitized by Google

не смѣлъ высказать во всеуслышанье, вдругъ съ такою ясностью и съ такимъ пыломъ выразилось въ вѣскихъ словахъ Отиса. Доводы, основанные на началахъ чистаго разума, тѣмъ сильнѣе поразили публику, что они и прежде какъ бы чуялись уже этими практическими умами торговцевъ и промышленниковъ, неуспѣвшихъ еще запутаться въ юридическихъ сѣтяхъ, сплетенныхъ изъ отжившихъ началъ древнихъ уставовъ и обычаевъ. Ни тѣ, ни другіе не могли еще пустить корней въ дѣвственной почвѣ Америки. Потому и не удивительно, что все собраніе, выслушавъ Отиса, одушевилось въ высшей степени, и преданные мирнымъ коммерческимъ занятіямъ граждане, выходя изъ палаты, казалось, готовы были тутъ же взяться за оружіе и биться до конца за свои права, поруганныя парламентскимъ произволомъ.

«Въ этотъ памятный день, такъ выразился въ своихъ запискахъ Джонъ Адамсъ: — тамъ, передъ верховнымъ судомъ въ Бостонѣ, положенъ починъ американской независимости».

Судьи готовы были тутъ же вынести приговоръ въ пользу бостонскихъ купцовъ и лишить такимъ образомъ администрацію права снабжать таможенныхъ чиновниковъ полномочіемъ производить обыски въ домахъ горожанъ. Но, въ виду сильно возбужденнаго всеобщаго настроенія, охватившаго даже судей, предсѣдатель Гёдчинсонъ, изъ корыстныхъ видовъ угождавшій англійскому парламенту, не рѣшился тотчасъ же приступить къ составленію приговора. Прибѣгая къ уловкѣ, онъ убѣдилъ своихъ товарищей отложить столь важное дѣло до другого засѣданія. А самъ, между тѣмъ, поспѣшилъ донести обо всемъ случившемся правительству въ Англіи. И тогда уже, въ своемъ доносѣ, предсѣдатель выразился, что Отисъ воспламенилъ пожаръ въ англійскихъ колоніяхъ.

Въ наше время ни для кого изъ просвѣщенныхъ людей въ Европѣ, а въ Америкѣ и подавно, не новы, конечно, доводы, выраженные Отисомъ. Надо перенестись въ воображеніи за сто лѣтъ тому назадъ, когда и по сю, и по ту сторону Атлантическаго океана только что зарождались подобныя идеи, и то развѣ въ умахъ передовыхъ, единичныхъ личностей; тогда только мы поймемъ, какъ могли эти истины произвести такое сильное вліяніе на слушателей. Мало того, если перенесемся мысленно изъ Бостона за Атлантическій Океанъ и сопоставимъ между собою тогдашнее состояніе цивилизованныхъ народовъ Европы съ движеніемъ, возникавшимъ въ американскихъ колоніяхъ, едва извѣстныхъ тогда образованному міру, и то лишь болѣе по наслышкѣ, въ качествѣ какихъ-то полудикихъ поселеній торгашей

Digitized by Google

и промышленниковъ, то оцѣнимъ еще болѣе значеніе для того времени живой рѣчи Отиса. Для этого достаточно будетъ освѣжить въ памяти хотя нѣкоторыя явленія, совершавшіяся въ политической и соціальной жизни восемнадцатаго столѣтія, и особенно въ первостатейныхъ державахъ той эпохи.

Извѣстно, что такъ-называемый многими философскій восемнадцатый вѣкъ отличается широкимъ розмахомъ въ области научныхъ изслѣдованій, касавшихся особенно соціальныхъ, экономическихъ вопросовъ. Какъ бы, однако, ни увлекались мы этимъ мощнымъ броженіемъ смѣлыхъ передовыхъ умовъ той эпохи, но насъ не можетъ не поразить контрастъ, господствовавшій въ то же время между жившими бокъ-о-бокъ общественными сословіями. Дѣйствительно, просвѣщенный классъ отдѣлялся отъ массы черни непроходимою пропастью; это были какъ бы двѣ совершенно различныя расы людей, имѣвшія мало общаго между собою. Вольтеръ и Руссо, Болинброкъ и Локкъ, Кантъ и Гёте, и современныя имъ геніальныя личности были недосягаемы, чужды для безвыходно-прикрѣпленнаго къ почвѣ простаго люда; онъ не понималъ даже языка своихъ пророковъ, говорившихъ ему о высшемъ назначеніи человѣка, о неотъемлемыхъ правахъ его на блага земныя. Съ одной стороны пропасти намъ представляются доблестные порывы мысли, сознаніе умственной мощи, разгромившей преграды вѣковыхъ предразсудковъ; а съ другой—непроницаемое невѣжество, крайнее раболѣпіе и коснѣющее суевѣріе. Тамъ—расточительная роскошь и нескончаемыя наслажденія, а здѣсь—безустанный трудъ и жизнь, полная лишеній, бѣдствій и смиренной покорности горькой долѣ. И этой участи подчинялись массы народа, милліоны, тогда какъ другая осчастливленная сторона общества состояла изъ единичныхъ личностей и причастнаго къ нимъ меньшинства.

Эта отличительная черта соціальнаго строя въ Европѣ восемнадцатаго столѣтія представляется въ прямой противоположности съ господствовавшимъ въ то же время общественнымъ состояніемъ въ американскихъ колоніяхъ. Тамъ, наоборотъ, и немыслимъ былъ такой контрастъ между переселенцами. Тамъ просвѣщенные люди, въ родѣ прославившагося своими научными изслѣдованіями Франклина и строгаго мыслителя Джефферсона, не отдѣлялись такою пропастью отъ простаго народа. Сочувствуя ему, они выражались языкомъ вполнѣ для него доступнымъ. Тамъ не было безмѣрной прихотливой пышности, не было также и приниженной тяжкимъ трудомъ безотвѣтной бѣдности. Вспомнимъ только, что, за сто лѣтъ тому назадъ, на материкѣ Европы всюду еще господствовало крѣпостничество, такъ

Digitized by Google

что бо́льшая часть земледѣльческаго населенія томилась подъ игомъ барщины, разнаго рода натуральныхъ повинностей, поборовъ и насилій со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ. Съ крестьянъ всѣми мѣрами выжимались налоги для пополненія государственной казны. Въ то же время, воздѣланныя ими поля раззорялись вслѣдствіе извѣстныхъ законовъ объ охотѣ, въ силу которыхъ крестьянинъ, дерзнувшій убить дичину на своей пашнѣ, подвергался смертной казни. Мало того, изъ ихъ же среды набирались молодые люди для войска, такъ что у семей отнимали не только плоды ихъ трудовъ, но даже самыхъ здоровыхъ работниковъ, кормильцевъ женъ и дѣтей. Короче, хлѣбопашцу въ Европѣ не предвидѣлось никакого выхода изъ бѣдственнаго положенія.

Впрочемъ, не лучше приходилось и ремесленному, и фабричному люду. Всякій трудъ вообще, а физическій и подавно, презирался. На трудящееся населеніе смотрѣли, какъ на особый разрядъ людей, созданный въ угоду привилегированнаго класса общества. Вотъ, между прочимъ, мнѣніе, высказанное однимъ изъ геніальныхъ вольнодумцевъ XVIII вѣка, Вольтеромъ: «У черни, осужденной жить работою своихъ рукъ, нѣтъ ни досуга, ни способностей на умственныя занятія; она умерла бы съ голоду, еслибъ вздумала философствовать. Я того мнѣнія, что необходимо, чтобы на свѣтѣ существовали неучи-голяки. Будемъ говорить съ низшимъ людомъ о добродѣтели. А не то, если чернь вздумаетъ разсуждать—тогда для насъ все пропало». Передъ Вольтеромъ преклонялось все образованное общество, а потому мнѣніе его можетъ служить вѣрнымъ отзывомъ господствовавшаго тогда воззрѣнія на работящій народъ.

Когда возникаютъ въ памяти такія соціальныя условія прошлой эпохи, то самъ собой напрашивается вопросъ: въ силу чего и въ угоду кому подвергались гнёту и хлѣбопашецъ, и ремесленникъ, и фабричный—словомъ, все истинно-производительное населеніе въ Европѣ? Сами они, какъ извѣстно, не пользовались плодами своего тяжкаго труда. Отвѣтъ на это находимъ также въ исторіи восемнадцатаго вѣка. Стóитъ только вспомнить о правительственномъ строѣ того времени вообще и объ образѣ жизни при дворахъ тогдашнихъ державцевъ въ частности.

Когда адвокатъ Отисъ говорилъ торговцамъ города Бостона о правахъ человѣка, въ то самое время во Франціи самоуправно хозяйничала, какъ извѣстно, пышная, расточительная наложница Людовика XV, Помпадуръ. О мотовствѣ при дворѣ ея можно судить потому уже, что въ финансовыхъ отчетахъ того вре-

Digitized by Google

мени къ самымъ крупнымъ статьямъ расхода относятся: королевскіе дворцы и сады, гардеробъ, столъ, придворныя конюшни, театръ, фейерверкъ и тому подобныя удовольствія, потомъ еще подарки любовницамъ и жалованье шпіонамъ, предостерегавшимъ Помпадуръ и дворъ ея отъ безпокойныхъ людей, опасныхъ единственно тѣмъ, что они иногда рѣзко выражались о придворныхъ затѣяхъ. Весь государственный строй, если позволительно назвать его такимъ образомъ, держался болѣе всего при помощи тайной полиціи и солдатъ. Финансы давно уже находились въ крайнемъ разстройствѣ. На расходы не хватало даже всѣхъ поборовъ съ истощеннаго до нельзя народа, такъ что правительство вынуждено было прибѣгать къ займамъ. А уплачивать ихъ пришлось, конечно, опять тому же народу.

Само собою разумѣется, что правительству мало было окружить себя полиціей и шпіонами; для исправнаго сбора податей оказалось необходимымъ содержать на жалованьи еще цѣлыя ватаги чиновниковъ, высасывавшихъ послѣдніе соки изъ податнаго сословія; а сверхъ того, слѣдовало заручиться въ мирное даже время боевыми арміями, всегда готовыми съ оружіемъ въ рукахъ нагрянуть на беззащитныхъ гражданъ, въ случаѣ, еслибы послѣднимъ вздумалось поднять голосъ противъ корыстныхъ захватовъ чиновниковъ. Впрочемъ, забитое податное сословіе и безъ того не допускало мысли о какомъ-либо явномъ сопротивленіи административному насилію. Подобное состояніе отнюдь не было временнымъ, скоропреходящимъ явленіемъ во время господства надъ Франціей Помпадуръ. Напротивъ, по смерти ея, какъ извѣстно, судьба французовъ предана была новой наложницѣ короля, взятой прямо изъ дома терпимости, извѣстной подъ именемъ Дю-Барри и стòившей французскому народу громадныхъ капиталовъ.

Однако, во Франціи былъ своего рода парламентъ, дерзавшій даже иногда стать въ оппозицію съ правительствомъ короля или, вѣрнѣе, наложницъ его. Но парламентъ нисколько не заботился объ облегченіи участи простаго народа. Члены его изъ привилегированныхъ высшихъ сословій, свободныхъ отъ всякихъ податей и повинностей, не находили никакой для себя выгоды щадить производительный классъ народа, вносившій подати.

При всемъ томъ, исторія восемнадцатаго столѣтія увлекаетъ и, такъ сказать, подкупаетъ насъ смѣлымъ пареніемъ новыхъ идей, особенно въ области чисто-теоретическихъ знаній. Въ литературѣ того времени сталъ пробуждаться мощный духъ скептицизма и слышалось уже вѣянье свѣжихъ началъ. Но печать вообще была въ загонѣ и преслѣдовалась правительствен-

Digitized by Google

ными людьми. Газетамъ предоставлялось описывать празднества и торжественныя событія, то и дѣло повторявшіяся при дворѣ; публицисты распространялись о времяпровожденіи, нарядахъ, поѣздкахъ и тому подобныхъ развлеченіяхъ высокопоставленныхъ лицъ. Отъ автора, выходившаго изъ предѣловъ установленной рамки и покушавшагося писать изобличенія, неудобныя для Помпадуръ или для кого-либо изъ ея фаворитовъ, избавлялись просто съ помощью бланковыхъ приказовъ объ арестѣ (lettres de cachet). Стòило только прописать на бланкѣ имя безпокойнаго изобличителя, и полиція безъ суда отводила его въ тюрьму. Книги, въ которыхъ обнаруживались злоупотребленія администраціи или иные общественные недуги и указывались на причины ихъ, конфисковались и сожигались рукою палача. Такая участь постигла, между прочимъ, «Эмиля» Жанъ-Жака Руссо, и самому автору не миновать бы тюрьмы, еслибъ онъ не успѣлъ вò-время бѣжать изъ Франціи.

Мы знаемъ, однако, что даже въ административныхъ сферахъ не было недостатка въ даровитыхъ личностяхъ, вполнѣ способныхъ и горячо желавшихъ избавить народъ отъ гнёта. Но такіе люди неугодны были правительству Помпадуръ, потому уже, что ихъ система управленія обусловливалась прежде всего строгою бережливостью и сокращеніемъ бюджета, и, слѣдовательно, нѐчѣмъ было бы покрыть нароставшіе расходы. Потому и въ министры финансовъ избирались сановники, изобрѣтавшіе новыя замысловатыя средства, которыми, въ концѣ-концовъ, разорялся все тотъ же народъ. Таковъ, въ общихъ чертахъ, былъ строй политической и соціальной жизни во Франціи въ то самое время, когда за Атлантическимъ Океаномъ, въ Бостонѣ, горожане затѣяли извѣстный уже намъ процессъ съ англійскимъ парламентомъ.

Въ другихъ краяхъ на европейскомъ материкѣ было чуть ли не хуже. Въ Германіи, въ этомъ сердцѣ Европы, какъ называютъ ее нѣмцы, народъ томился подъ гнётомъ трехъ дюжинъ и крупныхъ, и мелкихъ князьковъ своихъ. Образцомъ и примѣромъ для нихъ служилъ тотъ же версальскій дворъ. Подражая ему въ пышности и расточительности, но не обладая его громадными средствами, князьки должны были, конечно, еще болѣе истощать своихъ подданныхъ, иначе имъ нѐчѣмъ было бы содержать мэтрессъ и удовлетворять всѣмъ своимъ утонченнымъ прихотямъ. Не даромъ это время вообще представляется въ исторіи зараженною эпохою разгульныхъ оргій при дворахъ Европы.

Намъ придется еще говорить о томъ, кàкъ германскіе князь-

Digitized by Google

ки, въ качествѣ поставщиковъ солдатъ то въ одну, то въ другую армію, прибѣгали къ открытому торгу своими подданными. Фридрихъ Великій составлялъ, какъ извѣстно, исключеніе въ этомъ случаѣ, и мэтрессы, повидимому, обходились ему не такъ дорого. Зато народъ прусскій приносился въ жертву завоевательной политикѣ короля, особенно вслѣдствіе косвенныхъ налоговъ, вся тягость которыхъ ложилась на самый бѣдный слой населенія. Семилѣтняя война разоряла нетолько завоеванные края, но чуть ли еще не болѣе самыя земли завоевателя. Презирая чернь, боготворившую его въ слѣпотѣ своей, Фридрихъ, какъ извѣстно, прибѣгалъ къ самымъ крупнымъ, деспотическимъ мѣрамъ. Для того, чтобы покрыть свои громадные военные расходы, на безотвѣтный народъ напускались толпы чиновниковъ. Они нетолько выбирали изъ податнаго сословія деньги для казны, но, дѣйствуя безконтрольно, и сами также обогащались насчетъ той же черни.

Что же касается тогдашнихъ понятій и воззрѣній на гражданскія отношенія вообще, то упомянемъ здѣсь кстати и о томъ, какъ отнеслись европейскіе ученые и даже либеральные профессора германскихъ университетовъ къ дошедшему до насъ извѣстію о бостонскомъ процессѣ. Путаясь въ юридическихъ тонкостяхъ, сохранившихся со временемъ феодализма, они, несмотря на кажущееся безпристрастіе, отрицали у бостонскихъ гражданъ всякое право протестовать противъ административнаго произвола. Англійскіе же законовѣды прямо объявили начала объ естественныхъ правахъ человѣка, высказанныя адвокатомъ Отисомъ, сумасбродными фантазіями безумнаго вольнодумца.

Хотя Англія своими конституціонными учрежденіями и тогда уже возбуждала удивленіе и зависть въ цивилизованномъ мірѣ, однако, кто же теперь не знаетъ, что въ Великобританіи благами свободы, въ сущности, пользовались только аристократія и тѣсно связанные съ ея интересами классы общества. Главная же масса народа состояла изъ рабочихъ и поденьщиковъ, лишенныхъ возможности пріобрѣсть земельную собственность и томившихся, поэтому, подъ тяжкимъ игомъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Бѣдственное состояніе большинства націи, конечно, скрывалось отъ европейскаго общества за шумомъ и блескомъ парламентскихъ преній, изумлявшихъ современниковъ на континентѣ смѣлостью доблестныхъ ораторовъ, не разъ дерзавшихъ поднимать голосъ даже противъ королевскаго произвола. На самомъ же дѣлѣ, въ парламентѣ происходила лишь борьба между королевскою властью и аристократіей, т. е. между двумя рода-

Digitized by Google

ми деспотизма, равно обременительнаго для народныхъ массъ, лишенныхъ правъ и преимуществъ гражданскихъ.

Одною изъ главныхъ причинъ, возбудившихъ американскія колоніи къ открытому возстанію, была именно тупая настойчивость англійскаго короля Георга III, стремившагося во что̀ бы то ни стало упрочить за собой неограниченную власть. Одаренный отъ природы скудными способностями и тѣмъ болѣе упорствуя въ своихъ властолюбивыхъ покушеніяхъ, онъ окружалъ себя совѣтниками и правителями, которые изъ своекорыстныхъ видовъ потворствовали его деспотическимъ поползновеніямъ. Достичь полнаго самовластія по примѣру французскихъ королей сдѣлалось главною цѣлью политической дѣятельности Георга III и покорныхъ ему министровъ. Понятно поэтому, что короля должны были крайне раздражать вообще всякія попытки подданныхъ отстаивать свои права и, въ особенности, строптивое сопротивленіе бостонцевъ, дерзавшихъ оспаривать у парламента власть облагать ихъ пошлиною по своему произволу. Нельзя не согласиться, что эта, въ починѣ своемъ столь мелкая, но потомъ все шире разроставшаяся борьба британской метрополіи съ ея колоніями была, въ сущности, личнымъ дѣломъ самого короля. Министры, какъ подобострастные прислужники, дѣйствовали, конечно, по его иниціативѣ, пытаясь, во что̀ бы то ни стало, подавить въ подданныхъ всякое малѣйшее даже заявленіе личнаго неудовольствія на обременительныя для нихъ мѣры парламента.

Въ отношеніи же колоній, сказанныя мѣры почти всегда оказывались несостоятельными и зачастую несвоевременными, тѣмъ еще болѣе, что подданные, до которыхъ онѣ касались, были разобщены отъ метрополіи цѣлымъ океаномъ. Послѣднее обстоятельство и было, конечно, непреодолимою помѣхою при тогдашнихъ скудныхъ средствахъ сообщенія. Пароходовъ тогда и въ поминѣ еще не было, а парусныя суда далеко не отличались такою быстротой, съ какою они нынѣ разсѣкаютъ океанъ. Сто лѣтъ тому назадъ, плаванье изъ Лондона въ Бостонъ или Нью-Иоркъ, совершаемое теперь на парахъ дней въ десять, продолжалось, при довольно благопріятныхъ обстоятельствахъ, почти втрое долѣе, а не то и цѣлыхъ сорокъ суто̀къ. Столько же времени требовалось, конечно, и на передачу депеши, на что̀ теперь, благодаря подводному телеграфу, достаточно нѣсколькихъ часовъ.

Неудивительно поэтому, что въ то время даже въ самой Англіи имѣли вообще весьма смутныя и бо̀льшею частью даже превратныя понятія о соціальномъ строѣ въ американскихъ коло-

Digitized by Google

ніяхъ. Какъ матеріальныя, такъ и нравственныя бытовыя условія тамошняго народа представляли во всѣхъ отношеніяхъ рѣзкую противоположность со всѣми подобнаго рода явленіями въ тогдашней Европѣ. Контрастъ между жителями Стараго и Новаго свѣта, за сто лѣтъ тому назадъ, необходимо былъ еще рѣзче, чѣмъ въ наше время, когда усовершенствованныя средства сообщенія въ такой чрезвычайной степени сократили разстоянія на земной поверхности.

Благодаря сохранившимся письменнымъ источникамъ всякаго рода, мы, въ настоящее время, въ состояніи, даже гораздо лучше ознакомиться съ прошедшимъ бытомъ американскихъ колоній, чѣмъ это можно было европейскимъ современникамъ прошлаго столѣтія. Въ своей исторіи Соединенныхъ Штатовъ, начатой уже лѣтъ сорокъ тому назадъ, Банкрофтъ излагаетъ до мельчайшихъ подробностей событія той эпохи, пользуясь при этомъ нетолько сохранившимися лѣтописями каждой изъ колоній, но также перепиской разныхъ лицъ, дневниками, замѣтками людей, жившихъ тогда въ колоніяхъ, и, наконецъ, даже изустными свидѣтельствами самихъ соучастниковъ того или другого событія, которыхъ историкъ засталъ еще въ живыхъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить здѣсь, что едва возникшая исторія Соединенныхъ Штатовъ отличается отъ исторіи другихъ цивилизованныхъ націй именно своею неподлежащею никакому сомнѣнію достовѣрностью до самыхъ завѣтныхъ мелочей. Тутъ, конечно, нѣтъ мѣста ни миѳамъ, подобнымъ основанію Рима или Карѳагена, ни загадочнымъ героямъ въ родѣ Вильгельма Телля или Орлеанской Дѣвы, и историку нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи нумизматики, монументовъ и тому подобныхъ, иногда довольно сомнительныхъ историческихъ памятниковъ. Тутъ, напротивъ, всѣ факты на лицо, и, передавая потомству исторію развитія юнаго народа, авторъ черпаетъ обильный матеріалъ прямо изъ самыхъ достовѣрныхъ, вполнѣ сохранившихся письменныхъ свидѣтельствъ. Тѣмъ еще болѣе, что въ американской республикѣ нѣтъ также мѣста государственнымъ или правительственнымъ тайнамъ. Хранящіеся въ архивахъ документы, всѣ безъ изъятія открыты тутъ для всякаго любопытнаго посѣтителя; правительству тутъ не зачѣмъ хранить что-либо подъ спудомъ, и лѣтописцу не приходится стряхать многовѣковую пыль съ документовъ для того, чтобы дорыться до какого-нибудь давно забытой тайны государства. Вообще, какой бы вопросъ ни предложили исторіи Соединенныхъ Штатовъ, на все она отвѣчаетъ, такъ сказать, устами современниковъ и сподвижниковъ знаменательныхъ событій. И отвѣтъ ихъ, во всякомъ случаѣ, ис-

Digitized by Google

креннѣе и правдивѣе, нежели многія то пристрастныя, то намѣренныя искаженія европейскихъ авторовъ, пытавшихся нерѣдко, въ угоду своихъ властителей, придать превратный смыслъ какому-нибудь явленію въ исторіи сѣвероамериканцевъ.

Такъ, между прочимъ, говоря о причинѣ все болѣе и болѣе возрастающаго движенія народныхъ массъ изъ Стараго Свѣта въ Новый, европейскіе авторы старались объяснить этотъ фактъ чрезмѣрнымъ избыткомъ населенія въ Европѣ. Многіе и до сихъ поръ еще держатся того же мнѣнія. Оно успѣло распространиться до такой степени, что, въ настоящее время, нѣкоторые писатели сочли даже необходимымъ опровергать его вѣскими доводами и доказать, что, въ сущности, оно лишено всякаго основанія. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробности по поводу этого вопроса [1]. Скажемъ только, что, по неподлежащимъ сомнѣнію выводамъ современныхъ статистиковъ, въ Европѣ и нынѣ даже могло бы прожить въ довольствѣ населеніе гораздо бо̀льшее противу настоящаго. Сто̀итъ только обратить вниманіе на то, что даже въ Западной Европѣ, не говоря уже о восточной, до сихъ еще поръ лежали впустѣ огромныя пространства плодоносныхъ земель, на которыхъ нашлось бы вдоволь мѣста нѣсколькимъ милліонамъ переселенцевъ, уходящимъ за океанъ. Даже въ одной изъ самыхъ населенныхъ странъ, въ Великобританіи, подъ одними парками, гонными округами, служащими на потѣху лордовъ, подъ раскинувшимися, вопреки народнохозяйственнымъ разсчетамъ пастбищами и тому подобными невоздѣланными пространствами, растрачивается немало производительныхъ силъ страны, и все это, конечно, въ ущербъ народу. А за сто и болѣе лѣтъ тому назадъ, когда началось уже сильное переселеніе въ Америку, Европа была еще малолюднѣе, чѣмъ въ настоящее время. Выставлять поэтому главнымъ поводомъ переселенія избытокъ народныхъ массъ въ Европѣ, по малой мѣрѣ, неосновательно. Причины переселенія давно уже обнаружены гораздо проще и яснѣе строгими, но вольнолюбивыми пуританами, потомки которыхъ населили Новую Англію и составляли главную часть, такъ сказать, ядро жителей Бостона и всей Новой Англіи. Пользуясь въ Великобританіи завиднымъ достаткомъ, пуритане не отъ безхлѣбицы, не отъ тѣсноты покидали родной край, зная, сверхъ того, напередъ, что въ невѣдомой странѣ ждутъ ихъ лишенія и трудности всякаго рода. Не ради прибытка также пускались они за океанъ. Напротивъ, они по-

[1] Тѣмъ болѣе, что объ немъ приходилось уже говорить намъ въ статьѣ о переселеніи, напечатанной въ книгѣ: «Соединенные Штаты Сѣверной Америки».

Digitized by Google

кидали свои устроенные домà и хлѣбородныя поля единственно вслѣдствіе гоненія за вѣру и правительственнаго гнета. Этотъ поводъ всегда приводился и ясно высказывался первыми переселенцами въ Новую Англію. «Съ какой стати, такъ говорили они:—покинули-бъ мы родину еслибъ тамъ, за нами обезпечены были и вѣра, и свобода наша. Но законное правленіе для насъ дороже земли родной. Чтò проку въ плодородной землѣ безъ хорошихъ законовъ. Такая земля можетъ повести даже къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Обитатели ея, удовольствуясь матеріальными выгодами, могутъ, пожалуй, забыть о высшемъ благѣ человѣка».

Такимъ духомъ проникнуты были пуритане при самомъ уже починѣ переселенія, и этотъ духъ отцовъ перешелъ къ дѣтямъ во всей своей суровой строгости.

Джонъ Адамсъ, также одинъ изъ сыновей пуританъ, передавшій намъ содержаніе рѣчи Отиса, выразился по поводу переселенія слѣдующимъ образомъ: «Америка населена вслѣдствіе борьбы народовъ съ заговоромъ, составленнымъ противъ него свѣтскимъ и духовнымъ деспотизмомъ. Не одна только религія, какъ обыкновенно думаютъ, но болѣе всего любовь къ свободѣ во всѣхъ ея видахъ, ненависть къ тому заговору деспотовъ, боязнь и страхъ имъ навѣянный — вотъ чтò было истиннымъ поводомъ къ заселенію Америки, вотъ чтò вызвало и довершило его».

«Надо помнить, продолжаетъ Адамсъ:—что свободу слѣдуетъ отстаивать противъ всякаго насильственнаго захвата. Мы имѣемъ на то полное право: оно завѣщано намъ самимъ Творцомъ».

Таково было общее настроеніе переселявшихся пуританъ, и ихъ вольнолюбивый духъ съ самаго начала устойчиво легъ въ основу всего соціальнаго строя въ сѣвероамериканскихъ колоніяхъ. Какія бы народности ни переселялись туда впослѣдствіи, всѣ онѣ, подчиняясь невольно пуританскому вліянію, проникались тѣмъ же смиреніемъ къ свободѣ и тѣсно связанною съ нею равноправностью гражданъ. Тутъ съ самаго возникновенія колоній не было ни князей, ни дворянъ, ни сановниковъ, съ исключительными родовыми преимуществами; тутъ не полагалось никакого различія между членами одной или другой вѣры, той или иной національности, того или другого сословія. Нѣмцы, французы, голландцы, испанцы, шведы и ирландцы водворялись въ качествѣ равноправныхъ гражданъ, къ какому бы слою общества, къ какой бы вѣрѣ они ни принадлежали на родинѣ. Исключеніе составляли одни только негры, которыхъ считали за лю-

Digitized by Google

дей иной, низшей расы, предназначенной, какъ говорили южные плантаторы, самою природою на рабство.

Европейскіе переселенцы, ради личной свободы, не только подвергались нуждамъ и лишеніямъ, но отрекались даже отъ своей старой родины и національности, покидали родныхъ и друзей, а дѣти ихъ забывали даже языкъ своихъ отцовъ. Всѣ они составляли въ Новомъ Свѣтѣ народъ въ истинномъ или, какъ выражаются обыкновенно въ Европѣ, въ демократическомъ смыслѣ слова—народъ, который пользовался такими же правами и преимуществами, какія въ Англіи присвоила себѣ исключительно одна аристократія. Земледѣльцы въ сѣверныхъ колоніяхъ были за одно и полными собственниками воздѣлываемыхъ ими земель. Такимъ образомъ, здѣсь въ основу землевладѣнія какъ бы само собою легло чуждое тогда для Европы начало, въ силу котораго земля составляетъ собственность того, кто ее обработываетъ.

Каждому достигшему совершеннолѣтія жителю колоніи предоставлялось право голоса при выборѣ членовъ въ представительное собраніе, и каждый гражданинъ самъ могъ быть избираемъ въ эти члены. Собраніе каждой изъ колоній разрѣшало у себя подоходный налогъ для покрытія общественныхъ расходовъ. Такъ какъ не было ни постояннаго войска, ни придворнаго штата, то расходы были весьма ограниченны. Англійское правительство назначало отъ себя губернаторовъ; но они точно такъ же, какъ и другіе чиновники, получали жалованье не иначе, какъ съ разрѣшенія законодательнаго собранія. Пользуясь своимъ правомъ, послѣднее то повышало, то сокращало оклады губернаторовъ и чиновниковъ, смотря по тому, было ли оно довольно или нѣтъ ихъ распоряженіями. Губернаторъ, съ своей стороны, избиралъ членовъ совѣта или сената, которые обыкновенно утверждались королемъ.

Объ королѣ въ массѣ поселенцевъ сложилось какое-то смутное, можно сказать, идеальное понятіе, какъ о верховномъ властелинѣ, который, въ крайнихъ случаяхъ, обязанъ охранять ихъ отъ всякаго рода притѣсненій и захватовъ. Называя себя его вѣрноподданными, они не разъ обращались къ нему съ жалобами на случавшіяся обременительныя для нихъ распоряженія губернатора и его администраціи, не подозрѣвая вовсе, что въ большинствѣ случаевъ такія распоряженія исходили прямо отъ самого же короля и что чиновники, на которыхъ ему жаловались, были только покорными орудіями его воли.

Всѣ колоніи, числомъ тридцать, тянулись съ сѣвера къ югу, вдоль по морской отлогости Атлантическаго Океана, на протя-

Digitized by Google

женіи почти равномъ разстоянію отъ Петербурга до Одессы. На западѣ, гдѣ на полномъ раздольи охотились дикія племена индійцевъ, не было возможности опредѣлить точныя границы. И по этому-то огромному пространству бо́льшею частью дѣвственныхъ земель, сто лѣтъ тому назадъ, разсыпано было всего около двухъ съ половиной милліоновъ поселенцевъ, такъ что во всѣхъ тридцати колоніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, жителей было менѣе, чѣмъ насчитывается ихъ нынѣ въ одной Швейцаріи. Въ самой населенной изъ колоній Новой Англіи, а именно въ Массачузетсѣ, съ его главнымъ городомъ Бостономъ, жило немногимъ болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ. Въ Бостонѣ же, въ то время, едва ли набралось бы пятнадцать тысячъ жителей.

Земли вездѣ было вдоволь, и каждый изъ поселенцевъ воленъ былъ пріобрѣсть участокъ по своему выбору. Понятно, что, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, главное занятіе жителей заключалось въ земледѣліи и въ связанныхъ съ нимъ промыслахъ. Не зная ни стѣсненій, ни обременительныхъ налоговъ, пахарь, какъ полновластный владѣлецъ, распоряжался на своей фермѣ. Воздѣлывая въ своемъ обведенномъ изгородью участкѣ плодоносную почву, фермеръ выгонялъ свой скотъ въ никѣмъ еще незанятые окрестные луга, безпрепятственно пользовался сосѣдними, никому еще непринадлежавшими лѣсами, охотился на полномъ просторѣ за красною дичью, какою изобиловали первобытныя мѣста. Широкая жизнь среди дѣвственной природы питала въ немъ вольнолюбивые замыслы о независимости, тѣмъ еще болѣе, что самыя потребности поселянина были весьма незатѣйливы. Поля, лѣса, рѣки и озера, рогатый и всякій другой скотъ въ избыткѣ снабжали его и семью необходимыми припасами для простого житья-бытья въ полномъ довольствѣ. Въ такой-то совершенной независимости, вдали отъ всякаго посторонняго вмѣшательства выросло уже три-четыре поколѣнія. Что же касается до торговцевъ и ремесленниковъ, водворившихся въ малолюдныхъ городахъ, то они не составляли и пятнадцатой доли всего населенія колоній.

На югѣ главными доходными продуктами были рисъ и индиго. Они воздѣлывались тамъ бо́льшею частью невольниками, неграми. Послѣдніе ввозились туда по распоряженію англійскаго правительства, вопреки даже не разъ уже заявленнымъ просьбамъ колонистовъ прекратить гнусный торгъ людьми. Получая опредѣленный взносъ за каждаго ввезеннаго негра, англійское правительство начало открытые торги невольниками во всѣхъ гаваняхъ и даже въ судебныхъ палатахъ южныхъ городовъ. Пользуясь рабскимъ трудомъ, крупные землевладѣльцы, сбывая

Digitized by Google

въ Англію рисъ и индиго, въ короткій срокъ наживали большіе капиталы. Поля ихъ давали, сверхъ того, обильный урожай маиса, а необъятные сосновые лѣса снабжали поселенцевъ смолою отличнаго качества и скапидаромъ. На неистощенной еще почвѣ Виргиніи росъ превосходный табакъ, отправляемый также въ Англію. Послѣднимъ продуктомъ жители оплачивали обыкновенно свои внутреннія подати, такъ что табакъ въ Виргиніи замѣнялъ собою отчасти звонкую монету.

Вслѣдствіе чрезвычайнаго плодородія почвы въ жаркомъ благодатномъ климатѣ, южныя колоніи устремили всю свою дѣятельность на земледѣліе. У нихъ не было никакого мануфактурнаго производства, ни купеческихъ кораблей. Самая торговля ихъ велась чрезъ посредство англичанъ и сѣверныхъ поселенцевъ. Въ отношеніи торговли, Англія всѣми средствами старалась захватить въ свои руки монополію, на чемъ и основывалась въ ту эпоху вся торговая политика великобританскаго правительства. Она выразилась вполнѣ въ извѣстномъ навигаціонномъ актѣ, въ силу котораго торгъ между Англіей и колоніями долженъ былъ производиться исключительно на англійскихъ судахъ. Такимъ образомъ, южныя колоніи вынуждены были покупать необходимыя для нихъ мануфактурныя издѣлія, точно также и невольниковъ, только у англійскихъ торговцевъ. Сверхъ того, правительство особыми постановленіями принуждало ихъ продавать главные, такъ-называемые—колоніальные товары ихъ: табакъ, рисъ и индиго—исключительно въ одну только Англію. Отпускъ въ чуждыя страны строго запрещался. Такимъ образомъ, южный плантаторъ, какъ при куплѣ, такъ и при продажѣ, былъ совершенно отданъ на произволъ англійскимъ торговцамъ и поневолѣ долженъ былъ соглашаться на цѣны, какія назначались послѣдними.

Иначе сложились условія въ сѣверныхъ, особенно въ новоанглійскихъ колоніяхъ. Внутри края и тамъ тоже жило трудолюбивое земледѣльческое населеніе, воздѣлывая по преимуществу пшеницу, кукурузу, ленъ и промышляя, сверхъ того, полудикимъ скотоводствомъ. Первобытныя дебри изобиловали тамъ отличнымъ корабельнымъ, строевымъ и подѣлочнымъ лѣсомъ. Тутъ росли вѣковые дубы и отличающіеся своею крѣпостью орѣшники весьма разнообразныхъ породъ.

Въ поморскихъ же мѣстахъ, гдѣ представлялись удобныя пристанища для судовъ, жили по разсѣяннымъ поселкамъ смѣлые мореходы и рыбаки. Каждый годъ ходили они на сооруженныхъ у себя дома судахъ къ ньюфоундлэндскимъ меламъ на ловлю трески и макрели. Отсюда же отправлялись также

Digitized by Google

далеко проникая въ сѣверныя полярныя моря. Такимъ образомъ, здѣсь давно уже развилось бойкое мореходство. Сѣверные судохозяева ходили на своихъ корабляхъ также и въ южныя колоніи, забирая тамъ колоніальные продукты и поставляя ихъ на рынки въ Англіи. Вопреки навигаціонному акту и всякимъ запретамъ вести торгъ съ иностранцами, ловкіе сѣверо-американскіе янки вели весьма оживленную контрабандную торговлю съ французскими, голландскими и испанскими колоніями, особенно съ вест-индскими островами. Быстрые на ходу кораблики ихъ, уходя отъ гонявшихся за ними правительственныхъ сторожевыхъ судовъ, пускались даже поперекъ океана къ островамъ Мадерѣ и Канарскимъ, и къ берегамъ Испаніи, сбывая тамъ треску, макрель и отличные бочарные лады и привозя обратною кладью вино, сахаръ, а иногда также и невольниковъ съ береговъ Африки. Главными средоточіями для этихъ торговыхъ оборотовъ съ давнихъ уже поръ служили основанный голландцами Нью-Йоркъ, съ его обширною, прекрасною гаванью, и еще Бостонъ, самый важный торговый городъ Новой Англіи. Послѣдній особенно славился своими корабельными мастерами, строившими суда даже по заказу англичанъ.

Контрабанда, вызванная узкой торговой, такъ-называемой колоніальной политикой англійскаго правительства, велась нетолько моремъ, но съ такимъ же успѣхомъ и сухимъ путемъ. Законы, запрещавшіе почти всякія торговыя сношенія между колоніями, всячески обходились. Какими бы таможенными преградами правительство ни разграничивало однѣ области отъ другихъ, на дѣлѣ всѣ эти препятствія легко устранялись въ малонаселенномъ краѣ. Никакая таможенная стража не могла угоняться за контрабандистами по имъ однимъ только и развѣ еще дикимъ индійцамъ извѣстнымъ тропамъ въ первобытныхъ дебряхъ; и сѣверный торговецъ, вопреки всѣмъ, не про него писаннымъ законамъ, безпрепятственно снабжалъ южныхъ плантаторовъ издѣліями Новой Англіи. А, взамѣнъ того, онъ тѣмъ же запретнымъ путемъ перевозилъ оттуда, за сравнительно дешевыя цѣны, южные колоніальные товары. Ими снабжалъ онъ даже англійскіе рынки, подрывая такимъ образомъ торговлю британскихъ купцовъ. Такъ какъ послѣдніе, внося пошлины, доставляли значительный доходъ правительству, то оно, ради своихъ же выгодъ, и пыталось всѣми мѣрами утвердить монополію за англійскими купцами въ ущербъ американскимъ колоніямъ. Слѣдствіемъ было то, что всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда неумѣстными мѣрами стѣсняютъ естественный ходъ коммерческихъ и промышленныхъ дѣлъ: постановленія пра-

Digitized by Google

вительства возбуждали въ колонистахъ справедливое негодованіе, и всякій считалъ себя въ правѣ нарушать ихъ.

Не такъ легко, однако, было обойти уставъ, касавшійся мануфактурныхъ производствъ. Въ Новой Англіи, особенно въ Массачузетсѣ, жители давно уже занимались приготовленіемъ полотна и шерстяныхъ тканей. Въ Бостонѣ образовалось даже товарищество для поощренія домашняго производства льняной и шерстяной пряжи. Это товарищество каждый годъ устроивало въ своемъ родѣ оригинальное празднество на городскомъ лугу. Въ полуверстѣ, на западъ отъ извѣстной уже намъ старой ратуши, подъ выгонъ городскаго скота отведенъ былъ лугъ, извѣстный и до сихъ поръ подъ именемъ коммонъ (common), то-есть общій участокъ. За сто лѣтъ тому назадъ, онъ находился почти на окраинѣ Стараго Бостона. Когда городъ расширился и жители стали обстраиваться, подвигаясь все далѣе на западъ, то этотъ лугъ остался незанятымъ, хотя и пересталъ уже служить выгономъ. Его обсадили деревьями, такъ что, въ настоящее время, онъ образуетъ довольно обширный и тѣнистый паркъ, расположенный почти среди нынѣшняго города, далеко раздвинувшаго свои предѣлы. Этотъ коммонъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, не разъ служилъ поприщемъ для народныхъ скопищъ съ цѣлью соединиться на какое-нибудь общее предпріятіе.

Вотъ на этомъ-то лугу и совершалось каждый годъ упомянутое нами своеобразное празднество товарищества льнянаго производства. Лѣтомъ, въ назначенный день, на коммонѣ собиралось до трехсотъ женщинъ, нарочно одѣтыхъ по такому случаю въ платья изъ самодѣльнаго домашняго холста. Размѣстившись съ своими веретенами въ три ряда подъ открытымъ небомъ, онѣ тутъ же пряли свою пряжу. День заканчивался общимъ гуляньемъ собравшихся сюда горожанъ. Впослѣдствіи, городская ратуша соорудила фабрику и назначила преміи для поощренія ткачей. Что̀, казалось бы, могло быть естественнѣе и отраднѣе такого возникавшаго въ молодомъ народѣ стремленія къ самобытному производству. Но подобныя народныя попытки были накладны для англійскаго правительства, получавшаго свой доходъ съ фабрикантовъ, работавшихъ въ самой Англіи. А потому оно немало всполошилось, получивъ извѣстіе о столь пагубныхъ для него попыткахъ бостонскихъ ткачей, замышлявшихъ снабжать своихъ согражданъ холстомъ собственнаго производства и лишить такимъ образомъ англійскихъ фабрикантовъ возможности сбывать по выгодной цѣнѣ свой товаръ на рынкахъ Америки. Правительство сочло, конечно, долгомъ погубить въ самомъ зародышѣ полотняное производство въ колоніяхъ.

Digitized by Google

Строжайшіе запреты слѣдовали одинъ за другимъ, и открытая для поощренія туземной промышленности бостонская фабрика нашлась вынужденною прекратить свои работы.

Точно также поступали и относительно другихъ производствъ. Въ угоду англійскимъ желѣзнымъ заводчикамъ, парламентскимъ актомъ заказано было открывать въ Америкѣ какіе бы то ни было желѣзные и чугунные заводы. Американцамъ предоставлялось поставлять на рынки въ Англіи все добытое ими желѣзо не въ дѣлѣ.

Были еще и другія стѣсненія подобнаго рода. Такъ, между прочимъ, шляпные фабриканты въ Лондонѣ подали правительству жалобу на то, что изъ Массачузетса вывозится много приготовленныхъ туземными мастерами шляпъ, именно въ Испанію, Португалію и Вест-Индію, и что этимъ подрывается производство ихъ въ самой Англіи. Правительство тотчасъ же запретило отпускъ шляпъ изъ Америки и разными указами стало стѣснять выдѣлку ихъ въ колоніяхъ.

Подобныя поползновенія правительства задержать самостоятельное развитіе народной дѣятельности казались тогда въ Европѣ дѣломъ естественнымъ и вполнѣ законнымъ. Извѣстно, что державцы той эпохи враждебно смотрѣли на всякое стремленіе подданныхъ къ самобытной жизни. Въ конституціонной Англіи одинъ изъ государственныхъ людей такъ выразился тогда по этому поводу: «Самъ Богъ даровалъ королямъ державное право; подданнымъ же онъ предоставилъ славу повиновенія».

Заразившись подобными понятіями, король Георгъ III хотѣлъ подчинить такому же гнету и колоніи въ Америкѣ, не принимая вовсе во вниманіе, что жители ихъ выросли при иныхъ, болѣе независимыхъ условіяхъ и давно уже управлялись собраніемъ, ими же избранныхъ представителей. Пока можно было разными окольными путями обходить законъ на самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ колонисты сносили съ грѣхомъ пополамъ обременительное для ихъ торговли и промышленности вмѣшательство англійскаго парламента. Въ средѣ ихъ рѣдко подымались голоса противъ злоупотребленія власти. Когда же, наконецъ, парламентъ сталъ настаивать на строгомъ исполненіи изданныхъ имъ предписаній, съ цѣлью во что бы то ни стало выжать деньги изъ колоніи, то бостонцы рѣшились оказать явное сопротивленіе. Но дѣло могло бы еще обойтись безъ особенно крутыхъ послѣдствій, еслибъ парламентъ на этотъ разъ не разрѣшилъ своимъ чиновникамъ производить домашніе обыски по поводу контрабанды. Такая ненавистная мѣра, предоставлявшая всѣхъ гражданъ на произволъ чиновниковъ, окончательно возму-

Digitized by Google

тила бостонцевъ, и они обратились, какъ мы уже знаемъ, къ суду. Къ счастью для нихъ, за дѣло взялись даровитые и ревностные поборники гражданскихъ правъ противъ всякихъ насильственныхъ покушеній. Имѣя подъ ногами твердую, такъ сказать, ощутительную для гражданъ почву личныхъ торговыхъ интересовъ, Отисъ увлекъ, какъ мы уже видѣли, своихъ слушателей въ область болѣе общихъ, высшихъ вопросовъ, касающихся человѣческихъ правъ въ обширномъ значеніи слова.

Мало того: этотъ процессъ, затѣянный частными лицами съ администраціей перешелъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, во всеобщее народное движеніе въ Америкѣ. Оно, какъ возникло въ началѣ, такъ точно и разросталось послѣ чисто по поводу промышленныхъ интересовъ. Это составляетъ, можно сказать, вообще отличительную черту американской борьбы за независимость. И въ самомъ дѣлѣ, до того времени промышленные, матеріальные интересы, въ лучшемъ ихъ значеніи, никогда еще не возбуждали такого важнаго по своимъ послѣдствіямъ переворота въ жизни народовъ. Эти интересы служатъ, можно сказать, знаменіемъ новѣйшей эпохи вообще, въ томъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, религіозные вопросы, въ свое время, были знаменіемъ эпохи реформаціи. И дѣйствительно, что̀ касается другихъ областей человѣческой дѣятельности, вопросовъ философскихъ и религіозныхъ, изящныхъ искуствъ и наукъ, политическихъ и соціальныхъ отношеній, то и въ прежніе вѣка можно указать на движенія, не уступавшія, а нерѣдко и далеко опередившія современную намъ эпоху. Но никогда еще матеріальные, народнохозяйственные вопросы не двигали такъ сильно обществами, какъ въ наше время. Сказанные вопросы составляютъ теперь средоточіе, около котораго группируются другія жизненныя условія и соціальныя отношенія цивилизованныхъ націй.

Промышленный характеръ американской борьбы за независимость сказался уже въ томъ отношеніи, что главными дѣйствующими лицами здѣсь являются простые торговцы, ремесленники и вообще производительные промышленники всякаго рода—именно тотъ людъ, который въ тогдашней Европѣ относился къ низшимъ, презираемымъ слоямъ общества, обреченнымъ на трудовую жизнь и безусловную покорность властямъ.

Настоящими же двигателями въ американской борьбѣ, начавшейся судебнимъ порядкомъ, были, конечно, адвокаты, юристы. Входя въ интересы своихъ согражданъ, отправляясь съ ихъ точки зрѣнія, эти смѣлые вожаки народа выясняли и обобщали вопросы о гражданскомъ правѣ, передавая ихъ въ пѣшахъ

Digitized by Google

ясныхъ и понятныхъ для каждаго простолюдина, неотупѣвшаго еще подъ гнётомъ безвыходнаго бѣдственнаго положенія.

Представителемъ подобныхъ адвокатовъ въ Бостонѣ былъ извѣстный уже намъ Джэмсъ Отисъ, положившій починъ борьбѣ своихъ согражданъ съ административнымъ произволомъ. Это была нервная, впечатлительная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непостоянная натура, безкорыстно и горячо преданная идеѣ добра. Всегда имѣя въ виду идею блага своихъ соотечественниковъ, человѣкъ этотъ нерѣдко, однако, колебался въ выборѣ самихъ средствъ и обнаруживалъ по временамъ непонятную шаткость въ мнѣніяхъ. Находясь одинъ, самъ съ собой, въ тиши своего уединенія, онъ скорѣе склоненъ былъ къ уступчивости въ столкновеніи съ верховною властью и считалъ гражданскимъ долгомъ покоряться хотя бы и не всегда разумнымъ распоряженіямъ ея. Но, являясь передъ многолюднымъ собраніемъ, онъ какъ бы невольно поддавался его настроенію и увлекался интересами защищаемыхъ имъ лицъ до такой степени, что въ свою очередь увлекалъ за собою слушателей, овладѣвая ихъ умами и разжигая ихъ сердца бурнымъ порывомъ своихъ импровизированныхъ рѣчей. Вслѣдствіе страстности и неровности своей натуры, Отисъ не годился въ вожаки организованной партіи; зато все, что смутно бродило въ умахъ близкихъ ему людей, что накипало въ ихъ душахъ и напрасно просилось наружу—все это сильно отзывалось въ немъ и смѣло изливалось потокомъ вѣскихъ словъ, потрясавшихъ и друзей, и недруговъ. Онъ былъ, въ сущности, не вожакомъ, но правдивымъ глашатаемъ помысловъ и побужденій, волновавшихъ его согражданъ, настоящимъ пророкомъ ихъ стремленій къ свободѣ.

Однако, парламентъ въ Англіи вовсе и не подозрѣвалъ такого сильнаго движенія въ средѣ колонистовъ, несмотря даже на предостереженія предсѣдателя Гэдчинсона, донесшаго въ Лондонъ о протестѣ бостонскихъ купцовъ, подъ вліяніемъ своихъ защитниковъ, болѣе чѣмъ когда-либо раздраженныхъ противъ назначенныхъ пошлинъ. Въ отвѣтѣ предсѣдателю англійскій парламентъ настаивалъ на своемъ таможенномъ уставѣ и требовалъ, чтобы мѣстная администрація всѣми мѣрами способствовала таможеннымъ чиновникамъ производить обыски по домамъ.

Отвѣтъ парламента возбудилъ въ Бостонѣ еще болѣе сильное негодованіе. Общество до такой степени возмущалось предписанными мѣрами, что ни одинъ изъ чиновниковъ не рѣшался приступить къ обыску. Такимъ образомъ, таможенный уставъ на дѣлѣ почти никогда не приводился въ исполненіе. А, сверхъ того, жители Бостона, на первыхъ же выборахъ въ законодательное

Digitized by Google

собраніе, единодушно назначили Отиса своимъ представителемъ. Выборъ этотъ сильно встревожилъ всѣхъ приверженцевъ правительства—и не даромъ: вѣрный своей цѣли, Отисъ продолжалъ возбуждать своихъ согражданъ противъ самоуправныхъ распоряженій администраціи въ дѣлахъ торговли. Находясь подъ его вліяніемъ, представительное собраніе, негодуя на предсѣдателя суда за его доносъ, сократило его окладъ.

Въ это время, въ Бостонѣ организовалось общество молодыхъ людей, подъ именемъ «друзей свободы». Стѣснительныя мѣропріятія парламента, направленныя противъ торговыхъ интересовъ, вскорѣ придали этому обществу важное значеніе въ глазахъ бостонцевъ и особенно, когда Отисъ сталъ во главѣ его. Но всего важнѣе, въ настоящемъ случаѣ, было, конечно, то обстоятельство, что движеніе, начатое на судѣ въ Бостонѣ, благодаря газетамъ, въ скоромъ времени сообщилось другимъ гаванямъ и городамъ въ Америкѣ. Слова̀ Отиса пали на воспріимчивую, здоровую почву. Вездѣ народъ рѣшился не подчиняться таможенному уставу, и въ раскинутыхъ по материку поселеніяхъ поговаривали уже о томъ, что, въ случаѣ нужды, колонисты съумѣютъ отстоять свои права̀. Возбужденное разъ волненіе умовъ невозможно уже было остановить никакими запретительными административными мѣрами, и мы скоро узнаемъ, ка̀къ процессъ бостонскихъ гражданъ увлекъ за собою всѣ остальныя колоніи.

Эд. Циммерманъ.

Digitized by Google

I.

Кончено. Нѣтъ ея. Время тревожное,
Время безсонныхъ ночей,
Трепетъ надежды, печаль безнадёжная,
Страхъ и заботы о ней,

Нѣжный уходъ за больной моей милою,
Дума и ночи, и дня...
Кончено! Все это взято могилою;
Больше не нужно меня.

О, вспоминать одинокій, я стану ли
Ночи послѣднихъ заботъ —
Сердце изъ бездны, куда онѣ канули,
Снова ихъ, плача, зоветъ.

Другъ мой, сама ты помедлить желала бы,
Лишь бы я былъ близь тебя;
Ты бы еще пострадала безъ жалобы,
Только пожить бы, любя.

Ночь мнѣ одну-бъ еще скорбно-отрадную!
Я бы, склонясь на кровать,
Могъ поглядѣть на тебя, ненаглядную,
Руки твои цаловать...

Гдѣ-жъ этотъ зовъ дорогаго мнѣ голоса?
Взглядъ за услугу мою?
Взглядъ, когда ты уже съ смертью боролася,
Все говорившій: люблю!

Эта любовь, эта ласка прощальная,
Глазъ этихъ добрыхъ привѣтъ...

Digitized by Google

Милая, кроткая, многострадальная,
Нѣтъ ихъ ужь болѣе — нѣтъ!..

II.

Гляжу-ль на дѣтей и грущу
Среди опустѣлаго дома —
Все той же любви я ищу,
Что̀ въ горѣ такъ сердцу знакома...

Къ тебѣ, другъ усопшій, къ тебѣ
Взываю въ безумной надеждѣ,
Что такъ же ты нашей судьбѣ
Родна и причастна, какъ прежде.

Все мнится — я долгой тоской,
Такъ больно гнетущей мнѣ душу,
Смущу твой холодный покой,
Твое безучастье нарушу;

Все жду, что въ таинственномъ снѣ
Мнѣ явишься ты, какъ живая,
И скажешь, ласкаясь ко мнѣ:
Поплакать съ тобою пришла я...

III.

Еслибъ ты видѣть могла мое горе —
Ка̀къ ты жалѣла-бъ меня!
Праздникъ встрѣчать мнѣ приходится вскорѣ
Нашего брачнаго дня...

Словно мнѣ вѣсти грозятъ роковыя,
Словно я чую бѣду...
Милая! Ка̀къ же нашъ праздникъ впервые
Я безъ тебя проведу?

Въ день, освященный союзомъ съ тобою —
Счастья погибшаго день —
Буду вотще моей слезной мольбою
Звать твою грустную тѣнь.

Digitized by Google

Пусто мнѣ будетъ. Въ безмолвьи глубокомъ
Глухо замретъ мой призывъ...
Ты не потужишь о мнѣ, одинокомъ,
Нашу любовь позабывъ.

Я же, томимъ безутѣшной кручиной,
Помню чѣмъ праздникъ нашъ былъ...
Жизни съ тобой я черты ни единой,
Другъ мой, еще не забылъ.

А. Ж.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГДѢ ИСКАТЬ ЗЕМСТВУ ПОМОЩИ ВЪ ДѢЛѢ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ?

(Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Спб. 1876 г.).

Посѣщая московскіе соборы и нѣкоторыя монастырскія церкви, изъ которыхъ многія кажутся буквально залитыми сплошною массою золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и жемчугу, я всегда приходилъ въ невольное изумленіе отъ этого поражающаго блеска священныхъ сокровищъ, и мнѣ вспоминались слова знаменитаго европейскаго экономиста, барона Гакстгаузена, который говоритъ, что сокровища эти—буквально «неисчислимой цѣнности»; что «они превосходятъ все, что только можно видѣть въ остальной Россіи, во всей Европѣ, не исключая Рима, Лоретто и проч.»; что трудно сосчитать жемчугъ на образахъ и утвари»; что «легче было бы мѣрить его четвериками»; что, наконецъ, «въ одной троицкой лаврѣ, быть можетъ, жемчугу больше, нежели во всей остальной Европѣ» (Изслѣд. о Россіи, стр. 50, 51). И удивительно—въ этомъ поражающемъ блескѣ камней, золота и неисчислимыхъ зеренъ жемчугу мнѣ почему-то видѣлось историческое отраженіе другихъ жемчужныхъ зеренъ, еще болѣе неисчислимыхъ—отраженіе слёзъ русскаго народа, слёзъ радости, умиленія и духовнаго утѣшенія и слёзъ скорби и отчаянія, пролитыхъ русскою землею съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стоитъ эта земля, т. е. съ того сознательнаго момента, съ котораго она считаетъ себя историческою страною и извѣдала ѣдкость слезы горя и отчаянія и сладость слезы молитвеннаго утѣшенія. Много молился и много плакалъ русскій народъ! Это золото и эти камни—это историческій памятникъ его коллективной молитвы и его великой коллективной слезы.

И чувство глубокаго умиленія западало мнѣ въ душу при созерцаніи этихъ сокровищъ. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, слёзъ нуж-

Digitized by Google

но было пролить, чтобы наплакать эти груды золота, камней и жемчугу. Вѣдь, эти слёзы капали не всегда въ видѣ многоцѣнныхъ алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ, сапфировъ, золотыхъ и серебряныхъ окладовъ, не всегда въ видѣ жемчужныхъ зеренъ, но бо̀льшею частью въ видѣ крестьянскихъ мѣдныхъ копеечекъ, старыхъ алтынниковъ, грошиковъ, въ видѣ, наконецъ, восковыхъ свѣчекъ. Тутъ уже не четвериками пришлось бы мѣрить эти рѣки слёзъ, и, пожалуй, въ послѣднемъ отношеніи мы опять помѣрялись бы съ Европой насчетъ того, кто больше наплакалъ этого жемчугу—мы ли, русскіе, или вся остальная Европа.

А сколько невидимыхъ слёзъ русскаго народа накоплено въ этихъ юдоляхъ плача и обращено въ процентныя бумаги разныхъ кредитныхъ учрежденій, въ выигрышные и другіе банковые билеты, которыхъ авторъ недавно вышедшей замѣчательной книги—«Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей» насчитываетъ до 23-хъ милліоновъ рублей. Все это—молитвенныя слёзы русскаго народа, превратившіяся въ акціи и облигаціи нынѣшняго промышленнаго вѣка.

А сколько слёзъ превращено юдолями плача въ каменныя зданія, въ магазины, въ торговыя и промышленныя помѣщенія, въ лавки и лабазы, изъ которыхъ только въ одной александроневской петербургской лаврѣ такія зданія, кладовыя и лабазы, вытянутые въ одну линію, составили бы одноэтажное зданіе въ 4½ версты длиною, а «еслибы—по словамъ того же автора—возможно было всѣ наши монастыри поставить одинъ подлѣ другого, со всѣми ихъ храмами, внутренними и внѣшними зданіями, то получился бы огромный городъ въ 2,500 десятинъ, въ 24 квадр. версты, съ тысячами церквей и колоколенъ, съ десяткомъ тысячъ разнообразныхъ башенъ» и т. д. и т. д.

Да̀, много молился и много плакалъ русскій народъ. Теперь бы уже пора ему и «возсмѣяться», какъ обѣщано это заповѣдью Божіею всѣмъ «плачущимъ».

Отчасти съ цѣлью заставить русскій народъ «возсмѣяться», надо полагать, и издана надняхъ превосходная книга, о которой мы сейчасъ упоминали: это—изслѣдованіе о монастырскихъ имуществахъ и доходахъ. Капитальный трудъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ обширную массу свѣдѣній по данному вопросу и въ результатѣ приводитъ автора къ такимъ рѣшительнымъ и неопровержимымъ выводамъ, передъ которыми приходится невольно преклониться и—«возсмѣяться».

Все изслѣдованіе разбивается на восемнадцать отдѣловъ или главъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ самостоятельный интересъ по отношенію къ экономической и общественной сторонѣ предмета. Авторъ отдѣльно разсматриваетъ причины, которыя располагали и располагаютъ христіанъ къ пожертвованіямъ въ монастыри; финансовое и нравственное состояніе монастырей до 1764 года; отобраніе монастырскихъ имѣній въ казну при Екатеринѣ II; доходы монастырей отъ такъ-называе-

Digitized by Google

мыхъ угодій; денежныя пособія, выдаваемыя монастырямъ государственнымъ казначействомъ; доходы, получаемые монастырями отъ богомольцевъ; доходы монастырей отъ часовень, сборныхъ книжекъ и молебновъ внѣ монастырей; доходы, получаемые монастырями отъ кладбищъ; монастырскіе доходы отъ гостинницъ и странноприимныхъ домовъ; доходы, получаемые монастырями отъ домовъ, лавокъ, постоялыхъ дворовъ и другихъ промысловыхъ заведеній; монастырскіе денежные капиталы; общіе ежегодные доходы монастырей; сравненіе монастырскихъ доходовъ съ доходами, получаемыми сборами и приходскими церквами; монастырскія зданія, священныя вещи, церковная утварь и пр.; благотворительность монастырей; наконецъ—общіе выводы и заключеніе.

Неизвѣстный авторъ буквально подавляетъ читателя массою фактовъ, которыми наполненъ каждый отдѣлъ его книги; но фактическая сторона, при всей ея сухости, не отнимаетъ у изслѣдованія живого интереса, который поддерживается, при чтеніи книги, отъ первой страницы до послѣдней. Но особый интересъ для современнаго читателя можетъ представлять указаніе на богатства и доходы петербургской лавры: лавра эта—продуктъ уже новаго времени, и печать этого времени лежитъ на всемъ экономическомъ строѣ жизни александровской обители; въ основу этой жизни положены прочныя меркантильныя начала, свидѣтельствующія о немаломъ финансовомъ развитіи и коммерческомъ тактѣ современной монастырской братіи. Правда, авторъ указываетъ, что и въ древнія времена коммерческій геній нерѣдко обиталъ и въ монастырскихъ кельяхъ; что уже въ XVII вѣкѣ Флетчеръ называлъ русскихъ монаховъ «самыми оборотливыми купцами»; но современные монахи выработали въ своей средѣ не мало крупныхъ финансовыхъ и коммерческихъ талантовъ, «людей наживы»; только финансовые пріемы ихъ измѣнились сообразно требованіямъ времени. «Нынѣ—говоритъ почтенный авторъ—монастырю нельзя, конечно, быть оборотливымъ купцомъ въ собственномъ смыслѣ слова и торговать всякаго рода товарами, нельзя открыть подъ своимъ именемъ лавку для продажи рыбы, соли, муки, сапожнаго товара и пр., не платя притомъ ничего за право торговли; для подобныхъ операцій надобно бы было записаться въ гильдію, взять торговое свидѣтельство и проч.; но никакая городская дума не запишетъ монастыря въ гильдію и не снабдитъ его торговымъ свидѣтельствомъ. Но зато монастыри безъ всякихъ гильдейскихъ повинностей и торговыхъ свидѣтельствъ продаютъ свой лѣсъ, смолу, устраиваютъ помѣщенія подъ квартиры, лавки и лавочки, магазины, склады и палатки и пр. и за это получаютъ доходы, нисколько не зависящіе отъ торговыхъ кризисовъ; продаютъ портреты, картины, образки, крестики, четки, деревянное масло и даже кольца безъ всякихъ торговыхъ свидѣтельствъ, потому что всѣ эти предметы причисляются къ числу если не

Digitized by Google

святыхъ, то все-таки не такихъ же мірскихъ предметовъ, какъ соль, рыба, табакъ и проч.; получаютъ большіе доходы отъ питейной промышленности, отдавая свои дома подъ трактиры, рестораціи, харчевни и даже кабаки, заводятъ дегтярные заводы въ своихъ лѣсахъ, пчельники, типографіи, литографіи, фотографіи, толчеи, рушалки, пильные заводы и пр.; дѣлаются землевладѣльцами, домовладѣльцами и пр., и отъ всего этого получаютъ доходы и иногда такіе, какимъ могутъ справедливо позавидовать богатые купцы, фабриканты, заводчики, землевладѣльцы, домовладѣльцы и проч. и проч.» (Опытъ, стр. 230—231).

Обращаясь собственно къ петербургской лаврѣ, авторъ говоритъ, что она съ давнихъ поръ владѣла огромнымъ пространствомъ земли; ей принадлежало едва ли не все мѣсто, которое теперь занято конною площадью, рельсами, вагонами и разными строеніями николаевской желѣзной дороги отъ вокзала до Обводнаго Канала. Хотя теперь земельныя владѣнія лавры и уменьшились значительно, однако, до сихъ поръ она остается «однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ петербургскихъ». Величина площади, которою владѣетъ лавра, опредѣлится, если взять домъ новой богадѣльни для бѣдныхъ духовнаго званія, на Невскомъ Проспектѣ, невдалекѣ отъ бывшей конной площади, теперь застраиваемой, и провести по сѣверной сторонѣ его прямую линію, продолживъ ее съ одной стороны до Невы, а съ другой до мѣста, на которомъ помѣщается новая конная площадь и владѣніе николаевской желѣзной дороги. Начиная отъ этой линіи до самаго Обводнаго Канала, за исключеніемъ мѣстъ, занимаемыхъ духовною академіей, семинаріей и училищемъ, все составляетъ лаврскую собственность, которая переходитъ и за Обводный Каналъ, такъ что и самая монастырская слобода построена на лаврской землѣ.

Впрочемъ, современный инокъ больше приближается къ типу коммерсанта и дѣльца, чѣмъ къ типу прежняго землевладѣльца. Въ этомъ отношеніи иноческій чинъ идетъ нога-въ-ногу съ прогрессомъ нынѣшняго практическаго вѣка, и напрасно бы стали упрекать чорный клобукъ въ отсталости. Доказательство этому — петербургская лавра, безспорно проявившая свой коммерческій тактъ и финансовый геній. Послѣ сороковыхъ годовъ, извѣстныхъ своею идеальностью, лавра успѣла выстроить болѣе сорока хлѣбныхъ лабазовъ по 20 и 30 сажень длины. Этими лабазами она заняла площадь въ двѣ съ половиною десятины и устроила помѣщеніе болѣе, чѣмъ для 800,000 кулей хлѣба. Мало того: она выстроила еще два огромныхъ корпуса, въ которыхъ находится болѣе 70 кладовыхъ. Если всѣ эти лабазы и корпуса вытянуть въ прямую линію, то они займутъ до 1,350 саж. въ длину. Но коммерческій геній искалъ новой пищи. Земли было еще много—и вотъ лавра, уже въ семидесятыхъ годахъ, возвела нѣсколько громадныхъ зданій, изъ коихъ только въ 12-ти домахъ, по одной лицевой сторонѣ, на-

Digitized by Google

считывается *болѣе восьмисотъ оконъ*! А вотъ каковы доходы, которые даетъ лаврѣ ея домостроительный геній. «Мы видѣли—говоритъ авторъ—что во всѣхъ лабазахъ можетъ помѣститься за-разъ до 847,500 кулей. Положимъ, что болѣе, нежели въ 70-ти кладовыхъ помѣщается только половина этого количества, т. е. 423,750, всего же болѣе—1.270,000 кулей. Но въ лабазахъ и въ кладовыхъ помѣщаются не одни кули съ ржаною мукою, овсомъ, пшеномъ, но и мѣшки съ крупичатою мукою, которые, по своему объему, занимаютъ вполтора раза меньше мѣста, нежели кули. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право предполагать, что въ лабазахъ и кладовыхъ можетъ помѣститься, въ совокупности, кулей и мѣшковъ болѣе 1½ милліона. Всѣ они, разумѣется, выгружаются на лаврской пристани и поэтому доставляютъ лаврѣ болѣе 30,000 рублей ежегоднаго дохода. Но въ каждомъ лабазѣ, въ каждой кладовой происходитъ, пока Нева не бываетъ покрыта льдомъ, постоянная смѣна мѣшковъ и кулей; помѣщенные прежде, продаются, а ихъ мѣсто занимаютъ вновь выгружаемые; и потому въ каждомъ лабазѣ и каждой кладовой въ теченіи года перебываетъ гораздо болѣе кулей и мѣшковъ, нежели сколько ихъ можетъ помѣститься за-разъ. Эта прибавка выгружается на лаврской же пристани. Потомъ къ ней же пристаютъ такія суда, съ которыхъ хлѣбъ не попадаетъ въ лаврскія хлѣбохранилища. Такимъ образомъ, на лаврской пристани выгружается кулей и мѣшковъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько можетъ помѣститься за-разъ во всѣхъ ея лабазахъ и кладовыхъ. Если положить все количество ихъ только въ два милліона, то и тогда лавра должна получить отъ нихъ до 40,000 рублей въ годъ. Можетъ быть, стоустая молва и имѣетъ основаніе доходъ лавры отъ пристани увеличивать до 50—60,000 и даже болѣе. Въ такомъ случаѣ, весь итогъ лаврскихъ доходовъ отъ домовой и поземельной собственности въ С.-Петербургѣ не простирается ли до 200,000 руб. и даже болѣе?» (стр. 214—223).

Такъ вотъ во что̀ обратилъ финансовый геній тѣ милліоны и билліоны слёзъ русскаго народа, которыя, капая слеза за слезой въ теченіи столѣтій, могли бы продолбить насквозь шаръ земной, хотя бы онъ былъ весь изъ гранита, еслибы человѣческій умъ не перековалъ, на своей исторической наковальнѣ, этихъ свинцовыхъ слёзъ въ мѣдные гроши и пятаки и не воздвигъ бы съ помощью ихъ громадныхъ зданій, лабазовъ, магазиновъ и проч. Честь и слава уму человѣческому! Но, по мнѣнію автора разсматриваемой нами книги, все это не дѣлаетъ чести уму иноческому: дѣло наживы—не монашеское дѣло. «Неужели—спрашиваетъ онъ—нельзя назвать промысловымъ или торговымъ дѣломъ (т. е. дѣломъ наживы) типографіи, фотографіи, словолитни, дегтярные, свѣчные, черепичные, известковые и другіе заводы, отдачу въ наймы лабазовъ подъ хлѣбные магазины, домовъ подъ постой, подъ трактиры, гостинницы, даже подъ кабаки, отдачу лавокъ на кр-

Digitized by Google

мелочную торговли, продажу меду, лѣса, смолы, холста и даже восковѣхъ свѣчъ не въ церкви, а въ лавкахъ? Наконецъ, отдача воды въ рѣчкѣ Тускари на откупъ Кореннымъ Монастыремъ не есть ли даже черезчуръ промышленное и торговое, самое возмутительное предпріятіе»? Впрочемъ, чѣмъ же «кабакъ» хуже «трактира» и «гостинницы» или даже ресторановъ Дюссо, Бореля, «Татарскаго»? Зачѣмъ это укоризненное для иноковъ «даже» ставить передъ словомъ «кабакъ»? Развѣ потому, что кабакъ существуетъ не для баръ, пьющихъ у Дюссо и Бореля, а для тѣхъ суконныхъ рылъ, для которыхъ заказанъ ходъ даже въ калачный рядъ и на слезѣ которыхъ построенъ и этотъ самый калачный рядъ, и Дюссо съ Борелемъ, и монастырскіе лабазы, и «даже» кабакъ — единственное мѣсто, куда можно и съ суконнымъ рыломъ соваться? «Мы со вниманіемъ читали чинъ постриженія въ большую и малую схиму и правила, касающіяся монашеской жизни, нашъ «Духовный регламентъ» и проч., но нигдѣ, признаемся, не нашли, чтобы перечисленныя нами сейчасъ занятія разрѣшались монахамъ, чтобы монастырямъ дозволялось умножать свои богатства мірскими занятіями; напротивъ, тамъ вездѣ говорится только объ отреченіи монаха отъ міра, его удовольствій, интересовъ, объ умерщвленіи плоти, бѣдности; о томъ, что монаху предстоитъ алкати, жаждати и нагствовати» (стр. 231). Такими словами обличаетъ авторъ уклоненіе иноческой идеи алканія, жажданія и нагствованія отъ ея первобытной чистоты. Уклоненіе это еще рѣзче бросается въ глаза при знакомствѣ съ самою жизненною обстановкою современнаго, обогащеннаго молитвенною слезою суконныхъ рылъ иночества. «Для рѣдкаго изъ настоятелей—говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ—нѣтъ пары или тройки лошадей, съ приличнымъ экипажемъ, даже каретою и коляскою, чтобы съѣздить изъ монастыря куда-нибудь. Намѣстникъ одной изъ богатѣйшихъ обителей любилъ выѣзжать на четверкѣ лошадей, запряженныхъ цугомъ; въ такомъ парадѣ онъ являлся даже на пожары, случавшіеся недалеко отъ монастыря. Убранству комнатъ настоятельскихъ нерѣдко могутъ позавидовать даже богатые міряне; паркетные полы, дорогіе ковры, мебель изъ краснаго или орѣховаго дерева, обитая цѣнными или шелковыми матеріями, подушки на диванахъ, вышитыя шелкомъ, бисеромъ и проч., могли бы считаться доказательствомъ довольствія у зажиточнаго помѣщика, у богатаго купца. Вмѣсто власяницы или веригъ, къ тѣлу непосредственно касается бѣлье изъ тонкаго голландскаго полотна. О подрясникахъ и рясахъ нечего говорить; первые бо́льшею частію шьются изъ шелковыхъ и шерстяныхъ богатыхъ матерій, уже не чернаго, а другихъ болѣе яркихъ цвѣтовъ; рисунки на нихъ частенько бываютъ затѣйливѣе, нежели на платьяхъ барынь-щеголихъ. Для парадныхъ рясъ произведенія русской мануфактурной промышленности не считаются уже годными; тутъ ищутъ пособія во французскихъ фабри-

Digitized by Google

кахъ. Наконецъ, хотя, по монастырскимъ правиламъ, настоятель долженъ обѣдать и ужинать въ общей трапезѣ и довольствоваться тою же пищею, какая предлагается всей вообще братіи, но, на самомъ дѣлѣ, это рѣдко бываетъ. Въ парадныхъ, какихъ-либо торжественныхъ случаяхъ, настоятель предсѣдательствуетъ въ трапезѣ, но, во всѣ прочіе дни, для него готовится особый столъ. Подаваемыя тутъ ему кушанья и вина неизвѣстны въ братской трапезѣ [1]. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, мы приводимъ цитату изъ № 117-го «Церк.-Общ. Вѣстника» 1875 г. «Въ храминахъ лицъ ангельскаго чина обиліе и довольствіе бьетъ полнымъ и живымъ ключемъ. Мягкая, великолѣпная мебель, персидскіе ковры, роскошныя подушки на диванахъ, шитыя шерстями, съ изображеніями на нихъ изъ царства животнаго и растительнаго; на окнахъ цвѣтущая флора; за столомъ сладкія и здобныя яствія, лучшія вина, а послѣ стола отличный десертъ. Захотѣлось настоятелю погулять, и вотъ пара вороныхъ коней въ фаэтонѣ мчитъ инока въ непроглядную даль». (Оп., стр. 279—280).

Какъ это поэтически... Словно въ романахъ сороковыхъ годовъ... Инокъ, на парѣ вороныхъ мчащійся въ непроглядную даль... Да и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, жить современному иноку? Не въ пещерахъ же ѳиваидскихъ? Да и на чемъ ѣздить инокамъ, какъ не на вороныхъ, сѣрыхъ или караковыхъ коняхъ? Вѣдь теперь на львѣ не поѣдешь, какъ дѣлывали это ѳиваидскіе отшельники. Да и львы у насъ только въ звѣринцахъ показываются.

Какимъ же образомъ первоначальный идеалъ инока, алчущаго, жаждущаго и нагствующаго, превратился въ современный типъ инока-коммерсанта, инока-землевладѣльца и домовладѣльца, инока, вмѣсто власяницы носящаго голландское бѣлье, попирающаго ногами дорогіе ковры, катающагося на вороныхъ коняхъ? А все съ помощью слезы русскаго народа. Слеза эта, въ теченіи почти тысячелѣтія, изливалась во всевозможныхъ видахъ, смотря по лицу плачущему или молящемуся: молитвенныя слёзы князей и царей выражались пожертвованіями въ пользу иноковъ богатыхъ вкладовъ и пожалованьемъ монастырей обширными вотчинами съ крестьянами; боярскія слёзы выражались почти тѣмъ же; мужицкія слёзы капали копейками и

[1] При этомъ мнѣ вспоминается разсказъ объ одномъ благочестивомъ настоятелѣ. Настоятель приказываетъ отцу-эконому распорядиться насчетъ обѣда: «Ты, отецъ Серафимъ, смотри у меня, чтобы братія сыта была... Капусты братіи побольше, капусты... квасу, чтобы вдоволь было.. каши братіи... А мнѣ, отецъ Серафимъ, ничего не нужно... Что́ мнѣ? Я—одинъ... Осетринки свѣженькой вели подать, что̀ отъ благодѣтеля... донского балычка, что̀ графиня прислала... котлеточки тамъ какія-нибудь изъ свѣжей рыбки съ пикулями... растегайчики тамъ... стерлядочку зажарить... хересцу тамъ бутылочку... мадерцы... тамъ еще чего-нибудь — и съ меня довольно... мнѣ что́? я одинъ... А братіи квасу больше, квасу...»

Digitized by Google

грошами; но грошей этихъ въ тысячу лѣтъ накопилось такъ много, что ими можно было бы засыпать и вотчинныя земли иноковъ, и всѣ ихъ кельи. Теперь оказывается, что благочестивыми глазами въ пользу монастырей наплакано до 9,600 квадр. верстъ: это—цѣлое государство, по своему территоріальному объему. Одинъ Соловецкій Монастырь владѣетъ 640 кв. вер., Саровская Пустынь—256, Зеленецкій Монастырь—185 и т. д. Авторъ разсматриваемой нами книги сопоставляетъ земельныя владѣнія нашихъ монастырей съ территоріями нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ и находитъ, что у нѣкоторыхъ государствъ меньше земли, чѣмъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ монастырей: такъ, у Соловецкаго Монастыря владѣнія обширнѣе, чѣмъ у княжества Монако (съ 13-ю квадр. верстами!), у республики Сан-Марино (50 кв. вер.), въ княжествѣ Лихтенштейнѣ (140 кв. вер.), въ герцогствѣ Саксен-Кобург-Гота (173 кв. вер.), у вольнаго города Бремена (226 кв. вер.), въ княжествѣ Рейсъ старшей линіи (241 кв. вер.), у вольнаго города Любека (252 кв. вер.), у Гамбурга (359 кв. вер.), въ княжествѣ Шаумбург-Липпе (389 кв. вер.); затѣмъ, Саровская Пустынь богаче землями, чѣмъ первыя семь государствъ, сейчасъ нами упомянутыя. А другія монастырскія угодья: моря, озера, рѣки... вѣдь, и тутъ не мало слёзъ русскаго народа... Еслибы ихъ, эти слёзы, собрать въ одно мѣсто и направить по глубокому руслу, то вышла бы рѣка, не меньше Волги-матушки, и по этой рѣкѣ изъ русскихъ слёзъ могли бы свободно ходить пароходы, коноводныя машины и доисторическія барки съ понизовыми бурлаченками, и на берегахъ этой слёзной рѣченьки могла бы раздаваться веселая бурлацкая пѣсенка:

Рѣченька! сколько мы слёзъ въ тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?
Денежекъ дай!
Бросили домъ,
Малыхъ ребятъ...
Ухнемъ, напремъ!
Кости трещатъ!
На печь бы лечь
Зиму проспать,
Лѣтомъ утечь
Съ бабой гулять...

Въ монастырскихъ рѣкахъ и озерахъ имѣются рыбныя ловли, приносящія инокамъ не малые доходы.

А монастырскія кладбища? Развѣ мало на нихъ выплакано слёзъ? А гдѣ слёзы—тамъ и доходъ. Въ александро-невской лаврѣ могильныя мѣста продаются: въ первомъ разрядѣ по 500 руб. за могилу, во второмъ—200 и т. д. «Получивши 500, 200, 150, 100 и 50 руб. за мѣста для могилъ—говоритъ почтенный авторъ «Опыта»—можно бы, кажется, принять на свой счетъ рытье ихъ, а, при 500, 200 и 150 руб., даже устройство въ

Digitized by Google

нихъ кирпичныхъ склеповъ; но лавра беретъ еще 40 или 20 руб. за устройство могилы съ кирпичными стѣнами и сводами, смотря по тому, въ церкви или на кладбищѣ находится могила, и 5 руб. за вырытіе могилы безъ кирпичныхъ стѣнъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что могильщики попросятъ и непремѣнно получатъ порядочную сумму отъ распорядителя погребальной церемоніи. Но едва ли не страннѣе всего, что за дозволеніе поставить на кладбищѣ каменный или металлическій памятникъ, не шире самой могилы, лавра беретъ еще 5 руб. За что же? Вѣдь, за мѣсто для могилы уже заплачено и памятникъ ставится на этомъ именно мѣстѣ. Неужели 5 руб. берется за то, что кто-либо изъ монастырскихъ властей выслушаетъ слова: «позвольте поставить памятникъ на могилѣ такого-то», и скажетъ: «извольте»; неужели за какой-либо десятокъ этихъ буквъ платится 5 руб.? Послать телеграмму въ 20 словъ изъ Петербурга въ Тунисъ или Алжиръ стоитъ только 4 рубля...» («Опытъ», стр. 187—188).

Сравнивая, вообще, доходы монастырей съ доходами помянутыхъ европейскихъ государствъ, авторъ находитъ, что девять изъ нашихъ монастырей—Воскресенскій ставропигіальный, Донской, Нилова Пустынь, Угрѣшскій, Валаамскій и Соловецкій—имѣютъ доходовъ больше, чѣмъ княжество Лихтенштейнъ. Если же положить доходы петербургской лавры въ 400,000 руб., а кіевской и московской по 800,000, то первая превзойдетъ своими доходами пять, а каждая изъ вторыхъ — восемь изъ европейскихъ государствъ. Мало того, считая доходы всѣхъ монастырей въ 3,000,000 руб., авторъ находитъ, что государственные доходы Бремена будутъ въ четыре раза менѣе, Брауншвейга не составятъ $^4/_9$, Ангальта $^4/_9$, Норвегіи равны $^5/_6$, Бадена на полтора милліона менѣе! Но на всѣхъ европейскихъ государствахъ лежатъ еще долги, и нерѣдко громадные, а наши монастыри чисты отъ долговъ, да еще имѣютъ свободныхъ капиталовъ до 23-хъ милліоновъ въ процентныхъ бумагахъ: это—запасы на черный день, который для монастырей не существуетъ, ибо черный день для русскаго народа, это—праздникъ для юдоли плача, которая получаетъ тѣмъ больше слезъ въ видѣ грошей и пятаковъ, чѣмъ больше горя на душѣ русскаго человѣка... «Но денежные запасные десятки милліоновъ рублей — говоритъ авторъ—составляютъ только незначительную, можетъ быть, даже только ничтожную часть тѣхъ богатствъ, которыми благочестивое русское общество снабдило наши монастыри». Между ними есть такіе, которые «похожи на небольшіе городки»; всѣ они составятъ городъ въ 24 квадр. версты; однѣ ограды ихъ представляютъ изъ себя каменную стѣну въ 300—400 верстъ—это другая китайская стѣна... Внутри этой стѣны построено до 2,000 храмовъ, между которыми есть сотни великолѣпныхъ, даже великолѣпнѣйшихъ...» «И все это—продолжаетъ неутомимый изслѣдователь—можно сказать, ничто, въ сравненіи съ тѣми бо-

Digitized by Google

гатствами и драгоцѣнностями, которыя заключаются во внутреннемъ убранствѣ и принадлежностяхъ монастырскихъ храмовъ. Припомнимъ все, сказанное нами въ предъидущемъ отдѣлѣ о томъ серебрѣ и золотѣ, о тѣхъ яхонтахъ, рубинахъ, бриллiантахъ, изумрудахъ, лалахъ, стразахъ, топазахъ, аквамаринахъ, алмазахъ, аметистахъ, сапфирахъ и прочихъ драгоцѣнныхъ камняхъ, о тѣхъ мелкихъ, среднихъ и крупныхъ жемчужинахъ, которыя употреблены на ризы для иконъ, на царскія врата, на раки для святыхъ угодниковъ, на священные сосуды, на священныя облаченія, на лампады, кадила, паникадила, даже умывальники, лохани, утиральники и проч., и проч. На основаніи всего нашего изслѣдованія, мы имѣли полное право назвать богатство и драгоцѣнности, употребленныя на священные и церковные предметы въ монастыряхъ, неисчислимыми и неоцѣнимыми» («Опытъ», стр. 345, 352—354).

И всѣ эти горы сокровищъ нанесли бѣдные люди по преимуществу, люди, которые наиболѣе нуждаются въ утѣшеніи, которые наиболѣе плачутъ... Можно же себѣ представить, сколько на русской землѣ этихъ нуждающихся въ утѣшеніи, сколько плачущихъ, которымъ обѣщано, что они когда-то «возсмѣются»! Въ особенно излюбленныхъ русскимъ народомъ монастыряхъ эти ищущіе утѣшенія и невидимой руки, которая отерла бы ихъ слёзы, ежегодно, особенно въ лѣтнее время, толпятся десятками, сотнями тысячъ. Притомъ, въ Соловки, напримѣръ, эти плачущіе пробираются пѣшкомъ изъ Украйны, изъ Крыма, съ Кавказа, изъ Сибири и отъ Охотскаго Моря; въ Кіевъ — изъ Архангельска, изъ Томска, Омска, Камчатки. Всю дорогу иногда питаются они подаяніемъ, а у святыхъ мѣстъ оставляютъ скопленные цѣлою жизнью, цѣлымъ рядомъ лишеній и голодовокъ, грошики, пятачки и рублики. Правда, въ монастыряхъ ихъ иногда кормятъ—и за это спасибо. Въ главныхъ лаврахъ, московской и кіевской, иногда разомъ садятся за столъ до 700—800 богомольцевъ—больше, чѣмъ на обѣдѣ севастопольцевъ. Трапезующимъ дается хлѣбъ, постныя щи и каша—не особенно изысканно. Посуда—огромныя чашки изъ цѣльнаго дерева, а въ Кіевѣ—нѣчто въ родѣ кадочекъ, скрѣпленныхъ желѣзными обручами. «Неприглядны, по правдѣ сказать, эти кадочки, да еще и грязны...» За обѣдомъ не говорится спичей; за то въ Кіевѣ, одинъ изъ братіи, «читака», читаетъ, въ назиданіе богомольцамъ, что-либо назидательное, но такъ читаетъ, что никто ничего не слышитъ. Слышно только бываетъ, когда «читака» прерываетъ свое монотонное чтеніе и кричитъ на трапезующихъ: «Эй, вы! что тамъ болтаете? Молчать! Вѣдь, выгоню изъ столовой. Не въ хлѣвъ зашли...» Да, неприглядна эта торжественная трапеза массъ, принесшихъ къ святымъ мѣстамъ свое глубокое, дѣтское вѣрованіе, и свои тяжелые грошики и рублики, выкованные на томъ монетномъ дворѣ, на которомъ ковалось тысячу лѣтъ терпѣніе этихъ добрыхъ массъ-младен-

Digitized by Google

цевъ... «Едва только громогласно прочитается молитва къ обѣду, едва обѣдающіе сядутъ на свои мѣста, едва начнетъ одинъ изъ монастырскихъ послушниковъ чтеніе благочестивой книги, какъ къ столамъ подходятъ послушники съ кружками. Которая-либо изъ нихъ непремѣнно ставится близь каждой чашки со щами; сидящіе за чашкою пріостанавливаются обѣдать, вынимаютъ монеты и опускаютъ въ кружку. Настойчивыхъ требованій каждому нѣтъ, но кружка неторопливо переставляется къ другой чашкѣ, если при первой не спѣшатъ опустить въ нее что-нибудь. Конечно, тутъ попадаютъ и копейки, и гроши, но не обходится и безъ пятаковъ; русскій набожный человѣкъ, пришедшій изъ-за сотенъ верстъ, чтобы помолиться въ святой обители о прощеніи своихъ прегрѣшеній, посовѣстится, даже, пожалуй, побоится грѣха ничего не положить въ кружку, которую передъ нимъ поставили» (стр. 111—114).

А тамъ копеечки за свѣчечки къ святымъ образамъ, копеечки и грошики въ кошельки, на тарелочки, за молебны, копеечки просвомидныя, просфирныя, копеечки за деревянное маслецо, за разные образки, святые пояски, лоскуточки, крестики... И все это—копеечки трудовые, копеечки-слезинки горькія. Духъ наживы, коммерческій зудъ такъ и царитъ надъ всѣмъ. «При входѣ въ ворота лавры (говорится въ «Церк. Общ. Вѣстн.», № 81) васъ прежде всего встрѣчаетъ коммерція; передъ вами лавка бакалейная и съ крестиками и съ образками. Идетъ бойкая торговля; страсть русскаго человѣка поторговаться сдерживается здѣсь лаконическою фразою: на образки грѣхъ торговаться. Торговля не обходится безъ нѣкотораго надувательства. Одна баба горько жаловалась монаху-продавцу на то, что онъ далъ ей не Георгія Побѣдоносца, а Симеона Столпника. «Георгіи всѣ вышли, объяснялъ монахъ: Симеонъ Столпникъ—тоже великій святой; грѣхъ разбирать ихъ»...

Святая и простая колодезная вода тоже требуетъ копеечекъ. А цѣлованіе крестовъ, иконъ, священныхъ ризъ, мощей — и здѣсь все тѣ же копеечки. И цѣлованія эти идутъ отъ десятковъ, отъ сотенъ тысячъ устъ... «Монахъ-проводникъ торопится окончить обходъ пещеръ, чтобы скорѣе начать новый и, слѣдовательно, побольше получить денегъ; проводники очень не любятъ дамъ, усердно прикладывающихся къ мощамъ въ каждой нишѣ: одинъ изъ нихъ, при мнѣ, высказалъ негодованіе по этому случаю въ слѣдующей формѣ: «цалуютъ много, задерживаютъ долго, а заплатятъ мало»... («Церк. Общ. Вѣст. 1875 г., № 86).

Невозможно перечислить и даже сообразить, сколько сожигается во всѣхъ монастыряхъ свѣчей передъ иконами. И каждая такая свѣчка должна перейти черезъ руки богомольцевъ и принести монастырямъ свой доходъ. Особенно значительны свѣчные доходы въ кіевской и московской лаврахъ. Въ кіевской лаврѣ есть подземныя пещеры, куда богомольцы должны ходить

Digitized by Google

зажженными свѣчами. Не быть богомольцу въ пещерѣ—это значитъ совсѣмъ нейти на богомолье; не видѣть мощей угодниковъ, это для богомольца-младенца—большое несчастіе. А идти въ пещеру—надо купить свѣчечку и зажечь ее. Даже извѣстный Диксонъ, посѣщавшій кіевскую лавру, не былъ освобожденъ отъ этого косвеннаго налога, который, конечно, кажется ничтожнымъ, копеечнымъ, но, когда въ пещерахъ перебываетъ 300,000 богомольцовъ и они посѣтятъ и верхнія и нижнія, пещеры, то одними свѣчечками они принесутъ святой обители доходу отъ 12,000 р. до 20,000.

А кружки, которыя вездѣ поприбиты—у всѣхъ дверей, на папертяхъ, у образовъ, у гробницъ! А эти надписи на кружкахъ, не одобряемыя благочестивымъ авторомъ цитируемой книги: «Кружка св. великомученницы Варвары», «Кружка святителя Варсонофія»... «Подобныя надписи, замѣчаетъ онъ:—могутъ подавать поводъ къ глумленіямъ» (стр. 124).—А эти кружечные сборы по вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, по вагонамъ даже на пароходахъ, на палубахъ и въ каютахъ. А эти молебствія при отходѣ пароходовъ и желѣзнодорожныхъ поѣздовъ... Толкотня кругомъ, шумъ, гамъ, остроты, часто перебранки, папиросный дымъ, суетня багажныхъ и носильщиковъ—и тутъ же шныряньe въ толпѣ чорныхъ мантій, просительное распѣванье «на святую обитель», а гдѣ-нибудь въ углу, за толпой, за гамомъ, за остротами и руганью слышится торопливое молебствіе: къ кому-то взываютъ, кого-то о чемъ-то просятъ, не внимая свисткамъ локомотива или парохода. «Въ концѣ іюня 1874 года—говоритъ авторъ—мы, ѣхавши мимо Бабаевскаго монастыря, были свидѣтелемъ, какъ одинъ крестьянинъ смѣшилъ всѣхъ бывшихъ около него пассажировъ. Когда пароходъ плылъ къ Ярославлю, то крестьянинъ со смѣхомъ говорилъ: «Вишь теперь идутъ, не торопятся, а давча такъ бѣгомъ бѣжали; да и что̀ говорить? Вѣдь, давча-то карманы были пусты, спѣшили за деньгами; ну, а теперь насилу тащатъ ихъ»—и въ тоже время указывалъ на монаховъ, возвращавшихся въ монастырь. Дѣло состояло въ томъ, что, когда пароходъ подъѣзжалъ еще къ пристани, то монахи, почему-то запоздавшіе, дѣйствительно *бѣжали* къ ней, чтобы не опоздать началомъ молебна, а, по отходѣ парохода, уже не имѣли нужды спѣшить» (стр. 166).

А «вѣчная память», этотъ слабый эквивалентъ или, скорѣе, суррогатъ «историческаго безсмертія», столь дорогого для людей—сколько безплодная жажда этого могильнаго огонька даетъ монастырямъ доходовъ. Бѣдные люди, не заработавшіе себѣ дѣйствительнаго историческаго безсмертія, ищутъ хотя фиктивнаго, ищутъ «вѣчной памяти» и жертвуютъ монастырямъ иногда очень солидныя суммы. Они ищутъ не многаго, эти жалкіе люди; они ищутъ не того, что̀ геніямъ, талантамъ, избранникамъ природы достается безъ денегъ, а только при помощи ихъ золотыхъ мозговъ—имъ не угоняться за дѣйствительно безсмерт-

Digitized by Google

ными въ исторіи; они ищутъ, чтобъ ихъ хоть монахи помнили, чтобъ во время церковной службы имя ихъ повторялось чьими-нибудь устами, хоть наемными — и нанимаютъ эти уста. Эти ищущіе покупной памяти вносятъ извѣстный, болѣе или менѣе крупный вкладъ въ пользу монастыря, и имя ихъ записывается въ поминовенныя книги—quasi «на вѣчныя времена», подобно тому, какъ Грозный вносилъ въ свой синодикъ имена убитыхъ имъ подданныхъ, которыхъ исторія обезсмертила только потому, что синодикъ этотъ попалъ въ руки любознательнаго архивнаго гробокопателя-археолога. Сколько такихъ книгъ гніетъ во всѣхъ монастыряхъ, и особенно въ древнихъ! Въ кіевской лаврѣ, напр., синодики заведены въ незапамятныя времена, и въ 1638 г., по свидѣтельству Аѳанасія Кальнофойскаго, исписаны были «многія великія книги» именами лицъ, жаждавшихъ историческаго безсмертія и не нашедшихъ его. Можно же себѣ представить, сколько послѣ 1638 года вновь исписано такихъ по 1876 годъ! Вѣдь въ кіевской лаврѣ, во время посѣщенія ея богомольцами, въ разныхъ мѣстахъ сидитъ пять-шесть записчиковъ, каждый съ 4—6 книгами. Въ эти книги вносятся люди по рангамъ — кто бо́льшій дастъ вкладъ, тотъ и въ высшій рангъ попадаетъ. Тутъ есть и «аристократія покойниковъ», какъ ее называетъ почтенный авторъ, аристократія, поминаемая каждое воскресенье. Есть и средній классъ покойниковъ: ихъ поминаютъ разъ въ годъ, пока не забудутъ и самую книгу, въ которую имена ихъ вписаны. «Наконецъ, третій, многочисленнѣйшій разрядъ покойниковъ-плебеевъ, за которыхъ даны только какіе-либо рубли, поминаютъ слѣдующимъ образомъ: одинъ монахъ, послушникъ, а нерѣдко кто-либо изъ мірянъ, читаетъ *молча* во время богослуженія псалтырь по всѣмъ вообще покойникамъ, записаннымъ въ монастырскій синодикъ, и на каждой изъ такъ-называемыхъ «главъ» поочереди поминаетъ сколько-нибудь покойниковъ. Мы полюбопытствовали спросить: сколько же разъ въ годъ помянутъ каждаго покойника? Намъ отвѣчали: «что̀ вы? сколько разъ! мы хлопочемъ о томъ, чтобы въ годъ однажды были помянуты всѣ покойники, записанные въ наши шесть книгъ» (стр. 178—179). И вотъ, сотни тысячъ и милліоны жаждавшихъ «вѣчной памяти» забыты. Они не заслужили себѣ историческаго безсмертія даже въ той жалкой формѣ, въ какой оно выпало на долю какого-нибудь неизвѣстнаго каменьщика, который тесалъ одну изъ огромныхъ плитъ пирамиды Хеопса. Эту плиту вотъ уже нѣсколько тысячелѣтій видятъ одно поколѣніе за другимъ; надъ этою плитою задумываются люди; вспоминается, конечно, и невѣдомый труженикъ, тесавшій эту безсмертную плиту. Записаннымъ въ синодики не достается даже того безсмертія, какое заработала себѣ мозолистая рука какого-нибудь Карпухи или Минайки, которые выравнивали гранитъ, оковывающій берега Невы и Мойки. «Вѣчная память» этихъ записанныхъ въ синодики, если и сохранилась еще, то

Digitized by Google

развѣ въ видѣ процентныхъ бумагъ, въ которыя превращены всѣ болѣе или менѣе значительные вклады жертвователей.

Утомительно было бы перечислять всѣ способы, съ помощью которыхъ монастыри извлекаютъ сокровища изъ народа. Чтобы добыть эти сокровища у неимущихъ, надо, чтобы или неимущихъ было на русской землѣ паче песка морскаго, или бы неимущіе эти слишкомъ много нуждались въ утѣшеніи, слишкомъ много молились, слишкомъ много просили Бога. И все это дѣйствительно такъ: русскій народъ отдаетъ Богу послѣднюю копейку, въ надеждѣ, что за эту копейку ему воздано будетъ сторицею. Вотъ чѣмъ, и единственно этимъ, объясняются неисчислимыя богатства монастырей: русскій народъ, разодравъ свою дырявую суму надвое и отдавъ монастырю одну половину сумы, вправѣ ожидать, что, если ему и не возвращено будетъ сторицею, то хоть чѣмъ-нибудь будетъ заплачено.

Чѣмъ же монастыри заплатили народу за всѣ полученныя отъ народа богатства? Этимъ вопросомъ задается и авторъ разсматриваемой нами книги: «чѣмъ же наше монашество (спрашиваетъ онъ) выразило прежде и выражаетъ въ настоящее время свою благодарность русскому православному царству, русскому православному обществу, русскому православному простому народу за то, что они снабдили его такою поземельною собственностію, которая, по своему пространству, равняется территоріямъ нетолько мелкихъ государствъ и вольныхъ городовъ, но даже великихъ герцогствъ, даже королевствъ—за то, что они и теперь продолжаютъ дѣлать ему такія приношенія и пожертвованія, изъ которыхъ составляются суммы, превышающія доходы, опять, нетолько мелкихъ европейскихъ самостоятельныхъ владѣній, но и такъ называемыхъ средней величины государствъ, даже королевствъ; за то, что они доставили ему возможность составить денежные капиталы, которыми одними монашествующіе могутъ поддерживать свое матеріальное благосостояніе, не будучи вынуждены жить въ бѣдности и трудами рукъ своихъ, а если къ капиталамъ присоединить еще доходы отъ такъ-называемыхъ угодій, то будутъ въ состояніи вести такую матеріальную жизнь, которой очень обрадовалось бы многое множество людей, не дававшихъ обѣта бѣдности и нелюбостяжанія; за то, что и государство, и общество и народъ дали монашеству возможность собрать въ стѣнахъ своихъ такія богатства въ зданіяхъ, храмахъ и пр., такія драгоцѣнности въ вещахъ, что ихъ нѣтъ возможности исчислить и оцѣнить — чѣмъ, повторяемъ, монашествующая братія выразила и выражаетъ свою благодарность своимъ благодѣтелямъ или потомкамъ ихъ?» (Очеркъ, стр. 355).

Вопросъ этотъ слишкомъ сложный, и, несмотря на эту сложность, авторъ отвѣчаетъ на него обстоятельно, подкрѣпляя свои выводы массою данныхъ. Онъ не отрицаетъ, что монастыри отплатили русской землѣ многимъ добромъ за все, что для нихъ сдѣлала русская земля: исторія записала на своихъ страницахъ

Digitized by Google

безсмертныя имена дѣятелей, которые, прикрываясь монашескою рясою, какъ священнымъ щитомъ, стояли за русскій народъ и умирали за него тогда, когда никто изъ князей и бояръ не смѣлъ подать голоса въ пользу раба и холопа. Но это время отошло. Роли дѣятелей перемѣнились...

Какъ бы то ни было, и съ перемѣною ролей, монастыри продолжаютъ доброе дѣло въ пользу русской земли, и это доброе дѣло авторъ цитируемой книги не скрываетъ отъ насъ. Онъ говоритъ, что монастыри не мало дѣлаютъ добра и своимъ личнымъ трудомъ, и своими богатыми средствами. «При всемъ томъ— продолжаетъ онъ — полагаемъ, что монастыри далеко еще не отплатили православному обществу *одинаковою*, какъ говорится, *монетою*, едва ли заплатили хоть одинъ процентъ; что ихъ благотворительность относительно не монашествующихъ, далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ суммамъ ежегоднаго дохода, которыя ими нынѣ получаются, тѣмъ огромнымъ капиталамъ, которые они имѣютъ отъ приношеній мірского общества, тѣмъ сотнямъ и даже можетъ быть тысячамъ милліоновъ, которыя доставлены тѣмъ же обществомъ въ прежнія и недавнія времена и на которыя устроены всѣ монастырскія зданія и пріобрѣтены священныя и церковныя вещи цѣны, какъ выше сказано, неисчислимой! Про монастыри еще нельзя сказать: *долгъ платежемъ красенъ*» (Оп., стр. 375—376).

Въ самомъ дѣлѣ, собственно народъ, эта пятидесятимилліонная масса молельщиковъ, которая, въ послѣднее время, почти одна и обогащаетъ монастыри своими цѣнными слезами въ видѣ грошей и пятаковъ, которая, если положить въ монастырскія сокровищницы хотя по одной слезѣ въ годъ, то изъ этихъ пятидесяти милліоновъ слезинокъ, если ихъ оцѣнить по копейкѣ каждую, составится полмилліона рублей разомъ—эта собственно масса почти ничѣмъ не пользуется отъ монастырей. Естественно, послѣ всего этого, прійти къ такимъ заключеніямъ: какія должны произойти послѣдствія, если финансовое положеніе нашихъ монастырей и на будущее время останется подъ тѣми же условіями и обычаями, которымъ до сихъ поръ они были подчинены и подъ вліяніемъ которыхъ они достигли настоящаго своего состоянія? Очевидно, послѣдствія будутъ тѣ же, какія видимъ и теперь, то-есть капиталы монастырей, какъ денежные, такъ и матеріальные, будутъ увеличиваться и увеличиваться. Радоваться такому богатству и такому обогащенію мы не находимъ достаточныхъ поводовъ. Драгоцѣнныя вещи, которыхъ нѣтъ возможности употреблять ни при богослуженіи, ни на что-либо другое, дѣйствительно, необходимое и полезное для людей, не пробуждаютъ въ благочестивыхъ людяхъ особенно благоговѣйнаго настроенія. Не мѣсто здѣсь разбирать, въ какой степени угодны Богу приношенія такихъ вещей. Даже позволительно думать, не ошибаются ли и тѣ, которые надѣются бога-

Digitized by Google

тѣйшими украшеніями въ храмахъ угодить Богу. Не Онъ ли устами пророка Исаіи говорилъ евреямъ: «Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ? Я пресыщенъ всесожженіями овновъ и туковъ откормленнаго скота; и крови тельцовъ, и агнцевъ, и козловъ не хочу... Не носите больше даровъ тщетныхъ. Куреніе отвратительно для меня. Новомѣсячій и субботъ, и праздничныхъ собраній не могу терпѣть... Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа моя; они — бремя для меня, мнѣ тяжело нести ихъ». И затѣмъ продолжаетъ: «омойтесь, очиститесь, удалите злыя дѣянія ваши отъ очей моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро; ищите правды; спасайте угнетеннаго; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (гл. I, 11—16). Вотъ чего требовалъ пророкъ Исаія именемъ Бога!» (Оп. 380—381).

«Сирота» и «вдова», это—та пятидесятимилліонная масса молельщиковъ и плакальщиковъ за русскую землю, передъ которыми русская земля всегда была и, кажется, навсегда останется несостоятельнымъ должникомъ: у нихъ въ долгу всѣ... «Пусть же хоть теперь монастыри отплатятъ имъ своею благодарностью! восклицаетъ авторъ. — Они уже теперь—не безотвѣтные рабы, а люди свободные, которые имѣютъ государственное значеніе и могутъ, и посредственно, и непосредственно, вліять на другія, даже привилегированныя сословія. Но у нихъ недостаетъ самаго важнѣйшаго права, самой первой человѣческой привилегіи, именно — такъ-называемаго образованія, умственнаго развитія. И теперь отъ недостатка его уже много вредныхъ послѣдствій; но со временемъ эти послѣдствія еще болѣе усилятся и увеличатся, повліяютъ вредно не на одно крестьянство, но и на другія сословія, и вообще на положеніе и ходъ общихъ государственныхъ дѣлъ. Наше государственное казначейство не въ состояніи одно своими средствами вдругъ поднять народное образованіе на ту степень, на которой желательно бы было видѣть его. У него на рукахъ много другихъ важныхъ и настоятельныхъ государственныхъ нуждъ. Земства имѣютъ также огромное число самыхъ неотложныхъ нуждъ, для удовлетворенія которымъ они рѣшительно не имѣютъ средствъ, такъ какъ послѣднія, вмѣстѣ съ доходами государственнаго казначейства, идутъ изъ одного и того же источника—народнаго кармана, уже давно истощеннаго. Чтобы поднять народное образованіе, остается дѣйствовать частнымъ лицамъ и обществамъ. Какъ бы было хорошо, справедливо и благородно, какъ бы всѣхъ изумило и порадовало, еслибы монашествующіе показали въ этомъ случаѣ примѣръ!» (стр. 387—388).

Изъ 7,000,000 рублей дохода, получаемаго монастырями ежегодно, можно было бы, безъ всякаго стѣсненія для бюджета монашествующихъ, удѣлять на народное образованіе 1,000,000 р.—

Digitized by Google

сумма, достаточная для воспитанія, то-есть для первоначальнаго образованія полумилліона дѣтей. Этотъ милліонъ, разливаясь въ массѣ населенія по рублямъ и копейкамъ, въ своемъ нравственномъ и экономическомъ отношеніи выросъ бы въ десятки и сотни милліоновъ для государства и народа. Земства, поддерживаемыя этимъ милліономъ, могли бы уменьшить свои бюджеты, столь обременительные для населенія; а это было бы громаднымъ облегченіемъ для народа...

Дѣйствительно, это—единственная благодарность, которою монастыри могли бы отплатить русскому народу за то, что онъ создалъ эти монастыри и кормилъ ихъ, отрывая, можно сказать, куски отъ своего тѣла—кормилъ цѣлую тысячу лѣтъ. Хоть на второй тысячѣ лѣтъ монастырямъ слѣдовало бы вспомнить объ этомъ, и вспомнить поскорѣе, а то, пожалуй, будетъ поздно. «Если теперь, говоритъ авторъ:—и замѣчается, какъ жалуются многіе, уменьшеніе богомольцевъ и приношеній въ монастыряхъ, то это происходитъ не отъ ослабленія религіознаго чувства въ народѣ, а совершенно отъ другихъ причинъ, въ числѣ которыхъ играетъ немаловажную роль, такъ сказать, инстинктивное, а иногда и сознательное недовольство народа нынѣшнимъ состояніемъ монастырей. Когда же народъ увидитъ, что дѣлаемыя имъ монастырямъ пожертвованія обращаются ими въ пользу его же самого, то монастыри не будутъ имѣть недостатка въ средствахъ не только содержать себя въ приличномъ видѣ, но и благодѣтельствовать бѣднымъ, немощнымъ, слабымъ и проч. — умѣй только они распоряжаться своими богатствами на пользу общественную» (стр. 389—390).

Нельзя не обратить вниманія на одно весьма справедливое опасеніе автора относительно того, что, быть можетъ, настанетъ время, когда неожиданно обнаружится, что неисчислимыя монастырскія сокровища, массы золота, а особенно драгоцѣнныхъ камней, въ которые, какъ мы сказали выше, превратились народныя слезы и воздыханія, окажутся не сокровищами, а мечтой, историческимъ воспоминаніемъ. «При современныхъ усовершенствованныхъ способахъ кражи и мошенничества (говоритъ онъ), при еще болѣе усовершенствованныхъ способахъ поддѣлки драгоцѣнныхъ камней, весьма естественно и разумно опасаться за сохранность этихъ драгоцѣнностей. Если же не будутъ выработаны лучшія правила для учета и сохраненія ихъ, то наши потомки легко могутъ въ одинъ прекрасный день узнать, что вмѣсто этихъ неисчислимыхъ и неоцѣнимыхъ драгоцѣнностей оказались отлично поддѣланныя стеклышки» (стр. 375—396). Въ нашъ хищническій, не просто хищническій, а художественно, геніально изобрѣтательный на всякія поддѣлки вѣкъ—это очень возможно. Современные процессы достаточно выяснили, насколько цивилизація шагнула впередъ и *какъ* шагнула. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нашимъ потомкамъ придется когда-нибудь,

Digitized by Google

обозрѣвая монастырскія ризницы, наполненныя стеклярусомъ и бусами вмѣсто драгоцѣнностей, вспомнить стихи поэта:

Не говори съ тоской—«ихъ нѣтъ»,
А съ благодарностію—«были»...

Изъ помѣщавшейся, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ прошлаго года, въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи «Десятилѣтіе русскаго земства» читатели, мы полагаемъ, могли до нѣкоторой степени познакомиться съ современнымъ положеніемъ у насъ земскаго дѣла, съ его средствами, можно сказать, положительно жалкими, и съ тѣмъ, подчасъ безвыходнымъ, заколдованнымъ кругомъ, въ которомъ вращаются земскія силы: урвутъ клочекъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы сдѣлать заплату на другомъ, а уже и на первомъ оказывается дыра — надо вновь урывать и заплатывать, пришивать и отпарывать, брать изъ пустаго, чтобы пополнить порожнее. Дадутъ на медицинскую часть—недостача въ продовольственной, урвутъ у дорожной—недостача въ школьной; зашьютъ школьную прорѣху—податная часть распоролась, недоимки пухнутъ и т. д. и т. д. И всѣ эти прорѣхи долженъ штопать народъ, зашивая земскія дыры лоскутками, оторванными отъ послѣдней своей рубахи. Бьются бѣдныя земскія силы, ищутъ ягодъ на засохшемъ полѣ, пререкаются между собой посословно, а иногда и поголовно, особенно когда въ земскій прудъ попадутъ искусные рыболовы, умѣющіе въ одно время и воду мутить, и рыбу ловить—а все не выбьются изъ нужды.

Какъ бы то ни было, читатели могутъ припомнить въ общихъ чертахъ, что народъ обложенъ вплотную. А между тѣмъ нуждъ впереди—видимо-невидимо...

Въ этомъ безвыходномъ положеніи земству и народу остается одно спасеніе—обратиться къ монастырямъ. Это должна быть коллективная челобитная всего народа. Пусть монастыри вспомнятъ свои старыя, историческія заслуги передъ русскою землею и не забудутъ, что и русская земля много имъ послужила. Теперь русскій народъ находится въ нуждѣ—пусть же выручаютъ его изъ нужды тѣ, которые, по выраженію покойнаго митрополита Филарета, составляютъ *стояніе міра*.

Съ введеніемъ земскихъ учрежденій, всѣ сословія русской земли и лица, выражающія собою извѣстную имущественную единицу, вошли въ этотъ земскій союзъ, назначеніе и дѣятельность котораго опредѣлены закономъ. Города, села, разныя общества и учрежденія, земледѣльцы, домовладѣльцы, вообще всѣ крупныя и мелкія имущественныя единицы составили одну земскую величину, которая и выражаетъ собою всю Россію, въ спеціальномъ, земскомъ значеніи этого слова. Одна только имущественная величина, и притомъ, величина очень крупная, не вошла въ этотъ союзъ—это монастыри. Они стоятъ особня-

Digitized by Google

комъ, какъ будто русскій народъ — не родной имъ, какъ будто они поселились колоніей въ чужой, враждебной имъ землѣ, и нужды народа не близки ихъ сердцу. Между тѣмъ, по самой идеѣ монашества, призваніе его — именно облегченіе нуждъ всѣхъ нуждающихся, питаніе голодныхъ, утѣшеніе скорбящихъ. То, что̀ законъ возложилъ на земство—благотворительная часть, медицинская помощь народу и образованіе его—это столько же земское дѣло, сколько и монашеское. Въ этихъ заботахъ о народѣ монашество должно нераздѣльно слиться съ земствомъ.

Какимъ же образомъ можетъ быть устроенъ этотъ союзъ земства съ монашествомъ?

Выше мы видѣли, что монастыри составляютъ очень крупную имущественную единицу: они выражаютъ собою и крупныхъ землевладѣльцевъ, и богатыхъ домовладѣльцевъ, и заводчиковъ, и фабрикантовъ, и купцовъ всѣхъ гильдій, т. е. торгующихъ по свидѣтельствамъ всѣхъ разрядовъ; они же выражаютъ собою и промышленниковъ всевозможныхъ промысловъ, и едва ли не биржевыхъ дѣятелей. Движимыя и недвижимыя имущества ихъ громадны, а сокровища—неисчислимы и неоцѣнимы.

Намъ извѣстно также, что для нынѣшняго оборотливаго и изобрѣтательнаго вѣка не существуетъ болѣе мертвыхъ цѣнностей: нѣтъ ни мертвыхъ капиталовъ, лежащихъ въ сундукахъ, ни мертвой земли, которая, кромѣ своей естественной производительности, не помогала бы своею цѣнностью развитію кредита и производительному движенію капитала. Кто хранитъ у себя мертвый капиталъ или мертвую цѣнность, тотъ считается человѣкомъ отсталымъ, человѣкомъ, который отравляетъ себя медленнымъ экономическимъ ядомъ, т. е. самъ истощаетъ свои средства, самъ себя умерщвляетъ. То же самое можно сказать и о землѣ: прежде, кто имѣлъ землю и не имѣлъ денегъ, могъ найти деньги только тогда, когда лишался земли, т. е. продавалъ ее; потомъ, чтобы имѣть деньги и не терять землю, додумались до того, что стали закладывать землю. На этомъ основана современная система земельныхъ и всякихъ банковъ.

Русскій народъ, горькая неприглядность жизни котораго, бѣдность и неразвитость, едва ли могутъ быть оспориваемы, буквально будетъ спасенъ монастырями, если только они придутъ къ сознанію, что сокровища ихъ, которыя признаются неоцѣнимыми и неисчислимыми и которыя составляютъ мертвый капиталъ, не должны долѣе оставаться мертвымъ, зарытымъ въ землю кладомъ. Этимъ мертвымъ кладомъ монастыри дѣйствительно спасутъ народъ и принесутъ громадную заслугу государству, *не потерявъ ни одного скрупула своихъ сокровищъ*, и эта заслуга будетъ выше всѣхъ заслугъ, когда либо принесенныхъ духовенствомъ русской землѣ съ той самой поры, какъ на Руси существуетъ монашество, выше заслугъ Авраамія Палицына, Нико-

Digitized by Google

на и всѣхъ духовныхъ дѣятелей нашего историческаго прошлаго.

Монастыри могутъ сдѣлать это такимъ образомъ.

Всѣ находящіеся въ Россіи монастыри составляютъ одинъ общій благотворительный союзъ, который, въ виду божественной цѣли, имѣющей лечь въ его основу — спасти народъ—можетъ быть названъ «Союзомъ Спасителя». Каждый монастырь составляетъ обстоятельный инвентарь своему имуществу, движимому и недвижимому, начиная отъ земель, угодій, домовъ, церковныхъ и другихъ зданій и кончая тѣми сокровищами, которыя находятся въ храмахъ, въ ризницахъ, въ кладовыхъ, въ видѣ иконъ, утвари, драгоцѣнныхъ предметовъ, и проч и проч. Опредѣливъ имущественную цѣнность всѣхъ монастырей, монастырскій благотворительный союзъ, конечно, съ разрѣшенія правительства, выпускаетъ извѣстные кредитные, процентные знаки, по примѣру обыкновенныхъ кредитныхъ установленій, въ размѣрѣ имущественной стоимости монастырей. Всѣ имущества монастырей, заключающіяся въ драгоцѣнностяхъ, и будутъ составлять основной капиталъ союза, его неприкосновенный фондъ. Это будетъ такой громадный, дѣйствительный, а не фиктивный капиталъ, подобный которому если и найдется въ мірѣ, то развѣ какъ единичный.

Прибыли, получаемыя отъ операцій этого союза, за удовлетвореніемъ всѣхъ расходовъ по производству самыхъ операцій, по управленію союзомъ и проч. и за разными отчисленіями въ пользу монастырей и другихъ ближайшихъ нуждъ монашества—эти чистыя прибыли и должны идти въ пользу народа: на народныя школы, на богадѣльни, больницы—на все то, на поддержаніе чего не хватаетъ ни народныхъ, на земскихъ силъ.

Если монастыри это сдѣлаютъ, то такое дѣло будетъ ихъ величайшею заслугою передъ человѣчествомъ, и XIX вѣкъ, по справедливости, будетъ гордиться этимъ высочайшимъ актомъ человѣческой правды.

Вотъ гдѣ русскому земству искать помощи! Вѣдь, не перевелись же, надѣемся, на Руси такія личности въ черныхъ рясахъ, которыя когда-то отстаивали русскій народъ, не боясь ни татарскихъ ножей, ни польскихъ сабель, ни убійственнаго посоха Грознаго.

Д. С...о-М.. ь.

Digitized by Google

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Послѣдняя попытка бонапартистовъ къ возстановленію консервативнаго союза. — Маневры реакціонеровъ между двумя баллотировками. — Ліонская рѣчь Гамбетты. — Баллотировка 5-го марта, подкрѣпившая побѣду республики на выборахъ 20-го февраля.

Подъ впечатлѣніемъ неожиданныхъ результатовъ всеобщаго голосованія 20 февраля, союзъ консерваторовъ совершенно растерялся и потерялъ голову. Главный его комитетъ, центральный, состоявшій подъ предсѣдательствомъ стараго интригана Шангарнье, вынужденъ былъ закрыться, при чемъ въ объявленіи о своемъ закрытіи не преминулъ заявить съ комическимъ апломбомъ, что Франція — обезумѣла! Зато комитетъ національный или бонапартистскій счелъ, что для него наступила пора стать спасителемъ Франціи, и въ фразистомъ заявленіи поспѣшилъ обратиться ко всѣмъ консерваторамъ, убѣждая ихъ, ради ихъ же спасенія, немедленно примкнуть къ его знамени. «Во время послѣдней борьбы, заявлялъ онъ:—мы не только менѣе всѣхъ другихъ консервативныхъ фракцій понесли пораженій, но и дѣйствовали наиболѣе прямымъ и честнымъ путемъ.» Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ обвиненій, главнѣйше, противъ чистыхъ орлеанистовъ, а потомъ и противъ легитимистовъ, какъ и мак-магоніанцевъ, за то, что каждая изъ этихъ группъ хотѣла дѣйствовать особнякомъ, а достигла только того, что свалилась въ общую яму. Такимъ образомъ, бонапартистскій комитетъ взывалъ безъ различія ко всѣмъ консервативнымъ кандидатамъ, выборъ которыхъ зависѣлъ отъ перебаллотировки, о дружномъ ихъ соединеніи для образованія «того еще возможнаго консервативнаго меньшинства, которому, можетъ быть, суждено, въ свое время, сдѣлаться наиболѣе прочной опорой маршала и послѣднимъ оплотомъ для спасенія Франціи.» Но такъ какъ въ числѣ 107 округовъ, гдѣ понадобилась перебаллотировка, въ очень многихъ бонапартисты получили наименьшее число голосовъ противъ всѣхъ другихъ враговъ республики, то національный комитетъ поспѣшилъ составить свой списокъ кандидатовъ, въ которомъ оставилъ только главнѣйшихъ представителей ле-

Digitized by Google

гитимизма и орлеанизма, обѣщая, что тамъ, гдѣ станутъ баллотироваться эти лица, бонапартистскіе кандидаты отстранятся, но только подъ тѣмъ условіемъ, что во всѣхъ другихъ округахъ тоже самое сдѣлаютъ кандидаты легитимистовъ и орлеанистовъ. Чтобы еще болѣе скрѣпить эту послѣднюю попытку консервативнаго союза, бонапартисты предложили свою поддержку для новой, пятой кандидатуры Бюффе—кандидатуры, такъ сказать, утѣшенія. Но павшій гигантъ реакціи отклонилъ отъ себя эту честь, заявивъ, съ немалою наивностью, что онъ опасается выступать снова кандидатомъ, чтобы не нанести этимъ новаго ущерба консерватизму. Орлеанисты тоже не выказали особеннаго желанія присоединиться къ бонапартистамъ и, если тѣ изъ нихъ, которые 20 февраля получили нѣсколькими сотнями голосовъ болѣе имперіалистовъ, были бы очень рады, еслибы бонапартисты уступили имъ голоса своихъ избирателей, то другіе, которымъ предстояло, въ свою очередь, отстраниться, соглашались на подобную сдѣлку неохотно. Для того, чтобы заручиться помощью легитимистовъ, которые относятся съ одинаковою враждебностью какъ къ республиканцамъ, такъ и къ сторонникамъ всякой монархіи трехцвѣтнаго знамени безразлично, былъ пущенъ слухъ, что графъ Шамборъ, будто бы, заявилъ письменно желаніе, чтобы его партизаны передавали голоса своихъ избирателей тѣмъ изъ консервативныхъ кандидатовъ, на долю которыхъ выпадетъ большинство голосовъ. Къ несчастію для «нравственнаго порядка», въ журналистикѣ было доказано, что это письмо—чистый вымыселъ; такъ что вся эта продѣлка послужила только къ тому, что доказала, что̀ именно разумѣетъ національный комитетъ подъ словами своего заявленія «прямые и честные пути».

Болѣе всѣхъ другихъ манёвровъ реакціонерамъ послужилъ въ пользу искусно распущенный слухъ, что, если на перебаллотировкѣ побѣдятъ консерваторы, то правительство увидитъ въ этомъ фактѣ какъ бы раскаяніе Франціи за неосторожное голосованіе 20-го февраля, и маршалъ изъ такого противорѣчиваго выраженія воли страны почерпнетъ новую силу, чтобы справиться съ разливомъ демократизма, грозящимъ затопить всю Францію. При помощи такого слуха, биржевымъ игрокамъ-реакціонерамъ удалось произвести на биржѣ пониженіе и панику, которыя, однакоже, могли продолжаться не болѣе одной недѣли. Кромѣ того, въ консервативныхъ газетахъ печатались извѣстія, что во всѣхъ значительныхъ магазинахъ прекратились всякія сколько-нибудь крупныя покупки, а всѣ большіе отели опустѣли, такъ какъ массы иностранцевъ, изъ опасенія могущей произойти на улицахъ рѣзни—поспѣшили оставить Парижъ. Но такая продѣлка была уже черезъ чуръ смѣла, и неосторожные публицисты вынуждены были, скрѣпя сердце, тотчасъ же напечатать протесты содержателей большихъ магазиновъ и отелей, которыми заявлялось, что это—пустая и неосновательная выдумка, и что и торговля идетъ своимъ порядкомъ, и гостинницы нисколь-

Digitized by Google

ко не пустѣютъ; для убѣжденія же въ справедливости этого всѣ желающіе приглашались провѣрить кассовыя книги и реестры жильцовъ отелей. Мэръ Тараскона придумалъ еще лучшую штуку: онъ запретилъ, по поводу неблагопріятнаго голосованія 20-го февраля, празднованіе на улицахъ карнавала и появленіе на нихъ въ маскахъ или даже съ фальшивыми носами. Кромѣ того, на страницахъ «Фигаро» и ему подобныхъ газетъ стали появляться извѣстія о смерти то Бланки, то Луи Блана, съ перечисленіемъ тѣхъ мѣръ, какія думаетъ принять правительство на случай, если манифестаціи на ихъ похоронахъ проявились бы въ угрожающихъ размѣрахъ. Дня черезъ два появились опроверженія, что ни тотъ, ни другой вовсе умирать и не думали и пользуются совершеннымъ здоровьемъ. Вѣнцомъ всѣхъ подобныхъ продѣлокъ слѣдуетъ, однакоже, признать выходку ліонскаго редактора газеты «L'Independant du Rhône», который выпустилъ цѣлый нумеръ газеты, наполненный ложными извѣстіями самаго зажигательнаго свойства, и только на послѣдней страницѣ и въ послѣдней строчкѣ (которую догадливымъ агитаторамъ реакціи предоставлялось полное удобство оторвать и, такимъ образомъ, распространить по деревнямъ и захолустьямъ) объявлялось, что все это—«фантазія... которая, впрочемъ, весьма легко можетъ и осуществиться». Въ этомъ нумерѣ передовыя и объяснительныя статьи, такъ же, какъ телеграммы и корреспонденціи изъ Парижа сообщали публикѣ о провозглашеніи въ Парижѣ новой комуны, арестованіи маршала Мак-Магона, разстрѣляніи новыхъ заложниковъ и уничтоженіи религіи, собственности и семьи!

Замѣчательно, что генеральные прокуроры, конечно, изъ уваженія къ свободѣ слова, позволяли подобнымъ изданіямъ безпрепятственно обращаться въ публикѣ. Разумѣется, мы не стали бы на это нисколько сѣтовать, еслибы, какъ разъ передъ появленіемъ подобныхъ фантастическихъ газетныхъ нумеровъ, также какъ и послѣ этого, они не проявляли особеннаго рвенія въ преслѣдованіи, на основаніи новаго закона о печати Дюфора — изданій республиканскихъ. Такъ, «La République française» и «Les Droits de l'homme» (органъ непримиримыхъ) подверглись одновременно нѣсколькимъ процессамъ.

Нужно ли говорить послѣ этого, что бо́льшая часть префектовъ, подпрефектовъ и всѣ ихъ менѣе именитые сподручники, каждый въ размѣрѣ своей власти и вліянія, продолжали протежировать всякой противуреспубликанской кандидатурѣ, какъ будто Бюффѐ—этотъ столпъ оффиціальныхъ кандидатуръ — передъ тѣмъ не свалился окончательно. Впрочемъ, по́ста министра внутреннихъ дѣлъ никто въ то время еще не замѣстилъ, и управленіе дѣлами министерства было передано только временно Дюфору. Дюфоръ, конечно, заявилъ свое желаніе этимъ господамъ, чтобы они дѣйствовали безпристрастно, но, къ сожалѣнію, онъ не употребилъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, т. е. не отста-

Digitized by Google

вилъ ни одного изъ наиболѣе скомпрометированныхъ агентовъ реакціи во время избирательнаго движенія передъ 20 февраля. Такимъ образомъ, на всемъ протяженіи административной лѣстницы, сверху до низу ея, крупные и мелкіе слуги реакціи прибѣгали къ самымъ возмутительнымъ дѣйствіямъ, чтобы хоть какъ-нибудь добиться торжества консерваторовъ при перебаллотировкѣ 5-го марта. Оно и понятно: терять имъ, послѣ пораженія 20-го февраля, было уже нѣчего, между тѣмъ какъ успѣхъ реакціи или перебаллотировки оставлялъ имъ еще надежду, что маршалъ, на основаніи слуха, о которомъ я уже упоминалъ, получитъ такую силу, что будетъ въ состояніи пойти наперекоръ народной волѣ, высказавшейся такъ ярко въ пользу республики на голосованіи 20-го февраля.

Возвращаясь въ Парижъ изъ Ниццы, гдѣ находился на свадьбѣ своей сестры, Гамбетта счелъ не лишнимъ остановиться на сутки въ Ліонѣ, чтобы на публичномъ собраніи высказаться по поводу всѣхъ этихъ послѣднихъ затѣй реакціонеровъ. Особенно возсталъ онъ въ своей рѣчи противъ манёвра враговъ республики, состоявшаго въ томъ, чтобы вмѣшать для своихъ цѣлей въ избирательную и чисто парламентскую борьбу личность и власть маршала и дѣйствовать какъ бы подъ ея прикрытіемъ. «Мы всегда боролись энергически—сказалъ онъ съ особенною выразительностью:—противъ подобной незаконной и лукавой постановки избирательнаго вопроса. Мы всегда утверждали, что глава государства и президентъ республики долженъ стоять выше и внѣ этой борьбы, такимъ образомъ, чтобы пораженія, наносимыя одна другой борющимися партіями, нисколько на немъ не отражались. Такъ дѣйствовали мы съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ маршалъ былъ облеченъ наивысшею магистратурою республики. И такое наше къ нему отношеніе въ прошедшемъ служитъ гораздо большею гарантіею для маршала и на будущее время, въ томъ, что нашъ образъ дѣйствій въ отношеніи къ нему всегда будетъ строго законенъ и исполненъ умѣренности, нежели всѣ извивательства и льстивыя ползанія, къ какимъ прибѣгали и прибѣгаютъ другія партіи. И это—сама истина. Мы хотимъ настоящей конституціи, въ полномъ ея объемѣ. Конституція же эта, если съ одной стороны обусловливаетъ силу, значеніе и право маршала, то, съ другой, она точно также составляетъ собою и наше право, силу и гарантію. Она — союзный договоръ во имя общественнаго порядка между всѣми партіями дѣйствительно либеральными и республиканскими. Что же касается до такихъ дѣятелей, которые, прикрываясь именемъ консерваторовъ, готовы кричать: «да здравствуетъ императоръ!» или «да здравствуетъ король!» или думаютъ только о томъ, какъ бы уничтожить конституцію и свергнуть лицо, поставленное въ главѣ государства, то—это вовсе не консерваторы, а мятежники!»

Обращая, такимъ образомъ, маршала въ новаго Уашингтона, сдѣлавшагося имъ помимо своей воли, Гамбетта съ особенною

Digitized by Google

безпощадностью набрасывается на знаменитостей имперіализма, переживших вторую имперію — на этотъ, по его выраженію, «главный штабъ бонапартизма», существованіе котораго, по его словамъ, составляетъ единственное затрудненіе и единственный позоръ современнаго политическаго положенія. Предостерегаетъ онъ избирателей и отъ тѣхъ изъ бонапартистовъ, которые поддерживаютъ между ними вѣру въ призракъ возможности царства «имперіалистской демократіи». Для личнаго убѣжденія маршала о неудобствѣ для него дѣйствовать за одно съ орлеанистами, онъ перечисляетъ всѣ неудачи, испытанныя главами этой партіи, отъ де Брольи до Бюффѐ, и показываетъ, какъ всѣ ихъ происки для достиженія извращенія всеобщей подачи голосовъ и заглушенія настоящихъ стремленій націи не привели ни къ чему, кромѣ стыда и пораженія. Относительно всѣхъ либераловъ недавней конституціонной партіи онъ заявляетъ, что республика для нихъ «открыта» и что республиканцы требуютъ отъ нихъ только легальности въ ихъ содѣйствіи и искренности въ образѣ дѣйствій. Для того, чтобы поколебать предразсудки «честнаго солдата» о необходимости препятствовать полному осуществленію демократическихъ стремленій народнаго движенія, онъ разъясняетъ, какъ правительству легко и удобно преобразоваться, сообразно съ требованіями республиканцевъ. Для этого, конечно, прежде всего необходимы измѣненія въ персоналѣ администраціи. «Но замѣтьте хорошо, говоритъ ораторъ:—что для такого обновленія администраціи я не считаю необходимыми цѣлыя гекатомбы смѣщенныхъ чиновниковъ; я не считаю необходимымъ, чтобы республиканское правительство въ этомъ случаѣ послѣдовало примѣру нашихъ противниковъ 24-го мая, которые открыли травлю противъ всѣхъ лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ правительству 4-го сентября, и которые буквально травили республиканцевъ, какъ дикихъ звѣрей... Все, что я считаю необходимымъ, это—правительство, исполненное духа твердости и законности, т. е. такой кабинетъ и такого министра внутреннихъ дѣлъ, которые были бы озабочены исполненіемъ своего долга, защитой конституціи, сохраненіемъ своей политической чести и твердо рѣшились бы не допускать, чтобы чиновники, оплачиваемые бюджетомъ республики, употребляли свое время, вліяніе и дѣятельность только на то, чтобы ей противодѣйствовать и распространять къ ней ненависть. Я хорошо знаю персоналъ администраціи и знаю, что въ очень значительномъ его измѣненіи —надобности не предстоитъ. Необходимо только для примѣра произвести нѣсколько смѣщеній, сдѣлавъ основательный выборъ между ними и удаливъ только такихъ, въ которыхъ вражда къ республикѣ настолько же сильна, какъ ихъ неспособность, и пригласить другихъ измѣнить ихъ образъ дѣйствій, заставивъ ихъ почувствовать, что обстоятельства измѣнились—и, такимъ образомъ, для блага страны получить администрацію бо-

Digitized by Google

лѣе уважаемую, болѣе способную и болѣе сильную въ видахъ интересовъ общественной власти».

Одобреніе, съ какимъ было встрѣчено изложеніе такой умѣренной политики. и единодушныя рукоплесканія собравшейся въ числѣ болѣе тысячи двухсотъ человѣкъ публики, получаютъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что вся публика эта состояла изъ цвѣта ліонской демократіи, генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, членовъ демократическихъ комитетовъ и т. п., т. е. изъ тѣхъ именно лицъ, которыя еще недавно, во время управленія префектурою знаменитаго и неудобозабываемаго Дюкро, выставлялись обыкновенно, какъ самые страшные и кровожадные изъ французскихъ революціонеровъ! Правда, что Гамбетта съумѣлъ вызвать это сочувствіе къ своимъ благоразумнымъ взглядамъ, можетъ быть, главнѣйшимъ образомъ потому, что мастерской постановкой начала своей рѣчи съумѣлъ прямо его завоевать. Началъ онъ съ характеристики выборовъ 20-го февраля, которые выставилъ, какъ безповоротное избирательное торжество Франціи надъ клерикальнымъ. Онъ напомнилъ своимъ слушателямъ ту знаменитую фразу ультрамонтанской конспираціи, которая основною цѣлью своей дѣятельности поставила достиженіе «гражданскаго погребенія принциповъ 89 года», и доказалъ, что, если во время выборовъ 20-го февраля жители отдаленныхъ деревень вотировали одинаково съ горожанами наиболѣе развитыхъ центровъ, то это произошло потому, что французы увидали въ республиканскихъ кандидатахъ «лицъ, могущихъ твердо стоять на сторожѣ такихъ учрежденій, которыя составляютъ главнѣйшее завоеваніе великой революціи: гражданскаго равенства, гражданскаго брака, гражданской свободы».

Зная миролюбивое настроеніе маршала, Гамбетта не пропустилъ удобнаго случая показать, въ какое выгодное положеніе въ смыслѣ внѣшней политики, поставило Францію голосованіе 20-го февраля. Въ этомъ случаѣ онъ былъ увѣренъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ подтвердитъ Мак-Магону справедливость его положеній. «Голосованіе это, сказалъ онъ:—отдѣлило дѣло Ватикана отъ дѣла Франціи, и такимъ образомъ прямо отняло главнѣйшій благовидный предлогъ, пользуясь которымъ, Германія могла бы намъ объявить войну». Затѣмъ онъ провелъ блистательную параллель между тѣмъ, чѣмъ долженъ бы былъ сдѣлаться французскій народъ на пути слишкомъ усерднаго поклоненія «святому сердцу», и тѣмъ, чѣмъ станетъ онъ, возвративъ себѣ снова значеніе представителя «новой истины и современнаго прогресса». Онъ привелъ по этому поводу сочувственные отзывы европейской печати всѣхъ странъ безъ различія, какъ первый результатъ этого счастливаго возрожденія. Остановясь съ особенной настойчивостью на внѣшней политикѣ, Гамбетта апрофондировалъ, посреди всеобщихъ рукоплесканій, этотъ вопросъ такъ, какъ этого не дѣлалъ еще ни одинъ изъ современныхъ представителей французскаго республиканизма, не ис-

Digitized by Google

ключая даже и Тьера. Теперь онъ высказалъ, что главнѣйшимъ основаніемъ внѣшней политики Франціи должно быть уваженіе къ существующимъ учрежденіямъ всѣхъ другихъ странъ, «каковы бы они ни были», и рѣшительное невмѣшательство въ чужія дѣла. Замѣчательно, что ни одинъ изъ радикальныхъ журналовъ не возсталъ противъ такого его открытаго разрыва во внѣшней политикѣ со всѣми традиціями старыхъ революціонныхъ школъ и цезаризма. Непримиримые оспаривали почти все, что въ рѣчи Гамбетты относилось къ политикѣ внутренней, но вся демократія безъ исключенія примкнула къ той части его программы, которая высказана въ слѣдующемъ положеніи: «Мы не ждемъ ничего отъ духа космополитизма или прозелитизма въ его крайностяхъ... Все, чего мы желаемъ, это — мира извнѣ, труда и порядка внутри».

Эта ліонская рѣчь поддерживала, при баллотировкѣ 5-го марта, то единодушіе въ одушевленіи республиканцевъ, которое возбуждено въ избирателяхъ 20-го февраля рѣчами Гамбетты въ Лиллѣ, Авиньонѣ, Бордо и Парижѣ. Послѣ нея, въ цѣлой Франціи, за исключеніемъ Парижа, всякія соперничества между республиканцами различныхъ оттѣнковъ прекратились. Тѣ изъ республиканскихъ кандидатовъ, которые, при голосованіи 20-го февраля, получили меньшее число голосовъ, отстранялись безропотно отъ своихъ кандидатуръ въ пользу своихъ, болѣе счастливыхъ конкурентовъ. Такъ, напр. умѣреннѣйшій изъ республиканцевъ, Таксиль Делоръ, отстранился отъ выборовъ въ пользу непримиримѣйшаго изъ непримиримымъ — Альфреда Накэ. Въ самомъ Парижѣ такъ отстранились кандидаты Боннѐ-Дювердье и Асселинъ, хотя и не безъ безполезнаго въ этомъ случаѣ ропота. Вообще, во всемъ Парижѣ, только въ трехъ или четырехъ округахъ, да и то въ такихъ, въ которыхъ не было такихъ сильныхъ кандидатовъ изъ реакціонеровъ, которые могли бы воспользоваться несогласіями въ средѣ самихъ республиканцевъ, по нѣскольку республиканскихъ кандидатуръ боролись до самаго конца между собою. Въ Шарантонскомъ Округѣ побѣдили непримиримые, въ Нёйллискомъ—умѣренные. Въ VIII Парижскомъ округѣ, герцогъ Деказъ избѣгнулъ участи Бюффѐ, благодаря тому, что республиканцы согласились избирать представителей всякихъ партій, кромѣ бонапартистовъ. Республиканецъ Викторъ Шофуръ, поэтому, счелъ необходимымъ отстраниться въ пользу Деказа, чтобы этимъ помѣшать выбору Рауля Дюваля. Послѣдній, однакоже, все-таки былъ выбранъ въ Эрскомъ департаментѣ, благодаря содѣйствію де-Брольи, подобно тому, какъ самъ де-Брольи проникъ въ сенатъ только при помощи бонапартиста-адмирала Ларонсьера ле-Нурри.

Такимъ образомъ, консервативный союзъ, подъ управленіемъ бонапартистовъ и при пособіи цѣлой администраціи чиновниковъ «правительства борьбы», все-таки не достигъ, при перебаллотировкѣ 5-го марта, особенно блестящихъ результатовъ. Изъ

Digitized by Google

107 кандидатуръ — чистые бонапартисты прошли въ 26 округахъ; чистые монархисты — въ 10, а мак-магоніанцы и орлеанисты—въ 5. Въ остальныхъ округахъ прошли республиканцы, и, такимъ образомъ, перебаллотировка, усилившая республиканское большинство второй палаты, еще болѣе подтвердила значеніе всеобщаго голосованія 20-го февраля.

Такимъ образомъ, общіе выборы, въ цѣломъ своемъ составѣ (за исключеніемъ колоній, результатъ выборовъ которыхъ неизвѣстенъ еще въ четырехъ округахъ), дали

352 республиканцовъ,
21 конституціониста,
80 монархистовъ
и 77 бонапартистовъ

т. е. большинство въ 195 голосовъ за республику, если считать съ конституціонистами, и въ 174—если считать безъ нихъ.

II.

Маршалъ Мак-Магонъ и новое положеніе Франціи. — Дурные совѣты и злые совѣтники.—Неудавшійся проектъ министерства Казиміра Перрье.—Передача новымъ палатамъ полномочій національнаго собранія.—Первое общее собраніе республиканцевъ обѣихъ палатъ.—Министерство 9 марта.—Предсѣдательство государственнаго совѣта; планы де-Брольи и Фаллу и сенатское большинство.—Легкіе портреты новыхъ министровъ.—Новый кабинетъ, удовлетворяющій сенатъ и не удовлетворяющій палаты депутатовъ.

Маршалу Мак-Магону два раза предстоялъ случай выказаться великимъ государственнымъ человѣкомъ. Такъ, на другой день послѣ принятія конституціи 25 февраля, онъ могъ пригласить изобрѣтателя консервативной республики, Тьера, и предложить ему составленіе перваго консервативно-республиканскаго министерства. Точно такъ же онъ поступилъ бы, какъ искусный политикъ, нисколько не нарушая правильности образа своихъ дѣйствій въ качествѣ безотвѣтственнаго конституціоннаго президента республики, еслибы, тотчасъ же послѣ приговора, произведеннаго всеобщимъ голосованіемъ надъ людьми и порядкомъ 24 мая, пригласилъ Гамбетту принять на себя званіе перваго министра и привести въ дѣйствіе его программу взаимныхъ уступокъ, провозглашенную имъ въ четырехъ различныхъ мѣстностяхъ Франціи.

При этомъ произошло бы или то, что его соперники по занимаемомъ имъ посту, одинъ—въ прошедшемъ, другой—въ будущемъ, приняли бы его предложеніе и обратились бы, такимъ образомъ, въ его пособниковъ и своею популярностью значительно подняли бы и усилили его авторитетъ и могущество, или они отказались бы отъ исполненія своего долга и обнаружили этимъ, что ихъ образомъ дѣйствій руководитъ одно ненасытное

Digitized by Google

честолюбіе, чувство вполнѣ противудемократическое, и общественное мнѣніе съумѣло бы наказать ихъ своимъ отъ нихъ отстраненіемъ. Маршалъ и въ этомъ случаѣ остался бы только въ выигрышѣ. Его «честная шпага» заблистала бы новымъ блескомъ, окруженная, такъ сказать, ореоломъ патріотическаго самоотреченія, которымъ онъ могъ бы исключительно превозноситься.

Не думайте, что я строю гипотезы на пескѣ и дѣлаю фантастическія предположенія. Оба проекта заявлялись журналистикой именно въ тѣ моменты, когда они могли бы вполнѣ осуществиться. Но на мысли предложить Тьеру министерство или обратить его, въ случаѣ его отказа, въ какого-то комическаго претендента на престолъ Франціи маршалъ не остановился даже ни одной минуты. Кромѣ личной ненависти къ Тьеру, Мак-Магонъ въ это время находился еще въ чаду различныхъ несбыточныхъ надеждъ; ему тогда казалось еще возможнымъ создать реакціонерное парламентское большинство на зыбкой почвѣ полу-республики и пріобрѣсти себѣ пособника въ учрежденіи такого сената, при согласіи съ которымъ ему во всякое время было бы возможно распустить палату депутатовъ. еслибы, паче чаянія, въ нее, не смотря на всѣ усилія оффиціальныхъ кандидатуръ и систему окружнаго избирательства, вошло много республиканскихъ депутатовъ. Мы видѣли, какъ всѣ эти и подобныя мечты его разсѣяла грубая дѣйствительность. Мы видѣли, какъ искусный манёвръ избранія 75 пожизненныхъ сенаторовъ изгналъ орлеанистовъ изъ строившейся ими цитадели реакціи и замѣнилъ ихъ республиканскимъ гарнизономъ. Мы видѣли, какъ всеобщее голосованіе 20 февраля и 5 марта низвело всего до $^2/_5$ общее число представителей монархической коалиціи въ новой палатѣ и сдѣлало невозможными всякія реакціонныя иллюзіи. Дѣло 24 мая положительно погибло, и нѣтъ уже силъ человѣческихъ, чтобы его воскресить. Такимъ образомъ, маршалу оставалось только подать въ отставку одновременно съ паденіемъ Бюффе, если онъ дѣйствительно сознавалъ себя связаннымъ неразрывными узами съ дѣятелями и дѣломъ «правительства борьбы», какъ объ этомъ постоянно заявляли его министры, компрометировавшіе безпрестанно его имя своими происками и продѣлками. Если же, желая оставаться вѣрнымъ своему девизу: «j'y suis et j'y reste», онъ взглянулъ на республиканскую организацію своей власти, какъ на легализацію своего избранія на семь лѣтъ 20 ноября 1873 года, то логика вещей обязывала его подчиниться вполнѣ измѣненіямъ, происшедшимъ въ странѣ. Вся Франція заявила желаніе республики, но, если всматриваться въ оттѣнки мнѣній, олицетворяемые новыми депутатами, то нельзя не видѣть, что число лицъ, представляющихъ собою мнѣнія бывшаго лѣваго центра, весьма незначительно; подавляющее же большинство выпало на долю представителей такъ называвшагося союза лѣвыхъ, т. е. лицъ, раздѣляющихъ взгляды Гамбетты. Предложить министерство Гамбеттѣ было для маршала

Digitized by Google

тѣмъ удобнѣе, что эта мысль родилась въ средѣ бонапартистовъ, и одинъ изъ ихъ органовъ «Liberté» очень настоятельно ее проповѣдывалъ, считая, что подобное министерство погубитъ во Франціи всякую вѣру въ республиканцевъ, такъ какъ, по его мнѣнію, они способны только на оппозицію, на ловкую парламентскую борьбу, но окажутся неумѣлыми и самоуправцами, ставши въ управленіи. Разумѣется, подобный взглядъ раздѣляетъ и маршалъ, и, еслибы онъ былъ вѣренъ себѣ, то поступилъ бы какъ настоящій консерваторъ въ монархическомъ смыслѣ этого слова, еслибы рѣшился примкнуть къ движенію, вызванному 20 февраля, и подчиниться ему хотя бы для того, чтобы показать, что на практикѣ гамбеттизмъ неосуществимъ.

Но «честный солдатъ» ровно ничего не смыслитъ въ политикѣ, о чемъ онъ и заявлялъ самъ, едва занялъ постъ Тьера. Если съ тѣхъ поръ онъ чему-либо и выучился, то развѣ только тому, что путемъ горькихъ опытовъ могъ бы догадаться, что совѣты и внушенія доктринеровъ, смѣнявшихся въ совѣтѣ министровъ во все время его предсѣдательства въ немъ—слѣдовало бы примѣнить какъ разъ наоборотъ ихъ соображеніямъ. Но едва ли онъ даже и это понялъ, такъ какъ нѣжность его къ дурнымъ совѣтникамъ нисколько съ тѣхъ поръ не уменьшилась, и каждый слетѣвшій министръ, потерявшій право оффиціальныхъ совѣтовъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ къ нему доступъ, появлялся запросто въ елисейскомъ дворцѣ и могъ вліять на него, сколько считалъ это нужнымъ. Не даромъ «L'Independant du Rhône», о которомъ я уже упоминалъ и фантастическій нумеръ котораго такъ-таки и остался безъ оффиціальнаго преслѣдованія, могъ помѣстить потомъ слѣдующія извѣстія: «Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что одинъ изъ высшихъ военныхъ начальниковъ (Бурбаки), спрошенный маршаломъ о томъ, какого онъ мнѣнія о настоящемъ положеніи вещей во Франціи, отвѣчалъ безъ всякихъ колебаній: «по моему, вамъ остаются только три выхода: или подать въ отставку, чего вы не сдѣлаете, такъ какъ это было бы малодушіемъ, или возстановить Наполеона IV или Генриха V, или вымести (balayer) обѣ палаты». Маршалъ ничего на это не отвѣчалъ, но сильно задумался». За сообщеніе такого извѣстія редакція тоже не подверглась никакой отвѣтственности, и только черезъ недѣлю было напечатано, что «слухъ о разговорѣ маршала оказался неосновательнымъ».

Какъ бы то ни было, на основаніи ли совѣтовъ де-Брольи, или, дойдя своимъ умомъ, маршалъ, тотчасъ же вслѣдъ за паденіемъ Бюффѐ, бросился въ объятія Дюфора, прося его уладить всѣ возникшія недоразумѣнія сообразно требованію обстоятельствъ, но притомъ съ возможно мѣньшими измѣненіями въ порядкѣ дѣлъ и персоналѣ министровъ. Дюфоръ посовѣтовалъ маршалу обратиться для составленія министерства къ Казиміру Перье, и послѣдній представилъ для этого такую программу: «Назначеніе мэровъ муниципальными совѣтами въ такихъ общи-

Digitized by Google

нахъ, населеніе которыхъ менѣе 6,000 жителей; пересмотръ закона о высшемъ образованіи въ томъ смыслѣ, чтобы право выдачи ученыхъ степеней было возвращено государству; измѣненія въ персоналѣ администраціи въ консервативно-республиканскомъ направленіи». Программа эта маршаломъ была принята подъ условіемъ нѣкоторыхъ ограниченій ея практическаго примѣненія. Но такихъ ограниченій Мак-Магонъ потребовалъ слишкомъ много. Такъ, онъ счелъ невозможнымъ предоставить исключительной отвѣтственности министра внутреннихъ дѣлъ смѣщенія и назначенія новыхъ префектовъ, уступить два портфёля кому-либо изъ сенаторовъ или депутатовъ «республиканской лѣвой» и замѣнить морскаго министра де-Монтаньяка (роялиста) умѣреннымъ демократомъ Потюо, а военнаго министра де-Сиссе — Шанзи (по мысли маршала, министры морской и военный должны стоять внѣ политическихъ измѣненій). Разумѣется, Перье на это не согласился, не довѣряя прочности кабинета, который былъ бы составленъ исключительно изъ представителей лѣваго центра, и не желая снова принимать министерство на нѣсколько дней (передъ 24 мая 1873 г. ему пришлось быть министромъ только въ теченіи восьми дней). Тогда маршалъ остановился на мысли— не приметъ-ли на себя составленіе кабинета бывшій министръ финансовъ 1848 г., Дюклеркъ. Дюклеркъ, это—искренній республиканецъ, хотя и умѣренный до невозможности; онъ—очень общительный человѣкъ и пользуется любовью и уваженіемъ всѣхъ, кто его знаетъ. Кромѣ того, онъ очень богатъ, почему выборъ его не могъ произвести неудовольствія въ средѣ лицъ, окружающихъ Мак-Магона. Но Дюклеркъ, подъ какимъ-то предлогомъ, уклонился отъ предлагаемой ему чести, понимая, что ни на что прочное ему нельзя было разсчитывать. Тогда одному изъ кандидатовъ въ министры, Ваддингтону, предложенному Перье для замѣщенія Валлона, пришла мысль: не возьмется ли за составленіе кабинета Рикаръ? Онъ сообщилъ свою мысль маршалу, который нашелъ ее превосходною и упросилъ Ваддингтона немедленно ѣхать въ Версаль, чтобы сообщить ее Дюфору. Противъ Рикара было только одно препятствіе: этотъ послѣдній президентъ лѣваго центра, не былъ, подобно Бюффѐ, удостоенъ выбора въ депутаты. Но, можетъ быть, этому-то обстоятельству Рикаръ и обязанъ тѣмъ, что Мак-Магонъ такъ обрадовался его имени. Мак-Магонъ знаетъ, что впослѣдствіи ему можетъ понадобиться составленіе внѣ парламентскаго кабинета, и, въ виду такой возможности, было очень кстати про запасъ имѣть прецедентъ, при которомъ скомпрометированнымъ былъ бы республиканецъ. Рикаръ задумался на первыя сутки, но на вторыя принялъ предложеніе главы государства, такъ какъ въ этотъ день его положеніе узаконилось, т. е. онъ сталъ кандидатомъ въ пожизненные сенаторы, на только-что открывшуюся вакансію умершаго де-Ларошетта.

Исторія эта происходила какъ разъ 8 марта, въ день, назна-

Digitized by Google

ченный для открытія обѣихъ новыхъ палатъ и, такимъ образомъ, церемоніалъ передачи имъ полномочій національнымъ собраніемъ произошелъ при отсутствіи правильно организованнаго кабинета.

Въ этотъ торжественный для Франціи день, постоянная комиссія, замѣнившая національное собраніе, открыла, въ часъ пополудни, послѣднее свое засѣданіе въ Геркулесовой Залѣ версальскаго дворца, помѣщающейся какъ разъ между двумя залами засѣданій обѣихъ новыхъ палатъ. Когда было закончено чтеніе протокола предшествовавшаго засѣданія, предсѣдатель комиссіи, Одиффре-Пакье, приказалъ пригласить въ засѣданіе вновь составившіяся временныя бюрò двухъ палатъ и передалъ имъ законодательную власть въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Франція — свободно спрошенная относительно постановленія національнаго собранія — дала торжественную санкцію этому постановленію. Такимъ образомъ, новыя учрежденія наши становятся, съ сегодняшняго дня, обязательными для всѣхъ подъ этимъ двойнымъ авторитетомъ: *каждый гражданинъ обязывается уваженіемъ къ нимъ и подчиненіемъ имъ. Республиканская конституція 25-го февраля была дѣломъ соглашенія и умиротворенія*... Собравшись вокругъ маршала Мак-Магона, вы съумѣете дать нашей странѣ правительство мира и порядка... Подобно намъ, и вы передадите ее тѣмъ, кто васъ замѣнитъ *умиротворенною, благоденствующею и свободною*». Маршалъ, разумѣется, сдѣлалъ бы очень хорошо, еслибы, по случаю отсутствія министерства и сообразно тому, какъ это дѣлается на открытіяхъ парламента въ другихъ странахъ, лично отвѣтилъ предсѣдателю избравшаго его собранія для того, чтобы объяснить сенату и палатѣ депутатовъ, какъ смотритъ онъ на согласное дѣйствіе законодательныхъ и исполнительной властей при республиканскомъ образѣ правленія, утвержденномъ народною волею. Но, вмѣсто маршала, явилась въ комиссію делегація отъ него, состоявшая изъ хранителя государственной печати—Дюфора и трехъ министровъ, изъ которыхъ только одинъ (Леонъ Сэ) остался въ новомъ кабинетѣ, а двое другіе, Кальйò и Валлонъ, вышли въ отставку. Имъ-то предсѣдатель постоянной комиссіи, отъ имени депутатовъ національнаго собранія, и передалъ съ рукъ на руки «исполнительную власть со всѣми ея обязанностями и прерогативами». На это заявленіе Дюфоръ отвѣчалъ только въ короткихъ словахъ: «Намъ поручено президентомъ республики заявить вамъ, что онъ имѣетъ *внутреннее убѣжденіе, что, съ помощію Божію* и содѣйствіемъ обѣихъ палатъ, *ему никогда не придется употреблять своей власти иначе, какъ сообразно съ законами* для чести и пользы нашего великаго и многолюбезнаго отечества».

Временный президентъ сената, выбранный по старшинству лѣтъ, разумѣется, не сталъ вдаваться въ критику всей неопредѣленности этой полурѣчи-полуприсяги, а отвѣчалъ отъ имени законодательной власти, что, «при дружномъ содѣйствіи и тѣс-

Digitized by Google

номъ союзѣ всѣхъ общественныхъ властей, сената, палаты депутатовъ и маршала, Франція будетъ исполнена мира внутри, а извнѣ—снова займетъ въ средѣ другихъ націй то высокое мѣсто, которое, по справедливости, ей принадлежитъ». Послѣ этихъ словъ, невыбранные вновь депутаты разошлись, а члены сената и палаты депутатовъ собрались въ залы своихъ собраній, безъ всякихъ восклицаній въ честь республики.

Никакими восклицаніями этого рода не сопровождались и рѣчи, произнесенныя предсѣдателями обѣихъ новыхъ палатъ, выбранными временно въ это званіе, по старшинству лѣтъ. Въ палатѣ депутатовъ ожидали по этому поводу какого-нибудь скандала, такъ какъ слово принадлежало патріарху соціализма — Распайлю, возрастъ котораго (82 г.) давалъ ему право предсѣдательства. Нѣкоторые трусливые депутаты употребили всѣ усилія, чтобы отговорить Распайля отъ появленія въ этомъ первомъ собраніи. Мало того: наканунѣ въ Версали было произведено нѣчто въ родѣ генеральной репетиціи открытія, и предсѣдателемъ былъ выбранъ бонапартистскій генералъ Алларъ (Тьеръ оказался моложе его) и организовано временное бюро. Распайль съ большимъ тактомъ посмѣялся надъ этими страхами и ужасами лѣваго центра и надеждами правыхъ и прочелъ самую коротенькую рѣчь, въ которой привѣтствовалъ наступленіе новой эры для французской республики и намекнулъ слегка на необходимость амнистіи въ обращеніи къ патріотизму и единодушію депутатовъ въ такихъ выраженіяхъ: «Да изгладится самая память о всѣхъ нашихъ внутреннихъ несчастіяхъ; забудемъ всѣ наши домашнія несогласія и уничтожимъ самый ихъ слѣдъ. Соединимся дружно, вмѣсто того, чтобы снова раздѣляться ненавистями. Исправимъ наши ошибки и не станемъ безполезно увеличивать ихъ число».

Тотчасъ же за произнесеніемъ этой рѣчи, ораторъ, подъ предлогомъ ослабленнаго возрастомъ своего голоса, просилъ сложить съ него честь предсѣдательства собраніемъ и произвесть выборы уже постояннаго предсѣдателя. Выбранъ былъ 414 голосами—Жюль Греви.

Въ сенатѣ—временный предсѣдатель по старшинству лѣтъ—Готье-де-Рюмильи, твердымъ голосомъ и съ юношескою энергіей, произнесъ свою рѣчь открытія на ту же тэму, которая служила основаніемъ въ его отвѣтѣ Дюфору, при передачѣ полномочій—т. е. на необходимости патріотическаго согласія обѣихъ палатъ съ благоразуміемъ и самоотверженіемъ «маршала Мак-Магона, конституціоннаго президента законно организованной республики». Особенно громко, подчеркивая каждое положеніе, онъ произнесъ: «Франція высказалась. Республика учреждена. Конституція стала дѣйствующимъ закономъ. Образъ правленія Франціи установленъ, и отнынѣ власть вступаетъ на твердую почву, въ томъ направленіи, какое придадутъ ей опредѣленныя большинства». Впечатлѣніе, произведенное этими словами, громко

Digitized by Google

провозглашенными съ сенатской трибуны тономъ глубокаго убѣжденія, было очень сильное. Лѣвые привѣтствовали ихъ громкими рукоплесканіями; правые, которыхъ въ сенатѣ не мало — молчали, какъ пораженные громомъ. Разсказываютъ даже, что изъ груди де-Брольи, хотѣвшаго разсмѣяться, вырвался, вмѣсто смѣха, горькій вопль.

Изумительная и, такъ сказать, буржуазная простота обстановки этого торжественнаго и окончательнаго учрежденія республики во Франціи смутила своею неожиданностью какъ маршала, такъ и публику, которые одинаково ждали всякихъ ужасовъ, о которыхъ заранѣе распространяли различные слухи побѣжденные анархисты-реакціонеры. Новые провинціальные депутаты—эти чудовища радикализма, какъ объ нихъ разсказывали—съумѣли вести себя въ первомъ собраніи гораздо спокойнѣе, чѣмъ ихъ предшественники монархисты, и даже никому изъ нихъ и въ голову не пришло, подъ конецъ этого перваго засѣданія, закричать: «да здравствуетъ республика!» Но это не могло служить доказательствомъ того, что они къ ней равнодушны, такъ какъ они уже передъ тѣмъ умѣли блистательно заявить, что твердо желаютъ, чтобы правительство не уклонялось отъ строгаго и серьёзнаго приведенія въ практикѣ республиканскихъ учрежденій. Наканунѣ открытія палатъ, по почину Гамбетты, въ залу Отеля Резервуаровъ, въ Версали, собралась бо́льшая часть сенаторовъ и депутатовъ, принадлежащихъ, по своимъ мнѣніямъ, къ тремъ группамъ республиканцевъ, на какія они раздѣлялись при существованіи національнаго собранія. Это первое «общее собраніе» (réunion pleinière) республиканскаго большинства обѣихъ палатъ, «озабоченное вопросомъ о министерствѣ», заявило съ особенною торжественностью обстановки, для всеобщаго свѣдѣнія, что оно станетъ оказывать свое содѣйствіе и сочувствіе только такому однородному (homogène) кабинету, который поставитъ своею задачею управлять страною въ строго республиканскомъ смыслѣ, сообразно съ духомъ конституціи и народною волею».

Это прямое предостереженіе Мак-Магону, по поводу слуховъ о составлявшемся министерствѣ, маршалъ пропустилъ, однако, мимо ушей, и составъ кабинета, въ такомъ же видѣ, въ какомъ о немъ ходили слухи, былъ утвержденъ 9-го, а 10-го—декретъ о новомъ министерствѣ появился въ оффиціальномъ журналѣ. Хранитель государственной печати и министръ юстиціи, Дюфоръ, получалъ въ этомъ кабинетѣ, сверхъ того, управленіе вѣроисповѣданіями и назначался президентомъ совѣта министровъ, тогда какъ, и при Мак-Магонѣ, и при Тьерѣ, министры до сихъ поръ были только вице-президентами. Такое измѣненіе, дѣлающее, при новомъ порядкѣ вещей, президента республики безотвѣтственнымъ, обязываетъ Мак-Магона, если только онъ не рѣшится нарушить основныя начала конституціи, составлять отвѣтственныя министерства только такого рода, которыя пред-

Digitized by Google

ставляли бы собою парламентское большинство, каковымъ бы оно ни было. Это нововведеніе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ стремленіями, выражавшимися до сихъ поръ маршаломъ, такъ какъ оно ограничиваетъ его произволъ, и едва ли Мак-Магонъ еще ясно это понимаетъ, такъ какъ въ «Фигаро», отъ 15-го марта, напечатаны слѣдующія слова̀ его, на что̀ до сихъ поръ не было правительственнаго опроверженія:

«Составомъ настоящаго министерства я сдѣлалъ лѣвымъ послѣднія уступки, дальше которыхъ не пойду, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не получу отъ нихъ несомнѣнныхъ доказательствъ благоразумія. Если мое новое министерство будетъ низвергнуто, то я, можетъ быть, попытаюсь назначить новое, на той же почвѣ, но на этомъ и остановлюсь. Если и имъ будутъ недовольны, я обращусь съ посланіемъ въ сенатъ, такъ какъ въ его большинствѣ я увѣренъ, и, при его содѣйствіи, я сдѣлаю воззваніе къ странѣ».

Изъ нѣкоторыхъ статеекъ по поводу этихъ словъ, напечатанныхъ въ газетахъ «Le Français» и «Journal de Paris», слѣдуетъ заключить, что они—отголосокъ цѣлаго политическаго плана, исходящаго изъ лагеря орлеанистовъ, можетъ быть, сочиненнаго самимъ де-Фаллу, въ тиши его анжуйскаго за̀мка, и пропагандируемаго герцогомъ де-Брольи. Основаніе его — достигнуть во что̀ бы то ни стало образованія въ сенатѣ большинства правыхъ и управлять страною при его пособіи. Осуществленіе его оказалось возможнымъ при выборахъ предсѣдателей и секретарей для временныхъ сенатскихъ бюро, причемъ такихъ бюро составилось пять правыхъ и четыре лѣвыхъ, такъ же, какъ и при назначеніи постоянныхъ вице-президентовъ сената, которыхъ республиканцы могли дать только трехъ, а не четырехъ, такъ какъ Жюль Симонъ провалился, а легитимистъ Одренъ де-Кердрель получилъ 152 голоса, т. е. всѣ голоса реакціонерной коалиціи, которые составили абсолютное большинство (всѣхъ сенаторовъ 300)+1 голосъ. Къ несчастію, однако, для гг. Фаллу и де-Брольи, если они, дѣйствительно, имѣли планъ, о которомъ я говорю, надняхъ умеръ одинъ изъ сенаторовъ, выбранный сѣвернымъ департаментомъ, Морисъ, а, такъ какъ, по закону, выборы для замѣщенія его вакансіи могутъ быть произведены только въ случаѣ смерти и другого представителя того же департамента, то и такое большинство разстроилось.

Вообще, роль сената можетъ быть только отрицательною, и вотъ почему. Искреннихъ республиканцевъ въ немъ болѣе, чѣмъ легитимистовъ и бонапартистовъ, не примкнувшихъ къ конституціи 25-го февраля. Поэтому, составленіе большинства въ немъ зависитъ оттого, куда примкнутъ конституціоналисты (бывшіе депутаты праваго центра) съ ихъ главою — герцогомъ Одиффре Пакье.

Они же, очевидно, будутъ сопротивляться всякимъ радикальнымъ предложеніямъ и прямо демократическимъ реформамъ, ка-

Digitized by Google

кія будутъ исходить изъ палаты депутатовъ; но зато, съ другой стороны, они станутъ помогать республиканцамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда реакціонеры станутъ затѣвать какія бы то ни было коалиціи, результатомъ которыхъ могутъ быть только государственные перевороты, выгодные однимъ только бонапартистамъ. Предпочитать имперію республикѣ—составляетъ девизъ де-Брольи, обязаннаго своимъ сенаторскимъ выборомъ стачкѣ орлеанистовъ съ бонапартистами; но Одиффре-Пакье думаетъ иначе и дѣлается все болѣе и болѣе республиканцемъ, изъ ненависти къ имперіи и боязни возможности ея возстановленія. Поэтому, если сенатъ и воспрепятствуетъ осуществленію нѣкоторыхъ изъ скромныхъ республиканскихъ надеждъ второй палаты, то все-таки онъ никогда не согласится на ея распущеніе, результатомъ котораго могла бы быть побѣда бонапартистовъ. Такимъ образомъ, самое дурное, чего можно опасаться при настоящемъ положеніи вещей, состоитъ въ томъ, что республиканцамъ придется топтаться на одномъ мѣстѣ вплоть до 1879 года—срока, когда должно воспослѣдовать первое обновленіе трети сенаторовъ, результатомъ котораго будетъ въ немъ значительное усиленіе республиканскаго элемента.

Пока же, положеніе вещей таково. Кабинетъ Дюфора долженъ необходимо опираться главнѣйше на такое сенатское большинство, какое онъ можетъ теперь представить, и, поэтому, по необходимости враждебно относиться къ радикаламъ, что̀ заставитъ его не однажды въ палатѣ депутатовъ искать большинства случайнаго и составленнаго изъ различныхъ неопредѣленныхъ элементовъ, вмѣсто того, чтобы выражать собою постоянно существующее въ немъ открыто республиканское.

Въ новомъ кабинетѣ сохранили свои мѣста четыре министра Бюффѐ: генералъ де-Сиссэ, герцогъ Деказъ, Леонъ Сэ и Дюфоръ. Де-Сиссэ, консерваторъ неопредѣленнаго оттѣнка, не обладая особенными способностями, съумѣлъ, однакоже, стать для правительства необходимымъ и при Мак-Магонѣ, какъ былъ при Тьерѣ. Герцогъ Деказъ—дипломатъ средней руки, умѣющій уживаться рѣшительно со всѣми, такъ какъ, въ качествѣ финансиста, понимаетъ, что можетъ во всѣхъ встрѣтить надобность; онъ—чистокровный орлеанистъ, склонный ко всякимъ уступкамъ и, слегка, либералъ. Леонъ Сэ—одинъ изъ первыхъ орлеанистовъ, обращенныхъ въ республиканизмъ «маленькимъ буржуа», сынъ знаменитаго экономиста и зять покойнаго Бертена, редактора «Journal des Débats», близкій пріятель Ротшильда, отличный финансистъ вслѣдствіе своихъ связей и менѣе скучный политико-экономъ, нежели его собратья; обладаетъ, при этомъ, даромъ слова и хорошимъ расположеніемъ духа. Наконецъ, Дюфоръ, бывшій ядовитымъ реакціонеромъ при всѣхъ правительствахъ, которымъ служилъ въ теченіи болѣе 20-ти лѣтъ, за исключеніемъ имперіи, ненависть къ которой составляетъ его добродѣтель—ультра-консервативный республиканецъ

Digitized by Google

потому, что понялъ невозможность во Франціи никакой монархіи, и умѣренный католикъ, пополамъ съ галликанцемъ.

Изъ послѣдняго кабинета Тьера, начала мая 1873 года, вошли въ новое министерство двое: Тейсеренъ де-Боръ и Ваддингтонъ, какъ бы для доказательства того, что Франція пришла именно къ тому положенію вещей, въ какомъ находилась передъ 24-мъ мая. Первый—отличный инженеръ, лучше всѣхъ во Франціи знакомый съ положеніемъ желѣзнодорожнаго дѣла, но сдѣлавшійся почему-то не министромъ общественныхъ работъ, а земледѣлія; можетъ быть, даже потому, что за послѣднее время во всей Европѣ то и дѣло *ростутъ* новыя сѣти желѣзныхъ дорогъ. Второй — сынъ натурализировавшагося во Франціи англичанина, англоманъ до мозга костей, либералъ, обладающій значительною эрудиціей, и протестантъ. За послѣднее обстоятельство отъ него отнято управленіе вѣроисповѣданіями. Какъ министръ народнаго просвѣщенія, можетъ быть очень полезенъ при пересмотрѣ закона о высшемъ образованіи, для посрамленія и ограниченія претензій ультрамонтанизма.

Изъ членовъ правительства 4-го сентября, одинъ только морской министръ Фуришонъ, искупившій свои подписи подъ декретами турской и бордоской делегацій многочисленными подачами голоса, въ послѣднемъ національномъ собраніи, вмѣстѣ съ депутатами праваго центра.

Впервые министрами являются только гг. Кристофль и Рикаръ. Кристофль, получившій министерство общественныхъ работъ—адвокатъ. Онъ былъ президентомъ лѣваго центра въ національномъ собраніи и удостоился, за свою оппозицію противъ монархическихъ интригъ и неистовствъ «нравственнаго порядка», знаменитаго восклицанія Бюффѐ, обращеннаго къ нему, но относившагося ко всѣмъ консерваторамъ-республиканцамъ: «Я никогда не буду вашимъ союзникомъ». Рикаръ — одинъ изъ замѣчательныхъ юристовъ, бывшій докладчикъ комиссіи тридцати. За шесть мѣсяцевъ до своего появленія на трибунѣ національнаго собранія, уже пользовался славою хорошаго оратора и поддержалъ такую репутацію въ своихъ рѣчахъ противъ консерваторовъ имперіалистской реставраціи. Обладаетъ громкимъ и симпатичнымъ голосомъ. Тьеръ уже имѣлъ въ виду поручить ему какой-нибудь изъ портфѐлей, но достигнуть власти послѣ 24-го мая онъ рѣшительно не могъ, какъ искренній республиканецъ, остававшійся таковымъ въ теченіи всей своей жизни. 2-го декабря, онъ испыталъ преслѣдованіе; во все время второй имперіи принадлежалъ къ оппозиціи непримиримыхъ; при правительствѣ 4-го сентября принялъ севрскую префектуру и состоялъ членомъ чрезвычайной комиссіи для организаціи народной защиты (въ трехъ департаментахъ, гдѣ проявился энергическимъ преслѣдователемъ бонапартизма). Права его на министерскій портфѐль въ настоящемъ кабинетѣ заключались въ томъ, что онъ, во все время существованія министерства Бюф-

Digitized by Google

фѐ, былъ его противникомъ какъ по вопросу о формѣ всеобщаго голосованія, такъ и по вопросу объ оффиціальныхъ кандидатурахъ, а, въ качествѣ президента лѣваго центра, значительно способствовалъ тому, что республиканская конституція могла осуществиться. Маршалу же и его окружающимъ онъ былъ пріятенъ по разнымъ причинамъ; во-первыхъ потому, что, при избраніи 75-ти пожизненныхъ сенаторовъ, онъ помѣшалъ полной побѣдѣ Гамбетты; во-вторыхъ—потому, что, наканунѣ парижскихъ выборовъ, мысль о послѣднемъ заявленіи лѣваго центра противъ радикаловъ принадлежитъ ему; и, въ-третьихъ—потому, что, въ качествѣ невыбраннаго депутата, назначеніе въ министры котораго обусловливало его принятіе въ сенатъ, онъ представлялъ собою лицо, болѣе способное на уступки, чѣмъ кто-либо изъ республиканцевъ сенаторовъ или депутатовъ.

Вообще, настоящій кабинетъ былъ бы очень хорошъ, въ 1873 году, для приведенія въ дѣйствіе «консервативной республики», но теперь онъ можетъ удовлетворить собою сенатъ, въ которомъ не существуетъ опредѣленно республиканскаго большинства, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда конституціонные орлеанисты станутъ вотировать вмѣстѣ съ лѣвыми, и совершенно неудовлетворителенъ относительно палаты депутатовъ, средній уровень демократизма которой несравненно выше его. Республиканскій элементъ этой палаты—прямой результатъ всеобщаго голосованія—такъ значителенъ, что, напримѣръ, выборъ Жюля Греви постояннымъ президентомъ произведенъ 462-мя голосами, а каждый изъ вице-президентовъ республиканцевъ получилъ не менѣе 345—355 голосовъ. Во всѣ бюро, во всѣ комиссіи, составленныя въ палатѣ до сихъ поръ, выбраны почти исключительно республиканцы. Такимъ образомъ, если эта палата и должна, въ своихъ дѣйствіяхъ, нѣсколько сообразоваться съ дѣйствіями сената и маршала, то, въ то же время, она настолько сильна, что всякое министерство, которое задумало бы идти, въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, въ разрѣзъ съ республиканскимъ одушевленіемъ, охватившимъ Францію, неизбѣжно будетъ ею низвергнуто.

III.

Второе общее собраніе республиканскаго большинства.—Рѣшеніе 12-го марта.—Программа министерства, прочитанная 14-го марта въ палатѣ.—Назначеніе Рикара пожизненнымъ сенаторомъ.—Старые порядки при новомъ министерствѣ.—Преслѣдованіе республиканцевъ и процессъ печати.—Предложеніе Викторомъ Гюго и Распайлемъ амнистіи.—Оппозиція парламентскихъ комиссій противъ общей амнистіи.

Понятно, само собою, что одно появленіе декрета съ именами новыхъ министровъ вызвало въ органахъ непримиримыхъ

Digitized by Google

ироническія поздравленія послѣдователей Гамбетты съ блестящими результатами, полученными ихъ политикой уступокъ. «La République française» тоже вынуждена была выразить свое недовольство составомъ новаго министеретва. 12-го марта, въ залѣ Лемарделэ созвано было новое полное собраніе республиканцевъ обѣихъ палатъ, подъ предсѣдательствомъ Кремьё. Многіе изъ новыхъ радикальныхъ депутатовъ поспѣшили выразить «недовольство страны относительно назначенія кабинета, не соотвѣтствующаго голосованіямъ большинства», но на это умѣренные отвѣчали, что «прежде, чѣмъ осуждать министерство, слѣдуетъ еще увидѣть, какъ оно будетъ дѣйствовать». Гамбетта, при выраженіи своего мнѣнія, всталъ между оптимистами и пессимистами. Выразивъ всѣ опасенія, какія должно внушать демократіи министерство, обязанное своимъ происхожденіемъ тому, что даже такой консерваторъ, какъ Казиміръ Перье, отказался сдѣлать такія уступки, какія были ему предъявлены, онъ, въ тоже время, показалъ необходимость для правительства идти неизбѣжно тѣмъ путемъ, на который указала страна своими избраніями для полнаго осуществленія ея воли, если только республиканцы выкажутъ твердость и единодушіе. Для этого, по его мнѣнію, республиканцы и не должны на нѣкоторое время раздѣляться между собою на различныя парламентскія группы, что̀, при существованіи въ палатахъ меньшинства, враждебнаго республикѣ, можетъ обусловить, при пособіи различныхъ интригъ, образованіе «колеблющагося и преимущественно послушнаго» большинства. Въ виду такой печальной возможности, и необходимы общія собранія всѣхъ республиканцевъ, которыми должно быть принято такое единодушное рѣшеніе: республиканцы не должны раздѣляться на фракціи, сообразно съ оттѣнками мнѣній, выражаемыхъ ими до тѣхъ поръ, пока не утвердится авторитетъ республики и не упрочится общее къ ней уваженіе. Всѣ они должны представлять собою одну солидарную группу до тѣхъ поръ, пока общественнымъ опредѣленіямъ не будетъ дано полнаго удовлетворенія составомъ общей администраціи государства, пока правительство рискуетъ быть остановлено въ своихъ дѣйствіяхъ сопротивленіями со стороны исполнителей его распоряженій. Такой взглядъ Гамбетты получилъ полное одобреніе всѣхъ присутствовавшихъ на собраніи, не исключая и членовъ лѣваго центра, хотя послѣдніе, черезъ посредство одного изъ своихъ представителей, депутата Маргэна и выразили нѣкоторое опасеніе, чтобы такое заявленіе, если ему будетъ придана форма рѣшенія собранія, не было сочтено правительствомъ за выраженіе недовѣрія къ новому министерству. «Ничто̀, отвѣчалъ на это Гамбетта:—въ заявленіи, которое я предлагаю, не выражаетъ подобнаго недовѣрія. Но въ республиканской странѣ, при существованіи республиканскаго большинства, это большинство имѣетъ полное право формальнаго высказыванія своего мнѣнія съ цѣлью привлечь къ своимъ воззрѣніямъ кабинетъ, для

Digitized by Google

избѣжанія возможности непріязненныхъ съ нимъ столкновеній». Послѣ этого, къ рѣшенію, происшедшему въ Версали, въ залѣ Отеля Резервуаровъ, о которомъ я уже сообщалъ, было присовокуплено, что общее собраніе республиканцевъ, «надѣясь, что кабинетъ ясно сознаётъ существенныя нужды настоящаго положенія вещей, ожидаетъ отъ него, что онъ немедленно озаботится замѣщеніемъ надежными республиканцами тѣхъ должностей, какія въ администраціи до сихъ поръ были заняты исполнителями, противодѣйствовавшими водворенію того образа правленія, которое нынѣ учреждено народною волею».

Несмотря на такое заявленіе, новое министерство ничѣмъ на него не откликнулось. Въ «Оффиціальномъ Журналѣ» не было ни одной строки, которая указывала бы на измѣненіе порядка вещей, и ни въ одной палатѣ министры не произнесли ни одного слова. Произошло это отчасти отъ того, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ не могъ принять никакой рѣшительной мѣры прежде узаконенія своего парламентскаго положенія вступленіемъ въ сенатъ, отчасти отъ того, что составленіе министерской программы и обсужденіе ея подробностей не были еще закончены, да и, сверхъ того, вопросъ объ ея чтеніи—прежде или послѣ сенатскаго голосованія объ избраніи Рикара пожизненнымъ сенаторомъ—не былъ еще рѣшенъ. Де-Брольи всячески интриговалъ, чтобы достигнуть промедленія въ чтеніи этой программы, надѣясь, что это вызоветъ недовольство и разногласія между республиканцами и скомпрометируетъ Рикара, который, такимъ образомъ, или падетъ прежде, чѣмъ станетъ дѣйствовать или говорить, или удержится, но благодаря такому большинству, основаніе которому дадутъ правые и къ которому примкнутъ тѣ изъ лѣвыхъ, съ которыми можно будетъ сговориться помощью предварительныхъ сношеній. Въ сенатѣ пытались уже два ревностные монархиста для приведенія такого плана въ дѣйствіе; но Рикаръ понялъ разставленную ему ловушку, счелъ себя этимъ оскорбленнымъ и потому рѣшился поторопиться своею программою—не теряя болѣе времени.

14-го марта, эта программа была прочитана въ сенатѣ Дюфоромъ, а въ палатѣ депутатовъ—герцогомъ Деказомъ. Въ сенатѣ она была встрѣчена съ ледянымъ равнодушіемъ роялистами и бонапартистами и съ восторгомъ республиканцами (за исключеніемъ 5 или 6-ти человѣкъ) и конституціоналистами. Въ палатѣ депутатовъ, бонапартисты и роялисты встрѣтили рукоплесканіями фразу, находящуюся въ началѣ рѣчи и въ которой глухо говорится о «святыхъ законахъ религіи, нравственности и семьи», но они скоро раскаялись въ своемъ порывѣ, когда дѣло дошло до осужденія «рискованныхъ завоевательныхъ предпріятій, которыми прежнія правительства весьма часто злоупотребляли въ ущербъ чести и благосостоянія страны». Вообще, всѣхъ реакціонеровъ смутило указаніе программы на необходимость предоставленія одному государству права выдачи ученыхъ сте-

Digitized by Google

пеней и на измѣненія въ законѣ о мэрахъ, которыми правительство обязывается къ пересмотру въ республиканскомъ смыслѣ какъ закона о высшемъ образованіи, столь дорогаго ультрамонтанамъ, такъ и къ уничтоженію закона о назначеніи мэровъ—этой точки опоры оффиціальныхъ кандидатуръ.

Указаніе это, впрочемъ, было сдѣлано въ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что удовлетворило собою только депутатовъ лѣваго центра, которые стали шумно выражать свое одобреніе, особенно когда дѣло дошло до того мѣста программы, гдѣ говорилось, конечно, не объ удаленіи всею массою префектовъ борьбы, но объ уваженіи къ конституціоннымъ законамъ, котораго правительство требуетъ «отъ всѣхъ служащихъ, на всѣхъ ступеняхъ администраціи», и заявленіе, что оно не потерпитъ въ этомъ смыслѣ противодѣйствія «ни отъ кого, чья миссія—охранять эти учрежденія и исполнять ихъ».

Вообще, чтеніе всей министерской программы было холодно выслушано республиканцами, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ въ приступѣ къ ея изложенію, гдѣ говорилось опредѣленно, что «въ средѣ спокойной и трудящейся націи произошло великое событіе: учрежденіе республиканскаго образа правленія со всѣми гарантіями его могущества и продолжительности», на основаніи всеобщаго голосованія—«этого дѣйствительнаго выраженія народнаго самодержавія». Одна фраза этого приступа даже замѣчательно характерна, такъ какъ ею разрывается великая связь со всякими лазейками въ пользу монархизма, съ какими мы привыкли встрѣчаться во всѣхъ правительственныхъ заявленіяхъ съ 1871 года. Вотъ эта фраза: «Никакая власть не можетъ имѣть болѣе высокаго происхожденія въ современныхъ человѣческихъ обществахъ, и мы смѣло можемъ сказать, что у насъ еще никогда ни одно правительство не учреждалось болѣе законнымъ образомъ».

Благодаря такому категорическому признанію республики, при предложеніи оффиціальной кандидатуры Рикара въ пожизненные сенаторы, отъ республиканскихъ сенаторовъ была отнята возможность отстраниться отъ подачи за него своего голоса. Съ другой стороны, тѣмъ ярче опредѣлилась противъ этого выбора оппозиція бонапартистовъ и роялистовъ, которые выставили своимъ кандидатомъ Лессепса, безъ всякаго его на то желанія, послѣ того, какъ оказалось, что бонапартисты несогласны поддерживать кандидата, предложеннаго де-Брольи—генерала Шабо-Латура, слишкомъ усерднаго мак-магоніанца. При голосованіи 16-го марта, Лессепсъ получилъ всего на все 89 голосовъ, Рикаръ же прошелъ при 185 голосахъ, изъ которыхъ 149 принадлежали исключительно республиканцамъ, около 20 конституціонистамъ группы Одиффре, а остальные—монархистамъ, которые утверждали потомъ, что они были вынуждены такъ поступить, чтобъ избѣжать министерскаго кризиса и показать свое довѣріе къ Мак-Магону.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, благодаря такому голосованію, новое министерство узаконялось сенатомъ при пособіи республиканскаго большинства. Чтобы и съ своей стороны признать новый кабинетъ заслуживающимъ ихъ содѣйствія, республиканцы палаты депутатовъ стали только дожидаться перваго министерскаго распоряженія, которое подтвердило бы дѣйствительное осуществленіе республики, провозглашенной «наиболѣе законнымъ образомъ правленія». Прошло, однакоже, еще нѣсколько дней, а въ «Оффиціальномъ-Журналѣ», все-таки, не появлялось такъ долго ожидаемаго списка увольненій префектовъ «нравственнаго порядка»—этихъ бонапартистскихъ и клерикальныхъ пашей, ненавистныхъ управляемымъ ими населеніямъ. Никто изъ этихъ провинціальныхъ властителей, несмотря на то, что имъ не легко держаться на своихъ мѣстахъ, не рѣшился самъ отстраниться. Когда объ одномъ изъ нихъ, префектѣ департамента Мёрты-и-Мозеля, маркизѣ де-Шамбрёнѣ, появилось въ одной изъ газетъ извѣстіе, что онъ хочетъ выдти въ отставку, то онъ прислалъ въ нее *сообщеніе*, въ которомъ заключалась такая фраза: «конечно, меня всегда могутъ смѣстить помимо моего желанія, но я самъ добровольно никогда не оставлю поста, который занимаю, облеченный довѣріемъ маршала». Подобно де-Шамбрёну думаютъ и другіе префекты, никакъ неумѣющіе понять, что «нравственный порядокъ рѣшительно консервативной республики», водворенный во Франціи де-Брольи, кончился съ паденіемъ Бюффѐ! Едва-едва только нѣкоторые изъ назначенныхъ мэровъ въ большихъ городахъ рѣшились отказаться отъ исполненія своихъ муниципальныхъ обязанностей, которыя они, впрочемъ, несли безплатно. Масса чиновниковъ ждетъ, не подавая голоса, распоряженій свыше и продолжаетъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы никакихъ измѣненій въ правительствѣ не произошло. Жандармы продолжаютъ арестовывать мирныхъ гражданъ, которые подъ хмѣлькомъ затягиваютъ марсельезу или затѣваютъ закричать: да здравствуетъ республика! Полиція разгоняетъ банкеты, составляемые какими-нибудь 15-ю лицами! Крестьяне южныхъ провинцій, затѣявшіе садить снова «деревья свободы», срубленныя назадъ тому четыре года, съ удивленіемъ узнаютъ, что такое выраженіе радости все еще состоитъ подъ запрещеніемъ, а низшіе агенты занимаются попрежнему захватомъ въ мастерскихъ всякихъ республиканскихъ эмблемъ и бюстовъ республики, если на нихъ изображенъ фригійскій колпакъ или находится надпись: свобода, равенство и братство. Во многихъ мѣстахъ, въ ожиданіи особыхъ министерскихъ инструкцій, продолжаются преслѣдованія уличной продажи газетъ на основаніи іезуитскаго растолкованія новаго закона о печати Дюфора. Процессы печати продолжаются. «La République Française» присуждена къ штрафу въ 2,000 франковъ за оскорбленіе Бюффѐ, какъ министра, между тѣмъ какъ она говорила объ немъ, только какъ

Digitized by Google

о кандидатѣ въ депутаты. Исправительная полиція города Ссо приговорила къ трехмѣсячному аресту и уплатѣ тысячи франковъ молодаго редактора газеты «Les Droits de l'homme» за нѣсколько строкъ статейки объ амнистіи, гдѣ проводится мысль о необходимости ея распространенія не только на однихъ политическихъ преступниковъ, но и на осужденныхъ въ то же время и за обыкновенныя преступленія, такъ какъ члены военныхъ судовъ надъ коммунарами, не отличаясь ни юридическими знаніями, ни особенною гуманностью, могли какъ увлекаться, такъ и надѣлать немало всякихъ грубыхъ судебныхъ ошибокъ.

Вопросъ объ амнистіи имѣетъ за собою уже цѣлую исторію, начатую впервые радикалами версальскаго собранія въ 1871 году. Онъ нѣсколько разъ снова выдвигался на видъ и еще очень недавно, 20-го декабря 1875 года, онъ былъ снова поднятъ Альфредомъ Накэ съ четырьмя другими непримиримыми и былъ погребенъ собраніемъ по поводу его несвоевременности передъ общими выборами, какъ могущій вызвать на сцену борьбы партій грозный «красный призракъ». При послѣднихъ парижскихъ выборахъ онъ былъ признанъ обязательнымъ для новыхъ сенаторовъ и депутатовъ, объ немъ происходило немало толковъ на публичныхъ и частныхъ избирательныхъ собраніяхъ, такъ же, какъ и въ демократическихъ газетахъ. Предполагалось, что, съ открытіемъ палатъ, на первыхъ же ихъ засѣданіяхъ предложатъ амнистію: въ сенатѣ—Викторъ Гюго, въ палатѣ—Распайль. Распайль, по случаю своей рѣчи, въ качествѣ старѣйшаго депутата, счелъ возможнымъ, въ день открытія палаты, только намекнуть на необходимость амнистіи; Виктора же Гюго друзья его рѣшительно удержали отъ произнесенія объ ней рѣчи и уговорили его, прежде, чѣмъ рисковать на встрѣчу несочувствія въ неблагопріятной для нея сенатской средѣ, заручиться возможно бо̀льшимъ числомъ сторонниковъ изъ республиканской партіи сената и палаты для своей великодушной инициативы, поднять которую онъ имѣлъ полное право въ качествѣ великаго поэта, великаго гражданина, истиннаго республиканца и представителя Парижа. Оказалось, однакоже, что было бы гораздо лучше, еслибы Викторъ Гюго не послушался этихъ благоразумныхъ совѣтовъ. Очень можетъ быть, что его рѣчь и не привела бы къ положительнымъ результатамъ въ парламентскомъ смыслѣ этого слова, то-есть не вызвала бы немедленнаго голосованія, такъ какъ ея произнесеніе нарушило бы всѣ парламентскія формы, но зато его огненное слово, навѣрное, произвело бы значительное броженіе общественнаго мнѣнія и пробудило бы великодушный порывъ народнаго чувства. Теперь же вотъ что̀ произошло.

Когда, 12-го марта, были приглашены къ Виктору Гюго сенаторы и депутаты, чтобы сговориться съ нимъ и съ Распайлемъ на счетъ окончательной формы, способа и дня предложе-

Digitized by Google

нія полной и общей амнистіи, то къ нему собралась едва *десятая часть* республиканскихъ представителей. Мало того: и между собравшимися возникли препирательства какъ о своевременности, такъ и о самой возможности подобной амнистіи. Рѣшили, все-таки, въ ея пользу и назначили 18-е марта для представленія предложенія объ ней палатамъ. Но и тутъ была сдѣлана ошибка. Никто не обратилъ вниманія на то, что 18-е марта—какъ разъ годовщина провозглашенія коммуны. Бонапартистскіе и роялистскіе органы печати воспользовались этимъ и забили тревогу. Они стали объяснять своимъ читателямъ, что назначеніе 18-го марта было преднамѣренной бравадой съ цѣлью возвеличенія мятежа и апологіи коммунистскаго движенія. Вслѣдствіе этого, пришлось отложить предложеніе до 21-го марта, и въ этотъ день, и Викторъ Гюго, и Распайль—одинъ въ сенатѣ, другой въ палатѣ — прочли, какъ это было заранѣе условлено, предложеніе въ одинаковой редакціи, не прибавляя отъ себя ни одного слова. Вотъ самый текстъ этого предложенія:

«Нижеподписавшіеся, желающіе изгладить самый слѣдъ недавняго междоусобія, имѣютъ честь предложить проектъ слѣдующаго закона:

«Статья 1-я. Провозглашается амнистія, распространяющаяся на всѣхъ осужденныхъ за участіе въ событіяхъ марта, апрѣля и мая 1871 года. Всякія преслѣдованія за прикосновенность къ этимъ событіямъ прекращаются.

«Статья 2-я. Эта полная и общая амнистія распространяется на всѣ политическія преступленія и проступки печати, какъ и на всѣ осужденія по политическимъ дѣламъ, произведенныя со времени послѣдней амнистіи 1870 года».

Этотъ законо-проектъ былъ подписанъ только семью сенаторами (тремя изъ пожизненныхъ, двумя избранными Парижемъ, однимъ—Ліономъ и однимъ — Марселью) и двадцатью-девятью депутатами, изъ числа которыхъ десять представителей Парижа. Подпись Гамбетты отсутствовала. Хотя онъ, въ качествѣ парижскаго депутата, и былъ бы обязанъ признать и поддерживать требованія парижанъ, желающихъ, чтобы были изглажены послѣдніе слѣды самаго печальнаго и ужаснаго изъ новѣйшихъ междоусобій, но счелъ, что не въ правѣ этого сдѣлать въ своемъ положеніи главы республиканскаго большинства и пойти, такимъ образомъ, въ разрѣзъ съ мнѣніями своихъ провинціальныхъ единомышленниковъ. Послѣдніе же, какъ это потомъ объясняла «La République Française», хотятъ, чтобы нѣкоторымъ осужденнымъ было оказано помилованіе, но опасаются общей амнистіи, мотивируя свой взглядъ тѣмъ, что «общественное мнѣніе во многихъ мѣстностяхъ Франціи недостаточно просвѣщено, чтобы опровергнуть то смѣшеніе понятій между амнистіей и реабилитаціей, которое распространяютъ реакціонеры, и не испугаться возвращенія во Францію

Digitized by Google

всѣхъ предводителей коммуны, чѣмъ легко могутъ воспользоваться ретрограды для своихъ дѣйствій противъ республики».

Вслѣдъ за законопроектомъ объ общей амнистіи стали поступать и другія предложенія объ ней въ болѣе ограниченной формѣ, подписанныя именами весьма передовыхъ изъ департаментскихъ депутатовъ. Такъ, въ предложеніи, подписанномъ депутатомъ департамента Соны-и-Луары Марку, требовалась амнистія только для политическихъ *проступковъ*. Въ подписанной депутатомъ департамента Устьевъ Роны, Рувье, и другими предлагалось ея приложеніе только для увлеченныхъ въ движеніе, а не для коноводовъ возстанія. Депутатъ Лисбоннъ и другіе предлагали назначеніе при министерствѣ юстиціи особой комиссіи изъ 12 сенаторовъ и 20 депутатовъ, избранныхъ секретнымъ голосованіемъ, для пересмотра судебныхъ протоколовъ осужденныхъ, съ цѣлью отдѣленія политическихъ преступленій и проступковъ отъ преступленій по общему уголовному праву.

Чтеніе законопроекта Распайлемъ вызвало въ палатѣ цѣлую бурю. Поль де-Кассаньякъ закричалъ: «Прочитайте намъ имена подписавшихъ предложеніе! Мы узнаемъ тогда пантеонъ убійцъ!» На это съ другого конца залы послышался голосъ молодаго депутата Жоржа Перена, котораго знаменитый дуэлистъ Кассаньякъ никогда не рисковалъ еще вызывать на дуэль, зная, что онъ отлично владѣетъ шпагой: «Тѣ, кто принадлежитъ къ партіи 2-го декабря, должны быть снисходительны къ убійцамъ!»

Вслѣдъ за этимъ, выступаетъ на трибуну, въ первый еще разъ, и новый министръ внутреннихъ дѣлъ. Все смолкаетъ, хотя голосъ его настолько силенъ, что можетъ быть слышенъ даже при шумѣ. Послѣ первой же его фразы, правые дѣлаютъ ему такую овацію, какой не удостоивался еще никогда ни де-Брольи, ни Бюффѐ. «Правительство, сказалъ Рикаръ: — отвергаетъ внесенныя предложенія и будетъ оспаривать ихъ всѣ—какъ тѣ, которыя требуютъ общей амнистіи, такъ и тѣ, которыя ограничиваютъ ее по категоріямъ преступленій... Оно твердо рѣшилось уважать приговоры юстиціи и поддерживать спокойствіе, въ которомъ страна еще такъ нуждается... Допустить же, хотя бы даже на одну минуту, что виновные въ различныхъ преступленіяхъ коммунары—жертвы нашихъ гражданскихъ междоусобій, было бы безчестіемъ для страны. Подобныя предложенія производятъ тревоги и волненія. Поэтому, необходимо, чтобы обсужденіе этихъ предложеній было произведено въ наискорѣйшемъ времени, не теряя ни дня, ни часа времени».

Болѣе половины депутатовъ собранія какъ бы онѣмѣваютъ отъ изумленія. Только одни враги республики рукоплещутъ оратору, и новый министръ, возвращаясь на свое мѣсто, дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы избѣгнуть рукопожатій бонапарти-

Digitized by Google

стовъ, которые всѣ протягиваютъ ему свои руки. Онъ, очевидно, пристыженъ своимъ успѣхомъ и словами недовольства, вырывающимися у депутата Жермена Касса: «Пускай министерство переходитъ къ правымъ». Пользуясь случаемъ, министръ останавливается и торопится отвѣчать: «Оно не будетъ дѣйствовать вмѣстѣ ни съ бонапартистами, ни съ демагогами!» Послѣ этого, депутатъ Бриссонъ, подписавшій первымъ предложеніе объ амнистіи въ 1871 г., но имени котораго не стоитъ ни подъ однимъ изъ настоящихъ предложеній, начинаетъ оспаривать предложеніе министерства о неотложности обсуженія вопроса. Рикаръ снова начинаетъ говорить нѣсколько спокойнѣе прежняго и, очевидно, съ цѣлью не заслуживать болѣе рукоплесканій правыхъ. «Если я, говоритъ онъ:—рекомендую спокойствіе въ политикѣ, то, разумѣется, для того, чтобы, при его содѣйствіи, упрочилось республиканское устройство страны». Далѣе онъ объясняетъ, что, если «министерство и отвергаетъ амнистію, то оно нисколько не прочь отъ частныхъ помилованій преступниковъ и беретъ на себя ручательство за то, что президентъ республики воспользуется въ самомъ широкомъ смыслѣ «лучшимъ изъ своихъ правъ — правомъ милосердія», и съумѣетъ согласовать свои обязанности передъ страною съ обязанностями гуманности».

Центры довольны такимъ заявленіемъ, но ихъ членамъ принадлежитъ всего около 50 голосовъ, и, еслибы было приступлено тотчасъ же къ голосованію о неотложности, то или малѣйшее отстраненіе бонапартистовъ произвело бы паденіе кабинета, противъ котораго всталъ бы республиканскій союзъ, за исключеніемъ лѣваго центра, или, предположивъ коалицію противниковъ амнистіи, министерство удержалось бы, но уже благодаря новому большинству, на реакціонномъ основаніи. Тогда, по мысли Гамбетты, производится слѣдующій парламентскій манёвръ. Депутатъ Флокэ объявляетъ, что его друзья-радикалы не имѣютъ никакихъ основаній возставать противъ неотложности, если министерство не думаетъ придавать этой неотложности характера «презрѣнія къ предложенію». Если министерство хочетъ послѣдняго, пусть оно выскажется. Рикаръ молчитъ. Тогда депутатъ Алэнъ Таржэ, хотя и подписавшій предложеніе Распайля, вноситъ новое, подобное предложенію Пресансэ, то-есть объ освобожденіи тѣхъ изъ осужденныхъ, которые въ рядахъ коммуналистовъ не обладали чинами выше унтер-офицерскаго. Онъ требуетъ для своего предложенія неотложности для того, чтобы дѣло амнистіи не представляло такого вида, что имъ пожертвовано для спасенія изъ политическихъ затрудненій минуты. Благодаря такому манёвру, министерство, вмѣсто того, чтобы быть свергнутымъ, получило единодушную поддержку неотложности всѣми голосами палаты!

Въ сенатѣ, часомъ позднѣе, дѣло происходило несравненно проще. Виктора Гюго прослушали молчаливо, и только одинъ

Digitized by Google

голосъ напомнилъ объ убійствѣ заложниковъ. Совершенно обратно Рикару, Дюфоръ, обыкновенно грубоватый въ своихъ выраженіяхъ, произноситъ свою отвѣтную рѣчь съ необычною легкостью. Онъ сокрушается объ участи тѣхъ изъ осужденныхъ, «которые жалѣютъ о своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, въ какія были увлечены роковыми обстоятельствами.» Онъ обѣщаетъ милосердіе президента тѣмъ изъ нихъ, раскаяніе которыхъ можетъ быть доказано. Но онъ стоитъ противъ общей мѣры забвенія, которая распространилась бы и на такихъ коммунаровъ, которые и въ изгнаніи остаются отъявленными врагами общества, пишутъ статьи и книги, позорящія правительство, и способствуютъ проникновенію ихъ во Францію. Неотложность, на которую соглашаются и 7 сенаторовъ, подписавшихъ предложеніе, вотируется и принимается безо всякихъ дальнѣйшихъ преній.

Когда пренія эти возникаютъ черезъ два дня въ бюро сената, то они приводятъ только къ тому, что въ комиссію для обсужденія законопроекта назначаются 9 членовъ, настолько нерасположенныхъ къ амнистіи, что они выбираютъ своимъ предсѣдателемъ..... генерала Шангарнье!... Въ другую комиссію, комиссію палаты депутатовъ, назначенную 25-го и 27-го марта, входятъ одни республиканцы, но только два члена изъ подписавшихъ предложеніе. Повидимому, большинство этой комиссіи удовольствуется переходомъ къ очередному порядку, съ предоставленіемъ участи «заблуждающихся» «милосердію» главы государства, тогда какъ сенатская комиссія такой же очередной порядокъ подкрѣпитъ, вѣроятно, предоставленіемъ ихъ «твердости» правительства. Можетъ быть, впрочемъ, краткое предложеніе Аллэна-Тарже и примется во вниманіе. Отъ обсужденія предложенія Лисбонна комиссія отговаривается тѣмъ, что конституція предоставляетъ право помилованія одному только маршалу, хотя, при существованіи національнаго собранія, такое право и раздѣлялось имъ вмѣстѣ съ временнымъ президентомъ республики.

Такъ какъ, по вопросу объ амнистіи, отъ новыхъ палатъ нельзя положительно ничего ожидать серьёзнаго, то въ нѣкоторыхъ кружкахъ парижскихъ родилась мыслъ достигнуть облегченія участи осужденныхъ путемъ, такъ сказать, внѣпарламентскимъ. Дѣло въ томъ, что лица, въ средѣ которыхъ родилась эта мысль, хотятъ достигнуть возникновенія такой комиссіи, которая занялась бы составленіемъ именнаго списка такихъ дѣятелей коммуны, (убійцъ, поджигателей, воровъ, главныхъ предводителей движенія и начальниковъ федеральныхъ батальоновъ, революціонеровъ-космополитовъ, иностранныхъ эмиссаровъ, бонапартистскихъ, клерикальныхъ, и т. д.) на которыхъ не могло бы распространяться общее прощеніе.

Digitized by Google

IV.

Первыя измѣненія въ составѣ администраціи.—Возрожденіе лѣваго центра и умѣренной лѣвой.—Оппозиція Гамбетты противъ раздѣленія республиканскаго большинства.—Проектъ Ваддингтона и скорбь Дюпанлу.—Проектъ измѣненія въ бюджетѣ вѣроисповѣданій.—Провѣрка выборовъ въ Понтиви: де-Мёнъ и Гамбетта.—Слѣдствія, вызванныя провѣркою полномочій о продѣлкахъ клерикаловъ, бонапартистовъ и агентовъ оффиціальной кандидатуры.—Окончательное снятіе осаднаго положенія.—Концертъ русскихъ въ Парижѣ.

На слѣдующій же день послѣ засѣданія, на которомъ Рикаръ чуть не сдѣлался представителемъ реакціоннаго большинства, появился въ «Оффиціальномъ Журналѣ» первый списокъ префектовъ, смѣщеніе которыхъ такъ нетерпѣливо ожидалось всей Франціей послѣ паденія Бюффѐ. Вѣроятно, поведеніе министра относительно амнистіи способствовало тому, что Мак-Магонъ и его окружающіе вынуждены были въ административномъ вопросѣ сдѣлать ему, наконецъ, нѣкоторыя уступки. Многіе, по крайней мѣрѣ, склонны думать такъ, и, еслибы измѣненія въ составѣ администраціи, о которомъ заявлялось 22-го марта, были хотя сколько-нибудь значительны, то многіе изъ республиканцевъ съ охотою простили бы министру его образъ дѣйствій 21-го. Къ сожалѣнію, списокъ смѣщенныхъ и отставленныхъ префектовъ немногочисленъ: смѣщены окончательно только 13 человѣкъ, изъ самыхъ ярыхъ, терпѣть которыхъ было очевидно невозможно. Другіе 12 префектовъ, хотя всѣ они принадлежатъ къ такимъ партіямъ, отъ которыхъ нельзя ожидать положительно добровольнаго подчиненія республиканской конституціи, только перемѣщены съ однихъ префектуръ на другія: такъ, напр. знаменитый поклонникъ дон-Карлоса, легитимистъ Надалякъ, изъ департамента, пограничнаго съ Испаніей, переведенъ въ Туръ. Одинъ изъ подпрефектовъ неопредѣленныхъ политическихъ мнѣній назначенъ префектомъ. Восемь префектовъ, смѣщенныхъ послѣ паденія Тьера, но и при немъ ничѣмъ себя особенно не заявившихъ, снова назначены префектами. Новыхъ префектовъ назначено всего трое, извѣстныхъ только своимъ нерасположеніемъ къ бонапартизму.

Между префектами, сохранившими свои мѣста, весьма не мало такихъ, нахожденіе которыхъ въ составѣ администраціи можетъ служить прямымъ опровержаніемъ словъ министра о томъ, что правительство не потерпитъ такихъ исполнителей, которые будутъ противодѣйствовать республикѣ, вмѣсто того, чтобы служить ей. Такъ, напр. всѣхъ занималъ вопросъ, почему не отставленъ савойскій префектъ, роялистъ де-Фурнѐсъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ оффиціальной кандидатуры, и никто не могъ этого иначе объяснить, какъ тѣмъ, что префектъ этотъ—

Digitized by Google

двоюродный братъ Мак-Магона! Но вотъ за кулисами палатъ распространяется слухъ, что и подобную родственную протекцію Рикаръ надѣется побѣдить и, что если только республиканцы дадутъ ему время выдти изъ чрезвычайныхъ затрудненій настоящей минуты, то они будутъ вполнѣ удовлетворены какъ за свое терпѣніе, такъ и за медленность министра.

Такимъ образомъ, въ надеждѣ на новое и болѣе значительное въ демократическомъ смыслѣ измѣненіе въ персоналѣ администраціи, никто изъ радикальныхъ депутатовъ не дѣлаетъ въ палатѣ запроса о внутренней политикѣ министерства. Гамбетта не созываетъ третьяго обще-республиканскаго собранія, чтобы заявить на немъ о недостаточности министерскаго отвѣта на заявленія, сдѣланныя на двухъ первыхъ собраніяхъ этого рода. Но, по его почину, друзья его, въ числѣ около ста человѣкъ, поддерживаютъ въ палатѣ мысль, что *обстоятельства еще не выяснены на столько, чтобы республиканцы могли раздѣлиться въ палатѣ на группы*, такъ какъ интересы демократіи требуютъ еще, чтобы республиканское большинство составляло между собою тѣсный союзъ. Между тѣмъ, въ палатѣ ожидали, такъ какъ на предъидущей недѣлѣ снова возникли лѣвый центръ и умѣренная лѣвая, подобно тому, какъ это было въ версальскомъ собраніи, и новые ихъ предсѣдатели, гг. Бетмонъ и Жюль Ферри, уже произнесли свои рѣчи-программы, что возникнутъ и другія группы и бывшіе члены «республиканскаго союза» подъ именемъ радикаловъ отдѣлятся отъ непримиримыхъ. Такая комбинація весьма соотвѣтствовала бы планамъ Дюфора, опирающагося на нейтральное сенатское большинство, такъ какъ давала бы возможность отстранить сначала непримиримыхъ, а потомъ и радикаловъ отъ большинства, необходимаго министерству въ палатѣ депутатовъ, къ которому, такъ какъ демократы вынуждены были бы составить оппозицію, могли бы примкнуть нетолько конституціоналисты, но и правые, за исключеніемъ бонапартистовъ. Но, не раздѣляясь и не опредѣляясь, группа Гамбетты остается еще, такъ сказать, не подчиняющеюся никакимъ консервативнымъ соображеніямъ министерства. Многочисленность ея и единодушіе дѣлаютъ для него невозможнымъ обойтись безъ ея содѣйствія и мѣшаютъ также осуществленію плана Тьера, который, какъ говорятъ, потому предпочелъ остаться депутатомъ, хотя его голосъ въ сенатѣ былъ необходимъ для того, чтобы тамъ образовалось полное равенство между голосами республиканцевъ и голосами всѣхъ остальныхъ партій вмѣстѣ, чтобы достигнуть соглашенія консервативныхъ элементовъ на почвѣ буржуазно-консервативной республики по его идеямъ.

Друзья Тьера всѣ нападки демократовъ на него, какъ за предпочтеніе депутатства сенаторству, такъ и за упорное молчаніе, которое онъ хранитъ съ самаго открытія палаты, опровергаютъ тѣмъ, что «маленькій буржуа» обязывается именно такъ дѣйствовать въ виду возможности столкновенія палатъ съ

Digitized by Google

Мак-Магономъ, когда различныя затрудненія могутъ заставить Тьера сдѣлаться снова «необходимымъ человѣкомъ». Враги Гамбетты, какъ тѣ, которые обвиняютъ его за его значительную уступчивость, такъ и тѣ, которые сомнѣваются въ его парламентской ловкости въ успѣхѣ его манёвровъ, утверждаютъ, что подъ предлогомъ удержанія своей партіи отъ опредѣленной группировки—онъ замышляетъ диктатуру.

Предстоитъ ли намъ быть свидѣтелями антагонизма между Тьеромъ и Гамбеттою, до сихъ поръ, однако ничѣмъ не выражавшагося, или ихъ соглашеніе поможетъ и въ будущемъ разрѣшать такъ неожиданно парламентскія затрудненія, какъ было разрѣшено затрудненіе по поводу предложенія Рикаромъ неотложности для вопроса объ амнистіи — пока еще сказать трудно. И та, и другая гипотезы возможны. Которая изъ нихъ вѣрна—покажутъ будущія сессіи палаты депутатовъ; въ настоящей же, которая должна очень скоро прекратиться по случаю наступленія пасхальныхъ вакацій, нельзя опасаться никакихъ столкновеній и нельзя надѣяться ни на какія рѣшенія, которыми вполнѣ опредѣлилось бы конституціонное взаимодѣйствіе общественныхъ властей, такъ различающихся между собою по своему происхожденію, степени силы и мнѣніямъ, которыхъ они служатъ выраженіемъ. Пока можно только сказать, что измѣненіе во внутреннемъ управленіи страною, выразившееся хотя и весьма незначительными перемѣнами въ составѣ администраціи, получило въ правительственномъ смыслѣ нѣкоторую степень значенія, благодаря той тревогѣ, какую по ея поводу забила монархическая пресса, весьма озадаченная какъ всѣмъ происходившимъ, такъ и скандаломъ, произведеннымъ протестами отставленныхъ префектовъ. Такъ одинъ изъ нихъ, Паскаль, оканчиваетъ апологію своей служебной дѣятельности угрозами такого рода: «Я горжусь тѣмъ, что понесъ пораженіе во главѣ консерваторовъ Жиронды: настоящій опытъ, продолжительность котораго сомнительна, не разстроитъ до того консервативной партіи, чтобы, когда пробьетъ часъ, въ ней не осталось достаточно энергическихъ людей, которые побѣдятъ революцію и не позволятъ ей лишить маршала той попечительной власти, какою они его облекли». Мэръ и его помощникъ въ Монтелозонѣ заявили, что они никогда не стали бы дѣйствовать по направленію, указываемому тою политическою партіею, для низверженія которой во главѣ власти былъ поставленъ Макъ-Магонъ.

Эти скандалы заставили Рикара отвѣчать, но такимъ образомъ, чтобы мак-магоніанцы не могли въ его отвѣтахъ найти ничего такого, противъ чего они стали бы возражать. Для этого онъ, въ формѣ оффиціозной ноты, напечаталъ, черезъ посредство агентства Гаваса, такого рода телеграмму, что «способъ дѣйствій и выраженій нѣкоторыхъ чиновниковъ нисколько не помѣшаетъ ему заставить первенствовать тѣ принципы, ко-

Digitized by Google

торые онъ рѣшился внести во всѣ отрасли администраціи, за которую онъ отвѣтственъ». Съ другой стороны, онъ собралъ нѣсколькихъ префектовъ и другихъ чиновниковъ и обратился къ нимъ съ весьма характерными словами, которыя и были перепечатаны въ «Оффиціальномъ Журналѣ»: «Правительство, заявилъ онъ категорически:—твердо рѣшилось достигнуть торжества республики. Я вполнѣ увѣренъ, что вы нетолько станете ей усердно служить, но съумѣете и заставить всѣхъ полюбить ее». Одна изъ фразъ этого обращенія, въ которой Рикаръ придаетъ республикѣ эпитетъ благоразумной и въ высокой степени (éminemment) консервативной, подверглась жестокой критикѣ пессимистовъ изъ радикаловъ; но оптимисты находятъ, что министръ дѣлаетъ подобную «словесную уступку» маршалу и его камарильѣ собственно потому, чтобы не уступать на дѣлѣ ничего существеннаго.

За неимѣніемъ пока лучшаго, хорошо уже и то, что и въ правительственныхъ сферахъ, и въ великосвѣтскихъ салонахъ начинаетъ безпрестанно повторяться слово республика, которое недавно никто не соглашался произносить. Но появляются и другіе признаки времени и болѣе существенные, доказывающіе, что для Франціи наступаетъ періодъ прогресса. Такъ, министръ народнаго просвѣщенія Ваддингтонъ внесъ въ палату депутатовъ «отъ имени маршала Мак-Магона, президента республики», законопроектъ съ цѣлью измѣненій въ новомъ законѣ о высшемъ образованіи и предоставленія одному государству права выдачи степеней. Правда, что этимъ законопроектомъ предполагаются измѣненія только въ двухъ статьяхъ закона, но и этого было достаточно для того, чтобы вся черная интернаціональ, черезъ посредство Дюпанлу испустила горькій стонъ по поводу (говоря выраженіемъ самого Дюпанлу) «своего пораженія въ самое сердце» и стала кричать сотнями голосовъ, что «республика объявила войну церкви и религіи!»

Относительно этой, по крайней мѣрѣ, основной реформы спасенія народнаго образованія введеніемъ дѣйствительной свободы въ преподаваніе и подчиненія гражданскому законодательству секты и сектантовъ Syllabus'а новые депутаты рѣшились дѣйствовать энергически. Молодой, но уже извѣстный республиканскій ученый, Поль Бертъ, внесъ въ палату предложеніе, въ которомъ идетъ дѣло о такихъ мѣрахъ, благодаря которымъ, первоначальное образованіе будетъ вырвано изъ рукъ духовенства одновременно съ тѣмъ, что высшій офиціальный университетскій совѣтъ, какъ и совѣты департаментскіе, станутъ (по законопроекту Ваддингтона) на сторожѣ положительнаго преобразованія публичнаго преподаванія—средняго и высшаго. Депутатъ Барни внесъ предложеніе о свободѣ гражданскихъ курсовъ и чтеній. Затѣмъ нѣкоторые изъ депутатовъ приготовляютъ предложеніе о свободѣ гражданскихъ похоронъ. Кромѣ того, весьма значительная группа депутатовъ, подъ фирмою поправки къ закону

Digitized by Google

о бюджетѣ, собираются потребовать исключенія изъ него 55 милліоновъ, ассигнуемыхъ государствомъ на жалованье духовенству, т. е., другими словами, стремятся къ фактическому отдѣленію церкви отъ государства. Послѣдняя мысль, правда, еще не окончательно принята, такъ какъ многіе республиканцы считаютъ, что заявлять ее пока еще рано; но по этому броженію, которое происходитъ въ средѣ депутатовъ, уже становится очевидно, что палата 1876 года станетъ дѣйствовать совершенно на перекоръ версальскому собранію 1871—1875 годовъ.

Относительно клерикализма нельзя не видѣть, что ему приходится жутко, такъ какъ депутаты рѣшили объявить окончательную войну заговорщикамъ «Святаго Сердца», собиравшимся, какъ они хвастливо заявили, совершить «гражданскіе похороны всѣхъ принциповъ 89 года», компрометировавшимъ Францію передъ Германіей и всей остальной Европой и составлявшимъ «подъ видомъ благочестія» громадное и постоянное тайное политическое общество, вербовавшее и вооружавшее цѣлыя массы невѣжественнаго населенія и обращавшее ихъ въ фанатическихъ враговъ республики и свободы.

Первая парламентская буря разразилась 24-го марта, при повѣркѣ депутатскихъ полномочій. Дѣло шло о баллотировкѣ и перебаллотировкѣ въ общинѣ Понтивй, въ Нижней Бретани. Въ избирательномъ смыслѣ, дѣло это очень мало касалось республиканцевъ, такъ какъ на этихъ выборахъ происходила борьба между священникомъ-бонапартистомъ, аббатомъ Кадорэ, и его соперникомъ, «достойнымъ его», по остроумному выраженію Тамбетты, бывшимъ драгунскимъ капитаномъ, графомъ де-Мёномъ, изобрѣтателемъ и главнѣйшимъ ораторомъ католическихъ клубовъ работниковъ, легитимистомъ и, такъ сказать, рыцаремъ Syllabus'а и усерднѣйшимъ представителемъ іезуитскихъ интересовъ. Выбранъ былъ послѣдній, но политическое вмѣшательство въ эти выборы апостолическо-римскаго духовенства придало имъ весьма важное значеніе. Торжествомъ своимъ де-Мёнъ обязанъ непосредственному вмѣшательству въ его пользу ваннскаго епископа, который къ его услугамъ поставилъ, такъ сказать, на военное положеніе всѣхъ приходскихъ священниковъ, обязавъ ихъ произносить проповѣди о необходимости его выбора, и запрудилъ всѣ мѣстные журналы своими объ немъ заявленіями. Кромѣ того, самъ папа не былъ чуждъ избирательной агитаціи и, въ самый разгаръ ея, прислалъ де-Мёну орденъ за услуги его дѣлу церкви, въ качествѣ вѣрнѣйшаго ея сына и главнѣйшаго во Франціи выразителя истинныхъ стремленій католицизма. Когда депутатъ Бриссонъ, въ своемъ докладѣ о выборѣ де-Мёна, вывелъ всѣ эти продѣлки клерикаловъ на свѣжую воду, то де-Мёнъ хорошій ораторъ, хотя и не въ такой степени, какъ объ немъ прокричали его поклонники и соумышленники, не сталъ ничего опровергать, призналъ самые факты, но сталъ стараться ихъ оправдать. Онъ объявилъ, что никогда не мо-

Digitized by Google

жетъ допустить мысли, что на епископа можно смотрѣть, какъ на лицо, служащее государству, потому что онъ получаетъ отъ него значительное жалованье. По его мнѣнію, представитель высшаго духовенства, въ качествѣ «выразителя религіозной правды», съ той минуты, какъ въ сознаніи своемъ рѣшилъ, что, по долгу своему, обязанъ вмѣшаться въ выборную агитацію или и во всякое другое политическое и гражданское дѣло» *имѣетъ уже тѣмъ самымъ на это право.*

На защиту де-Мёна ополчился и другой депутатъ, выборъ котораго также подлежитъ спору, потому что произошелъ подъ давленіемъ бельфорскаго духовенства, Келлеръ, и сталъ подсмѣиваться надъ призракомъ, по его мнѣнію, клерикальной конспираціи, которая — нечто иное, какъ фантастическій «кошемаръ, смущающій, въ теченіи шестидесяти послѣднихъ лѣтъ, больныя или близкія къ своему паденію правительства». Онъ пытался быть остроумнымъ, но оказался только безтактнымъ, когда рѣшился повторить извѣстную клевету, что «французскіе противники духовенства — нечто иное, какъ друзья Германіи». Онъ былъ тотчасъ остановленъ Гамбеттой, который безпощадно его отдѣлалъ, въ то же время, какъ въ ироническихъ похвалахъ привѣтствовалъ «признаки дарованія» въ молодомъ де-Мёнѣ, которому онъ предсказалъ, что со временемъ изъ него выработается «новый Монталамберъ». Рѣчь Гамбетты произвела значительный эффектъ и пріобрѣла сторонниковъ къ высказаннымъ въ ней мнѣніямъ даже въ средѣ лѣваго центра между такими его членами, которые въ національномъ собраніи по религіознымъ вопросамъ вотировали постоянно вмѣстѣ съ правыми, когда ораторъ весьма тонко очертилъ положеніе вопроса. «Дѣло здѣсь идетъ не о томъ, сказалъ онъ:—чтобы нападать на духовенство или бороться съ нимъ, а въ томъ, чтобы освободить самихъ французскихъ кюрѐ отъ тяготѣющаго надъ ними деспотизма и гнёта Ватикана, чтобы предохранить проповѣдническую каѳедру отъ обращенія ее въ политическую трибуну и воспрепятствовать тому, чтобы въ духовныхъ лицахъ разгорались политическія страсти въ ущербъ свободѣ выборовъ». «Надобно достигнуть того, воскликнулъ онъ среди рукоплесканій, по крайней мѣрѣ, двухъ третей депутатовъ:—чтобы духовенство, имѣющее неотъемлемое право на всеобщее уваженіе, вполнѣ сознало, что для того, чтобы его заслуживать и сохранять за собой, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не подвергать себя тѣмъ насиліямъ и притѣсненіямъ, которыхъ оно опасается—совершенно, впрочемъ, напрасно, такъ какъ ничего подобнаго оно не увидитъ - оно должно само озаботиться исполненіемъ одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей, прямого своего долга—жить въ средѣ современнаго общества въ качествѣ агента соглашенія и умиротворенія». Изъ числа 476 голосовъ палаты, несмотря на все великодушіе самоотверженія бонапартистовъ, забывшихъ, что въ лицѣ аббата Кадорэ были они сами поражены—де-Мёнъ могъ получить въ пользу утвержденія своего

Digitized by Google

избранія всего только 169. Большинствомъ 307, назначено слѣдствіе, и, такъ какъ въ комиссію по его поводу избраны одни свободные мыслители, то результатомъ его можно ожидать полнѣйшее разоблаченіе всѣхъ пружинъ клерикальной конспираціи, затѣянной пять лѣтъ тому назадъ и которая успѣла бы окончательно погубить Францію, еслибы правительство «нравственнаго порядка» продолжало еще на нѣкоторое время оставаться въ рукахъ іезуитовъ. Доказательствомъ важности значенія этого вполнѣ мирнаго начала свѣтской революціи можетъ служить паника, охватившая клерикаловъ. Епископы по всей странѣ торопятся устроивать между собою съѣзды подъ предлогомъ обсужденія вопросовъ о высшемъ образованіи. Въ монастыряхъ, конгрегаціяхъ, благочестивыхъ комититетахъ и клубахъ происходитъ общая суматоха и поспѣшное уничтоженіе различныхъ компрометирующихъ документовъ. Но увы! имъ не такъ легко будетъ уничтожить печатныя свои заявленія, которыми они значительно злоупотребляли въ то недавнее время, когда одни клерикалы могли свободно нарушать всѣ законы, направленные противъ права сходокъ и ассоціацій! Республиканская печать, которая такъ долго была осуждена на молчаніе, съ своей стороны начинаетъ нѣчто въ родѣ слѣдствія, опубликовавъ статуты, циркуляры и протоколы «Тайнаго общества царя Іисуса», основаннаго карлистами сначала для помощи и обратившагося впослѣдствіи въ избирательное и лозунгомъ котораго было: «Тронъ и алтарь, Богъ и король». Другія слѣдствія, назначенныя палатою, при повѣркѣ «полномочій, по поводу слишкомъ очевидныхъ продѣлокъ администраціи, выяснятъ намъ во всей ея красотѣ систему оффиціальныхъ кандидатуръ. Тѣ изъ нихъ, въ которыхъ замѣшаны бонапартисты», дадутъ въ результатѣ то, чего не могли достигнуть ни полицейскій префектъ Рено своимъ изслѣдованіемъ, ни Савари своимъ докладомъ—т. е., что комитеты призыва къ народу, замышляющіе реставрацію Наполеона IV, будутъ, наконецъ, подвергнуты преслѣдованію и вынуждены къ закрытію.

Провѣрка полномочій въ палатѣ все еще не окончилась, хотя тянется уже чуть не цѣлый мѣсяцъ. Республиканская партія, пользуясь своимъ большинствомъ, имѣла бы полное право дѣйствовать гораздо круче, чѣмъ дѣйствуетъ, что̀ бы ни кричали противъ нея легитимисты и бонапартисты. Такъ, она могла бы оставить относительно бонапартистовъ всякія церемоніи и не признавать выбора ни одного изъ нихъ. Для этого ей надобно было только предварительно, въ видахъ доведенія до конца дѣла, начатаго національнымъ собраніемъ въ 1871 году, т. е. провозглашенія низложенія имперіи, назначить слѣдствіе надъ всѣми участниками и сообщниками покушенія 2-го декабря и объявленія безумной войны Пруссіи. Но республиканцы, для поддержанія, конечно, достоинства и нравственнаго значенія системы всеобщаго голосованія, ограничились только непризнаніемъ нѣсколькихъ имперіалистскихъ выборовъ и назначеніемъ нѣсколькихъ

Digitized by Google

слѣдствій, въ видахъ полнаго обличенія преступныхъ продѣлокъ партіи, представляющей собою цвѣтъ злѣйшихъ враговъ республики и страны.

Палата, такимъ образомъ, успѣла пока издать всего на все одинъ законъ политическаго значенія, противъ котораго, впрочемъ, никто—ни правительство, ни меньшинство—не протестовало и который прошелъ безъ всякихъ преній. Законъ этотъ, опубликованіе котораго замедлилось на недѣлю, въ теченіе которой онъ, безъ сомнѣнія, будетъ принятъ сенатомъ—о снятіи осаднаго положенія, долженствовавшаго продлиться въ департаментахъ Сены, Сены-и-Уазы, Роны и Устьевъ Роны, по рѣшенію національнаго собранія, до 1-го мая. Такимъ образомъ, теперь во всей Франціи не остается уже болѣе ни одного пункта территоріи, надъ которымъ таготѣло бы остріе сабли, выдернутой изъ ноженъ въ августѣ 1870 года. Граждане не будутъ уже болѣе судиться военнымъ судомъ. Личная свобода, неприкосновенность жилищъ, свобода сходокъ и печати, которымъ предстоитъ еще свергнуть съ себя путы, какими ухитрились ихъ скрутить легисты второй имперіи, изъяты, по крайней мѣрѣ, отъ грубости солдатскаго произвола.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ говорить ни о какихъ общественныхъ, музыкальныхъ и театральныхъ новостяхъ, которыя я и отлагаю до слѣдующаго мѣсяца; но, въ качествѣ корреспондента русскаго журнала, не могу умолчать объ одномъ явленіи, для васъ не безъинтересномъ. Въ нашу общественную жизнь все болѣе и болѣе вливается русскій элементъ. Мы все болѣе и болѣе знакомимся съ русскою литературою и искуствомъ. Объ литературѣ вскользь не считаю себя вправѣ говорить, но мы постоянно знакомимся въ газетныхъ переводахъ съ лучшими изъ русскихъ бельлетристическихъ произведеній. Теперь настала очередь графа Л. Н. Толстаго. «Temps» напечаталъ недавно его «Два гусара», а теперь печатаетъ «Севастопольскіе очерки». Русская музыка въ Парижѣ уже получила полное право гражданства, благодаря гг. Рубинштейну, Давыдову и г-жѣ Есиповой. За самое послѣднее время у насъ гостилъ г. Рубинштейнъ, показывался скрипачъ Галкинъ и назначены концерты г. Венявскаго и г-жи Энгалычевой (ангажированной въ Лирическій Театръ подъ именемъ г-жи Энгалли). Кромѣ того, происходилъ концертъ молодой русской піанистки съ серьёзнымъ дарованіемъ—г-жи Блиновой.

Людовикъ.

Парижъ, 1 апрѣля 1876 г.

Digitized by Google

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г.

и

ОТЧЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

III.

Въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Записокъ» я разсмотрѣлъ три наиболѣе важныя статьи государственнаго дохода, которыя по государственной росписи предположены въ количествѣ 322 мил. и по отношенію къ общей суммѣ дохода составляютъ 60%. Всѣ остальныя статьи, взятыя вмѣстѣ, приносятъ доходъ въ 212 мил. руб., изъ которыхъ около третьей части доставляетъ таможенный доходъ. Всѣ разсмотрѣнныя нами статьи дохода разнесены въ отчетѣ государственнаго контроля по 20-ти статьямъ, тогда какъ меньшая сумма въ 212 мил. распредѣляется по 459-ти статьямъ, не считая мелкихъ подраздѣленій этихъ статей; если же прибавить и эти подраздѣленія, то выйдетъ 573 статьи. Я никакъ не могу понять, для чего необходимо вводить подобную дробную номенклатуру въ нашихъ сметахъ и отчетахъ, затруднять бухгалтерію всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ казначействъ, а равно центральныхъ органовъ управленія, вслѣдствіе чего требуется значительное усиленіе штатовъ бухгалтерій. Мнѣ кажется, что наша роспись государственныхъ доходовъ нисколько бы не потеряла своей ясности, еслибы ее вести приблизительно въ той формѣ, къ какой сводитъ государственный контроль всѣ государственные доходы, для сравнительной вѣдомости, помѣщаемой въ объяснительной запискѣ къ отчету. Въ этой вѣдомости слѣдовало бы только раздѣлить нѣкоторыя болѣе важныя статьи дохода. Насколько бы уменьшилось труда для веденія этой массы счетовъ, вслѣдствіе такого упрощенія дѣла! Замѣчательно одно обстоятельство, что, несмотря на эту дробность счетоводства, мы не находимъ весьма существенныхъ данныхъ. Такъ, напримѣръ, налогъ на право торговли и промысловъ показывается въ отчетахъ государственнаго контроля одною общею цифрою, безъ раздѣленія на суммы, доставленныя сборомъ съ гильдейскихъ, промысловыхъ, прикащичьихъ и мѣщанскихъ свидѣтельствъ; между тѣмъ какъ цифры эти, съ ука-

Digitized by Google

заніемъ числа свидѣтельствъ каждой категоріи, могли бы служить данными для пересмотра постановленій, сюда относящихся. Мнѣ скажутъ, что министерство финансовъ, конечно, имѣетъ эти данныя. Я не буду спорить противъ этого, но не могу не усомниться въ точности этихъ данныхъ, такъ какъ они остаются безъ провѣрки и государственный контроль ихъ не имѣетъ. Но, допуская даже, что эти данныя вѣрны, все же они остаются неизвѣстными для публики и, при обсужденіи вопроса о правильности обложенія торговли, лишаютъ возможности принять въ соображеніе взаимное отношеніе суммъ, поступающихъ по каждому роду этихъ свидѣтельствъ. Разсматривая смету департамента торговли и мануфактуръ, мы видимъ, что всѣ остальныя статьи доходовъ этого департамента, едва достигающія 100 тысячъ рублей, подраздѣлены на четыре §§ и на 11 статей, тогда какъ пошлины за право торговли и промысловъ, доставившія въ 1874 году болѣе 12-ти мил. рублей, соединены въ одну статью безъ всякихъ подраздѣленій; между тѣмъ, мнѣ бы казалось, что такая ничтожная сумма, какъ 100 тысячъ, могла быть, безъ всякихъ неудобствъ, соединена въ одну статью, подъ названіемъ разныхъ доходовъ, и гораздо полезнѣе было бы раздѣлить сумму въ 12 милліоновъ по роду свидѣтельствъ, за которыя она поступила. Такое дѣленіе важно именно потому, что нашъ налогъ на торговлю далеко не исчерпанъ, и, если признается полезнымъ обнародованіе оффиціальныхъ свѣдѣній, то гораздо было бы цѣлесообразнѣе сообщать такія свѣдѣнія, которыя могутъ быть разработываемы и служить данными для какихъ-либо выводовъ. Цифры, сколько и какихъ продано свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ, гораздо полезнѣе цифръ штрафныхъ денегъ по суконной операціи или за нарушеніе правилъ торговаго мореплаванія. То же можно сказать и о патентномъ сборѣ за выдѣлку и продажу питей, такъ какъ было бы небезполезно знать отдѣльныя цифры получаемыхъ сборовъ съ винокуренныхъ заводовъ, складовъ, роспивочныхъ питейныхъ заведеній и штофныхъ лавокъ и, во всякомъ случаѣ, полезнѣе, чѣмъ цифру сбора за нарушеніе постановленій о питейномъ сборѣ или цифру другого сбора за повѣрку частныхъ спиртомѣровъ. И такъ, несмотря на значительныя подробности нашей росписи, мы все-таки не находимъ въ ней весьма важныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для правильныхъ выводовъ и заключеній.

Мы сказали, что, за исключеніемъ 322 мил. дохода по статьямъ, уже разсмотрѣннымъ нами, остальной доходъ въ 212 мил. распредѣляется по 459-ти статьямъ сметы. Такой порядокъ существовалъ въ дѣйствительности до 1875 года. За соединеніемъ же государственнаго земскаго сбора съ прочими доходами и за уничтоженіемъ статей, которыми опредѣлялось пособіе государственному казначейству изъ этого сбора, число статей доходной росписи должно отчасти сократиться, но, во всякомъ случаѣ,

Digitized by Google

оно остается еще очень велико, и читатель, конечно, не можетъ ожидать, чтобы я могъ войти въ разсмотрѣніе значительной ихъ части. Мнѣ кажется, что я вполнѣ удовлетворю его любопытство, если ограничусь разборомъ главныхъ доходныхъ статей, къ которымъ и отношу: акцизы на предметы потребленія, таможенныя пошлины съ привозныхъ товаровъ, доходы съ государственныхъ имуществъ, т. е. оброчныхъ статей и лѣсовъ, и, наконецъ, доходы съ желѣзныхъ дорогъ.

Изъ числа нашихъ доходовъ съ потребленія особеннаго вниманія заслуживаетъ налогъ на соль, въ виду того обстоятельства, что соль относится къ предметамъ первой необходимости и потребленіе ея въ извѣстномъ количествѣ каждымъ живущимъ организмомъ составляетъ необходимое гигіеническое условіе, нарушеніе котораго влечетъ за собой самыя вредныя и печальныя послѣдствія. Это важное повсюду гигіеническое условіе въ нашемъ отечествѣ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, потому что нашъ рабочій классъ употребляетъ преимущественно растительную пищу, которая переваривается гораздо труднѣе и требуетъ для ея разложенія хлористыхъ соединеній, поступающихъ въ организмъ преимущественно изъ поваренной соли, употребляемой какъ примѣсь къ пищѣ. Одно то обстоятельство, что нетолько вкусъ людей, но и вкусъ животныхъ ощущаетъ безусловную потребность этой примѣси и, въ этомъ отношеніи, не существовало не существуетъ и не можетъ существовать никакихъ исключеній, уже должно бы указать на ту роль, которую играетъ этотъ продуктъ въ организмѣ животныхъ, и убѣдить людей въ безусловномъ вредѣ всякаго ограниченія его потребленія, и, напротивъ, въ необходимости такихъ мѣропріятій, которыя могли бы сдѣлать его наиболѣе доступнымъ для всѣхъ и каждаго. Химическія изслѣдованія человѣческой крови уже давно показали, что поваренная соль составляетъ одну изъ важныхъ составныхъ ея частей, что она препятствуетъ ея сгущенію и застою въ сосудахъ и, наконецъ, что количество ея въ крови составляетъ $^1/_{200}$ часть. Недостатокъ въ крови поваренной соли порождаетъ весьма сильныя и опасныя болѣзни и, главное, дѣлаетъ организмъ очень воспріимчивымъ въ случаяхъ эпидемій. Всѣмъ извѣстно послѣдствіе недостатка въ крови желѣза; онъ порождаетъ блѣдную немочь и упадокъ физическихъ силъ, а между тѣмъ, желѣзо, составляя $^1/_{250}$ часть крови, очевидно, играетъ менѣе важную роль въ составѣ крови. Если послѣдствія этого недостатка для насъ замѣтны, то это потому только, что онъ порождаетъ спеціальную болѣзнь, тогда какъ недостатокъ поваренной соли въ крови порождаетъ разныя болѣзни и, въ особенности вреденъ при эпидемическомъ ихъ характерѣ. Несмотря, однакоже, на все это значеніе соли въ экономіи организма, несмотря на то обстоятельство, что природа, какъ бы подсказывая человѣку его необходимыя потребности, разсыпала этотъ продуктъ на земной поверхности съ особенной щедростью,

Digitized by Google

при которой оставалось только наклониться и взять его, люди нашли возможнымъ затруднить удовлетвореніе подобной потребности всего животнаго царства, сдѣлавъ этотъ продуктъ довольно цѣннымъ. Лучше сказать, что это самое свойство продукта и его необходимость для человѣка и послужило основаніемъ для того, чтобы обложить его налогомъ, и, такимъ образомъ, достигнуть такого положенія, при которомъ ни одинъ человѣкъ не въ состояніи избѣгнуть платежа. Съ фискальной точки зрѣнія, конечно, подобный взглядъ можетъ быть отчасти оправданъ, но только въ томъ случаѣ, еслибы онъ не вызывалъ другихъ вредныхъ послѣдствій. Но, дѣло въ томъ, что обложеніе подобнаго необходимаго продукта не можетъ быть установлено въ такихъ размѣрахъ, чтобы доставлять государству значительный доходъ, не вызывая тѣмъ воздержанія отъ потребленія соли и увеличенія смертности въ населеніи, а умѣренное обложеніе не оправдываетъ тѣхъ стѣсненій, которыя оно наноситъ торговлѣ этимъ продуктомъ и развитію хозяйственной дѣятельности человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, при взглядѣ на нашу цифру обложенія соли, мы не можемъ сказать, чтобы она была низка: соль платитъ 1 коп. съ пуда за право ея добыванія изъ источниковъ и 30 коп. акциза. Если принять въ соображеніе, что на нашихъ соляныхъ озерахъ стоимость соли въ буграхъ не превышаетъ 2½ коп. за пудъ, а, при добываніи ея изъ рудниковъ, и еще дешевле, то, конечно, придется замѣтить, что она обложена довольно высоко, такъ какъ обложеніе въ 30 коп. составляетъ 1,200% на стоимость продукта. А между тѣмъ, какой же доходъ доставляетъ этотъ налогъ государству? Возьмемъ цифры отчетовъ государственнаго контроля съ 1866 по 1874 годъ включительно и посмотримъ, что онѣ намъ скажутъ.

Годы.	Акцизъ.	Казенная продажа соли.	Попудная плата за право добычи.	Итого.
1866	6.494,281	3.996,275	154,109	10.644,665 [1])
1867	6.756,473	4.655,483	162,690	11.574,646
1868	6.552,295	4.029,101	156,598	10 737,994
1869	5.590,245	3.628,932	464,995	9.684,172
1870	8.210,661	3.457,554	230,287	11.898,502
1871	8.692,745	3.710,646	168,084	12,571,475
1872	9.012,582	3.655,103	243,614	12.911,299
1873	9.790,945	1.316,802	326,175	11.433,922
1874	9.792,037	1.448,709	334,564	11.575,310
средняя за 9 лѣтъ	7.876,918	8.322,067	249,013	11.336,887
средняя за три послѣдніе года .	9.531,855	2.140,205	301,231	11.973,570

Изъ этихъ послѣднихъ цифръ читатель прямо можетъ выве-

[1] Остальныхъ статей этого параграфа, какъ не имѣющихъ никакого отношенія къ налогу, я не беру въ расчетъ.

Digitized by Google

сти заключеніе, какъ незначителенъ поступающій въ казну доходъ съ соли. Цифру дохода, поступающаго отъ продажи казенной соли далеко нельзя считать чистымъ доходомъ, такъ какъ изъ нея слѣдуетъ исключить операціонные расходы по добыванію, развозкѣ и храненію соли, которые, за трехлѣтіе, предшествующее 1874 году, простираются въ среднемъ выводѣ до 1.315,035 руб. Если до 1872 включительно и поступалъ значительный доходъ отъ продажи казенной соли, то это только потому, что въ прежніе годы происходила значительная заготовка, которая была постепенно распродаваема. Само собою разумѣется, что и расходы прежняго времени были гораздо значительнѣе и что оставить эту операцію пришлось потому, что она была крайне для казны невыгодна. Такъ какъ цифры дохода за послѣдніе два года очень не многимъ превышаютъ означенную цифру расхода, то на будущее время можно расчитывать только на цифру акциза и попудной платы. Сумма же этихъ доходовъ не достигаетъ за послѣднее трехлѣтіе и десяти мил. рублей, а за вычетомъ издержекъ взиманія, (которыхъ въ настоящее время нельзя опредѣлить на основаніи отчетовъ государственнаго контроля, за слитіемъ ихъ вообще съ расходами по акцизному вѣдомству) чистый доходъ можно считать не болѣе 8½ мил. рублей.

О вредѣ этого налога не разъ высказывалась наша печать, не разъ и земства разныхъ губерній ходатайствовали объ отмѣнѣ его и министерство финансовъ на эти ходатайства постоянно отвѣчало въ прежнее время, что положеніе государственнаго казначейства не позволяетъ и думать объ уничтоженіи налога. Но вотъ, повидимому, наступили другія времена. Государственный контроль, представляя государственному совѣту свой отчетъ, указываетъ на положительный остатокъ по сметѣ 1874 года въ 15 мил. рублей, остающійся безъ всякаго назначенія. Неужели можно и теперь сказать, что государственное казначейство находится въ такомъ положеніи, которое не позволяетъ и думать объ отмѣнѣ этого налога? Что̀ касается моего личнаго мнѣнія, то я не могу и представить себѣ такого печальнаго положенія дѣлъ, которое могло бы помѣшать отмѣнѣ налога, парализующаго исправное поступленіе другихъ доходовъ. Между тѣмъ, уменьшеніе другихъ доходовъ, вслѣдствіе стѣсненій хозяйственной дѣятельности человѣка посредствомъ налога на соль, есть фактъ положительный. Кромѣ того, я убѣжденъ, что отмѣна подобнаго налога не можетъ нисколько уменьшить государственнаго дохода, который явится въ другихъ статьяхъ и въ экономіи расходовъ, такъ какъ не нужно будетъ тратиться на издержки взиманія. Я говорю это не голословно, а на основаніи неопровержимыхъ доводовъ, которые и постараюсь представить читателю при дальнѣйшемъ изложеніи моихъ соображеній. Но положимъ, что на первое время доходъ казны дѣйствительно понизится. Что̀-жь изъ этого? Неужели можно останавливаться передъ этимъ неудобствомъ въ виду того вреда, который прино-

Digitized by Google

ситъ налогъ нетолько гигіеническимъ условіямъ народной жизни, но и цѣлому строю экономическихъ интересовъ, въ особенности, когда имѣются въ виду запасныя средства въ 15 мил. руб., не считая тѣхъ средствъ, которыя остаются въ военномъ министерствѣ отъ выкупныхъ рекрутскихъ суммъ, представляющихъ почтенную цифру въ 28 мил. рублей серебромъ. Позволю себѣ спросить каждаго понимающаго дѣло читателя: возможно ли сдѣлать болѣе производительное употребленіе этихъ средствъ, если покрыть ими пробѣлъ въ государственномъ бюджетѣ, который могъ бы оказаться вслѣдствіе отмѣны налога на соль? Смѣло и положа руку на сердце отвѣчаю на этотъ вопросъ отрицательно. Если считается возможнымъ строить желѣзныя дороги, которыя могутъ приносить извѣстный процентъ только по истеченіи извѣстнаго періода времени, то какъ же можно останавливаться передъ затратою какихъ-нибудь 8½ милліоновъ рублей, когда они нетолько должны возвратиться въ государственное казначейство на слѣдующій же годъ, но и дать толчокъ развитію народнаго хозяйства!

Прежде всего скажемъ, что всякій налогъ монополизируетъ предметъ, который имъ обложенъ, и возвышаетъ цѣну послѣдняго гораздо болѣе, чѣмъ на цифру налога и съ отмѣною его цѣны на предметъ обложенія упадаютъ на сумму гораздо бо̀льшую, чѣмъ цифра налога, и, слѣдовательно, въ рукахъ плательщика остается сумма гораздо бо̀льшая, чѣмъ какую получаетъ государственное казначейство. Посмотримъ же, насколько налогъ на соль возвышаетъ цѣну этого продукта. Возьмемъ наиболѣе невыгодныя условія доставки, напримѣръ, съ Элтона, отстоящаго отъ водяного пути на 120 верстъ. Мы сказали, что на соленыхъ озерахъ соль обходится не свыше 2½ коп. со всѣми расходами. Считая провозъ до Волги, въ среднемъ выводѣ по 6 коп., доставку до Саратова въ 2 коп., затѣмъ доставку въ Москву, какъ центральный пунктъ Россіи—16 коп., и того соль съ доставкой въ Москву обойдется не дороже 26½ коп., прибавьте барышъ торговца въ 3½ коп., что̀ составитъ болѣе 13½ процентовъ, и соль должна бы продаваться въ Москвѣ по 30, много по 35 коп., но она продается не менѣе 80 и 90 коп.; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Россіи цѣна ея доходитъ до 1 руб., т. е. налогъ возвышаетъ ея цѣну не на 30, а на 50 — 65 коп., вслѣдствіе чего половина суммы, платимой народомъ, остается въ рукахъ торговцевъ. Но замѣтьте, читатель, что мы не принимаемъ въ разсчетъ воды, которую каждый мелочной торговецъ вливаетъ въ соль для увеличенія ея вѣса. По отчету государственнаго контроля за 1873 годъ оплачено акцизомъ у насъ соли около 32 мил. пудовъ, и по ежегоднику министерства финансовъ ввезено изъ заграницы въ томъ же 1873 году 12 мил., такъ что общее количество потребленной соли будетъ сорокъ четыре милліона, стоимостію, въ среднемъ выводѣ, не менѣе 90 коп., а такъ какъ средній выводъ стоимости соли не превышаетъ 30 коп.,

Digitized by Google

то народъ платитъ излишне болѣе 26½ мил., изъ которыхъ правительство получаетъ въ видѣ акциза только 8½ и въ видѣ таможенной пошлины 3½ мил., итого 12 мил., стало быть, монополизація соли обходится въ 14½ мил. руб., не считая воды, за которую народъ также платитъ деньги и которая по мѐньшей мѣрѣ составляетъ 10 процентовъ всего количества потребленной соли, и стòитъ народу также не менѣе, чѣмъ 4 милліона рублей. Такимъ образомъ, еслибы налогъ съ соли былъ отмѣненъ, то у потребителей осталось бы нетолько 12 мил. рублей, полученныхъ казной, но, кромѣ того, 18½ мил., полученныхъ торговцами. Само собою разумѣется, что сохраненіе 30 мил. рублей въ рукахъ плательщиковъ не могло бы не отразиться на лучшемъ поступленіи какъ окладныхъ сборовъ, такъ и виннаго налога. Съ увѣренностію можно сказать, что болѣе половины этихъ денегъ не миновали бы казначейства, и, слѣдовательно, государственный доходъ не уменьшился бы нисколько, а напротивъ, увеличился бы значительно. Въ Англіи, напримѣръ (См. «Современникъ» 1866 года, статья г. Черняева), винный налогъ, съ уничтоженіемъ налога на соль, въ 1826 году удвоился; но у насъ, еслибъ онъ увеличился только на 5%, то и тогда отмѣна налога на соль не была бы замѣтна. Кромѣ того, въ настоящее время въ Россію ввозится до 12. мил пудовъ иностранной соли, чтò становится возможнымъ только потому, что у насъ цѣна на соль, за исключеніемъ акциза, все-таки не ниже 60 коп. за пудъ; но, при отсутствіи налога, такая цѣна была бы немыслима, и даже здѣсь въ Петербургѣ она не могла бы стоять выше 40—45 коп.; тогда привозъ заграничной соли былъ бы немыслимъ, а, вслѣдствіе подобной перемѣны, Россія сохранила бы ежегодно капиталъ, по крайней мѣрѣ, въ 6 милл. рублей серебромъ. Вотъ, гг. протекціонисты, на чтò бы слѣдовало вамъ обратить вниманіе: подобныя мѣры, конечно, могли бы способствовать уравновѣшенію нашего торговаго баланса безъ всякихъ пожертвованій со стороны Россіи на борьбу съ дурными условіями производства; мало этого: тогда соль могла бы сдѣлаться предметомъ нашего вывоза и убить солеваренное дѣло въ Пруссіи, откуда она теперь постоянно ввозится въ Россію. Впослѣдствіи же, еслибы этотъ вывозъ значительно усилился, то представилась бы возможность обложить ее вывозной пошлиной и тѣмъ привлечь заграничнаго потребителя къ оплатѣ части нашего бюджета.

Но соляной налогъ вреденъ не столько потому, что онъ монополизируетъ продуктъ и возвышаетъ его цѣну, сколько потому, что онъ парализуетъ развитіе сельскохозяйственной дѣятельности. Говоря о необходимости соли для животнаго организма, я уже сказалъ, что недостатокъ соли развиваетъ въ организмѣ воспріимчивость ко всякой эпидеміи. Вотъ главная причина, читатель, такого ужаснаго распространенія у насъ скотскихъ падежей: у насъ соль, за очень рѣдкими ис-

Digitized by Google

ключеніями, вовсе не употребляется въ кормъ скоту, вслѣдствіе чего всякая зараза дѣлаетъ у насъ страшныя опустошенія и часто буквально раззоряетъ цѣлыя селенія. Крестьяне очень хорошо знаютъ, какъ полезно было бы кормить солью скотъ, но что же дѣлать, когда они бѣдны, а соль дорога; есть много такихъ мѣстностей, гдѣ крестьяне за-частую скупятся покупать соль даже для себя и своей семьи. Конечно это—плохая экономія, но что же дѣлать, если негдѣ взять денегъ на соль. Только дешевизна этого продукта и можетъ развить въ народѣ обычай кормить скотъ солью и тѣмъ уменьшить развитіе падежей. Въ остзейскихъ провинціяхъ, гдѣ скотоводство сосредоточивается въ рукахъ помѣщиковъ и болѣе развитыхъ и достаточныхъ крестьянъ-арендаторовъ, соль употребляется въ кормъ скоту въ значительныхъ размѣрахъ, но тамъ и падежи случаются гораздо рѣже, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ Россіи. Но, кромѣ того, есть особая причина развитія у насъ падежей. Главныя партіи нашего скота, пригоняемаго во внутреннія губерніи на убой, идутъ изъ нашихъ юговосточныхъ губерній, гдѣ онъ выращивается на степныхъ пастбищахъ, между которыми нерѣдко встрѣчаются солончаки и солонцоватыя растенія, вслѣдствіе чего скотъ получаетъ извѣстное количество поваренной соли въ томъ кормѣ, на которомъ онъ выростаетъ. При переходѣ же во внутреннія губерніи, солончаки исчезаютъ и растительность на пастбищахъ совершенно измѣняется, вслѣдствіе чего скотъ подвергается заболѣванію и при своихъ переходахъ разноситъ заразу по своему пути. Конечно, дача соли прогоняемому скоту значительно бы сократила случаи заболѣванія, но подобныя дачи, при нашей дороговизнѣ соли, у насъ не въ обычаѣ, а нашимъ ветеринарамъ и дѣла нѣтъ, какія послѣдствія возникаютъ изъ подобныхъ гигіеническихъ условій прогоняемаго скота. Какъ велики потери наши отъ падежей скота, мы можемъ видѣть изъ свѣдѣній, собранныхъ комиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства, подъ предсѣдательствомъ г. министра государственныхъ имуществъ. Убыль скота отъ падежей, по собраннымъ комиссіей свѣдѣніямъ, доходитъ до 1,3% въ среднемъ выводѣ для всей Европейской Россіи, а количество всего скота равняется 91 милл. головъ; на этомъ основаніи, общая убыль только въ Европейской Россіи доходитъ до 1.183,000 головъ. Комиссія оцѣниваетъ каждую штуку въ 30 рублей; но, если мы примемъ ее даже въ 25 руб., то и тогда убытокъ отъ падежей будетъ доходить до 29.575,000 рублей. Представимъ же себѣ, читатель, что налогъ на соль отмѣненъ и соль употребляется въ кормъ скоту, какъ это дѣлается въ остзейскихъ провинціяхъ, и что, вслѣдствіе этого, падежи уменьшатся до размѣровъ, въ которыхъ они случаются въ тѣхъ губерніяхъ. По изслѣдованіямъ той же комиссіи, убыль скота въ этихъ губерніяхъ не превышаетъ 0,3%; на основаніи этого разсчота и потери наши могли бы сократиться на 22,750,000 рублей. Вотъ что можетъ дать народу отмѣна на-

Digitized by Google

лога на соль только вслѣдствіе уменьшенія падежей, а это—далеко еще не все.

Комисія для изслѣдованія нашего сельскаго хозяйства собранными ею свѣдѣніями указала, что наше скотоводство въ теченіи 20-ти лѣтъ нисколько не увеличилось; несмотря на увеличеніе населенія, которое, по изслѣдованіямъ академика Буняковскаго, возрастаетъ по 1% въ годъ На этомъ основаніи, населеніе наше возрасло на 20%, а количество скота осталось тоже; стало-быть нашъ народъ питается и одѣвается гораздо хуже, чѣмъ 20 лѣтъ назадъ. Этотъ недостатокъ до того ощутителенъ, что у насъ привозъ съѣстныхъ припасовъ изъ-заграницы постоянно возростаетъ, такъ что мяса соленаго и копченаго, сыру и рыбы, приготовленной въ разныхъ видахъ, въ 1873 году, ввезено въ Россію на 7 милл. руб. Между тѣмъ, какъ Россія богата и пространствомъ земли для скотоводства, и рыбными ловлями и, если мы веземъ эти продукты изъ-заграницы, то только потому, что налогъ на соль мѣшаетъ развиваться нашему сельскому хозяйству и рыболовству. Въ Англіи, съ пониженіемъ налога на соль на десять процентовъ, продукты скотоводства немедленно же понизились въ цѣнѣ, а съ отмѣною его въ 1825 году, это пониженіе достигло на слѣдующій же годъ 50% (см. ст. Черняева «Современникъ» 1866 года). Вотъ какъ велико вліяніе этого налога на развитіе скотоводства, безъ котораго, конечно, немыслимо и развитіе сельскаго хозяйства. Подобный примѣръ очень краснорѣчивъ, и я считаю долгомъ указывать на него при всякомъ удобномъ случаѣ. Мы позднѣе другихъ народовъ вступили на путь развитія, и въ этомъ есть та выгода, что у насъ на виду и ошибки, и полезныя мѣропріятія Запада, и мы могли бы не повторять тѣхъ изъ нихъ, которыхъ вредъ доказанъ такимъ убѣдительнымъ примѣромъ. Въ виду подобнаго явленія, мы можемъ предположить, что въ Англіи существовавшій до 1825 года налогъ на соль значительно мѣшалъ развитію скотоводства и что у насъ повторяется тоже самое; за отмѣною же налога на соль, скотоводство стало бы у насъ возрастать, по крайней мѣрѣ, на 2% въ годъ, а, вслѣдствіе этого, богатство Россіи увеличилось бы ежегодно на сумму въ 45 милл. рублей. Но и этимъ еще не ограничиваются выгоды отмѣны налога на соль. При употребленіи соли въ пищу скота, продукты скотоводства не только увеличиваются въ количествѣ, но и улучшаются въ качествѣ, а поэтому и доходность отъ скотоводства должна возрости. Если мы предположимъ, что эта доходность не удвоится, какъ было въ Англіи, а возростетъ только на 1 рубль съ головы, то и тогда народный доходъ увеличится на 91 милл. руб.

Исчисляя убытки народнаго хозяйства, наносимые налогомъ на соль, я не рѣшаюсь обратиться къ исчисленію ихъ по земледѣльческой промышленности, такъ какъ они могли бы показаться баснословными. Но, конечно, читатель очень хорошо по-

Digitized by Google

нимаетъ ту связь, которая существуетъ между земледѣліемъ и скотоводствомъ, и, если потери послѣдняго такъ велики, то каковы же могутъ быть потери перваго, по своимъ размѣрамъ, значительно его превышающаго.

Но я не буду касаться этихъ потерь въ виду трудности ихъ исчисленія и подвожу итогъ упомянутыхъ мною выше: отъ возвышенія цѣны на соль потребители лишаются 18 1/2 милл. руб.; отъ увеличенія падежей—22 3/4 милл. руб.; отъ застоя въ развитіи скотоводства—45 милл.; наконецъ, отъ уменьшенія доходности этой отрасли хозяйства 91 милл. руб. Итого 177 слишкомъ милліоновъ рублей. Вотъ—во что̀ обходится Россіи налогъ, приносящій государству около 12 милл. руб. дохода! Не здѣсь ли, гг. протекціонисты, слѣдуетъ искать причины упадка нашей промышленности, вмѣсто того, чтобы сваливать бѣду на существовавшую, будто бы, пропаганду началъ свободной торговли? Никакія пошлины не создадутъ въ странѣ капиталовъ, нужныхъ для развитія промышленности, если образованіе этихъ капиталовъ парализуется существованіемъ подобныхъ налоговъ. Гг. протекціонисты постоянно требуютъ огражденія то той, то другой отрасли нашей промышленности, хотя эти отдѣльныя отрасли или вовсе не существуютъ въ Россіи, или существуютъ только въ микроскопическихъ размѣрахъ, но рѣшительно не обращаютъ никакого вниманія на промышленность, которой занимается громадное большинство нашего населенія и которая, при такомъ значеніи, имѣетъ полное право на вниманіе и покровительство. Будьте же послѣдовательны, господа, присоедините вашъ голосъ къ нашему и ходатайствуйте объ отмѣнѣ налога на соль, такъ какъ только одной этой мѣрой и можетъ быть оказано земледѣльческой промышленности то покровительство, на которое оно вправѣ разсчитывать. Подобное покровительство не будетъ нарушать ни чьихъ интересовъ, совершенно согласно съ требованіями справедливости и, слѣдовательно, не противорѣчитъ теоретическимъ принципамъ.

Ко всему этому надо прибавить, что подобная реформа можетъ совершиться весьма легко. Всякое другое измѣненіе въ системѣ податей и налоговъ соприкасается со многими другими сторонами государственной жизни и затрогиваетъ цѣлую массу частныхъ интересовъ, а потому требуетъ соглашеній различныхъ вѣдомствъ. Практика же доказываетъ, что такое соглашеніе задерживаетъ подъ часъ весьма полезныя мѣры. Но въ занимающемъ насъ вопросѣ все зависитъ исключительно отъ воззрѣній министерства финансовъ, и, если оно убѣдится въ возможности отмѣны подобнаго налога, то не можетъ встрѣтить возраженій ни съ какой стороны, тѣмъ болѣе, что вся литература, многія земскія собранія и, наконецъ, все образованное общество давно уже высказались въ пользу подобной реформы.

Табачный налогъ, по своему значенію, представляетъ совершенную противуположность съ налогомъ на соль, и въ принципѣ

Digitized by Google

противъ него нельзя представить никакого возраженія. Дѣло въ томъ, что продуктъ этотъ не есть предметъ первой необходимости, какъ предъидущій, и можетъ подлежать различному обложенію по качеству и цѣнности; слѣдовательно, падаетъ на потребителей до извѣстной степени соразмѣрно съ ихъ средствами. Доходъ этотъ постоянно возрастаетъ. За пятилѣтіе съ 1870 по 1874 годъ включительно, онъ возросъ съ 8.016,981 руб. до 10.736,958 руб., т. е. на 2.719,977 р., или болѣе, чѣмъ на 1/3. Впрочемъ, значительное его возрастаніе почти на 2 мил. руб., относится къ 1872 году, когда былъ введенъ новый уставъ, которымъ налогъ на табакъ значительно повышенъ. Къ сожалѣнію, это возрастаніе дохода не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какихъ можно было бы ожидать, еслибъ этому не мѣшало распространеніе безбандерольной торговли табакомъ, и въ особенности папиросами. Мнѣ кажется, что поводомъ къ этому служитъ неравномѣрное распредѣленіе акциза на табакъ и папиросы и весьма значительное обложеніе послѣднихъ, въ сравненіи съ стоимостію заключающагося въ нихъ табаку. Кромѣ того, табакъ низшихъ сортовъ обложенъ слишкомъ высоко въ сравненіи съ высокими сортами. Первый сортъ платитъ одинаковую пошлину, между тѣмъ, какъ цѣна его бываетъ очень различна. Повидимому, избѣжать этихъ неудобствъ было бы возможно, измѣнивъ систему взиманія этого налога. Въ настоящее время надзоръ за табачными фабриками, число которыхъ постоянно и повсемѣстно возрастаетъ, становится весьма затруднителенъ, и правильное примѣненіе дѣйствующаго весьма сложнаго законодательства едва-ли возможно. На этомъ основаніи, намъ бы казалось, что задача значительно упростилась бы, еслибы приготовленіе табаку изъ листовъ было объявлено свободнымъ, налогъ же взимался бы съ табачныхъ плантацій и въ таможняхъ при ввозѣ. Табачныя плантаціи спрятать никуда нельзя, а качество продажнаго табаку зависитъ положительно отъ той примѣси заграничнаго, которая дѣлается къ русскому. Само собою разумѣется, что плантаціи въ Бессарабіи, Крыму или въ Закавказскомъ Краѣ должны нести высшій налогъ, чѣмъ въ Малороссіи, такъ какъ тамъ возможно производство лучшихъ сортовъ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе существующаго порядка взиманія этого налога, такъ какъ для этого нужно бы было входить въ значительныя подробности; меня же въ настоящую минуту занимаютъ основныя положенія нашего бюджета. Означенный же налогъ, по мнѣнію моему, вполнѣ раціоналенъ, а потому я не считаю нужнымъ входить въ подробности.

Не могу, впрочемъ, не замѣтить при этомъ нѣкоторой неравномѣрности въ распредѣленіи ввозныхъ пошлинъ на табакъ въ листахъ и сигары. Количество пошлинъ 1873 году съ табаку въ листахъ составляло до 68% съ его стоимости и только 29% со стоимости сигаръ. Не имѣя никакого возраженія противъ пош-

Digitized by Google

линъ на табакъ въ листахъ, я долженъ замѣтить, что обложеніе сигаръ слѣдовало бы повысить до одинаковаго съ нимъ размѣра, такъ какъ нѣтъ никакого основанія уменьшать налогъ съ богатыхъ потребителей этого продукта.

Что̀ касается до налога на сахаръ внутренняго приготовленія, то мнѣ совершенно непонятенъ этотъ налогъ. Извѣстно, что свеклосахарная и рафинадная промышленность у насъ пользуется сильнымъ покровительствомъ, такъ что сахарный песокъ оплачиваетъ ввозную пошлину въ 50% со стоимости и рафинадъ почти въ 100%; между тѣмъ, песокъ внутренняго приготовленія облагается также налогомъ. Повидимому, въ этомъ является противорѣчіе: съ одной стороны, возвышается цѣна, а съ другой— стоимость производства; казалось, было бы проще освободить мѣстный сахаръ отъ налога и понизить ввозную пошлину. Но это только такъ кажется для тѣхъ, кто не вникалъ въ сущность дѣла. Существующая у насъ ввозная пошлина на сахаръ равняется запрещенію ввоза, а поэтому весь внутренній рынокъ предоставленъ нашимъ заводчикамъ, и ввозъ возможенъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна на сахаръ внутренняго приготовленія сильно возвышается, вслѣдствіе неурожая свекловицы; существующій же способъ взиманія акциза даетъ возможность оплачивать налогомъ далеко не все выдѣланное количество сахара и, такимъ образомъ, значительно понижать акцизъ. Кромѣ этого, различная пошлина на песокъ и рафинадъ создаетъ рѣшительную монополію въ пользу рафинадныхъ заводчиковъ, которые, обладая значительными капиталами, основали главное рафинадное дѣло въ столицахъ, и сахаръ идетъ съ юга на сѣверъ, а затѣмъ съ сѣвера на югъ и юго-востокъ. Этимъ излишнимъ привозомъ возвышается цѣна продукта, и потребитель несетъ значительныя потери. Несостоятельность покровительственной системы всего яснѣе выражается на нашей свеклосахарной промышленности. Полувѣковое покровительство, все-таки, не поставило ея въ такое положеніе, при которомъ она могла бы конкурировать съ германскимъ и австрійскимъ производствомъ, между тѣмъ какъ у насъ всѣ условія этого производства много выгоднѣе. Все оно сосредоточилось у насъ на юго-западѣ и въ привислинскихъ губерніяхъ, тогда какъ на юго-востокѣ есть много мѣстностей, гдѣ оно могло бы идти съ большимъ успѣхомъ. Высокія цѣны на сахаръ, поддержанныя тарифомъ, привлекли къ этому дѣлу людей, не только неимѣющихъ о немъ никакого понятія, но даже и средствъ на производство. Наши заводы нетолько не имѣютъ оборотныхъ капиталовъ, но и выстроены бо̀льшею частію въ кредитъ. При такомъ положеніи, они обязаны платить очень высокіе проценты въ пользу банковъ и банкировъ и запродавать будущій сахаръ по цѣнамъ, далеко ниже дѣйствительно существующихъ въ моментъ сдачи продукта. Мнѣ случалось слышать не одинъ разъ о нижеслѣдующихъ условіяхъ: при задаткѣ въ три рубля на пудъ, за деньги плати-

Digitized by Google

лось по 1% въ мѣсяцъ, при сдачѣ сахара по цѣнѣ на 50 коп. ниже биржевой цѣны, существующей въ моментъ поставки товара. Если кредитъ дѣлается на восемь мѣсяцевъ, то заводчикъ обязанъ заплатить за три рубля задаточныхъ денегъ—74 коп., что̀ составитъ 37% годовыхъ. Какая промышленность въ состояніи выдержать такой высокій процентъ? Но, въ виду затраченнаго капитала на постройку завода, бо̀льшею частію также въ долгъ, нельзя остановить дѣла и необходимо работать во что̀ бы то ни стало. Ко всему этому присоединяется полнѣйшій недостатокъ знаній ка̀къ вести дѣло. Если и встрѣчаются нѣкоторые заводы, на которыхъ техническое дѣло поставлено и ведется хорошо, то зато нѣтъ ни одного завода, гдѣ бы хозяйство на плантаціяхъ было ведено раціонально. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ критическій разборъ нашего свеклосахарнаго производства, но мы считаемъ нужнымъ указать на то обстоятельство, что оно находится далеко не въ блестящемъ состояніи, несмотря на запретительныя пошлины, которыми оно ограждено въ теченіи долгаго періода времени, и доказательствомъ этому служитъ то, что только сильная поддержка въ нынѣшнемъ году со стороны государственнаго банка предотвратила банкротство многихъ заводчиковъ. Тарифъ не спасаетъ ихъ, несмотря на то, что у насъ четыре главнѣйшихъ фактора производства, а именно: земля, трудъ, топливо и костяной уголь во многихъ мѣстностяхъ обходится гораздо выгоднѣе, нежели въ Германіи. Если, при такихъ условіяхъ, наши сахарные заводчики не въ состояніи конкурировать съ заграничнымъ сахаромъ, то это, прямое доказательство, что тарифъ не въ состояніи развить здоровую промышленность. При первомъ толчкѣ она падаетъ и требуетъ новыхъ и новыхъ жертвъ для ея поддержанія. Мнѣ кажется, что главная причина этой слабости состоитъ въ томъ, что, при искусственномъ развитіи, за нее берутся не тѣ люди, которые въ состояніи вести дѣло разумно, а тѣ, которымъ удается найти для этого средства и которые своимъ непониманіемъ дѣла только портятъ его. Существующій у насъ тарифъ приводитъ къ такимъ послѣдствіямъ, что заграничный рафинадъ толкутъ, мелятъ и въ видѣ песка ввозятъ его въ Россію. Нарочно портятъ товаръ для того, чтобъ избѣжать платежа высокихъ пошлинъ: отсюда—двойная потеря человѣческаго труда, безъ всякой для кого-нибудь пользы. Неужели торговая политика, приводящая къ такимъ плачевнымъ результатамъ можетъ считаться правильною?

У насъ часто говорятъ о необходимости ограничить пьянство, но никому не приходитъ въ голову, что потребность въ крѣпкихъ напиткахъ вызывается часто физіологическими условіями жизни. Чтобы ограничить употребленіе алкоголя необходимо замѣнить его чѣмъ-нибудь. Въ настоящее время, физіологи утверждаютъ, что сахаръ играетъ въ нашемъ организмѣ ту же роль, какъ и вино, а потому, казалось бы, надо стараться удешевить

Digitized by Google

по возможности сахаръ, чтобъ сдѣлать его болѣе доступнымъ народу въ видахъ ограниченія пьянства.

Переходя къ разсмотрѣнію нашего таможеннаго дохода, мы должны напомнить читателю, что доходъ этотъ составляетъ 11,3% общей суммы нашего бюджета и почти 22% группы налоговъ съ потребленія. По государственной росписи онъ предположенъ на настоящій годъ въ количествѣ 60.470,000 рублей. Доходъ этотъ съ 1866 года постоянно возрасталъ и въ особенности со времени введенія новаго тарифа 1868 года. Отчеты государственнаго контроля представляютъ такое возвышеніе въ слѣдующей постепенности:

Годы.	Количество дохода.	
1866	31.673,491	рублей.
1867	36.914,842	»
1868	35.938,500	»
1869	40.002,453	»
1870	41.181,001	»
1871	47.323,154	»
1872	53.510,547	»
1873	54.289.805	»
1874	56.390,320	»

Изъ этой таблицы читатель видитъ, что таможенный доходъ съ 1866 года, въ теченіи 8-ми лѣтъ, возвысился съ 31 мил. на 56, или болѣе, чѣмъ на 80 процентовъ. Въ виду такого возрастанія даже въ послѣдніе годы въ предположенной цифрѣ поступленія на нынѣшній годъ, конечно, нѣтъ никакого преувеличенія, если только ограниченіе нашего вывоза въ прошломъ и настоящемъ году не будетъ имѣть вліянія на ограниченіе также и нашего ввоза, подобно тому, какъ неурожай 1867 года имѣлъ вліяніе на ограниченіе ввоза въ 1868 году и на уменьшеніе таможеннаго дохода въ сравненіи съ 1867 годомъ.

Изъ предыдущихъ моихъ соображеній читатель, конечно, могъ вывести заключеніе, что я принадлежу къ лицамъ, отстаивающимъ начала свободной торговли, и потому не могу быть сторонникомъ нынѣ дѣйствующаго у насъ тарифа, который имѣетъ чисто покровительственный характеръ, въ особенности со времени пересмотра его въ 1868 году. Тѣмъ не менѣе, я считаю таможню весьма удобнымъ орудіемъ для взиманія государственнаго дохода, въ особенности съ предметовъ потребленія достаточныхъ и богатыхъ классовъ. Возражая противъ покровительственной системы въ принципѣ, я совершенно понимаю невозможность прямого перехода къ началамъ свободной торговли въ виду тѣхъ интересовъ, которые вызваны къ извѣстнаго рода дѣятельности существующимъ законодательствомъ, и потому не должны быть принесены въ жертву. Я утверждаю только, что необходимо остановиться на этомъ пути, не установлять новыхъ пошлинъ и не возвышать прежнихъ, а напротивъ того, начать

Digitized by Google

постепенное и осторожное ихъ пониженіе, съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ изъ покровительственныхъ въ чисто фискальныя. Таможня должна служить не средствомъ покровительства промышленности, не орудіемъ установленія монополіи въ пользу однихъ и на счетъ другихъ, а сборщикомъ государственнаго налога, и— въ такомъ видѣ—она можетъ быть учрежденіемъ весьма полезнымъ. Если нашъ тарифъ перестанетъ преслѣдовать двоякую цѣль и откажется отъ неосуществимой задачи развить промышленность возвышеніемъ стоимости производства и излишнею тратой капиталовъ, то другая его цѣль, доставлять государству доходъ въ видѣ пошлинъ съ ввозимыхъ товаровъ, будетъ достигаться гораздо полнѣе и вѣрнѣе. Даже и въ настоящее время, эта статья дохода возрасла до 60 мил. рублей, между тѣмъ какъ масса товаровъ заграничнаго производства не допускается на нашъ рынокъ, вслѣдствіе чего и масса нашихъ товаровъ устраняется съ заграничнаго рынка. Международный обмѣнъ въ окончательномъ разсчетѣ всегда производится товаръ на товаръ, а, при такомъ его характерѣ, могли бы облагаться умѣренной пошлиной нетолько ввозимые, но и вывозимые товары, а этимъ путемъ заграничный потребитель нашихъ товаровъ былъ бы привлеченъ къ покрытію даже значительной части нашего бюджета. Еслибы такая политика была принята нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ, то я твердо убѣжденъ, что, съ развитіемъ нашего международнаго обмѣна, нашъ таможенный доходъ далъ бы возможность, хотя не вдругъ, но современемъ, уменьшать постепенно налогъ на вино и такимъ образомъ переводить центръ тяжести нашего бюджета на другую, болѣе солидную точку опоры. Не говоря уже о нравственномъ значеніи такого порядка вещей, при которомъ благосостояніе финансовъ не зависѣло бы отъ развитія въ народѣ пьянства, самое распредѣленіе налоговъ было бы менѣе обременительно, такъ какъ оно упадало бы на всѣ классы общества и, притомъ, преимущественно на болѣе достаточные. Кромѣ этого, наше финансовое положеніе, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, получило бы гораздо бо́льшую прочность, такъ какъ государственный доходъ распредѣлился бы на бо́льшее количество предметовъ потребленія и не зависѣлъ бы отъ случайнаго количества потребленія одного продукта, и, слѣдовательно, на будущее время не представлялось бы надобности прибѣгать къ постоянному и періодическому возвышенію цифры обложенія въ виду сокращенія потребленія. Въ доказательство этого послѣдняго положенія, мы сошлемся на вѣдомость, имѣющуюся въ ежегодникѣ министерства финансовъ, въ которомъ показано, что, даже при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, число статей ввоза и вывоза доходитъ до 759 по одной европейской границѣ, но это число должно значительно возрости при господствѣ началъ свободной торговли. Вотъ какая масса предметовъ можетъ подлежать обложенію, и, само собою разумѣется, что при такомъ разнообразіи предметовъ потребленія, обложенныхъ налогомъ,

Digitized by Google

цифра государственнаго дохода будетъ менѣе подвергаться опасности случайныхъ пониженій.

Но, кромѣ этихъ общихъ соображеній, относящихся къ нашей системѣ торговой политики, существующій тарифъ возбуждаетъ и другіе частные вопросы. Часто встрѣчаются статьи, которыя останавливаютъ вниманіе наблюдателя неравномѣрностію обложенія по отношенію къ ихъ цѣнности. Такъ, напримѣръ, овощи и фрукты вообще какъ свѣжіе, такъ и приготовленные въ прокъ, облагаются налогомъ въ 23%, а апельсины только 8½%, тогда какъ послѣдніе составляютъ роскошь, а между первыми есть много предметовъ, составляющихъ необходимую потребность. Сельди соленыя въ бочкахъ до 10 пудовъ, употребляемые рабочимъ классомъ, облагаются пошлиною въ 8%, а въ малыхъ боченкахъ, потребляемыя достаточнымъ классомъ, обложены пошлиною только въ 2,7%; шкуры всякія обложены пошлиною въ 8%, тогда какъ наиболѣе высокія, какъ-то: соболи, чернобурыя лисицы оплачиваются налогомъ менѣе, чѣмъ въ 2%; масло деревянное всякое несетъ налогъ почти въ 20%, а благовонное только въ 6%; точно также стекла и зеркала въ 100 квад. верш. относительно ихъ стоимости обложены 15%, въ 1,200 квад. верш. съ небольшимъ 11%. Ножевый товаръ въ оправѣ изъ накладнаго серебра и другихъ металическихъ композицій облагается 18%, а простые крестьянскіе ножи пошлиною въ 29%.

Мы бы могли указать на много такихъ примѣровъ, но боимся утомить вниманіе читателя; впрочемъ, и этихъ вполнѣ достаточно, чтобъ указать на то обстоятельство, что предметы роскоши нашъ тарифъ облагаетъ довольно слабо.

Переходя къ дальнѣйшему разсмотрѣнію нашего бюджета доходовъ, я пройду молчаніемъ пошлины и доходы отъ правительственныхъ регалій, несмотря на значительность нѣкоторыхъ статей этихъ отдѣловъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ произведены значительныя измѣненія въ порядкѣ ихъ взиманія и размѣрѣ обложенія, и съ тѣхъ поръ прошло очень немного времени, чтобъ сдѣлать какое-нибудь заключеніе о результатахъ этихъ перемѣнъ. Скажу только, что доходъ отъ паспортовъ представляетъ собою ничтожную цифру въ 2½ мил. рублей, которая, стѣсняя свободное передвиженіе населенія, уменьшаетъ поступленіе по другимъ статьямъ и потому заставляетъ удивляться, почему налогъ этотъ до сихъ поръ остается въ нашемъ бюджетѣ. Неужели государственное казначейство находится въ такомъ положеніи, что не можетъ обойтись даже безъ этой суммы? Нѣтъ, этого допустить нельзя уже потому, что есть остатокъ безъ всякаго назначенія въ 15 мил. руб. — Къ тому же, и экономію въ 2½ мил. изъ бюджета въ 534 мил. легко сдѣлать, въ особенности, когда налогъ признается вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Послѣ этого краткаго замѣчанія, обращаюсь къ разсмотрѣнію доходовъ съ казенныхъ имуществъ, и преимущественно къ до-

Digitized by Google

ходамъ съ оброчныхъ статей и лѣсовъ. Доходъ отъ этихъ двухъ статей за время съ 1867 года представляетъ собою слѣдующія колебанія:

		отъ оброчныхъ статей.	отъ лѣсовъ.
По отчетамъ государственнаго контроля.	1867	5.136,150	5.197,126
	1868	5.503,674	6.125,461
	1869	5 088,691	7.254,581
	1870	6.011,458	7.972,062
	1871	5.657,026	8.743,791
	1872	5.213,209	9.553,802
	1873	5.689,342	10.148,508
	1874	6.052,332	10.412,694
По государственной росписи.	1875	5.402,260	10.816,979
	1876	5,721,840	11.264,000
		16.985,480	

Изъ этой таблицы оказывается, что доходъ съ оброчныхъ статей колеблется между 5 и 6 мил. рублей, тогда какъ отъ лѣсовъ онъ сильно возрастаетъ. Въ теченіи 10 послѣднихъ лѣтъ первый возвысился только на 11,2%, тогда какъ послѣдній увеличился на 116,7%. Эти двѣ послѣднія цифры наводятъ меня на нѣкоторыя размышленія, которыми я не могу не подѣлиться съ читателемъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе цѣны возрасли нетолько на лѣса, но и на земли. Устройство желѣзныхъ дорогъ имѣло здѣсь громадное вліяніе, и мы видимъ, что арендная плата на земли частныхъ владѣльцевъ значительно возвысилась, мѣстами же она болѣе, чѣмъ удвоилась. Что же касается цѣнности лѣсовъ, то она возвысилась дѣйствительно болѣе, чѣмъ цѣнность земель; но приведенныя выше цифры поражаютъ всякаго наблюдателя той громадною разностью, которая замѣчается въ повышеніи доходовъ отъ той и другой статьи. Повышеніе лѣсныхъ доходовъ въ 10 слишкомъ разъ болѣе, чѣмъ повышеніе доходовъ съ оброчныхъ статей, и это невольно возбуждаетъ вопросъ: чѣмъ обусловливается подобная разница? Вопросъ этотъ представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что въ частномъ владѣніи такой громадной разницы не замѣчается, точно также не замѣчается и такого сильнаго возрастанія цѣнъ на лѣсные продукты. Справедливость этой послѣдней мысли подтверждается незначительной разницей въ разцѣнкахъ этихъ продуктовъ со стороны министерства государственныхъ имуществъ—разцѣнкахъ, дѣйствующихъ нынѣ и за 10 лѣтъ передъ этимъ. Прежде всего, какъ мнѣ кажется, такая разница объясняется незначительнымъ возрастаніемъ доходовъ съ оброчныхъ статей, въ особенности, если мы примемъ въ соображеніе существующее возрастаніе арендной платы на землю и стоимость недвижимыхъ имуществъ частныхъ владѣльцевъ. Но одной этой причиной, конечно, объяс-

Digitized by Google

нить такой значительной разницы нельзя, въ виду того обстоятельства, что разцѣнка на лѣсные продукты, служащая основаніемъ къ извлеченію лѣсныхъ доходовъ, не особенно разнится съ прежней разцѣнкой. Поэтому необходимо слѣдуетъ предположить, что площадь вырубаемыхъ ежегодно лѣсовъ увеличивается сравнительно съ прежнимъ временемъ. Остановимся, читатель, пока на этомъ фактѣ.

Въ послѣднее время, въ нашей литературѣ постоянно возникаютъ жалобы на истребленіе лѣсовъ, и въ «Отечественныхъ Запискахъ» была напечатана замѣчательная статья князя Васильчикова, которая рисуетъ непривлекательную картину будущности нашего отечества, и преимущественно степной полосы его, вслѣдствіе истребленія лѣсныхъ дачъ. Правительство, съ своей стороны, уже обратило вниманіе на это обстоятельство и устроило при министерствѣ государственныхъ имуществъ особую комиссію, которая составила предположенія объ ограниченіи правъ частныхъ владѣльцовъ и вызываетъ экспертовъ для обсужденія совмѣстно съ ною составленныхъ предположеній. Кромѣ того, правительство заботится и о разведеніи новыхъ лѣсонасажденій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ недостатокъ ихъ особенно ощутителенъ. Такъ, проѣзжая нынѣшнимъ лѣтомъ по Екатеринославской Губерніи, я видѣлъ собственными глазами новыя насажденія, къ которымъ прилагается особенная заботливость и *для поливки ихъ вода возится бочками изъ ближайшихъ ручекъ*. Такая заботливость ясно указываетъ, что въ высшихъ сферахъ вполнѣ оцѣненъ тотъ вредъ, который возникаетъ вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, меня невольно поражаетъ то обстоятельство, что площадь вырубаемыхъ казенныхъ лѣсовъ не уменьшается, а увеличивается ежегодно. Повидимому, ограниченіе этой площади есть такая мѣра, которая всего легче можетъ быть принята и приведена въ исполненіе, а, между тѣмъ, она не принимается. Мнѣ, конечно, могутъ возразить, что въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ введено правильное лѣсное хозяйство и что вырубается только такая часть лѣса, которая вновь запускается, смотря по его возрасту и что, такимъ образомъ, количество всей лѣсной площади не уменьшается. Но, какъ мнѣ кажется, это не есть возраженіе. Въ видахъ охраненія интересовъ народнаго хозяйства, все равно, будутъ ли сохраняться казенные или частные лѣса, и потому казалось бы, что прежде всего, слѣдовало бы сократить продажу казеннаго лѣса и отнюдь не назначать особыхъ наградъ чинамъ лѣснаго вѣдомства за увеличеніе лѣснаго дохода. Очень можетъ быть, что, въ виду подобныхъ наградъ, встрѣчаются и представленія о возможности излишней вырубки. Точно также меня поражаетъ въ этомъ отношеніи и другая мѣра, принимаемая со стороны министерства финансовъ. Я говорю о воспрещеніи земельнымъ банкамъ выдавать ссуды подъ лѣса. При той бѣдности въ капиталахъ, отъ которой страдаетъ наша земледѣльческая промышленность, подобное распоряженіе есть

Digitized by Google

мѣра принудительная къ уничтоженію лѣсовъ. Положимъ, что частный владѣлецъ вполнѣ сознаётъ необходимость сберечь свою лѣсную дачу, но, вслѣдствіе недостатка капитала, онъ не въ состояніи получать того дохода, который могли бы приносить ему остальныя его угодья, и онъ, по необходимости, принужденъ продажею лѣса, хотя бы и за дешовую цѣну, возвышать производительность своей земли. Намъ скажутъ, что онъ можетъ заложить землю, но, если пропорція обработываемаго пространства незначительна и капиталъ нуженъ именно для увеличенія этого пространства и скотоводства, то ссуды банковъ его удовлетворить не могутъ, когда его лѣсная дача не принимается въ расчетъ при опредѣленіи стоимости его имѣнія. Онъ можетъ получить ничтожную сумму, которая дастъ ему возможность вести какое-нибудь жалкое хозяйство, не окупающее ни его трудовъ, ни его затратъ. Прошло уже то время, когда сельское хозяйство могло быть ведено безъ капитала, и въ настоящее время земля приноситъ доходъ въ мѣрѣ тѣхъ затратъ, которыя вы для нея дѣлаете, въ особенности въ нечерноземной полосѣ Россіи. Мнѣ кажется, что это послѣднее распоряженіе министерства финансовъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ тѣми мѣропріятіями, которыя проектируются по министерству государственныхъ имуществъ въ видахъ ограниченія повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ. Мнѣ кажется, что не воспрещеніе, а, напротивъ, побужденіе земельныхъ банковъ къ выдачѣ ссуды подъ лѣса, было бы мѣрой вполнѣ охранительной и вполнѣ соотвѣтствующей тѣмъ интересамъ нашего отечества, которымъ угрожаетъ истребленіе лѣсовъ. Земельные банки сдѣлались бы естественными и даровыми оберегателями этихъ интересовъ и, конечно, выработали бы систему надзора безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи позволительно было бы идти далѣе и, въ видахъ размноженія лѣсныхъ насажденій въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ, разрѣшать банкамъ выдавать ссуды подъ залогъ устроенныхъ насажденій съ правильнымъ орошеніемъ, даже въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ подъ залогъ земель пахатныхъ и луговыхъ.

Мысль о мѣрахъ противъ истребленія лѣсовъ невольно наводитъ меня на вопросъ: могутъ ли запретительныя мѣры сколько нибудь помочь горю въ этомъ отношеніи? На сколько раціонально и цѣлесообразно будетъ, съ одной стороны, ограничивать права частныхъ владѣльцевъ на вырубку своихъ лѣсовъ, а, съ другой стороны, строить желѣзныя дороги, развивать пароходство и поощрять фабричную дѣятельность, тогда какъ и желѣзныя дороги и пароходы и фабрики поглощаютъ у насъ громадное количество топлива, которое исключительно состоитъ изъ дровъ? Не поведутъ ли запретительныя мѣры только къ тому, что цѣны на топливо возвысятся до такой степени, при которой никакія запретительныя мѣры не помогутъ, и установленныя правила будутъ нарушаться тѣмъ скорѣе, чѣмъ труднѣе будетъ на-

Digitized by Google

блюдать за ихъ исполненіемъ? Не упадетъ ли вся тяжесть подобныхъ мѣръ на бѣдныхъ людей, которые принуждены будутъ или платить въ три-дорого за топливо, или мерзнуть въ холодныхъ помѣщеніяхъ? Но что же, скажетъ намъ нетерпѣливый читатель, по вашему мнѣнію, приходится или сложить руки и ожидать, пока всѣ лѣса уничтожатся, или прекратить постройку желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и фабрикъ? Ни то, ни другое, отвѣчаю я нетерпѣливому читателю. Я утверждаю только, что въ вопросахъ народнаго хозяйства передъ возникающимъ зломъ нельзя останавливаться на первыхъ видимыхъ его причинахъ и принимать мѣры только противъ этихъ явленій, не обращая вниманія, что эти причины суть только послѣдствія другихъ явленій и вызываются потребностями весьма настоятельными, къ которымъ нельзя легко относиться. Къ числу такихъ явленій, вредныхъ для будущности Россіи, относится именно уничтоженіе лѣсовъ. Какую же мѣру намъ предлагаютъ противъ подобнаго зла? Ближайшая причина такого зла, утверждаютъ люди, непонимающіе значенія экономическихъ явленій, есть неограниченное право частныхъ владѣльцевъ на вырубку лѣсовъ: стоитъ только ограничить это право, и лѣса будутъ сберегаться. Пусть кто хочетъ довольствуется этими соображеніями, но, понимая до извѣстной степени связь экономическихъ явленій, нельзя утверждать, что запретительный законъ можетъ помочь дѣлу—напротивъ; если потребность существуетъ, то она будетъ удовлетворена, несмотря на запрещеніе.

Для разрѣшенія вопроса объ охраненіи лѣсовъ отъ истребленія, мнѣ кажется, слѣдовало бы взглянуть на дѣло поглубже и, прежде всего поставить вопросъ: почему производится это истребленіе? Вѣдь, конечно, не по капризу владѣльцевъ и не для того только, чтобъ очистить мѣсто для распашки или сѣнокошенія. Не много такихъ мѣстностей въ Россіи, гдѣ лѣсъ истребляется только съ этой цѣлью, а если и есть, то тамъ это стало быть, неизбѣжно. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ истребленіе идетъ потому, что существуетъ спросъ на топливо и строительный матерьялъ. На этомъ основаніи, мнѣ кажется, что мѣры къ охраненію лѣсовъ должны быть направлены къ уменьшенію этого спроса, и эти мѣры могутъ быть гораздо болѣе дѣйствительны, чѣмъ всякія ограниченія правъ частныхъ владѣльцевъ. Если ограниченіе спроса на строительный матеріалъ затруднительно, то ограниченіе его на топливо весьма возможно и удобно, и въ этомъ вся суть вопроса, потому что уничтоженіе нашихъ лѣсовъ идетъ преимущественно съ цѣлью заготовки дровъ. Россія обладаетъ громадными залежами двухъ сурогатовъ топлива, которые остаются безъ разработки. На сѣверѣ—торфъ, на югѣ—каменный уголь, а мѣстами также и торфъ. Оба эти сурогата ждутъ только капиталовъ, чтобъ сдѣлаться источниками значительныхъ богатствъ. Николаевская дорога сжигаетъ до 80,000 кубическихъ саженъ дровъ, которыя ей обходятся дороже 15 руб.

Digitized by Google

за кубикъ, между тѣмъ какъ она, по длинѣ своей, прорѣзываетъ громадныя залежи торфа лучшаго качества, и никто не хочетъ обратить вниманія на этотъ сурогатъ и утилизировать его. Пишущій эти строки, на основаніи собственнаго опыта, можетъ смѣло утверждать, что приготовленіе формованнаго торфа, даже при пособіи однихъ ручныхъ пріемовъ, не можетъ обойтись дороже 10 руб. за кубическую сажень, а съ употребленіемъ механическаго способа и дешевле; въ виду же превосходнаго качества торфа, имѣющагося вдоль линіи николаевской желѣзной дороги, вѣсъ кубической сажени такого торфа будетъ никакъ не менѣе 300 пудовъ, съ ничтожнымъ содержаніемъ золы: слѣдовательно, подобное топливо будетъ значительно лучше и дешевле дровъ. Въ виду возможности подобной замѣны, стоило бы только обязать желѣзныя дороги и фабрики, въ теченіи извѣстнаго періода времени, постепенно перейти къ замѣнѣ дровъ торфомъ и каменнымъ углемъ, а землевладѣльцамъ, нуждающимся въ капиталахъ, открывать кредиты подъ залогъ ихъ лѣсовъ, и можно съ полною увѣренностію сказать, что подобныя мѣры оградятъ насъ отъ лѣсоистребленія гораздо успѣшнѣе, чѣмъ воспрещеніе продавать лѣса на срубъ. Одна или двѣ попытки для разработки торфяныхъ залежей казенными чиновниками, конечно, не приведутъ ни къ чему: здѣсь нужны энергическія мѣры для того, чтобы создать промышленность, продуктовъ которой намъ нѣтъ возможности получить ни откуда и въ которыхъ мы начинаемъ сильно нуждаться. Мы тратимъ капиталы на устройство желѣзныхъ заводовъ, а, между тѣмъ, у насъ нѣтъ капиталовъ для того, чтобъ добыть топливо. Что пользы будетъ изъ того, что мы положимъ рельсы своего завода и будемъ возить изъ Англіи каменный уголь для того, чтобъ отапливать заводы и паровозы для ѣзды по этимъ рельсамъ. Мнѣ кажется, было бы лучше купить готовые рельсы, и притомъ по дешевымъ цѣнамъ, а капиталъ употребить на разработку торфяныхъ залежей. Это было бы выгоднѣе; но объ этомъ у насъ какъ-то всѣ молчатъ, а, между тѣмъ, о развитіи желѣзнаго дѣла очень хлопочутъ. Странно.

Прошу извиненія у читателя, что отвлекся отъ предмета моей съ нимъ бесѣды; но вопросъ, къ которому привелъ меня фактъ возрастанія государственнаго лѣснаго дохода, показался мнѣ настолько важнымъ, что я рѣшился сказать о немъ нѣсколько словъ. Теперь перейду къ доходу отъ оброчныхъ статей.

Выше я уже указывалъ на возрастаніе цѣнности земли и арендной за нее платы и на слабое возрастаніе этого дохода. Гдѣ же кроется причина того, что доходъ отъ казенной недвижимой собственности не возрастаетъ въ той же мѣрѣ, какъ и доходъ отъ частной? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы, разумѣется, должны искать въ самомъ способѣ извлеченія этого дохода, въ тѣхъ порядкахъ, которые установлены въ томъ и другомъ случаѣ. Посмотримъ же, въ чемъ заключаются эти порядки, кото-

Digitized by Google

рыми обставлено извлеченіе государственнаго дохода изъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ казнѣ. Прежде всего, мы видимъ, что недвижимыя казенныя имущества состоятъ изъ довольно крупныхъ участковъ земли, которые заключаютъ себѣ иногда сотни, тысячи и даже десятки тысячъ десятинъ. Рѣдко, очень рѣдко встрѣчаются между оброчными статьями участки въ нѣсколько десятковъ десятинъ. Затѣмъ, каждый отдѣльный участокъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, отдается въ однѣ руки съ торговъ, по контракту, на извѣстное число лѣтъ, не далѣе, однако 12, съ представленіемъ залога, равнаго половинѣ годовой наемной платы. Такой залогъ долженъ быть представленъ къ торгамъ, которые производятся за шесть мѣсяцевъ до вступленія въ пользованіе участкомъ; затѣмъ, при наступленіи срока, съ котораго начинается пользованіе, необходимо внести полугодовую арендную плату, а, по прошествіи другого полугодія—вторую ея половину. Такимъ образомъ, пріурочивая сроки контрактовъ къ новому году, эти условія требуютъ взноса полутораго-довой арендной платы за землю прежде, нежели арендаторъ воспользуется чѣмъ либо съ находящейся у него во владѣніи земли и, кромѣ того, долженъ сдѣлать необходимыя затраты на ея обработку. Между тѣмъ, изъ кого состоитъ дѣйствительный фактическій контингентъ съемщиковъ и арендаторовъ этихъ участковъ? Его составляютъ отдѣльные крестьяне и крестьянскія общества. Но много ли изъ нихъ находятся въ такомъ положеніи, чтобы быть въ состояніи, даже въ составѣ общества, взять въ содержаніе казенную оброчную статью значительныхъ размѣровъ на условіяхъ, упомянутыхъ выше. Они, быть можетъ, и въ состояніи обработать ее и заплатить за нее сумму вдвое бо́льшую, но не иначе, какъ тогда, когда урожай будетъ снятъ, т. е. въ концѣ лѣта, и не за годъ, а за полгода впередъ. Такія условія породили цѣлый классъ посредниковъ между казною и крестьянами, которые, внося залоги и уплачивая впередъ казенный оброчный доходъ, сдаютъ туже землю крестьянамъ, возвышая оброчную плату въ два и три раза, но съ тѣмъ условіемъ, что расплата идетъ уже изъ полученнаго урожая, при чемъ произведенія, которыми расплачиваются большею частію крестьяне, получаются по дешевымъ цѣнамъ, слѣдовательно выгоды казеннаго контрагента увеличиваются. Такимъ образомъ, обременительность условій сдачи казенныхъ земель въ оброчное содержаніе порождаетъ цѣлый классъ паразитовъ, которые наживаются насчетъ казеннаго дохода и народнаго труда, не рискуя ничѣмъ, кромѣ отсрочки уплатъ въ годы совершеннаго неурожая. Конечно, мы не имѣемъ подъ руками цифръ ни числа десятинъ оброчныхъ статей, ни платы за нихъ, для того чтобы доказать всю убыточность подобныхъ условій для казны, но у насъ остались въ памяти нѣкоторыя данныя по Саратовской Губерніи, съ которыми мы и познакомимъ читателя. Средняя цифра дохода съ казенныхъ оброчныхъ статей въ шестидесятыхъ

Digitized by Google

годахъ не превышала 69 коп., между тѣмъ какъ удѣльное вѣдомство получало около 3 руб.; частные же владѣльцы отъ 4-хъ до 10 рублей. Разница громадная, которая ничѣмъ другимъ не можетъ быть объяснена, кромѣ неудобствъ наемныхъ условій. Измѣните эти условія, и результаты будутъ совершенно иные. Одна отмѣна залоговъ можетъ значительно возвысить наемную плату, но, если при этомъ измѣнить и сроки платежа, установивъ уплату первой половины къ 15 марта, а второй 1 октября, буде есть озимовый посѣвъ, и 15 августа, буде нѣтъ его, то я вполнѣ убѣжденъ, что доходъ съ оброчныхъ статей удвоится и даже утроится. Положимъ, что нѣкоторая часть этого дохода, вслѣдствіе несостоятельности иныхъ контрагентовъ, не поступитъ вовсе или поступитъ только въ половину, но зато общее возвышеніе наемной платы вознаградитъ этотъ недоборъ съ избыткомъ. Что̀ касается залоговъ, то они не представляютъ никакой выгоды казнѣ, а только одно напрасное стѣсненіе для контрагента, такъ какъ обезпеченіемъ платежа могутъ быть уплата части арендной суммы впередъ, сдѣланныя затраты на обработку, опасеніе прекращенія контракта и, наконецъ, неустойка. Относительно же сроковъ уплаты для государственнаго казначейства рѣшительно все равно—поступаетъ ли доходъ нѣсколькими мѣсяцами раньше или позднѣе, и странно, въ самомъ дѣлѣ, ка̀къ эти простыя и очевидныя соображенія не обращаютъ на себя вниманія, и законы объ отдачѣ въ содержаніе оброчныхъ статей, выработанные чуть ли не въ началѣ нынѣшняго столѣтія, несмотря на совершенно измѣнившіяся условія землевладѣнія, остаются все въ прежнемъ видѣ и считается необходимымъ совершенно вѣрное обезпеченіе государственнаго дохода, хотя бы это обезпеченіе и уменьшало значительно общую его сумму. Это тѣмъ страннѣе, что въ другой сферѣ правительственной дѣятельности, какъ, напримѣръ, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, замѣчается значительный рискъ, несмотря на то, что доходы съ оброчныхъ статей представляютъ цифру ничтожную въ сравненіи съ цифрой процентовъ съ тѣхъ капиталовъ, которые ввѣряются желѣзно-дорожнымъ обществамъ.

Чтобы слова̀ мои не показались голословными, я позволю себѣ высказать нѣсколько мыслей о доходахъ съ желѣзныхъ дорогъ. Сравненіе доходовъ по этой статьѣ за нѣсколько лѣтъ, какъ это дѣлалось мною по другимъ статьямъ, представляется невозможнымъ, потому что въ цифрѣ прежнихъ доходовъ показывались цифры *валоваго сбора* дорогъ, находившихся въ казенномъ управленіи. Въ послѣдніе же годы, за передачею почти всѣхъ дорогъ въ вѣдѣніе частныхъ акціонерныхъ обществъ, доходами отъ этихъ дорогъ показываются только платежи въ видѣ процентовъ по облигаціямъ и принадлежащимъ правительству акціямъ. На этомъ основаніи, сравненіе этихъ двухъ цифръ дѣлается неудобнымъ. Но для того, чтобы получить объ этихъ доходахъ какое-нибудь понятіе, мы можемъ принять въ соображеніе

Digitized by Google

лишь цифры по отчетамъ за 1873 и 1874 годы и цифры по сметнымъ предположеніямъ на 1875 и 1876 годы, такъ какъ доходы за эти годы слагаются изъ однородныхъ поступленій. Сумма поступившаго дохода въ 1873 году была 17.748,475 руб., а въ 1874 году 15.506,426 руб.; на 1875 годъ доходъ предположенъ въ 23.030,296 руб., а на 1876 годъ 18.091,400 руб. Одно сопоставленіе этихъ четырехъ цифръ, конечно, должно привести къ недоумѣнію и ко многимъ вопросамъ. Прежде всего, непонятно: почему является такое колебаніе въ доходѣ, тогда какъ извѣстно, что сѣть нашихъ дорогъ постоянно разростается съ громадными пожертвованіями со стороны правительства, такъ что капиталъ правительства, затрачиваемый на это дѣло, увеличивается постоянно, и, слѣдовательно, проценты, которые обязаны уплачивать общества за ссуды, должны бы возростать, а не колебаться? Чѣмъ объясняется пониженіе нетолько поступленій, но и сметныхъ предположеній и, притомъ, на 5 мил. рублей въ двухъ, одинъ за другимъ слѣдующихъ годахъ? Наконецъ, чѣмъ же можно объяснить и ничтожность цифръ этихъ доходовъ, когда мы знаемъ, что суммы, пожертвованныя правительствомъ на это дѣло, громадны и переходятъ за милліардъ рублей серебромъ? Этотъ послѣдній вопросъ получаетъ особенное значеніе, когда, по справкѣ съ отчетомъ государственнаго контроля, видно, что одна николаевская желѣзная дорога доставила въ 1874 году дохода 8.957,370 руб. 92 коп. Вычитая эту послѣднюю цифру изъ общей суммы, полученной въ 1874 году отъ желѣзныхъ дорогъ, увидимъ, что всѣ капиталы, затраченные правительствомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ въ послѣднее десятилѣтіе, доставили только 6.649,055 руб. 8 коп. Если же взглянуть на отчетъ государственнаго контроля по сметѣ расходовъ министерства путей сообщенія, то въ немъ окажется цифра выданныхъ обществомъ пособій на уплату гарантированныхъ по акціямъ и облигаціямъ процентовъ всего 5.096,816 руб. 89 коп. Несмотря на правильность выведенной государственнымъ контролемъ цифры произведенныхъ на этотъ предметъ расходовъ, я позволю себѣ сказать, что она значительно менѣе дѣйствительной, если принять въ соображеніе отчеты желѣзнодорожныхъ обществъ. Разница эта происходитъ на томъ основаніи, что суммы, слѣдующія въ пособіе на уплату гарантированнаго дохода, отпускаются впередъ по предположеніямъ желѣзнодорожныхъ правленій. Въ 1873 году, такіе авансы были отпущены въ бо́льшемъ количествѣ въ сравненіи съ тою суммою, на которую общества имѣли право, и эти излишки поступили къ зачету въ 1874 году, и, такимъ образомъ, сумма приплатъ за этотъ годъ уменьшилась. Въ настоящую минуту я не имѣю возможности представить читателю, ка́къ велика дѣйствительная цифра приплатъ по этой статьѣ, но надѣюсь вывести ее при разсмотрѣніи сметы государственныхъ расходовъ; теперь же попрошу читателя повѣрить

Digitized by Google

мнѣ на-слово. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что, если эта цифра не превыситъ вышеприведенной цифры дохода въ 6.649,055 руб., то будетъ немногимъ ея менѣе. Изъ этихъ цифръ оказывается, что, если не принимать въ разсчетъ цифры дохода, доставляемаго николаевской дорогой, какъ дохода съ капитала прежнихъ займовъ и прежнихъ затратъ на содержаніе и эксплуатацію дороги, то затраты, сдѣланныя впродолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, до сихъ поръ не приносили ровно никакого дохода, и это подтверждается тѣмъ, что 1874 годъ былъ лучшимъ по количеству валоваго сбора, доставленнаго желѣзными дорогами, а въ 1875 году этотъ сборъ значительно понизился, и, слѣдовательно, приплата по гарантіямъ должна возрости. Затѣмъ, уменьшеніе въ предположенной цифрѣ доходовъ по этой статьѣ на 1876 годъ уже прямо указываетъ на такое положеніе желѣзныхъ дорогъ, при которомъ онѣ не въ состояніи исполнять принятыхъ ими на себя обязательствъ передъ правительствомъ. Отсюда прямо возникаетъ вопросъ: какъ велики эти обязательства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти, прежде всего, въ самой росписи, а затѣмъ въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля.

Въ самой государственной росписи встрѣчаются слѣдующія данныя: на платежи процентовъ и погашенія по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, выпущенныхъ самимъ правительствомъ, назначается по сметѣ на 1876 годъ 32.457,264 р., но извѣстно также, что 2-й съ выигрышами заемъ вошелъ въ составъ желѣзнодорожнаго фонда, и потому проценты и погашеніе по этому займу должны быть отнесены къ тѣмъ пожертвованіямъ, которыя правительство дѣлаетъ на устройство желѣзныхъ дорогъ. На этомъ основаніи, къ вышеприведенной цифрѣ слѣдуетъ прибавить 6.642,250 р. Такимъ образомъ, существующая сѣть желѣзныхъ дорогъ обходится государству ежегодно въ 39.099,514 руб., въ уплату которыхъ оно до сихъ поръ еще ничего не получало. Но мнѣ могутъ возразить, что желѣзныя дороги выгодны не по дѣйствительному доходу, который онѣ приносятъ, а вслѣдствіе того вліянія, которое онѣ имѣютъ на развитіе промышленности и торговли, и, слѣдовательно, на развитіе народнаго благосостоянія. Не смѣя спорить противъ этого послѣдняго положенія, я позволю себѣ, однакожь, усумниться въ томъ, чтобы народное благосостояніе возростало въ размѣрѣ тѣхъ пожертвованій, которыя ежегодно дѣлаются государствомъ для поддержанія желѣзнодорожной сѣти, не говоря уже о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя приносятся для дальнѣйшаго ея расширенія. Мнѣ кажется, что, какимъ бы оптимизмомъ ни отзывался взглядъ наблюдателя, трудно предположить, чтобы наше народное производство увеличивалось ежегодно на сумму болѣе, чѣмъ въ 39 мил. рублей, которые составляютъ проценты на затраченный капиталъ. Предпріятіе тогда только можетъ считаться выгоднымъ, когда оно оплачиваетъ нетолько проценты и погаше-

Digitized by Google

ніе капитала, но и, кромѣ того, приноситъ извѣстное вознагражденіе. Между тѣмъ, все насъ окружающее не представляетъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы на возрастаніе народнаго дохода. Еслибы народный доходъ нашъ или, что̀ все равно, наше производство возростало, то оно не могло бы не отразиться на цифрѣ нашего вывоза, тогда какъ эти цифры не говорятъ ничего утѣшительнаго и нисколько не возросли за послѣдніе четыре года. Нашъ вывозъ по европейской и азіатской границѣ достигалъ въ 1870 году 351 мил., возросъ въ 1871 году до 361 мил., въ 1872 г. понизился до 320 мил. и въ 1873 году вновь достигъ 354 мил. Стало быть, здѣсь замѣчается не увеличеніе отпуска, а колебаніе, причемъ средняя цифра, въ 348 мил., оказывается менѣе, чѣмъ даже въ 1870 году.

Другимъ источникомъ данныхъ для опредѣленія цифры обязательствъ желѣзнодорожныхъ обществъ по отношенію къ государственному казначейству служитъ отчетъ государственнаго контроля. Изъ этого отчета мы видимъ, что къ 1875 году выдано было обществамъ желѣзныхъ дорогъ изъ желѣзнодорожнаго фонда, за пріобрѣтенныя правительствомъ акціи и облигаціи, за сдѣланныя имъ ссуды, а также на заказы желѣзнодорожныхъ принадлежностей, всего 345.389,485 руб., да, кромѣ того, состоитъ за ними въ долгу государственному казначейству по выдачѣ пособій на уплату гарантированнаго дохода, недоимки по уплатѣ процентовъ за облигаціонный капиталъ, по сдѣланнымъ ссудамъ изъ общихъ доходовъ и за уступленныя принадлежности всего 215.468,025 руб. Если сложить эти двѣ цифры, окажется, что государственнымъ казначействомъ затрачено на желѣзнодорожное дѣло 550.857,510 руб. Но этимъ далеко еще не исчерпываются пожертвованія правительства на это дѣло, такъ какъ въ эти цифры вошли только суммы, дѣйствительно выданныя правительствомъ по облигаціямъ, не включая сюда ни расходовъ по реализаціи бумагъ, ни процентовъ за время постройки, ни суммъ, выданныхъ за пріобрѣтенныя акціи, ни суммъ, которыя, по принятымъ обязательствамъ, подлежатъ къ выдачѣ строющимся дорогамъ. Для опредѣленія всѣхъ вообще пожертвованій правительства мы имѣемъ въ виду вѣдомость, изданную при журналѣ министерства путей сообщенія во 2-й книжкѣ 1874 года. Въ этой вѣдомости значится, что по 1-е января этого года принято правительствомъ за свой счетъ акцій и облигацій обществъ на сумму 735,691,322 руб. Что̀ же касается долговъ по гарантіи, ссудамъ и недоимкамъ процентовъ на облигаціонный капиталъ, то эти суммы опредѣлятся по 1-е января 1875 года, если мы къ вышеозначенной суммѣ 215.468,025 руб. прибавимъ долгосрочныя и краткосрочныя ссуды, сдѣланныя изъ желѣзнодорожнаго фонда, 46.610,007 р., и употребленныя на заказы желѣзнодорожныхъ принадлежностей 22.724,422 руб. Такимъ образомъ, складывая всѣ четыре послѣднія цифры,

Digitized by Google

мы получимъ дѣйствительныя затраты правительства на желѣзнодорожное дѣло въ послѣднія 20 лѣтъ, а именно: 1.120.493,776 руб. Если предположить, что эта сумма должна приносить только 5%, то и тогда доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ, за исключеніемъ николаевской дороги, долженъ бы доходить до 56-ти мил. рублей; между тѣмъ, этотъ капиталъ не приноситъ никакого дохода. Не думаемъ, чтобы подобный дефицитъ могъ покрываться выгодами промышленности, которыя должны бы, въ такомъ случаѣ, выразиться въ очень яркихъ чертахъ, чего, однакожъ, не замѣчается.

Здѣсь, читатель, не мѣсто входить въ изслѣдованіе причинъ подобнаго неблагопріятнаго положенія у насъ желѣзнодорожнаго дѣла, такъ какъ подобное изслѣдованіе отвлекло бы меня отъ главной моей задачи; но я все-таки рѣшаюсь указать на одну изъ причинъ: это—система устройства и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ посредствомъ анонимныхъ акціонерныхъ обществъ. Подъ фирмою обществъ дѣйствуютъ отдѣльныя лица и только этимъ путемъ освобождаютъ себя отъ всякой отвѣтственности. Всѣ расходы обществъ ведутся безъ малѣйшаго контроля, и въ дѣлахъ обществъ царствуютъ полнѣйшій произволъ, распущенность и безпорядокъ, которыхъ не было и не можетъ быть ни при какомъ хаотическомъ казенномъ управленіи. Если и есть въ этомъ отношеніи исключенія, то они чрезвычайно рѣдки. Всѣ эти безпорядки допускаются въ томъ чаяніи, что недочеты и недостатки будутъ покрыты правительствомъ, въ виду того, что послѣднее, затративъ значительныя суммы, не пожелаетъ подорвать дѣла.— Но все это можетъ идти только до поры до времени, и, если долги желѣзнодорожныхъ обществъ будутъ возростать въ той мѣрѣ, какъ это было до сихъ поръ, то кризисъ очень недалекъ. Пора устроить, наконецъ, контроль за дѣйствіями обществъ, и контроль не мнимый, но дѣйствительный; пора перестать опасаться оглашенія передъ судомъ тѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій, которые открыты и подтверждены офиціальными документами.

Многое можно было бы высказать о нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ нашихъ государственныхъ доходовъ, но я опасаюсь утомить вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что и сказаннаго вполнѣ достаточно для разъясненія дѣла. Теперь, оканчивая изложенія замѣчаній по доходамъ, мнѣ остается только резюмировать общее положеніе дѣлъ. Мнѣ кажется, что настоящій моментъ представляется весьма удобнымъ для того, чтобы установить нашу финансовую систему на весьма прямыхъ и раціональныхъ основаніяхъ. Таможенныя пошлины и доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ представляютъ серьёзныя средства, которыя могутъ возрастать въ значительныхъ размѣрахъ, если, съ одной стороны, измѣнится система торговой политики, а съ другой, потребуется отъ желѣзнодорожныхъ обществъ строгое исполненіе принятыхъ ими обя-

Digitized by Google

зательствъ въ отношеніи правительства и судебная власть получитъ возможность преслѣдовать уклоненія отъ законнаго образа дѣйствій. Увеличеніе дохода по этимъ двумъ статьямъ, не обременяя нисколько плательщиковъ податей, можетъ дать средства реформировать наше финансовое законодательство о податяхъ и налогѣ на вино и безъ затрудненій встрѣтить даже убыль въ этихъ доходахъ, которой, конечно, надо ожидать при болѣе раціональной системѣ. Точно такое же прогрессирующее значеніе можетъ получить и налогъ на торговлю, если принять тѣ основанія обложенія, о которыхъ мы говорили выше. Вообще, въ системѣ нашихъ налоговъ необходимо перенести центръ ихъ тяжести на другую точку опоры: облегчить, по возможности, платежи, обременяющіе трудъ, и привлечь къ болѣе серьёзному участію въ этихъ платежахъ имущество и капиталъ, которые до сихъ поръ, пользуясь всѣми выгодами покровительства законовъ, не несли никакихъ податныхъ тягостей. Я говорю *никакихъ* потому, что нельзя же считать серьёзнымъ участіемъ въ податныхъ тягостяхъ то ничтожное обложеніе, которое падаетъ у насъ на имущество и капиталы.

Не могу, при этомъ, не выразить благодарности «*Современнымъ Извѣстіямъ*». Почтенная газета старается распространить въ публикѣ мнѣнія мои, высказанныя по поводу нашего бюджета въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ записокъ». Въ одномъ изъ ея №№, кажется отъ 30 марта, помѣщена передавая статья за подписью нѣсколькихъ буквъ. Въ ней я нашелъ нетолько повтореніе моихъ мыслей, но повтореніе почти моими же словами; короче сказать, эта передовая статья оказывается простымъ извлеченіемъ изъ указанной выше моей статьи, такъ что я ожидалъ встрѣтить въ концѣ статьи и указаніе источника. Между тѣмъ, такого указанія не имѣлось, и статья носила характеръ оригинальнаго произведенія. Не правда-ли, читатель, что подобный способъ пробавляться чужими мыслями и словами очень удобенъ?

А. Головачовъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Прокламація, обнародованная комиссіей для изслѣдованія медіумическихъ явленій. — Характеръ изслѣдованій комиссіи и результаты, ею добытые. — Комиссія, занимающаяся разработкой вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. — Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи вообще.—Результаты, къ которымъ пришла комиссія.—Женщины, получившія дипломы докторовъ медицины въ иностранныхъ университетахъ и болѣе трехъ лѣтъ экзаменуемыя въ Россіи на степень ученыхъ акушерокъ.—Недопущеніе г-жи Кашеваровой-Рудневой къ защитѣ докторской диссертаціи. — Сочувствіе г. министра народнаго просвѣщенія высшему женскому образованію. — Необходимость введенія въ женскія гимназіи полной программы мужскихъ гимназій. — Необходимость обязательнаго народнаго образованія. — Дѣло г. Крестовскаго.

Комиссія физическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ, занимавшаяся изслѣдованіемъ медіумическихъ явленій, наконецъ, откликнулась и обнародовала обширную прокламацію о результатахъ своихъ изслѣдованій. Въ концѣ этой прокламаціи красуются двѣнадцать ученыхъ именъ, утверждающихъ достовѣрность всего того, что̀ въ ней изображено. И какія имена! Все, что̀ только могло, все, что̀ хоть сколько-нибудь пріобщилось къ ученію о естествѣ—все ополчилось на спиритизмъ и вошло въ эту комиссію. Нетолько профессора, но и преподаватели, приват-доценты, магистранты, лаборанты — всѣ призваны были въ комиссію на защиту науки!

Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же несправедливо обойдены комиссіей незабвенные московскіе братья Милеанты? Они, вѣроятно, также не чужды ученію о естествѣ. Что̀ касается до готовности постоять за науку, то въ этомъ они несомнѣнно неуступятъ ни одному изъ настоящихъ членовъ комиссіи. Задача же комиссіи была именно такова, что здѣсь требовались нестолько люди науки, сколько люди, считающіе себя, если можно такъ выразиться, состоящими при наукѣ по особымъ порученіямъ. Вопросы, которые поставила себѣ для разрѣшенія комиссія, были вопросы совсѣмъ неразрѣшимые для науки и вовсе не подлежащіе даже ея изслѣдованію? Міръ спиритизма и міръ, подлежащій вѣдѣнію науки, это — два міра, діаметрально противоположные другъ другу, не имѣющіе ни одной точки соприкосновенія между собою, никакихъ общихъ пріемовъ для изслѣдованія истины, мало того—взаимно исключаю-

Digitized by Google

ющіе другъ друга. Если спиритъ съ полнымъ убѣжденіемъ можетъ выдавать за несомнѣнную истину, что столъ двигается нѣкоторою силою, находящеюся совершенно внѣ міра, подлежащаго вѣдѣнію науки, то для человѣка науки такая истина просто nonsens, круглая нелѣпость. О чемъ же могутъ человѣкъ науки и спиритъ разсуждать другъ съ другомъ и какими доказательствами будутъ они убѣждать другъ друга? Представьте себѣ, что нѣсколько анатомовъ, хирурговъ, физіологовъ собралось бы вмѣстѣ и составили ученую комиссію для изслѣдованія вопроса о томъ: можно ли отрѣзать ногу у дѣвицы Жекэ и подвергнуть ее научному изслѣдованію? Такую комиссію, навѣрное, всѣ, нисколько не задумываясь, назвали бы комиссіею съумасшедшихъ. Но, вѣдь, тѣ же самые спириты, которые говорятъ, что есть нѣкоторая таинственная сила, двигающая столами, утверждаютъ, что эта самая сила и матеріализируетъ духовъ—облекаетъ ихъ нетолько въ человѣческое тѣло, но даже въ модныя платья. И если человѣкъ науки настолько имѣетъ довѣрія къ первому положенію, что можетъ признавать его фактомъ, достойнымъ научнаго изслѣдованія, то непонятно, на какомъ бы основаніи онъ сталъ отказываться и отъ изслѣдованія втораго положенія, съ научной точки зрѣнія совершенно одинаковаго достоинства съ первымъ.

Изъ этого ясно, что, если люди науки вступаютъ въ разсужденія и состязаются съ спиритами, то дѣлаютъ это никакъ не въ качествѣ людей науки. Напротивъ, на это время они великодушно забываютъ, что они—люди науки, самоотверженно снимаютъ съ себя ученыя мантіи и одѣваются въ костюмъ фокусниковъ, чтобы высмотрѣть тѣ секреты, посредствомъ которыхъ спириты производятъ свои фокусы и, если возможно, перефокусничать ихъ. Полицейская наблюдательность, полицейская проницательность, ловкость, расторопность — вотъ качества, которыми они тогда для успѣха дѣла вооружаются по мѣрѣ данныхъ каждому изъ нихъ для этого отъ Бога силъ и способностей. И, собственно говоря, трудно сказать: какая комиссія могла бы съ бо̀льшимъ успѣхомъ разоблачить секреты спиритовъ—комиссія ли, составленная изъ людей науки, или комиссія изъ простыхъ фокусниковъ? Что касается до меня, то, даже при равныхъ способностяхъ и результатахъ, я всегда предпочелъ бы комиссію изъ фокусниковъ: потому что послѣдняя ни своимъ вниманіемъ, ни своими пріемами и обстановкой, ни успѣхомъ, ни неуспѣхомъ не можетъ дать въ глазахъ публики серьёзнаго значенія пустякамъ и тѣмъ какъ бы санкціонировать ихъ право на вниманіе. Спиритизмъ такъ бы и остался для всѣхъ пустяками, что̀ бы съ нимъ ни дѣлала и къ какимъ бы результатамъ ни пришла комиссія, составленная изъ фокусниковъ—и, между прочимъ, именно потому, что имъ занимаются только фокусники, наука же считаетъ этотъ предметъ недостойнымъ своего вниманія.

Теперь, когда изслѣдованіемъ спиритизма занялись люди нау-

Digitized by Google

ки, дѣло стало совсѣмъ иначе... Но, разъ оно такъ стало, назадъ его не поворотишь—и намъ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ принести дань удивленія подписавшимся подъ прокламаціею двѣнадцати апостоламъ науки за подъятый ими подвигъ изслѣдованія спиритизма, хотя и вполнѣ безполезный, но самоотверженный, а затѣмъ разсмотрѣть тѣ мотивы, которые побудили ихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, на изслѣдованіе спиритизма, и тѣ результаты, которыхъ они достигли.

Почтенные двѣнадцать ученыхъ объявляютъ въ своей прокламаціи, что образовали изъ себя комиссію вовсе не съ научною цѣлію — не съ цѣлію изслѣдовать спиритизмъ (нелѣпость этого лжеученія была для нихъ выше всякаго сомнѣнія)—а съ цѣлію чисто практическою, *миссіонерскою*. Видите ли, они имѣли въ виду:

а) «быстроту, съ какою въ началѣ 1875 года сталъ распространяться интересъ къ медіумическимъ явленіямъ»;

б) «легкомысленное отношеніе многихъ къ мистическому ученію спиритовъ», и

в) «упреки, обращонные къ наукѣ, не признающей спиритовъ, со стороны лицъ, начавшихъ распространять у насъ это ученіе»— ну, а, имѣя все это въ виду, они не могли удержаться, чтобы не вступить въ состязаніе съ спиритами *о правой вѣрѣ*. Какъ видите, передъ нами являются новые святые отцы правовѣрной науки, которые, усмотрѣвъ между правовѣрными смущеніе, производимое новымъ еретическимъ ученіемъ, возревновали о правой наукѣ и рѣшились открыть соборъ изъ правовѣрныхъ ученыхъ для суда надъ еретическимъ ученіемъ. На судъ, вмѣстѣ съ ученіемъ, необходимо было, по древнему обычаю, привлечь и ересіарховъ или главныхъ виновниковъ въ распространеніи лжеученія. Такъ и поступила комиссія. «Немедленно—пишетъ она— по учрежденіи, комиссія обратилась къ лицамъ, распространяющимъ у насъ спиритизмъ, съ приглашеніемъ доставить свѣдѣнія о подлинныхъ спиритическихъ явленіяхъ. Гг. Аксаковъ, Бутлеровъ и Вагнеръ приняли это предложеніе». Правда, эти лица далѣе въ прокламаціи не называются ни обвиняемыми, ни ересіархами, какъ это дѣлалось въ старину, а титулуются только свидѣтелями; но читатель не долженъ забывать, что въ новыхъ утонченныхъ и деликатныхъ судебныхъ формахъ очень нерѣдко въ качествѣ свидѣтелей фигурируютъ самые крупные обвиняемые до тѣхъ поръ, пока ихъ преступленіе окончательно не выяснится и ихъ не пересадятъ на скамью подсудимыхъ. Кромѣ того, комиссія, весьма естественно, всѣми силами старается о томъ, чтобы скрыть свой настоящій полицейско-судебный характеръ и придать себѣ ученый колоритъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы сказать прямо и откровенно: «мы собрались для того, чтобы осудить вновь явившееся еретическое ученіе и его распространителей, что̀ вполнѣ логично вытекаетъ изъ тѣхъ чисто миссіонерскихъ мотивовъ, приведенныхъ нами выше, которые

Digitized by Google

подали поводъ къ учрежденію коммисіи», ученые мужи, засѣдающіе въ коммисіи, говорятъ: «Комиссія задалась цѣлію: снять съ явленій спиритизма печать таинственности, провѣрить ихъ неподдѣльность и *подлинные изъ нихъ, если они существуютъ, изучить съ помощью способовъ, приличныхъ наукѣ*». Но позвольте: о какихъ же это подлинныхъ въ спиритизмѣ явленіяхъ и о научномъ изслѣдованіи ихъ вы можете говорить, когда въ мотивахъ къ учрежденію комиссіи вы прямо послѣдователей спиритизма обозвали людьми легкомысленными? Очевидно, на эти слова комиссіи нельзя смотрѣть иначе, какъ на пустую фразу, стоящую въ прямомъ противорѣчіи съ ея взглядомъ на спиритизмъ.

Выше мы доказали, что, по существу самаго дѣла, относительно спиритизма никакого научнаго изслѣдованія быть не могло. Теперь изъ взгляда самой комиссіи на спиритизмъ оказывается, что она вовсе и не имѣла въ виду научнаго изслѣдованія. Единственно возможное для комиссіи изслѣдованіе о спиритизмѣ было чисто полицейско-судебное. Произведено ли ею, по крайней мѣрѣ, такое изслѣдованіе обстоятельно и съ толкомъ? И на этотъ вопросъ мы должны, къ сожалѣнію, дать отрицательный отвѣтъ. Возьмемъ для примѣра отчетъ комиссіи въ засѣданіяхъ ея съ братьями Петти. Вотъ что̀ пишетъ комиссія:

«Въ октябрѣ 1875 года, въ комиссію были представлены два медіума, братья Петти, приглашенные А. Н. Аксаковымъ изъ Ньюкэстля. Ихъ медіумичность была удостовѣрена нетолько письменнымъ свидѣтельствомъ г. Аксакова, но и его указаніемъ на многіе печатные благопріятные отзывы спиритовъ о медіумизмѣ семьи Петти».

«Комиссія имѣла шесть засѣданій съ медіумами Петти; свидѣтелями были гг. Аксаковъ и Бутлеровъ. Два первыя засѣданія были посвящены, согласно съ желаніемъ свидѣтелей, ознакомленію медіумовъ со средой, въ которой имъ приходилось дѣйствовать. Четыре слѣдующія засѣданія служили для цѣлей комиссіи и происходили въ ноябрѣ 1875 года. На этихъ засѣданіяхъ оказалось слѣдующее:

«1) Братья Петти производили нѣкоторыя изъ медіумическихъ явленій, обѣщанныхъ особыми заявленіями, когда не было принимаемо никакихъ предосторожностей, предупреждающихъ возможность обмана, или когда ограничивались мѣрами, указанными свидѣтелями и неустраняющими возможности обмана.

«2) Обѣщанныя медіумическія явленія или вовсе не совершались въ присутствіи братьевъ Петти, или же обманныя ихъ дѣйствія обнаруживались каждый разъ, когда принимались членами комиссіи простѣйшія мѣры, могущія изобличить подлогъ.

«3) Свидѣтели, ссылаясь на многолѣтнюю практику спиритизма, а также и сами медіумы требовали при сеансахъ выполненія такихъ условій, какъ темнота или полутьма и удаленіе чле-

Digitized by Google

новъ комиссіи отъ медіумовъ, при которыхъ устранялась возможность точнаго наблюденія.

«4) Свидѣтели, въ разное время, весьма различно опредѣляли условія, будто бы благопріятствующія спиритическимъ явленіямъ.

«5) Въ засѣданіи 20-го ноября оказался разрывъ занавѣски, находившейся около медіумовъ и назначенной для прегражденія имъ доступа къ колокольчикамъ, звонъ которыхъ составлялъ обѣщанное спиритическое явленіе».

Прошу каждаго читателя внимательно прочесть выписанныя мною строки и поразмыслить, что̀ можно вынести изъ такого голословнаго протокола комиссіи, кромѣ того, что *оные* 12 ученыхъ мужей въ ней засѣдали четыре раза вмѣстѣ съ братьями Петти и двумя ересіархами или, какъ выражается комиссія, свидѣтелями, что братья Петти нѣкоторыя изъ медіумическихъ явленій совершили удачно, когда не было принимаемо предосторожностей со стороны комиссіи; но когда принимались предосторожности, то или былъ полный неуспѣхъ, или обнаруживались прямо обманныя дѣйствія и т. д. Спрашивается: какія медіумическія дѣйствія совершались братьями Петти успѣшно? безъ какихъ предосторожностей? какія комиссія принимала предосторожности? какія обманныя дѣйствія обнаружены комиссіей? и ка̀къ? Ничего этого нѣтъ. Комиссія, повидимому, не допускаетъ и мысли, чтобы кто-нибудь возъимѣлъ смѣлость усомниться нетолько въ компетентности ея въ томъ дѣлѣ, за которое она взялась, а даже въ непогрѣшимости ея голословныхъ приговоровъ. И возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться! Если лаборантъ А. примѣтилъ, магистрантъ Б. подтвердилъ, приват-доцентъ В. согласился, преподаватель Г. пояснилъ и дополнилъ изъ собственнаго разума, профессоръ Д. одобрилъ, то какіе еще болѣе непоколебимые упоры можетъ найдти простой смертный для утвержденія истины? Такъ, надобно полагать, думаетъ о себѣ комиссія, и самомнѣніе это въ своемъ родѣ весьма замѣчательное! Даже соборы, за которыми весь міръ признавалъ свыше данное право все *вязать* и *рѣшить* по своему усмотрѣнію, не доходили до такого абсолютнаго пользованія своимъ авторитетомъ, хотя имѣли полное на это право. Привлекая къ отвѣту еретическія ученія и ихъ распространителей, они старались ясными для всѣхъ доказательствами показать несправедливость вновь явившейся ереси и утвердить истину. Современные отцы правовѣрной науки не находятъ этого нужнымъ. Они думаютъ, что, сто̀итъ имъ наименовать свой ученый чинъ и даже чинишко—и весь міръ долженъ вѣрить въ непреложность того, что̀ они скажутъ или сдѣлаютъ. Но, гг. ученые члены комиссіи, если вы хотите рѣшать вопросы авторитетами тѣхъ или другихъ ученыхъ именъ, то подумайте: сколько нужно сложить въ одну чашу вѣсовъ разныхъ лаборантовъ, магистрантовъ, приват-до-

Digitized by Google

центовъ и т. д., чтобы перетянуть даже только два такіе крупные ученые авторитета, какъ Крукcъ и Бутлеровъ?

Замѣчательно, что комиссія, пока она вела свои засѣданія, повидимому, порывалась высказать публикѣ все то, что̀ она предпринимаетъ для раскрытія секретовъ и уличенія спиритовъ. Такъ, въ газетахъ разсказывалось даже о томъ (о чемъ я и упоминалъ уже въ одномъ изъ моихъ обозрѣній), ка̀къ одинъ изъ членовъ комиссіи состязался съ спиритами въ плеваніи, стараясь плюнуть такъ же далеко, какъ они, и даже переплюнуть ихъ. Теперь, когда комиссія обязана была бы подробно и обстоятельно объяснить, что̀ она дѣлала, она или молчитъ, или отдѣлывается общими мѣстами. Что̀-жъ это значитъ? Ужь не стыдится ли комиссія обнародовать тѣ ученые пріемы, которые она употребляла для уличенія и обличенія спиритовъ? Но, разъ комиссія разсказала о такомъ фактѣ, какъ ученое состязаніе въ плеваніи, то, мнѣ кажется, стыдиться болѣе вовсе нѐчего. Далѣе этого ученые пріемы комиссіи уже не шли, ибо и идти далѣе было нѐкуда. Кромѣ того, и стыдъ этотъ, если онъ есть, совершенно ложный. Разъ комиссія рѣшилась вести полицейско-судебное изслѣдованіе, нѣтъ такого пріема, который она могла бы считать недостойнымъ себя, если только этотъ пріемъ признанъ ею нужнымъ для раскрытія дѣла.

Не болѣе удовлетворительно изложенъ отчетъ и о засѣданіяхъ комиссіи съ г-жою Клайръ, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, видно, о чемъ именно идетъ рѣчь и изъ-за чего ведется споръ. Г-жа Клайръ и свидѣтели (читай ересіархи; здѣсь уже всѣ трое были на лицо) требуютъ для сеансовъ обыкновенныхъ столовъ; комиссія настаиваетъ на употребленіи нарочно устроеннаго ею манометрическаго стола. Какіе столы ученая комиссія разумѣетъ подъ обыкновенными столами—понять невозможно. Она не считаетъ нужнымъ опредѣлять ни вѣса, ни формы, ни величины столовъ, на которыхъ настаивали г-жа Клайръ и свидѣтели. Даже названія для этихъ столовъ она употребляетъ разныя. Можно думать и такъ, что въ разныхъ засѣданіяхъ употреблялись, дѣйствительно, разные столы, а, можетъ быть, произошло это просто оттого, что ученая комиссія точность выраженій считаетъ для себя излишнею роскошью. Я, впрочемъ, склоняюсь къ первому предположенію по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ первомъ пунктѣ отчета говорится о *простомъ столѣ*; во второмъ пунктѣ, вѣроятно, этотъ же самый столъ называется *обыкновеннымъ* столомъ; но въ третьемъ пунктѣ являются, хотя и *обыкновенные*, но уже не *столы*, а *столики*. Не думаю, чтобы эти столики можно было принимать за одно и то же со столами, тѣмъ болѣе, что тутъ же сообщается, что члены комиссіи разъ прямо замѣтили, что «г-жа Клайръ подвела свою ногу подъ ножку стола». Изъ этого ученаго наблюденія надъ ногою г-жи Клайръ и ножкою стола и сопоставленія съ ножкою стола ноги г-жи Клайръ, сдѣланнаго, очевидно, не безъ тенденціи, я заклю-

Digitized by Google

чаю, что нога г-жи Клайръ была громадна въ сравненіи съ ножкою стола и могла подбросить послѣдній, пожалуй, до потолка, и что, слѣдовательно, столикъ, о которомъ говорится въ третьемъ пунктѣ, есть нѣчто особое, очень легковѣсное по отношенію къ столу обыкновенному и столу простому, упоминаемымъ въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ.

Несмотря на неудовлетворительность отчета, комиссія осталась видимо, довольна своими засѣданіями съ г-жею Клайръ. Вопервыхъ, комиссія сочинила такой столъ, за которымъ г-жа Клайръ не имѣла никакихъ успѣховъ и отъ сеансовъ за которымъ отказались потомъ какъ она, такъ и свидѣтели. Вовторыхъ, комиссія съ торжествомъ объявляетъ, что члены ея сами продѣлывали всѣ тѣ медіумическія явленія, какія и г-жа Клайръ. Очень жаль, что комиссія не сообщаетъ ни тѣхъ медіумическихъ явленій, которыя были исполнены ея членами, ни именъ членовъ-исполнителей, хотя и нельзя не порадоваться такой замѣчательной побѣдѣ ученой комиссіи надъ г-жею Клайръ.

Вкратцѣ мы исчерпали почти все фактическое содержаніе изданной ученою комиссіей прокламаціи. Содержаніе это, какъ видитъ читатель, очень убогое. Изъ этого убогаго содержанія нельзя сдѣлать ровно никакого точнаго вывода. Сама комиссія чувствовала это и потому, не довольствуясь своими учеными изслѣдованіями, запаслась *источниками* по спиритизму, т. е. печатными свѣдѣніями о спиритическихъ явленіяхъ и о спиритизмѣ вообще; кромѣ того, заставила своихъ членовъ разсказать «всѣ ихъ, какъ она выражается, опыты и наблюденія надъ спиритизмомъ внѣ комиссіи» и, на основаніи такого добротнаго матеріала, скомпановала девять пунктовъ общихъ выводовъ относительно спиритизма. Всѣ эти выводы носятъ характеръ уличныхъ истинъ или истинъ прописной морали. Если угодно, въ общемъ, они—абсолютно вѣрны, но все это—не болѣе, какъ общія мѣста, въ которыхъ нѣтъ никакого опредѣленнаго, прочно-обоснованнаго содержанія. Для провозглашенія такихъ выводовъ вовсе нѣтъ нужды ни засѣдать въ комиссіи, ни дѣлать ученыхъ состязаній въ переплевываніи. Ихъ на каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ, каждый день, на всѣ лады, повторяетъ стоустая молва. И каждый членъ комиссіи, каждое утро, за своей чашкой чая или кофе, въ какіе-нибудь полчаса можетъ сочинять ихъ цѣлыми десятками. Такимъ же точно характеромъ общаго мѣста запечатлѣно и общее заключеніе комиссіи, подчеркнутое, однакоже, для читателя, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, въ самомъ подлинникѣ курсивомъ, аки нѣкая священная мудрость: ты, дескать, читатель, чти и благоговѣй, что̀ мы открыли тебѣ. А заключеніе это провозглашаетъ слѣдующую мудрость: «*спиритическія явленія происходятъ отъ безсознательнаго движенія или отъ сознательнаго обмана, а спиритическое ученіе есть суевѣріе*».

Спрашивается: есть ли хоть одинъ не-спиритъ, который бы

Digitized by Google

этой самой мудрости не повторялъ каждый разъ, когда рѣчь заходитъ о спиритизмѣ? И стоило ли для такого, всѣми давно открытаго открытія огородъ городить, т. е. учреждать комиссію, засѣдать, состязаться, писать протоколы и т. п.

Въ шестомъ пунктѣ своихъ выводовъ, характеризуя, между прочимъ, ученыхъ, увлекшихся спиритизмомъ, комиссія говоритъ: «люди науки, увлекшіеся спиритизмомъ, относятся къ нему почти исключительно, какъ праздные любители зрѣлищъ, а не какъ пытливые изслѣдователи явленій природы». Эти же самыя слова мы имѣемъ полное право повторить о людяхъ науки, засѣдавшихъ въ комиссіи, хотя они и не увлечены спиритизмомъ. Что ихъ привела въ комиссію не жажда изслѣдованія явленій природы, а одно тщеславное желаніе играть роль общественныхъ просвѣтителей—это очевидно какъ изъ результатовъ, добытыхъ комиссіею, такъ даже изъ самаго факта учрежденія послѣдней. Въ качествѣ пытливыхъ изслѣдователей явленій природы, члены комиссіи постарались бы познакомиться съ возможно бо́льшимъ количествомъ медіумическихъ явленій, заняться возможно тщательнымъ ихъ разсмотрѣніемъ и дать публикѣ обстоятельное объясненіе всѣхъ своихъ опытовъ и наблюденій, съ подробнымъ указаніемъ причинъ, почему они считали нужнымъ дѣлать то или другое, затѣмъ они удержались бы отъ всякихъ собственныхъ выводовъ и заключеній, потому что публика вовсе не имѣла никакой нужды въ выводахъ и заключеніяхъ комиссіи; ей, публикѣ, нужны были факты, повѣрка фактовъ, способъ повѣрки; оцѣнить достоинства работы и сдѣлать выводы и заключенія она съумѣла бы и сама. Въ роли общественныхъ просвѣтителей члены комиссіи пошли другимъ путемъ: фактическую сторону работы совершили небрежно, кое-какъ, а заключеній и выводовъ, ни на чемъ не основанныхъ, нагромоздили цѣлый ворохъ. Потому, вмѣсто серьёзнаго изслѣдованія, вышла нравоучительная сказка о добродѣтельномъ Колѣ и порочной Машѣ для малыхъ дѣтей. Самое учрежденіе комиссіи доказываетъ, что членами ея руководило не пытливое желаніе изслѣдовать явленія природы, а желаніе играть роль общественныхъ просвѣтителей, въ чемъ они и сами откровенно признаются, смотря на свою задачу, какъ на чисто миссіонерскую. Человѣкъ науки едва ли бы рѣшился выступить на публичную борьбу съ спиритизмомъ въ качествѣ представителя науки, предварительно не испытавъ своихъ силъ и средствъ для этой борьбы въ тихомолку, въ пристальномъ кабинетномъ и, вообще, частномъ изученіи спиритизма. Спиритизмъ, конечно—вздоръ, но, чтобы наглядно и очевидно, до исключенія возможности всякаго сомнѣнія, показать публикѣ, что это—вздоръ, надобно спеціально къ этому предварительно подготовиться, нисколько не полагаясь ни на запасъ общихъ знаній, которыми владѣешь, ни, тѣмъ болѣе, на свой ученый авторитетъ. Иначе можетъ случиться, что, отправившись на рать въ надмѣніи своими общими

Digitized by Google

знаніями и авторитетомъ, потомъ со стыдомъ вернешься съ нея. Недаромъ одинъ извѣстный у насъ ученый, когда его приглашали въ члены комиссіи для изслѣдованія медіумическихъ явленій, наотрѣзъ отъ этого отказался. «Почему вы отказываетесь?» спросили его съ недоумѣніемъ.—«Да потому, отвѣчалъ онъ:— что, хотя я и твердо убѣжденъ, что спиритизмъ—вздоръ, но не знаю, съумѣю ли я понять и распутать всѣ его секреты. Въ случаѣ неуспѣха, добросовѣстность будетъ требовать, чтобы я заявилъ, что я видѣлъ такое-то явленіе и констатирую его, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявилъ, что, какъ и отчего оно происходитъ— объяснить не могу. А вѣдь сдѣлать подобное заявленіе значило бы, съ одной стороны, компрометировать и науку, и самого себя, а съ другой—сдѣлаться, нѣкоторымъ образомъ, апостоломъ спиритизма».

Вотъ до этой простой мысли никакъ не могли додуматься почтенные члены комиссіи, выступая на просвѣтительное служеніе своимъ увлекающимся еретическимъ ученіемъ спиритизма братіямъ. За недостатокъ проницательности мы, пожалуй, не имѣли бы еще права упрекать ни лаборантовъ, ни магистрантовъ, ни приват-доцентовъ; по всей вѣроятности, все это—люди еще молодые, которые увлекаются и жаждутъ извѣстности, и у которыхъ чувство собственной силы не всегда состоитъ въ соотвѣтствіи съ ея дѣйствительнымъ содержаніемъ; но другіе, кой-кто изъ членовъ комиссіи, должны бы были предусматривать тотъ комическій исходъ медіумической комиссіи, который, дѣйствительно, и случился, совсѣмъ не къ чести вызвавшихся быть представителями русской науки и подписавшихъ имена свои подъ прокламаціею.

Отъ комиссіи для изслѣдованія медіумическихъ явленій мы перейдемъ къ другой комиссіи, занимающейся разработкою вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. Но прежде, чѣмъ начать о ней рѣчь, мы сдѣлаемъ маленькое предисловіе. При разсмотрѣніи практическихъ общественныхъ вопросовъ, какъ скоро дѣло идетъ о немедленномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу, каждая комиссія состоитъ неизбѣжно подъ давленіемъ окружающей ее среды и не можетъ дать разсматриваемому вопросу другого рѣшенія, чѣмъ то, которое обусловливается степенью того или другого развитія этого вопроса въ самой средѣ. Поэтому, то или другое рѣшеніе, въ извѣстной мѣрѣ, всегда можетъ служить указателемъ того или другого отношенія къ нему общества. Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи въ нашемъ обществѣ относится къ числу самыхъ упорныхъ, трудно поддающихся разрѣшенію. Въ этомъ отношеніи, въ нѣкоторое сравненіе съ нимъ могъ бы быть поставленъ только развѣ вопросъ: *бить* или *не бить*, *сѣчь* или *не сѣчь*; но и то только въ нѣкоторое сравненіе. Извѣстно, что у насъ, во время крѣпостного права, сверху до низу все держалось на битьѣ и сѣченьи. Поэтому, съ первою мыслью объ отмѣнѣ крѣпостнаго права явились въ обществѣ смущеніе

Digitized by Google

и опасеніе за будущее. Какъ быть, думали всѣ, безъ битья и сѣченья, когда на этомъ держится все: воспитаніе, нравственность, религія, взаимное уваженіе, общественное спокойствіе? Русскіе люди горячо вступились за свое вѣковое право. Впродолженіи многихъ лѣтъ шли самые ожесточенные, нескончаемые споры по этому вопросу, пока, наконецъ, общество изъ практики не убѣдилось, что люди безъ битья и сѣченья исполняютъ свое дѣло нетолько не хуже прежняго, а гораздо лучше, а фабриканты и другіе практики не поняли, что, попридержавъ немного руки, можно въ годъ столько штрафовъ собрать съ рабочихъ, сколько невсегда, пожалуй, доставитъ самое производство, да, вдобавокъ къ тому, еще и гуманистомъ прослыть. Теперь вопросъ о битьѣ и сѣченьѣ можно, какъ кажется, считать въ принципѣ окончательно рѣшеннымъ. Я говорю въ принципѣ, потому что отъ вѣковыхъ привычекъ скоро не отстанешь, и на практикѣ и теперь бываетъ всяко, но ко всѣмъ случаямъ подобной практики, какъ скоро они дѣлаются гласными, общество стало относиться съ непритворнымъ негодованіемъ. Такъ оно высказалось въ процессѣ Энкенъ, процессѣ Кронеберга, Крестовскаго и т. п. До такого сравнительно благополучнаго конца вопросъ о битьѣ и сѣченьѣ тянулся, какъ я уже сказалъ, долго, въ теченіи, можетъ быть, десятка и болѣе лѣтъ, но, все-таки, наконецъ, достигъ его—и то хорошо. Надъ вопросомъ о высшемъ женскомъ образованіи тяготѣетъ судьба болѣе суровая. Явившись въ одно время и даже нѣсколько ранѣе вопроса о битьѣ и сѣченьѣ, онъ и до сихъ поръ стоитъ, повидимому, далеко отъ конца, хотя энергія женщинъ, добивающихся доступа къ высшему образованію, нетолько не ослабѣваетъ, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Трудно даже понять, что̀ именно тормозитъ этотъ вопросъ въ настоящее время, какія препятствія встрѣчаются для допущенія женщинъ къ высшему образованію? Повидимому, сдѣлано все, что̀ можно было сдѣлать для его разрѣшенія: опровергнуты и устранены нетолько теоретически, но и практически, всѣ возраженія противниковъ женскаго образованія; вопросъ прошелъ всѣ стадіи развитія, начиная ab ovo, и достигъ полной зрѣлости. А вопросъ, дѣйствительно, начался ab ovo! Сначала у многихъ было подозрѣніе такого рода, что можно ли женщину даже полнымъ человѣкомъ назвать? Начались разсужденія о тѣлесномъ устройствѣ женщинъ, о величинѣ, вѣсѣ, веществѣ ея мозга, и, когда, послѣ основательныхъ изысканій по этому предмету, въ которыхъ принимали участіе даже нѣкоторые нарочитые ученые, было признано, что женщинъ никакъ нельзя отнести къ породѣ обезьянъ, а надобно причислять къ людямъ, то явились новыя сомнѣнія относительно умственнаго равенства ихъ съ мужчинами. «Положимъ, дескать, что это—лг
люди низшаго порядка, неспособные къ усвоенію выс
учной мудрости, доступной для людей высш

Digitized by Google

мужчины». Для разрѣшенія этихъ новыхъ сомнѣній женщины отправились въ разные иностранные университеты, выслушали тамъ полные курсы по разнымъ наукамъ, получили степени докторовъ, съ блестящими отзывами профессоровъ о ихъ занятіяхъ, успѣхахъ, знаніяхъ. Въ виду этого, военное министерство открыло нѣчто въ родѣ женской медицинской академіи для образованія ученыхъ акушерокъ съ правомъ леченія женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Я слышалъ отъ самихъ профессоровъ, читающихъ на этихъ курсахъ лекціи, что наука преподается здѣсь въ томъ же самомъ объемѣ, какъ и въ медицинской академіи, и тѣ же профессора удостовѣряютъ, что, въ общемъ, женщины занимаются и успѣваютъ ничѣмъ не хуже студентовъ академіи, а нѣкоторыя даже гораздо лучше. Казалось бы, этихъ опытовъ способности женщинъ къ высшему научному образованію, засвидѣтельствованныхъ профессорами какъ заграничными, такъ и нашими, слишкомъ достаточно для того, чтобы прекратить всякія дальнѣйшія сомнѣнія по этому предмету и немедленно открыть женщинамъ двери университетовъ. Однакожь—нѣтъ, этого не дѣлается. Есть нѣчто такое, что̀ мѣшаетъ отнестись справедливо и честно къ совершенно законнымъ и достойнымъ полнаго сочувствія стремленіямъ и требованіямъ женщинъ; а что̀ именно это такое—добиться трудно. Хлыщи ученые и неученые разныхъ сортовъ и видовъ объясняютъ это нѣчто опасеніемъ за женственность женщинъ. «Нельзя, дескать, женщинамъ дозволить высшее научное образованіе, потому что отъ этого онѣ потеряютъ свою женственность». Но что̀ такое на языкѣ хлыщей называется женственностью и почему она должна исчезнуть съ пріобрѣтеніемъ высшихъ научныхъ свѣдѣній?—опять ничего не разберешь. Мнѣ рекомендовали для разъясненія этого предмета взять и прочитать романъ магистра Боба: «*Тайны петербургскаго общества*». Я послѣдовалъ совѣту и имѣлъ терпѣніе проглотить всю эту мерзость отъ начала до конца. Но желаннаго разъясненія не нашелъ и въ ней и нахожусь въ прежнемъ недоумѣніи: что̀ хлыщи разумѣютъ подъ тою женственностію, которую яко бы безслѣдно поглощаетъ въ женщинахъ высшая наука? Думаю, впрочемъ, что здѣсь не предполагается потеря какихъ-нибудь существенныхъ отличій женщинъ отъ мужчинъ, въ родѣ той, какая недавно случилась въ Елисаветградскомъ Уѣздѣ («Одесск. Вѣстникъ» № 62), съ одною крестьянскою дѣвицею Улитою, которая, въ младенчествѣ, всѣми признана была за женщину и крещена была подъ именемъ Улиты, но, достигнувъ 21 года, объявила, что она—вовсе не женщина и, дѣйствительно, по свидѣтельству докторовъ, найдена мужчиной и переименована въ Ульяна. А, слѣдовательно, здѣсь не предполагается и потеря тѣхъ отличительствъ мужчинъ отъ женщинъ, которыя болѣе или менѣе условливаются самымъ различіемъ половъ. Надобно полагать, что подъ женственностію хлыщи разумѣютъ то исключительное, ненормальное положеніе, въ которомъ

Digitized by Google

до сихъ поръ воспитывалась, которымъ окружалась женщина въ современномъ образованномъ обществѣ въ силу ненормальныхъ экономическихъ и соціальныхъ условій—положеніе въ дѣйствительности рабское и унизительное, но которое людьми близорукими принималось и принимается за идеальное. Идеалъ этотъ состоитъ въ томъ, что изъ женщины съ малолѣтства нарочито приготовляется существо въ физическомъ отношеніи слабое, почти совсѣмъ неразвитое, ни къ какому физическому труду неспособное, вообще безпомощное, въ умственномъ — милоневѣжественное, занятое исключительно болтовней, нарядами, удовольствіями и болѣе также ни къ чему неспособное, предназначенное быть вѣчнымъ паразитомъ сначала у своихъ родителей, потомъ у мужа, и способствовать къ увеличенію общественной деморализаціи какъ своимъ личнымъ вліяніемъ, такъ еще болѣе воспитаніемъ своихъ дѣтей по своему образу и подобію. Если хлыщи безпокоются за уничтоженіе наукой такой женственности, то разумные люди могутъ только радоваться, что подобная женственность исчезнетъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, хотя, къ крайнему нашему сожалѣнію и къ великому, конечно, огорченію людей разумныхъ, мы должны заявить, что хлыщи напрасно преждевременно безпокоются за потерю женственности въ виду университетскаго образованія. Университетское образованіе также будетъ не въ силахъ переработать ничтожныхъ женщинъ, какъ оно не переработываетъ и ничтожныхъ мужчинъ. Слѣдовательно, любителямъ женственности бояться нечего. На ихъ долю останется очень много женственныхъ натуръ, прошедшихъ даже черезъ университетскую науку. Разница между нынѣшнимъ женскимъ образованнымъ обществомъ и тѣмъ, которое создастся подъ вліяніемъ университетской науки, будетъ только то, что идеалы лучшаго женскаго общества будутъ тогда выше, чище и свѣтлѣе, чѣмъ теперь, и что свѣтлыя женскія личности не будутъ пропадать безъ развитія, безслѣдно и безцѣльно для себя самихъ и для другихъ, а черезъ это вообще поднимется уровень женскаго общества и степень облагороживающаго его вліянія на весь общественный уровень. Такимъ образомъ, допущеніе женщинъ къ университетскому образованію, не измѣняя ни въ чемъ внезапно, вдругъ, ни въ общемъ существующаго положенія женщинъ, ни отношеній между полами, въ будущемъ приготовитъ воспитательнымъ путемъ такія желанныя перемѣны въ прекрасной половинѣ образованнаго общества, которымъ не могутъ не радоваться всѣ современные отцы и не завидовать многіе изъ современныхъ мужей.

Сомнѣніе, которое продолжаетъ существовать въ обществѣ относительно допущенія женщинъ къ высшему образованію, мы не можемъ назвать иначе, какъ недомысліемъ. Но общественная среда, какъ мы сказали уже, всегда сильна — все равно, какъ въ разумномъ своемъ проявленіи, такъ и въ недомысліи. Вотъ почему ея вліяніе не могло не отразиться въ извѣстной

Digitized by Google

ни и на комиссіи, занимавшейся вопросомъ о высшемъ женскомъ образованіи. Оказывается, что въ этой комиссіи были противники высшаго женскаго образованія, и «эти противники, по слухамъ, предлагали отвергнуть мысль о высшемъ женскомъ образованіи, ссылаясь на то, что оно уже существуетъ, въ видѣ педагогическихъ и акушерскихъ курсовъ; образованіе въ гимназіяхъ признавалось вполнѣ удовлетворительнымъ, хотя и предлагали дополнить его древними языками. Однако, внимая требованіямъ времени, члены комиссіи пришли къ убѣжденію, что *высшаго образованія, пока еще, женщина у насъ получить не можетъ, но что на будущее время мѣшать ее этого не слѣдуетъ*. Оставался вопросъ—что же сдѣлать для этого? Предлагаемо было учрежденіе педагогическихъ курсовъ при институтахъ, увеличеніе учебнаго ихъ плана; но *учрежденіе женскаго университета признано положительно невозможнымъ*. Предлагалось учредить женскіе курсы при петербургскомъ университетѣ, даже просто открыть женщинамъ доступъ въ этотъ университетъ на правахъ студентовъ для совмѣстнаго слушанія съ молодежью лекцій или же отдѣльно. Въ концѣ концовъ, мысль эта признана неудобною; *изолированіе обоихъ половъ было признано дѣломъ первенственной важности*, и опредѣлено выработать планъ высшаго женскаго учебнаго заведенія, т. е., другими словами, того же женскаго университета, о необходимости учрежденія котораго такъ много говорили и даже писали. Педагогическіе курсы останутся сами по себѣ, но ихъ программу предлагаютъ сократить. Такимъ образомъ, если судить по слухамъ, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи получаетъ правильный ходъ».

Мы пріучены малымъ быть довольны; потому будемъ довольны и тѣмъ, что вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи получилъ, наконецъ, правильный ходъ—а, все-таки, нельзя не пожалѣть, что существующая комиссія, такъ долго трудившаяся надъ вопросомъ, не выработала ничего, кромѣ того, что надобно дѣло начать опять сначала. Въ настоящее время, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи—самый настоятельный, неотложный, требующій немедленнаго разрѣшенія, ибо отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ законовъ приноситъ много зла и связываетъ руки и тѣхъ властей, которыя сознаютъ вполнѣ пользу высшаго женскаго образованія и желали бы въ предѣлахъ своего управленія содѣйствовать этому дѣлу — даже въ видахъ государственныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть бы слѣдующій фактъ.

Назадъ тому, кажется, уже три года, если не болѣе, пріѣхали въ Петербургъ нѣсколько дѣвушекъ съ дипломами докторовъ медицины, полученными, кажется, въ бернскомъ университетѣ. Дѣвицы эти напрасно ходятъ по разнымъ ученымъ учрежденіямъ и просятъ, чтобы имъ сдѣлали экзаменъ и признали за ними право на леченіе. Никто не даетъ имъ экзамена,

Digitized by Google

конечно, единственно потому, что не существуетъ никакихъ законоположеній относительно женщинъ, ищущихъ степени доктора. Только начальство курсовъ ученыхъ акушерокъ при петербургской академіи согласилось дать имъ экзаменъ, но по тѣмъ лишь только предметамъ, которые пройдены учено-акушерскими курсами. А какъ курсы эти существуютъ всего четыре года, то прибывшіе изъ Берна доктора и сдаютъ экзамены уже третій годъ, вмѣстѣ съ переходящими изъ класса въ классъ будущими учеными акушерками, въ единственной, конечно, надеждѣ получить тѣже права, какія получатъ и послѣднія. Но это бы еще ничего. Потому и курсъ ученыхъ акушерокъ, какъ мы уже сказали, очень объемистъ и даетъ право лечить женщинъ и дѣтей, а болѣе ничего, пока, пожалуй, для женщинъ и не нужно. Но вотъ что тяжело, особенно для женщинъ бѣдныхъ—имѣя докторскій дипломъ въ рукѣ, три года сидѣть безъ хлѣба единственно потому, что не даютъ экзамена. Какой студентъ мужчина выдержалъ бы подобный убійственный искусъ! А женщины, изъ которыхъ нѣкоторыя перебиваются кой-какъ изо дня въ день, терпятъ и ждутъ! Одна только, не видя окончательно возможности, чѣмъ существовать, уѣхала въ Америку. Спрашиваю я васъ: такъ ли мы богаты интелигентными, и въ данномъ случаѣ, въ практическомъ примѣненіи въ высшей степени полезными силами, чтобы игнорировать этотъ истинный нашъ капиталъ, дающійся притомъ намъ безо всякихъ нашихъ издержекъ и заботъ, и вынуждать его улетучиваться отъ насъ въ Америку! Поѣзжайте на воды въ Германію и посмотрите, чѣмъ страдаютъ бо́льшая часть женщинъ нашего образованнаго общества, и вы увидите, что, главнымъ образомъ, такъ называемыми женскими болѣзнями. Отчего произошли эти болѣзни? — Бо́льшею частію отъ стыда—идти въ началѣ болѣзни для осмотра къ мужчинамъ-акушерамъ. Но это—образованный классъ. Спуститесь ниже къ крестьянамъ; тутъ вы найдете уже, что женщины страдаютъ этими болѣзнями отъ полнаго отсутствія медицинской помощи. А вѣдь здоровье этихъ женщинъ есть здоровье будущихъ поколѣній государства, слѣдовательно, его силъ физическихъ, умственныхъ и экономическихъ. Пусть послѣ этого каждый безпристрастный человѣкъ разсудитъ, насколько мы поступаемъ разумно, когда нетолько не содѣйствуемъ возбужденію охоты въ женщинахъ къ пріобрѣтенію высшихъ медицинскихъ свѣдѣній, но и преграждаемъ путь для дѣйствія даже тѣмъ женщинамъ, которыя запаслись этими свѣдѣніями безъ всякой заботы и безъ всякихъ издержекъ съ нашей стороны.

А вотъ и еще фактъ, подобный разсказанному нами, который сообщаетъ одинъ корреспондентъ «Голоса» (№ 93) изъ Москвы. «Со словъ «Современныхъ Извѣстій», пишетъ корреспондентъ:— газеты оповѣстили, что окончившая въ петербургской медико-хирургической академіи, на медицинскомъ факультетѣ, выдержавшая теоретическій и практическій экзамены на степень док-

Digitized by Google

тора медицины, *г-жа Кашеварова-Руднева, пожелала защищать диссертацію* въ московскомъ университетѣ, для чего и представила въ факультетъ свою диссертацію, *которая почему-то возвращена ей обратно*, и, когда состоится диспутъ, пока неизвѣстно. Въ настоящее время, мы можемъ сообщить, что диссертація г-жи Кашеваровой-Рудневой факультетомъ передана была профессорамъ Полунину, Клейну, Снегиреву и Фохту для разсмотрѣнія; но, на дняхъ, изъ министерства народнаго просвѣщенія послѣдовалъ въ университетъ запросъ: чѣмъ руководствовался медицинскій факультетъ, принявъ къ своему разсмотрѣнію диссертацію на степень доктора медицины отъ г-жи Кашеваровой, когда, по русскимъ законамъ, женщины не могутъ быть допускаемы къ полученію степени доктора медицины? Званіе же лекаря предоставлено-де г-жамъ Сусловой и Кашеваровой въ видѣ исключенія. Въ виду такого запроса министерства, факультетъ возвратилъ диссертацію г-жѣ Кашеваровой».

Если извѣстіе, сообщаемое въ этой корреспонденціи, дѣйствительно справедливо, то мы думаемъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія долженъ быть очень огорченъ, что, за неимѣніемъ закона относительно ищущихъ степеней женщинъ, долженъ былъ дать такое распоряженіе по дѣлу, которому онъ самъ лично вполнѣ сочувствуетъ. О личномъ сочувствіи г. министра къ распространенію женскаго образованія мы заключаемъ изъ того вниманія, которое оказывалъ г. министръ во время послѣдняго обозрѣнія учебныхъ заведеній на югѣ Россіи женскимъ гимназіямъ, и изъ тѣхъ воззрѣній, которыя во время этого же путешествія онъ высказывалъ въ разныхъ мѣстахъ въ своихъ рѣчахъ о великомъ значеніи женскаго образованія. Въ одной изъ этихъ рѣчей министръ прямо заявилъ свое глубокое сожалѣніе о томъ, какъ до сихъ поръ мало сдѣлано для женскаго образованія, весьма справедливо замѣтивъ при этомъ, что только съ упроченіемъ и распространеніемъ женскаго образованія и образованіе вообще станетъ на твердую ногу въ Россіи. Мы приводимъ слова министра на память, но смыслъ ихъ дѣйствительно таковъ. Конечно, рѣчь шла въ этомъ случаѣ не о низшемъ только образованіи, потому что низшее образованіе, если оно не поставлено въ органическую связь съ высшимъ и не имѣетъ въ немъ для себя центра, никогда не подниметъ общаго уровня женскаго развитія и, слѣдовательно, не создастъ здѣсь надежнаго фундамента для общаго образованія. Въ виду, надобно думать, этого же предполагаемаго открытія для женщинъ высшаго образованія, въ женскихъ гимназіяхъ, подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія, латинскій языкъ преподается обязательно, ибо, въ противномъ случаѣ, это не имѣло бы смысла — и, когда недавно кишиневское земство отказалось давать деньги на преподаваніе латинскаго языка, министерство ассигновало на этотъ предметъ деньги изъ своихъ суммъ. Наконецъ, мы помнимъ, что по поводу экзаменовъ

Digitized by Google

въ одной частной московской гимназіи, гдѣ преподается латинскій языкъ и гдѣ ученицы выказали блестящіе успѣхи по этому предмету, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»—газетѣ, стоящей, какъ извѣстно, очень близко къ министерству народнаго просвѣщенія—помѣщена была большая передовая статья, въ которой объяснялось, что гимназистки, прошедшія курсъ гимназіи съ латинскимъ языкомъ, будутъ имѣть полное право на вступленіе въ университетъ. Если это дѣйствительно такъ, если дѣйствительно только недостаточная въ настоящее время подготовка женщинъ служитъ препятствіемъ къ поступленію ихъ въ университетъ, а съ устраненіемъ этого препятствія министерство поставитъ своимъ долгомъ открыть имъ дверь въ университетъ наравнѣ съ гимназистами, получающими аттестатъ зрѣлости, то надобно пожалѣть о томъ, что женскія гимназіи состоятъ у насъ въ настоящее время въ двухъ вѣдомствахъ—министерствѣ народнаго просвѣщенія и IV-мъ отдѣленіи. По соединеніи ихъ всѣхъ въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, могла бы быть введена въ женскія гимназіи полная программа мужскихъ гимназій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получающимъ аттестатъ зрѣлости женщинамъ было бы предоставлено право поступать во всѣ высшія учебныя заведенія наравнѣ съ гимназистами. Мы знаемъ, что противъ такого нашего заявленія сильно вооружатся всѣ завзятые противники классицизма quand même; а мы думаемъ, что, разъ государство признало и приняло классическую систему воспитанія, никто не имѣетъ права, какъ бы лично онъ самъ ни смотрѣлъ на эту систему, устранять отъ нея своихъ дѣтей, по той простой причинѣ, что никто ни особеннаго для своихъ дѣтей государства, ни особенной системы воспитанія, даже при громадныхъ имущественныхъ средствахъ, создать не можетъ. Сбивая своихъ дѣтей съ указанной государствомъ дороги, онъ только приноситъ имъ вредъ въ будущемъ, ибо или совершенно преграждаетъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно затрудняетъ имъ средства и путь для дальнѣйшаго ихъ образованія. Потому мы никакъ не противъ латинскаго и греческаго языковъ въ женскихъ гимназіяхъ, если только, вмѣстѣ съ этимъ, послѣднія будутъ давать одинаковыя права съ мужскими гимназіями. Мало того: по нашему мнѣнію, сами женщины должны настаивать на томъ, чтобы имъ былъ открытъ доступъ въ университеты на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и условіяхъ, на какихъ открывается и для мужчинъ; тогда только всѣ окончательно убѣдятся, что женщины точно также способны къ высшему научному образованію, какъ и мужчины, и прекратятся забавные споры о томъ: допускать ли женщинъ къ высшему образованію, или не допускать?

А эти споры, дѣйствительно, нельзя иначе назвать, какъ забавными, свидѣтельствующими о крайней незрѣлости и младенчествѣ нашего общества. Когда такое множество русскихъ женщинъ отправляется за границу для пріобрѣтенія высшаго обра-

Digitized by Google

зованія и получаетъ блестящіе дипломы въ тамошнихъ университетахъ, когда высшіе педагогическіе курсы и высшіе медицинскіе курсы переполнены женщинами, ищущими высшаго образованія, наконецъ, когда женщины и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ на свой счетъ основали еще частные высшіе курсы по разнымъ наукамъ, очень усердно посѣщаемые, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, множествомъ женщинъ, то нужно ли послѣ этого еще разсматривать вопросы въ родѣ слѣдующихъ: есть ли потребность въ основаніи женскаго университета? Способны ли женщины къ воспріятію высшаго научнаго образованія и т. д.? Не правильнѣе ли было бы начать съ того, чтобы открыть прямо университетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приспособить къ нему программу существующихъ женскихъ гимназій, пока, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія? Посмотрите, какъ подобныя дѣла совершаются въ обществахъ зрѣлыхъ, каково, напримѣръ, англійское. Тамъ, сколько намъ извѣстно, женщины заявляли свое стремленіе къ высшему образованію далеко не такъ настоятельно, какъ у насъ, и, однакоже, едва только почувствовалась эта потребность, какъ явилось особенное общество распространенія женскаго образованія, собрало и собираетъ огромные капиталы и основываетъ одно за другимъ высшія женскія учебныя заведенія, не задаваясь пустыми вопросами о томъ: да будетъ ли тутъ кого учить, да найдутся ли способныя къ этому, да можно ли женщинамъ давать такіе же дипломы, какъ и мужчинамъ? По послѣднему вопросу, вѣроятно, ни одному англичанину и въ голову не придетъ такой дикой мысли, чтобы женщинѣ можно отказать въ ученомъ дипломѣ только потому, что она женщина. Вѣдь, ученые дипломы даются только за знанія, и ни въ одномъ, конечно, уставѣ объ ученыхъ степеняхъ не сказано, что эти степени можно давать только человѣку-мужчинѣ, а человѣку-женщинѣ нельзя. Вотъ что сообщаютъ «Московскія Вѣдомости» о высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, основываемыхъ обществомъ для распространенія женскаго образованія въ Англіи:

«Англійскія газеты сообщаютъ, что нѣсколько уже лѣтъ существуетъ въ Англіи общество распространенія женскаго образованія. Оно постановило своею задачей основаніе по всѣмъ большимъ городамъ Соединеннаго Королевства заведеній высшаго разряда для обученія молодыхъ дѣвицъ. Немногимъ извѣстно, сколько важныхъ услугъ успѣли оказать такія общества частныхъ лицъ, какъ искусно дѣйствуетъ въ подобныхъ дѣлахъ частная иниціатива и какія жертвы трудами и деньгами приносятся на общую пользу лицами обоего пола, принадлежащими къ высшей аристократіи. Напримѣръ, существующее не болѣе трехъ лѣтъ общество основанія женскихъ учебныхъ заведеній, какъ видно изъ недавно обнародованнаго имъ отчета, располагаетъ уже девятью большими заведеніями, изъ коихъ шесть открыты были въ прошломъ году. Какъ скоро въ заведеніи наберется до

Digitized by Google

100 человѣкъ, то расходы его достаточно покрываются этою суммой. Въ настоящую минуту, до 1,000 молодыхъ дѣвушекъ получаютъ самое полное образованіе. Доходы общества простираются до 15,000 ф. стерл. (около 100,000 р.) въ годъ. Самое трудное въ этомъ дѣлѣ есть выборъ преподавательницъ. Современемъ, и въ Гертонъ-Колледжѣ и Ньюгэмъ-Голлѣ, изъ коихъ первое находится въ окрестностяхъ Кембриджа, а второе въ самомъ городѣ, организованъ будетъ полный составъ преподавателей. Уже и въ настоящее время учащіяся въ этихъ заведеніяхъ держатъ экзамены наравнѣ со студентами кембриджскаго университета и даже во многомъ ихъ превосходятъ».

Впрочемъ, когда мы говоримъ о незрѣлости нашего общества, мы разумѣемъ извѣстную, хотя и очень значительную часть его. Но другая часть, также не незначительная относится къ женскому образованію съ полнымъ сочувствіемъ. И будь въ ея рукахъ иниціатива этого дѣла, она, еслибы и не собрала такихъ капиталовъ, какъ общество англійское, на женское образованіе, то, навѣрное, показала бы не менѣе энергіи и заботливости объ этомъ дѣлѣ. Только она лишена возможности дѣйствовать. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что было составляемо нѣсколько проектовъ объ учрежденіи обществъ распространенія женскаго образованія, но они не были разрѣшены. Мало того: остаются безъ разрѣшенія даже проекты обществъ для распространенія народнаго образованія, хотя относительно необходимости послѣдняго не существуетъ никакихъ сомнѣній и правительство заботится со всею энергіею о размноженіи народныхъ школъ. Даже понять трудно, почему въ приложеніи къ этому дѣлу общественная иниціатива считается излишнею. Правительство не имѣетъ возможности изъ своего бюджета удѣлять значительныя суммы на народное образованіе; бо̀льшая часть земствъ, за множествомъ необходимыхъ расходовъ, которые они обязаны покрывать неотложно, могутъ давать на народное образованіе только кой-какіе гроши. О народѣ и говорить нѐчего. Бо̀льшею частію, онъ такъ бѣденъ, что едва только имѣетъ возможность кой-какъ пропитываться, и потому отъ него нельзя и ожидать, чтобы онъ могъ образоваться на свои средства, еслибы чувствовалъ и сильную въ томъ потребность. Только горячее сочувствіе этому дѣлу со стороны образованнаго общества, образованіе среди него для этой цѣли частныхъ обществъ могли бы у насъ поставить на ноги дѣло народнаго образованія. Безъ этого оно будетъ всегда тянуться вяло и медленно, какъ тянется и теперь, а то, пожалуй, мало по малу, можетъ современемъ и совсѣмъ выйти изъ числа дѣлъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Извѣстно, что очень нерѣдко бываетъ, что неблагопріятныя для какой-нибудь общеполезной идеи условія дѣйствительности порождаютъ подлаженныя подъ эту дѣйствительность теоріи, и люди, вмѣсто того, чтобы бороться съ этими условіями и употребить съ своей стороны всевозможныя усилія для ихъ измѣненія, лѣниво поко-

Digitized by Google

ряются грубому факту, оправдываясь тѣмъ, что помянутая идея еще преждевременна, что надобно погодить, подождать и т. п. Нѣчто подобное у насъ уже и проявляется по отношенію къ идеѣ народнаго образованія. Покойный А. С. Вороновъ читалъ въ прошедшемъ году въ педагогическомъ обществѣ огромный рефератъ о «введеніи въ Россіи обязательнаго элементарнаго образованія», который былъ потомъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ. Необходимость введенія обязательнаго народнаго образованія въ Россіи, гдѣ образованіе съ самаго начала шло всегда не иначе, какъ обязательно, и не иначе, какъ сверху внизъ, гдѣ исторіею не положено въ народѣ никакихъ условій для самобытнаго развитія образованія, есть, по моему мнѣнію, аксіома, которая не требуетъ никакихъ доказательствъ, которая ясна для всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіею русскаго народа и его современнымъ положеніемъ. Между тѣмъ статья Воронова въ педагогическомъ мірѣ вызвала самые противорѣчивые толки. Явилось множество отрицателей необходимости обязательнаго народнаго образованія. Мнѣніе этихъ, отрицателей-педагоговъ стало переходить и въ публицистику. По крайней мѣрѣ, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 63-й, мы встрѣтили похвалу недавно появившейся въ одномъ изъ выпусковъ «Педагогическаго Музея» статьѣ г. Владимірскаго-Буданова: «Вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго элементарнаго образованія». Мы сами не читали этой статьи, но «Петербургскія Вѣдомости» вкратцѣ передаютъ ея суть такимъ образомъ:

«Въ четвертомъ, только что вышедшемъ на дняхъ выпускѣ «Педагогическаго Музея» особенно замѣчательна статья г. Владимірскаго-Буданова: «Вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго элементарнаго образованія», написанная по поводу реферата объ этомъ предметѣ покойнаго А. С. Воронова. Въ ней авторъ развиваетъ ту мысль, что законы (выполнимые) объ обязательномъ обученіи составляютъ вездѣ не причину, а результатъ успѣховъ народнаго образованія и что, при отсутствіи средствъ къ обученію, карательныя мѣры государства не въ состояніи подвинуть образованіе, а законы объ обязательномъ посѣщеніи школъ, при недостаткѣ учителей, остаются невыполнимыми. Это подкрѣпляется историческими указаніями на узаконенія этого рода въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ они существуютъ, и на принесенные ими результаты. Авторъ приходитъ къ заключенію, что страны, находящіяся, приблизительно, въ одинаковыхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ, достигаютъ, приблизительно, одинаковаго результата въ народномъ образованіи, какъ при обязательности, такъ и при свободѣ его. Для примѣра авторъ проводитъ слѣдующую параллель: въ Бельгіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ не существуетъ обязательнаго обученія, одинъ учащійся приходится въ первой на 8,4, во второй на 8,5, въ третьихъ на 5 жителей; въ Баваріи же, Италіи и Пруссіи, гдѣ введено обязательное обученіе, одинъ уча

Digitized by Google

щійся приходится въ одной на 8,3, въ другой на 13, а въ послѣдней на 6,66 жителей. Обращаясь къ Россіи, авторъ указываетъ на то, что у насъ Петръ I, указами 1714, 1715 и 1716 годовъ о цифирныхъ школахъ, пытался ввести обязательное обученіе грамотѣ, ариѳметикѣ и отчасти геометріи, но законъ его не исполнялся и исчезъ изъ нашего права. Авторъ допускаетъ, такимъ образомъ, только постепенное частичное обязательное обученіе въ тѣхъ сельскихъ обществахъ или цѣлыхъ уѣздахъ, которые сами заявятъ объ этомъ желаніи правительству, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ подобное заявленіе предоставлено было членамъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, а не уѣзднымъ земствамъ вообще, потому что первые могутъ знать мѣстныя средства гораздо лучше, нежели послѣднія».

Всѣ эти разсужденія, по нашему мнѣнію, представляютъ собою чистый софизмъ. Чтобы образованіе распространилось въ той или другой странѣ и сдѣлалось потребностію, для этого нужно, чтобы страна была нетолько богата, но чтобы она понимала цѣнность образованія и считала трату на него капитала не потерею, а пріобрѣтеніемъ. А оцѣнка образованія не состоитъ въ неразрывной связи съ богатствомъ и благосостояніемъ народа, даже если будемъ понимать народъ только какъ націю. Сколько въ средніе вѣка было богатыхъ странъ, однакожъ, образованіе въ нихъ двигалось очень медленно, даже въ высшихъ слояхъ общества. Что касается до массъ народныхъ, то онѣ всегда, въ большинствѣ своемъ, бились и бьются за кусокъ насущнаго хлѣба и ради его всегда отрывали и отрываютъ дѣтей своихъ отъ образованія, если къ нимъ не приходитъ на помощь государство. Бываютъ, конечно, страны, въ которыхъ болѣе или менѣе благопріятно для развитія массъ слагаются и природныя, и историческія, и климатическія условія, и, въ такомъ случаѣ, въ массахъ какъ бы сама собою возникаетъ болѣе или менѣе замѣтно потребность элементарнаго образованія: таковы и указываемыя авторомъ Франція, Бельгія и Соединенные Штаты, но и объ этихъ странахъ должно сказать, что, при обязательномъ элементарномъ образованіи, въ нихъ, вѣроятно, не было бы ни одного процента народонаселенія, не побывавшаго въ школахъ; кромѣ того, самая программа этого образованія была бы, несомнѣнно, гораздо шире, и пополненіе ея солиднѣе. Что касается Баваріи, Италіи и Пруссіи, и въ особенности Пруссіи, то здѣсь безъ обязательнаго обученія учащійся въ школахъ приходился бы, можетъ быть, на 100 или на 50 жителей. О томъ, будто бы Петръ Великій старался ввести у насъ обязательное обученіе, въ настоящее время даже и говорить забавно. Понятно, что ввести обязательное ученіе не значитъ только издать объ этомъ указъ, но надобно для исполненія его создать необходимую организацію исполнителей, съ указаніемъ тѣхъ источниковъ и средствъ, къ которымъ они должны обращаться. О Петрѣ можно сказать, что онъ желалъ обязательнаго ученія и несомнѣнно ввелъ бы его, если-

Digitized by Google

бы имѣлъ возможность этимъ заняться. Но у него не было этой возможности. У него было столько различныхъ задачъ, неотложныхъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ соединялось между тѣмъ для самого государства гамлетовское *быть* или *не быть*—задачъ, поглощавшихъ все его время и всѣ тогдашніе скудные государственные доходы, что онъ могъ именно только желать обязательнаго обученія народа и не могъ сосредоточить свое вниманіе и свою дѣятельность на этомъ дѣлѣ. Авторъ допускаетъ только частичное обязательное обученіе, но и это послѣднее отдаетъ на полную волю единственно сельскихъ и волостныхъ сходовъ, подчеркивая, при этомъ, чтобы никоимъ образомъ въ это дѣло не мѣшались даже уѣздныя земства. Если бы такъ разсуждали наши предки, то, въ настоящее время, нетолько наше дворянство, но даже наше духовенство на половину было бы безграмотно. Вѣдь вездѣ, и въ дворянствѣ, и въ духовенствѣ образованіе введено и потребность въ немъ привита принудительно—и только послѣ этого уже развилось въ нихъ самихъ свободное стремленіе къ образованію. Но и теперь отнимите тѣ привилегіи, которыя даются образованіемъ, и, навѣрное, въ захолустныхъ мѣстахъ явится пропасть безграмотныхъ между дворянствомъ и духовенствомъ. Посмотрите, сколько еще до сихъ поръ можно найти въ разныхъ мѣстахъ купцовъ, которые образованіе для своихъ дѣтей считаютъ ненужною роскошью—купцовъ, которые имѣютъ всѣ средства учить своихъ дѣтей. Какъ же вы, послѣ этого, хотите, чтобы крестьянскія общества, въ которыхъ люди, даже только кой-какъ обезпеченные въ своемъ ежедневномъ пропитаніи, составляютъ рѣдкость, собственною иниціативою согласились отказаться отъ послѣдняго куска хлѣба, только бы видѣть своихъ дѣтей обученными въ школѣ? Вѣдь, на такое самоотверженіе можетъ быть способенъ человѣкъ, уже глубоко сознавшій и прочувствовавшій пользу образованія, а никакъ не дѣти природы, неимѣющія никакого понятія объ образованіи. До появленія земскихъ учрежденій, крестьяне были не богаче, не бѣднѣе, чѣмъ теперь, а, пожалуй, кой гдѣ были даже богаче, и, однако, не было и двадцатой части тѣхъ школъ, которыя существуютъ теперь. Но явилось земство, на обязанность котораго было возложено закономъ заботиться о народномъ образованіи; оно стало внушать крестьянамъ пользу образованія, настаивать на основаніи школъ, помогать своими средствами тамъ, гдѣ крестьяне были бѣдны, и вотъ встрепенулись и крестьяне и начали и изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлять крохи на учрежденіе школъ. Но теперь объ образованіи народа заботится одно земство, и то лишь тамъ только, гдѣ у него есть къ этому охота, и въ той мѣрѣ, въ какой оно желаетъ; сдѣлайте образованіе обязательнымъ, и тогда, навѣрное, земство усилитъ свою заботливость о немъ, а, кромѣ него, и спеціальные органы, поставленные для наблюденія за этимъ, и затѣмъ и всѣ власти вообще займутся этимъ дѣломъ и будутъ изыскивать

Digitized by Google

всѣ средства для его исполненія. Со времени новой организаціи духовныхъ училищъ при Александрѣ 1-мъ, было введено обязательное ученіе дѣтей духовенства. Какъ скоро мальчикъ достигалъ опредѣленнаго закономъ для вступленія въ школу возраста, его немедленно брали отъ отца, несмотря на всѣ его возраженія, и увозили въ школу. Если отецъ имѣлъ достаточное состояніе, съ него, черезъ подлежащее начальство, брали деньги на образованіе сына; если былъ бѣденъ—сына воспитывали на казенный коштъ. Прошло какихъ нибудь 30—40 лѣтъ со времени введенія обязательнаго ученія въ духовенствѣ, и законъ объ обязательномъ обученіи сдѣлался ненужнымъ. У отцовъ, воспитанныхъ въ школѣ, такъ сказать, насильно, ненужно уже было насильно же брать дѣтей для образованія. Прошедши школу, они поняли необходимость образованія и сами стали искать его для своихъ дѣтей. Точно тоже будетъ и съ крестьянами. Черезъ какихъ нибудь 40—50 лѣтъ съ введенія обязательнаго ученія между ними, законъ объ обязательномъ обученіи сдѣлается ненужнымъ. Крестьяне сами поймутъ тогда потребность образованія и безъ всякаго сторонняго внушенія и побужденіи будутъ искать школы. Заставьте ихъ ходить въ школу только теперь. Но гдѣ, спрашиваютъ взять денегъ для обученія безчисленнаго множества тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, отцы которыхъ не имѣютъ ни малѣйшей возможности оплачивать ихъ ученіе? —Обратитесь за помощію къ привилегированнымъ классамъ общества, поощряйте и награждайте всевозможными отличіями тѣхъ, которые будутъ жертвовать большія суммы денегъ на дѣло народнаго образованія; далѣе, не только дайте полную свободу учрежденія частныхъ обществъ для распространенія образованія въ народѣ, постарайтесь способствовать появленію такихъ обществъ, поощряйте ихъ дѣятельность и т. п.—и тогда, вѣрьте, средства для образованія народа найдутся.

Среди нашего образованнаго общества, въ настоящее время, найдется много людей, которые нетолько глубоко сознаютъ лежащую на нихъ нравственную обязанность содѣйствовать всѣми силами народному образованію, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимаютъ, что безъ распространенія образованія въ массахъ и образованіе высшихъ классовъ общества, какія бы громадныя суммы на это ни тратились, останется всегда пустоцвѣтомъ. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что образованіе, въ настоящее время, вполнѣ привилось къ нашему привилегированному обществу, что оно сдѣлалось его потребностью, а посмотрите, однакожь, какъ оно поверхностно, какъ мало дѣйствуетъ на смягченіе и облагороженіе нравовъ. Изъ процесса Крестовскаго всякій можетъ убѣдиться, что наше образованіе часто недаетъ ничего—ни умственнаго развитія, ни твердыхъ нравственныхъ правилъ, ни даже простого приличія. Образованный человѣкъ можетъ ворваться въ вашъ домъ, избить васъ ни за что ни про что, и даже хуже, чѣмъ ни за что ни про что, а

Digitized by Google

за честное исполненіе вашего дѣла, и потомъ хвалиться тѣмъ, что онъ васъ избилъ, и найдти людей—также образованныхъ—ему вполнѣ сочувствующихъ и одобряющихъ его образъ дѣйствій. Такова вкратцѣ моральная сторона процесса Крестовскаго. Но юридическая сторона этого процесса еще болѣе примѣчательна, и мы на ней нѣсколько остановимся.

Первый вопросъ, который мнѣ представляется, есть слѣдующій:

Имѣлъ ли военный судъ право производить изслѣдованіе о томъ, что̀ происходило въ окружномъ судѣ во время процесса г-жи Майковой съ г-жою Крестовской? Я полагаю, что нѣтъ. Еслибы здѣсь и допущено было что̀-нибудь противозаконное, то тѣ, чьи права̀ этимъ противозаконіемъ были нарушены, могли принести жалобу правительствующему сенату, и только сенатъ имѣлъ право производить слѣдствіе о допущенныхъ здѣсь противозаконіяхъ. Для суда же военнаго долженствовало быть аксіомой, что все, что̀ происходило на судѣ, происходило совершенно законно, и показаніе Крестовскаго, что онъ побилъ Соколовскаго якобы за оскорбленіе, нанесенное ему на судѣ, въ глазахъ военнаго суда, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, должно было бы быть обстоятельствомъ, не смягчающимъ, а отягчающимъ вину Крестовскаго. Представимъ себѣ слѣдующій случай: г. Соколовскій, оскорбленный тѣмъ, что̀ говорилъ о немъ въ военномъ судѣ присяжный повѣренный Ашенбергъ, взялъ бы съ собой двухъ здоровыхъ молодцевъ и, по примѣру г. Крестовскаго, пришелъ бы въ квартиру Ашенберга и побилъ его за то, что̀ онъ говорилъ на судѣ. Г. Ашенбергъ принесъ бы на Соколовскаго жалобу въ гражданскій окружной судъ. Сталъ ли бы окружной судъ по показаніямъ г. Соколовскаго, вызывать свидѣтелей, бывшихъ на военномъ судѣ, даже членовъ военнаго суда, въ качествѣ частныхъ свидѣтелей, чтобы изслѣдовать эти показанія? Я полагаю, нѣтъ. Я полагаю, что окружной судъ прямо утвердился бы на томъ предположеніи, что все, что̀ происходило на судѣ военномъ, происходило совершенно правильно и законно, и сталъ бы разсматривать поступокъ Соколовскаго, какъ самоуправство, тѣмъ болѣе тяжкое, что оно совершено было надъ лицомъ оффиціальнымъ, если не во время исполненія имъ своихъ служебныхъ обязанностей, то за вполнѣ законное исполненіе этихъ обязанностей. Я думаю, что суды равныхъ инстанцій не могутъ и не должны иначе относиться другъ къ другу, какъ именно такимъ образомъ. Въ противномъ случаѣ, если суды по частнымъ обвиненіямъ будутъ переслѣдовать дѣйствія и даже промахи и недосмотры одинъ другого, привлекая другъ друга къ слѣдствію въ качествѣ частныхъ свидѣтелей (противъ себя же самихъ), они подорвутъ свой авторитетъ и всякое къ себѣ уваженіе въ глазахъ общества.

2) Г. Крестовскій приходилъ къ г. Соколовскому не одинъ, а съ двумя своими товарищами, гг. Невѣровымъ и Качаловымъ.

Digitized by Google

Г. Крестовскій говоритъ, что онъ взялъ этихъ товарищей съ собою, въ качествѣ свидѣтелей объясненій его съ г. Соколовскимъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ эти объясненія не были какъ-нибудь перетолкованы или совсѣмъ извращены. Такими свидѣтелями они дѣйствительно только и остались бы, еслибы дѣло не пошло далѣе словесныхъ объясненій. Но, разъ г. Крестовскій сдѣлалъ нападеніе на г. Соколовскаго и, какъ самъ нѣсколько разъ заявляетъ, побилъ его, и ихъ присутствіе теряетъ характеръ чисто свидѣтельскій и представляетъ собой нѣчто иное по слѣдующимъ соображеніямъ: а) не будь ихъ, г. Крестовскій едва ли и позволилъ бы себѣ сдѣлать нападеніе на г. Соколовскаго; но, во всякомъ случаѣ, безъ нихъ, онъ, навѣрное, *на натискъ пламенный встрѣтилъ бы отпоръ* суровый и, вмѣсто побіенія, вышла бы драка; б) гг. Качаловъ и Невѣровъ, остановивъ г. Крестовскаго, когда онъ хотѣлъ вынуть саблю, не воспрепятствовали г. Крестовскому броситься на г. Соколовскаго и бить его. Почему? Обстоятельство это на судѣ достаточно неразъяснено, хотя его ни какъ нельзя назвать безразличнымъ.

3) Г. прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи, говоритъ, что поступокъ г. Крестовскаго былъ бы извинительнѣе, еслибы онъ вызвалъ г. Соколовскаго на дуэль. Я никакъ не могу съ этимъ согласиться. Для дуэли требуются два необходимыя условія: *первое*, чтобы выходящіе на дуэль имѣли одинаковыя понятія о чести; *второе*, чтобы они были равносильны въ употребленіи того оружія, которое выбираютъ для дуэли. Но защитникъ г. Крестовскаго, г. Терентьевъ, справедливо говоритъ, что понятія о чести у людей военныхъ нѣкоторыхъ кружковъ, къ одному изъ каковыхъ причисляетъ себя и г. Терентьевъ, сильно разнятся отъ понятій о чести у людей гражданскихъ. По его словамъ, пониманіе въ людяхъ гражданскихъ чести военной такъ слабо, что они часто не могутъ чувствовать, когда наносится оскорбленіе людямъ военнымъ. На этомъ основаніи, онъ очень искусно доказываетъ, что и гражданскіе свидѣтели, и судьи гражданскаго окружного суда могли вовсе не примѣтить того оскорбленія, которое г. Соколовскій нанесъ г. Крестовскому въ процессѣ г-жи Майковой съ г-жей Крестовской, хотя, въ дѣйствительности, оскорбленіе это для людей, понимающихъ военную честь по терентьевски, было такъ сильно, что и мать, и братья г. Крестовскаго, присутствовавшіе на процессѣ, едва могли его вынести. Еслибы г. Крестовскій сдѣлалъ вызовъ г. Соколовскому, я увѣренъ, что послѣдній не принялъ бы этого вызова и, прежде всего, именно по различію своихъ понятій о чести отъ понятій терентьевскихъ. Предположимъ, что г. Соколовскій призналъ бы, что онъ произнесъ тѣ именно слова, которыя г. Крестовскій находилъ для себя оскорбительными. Г. Крестовскій считаетъ эти слова величайшимъ для себя оскорбленіемъ и, вѣроятно, готовъ бы былъ омыть ихъ кровью; очень можетъ быть, что такое мнѣніе раздѣляютъ съ нимъ и терентьевскій

Digitized by Google

военный кружокъ. Но, съ гражданской точки зрѣнія, это оскорбленіе представляется совершенно въ другомъ видѣ. Я увѣренъ, что, если проѣхать Россію изъ конца въ конецъ, то, въ гражданскомъ людѣ, къ какому бы онъ званію и состоянію ни принадлежалъ, не найдется ни одного человѣка, который согласился бы изъ-за этого проливать кровь — и весьма резонно. Ибо оскорбленіе это можетъ быть вполнѣ удовлетворено законнымъ путемъ, а дуэль въ тѣхъ только случаяхъ и позволительна, когда наносится оскорбленіе такого свойства, которое или не можетъ быть удовлетворено законнымъ путемъ, или когда удовлетвореніе законнымъ путемъ неизбѣжно подвергло бы огласкѣ и компрометировало бы третьи лица. А если, съ гражданской точки зрѣнія, дѣло стоитъ такимъ образомъ, то г. Соколовскій могъ бы выйти на дуэль только противъ своего внутренняго убѣжденія, говоря другими словами—поступить безчестно. Онъ поступилъ бы безчестно, еслибы ему удалось убить г. Крестовскаго, ибо онъ убилъ бы его изъ-за пустяковъ; но онъ поступилъ бы нетолько безчестно, но и глупо, подставивъ добровольно свой лобъ подъ пулю изъ-за пустяковъ; изъ-за пустяковъ онъ разрушилъ бы лежащія на немъ обязанности общественныя и семейныя. Такимъ образомъ, съ единственно разумной гражданской точки зрѣнія о чести, г. Соколовскій нетолько имѣлъ право, но и долженъ былъ отказаться отъ дуэли. А если онъ, приэтомъ, не умѣетъ владѣть никакимъ оружіемъ — то и тѣмъ болѣе. Дуэль непремѣнно предполагаетъ болѣе или менѣе равное искусство въ употребленіи оружіемъ. Разъ, человѣкъ, опытный въ употребленіи оружія, вызываетъ на дуэль человѣка, неумѣющаго прикоснуться къ шпагѣ или пистолету, онъ совершаетъ, по моему мнѣнію, дѣло, равносильное тому, какъ еслибы онъ, вооруженный, напалъ на человѣка безоружнаго на улицѣ и убилъ его безъ всякаго вызова. А человѣкъ, принимающій при подобныхъ условіяхъ вызовъ на дуэль, долженъ быть прямо признанъ или идіотомъ, или помѣшаннымъ. Я полагаю, что г. Крестовскій предвидѣлъ, что г. Соколовскій откажется отъ вызова на дуэль. А, такъ какъ, по положенію о дуэляхъ, имѣющему, впрочемъ, смыслъ только въ томъ случаѣ, когда дѣло происходитъ между людьми одинаковыхъ понятій о чести и болѣе или менѣе одинаково искусныхъ въ употребленіи оружія, тому, кто вызоветъ, предоставляется право побить человѣка, отказавшагося отъ дуэли, то г. Крестовскій все равно, какъ надобно заключать изъ послѣдующаго, побилъ бы г. Соколовскаго, хотя по отношенію къ послѣднему, означенное положеніе не могло имѣть никакого примѣненія. Разница была бы только въ томъ, что отказъ г. Соколовскаго отъ дуэли послужилъ бы, при удобномъ разбирательствѣ, смягчающимъ обстоятельствомъ для г. Крестовскаго. Я предполагаю, что г. Крестовскій не желалъ такого для себя смягчающаго обстоятельства и прямо побилъ г. Соколовскаго, и, на мой взглядъ, поступилъ откровеннѣе.

Digitized by Google

Одно набрасываетъ тѣнь на г. Крестовскаго, что, побивши г. Соколовскаго, онъ немедленно поѣхалъ заявить объ этомъ по начальству, и г. Спасовичъ, не безъ основанія, видитъ здѣсь заднія мысли. Еслибы г. Крестовскій не подалъ подозрѣнія къ этимъ заднимъ мыслямъ, еслибы, побивши г. Соколовскаго, онъ сидѣлъ дома, ожидая, что̀ будетъ; еслибы, вслѣдствіе такого его поведенія, за печатью или, что̀ тоже, за общественнымъ мнѣніемъ оставлено было свободное право обсудить его поступокъ со всѣхъ сторонъ, и онъ имѣлъ бы мужество подвергнуться за него полной карѣ, общественной и законной, тогда бы и гражданскій людъ сказалъ: «да̀, это— человѣкъ горячаго темперамента, заблуждающійся по своеобразнымъ понятіямъ чести, но онъ не сдѣлалъ ничего для того, чтобы уклониться отъ заслуженной кары за свой поступокъ, во всей ея тяжести». Теперь этого сказать нельзя. Впрочемъ, надобно отдать справедливость г. Кростовскому, что на судѣ онъ нисколько не старался скрыть лицевой стороны своего поступка—напротивъ: онъ нѣсколько разъ настоятельно и страстно заявлялъ, что онъ билъ г. Соколовскаго. Изъ такихъ неоднократныхъ настоятельныхъ и страстныхъ заявленій, сдѣланныхъ спустя долгое время послѣ битья, едва ли кто-нибудь могъ усомниться въ томъ, что г. Крестовскій ѣхалъ къ г. Соколовскому именно побить его, а не съ какою-нибудь другою цѣлью, тѣмъ болѣе, что показаніе, будто г. Соколовскій хотѣлъ напасть на г. Крестовскаго, пришедшаго съ двумя своими товарищами по оружію, само по себѣ невѣроятное, вполнѣ опровергается крикомъ г. Соколовскаго: «городового, полицію, дворниковъ!»— крикомъ, который прямо показываетъ, что г. Соколовскій сильно струсилъ и, конечно, не могъ думать о нападеніи. Однимъ словомъ, по нашему мнѣнію, въ поступкѣ г. Крестовскаго совершенно очевиденъ фактъ самоуправства вполнѣ обдуманнаго и разсчитаннаго, а никакъ не минутной вспышки, вызванной оскорбленіемъ. Потому квалификація поступку г. Крестовскаго дана совершенно невѣрная.

4) Есть и еще обстоятельство очень важнаго свойства, о которомъ нельзя не упомянуть. Никто не можетъ быть безпристрастнымъ судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Условныя понятія о чести, существующія въ военномъ званіи, могутъ, при каждомъ частномъ случаѣ, иногда слишкомъ расширяться, а иногда и съуживаться, смотря по личному темпераменту каждаго. Поэтому, въ военномъ званіи, кромѣ судовъ оффиціальныхъ, существуютъ въ каждомъ полку у офицеровъ суды внутренніе, товарищескіе, обязанные разсматривать всѣ тѣ поступки, которые, въ томъ или другомъ отношеніи, затрогиваютъ вопросъ о военной чести. Вѣроятно, этотъ судъ входилъ въ разсмотрѣніе и поступка г. Крестовскаго. Любопытно было бы знать, ка̀къ онъ къ нему отнесся, а именно: 1) призналъ ли онъ фактъ оскорбленія г. Соколовскимъ г. Крестовскаго на су-

Digitized by Google

дѣ точно констатированнымъ и, слѣдовательно, не подлежащимъ сомнѣнію? 2) если онъ это призналъ, то находитъ ли онъ оскорбленіе, нанесенное г. Соколовскимъ г. Крестовскому, относящимся къ разряду такихъ, удовлетворенія за которыя надобно искать помимо законнаго пути? 3) если дà, то признаетъ ли онѣ заслуживающимъ одобренія тотъ путь, который избралъ г. Крестовскій для своего удовлетворенія за оскорбленіе? Вопросы эти на судѣ были вовсе не затронуты, а они очень важны. Ибо, если предположить, что г. Крестовскій дѣйствовалъ въ полной солидарности со всѣми офицерами своего полка, тогда вопросъ о немъ лично теряетъ всякое значеніе, и на первый планъ выступаетъ вопросъ о томъ глубокомъ противорѣчіи, какое существуетъ въ воззрѣніяхъ на честь и на способы къ ея охраненію между военнымъ званіемъ и обществомъ, и о тѣхъ опасностяхъ, какія изъ такого противорѣчія могутъ возникать для общественнаго спокойствія. Было бы весьма желательно, чтобы товарищи г. Крестовскаго, въ видахъ разсѣянія общественнаго недоумѣнія, печатно высказали свое воззрѣніе на дѣло г. Крестовскаго.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

XIX.

О Шиллерѣ и о многомъ другомъ.

Извѣстный знатокъ литературы и тонкій критикъ, г. Полетика, который всегда

Въ Шекспирѣ признавалъ талантъ
За личность Дездемоны
И строго осуждалъ Жоржъ-Зандъ
За то, что носитъ панталоны,

предалъ меня, однажды, анаѳемѣ по поводу нѣкоторой моей ереси о талантѣ и «искрѣ божіей». Какъ ни ужасна перспектива вновь подвергнуться сокрушительной логикѣ и громоносному краснорѣчію почтеннаго затрапезнаго оратора, но, если Богъ не выдастъ, такъ, можетъ быть, и г. Полетика не погубитъ. Такъ ужь, впрочемъ, намъ, профанамъ, на роду написано подвергаться анаѳемѣ спеціалистовъ и, вообще, знатоковъ. Имъ, конечно, и книги въ руки. Но, съ другой стороны, что же и мнѣ-то дѣлать, когда мнѣ попались въ руки книги, вновь поднявшія во мнѣ ересь «искры божіей?» Что дѣлать?! Говорить, писать и опять выносить громы сокрушительной логики и краснорѣчія затрапезныхъ ораторовъ.

Недавно вышло *пятымъ* изданіемъ «Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей» (изданіе г. Гербеля). Кстати, почти одновременно явилась по русски книга Шерра «Шиллеръ и его время» (М 1875). Пятаго изданія русскія книги, если не считать учебниковъ и сказокъ въ родѣ «Гуака» или «Милорда англинскаго», вообще почти не доживаютъ. Поэтому, пятое изданіе Шиллера уже само по себѣ составляетъ фактъ, чрезвычайно знаменательный. Пронялъ же, значитъ, насъ, россіянъ, этотъ великій нѣмецкій человѣкъ съ рыжими волосами и голубыми глазами, этотъ «современникъ всѣхъ эпохъ», какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, отнюдь, впрочемъ, не думая пророчествовать. Принимая въ соображеніе, что французовъ, англичанъ, не говоря уже о нѣмцахъ, Шиллеръ пронялъ еще сильнѣе, чѣмъ насъ, было бы любопытно выслѣ-

Digitized by Google

дить секретъ этого могущества и живучести. Конечно, если свести дѣло къ случайному щедрому дару природы, къ стихійной силѣ таланта, генія, такъ оно, пожалуй, даже вовсе не любопытно: по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, у заурядпаго виртембергскаго офицера родился въ 1759 году сынъ огромныхъ умственныхъ и поэтическихъ способностей—вотъ и все. Физіологи могутъ биться и ломать головы надъ этимъ фактомъ, но намъ, профанамъ, дѣлать съ нимъ нѣчего. Насъ занимаетъ другая сторона дѣла. Мы знаемъ въ исторіи литературы, въ исторіи политической не мало людей съ огромными умственными силами, ничуть, можетъ быть, не меньшими, чѣмъ тѣ, какими обладалъ Шиллеръ, и, однако, растратившихъ эти силы либо почти совсѣмъ даромъ, либо оставившихъ по себѣ память позора и ненависти. Далѣе: «таланты отъ Бога», но нѣтъ ли чего нибудь въ шиллеровской мощи и «отъ рукъ человѣческихъ?» Еслибы удалось съ достаточною точностію опредѣлить и выяснить эту *человѣческую* сторону обаянія великаго поэта, мы были бы въ большомъ выигрышѣ. Мы—не идолопоклонники, которые наровятъ разбить себѣ лобъ передъ величавымъ или грознымъ явленіемъ природы (каковъ самъ по себѣ талантъ, геній). Намъ въ особенности дорого то употребленіе, которое дѣлается изъ таланта; тѣ мотивы, которые заставляютъ человѣка обращать свои силы на такое или иное освѣщеніе тѣхъ или иныхъ фактовъ; тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ человѣкъ, вспомоществуемый щедрымъ даромъ природы. Выясненный съ этихъ сторонъ обладатель таланта перестаетъ быть чѣмъ-то недосягаемымъ, чуждымъ, доступнымъ только волнамъ ѳиміама и восторженнымъ гимнамъ. Онъ перестаетъ быть идоломъ и становится идеаломъ, образцомъ, маякомъ. Изъ нѣсколькихъ тысячъ одному удается оставить по себѣ яркій слѣдъ и служить свѣточемъ цѣлому раду поколѣній, но это не мѣшаетъ и простымъ смертнымъ, изучая условія работы геніальнаго человѣка, заимствовать у него что̀ возможно, т. е. то, что̀ не связано непосредственно съ стихійной силой таланта. Взять себѣ примѣромъ, образцомъ шиллеровскій талантъ нельзя, если въ собственныхъ творческихъ силахъ недохватокъ, но то употребленіе, которое Шиллеръ дѣлалъ изъ своего таланта, содержитъ — можно съ увѣренностью сказать заранѣе—урокъ поучительный и доступный.

Мы уже давно знаемъ фантастическій образъ художника, вольно, изящно и почти безсознательно порхающаго въ надзвѣздной лазури, охлаждающаго наши земныя боли единственно ароматнымъ прикосновеніемъ своей легкой, изъ чудныхъ невѣсомыхъ матеріаловъ сотканной одежды. Мы давно его знаемъ, и онъ намъ очень надоѣлъ, потому что на повѣрку всегда какъ-то такъ выходило, что изъ подъ невѣсомой одежды выглядывалъ кончикъ уха гг. Болеслава Маркевича, Фета или Авсѣенки. Этотъ образъ, когда-то (очень ужь давно) привлекавшій къ себѣ столько нѣжныхъ сердецъ, улетучился, но нынѣ послѣ него

Digitized by Google

осталось мокрое мѣсто. Повторяю это не совсѣмъ изящное выраженіе «мокрое мѣсто», потому что не могу иначе назвать критическія упражненія большинства нашихъ литературныхъ хроникёровъ. Говорится что-то слякотное о томъ, какъ вредно стѣсненіе для поэта, какъ всякія строго опредѣленныя нравственно-политическія тенденціи сковываютъ талантъ и проч. Не всѣ, впрочемъ, говорятъ это. Приведу одинъ примѣръ, касающійся «Отечественныхъ Записокъ». Когда, одновременно съ появленіемъ «Подростка», «Отечественныя Записки» выразили моими устами сожалѣніе о нѣкоторыхъ печальныхъ поползновеніяхъ чрезвычайно талантливаго автора и заявили, что не могли бы допустить у себя появленіе его романа, еслибы упомянутыя поползновенія переходили извѣстную границу, газетные хроникёры были чрезвычайно взволнованы. Волновались, между прочими, хроникёры «Кіевскаго Телеграфа» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Хроникёръ перваго напустился на насъ за самое напечатаніе «Подростка» и въ оговоркѣ нашей увидѣлъ только лицемѣріе. Хроникёры же «С-Петербургскихъ Вѣдомостей» (сначала сальясовскій, а потомъ и баймаковскій) прочли въ весьма строгомъ стилѣ противоположнаго свойства нотацію, что какъ, дескать, мы смѣемъ стѣснять талантъ г. Достоевскаго? Привожу это только, какъ примѣръ разноголосицы требованій и спутанности понятій. Отъ всякихъ комментаріевъ воздерживаюсь и спрошу только: не своевременно ли будетъ обратиться къ изученію задачъ и условій творчества признанныхъ всѣмъ міромъ великихъ мастеровъ, дабы узнать, какъ слѣдуетъ вести себя нашимъ художникамъ? Шиллеръ для этого, мнѣ кажется, особенно удобенъ. Во-первыхъ, онъ—несомнѣнная звѣзда первой величины, такъ что тутъ и споровъ никакихъ нѣтъ и быть не можетъ; во-вторыхъ, онъ писалъ сочиненія по теоріи искуства. Значитъ, мы имѣемъ здѣсь какъ-бы собственныя признанія и эстетическія desideria первокласснаго мастера. Выгоды—до исключительности рѣдкія, и грѣшно было бы ими не воспользоваться. Не велика еще важность, если какой-нибудь г. Соловьевъ отстаиваетъ ту или другую эстетическую теорію. Можетъ быть, онъ и совершенно правъ; но его собственныя поэтическія произведенія, по крайней мѣрѣ, не служатъ гарантіей пригодности теоріи. Шиллеръ—другое дѣло. Онъ создалъ произведенія великія, создалъ ихъ, соображаясь съ извѣстной эстетической теоріей, а, слѣдовательно, эта теорія дала плодъ вполнѣ осязательный.

Чему же можно поучиться у Шиллера? Можетъ быть, формѣ? Конечно, какъ и у всякаго геніальнаго художника. Однако, только до извѣстной степени. Возьмите, напримѣръ, знаменитыхъ «Разбойниковъ». Карлъ Мооръ самымъ нелѣпымъ образомъ вѣритъ подложному письму якобы его отца, ни на минуту не сомнѣвается въ его подлинности, хотя признаётъ его чудовищнымъ и никогда ничего подобнаго не ожидалъ; мало того, это ни съ чѣмъ несообразное письмо вдругъ побуждаетъ его принять страшное рѣшеніе—обра-

Digitized by Google

титься въ разбойничьяго атамана. Онъ разражается невѣроятными монологами, изъ которыхъ вотъ одинъ на выдержку: «Люди! люди! лживое, коварное отродье крокодиловъ! Вода—ваши очи, сердце—желѣзо! На уста поцалуй, кинжалъ въ сердце! Львы и леопарды кормятъ своихъ дѣтей, вороны носятъ падаль птенцамъ своимъ, а онъ, онъ... Я привыкъ сносить злость, могу улыбаться, когда озлобленный врагъ будетъ по каплѣ точить кровь изъ моего сердца... но если кровная любовь дѣлается измѣнницей, если любовь отца дѣлается Мегерой: о, тогда, пылай огнемъ мужское терпѣніе, превращайся въ тигра кроткая овца и всякая былинка рости во вредъ и погибель!» Полагаю, что нынче и Дьяченко не рѣшился бы вложить въ уста герою такіе напыщенные монологи и не мотивировалъ бы событія такъ психологически невѣрно и, наконецъ, просто такъ плохо. Скажутъ, что «Разбойники»—юношеское произведеніе. Положимъ, что, даже оставляя въ сторонѣ «Разбойниковъ» и однородныя съ нимъ драматическія вещи, «Заговоръ Фіеско», «Коварство и любовь», мы увидимъ указанные недостатки въ Шиллерѣ: болѣе или менѣе вытянутые монологи и странную внезапность, немотивированность рѣшеній и поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Таковъ длиннѣйшій монологъ Вильгельма Телля, когда онъ поджидаетъ въ ущельи Геслера; такова измѣна Бутлера въ «Валенштейнѣ», играющая въ драмѣ существенную роль; таково внезапное зарожденіе земнаго чувства въ Іоаннѣ д'Аркъ, когда она, «пораженная видомъ Ліонеля, стоитъ неподвижно и рука ея опускается», а, между тѣмъ, и этою внезапностью существеннѣйшимъ образомъ опредѣляется дальнѣйшее теченіе драмы. И проч. Но не въ этомъ совсѣмъ дѣло. Спрашивается: почему, несмотря на крайнюю незрѣлость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ теперешней точки зрѣнія, обветшалость формъ «Разбойниковъ», драма эта остается великимъ памятникомъ и прочтется теперь, въ 1876 году, всякимъ мыслящимъ человѣкомъ съ несравненно большимъ наслажденіемъ, чѣмъ безчисленное множество современныхъ и вполнѣ «приличныхъ» драмъ? Скажутъ, такова сила таланта. Но—это не отвѣтъ, это—только одно изъ всерѣшающихъ и ничего необъясняющихъ таинственныхъ выраженій, какъ «судьба», «случай», «счастье», «несчастье» и т. п. Для современниковъ Шиллера, въ томъ числѣ и для такихъ, какъ Гёте, «Разбойники» ничуть не выдѣлялись изъ цѣлой массы этого рода произведеній, въ родѣ «Ардингелло», «Ринальдо Ринальдини» и т. п. И дѣйствительно, таланта, т. е. собственно творческой способности, въ нихъ не больше. Но въ нихъ есть, кромѣ того, нѣчто, давшее Шиллеру дальнѣйшіе толчки и оставившее, вмѣстѣ съ тѣмъ, на «Разбойникахъ» печать вѣковѣчности. Это нѣчто я называю—извините, г. Полетика—искрой божіей. Въ чемъ она состоитъ, мы увидимъ сейчасъ нѣсколько ближе.

Если мы обратимся къ другого рода трудамъ Шиллера, то встрѣтимъ нѣчто совершенно аналогичное. Шиллеръ писалъ со-

Digitized by Google

чиненія историческія, философскія, и они въ высокой степени поучительны, несмотря, опять-таки, на крайнюю незрѣлость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обветшалость какъ его историческаго матеріала, такъ и многихъ его точекъ зрѣнія. Кто ищетъ знаній, тотъ не станетъ читать Шиллера «Исторію отпаденія Нидерландовъ отъ испанскаго владычества», а кто ищетъ образованія философскаго—можетъ смѣло обойти «Философскія письма». И исторія, и философія имѣютъ болѣе компетентныхъ и яркихъ представителей. Но Шиллеръ и въ эти произведенія вложилъ ту же искру Божію, которая блеститъ и понынѣ и невольно приковываетъ къ себѣ всякаго, кто станетъ просто перелистывать теоретическія его сочиненія.

Надобно замѣтить, что г. Гербель совсѣмъ напрасно утверждаетъ, будто его изданіе «можетъ быть названо дѣйствительно полнымъ, такъ какъ въ немъ не опущено ни одной строки и не измѣнено ни одного слова противъ подлинника». Не говоря уже о томъ, что перевести всего Шиллера, не опустивъ ни одной строки и, въ особенности, не измѣнивъ ни одного слова, нѣтъ никакой возможности, г. Гербель упустилъ изъ виду теоретическія сочиненія Шиллера. Въ пятомъ изданіи перевода «русскихъ писателей» имѣются многіе труды Шиллера по исторіи, философіи и теоріи искуства, но, во-первыхъ, далеко не всѣ, а, во-вторыхъ, далеко не самые важные. Издатель, какъ видно изъ предисловія, именно для пятаго изданія приготовилъ и заказалъ многіе переводы, но рѣшительно невозможно понять, почему онъ выбралъ одни вещи и отбросилъ другія. Напримѣръ, «Философскія письма» переведены, что̀ составляетъ уже роскошь, мелкіе эстетическіе опыты переведены, а капитальныя вещи, какъ «О прелести и достоинствѣ» (Ueber Anmuth und Würde) и письма объ эстетическомъ развитіи человѣка — нѣтъ. Такимъ образомъ, имѣя подъ руками «полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей», я, все-таки, долженъ буду обращаться къ нѣмецкому подлиннику, и притомъ за самыми важными изъ теоретическихъ сочиненій.

Философскія и историческія работы никогда не были для Шиллера той смѣсью дѣла съ бездѣльемъ, которая называется диллетантствомъ. Каковы бы ни были достигнутые имъ результаты, но онъ работалъ упорно, цѣлыми годами, со страстью. Для человѣка, одареннаго такою громадною творческою силою, было бы очень соблазнительно отдаться ей одной и творить о̀бразъ за о̀бразомъ, пѣсню за пѣсней, драму за драмой, наскоро приготовляя свой матеріалъ. Шиллеръ избѣжалъ этого искушенія. Онъ никогда не отдѣлялъ своей поэтической способности отъ жажды познанія и выработки нравственно-политическаго идеала. Это бросается въ глаза уже при одномъ перечнѣ его сочиненій. Рядомъ съ трилогіей «Валленштейнъ» стоитъ «Исторія тридцатилѣтней войны»; рядомъ съ «Донъ-Карлосомъ» — «Исторія отпаденія Нидерландовъ», рядомъ съ поэтическими произведеніями—

Digitized by Google

эстетическіе опыты. Никогда никакой сюжетъ не заинтересовывалъ его исключительно съ поэтической стороны, исключительно, какъ нѣчто красивое. Этотъ міровой геній, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ, какихъ видѣлъ родъ людской, просто не понялъ бы эстетической теоріи уединенія, обособленія прекраснаго отъ истиннаго и справедливаго. Замѣтьте, что онъ погружался въ историческія изслѣдованія и въ эстетическія изысканія совсѣмъ не для того только, чтобы лучше освоиться съ матеріаломъ и техникой. Это — само по себѣ, а главное — онъ вѣчно стремился растворить эстетическое наслажденіе, подчинить его, отдать на службу нравственно-политическимъ цѣлямъ. Это — замѣчательно выдающаяся, характернѣйшая черта Шиллера, и какъ мыслителя, и какъ поэта, и какъ человѣка. Искуство онъ цѣнилъ чрезвычайно высоко, да и мудрено бы было ему цѣнить его иначе—ему, въ душѣ котораго билъ неисчерпаемый родникъ образовъ и пѣсенъ. Но высоту эту онъ полагалъ именно въ служебной роли искуства. Того изъ отроговъ «искуства для искуства», который носитъ названіе безсознательнаго творчества, Шиллеръ совсѣмъ не зналъ. Прочтите его «письма о Донъ-Карлосѣ» (они есть въ русскомъ изданіи), и вы будете поражены готовностью, съ которою онъ объясняетъ свои цѣли и каждый шагъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Все обдуманно, все преднамѣренно, все подлежитъ отчету. Въ первомъ же письмѣ онъ ставитъ такое общее положеніе: «Дурно для автора и его пьесы, если дѣйствіе ея зависитъ отъ догадливости и снисхожденія критика и если авторъ допускаетъ, чтобы впечатлѣніе пьесы производилось качествами, доступными весьма немногимъ головамъ. Что̀ можетъ быть ошибочнѣе положенія художественнаго произведенія, когда оно поставлено на произволъ наблюдателя, и онъ можетъ дать ему произвольное толкованіе и когда нужна помощь, чтобы поставить его на настоящую точку зрѣнія? Если вы хотите намекнуть мнѣ, что моя пьеса находится *въ независимомъ положеніи* [1], то этимъ вы говорите мнѣ нѣчто очень дурное». Слѣдовательно, Шиллеръ требовалъ, чтобы поэтическое произведеніе отражалось въ средѣ читателей или зрителей непремѣнно извѣстнымъ образомъ, соотвѣственно намѣреніямъ автора, дало соотвѣтственные результаты, произвело соотвѣтственное дѣйствіе. Задача, безспорно, чрезвычайно трудная, принимая въ соображеніе разноколиберность массы читателей. Но самъ Шиллеръ ее разрѣшилъ блистательно, потому что всѣ его произведенія *несомнѣнны*, если можно такъ выразиться. Онъ вла-

---

[1] Пораженный страннымъ оборотомъ подчеркнутой фразы, я заглянулъ въ подлинникъ и, какъ и слѣдовало ожидать, никакого «независимаго положенія» тамъ не нашелъ. Сказано: dass das meinige sich *in diesem Falle* befände то-есть просто *въ такомъ* положеніи. Отъ независимости Шиллеръ чураться не сталъ бы и видѣлъ ее именно въ полнотѣ и ясности отношеній между произведеніемъ и читателемъ или зрителемъ.

Digitized by Google

дѣлъ тайной за разъ и подниматься на самыя вершины творчества, и говорить со всѣми быть всѣмъ понятнымъ. Сила и значеніе этой несомнѣнности лучше всего выяснится сравненіемъ. Читатель помнитъ, конечно, какъ, въ старые годы, каждое новое произведеніе г. Тургенева комментировалось съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ и часто совершенно противорѣчивымъ образомъ. Припомните, напримѣръ, баталію изъ-за «Отцовъ и дѣтей». Одни видѣли въ романѣ оскорбленіе дѣтей и апоѳеозъ отцовъ, другіе, наоборотъ, апоѳеозъ дѣтей и приниженіе отцовъ; третьи, наконецъ—просто радовались художественной сторонѣ романа и тому, что вотъ, дескать, настоящій художникъ «объективировалъ»; факты безъ любви и ненависти и предоставляетъ кому угодно, толковать произведеніе и такъ, и этакъ. Самъ г. Тургеневъ, несмотря на большую охоту заявлять о себѣ по самымъ ничтожнымъ поводамъ, упорно, долго и двусмысленно молчалъ. *Такихъ* толковъ произведенія Шиллера никогда не возбуждали. И это—совершенно понятно. Потрудитесь попробовать истолковать «Донъ-Карлоса» или «Вильгельма Телля» въ какихъ-нибудь двухъ различныхъ смыслахъ. Это — просто невозможно. Это не значитъ, чтобы Шиллеръ не давалъ работы критикѣ. Напротивъ, онъ и до сихъ поръ даетъ ее желающимъ сколько угодно. Но роль критики ограничивается при этомъ, во-первыхъ, чисто-эстетической и психологической оцѣнкой, а, во-вторыхъ—нравственной оцѣнкой идеаловъ Шиллера. Въ этихъ предѣлахъ возможны всяческія разногласія, но сомнѣній въ томъ, что̀ хотѣлъ сказать поэтъ, что̀ онъ любитъ, что̀ ненавидитъ—такихъ сомнѣній быть не могло. Маркизъ Поза, Вильгельмъ Телль, Валленштейнъ, Іоанна д'Аркъ и проч. несомнѣнны, и несомнѣнность эта достигается не тѣмъ, что авторъ исполняетъ обязанность громкимъ шепотомъ подсказывающаго суфлера, не тѣмъ, что онъ грубо и аляповато навѣшиваетъ на своихъ героевъ ярлыки, а внутреннимъ планомъ работы. Для инаго, можетъ быть, и заманчива роль великаго жреца искуства, который, совершивъ поэтическое таинство, отходитъ въ сторону, предоставляя другимъ доискиваться его смысла. Но Шиллеръ называлъ это «фальшивымъ» положеніемъ. Художественное творчество было для него не какимъ-нибудь самостоятельнымъ богослуженіемъ, а гражданскимъ актомъ, вслѣдствіе чего онъ, естественно, долженъ былъ желать несомнѣнности своихъ произведеній. Гёте былъ невысокаго мнѣнія о философскихъ занятіяхъ Шиллера. Онъ писалъ Эккерману: «Грустно было видѣть, какъ такой даровитый человѣкъ носился съ философскими идеями, которыя, въ сущности, ему ничего не дали» (Цит. у Шерра «Шиллеръ и его время»). Можно съ увѣренностью сказать, что «философскія идеи» дали, напротивъ, Шиллеру очень многое. Я не внѣшній успѣхъ имѣю въ виду, хотя и то надо замѣтить, что, напримѣръ, въ «Прелести и достоинствѣ» самъ Кантъ увидѣлъ «мастерскую» руку. Но, главное, что̀ дали Шиллеру философскія занятія, это — внутренній

Digitized by Google

миръ. Они показали ему, что его жажда ясныхъ, несомнѣнныхъ отношеній какъ къ объектамъ поэзіи, такъ и къ читателямъ, имѣетъ свои вполнѣ раціональныя основанія, что она законна. Въ томъ же письмѣ къ Эккерману Гёте совершенно справедливо замѣчаетъ: «Не въ натурѣ Шиллера было относиться безсознательно и инстинктивно къ вопросу, занимавшему его—напротивъ: онъ разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ и подвергалъ анализу». Представьте себѣ человѣка, въ которомъ постоянно идетъ сильнѣйшая работа, такъ сказать, образованія поэтическихъ клѣточекъ. Постоянно слагаются въ немъ образы, пѣсни, звуки, риѳмы — словомъ, всѣ разнообразные элементы поэтическаго произведенія. Органическій процессъ выработки этихъ элементовъ самъ по себѣ составляетъ наслажденіе, въ которомъ весьма соблазнительно замкнуться, и въ такомъ случаѣ человѣкъ творитъ, по старинному сравненію, какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ. Въ уморительномъ введеніи г. Венгерова въ «критико-біографискіе этюды» выражается, между прочимъ, что одинъ современный писатель «довольно расположенъ къ искуству для искуства, и, хотя ратуетъ за мысль, но послѣдняя не составляетъ у него conditio sine qua non». Какъ ни нелѣпо выражено это сужденіе (вообще, такого концентрированнаго невѣжества и критическаго непониманія, какое обнаружилъ въ своемъ введеніи г. Венгеровъ, я давно уже въ нашей литературѣ не встрѣчалъ; когда-нибудь на досугѣ даже стóитъ имъ заняться); но именно эта не-необходимость «мысли» составляетъ характерную черту заурядныхъ поэтовъ, хотя они обладаютъ иногда большою творческою способностью. Есть другіе поэты, въ которыхъ, рядомъ съ творческою способностью, ярко горитъ нравственная «искра Божія». Эти не могутъ предоставить свою поэтическую силу на волю стихійнаго процесса отложенія «интеллектуальныхъ формацій» [1]. Они стремятся дать ей совершенно опредѣленное русло. Таковъ и былъ Шиллеръ. Чтобы читатель видѣлъ, до какой отчетливости доходилъ онъ въ этомъ отношеніи, я приведу слѣдующія слова изъ упомянутыхъ уже писемъ о Донъ-Карлосѣ: «Я выбралъ совершенно доброжелательный характеръ (рѣчь идетъ о маркизѣ Позѣ), неспособный ни на какое эгоистичное стремленіе, я придалъ ему высокое уваженіе къ чужимъ правамъ, я вложилъ въ него цѣль добыть для всѣхъ наслажденіе свободой и, мнѣ кажется, не впалъ въ противорѣчіе съ обыкновеннымъ опытомъ, допустивъ его сойти съ пути и зайти въ деспотизмъ. Въ планъ мой входило, чтобы онъ затянулся въ петлю, приготовленную для всѣхъ, идущихъ по одинаковой съ нимъ дорогѣ. Чего бы мнѣ стоило благополучно провести его и доставить читателю, полюбившему его, чистое

[1] Терминъ г. Зеленскаго, чрезвычайно любопытную книгу котораго, только что вышедшую, «Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства», я могу пока только рекомендовать вниманію читателя.

Digitized by Google

наслажденіе всѣми остальными красотами его характера, еслибы я не считалъ болѣе выгоднымъ придерживаться человѣческой природы и подтвердить его примѣромъ опытъ, всегда мало принимаемый въ соображеніе». Направляя свою творческую силу такъ сознательно и такъ настойчиво къ нравственно-политической цѣли, Шиллеръ, естественно, долженъ былъ считать плохимъ, неудачнымъ произведеніе, допускающее различныя толкованія, хотя бы даваемое имъ эстетическое наслажденіе было очень велико.

Это удовлетвореніе требованію личной своей природы Шиллеръ возвелъ до высоты всеобъемлющей теоріи. Едва ли кто-нибудь выше его ставилъ искуство, относился къ нему восторженнѣе, до такой степени, что многія изъ его стихотвореній покажутся намъ даже приторно-плоскими, если не имѣть въ виду основныхъ задачъ искуства по Шиллеру. Напримѣръ, въ извѣстномъ стихотвореніи «Раздѣлъ земли», Зевсъ говоритъ опоздавшему поэту:

...вся роздана земля:
Ужь больше не мои ни воды, ни поля;
Но если въ небесахъ захочешь жить со мною,
То небо навсегда отверзто предъ тобою.

Въ «Идеалахъ», въ «Могуществѣ пѣснопѣнія» и проч. выражаются подобныя же мысли и чувства. На первый разъ они могутъ поразить довольно непріятно. Достойно ли, въ самомъ дѣлѣ, Шиллера пѣть на такую изъѣзженную и плоскую тэму, какъ лишеніе поэта даровъ земли и предоставленіе ему неба. Какая мелюзга не пѣла этихъ чувствительныхъ вещей и не купалась въ этой скудной и, въ концѣ концовъ, просто вздорной аллегоріи (небезъинтересно замѣтить, что «Раздѣлъ земли» переведенъ на русскій языкъ *восемь* разъ, именно: Жуковскимъ, Мейснеромъ, Струговщиковымъ, Крешевымъ, Гербелемъ, Зотовымъ, Алмазовымъ и Соловьевымъ). И еслибы мы имѣли въ виду только подобныя отдѣльныя стихотворенія, такъ пришлось бы сказать, что этотъ человѣкъ слишкомъ часто облекалъ въ изящнѣйшія формы довольно скудное содержаніе. Заносчивыя или приторно-сантиментальныя восхваленія поэта — вотъ вѣдь это что такое само по себѣ. Въ сущности же, однако, здѣсь нѣтъ ни заносчивости, ни приторности, ни пустоты. Правда, Шиллеръ говорилъ часто почти тѣ же самыя слова о небесномъ величіи поэзіи, которыя испоконъ-вѣку говорятся безчисленнымъ множествомъ поэтовъ и поэтиковъ. Но онъ разумѣлъ подъ поэтомъ совсѣмъ не того идеальнаго ротозѣя съ вѣнкомъ изъ розъ и незабудокъ на головѣ, которому обыкновенно приписывается небожительство. Онъ рѣдко оговаривалъ это обстоятельство, потому что былъ для этого самъ слишкомъ полонъ мыслью объ истинно великомъ значеніи поэзіи. Въ большинствѣ случаевъ, онъ просто забывалъ, что есть поэты, непохожіе на него нравственнымъ складомъ. Иногда, впрочемъ, онъ выражался на этотъ счетъ очень саркастически. На-

Digitized by Google

примѣръ: «Многіе изъ нашихъ романовъ и трагедій, особенно такъ называемыхъ драмъ и любимѣйшихъ семейныхъ картинъ... производятъ только опорожненіе слёзныхъ мѣшечковъ и сладострастное облегченіе нервныхъ сосудовъ; но духъ выходитъ изъ этихъ упражненій совершенно пустымъ» («О патетическомъ»). Очевидно, что опорожнивателей слёзныхъ мѣшечковъ Шиллеръ либо совсѣмъ не считалъ поэтами, либо, по крайней мѣрѣ, не ихъ имѣлъ въ виду, когда въ «Раздѣлѣ земли» отдавалъ поэтамъ небо; не ихъ поэзію разумѣлъ, когда гордо говорилъ въ «Художникахъ»:

Лишь свѣтлыми прекраснаго вратами
Въ міръ чудный знанья вступишь ты;
Чтобы высшій блескъ снести очами,
Постигни прелесть красоты.

Думаю, поэтому, что весьма многіе переводчики «Раздѣла земли» и т. п. жестоко ошибаются, полагая видѣть въ этого рода стихотвореніяхъ свое profession de foi. Шиллеръ, дѣйствительно, высоко цѣнилъ поэзію, но только такую, которая подчиняла красоту идеалу нравственно-политическому. На это указываютъ уже одни заглавія нѣкоторыхъ его статей. Напримѣръ, «Театръ, какъ нравственное учрежденіе», «О нравственной пользѣ эстетическихъ нравовъ». Онъ рекомендовалъ «постигнуть прелесть красоты» *для того*, чтобъ «*высшій* блескъ снести очами». Поэзія была для него «вратами». Слѣдовательно, небеснымъ величіемъ Шиллеръ награждалъ искуство только въ такомъ случаѣ, если оно предварительно послужило земнымъ цѣлямъ.

Я не считаю, однако, нужнымъ долѣе настаивать на этой тэмѣ. Что Шиллеръ смотрѣлъ на задачи искуства именно такъ — въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто потрудится прочитать хоть одинъ, любой изъ его эстетическихъ опытовъ. Доказывать же, что такъ и долженъ относиться къ своему дѣлу художникъ, не стóитъ. «Могій вмѣстити» эту истину, безъ сомнѣнія, уже вмѣстилъ ее, потому что объ этомъ было говорено и переговорено, а не могій пусть до поры до времени посидитъ на вышеупомянутомъ мокромъ мѣстѣ. Я только напоминаю и подчеркиваю фактъ: Шиллеръ, міровой геній, поэтъ, во многихъ отношеніяхъ не имѣющій соперниковъ, творилъ вполнѣ сознательно и видѣлъ въ искуствѣ не самостоятельную цѣль, а великое орудіе для достиженія высшихъ цѣлей. Это—одна сторона нравственной искры божіей, горѣвшей въ душѣ Шиллера. Ниже намъ еще придется, можетъ быть, къ ней вернуться, а теперь обратимся къ другой особенности Шиллера, пожалуй, еще болѣе занимательной.

Извѣстно, что Шиллеръ есть поэтъ свободы. Извѣстны бурные взрывы республиканизма въ «Разбойникахъ», монументальный образъ свободолюбиваго Веррины въ «Заговорѣ Фіеско», либеральные планы маркиза Позы въ «Донъ-Карлосѣ», политическій протестъ «Коварства и любви», глубоко демократическій характеръ «Вильгельма-Телля» и проч. и проч. и проч. Извѣстно, наконецъ, что Шиллеръ, на ряду съ Вашингтономъ, Костюшкой,

Digitized by Google

Уильберфорсомъ, Клопштокомъ, Песталоцци, получилъ отъ французскаго республиканскаго національнаго собранія дипломъ на званіе французскаго гражданина. Изъ всѣхъ этихъ чертъ въ образованномъ обществѣ слагается ходячее, довольно, впрочемъ, туманное представленіе пламеннаго борца за свободу, демократическія идеи, прогрессъ и проч. Особый, однако, вопросъ—насколько это представленіе вѣрно? Среди той поразительной путаницы понятій, которую нынѣ переживаетъ большинство нашего образованнаго общества, выработалась какая-то странная идея совпаденія свободы, демократическихъ принциповъ, прогресса съ фактическимъ поступательнымъ движеніемъ исторіи. Я не говорю о тѣхъ, совершенно уже нелѣпыхъ людяхъ, которые радуются каждому шагу исторіи только потому, что это—*еще* шагъ. Но и гораздо болѣе благоразумные люди склонны думать, что въ цѣломъ, минусъ нѣкоторыя случайныя уклоненія, исторія постоянно предоставляетъ торжествовать свободѣ, демократическимъ идеямъ, прогрессу. Гр. Л. Толстой говоритъ совершенно справедливо, что это *никогда* никѣмъ не было доказано, но всѣми принимается на вѣру. Дѣйствительно, идеи Руссо, нѣкоторыхъ соціалистовъ объявлены парадоксами, хотя онѣ, собственно, никогда не были опровергнуты. Какъ бы то ни было, но, благодаря привычной ассоціаціи идей, мы представляемъ себѣ всякаго борца за свободу и проч. въ видѣ человѣка, глубоко презирающаго и ненавидящаго все старое, прошедшее, только о томъ и думающаго, какъ бы это все искоренить, уничтожить. Безъ сомнѣнія, эта ассоціація идей внушена образомъ дѣйствія писателей прошлаго столѣтія и практическихъ дѣятелей первой революціи. Такимъ мы себѣ представляемъ и Шиллера, съ извѣстными, разумѣется, индивидуальными отклоненіями отъ общаго типа революціонера. Такъ, конечно, мы не навязываемъ Шиллеру ядовитой насмѣшливости и скептицизма Вольтера или жестокости какого-нибудь Фукье-Тэнвиля. Думаю, поэтому, что многіе читатели не безъ недоумѣнія прочтутъ, напримѣръ, такія слова Шиллера: «Въ ребенкѣ видимъ мы зачатки и назначеніе, въ самихъ же себѣ—исполненіе, и послѣднему всегда безконечно далеко до первыхъ. Оттого-то для насъ ребенокъ есть воплощеніе идеала, хотя еще и не исполненнаго, но заданнаго, и потому насъ трогаетъ въ немъ совсѣмъ не представленіе его немощи или ограниченности, но, напротивъ того представленіе его чистой и свободной силы, его возможностей, его безконечности» («Наивная и сантиментальная поэзія»). Надо замѣтить, что, по общему смыслу статьи и по прямымъ указаніямъ, сдѣланнымъ раньше, рядомъ съ ребенкомъ должны быть вставлены въ эту цитату «сельскіе нравы и нравы первобытнаго міра». Такимъ образомъ, выходитъ, что Шиллеръ говоритъ почти буквально тоже, что и гр. Л. Толстой: идеалъ нашъ не впереди, а позади насъ — въ ребенкѣ, въ народѣ, въ прошедшемъ. Прежде, чѣмъ разсматривать эти воззрѣнія Шиллера подробнѣе, постараюсь

Digitized by Google

сдвинуть съ дороги одно недоразумѣніе. Скажутъ, можетъ быть, что, конечно, Шиллеръ былъ великій поэтъ, но комментировать стихотворца, какъ политическаго писателя, не годится. Но я напомню читателю, что Шиллеръ не имѣлъ рѣшительно ничего общаго съ тѣмъ увѣнчаннымъ незабудками и розами ротозѣемъ, который лѣзетъ на небо только потому, что ничего не умѣетъ дѣлать на землѣ. Шиллеръ пристально слѣдилъ за современными ему великими политическими событіями и обнаруживалъ иногда при этомъ по истинѣ изумительную, почти пророческую проницательность. Напримѣръ, въ 1794 году онъ писалъ: «Французская республика недолговѣчна—она исчезнетъ скоро; республиканское правленіе превратится въ анархію, и рано или поздно явится геніальный человѣкъ, который сдѣлается нетолько властителемъ Франціи, но покоритъ и большую часть Европы» (Шерръ, 291). И это—не случайное, не единичное предсказаніе. Для меня, впрочемъ, несравненно болѣе глубокимъ свидѣтельствомъ политической проницательности Шиллера служитъ то обстоятельство, что онъ ни въ ту, ни въ другую сторону не поколебался среди революціоннаго ликованія, что онъ, до конца дней своихъ, остался апостоломъ свободы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердо и ясно говорилъ: идеалъ нашъ—сзади.

Вотъ какъ онъ развиваетъ, между прочимъ, эту мысль въ письмахъ «объ эстетическомъ развитіи человѣка». Я приведу его взгляды довольно полно и почти въ подстрочномъ переводѣ, потому что сочиненіе это не вошло въ русское изданіе.

«Въ старину (главнымъ образомъ, въ Греціи), при прекрасномъ разцвѣтѣ духовныхъ силъ, чувства и духъ еще не подѣлили своихъ владѣній; между ними не было раздора. Поэзія и умозрѣніе были родныя сестры, которыя, въ случаѣ надобности, могли даже замѣнять другъ друга, потому что обѣ онѣ преслѣдовали истину, только разными путями. Какъ бы высоко ни поднималось умозрѣніе, оно поднимало вмѣстѣ съ собой и матерію, чувственную сторону человѣку. Правда, мысль разлагала человѣческую природу, надѣляя въ увеличенномъ видѣ ея элементами весь кругъ боговъ, но она не разрывала природы человѣка на куски, а только различно комбинировала ее, такъ что каждый отдѣльный богъ былъ, все-таки, цѣльною личностью. Въ новыя времена совсѣмъ не то. И у насъ элементы человѣческой природы разбросаны въ увеличенномъ видѣ по отдѣльнымъ идивидамъ, но въ кускахъ, а не въ различныхъ смѣшеніяхъ, такъ что для полученія родового единства надо бы было слить нѣсколько индивидовъ. Можно даже сказать, что у насъ душевныя силы и въ дѣйствительности раздѣлены такъ же рѣзко, какъ дѣлитъ ихъ въ отвлеченіи психологъ, и мы видимъ нетолько отдѣльныхъ субъектовъ, но цѣлые классы людей, въ которыхъ развита только одна часть способностей, а все остальное замерло, едва оставивъ послѣ себя слѣдъ». Шиллеръ не отрицаетъ преимуществъ теперешнихъ людей, взятыхъ въ совокуп-

Digitized by Google

ности, надъ такою же совокупностью людей древняго міра. Но почему каждый отдѣльный грекъ могъ считаться полнымъ представителемъ своего времени, а каждый отдѣльный нынѣшній человѣкъ—нѣтъ? Сама цивилизація (Kultur) нанесла новому человѣчеству эту рану. Какъ только, съ одной стороны, расширенный опытъ и точное мышленіе провели демаркаціонныя линіи между различными науками, а съ другой — сложность государственной машины породила обособленіе классовъ и профессій, такъ порвалась и внутренняя связь человѣческой природы, и пагубный споръ раздробилъ ея гармоническія силы. Воображеніе и умозрѣніе настроились взаимно враждебно и стали ревниво слѣдить за неприкосновенностью своихъ границъ. Это раздвоеніе, начатое внутри человѣка, завершилось и обобщилось новыми общественными порядками. Нельзя было, конечно, ожидать, чтобы простая организація первыхъ республикъ пережила простоту древнихъ нравовъ и отношеній. Но, вмѣсто того, чтобы подняться на высшую ступень жизни, она спустилась до простой и грубой механики. Полипообразная природа греческихъ государствъ, въ которыхъ каждый индивидъ пользовался независимою жизнью и, въ случаѣ нужды, могъ обращаться въ цѣлое, уступила мѣсто чрезвычайно искусной машинѣ, гдѣ изъ безчисленнаго множества безжизненныхъ частей возникаетъ механическая жизнь цѣлаго. Оторваны были другъ отъ друга церковь и государство, законы и нравы, наслажденіе и трудъ, средства и цѣли. Вѣчно прикованный къ малому обломку цѣлаго, человѣкъ и самъ развивается только въ видѣ обломка; вѣчно слыша только монотонный шумъ колеса, которое онъ вертитъ, онъ никогда не развиваетъ гармоніи своего существа и, вмѣсто того, чтобы отражать въ своей природѣ человѣчество, онъ дѣлается просто оттискомъ своей профессіи, своей науки. Но даже то скудное, частичное участіе, которое еще привязываетъ отдѣльныхъ членовъ къ цѣлому, зависитъ не отъ самостоятельно ими выбранныхъ нормъ (и развѣ можно бы было довѣрить ихъ свободѣ такую сложную и хитрую машину?)—нѣтъ: имъ съ строжайшею точностью предписаны извѣстныя правила, которыми связана ихъ иниціатива. Мертвая буква замѣняетъ свободный разумъ, наловчившаяся память руководитъ вѣрнѣе, чѣмъ геній и изобрѣтательность. Когда должность дѣлается масштабомъ человѣка; когда мы цѣнимъ въ одномъ изъ своихъ согражданъ только память, въ другомъ только разумъ, въ третьемъ только механическую ловкость; когда здѣсь не обращается никакого вниманія на характеръ и ищутся только знанія, а тамъ, напротивъ, духу порядка и легальному поведенію способствуетъ помраченіе разсудка—то что же удивительнаго, что всѣ остальныя способности заглушаются, чтобы воспитать ту, которая одна даетъ почетъ и вознагражденіе? Правда, мы знаемъ, что геній не ограничиваетъ своей дѣятельности предѣ-

Digitized by Google

лами своей профессіи, но заурядное дарованіе ухлопываетъ всѣ свои скудныя силы на выпавшую ему дробную роль.

Далѣе встрѣчаются многія чрезвычайно глубокія частныя замѣчанія, но мы пока остановимся на этомъ. Уже и теперь видно, что пламенный поборникъ свободы и демократическихъ идей съ крайне непріязненнымъ чувствомъ отворачивается отъ современнаго ему хода вещей, который, надо замѣтить, уже выставилъ великую революцію (письма объ эстетическомъ развитіи появились въ 1795 году) и со вздохомъ смотритъ за цѣлыя тысячелѣтія назадъ. На мой взглядъ, это явленіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже любопытнѣе знаменитаго протеста Руссо противъ цивилизаціи. Руссо не видалъ революціи и, слѣдовательно, физически не могъ такъ или иначе отозваться на осуществленіе зари новой жизни, какъ тогда казалось. Принимая въ соображеніе, что многіе изъ самыхъ видныхъ дѣятелей революціи принадлежали къ жаркимъ поклонникамъ Руссо, мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, остался ли бы самъ онъ вѣренъ своему пессимизму. Шиллеръ же жилъ среди всего этого угара надеждъ и упоеній и, однако, продолжалъ твердить свое. Подобно Руссо, но при нѣсколько иной исторической обстановкѣ, онъ выражалъ недовольство не какимъ-нибудь частнымъ, случайнымъ явленіемъ прогресса, а его общимъ ходомъ; онъ видѣлъ въ немъ гибель человѣчества, для предотвращенія которой и рекомендовалъ свой планъ, сейчасъ увидимъ какой. Извѣстно, что простые люди всегда и вездѣ склонны вздыхать по прошедшему. Все имъ кажется, что когда-то люди были сильнѣе, здоровѣе, больше, богаче, красивѣе, добродѣтельнѣе и проч. Меня всегда удивляло, что ученые люди не обращаютъ никакого вниманія на общераспространенность этого вѣрованія. Въ самомъ дѣлѣ, то въ формѣ сказокъ о богатыряхъ и ихъ привольномъ житьѣ, то въ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ, то въ видѣ личныхъ или почти личныхъ воспоминаній о дѣйствительности, это вѣрованіе распространено рѣшительно по всему земному шару и по всей исторіи человѣчества. Должны же быть у него какія-нибудь фактическія основанія или въ объективной исторіи, или въ свойствахъ человѣческой природы, или въ томъ и другомъ.

Надо, однако, замѣтить, что это обращеніе за идеаломъ назадъ, въ болѣе или менѣе глубокую и всегда неопредѣленную даль исторіи, распространено только между простыми людьми, необразованными. Люди ученые, если только они не заражены теософическими предразсудками, напротивъ, съ такою же исключительностью вѣрятъ, что нетолько никакой золотой вѣкъ никогда не существовалъ, но что чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться въ прошедшее, тѣмъ бо́льшую встрѣтимъ слабость, безпомощность человѣка, тѣмъ бо́льшіе найдемъ мракъ и грязь. Это я, впрочемъ, несовсѣмъ правильно сказалъ «ученые люди». Ученые, въ этомъ отношеніи, еще не такъ строги, какъ полу-

Digitized by Google

ученые и только что граматные. Какой-нибудь писарь, хватившій цивилизаціи, уже чрезвычайно твердо убѣжденъ, что народнымъ представленіямъ о золотомъ вѣкѣ, о кисельныхъ берегахъ и молочныхъ рѣкахъ, о богатыряхъ и привольномъ житьѣ, въ дѣйствительности соотвѣтствовала «одна необразованность-съ и дикость-съ». Среди же людей высокоразвитыхъ встрѣчается иногда какъ бы возвращеніе къ исконному народному вѣрованію, но уже въ формѣ сознательныхъ и болѣе или менѣе разработанныхъ теорій. Это, конечно—случаи особенно любопытные. Одинъ изъ нихъ представляется воззрѣніями Шиллера. Въ письмахъ объ эстетическомъ развитіи человѣка отправнымъ пунктомъ, который служитъ мѣриломъ сравнительнаго первобытнаго превосходства, является древняя Греція. Это, конечно, совершенно произвольно. Не трудно бы было показать, что греческая жизнь, даже въ блистательнѣйшую пору своего развитія, была уже охвачена тѣмъ историческимъ процессомъ, который признаётся Шиллеромъ пагубнымъ. Шиллеръ, повидимому, и самъ чувствовалъ произвольность своего выбора. Въ другихъ сочиненіяхъ онъ, какъ мы уже видѣли, даетъ болѣе неопредѣленныя указанія на область «дѣтской жизни, сельскихъ нравовъ и нравовъ первобытнаго міра», какъ на нѣчто въ родѣ золотого вѣка. Иногда, наконецъ, онъ просто отодвигаетъ свой идеалъ въ совершенно уже неясную даль «природы», подобно Руссо съ его знаменитымъ положеніемъ: все прекрасно, выходя изъ рукъ природы; все портится въ рукахъ человѣка. Очевидно, это—не выходъ изъ произвольности. А въ наше время даже ужь и совсѣмъ нельзя искать въ «природѣ» какого нибудь совершенства въ подходящемъ для нашего случая смыслѣ слова. Такимъ образомъ, золотой вѣкъ, повидимому, самъ собой угоняется все дальше и дальше назадъ, пока, наконецъ, не расплывается въ полнѣйшемъ туманѣ. Свѣтъ науки, умственнаго развитія ничего, значитъ, собственно говоря, не внесъ въ народное вѣрованіе, не уяснилъ его. Русскій мужикъ, котораго вы не только удешевленіемъ ситца или развитіемъ желѣзно-дорожной сѣти, но даже указаніемъ на крупнѣйшія изъ реформъ нынѣшняго царствованія не разубѣдите въ томъ, что когда-то жить было лучше, находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Шиллеръ. Ему кажется, что онъ чуть не по пальцамъ можетъ сосчитать время, протекшее съ тѣхъ поръ, какъ жить стало хуже, и что чуть ли даже не его дѣдъ былъ богатырь и жилъ вполнѣ привольно; ему это ясно. Шиллеръ же, гоняясь за золотымъ вѣкомъ, гонитъ его все дальше и, наконецъ, совсѣмъ выгоняетъ за предѣлы исторіи. Но тутъ Шиллеръ даетъ своей мысли необыкновенно смѣлый и чрезвычайно замѣчательный оборотъ. Въ третьемъ изъ писемъ объ эстетическомъ развитіи человѣка читаемъ: «Человѣкъ приходитъ въ себя изъ чувственной дремоты, сознаетъ себя человѣкомъ, озирается и видитъ себя въ государствѣ. Гнетъ потребностей повергъ его туда прежде, чѣмъ онъ могъ подумать о свободномъ

Digitized by Google

выборѣ; нужда настроила общество по законамъ природы прежде, чѣмъ человѣкъ могъ построить его по законамъ разума. Но съ этимъ положеніемъ онъ, какъ нравственная личность, примириться не можетъ; и плохо было бы, еслибы онъ могъ примириться! И вотъ, онъ искуственно обращается къ своему дѣтству, создаетъ въ идеѣ *естественное состояніе*, которое, правда, отнюдь не дано ему опытомъ, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо для удовлетворенія его разума. Онъ ставитъ себѣ въ этомъ положеніи конечную цѣль, которой онъ въ дѣйствительномъ естественномъ состояніи не зналъ, приписываетъ себѣ выборъ, къ которому онъ тогда способенъ не былъ, и затѣмъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ, по собственному выбору, обмѣнялъ состояніе независимости на состояніе договора». Изъ этого видно, вопервыхъ, что Шиллеръ готовъ бы былъ отказаться отъ мысли Руссо, что все прекрасно, выходя изъ рукъ природы, и все портится въ рукахъ человѣка. Далѣе приведенныя слова важны, какъ попытка психологическаго объясненія всеобщаго вѣрованія въ золотой вѣкъ. Шиллеръ прямо говоритъ, что идеальное естественное состояніе въ дѣйствительности никогда не имѣло мѣста (отнюдь не дано опытомъ), но что человѣкъ, по свойствамъ своей природы, вѣритъ въ него или же допускаетъ его гипотетически. Слѣдовательно, если въ вышеприведенномъ очеркѣ историческаго процесса греческая жизнь представляется моментомъ идеальнымъ, такъ только потому, что надо же выбрать въ прошедшемъ какую нибудь опредѣленную точку для сравненія, а, въ сущности, произволъ выбора здѣсь неизбѣженъ. Тѣмъ не менѣе, однако, этотъ очеркъ историческаго процесса остается фактически вѣрнымъ. Онъ неопровержимъ и уязвимъ только развѣ со стороны своей односторонности. Никакія усилія оптимистовъ не могутъ доказать, что онъ ложенъ, но можетъ быть доказано, что въ немъ изложена неполная истина. Обыкновенно, оптимисты на это и налегаютъ, перечисля различныя благодѣянія, полученныя и до нынѣ ежедневно получаемыя человѣкомъ въ процессѣ исторіи. Бѣда, однако, въ томъ, что эти благодѣянія очень хорошо извѣстны тѣмъ, для кого оптимисты читаютъ свой акаѳистъ цивилизаціи и исторіи. Извѣстны они были и Шиллеру. Онъ развилъ ихъ параллельно оборотной сторонѣ медали.

«Въ планъ мой входило, говоритъ онъ: — показать пагубное направленіе характера нашего времени и открыть его источники. Но я охотно допускаю, что, при всей невыгодѣ для индивидовъ такого раздробленія ихъ существа, родъ человѣческій въ цѣломъ не могъ иначе прогрессировать. Не было иного средства развить разнообразные задатки человѣческой природы, какъ противопоставивъ ихъ другъ другу. Этотъ антагонизмъ силъ есть великое орудіе культуры, но только орудіе, потому что, пока онъ продолжается, мы находимся еще на пути къ культурѣ. Въ борьбѣ чистаго и эмпирическаго разума изъ-за исключительнаго преобладанія оба развиваются до возможной зрѣлости и исчерпы-

Digitized by Google

ваютъ каждый свою сферу. Тамъ воображеніе стремится разложить своимъ произволомъ міровой порядокъ, здѣсь, въ противовѣсъ ему, разумъ поднимается до высшихъ источниковъ познанія и призываетъ себѣ на помощь законъ необходимости. Правда, односторонность въ упражненіи силъ неизбѣжно ведетъ индивидовъ къ заблужденіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, родъ, совокупность индивидовъ — къ истинѣ. Уже тѣмъ самымъ, что мы сосредоточиваемъ всю энергію нашего духа въ одномъ фокусѣ и стягиваемъ все свое существо къ одной силѣ, мы придаемъ этой силѣ какъ бы крылья и искуственно выводимъ ее далеко за предѣлы, новидимому, назначенные ей природой. Несомнѣнно, что вся сила зрѣнія всѣхъ индивидовъ, данная имъ природой, не могла бы усмотрѣть спутника Юпитера, открываемаго телескопомъ астронома. Точно также сила человѣческаго мышленія никогда не дала бы анализа безконечнаго или критики чистаго разума, если-бы въ нѣкоторыхъ, призванныхъ субъектахъ разумъ не получалъ исключительнаго, преобладающаго надъ матеріей развитія, давшаго возможность путемъ напряженнаго отвлеченія заглянуть въ безконечное».

Конечно, это, въ количественномъ отношеніи—очень скудныя указанія на благодѣянія цивилизаціи, вполнѣ, однако, достаточныя для уясненія точки зрѣнія автора. Ясно, что, съ точки зрѣнія Шиллера, каждое завоеваніе цивилизаціи, каждый шагъ человѣчества впередъ, научный, философскій, промышленный, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагомъ къ паденію, поскольку онъ покупался цѣною цѣльности и самостоятельности, вообще—судьбы индивида, личности. Поэтому, если удобства изслѣдованія и требуютъ сравненія настоящаго съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ моментомъ прошедшаго, то логически вовсе нѣтъ надобности искать въ исторіи какого-нибудь пункта перелома, послѣ котораго началось занимающее Шиллера пагубное движеніе. Оно шло рука объ руку со всѣми пріобрѣтеніями человѣчества: минусъ и плюсъ шли рядомъ.

Спрашивается теперь: представляетъ ли эта совмѣстность плюса съ минусомъ что-нибудь фатально неизбѣжное, или возможно сохраненіе плюса съ устраненіемъ минуса? Шиллеръ полагалъ, что возможно, и рекомендовалъ для этой цѣли эстетическое развитіе. Онъ не вѣрилъ въ модныя въ его время политическія панацеи, которыя, по его мнѣнію, были безсильны измѣнить теченіе исторіи. Свобода, говорилъ онъ, можетъ быть достигнута только эстетическимъ путемъ, медленнымъ путемъ красоты, облагороженія воображенія, вкуса; только такимъ способомъ можетъ быть достигнута гармонія силъ человѣческой природы, ихъ равновѣсіе, постоянно до сихъ поръ подтачиваемое историческимъ процессомъ. Я не стану, разумѣется, защищать «эстетическое государство» Шиллера, не стану даже излагать эту идею, потому что ошибочность ея не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но нельзя не пожелать, чтобы люди чаще ошибались такимъ образомъ. Нельзя не пожелать,

Digitized by Google

чтобы всякій, одаренный какою-нибудь выдающеюся способностью, направлялъ ее такъ же, какъ Шиллеръ свою творческую способность, и, притомъ, вѣрилъ (хотя бы и преувеличенно), что въ этомъ направленіи заключается спасеніе міра. Я говорю—въ направленіи, а не въ самой способности, въ нравственной искрѣ божіей, а не въ талантѣ. Этакихъ-то франтовъ мы много видали, которые преувеличиваютъ значеніе своего таланта или рода своей дѣятельности. Преувеличеніе Шиллера—совсѣмъ иного рода, какъ читатель видѣлъ изъ предъидущаго и какъ онъ можетъ судить еще по слѣдующимъ замѣчательнымъ характеристикамъ роли и значенія поэзіи. Въ статьѣ «Наивная и сантиментальная поэзія» читаемъ: «Пока человѣкъ еще чистая, разумѣется, не грубая природа, онъ дѣйствуетъ, какъ нераздѣльное чувственное единство, какъ гармоническое цѣлое. Чувство и разумъ, инчивая и самостоятельная способность еще не успѣли раздѣлиться въ своихъ отправленіяхъ, но скорѣе противорѣчатъ другъ другу (я цитирую по переводу изданія г. Гербеля). Его ощущенія — не безобразная игра случая, его мысли — не пустая игра воображенія: изъ закона необходимости вытекаютъ одни, изъ дѣйствительности — другія. Но когда человѣкъ входитъ въ состояніе цивилизаціи и искуство налагаетъ на него свою руку, тогда уничтожается въ немъ та чувственная гармонія, и онъ можетъ только выражаться, какъ моральное единство, т. е. какъ стремящійся къ единству. Гармонія ощущенія съ мыслительностью, существовавшая прежде дѣйствительно, существуетъ теперь только идеально; она уже болѣе не въ немъ, но внѣ его, какъ мысль, которая должна еще осуществиться, а не какъ фактъ его жизни. Если приспособить идею поэзіи, которая, въ сущности, заключается въ томъ только, чтобы дать человѣчеству въ высшей степени его возможное выраженіе. къ обоимъ тѣмъ состояніямъ, то выйдетъ, что въ состояніи естественной простоты, когда человѣкъ еще дѣйствуетъ всѣми своими силами, какъ гармоническое единство, когда цѣлое его природы совершенно выражается въ дѣйствительнвсти, тогда возможно полное подражаніе дѣйствительности должно составлять всю силу поэта. Напротивъ того, въ состояніи цивилизаціи, гдѣ гармонія человѣческой натуры заключается только въ идеѣ, силу поэта составляетъ возведеніе дѣйствительности до идеала, или, что̀ одно и тоже, представленіе идеала». Яснѣе выражена эта мысль въ замѣткѣ «О стихотвореніяхъ Бюргера»: «Можетъ быть, въ наши, столь не поэтическіе дни, какъ для поэзіи вообще, такъ и для лирической въ особенности, откроется достойное назначеніе; можетъ быть, окажется, что, если она, съ одной стороны, должна уступить мѣсто высшимъ умственнымъ занятіямъ, то сдѣлается тѣмъ необходимѣе съ другой. При разъединеніи и разбитой дѣятельности нашихъ умственныхъ силъ, неизбѣжныхъ при расширенномъ кругѣ знаній и разобщеніи спеціальностей, почти только одна поэзія еще соединяетъ раздѣленныя силы

Digitized by Google

души, занимаетъ равно сердце, остроуміе и проницательность, разумъ и воображеніе въ гармонической связи и возстановляетъ въ насъ всего человѣка. Она одна можетъ отвратить самое печальное, что только можетъ испытать философствующій умъ, а именно—въ трудѣ изслѣдованій потерять награду своихъ стараній и въ отвлеченномъ умозрѣніи умереть для радостей дѣйствительнаго міра... Но для этого необходимо, чтобы она сама шла съ вѣкомъ, которому оказываетъ такую важную услугу, и чтобы она усвоивала себѣ всѣ его нововведенія». Вы видите, какими тонкими и многочисленными нитями переплеталась для Шиллера роль поэта съ дѣятельностью гражданина. Признавая въ общественномъ смыслѣ, свободы ради, желательнымъ возстановленіе равновѣсія, гармоніи силъ человѣческой природы, Шиллеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ понятнымъ въ поэтѣ восторгомъ, открывалъ, что поэзія, по самой сути своей, наилучше можетъ этому способствовать. Понятно также, что въ его глазахъ только тотъ поэтъ былъ достоинъ этого имени, который нѣчто давалъ въ этомъ направленіи. Остальные были для него «опоражнивателями слезныхъ мѣшечковъ». И въ тѣхъ же письмахъ объ эстетическомъ развитіи человѣка, гдѣ значеніе искуства поднято до головокружительной высоты, находимъ безпощадное разоблаченіе фактической роли искуства въ исторіи. Въ десятомъ письмѣ, послѣ бѣглаго обзора этой роли, Шиллеръ говоритъ: «Куда бы мы ни взглянули въ прошедшемъ, вездѣ изящный вкусъ и свобода бѣгутъ другъ друга, и красота основываетъ свое господство только на развалинахъ героическихъ добродѣтелей». Не всякаго, значитъ, поэта призналъ бы Шиллеръ своимъ «братомъ по Парнасу» и поклонился бы не всякому, хотя бы и очень крупному таланту.

Итакъ, Шиллеръ теоретически вѣрно поставилъ, но практически неудовлетворительно разрѣшилъ вопросъ величайшей важности. Не попытаться ли намъ разрѣшить его иначе? Попытку эту, впрочемъ, я, профанъ, не сегодня началъ и не безъ глубокаго внутренняго удовлетворенія вижу, что то тамъ, то сямъ въ литературѣ появляются или прямо профанскія мысли, или нѣчто къ нимъ приближающееся. Предпримемъ маленькое путешествіе по этимъ вновь открытымъ странамъ. A tout seigneur tout honneur. Начнемъ съ маркиза *А* «Русскаго Вѣстника».

«На плечахъ народа, на его терпѣніи и самопожертвованіи, на его живучей силѣ, горячей вѣрѣ и великодушномъ презрѣніи къ собственнымъ интересамъ создалась независимость Россіи, ея сила и способность къ историческому призванію (и проч., и проч., сокращаю панегирикъ). Мы полагаемъ, что за все это наше образованное общество находится въ долгу передъ народомъ и что этотъ долгъ далеко не будетъ уплаченъ, если оно сложитъ руки, склонитъ повинную голову и скажетъ: ты лучше насъ, тебѣ и книги въ руки; живи за насъ, выработывай для нашего пустаго существованія идеалы и формы, а мы будемъ

Digitized by Google

счастливы тѣмъ, что поклонились тебѣ и потонули въ твоей сермяжной массѣ».

Такъ говоритъ маркизъ *А*. О, маркизъ, какъ я радъ, что вы написали эти (не совсѣмъ, впрочемъ, основательныя) слова. Такъ радъ, что охотно прощаю вамъ заключающіяся въ нихъ маленькую передержку и плохую пародію на мои выраженія и мысли. Да, что скрывать, я выражалъ желаніе потонуть въ сермяжной массѣ народа; но, замѣтьте, со свѣточемъ истины и идеала въ рукахъ, я выражалъ мысль, что такъ долженъ быть уплаченъ долгъ народу. Такъ именно, я полагалъ, разрѣшается вопросъ, волновавшій Шиллера. Маркизъ, я вамъ прощаю. Прощаю, ибо отнынѣ вы уже не посмѣете повторить, что «литература ничѣмъ другимъ не можетъ питаться, какъ интересами образованнаго класса, потому что они одни только суть истинные національные интересы въ формѣ сознательной и пріуроченной къ интересамъ цивилизаціи». Я наизусть запомнилъ эту вашу фразу и думаю, что она одна способна сохранить васъ отъ объятій забвенія, на кои вы осуждены своимъ ничтожествомъ. Благосклонный маркизъ, я вамъ до такой степени прощаю, что готовъ подать вамъ нѣкоторые доброжелательные совѣты. Вы недовольны, что «у насъ народъ не обнаружилъ богатства тѣхъ творческихъ силъ, которыми создается прогрессъ гражданственный, культурный. У него были и есть свои идеалы, и эти идеалы прекрасны, но они не заключаютъ въ себѣ элементовъ движенія: они, такъ сказать, принадлежатъ растительной жизни». Вамъ такъ понадобились элементы движенія маркизъ? Куда вы собираетесь двигаться? Но здѣсь маркизъ призываетъ себѣ на помощь газету «Новое Время», изъ которой добываетъ слѣдующее: «Вся программа настоящаго времени, всѣ его стремленія, желанія и цѣли, всѣ руководящіе принципы семидесятыхъ годовъ—словомъ, все ихъ profession de foi можетъ быть исчерпано однимъ словомъ: Европа» и т. д.

Итакъ: «движеніе» и «Европа». Идите съ миромъ, благосклонный маркизъ, я васъ отпускаю; я буду съ читателемъ говорить. Если вамъ, читатель, кто-нибудь начнетъ совѣтовать «двигаться» или рекомендовать, какъ образецъ, «Европу», то вы смѣло можете прекратить собесѣдованіе въ самомъ началѣ, потому что собесѣдникъ вашъ, очевидно, не понимаетъ своихъ собственныхъ словъ. «Движеніе» и «Европа», это—просто лишенныя всякаго содержанія слова, пока къ нимъ не будетъ прибавлено дополненіе на вопросъ: какое движеніе? какая Европа? Какъ видно изъ цитаты «Русскаго Вѣстника», Европа провозглашена лозунгомъ семидесятыхъ годовъ въ № «Новаго Времени», отъ 18-го марта. Этого самого числа (только новаго стиля), пять лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ загорѣлась революція, весьма неосновательно изображенная въ книгѣ г. Ватсона «Эпилогъ прусско-французской войны». Это было «движеніе» и, притомъ, «европейское». Желаетъ ли

Digitized by Google

«Новое Время» такой Европы, а маркизъ А. такого движенія—я не знаю; но знаю, что это европейское движеніе было направлено, по крайней мѣрѣ, противъ трехъ тоже движеній и тоже европейскихъ, и всѣ эти европейскія движенія боролись не на животъ, а на смерть. Еще ничего не значитъ, что, при этомъ, были пролиты рѣки крови, потому что рѣки эти иногда льются въ борьбѣ представителей одного и того же принципа, одного и того же «европейскаго движенія». Нѣтъ, здѣсь шла кровавая борьба между діаметрально-противоположными, взаимно-исключающимися принципами. Какой изъ нихъ вы выберете, вы, русскіе европейцы и двигатели? Коммуну вы выберете или Тьера и буржуазію или Бисмарка и милитаризмъ, или цезаризмъ, и вторую имперію или Шамбора и легитимизмъ? А выбирать надо, потому что *Европа*, какъ лозунгъ семидесятыхъ годовъ, рѣшительно ничего не резюмируетъ и не соглашаетъ. И я, и маркизъ А, и «Новое Время», и я не знаю еще кто—всѣ мы можемъ, пожалуй, даже совершенно правомѣрно кричать: «да здравствуетъ Европа!» и, въ то же время быть другъ отъ друга дальше, чѣмъ турецкій султанъ отъ Мак-Магона. Зачѣмъ же, спрашивается, безъ толку кричать? Семидесятые годы не только не могутъ выразить свою программу словомъ «Европа»; но трудно даже найти въ нашей исторіи годы, къ которымъ этотъ лозунгъ менѣе бы подходилъ. Больше всего онъ годился бы для времени, начиная съ прошлаго столѣтія и такъ, примѣрно, до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго. Въ тѣ времена, дѣйствительно, Европа фактически была нашей путеводной звѣздой, и это было логически возможно, потому что «Европа» еще не развернула заключенныхъ въ ней противорѣчій. Конечно, она и тогда не представляла сплошь однороднаго цѣлаго, но ходъ дальнѣйшей исторіи, казалось, долженъ былъ окончательно сгладить ея неоднородность. На дѣлѣ вышло иначе. А мы все тянемъ старую, давно истлѣвшую, какую-то общеевропейскую канитель и наивно воображаемъ, что это толченіе на мѣстѣ есть «движеніе». Чудаки мы, право, да и чудаки ли только? Не будемъ, однако, валить съ больной головы на здоровую, не будемъ приписывать всему обществу того, что̀ угодно брякнуть публицисту «Новаго Времени» или «Русскаго Вѣстника». То европейское движеніе, которое нѣкогда служило намъ путеводной звѣздой, стало нынѣ только однимъ изъ европейскихъ движеній. Но если имѣть въ виду только его, такъ можно съ увѣренностью сказать, что у насъ «программа настоящаго времени, всѣ его стремленія, желанія и цѣли» и т. д. отнюдь не исчерпываются словомъ: «Европа». Европа, что̀ ли—комментированныя мною воззрѣнія гр. Льва Толстаго, которыя надѣлали столько шуму и, замѣтьте хорошенько несомнѣнность этого результата, оставили за собой побѣду? А пятнадцать лѣтъ тому назадъ, гр. Л. Толстой былъ замолчанъ. Согласитесь, что «Европа», по крайней мѣрѣ, на этомъ пунктѣ не сдѣлала у насъ

Digitized by Google

успѣха. А вслѣдъ за гр. Толстымъ начали безбоязненно высказываться въ литературѣ такія не-европейскія вещи, что, въ виду ихъ, смѣлость заявленія о совпаденіи программы семидесятыхъ годовъ съ «Европой» становится по истинѣ изумительной. А тутъ и переводная литература измѣнила Европѣ. Явились книги Мена, явилась книга Лавеле, европейца, краснорѣчиво убѣждающаго насъ отнюдь не увлекаться «европейскимъ движеніемъ». Многіе даже весьма непроницательные наблюдатели подмѣтили, что, въ настоящее время, происходитъ въ литературѣ и въ обществѣ какое-то очень не-европейское броженіе.

Кстати о весьма непроницательныхъ наблюдателяхъ и броженіи въ литературѣ. Въ фельетонѣ одной газеты я встрѣтилъ, повидимому, систематическій, а въ сущности крайне курьёзный подборъ литературныхъ явленій. Тутъ были свалены въ одну кучу гр. Толстой, г. Евгеній Марковъ (съ его романомъ «Черноземныя поля»), г. Боборыкинъ (съ его предисловіемъ къ «Запискамъ Дурака»), г. П. Ч., г. Энгельгардтъ. Общая скобка, за которую были поставлены всѣ эти писатели, состояла въ стремленіи къ простой деревенской жизни и къ сближенію съ народомъ; это-то и выставлялось характеристической чертой современной литературы. Не знаю, право, какъ назвать эту общую скобку. Она отчасти, конечно, вѣрна, но отчасти рѣшительно никуда негодится, потому что далеко не всякій, взывающій: Господи! Господи! можетъ попасть въ царство небесное. Я не буду утомлять васъ разборомъ всей этой путаницы и обращу ваше вниманіе только на одного г. Евгенія Маркова. Это входитъ въ мою программу путешествія по новооткрытымъ странамъ. Г. Евгеній Марковъ есть тотъ самый г. Евгеній Марковъ, который столь побѣдоносно сражался и съ гр. Л. Толстымъ и съ «упразднителями современнаго общества»; тотъ самый г. Евгеній Марковъ, который заявилъ, что только *скотамъ* свойственно отрекаться отъ своего прошедшаго, какъ бы оно ни было гнусно (онъ забылъ, что Павелъ отрекся отъ Савла и что именно скоты не способны на подобное отреченіе). Онъ печатаетъ теперь въ «Дѣлѣ» отмѣнно скучный, нравоучительный и длинный романъ «Черноземныя поля». Тамъ воспѣваются прелести сельской жизни, красота полей, вкусъ парнаго молока, сближеніе съ народомъ, милыя деревенскія барышни, прочные сельскіе кавалеры. Очень хорошо. Вотъ что̀ пишетъ своимъ друзьямъ удалившійся на лоно природы и тихой сельской жизни среди народа герой романа Суровцовъ:

«Мнѣ живется отлично, гораздо лучше, чѣмъ предполагаете вы, чѣмъ предполагалъ я самъ. Я—царекъ совершенно отдѣльнаго, хотя и тѣснаго, небольшаго мірка. Нигдѣ не можетъ развиться такая независимость духа, какъ въ деревенскомъ хозяйствѣ. Но нигдѣ же нѣтъ болѣе строгихъ и точныхъ обязанностей, стало-быть, нигдѣ не можетъ развиться въ такой степени чувство собственной отвѣтственности. Я подчиненъ повелителю, отъ требованій котораго уклониться немыслимо, но подчиненіе которому неоскорбительно для самаго гордаго духа. Имя этого повелителя—«роковые законы природы». Моя судьба зависитъ отъ безснѣжной зимы, отъ морозной весны, отъ дождливаго

Digitized by Google

лѣта. Двигается по небу грозовая туча, я долженъ покорно выждать, что̀ ей вздумается сдѣлать со мною. Я не знаю прихотей никакого другого начальства, не имѣю надъ собою никакихъ инстанцій, никакихъ регламентовъ и инструкцій, не подвергаюсь ничьему контролю. И, однако, я не смѣю сдѣлать ни одной ошибки, не смѣю упустить ни малѣйшей своей обязанности, потому что въ самой ошибкѣ, въ самомъ упущеніи моемъ и моя кара, быстрая, неотвратимая, роковая. Тутъ необходимѣе быть умнымъ, дѣятельнымъ, внимательнымъ, чѣмъ на каѳедрѣ профессора, которая все сноситъ — бездарность, лѣнь и даже заблужденія. Предполагали-ли вы когда-нибудь такую силу воспитательности въ практическомъ хозяйствѣ? А въ немъ есть еще гораздо болѣе силы, да теперь не хочется говорить много. Кстати, вы остроумничаете надъ моимъ новымъ дѣломъ, обзывая его «эгоистическимъ и матерьяльнымъ». Изъ этого ясно, что вы совершенно не знаете моего дѣла. Такъ знайте-же хоть теперь, что сельское хозяйство — дѣло такое-же общественное, какъ и ваше профессорство. Вы думаете, деревня Суровцова на Ратской Плотѣ принадлежитъ одному надворному совѣтнику Анатолію Суровцову? Ошибаетесь, друзья мои: надворный совѣтникъ Анатолій Суровцовъ—только одинъ изъ множества владѣльцевъ этого общаго имущества. Оно очень мало, а владѣльцевъ очень много. Владѣтели его—мой ключникъ, мой конюхъ, мой скотникъ, мой садовникъ, моя скотница и всѣ вообще мои рабочіе и крестьяне. Я ихъ вправѣ называть моими, такъ-какъ они неизбѣжные мои сотоварищи. Моя доля въ общемъ пользованіи нашимъ имуществомъ, говоря безотносительно, побольше ихъ, моя комната почище ихъ, мой столъ повкуснѣе и я не всегда ѣзжу, какъ они, на простой телегѣ. Но сравнительно съ нашими потребностями, они получаютъ нисколько не менѣе моего; они по-своему сыты и нагрѣты не хуже меня и имѣютъ свободные праздники, свободные зимніе вечера для игры на балалайкѣ, выпивки и любезничанья съ своими дамами. Я гораздо рѣже имѣю досугъ и почти не имѣю средствъ поразвлечься по своему вкусу. Но, главное, ихъ владѣніе деревнею Суровцовой гораздо прочнѣе моего. Я лѣзу въ долги, чтобы какъ-нибудь удовлетворить насущнымъ потребностямъ хозяйства; нынче я въ барышѣ, завтра у меня могутъ отобрать мое послѣднее достояніе. А имъ навсегда обезпечено ихъ мѣсячное жалованье и ихъ кусокъ хлѣба. Будетъ ли считаться владѣльцемъ имѣнія надворный совѣтникъ Суровцовъ или купецъ 2-й гильдіи Силай Лаптевъ, Суровцово не обойдется безъ ключника, скотника, конюха и всей рабочей компаніи; и какія бы бѣды ни стряслись лично надо мною, все-таки суровцовскіе мужички будутъ получать ежегодно по 5 руб. сер. аренды съ каждой пахатной десятины такъ-называемаго моего имѣнія, потому что безъ ихъ сохъ и боронъ никакой купецъ Лаптевъ не обработаетъ поля. Но даже при такомъ ограниченіи своихъ правъ, я могу сдѣлать много добра и много зла цѣлой окрестности. Если я сложу руки, не подвину впередъ своего дѣла, не усовершенствую его, мое хозяйство—могила. Некуда наняться, негдѣ ничего заработать, некому продать, не у кого купить сосѣдямъ. Заварилъ я дѣятельное и разнообразное хозяйство—мнѣ всѣ нужны: плотники, кузнецы, копачи окрестности, всѣ имѣютъ у меня заработокъ подъ-рукою: у одного я куплю свинью на кормъ, у другого соломы для навоза, у третьяго лошадь куплю и лѣсъ, и доски, и телегу, что̀ у кого заготовлено для продажи. У меня тоже всякій купитъ что-нибудь нужное, если я не сплю, а завожу, что̀ можно. Купитъ и крупъ, и муки съ мельницы, и жеребенка, и теленка на заводъ. Моя дѣятельность возбудитъ, такимъ образомъ, экономическую жизнь въ цѣлой мѣстности. Сбытъ и спросъ облегчаются, возвышается заработная плата, въ глухомъ углу достигается извѣстное удобство. Развѣ это не общественное дѣло, не общественная заслуга?»

О, ка̀къ же мнѣ не радоваться, читая идилліи г. Маркова, ка̀къ мнѣ не радоваться такъ соблазнительно описываемому имъ сближенію съ народомъ! Но знаете ли что̀? Вамъ случалось, конечно, хоронить кого-нибудь очень вамъ близкаго и дорогого, чьимъ лицомъ вы привыкли любоваться. Вы, значитъ, знаете то тяжелое ощущеніе, которое испытывается при видѣ мертве-

Digitized by Google

ца, черты котораго такъ похожи на милое лицо и, въ то же время, такъ не похожи, такъ безобразны. Вотъ это самое испытывалъ я, читая размазистый и слащавый романъ г. Маркова. Что же касается выписанной тирады, то я не буду говорить о крайней наивности Суровцова, повидимому, серьёзно думающаго, что онъ—благодѣтель цѣлаго околодка. Я буду имѣть скоро случай по болѣе интереснымъ поводамъ бесѣдовать съ вами объ этомъ заблужденіи россійскаго Цинцината. Письмо же Суровцова я привелъ для освѣщенія всей идилліи и для показанія, что г. Евгеній Марковъ отнюдь не есть, въ самомъ дѣлѣ, какая-нибудь новооткрытая Америка, а обыкновеннѣйшая и избитая до плоскости «Европа». Надо быть дѣйствительно очень непроницательнымъ наблюдателемъ, чтобы увидѣть въ этомъ призывѣ in's Grüne, на лоно природы, что-нибудь характерное для какого бы то ни было времени. Всегда были люди, которые любили пить парное молоко, смотрѣть на деревенскіе хороводы, дышать воздухомъ полей и благодѣтельствовать работой окрестныхъ крестьянъ. Всегда были и люди, склонные къ занятію сельскимъ хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ, не могутъ быть поставлены за общую скобку г. Евгеній Марковъ и, напримѣръ, гр. Толстой, какъ онъ выясняется четвертымъ томомъ его сочиненій.

Мы далеко отошли отъ Шиллера, отъ Шиллера—до г. Евгенія Маркова!—но многимъ можетъ показаться, что это даже совсѣмъ не далеко, что Шиллеръ и г. Марковъ совсѣмъ рядомъ стоятъ, потому что оба проповѣдуютъ возвращеніе къ природѣ, къ природѣ, къ простотѣ сельскихъ нравовъ. Разница, однако, въ томъ, что проповѣдь Шиллера и въ сто лѣтъ не состарѣлась, а проповѣдь г. Маркова такъ и родилась мертвой. Разница въ самомъ источникѣ порываній того и другого. Сходство же, если оно есть, исчерпывается второстепенными и чисто внѣшними чертами. Допустимъ, что «Черноземныя поля», въ самомъ дѣлѣ, должны быть занесены въ число признаковъ времени, что въ этомъ литературномъ явленіи выразилось не простое тяготѣніе къ парному молоку, свѣжему воздуху и сельско-хозяйственной дѣятельности, какое могло имѣть мѣсто всегда и вездѣ, а осложненное злобой дня, нѣчто, характерное для нашего времени, для «семидесятыхъ годовъ». Какая же это такая злоба дня здѣсь сказалась? Суровцовъ ставитъ свою сельско-хозяйственную дѣятельность рядомъ съ профессорскою дѣятельностью своихъ друзей. Онъ весьма справедливо не видитъ между ними типической разницы, хотя одна насаждаетъ плоды знанія, а другая плоды земли. Дѣйствительно, то и другое насажденіе могутъ производиться и производятся при совершенно одинаковой общественной обстановкѣ, до такой степени, что, если въ числѣ друзей Суровцова есть профессоръ политической экономіи, то онъ, по всей вѣроятности, излагаетъ съ каѳедры тѣ самые принципы, которые изложены въ письмѣ Суровцова. И профессоръ, и сельскій хозяинъ, въ настоящемъ случаѣ, окружены одной и той же

Digitized by Google

духовной атмосферой. Правда, рѣзкая разница обнаруживается въ физической обстановкѣ. Но это, очевидно—дѣло личнаго вкуса. Одинъ любитъ атмосферу кабинета, типографіи, аудиторіи, жизни городской, другой—атмосферу лѣсовъ, полей, жизни сельской. Допустимъ—что̀, однако, если и можетъ быть допущено, то только въ весьма скромныхъ размѣрахъ—допустимъ, что людей съ деревенскими вкусами нынѣ становится сравнительно все больше, что, утомленные городскимъ шумомъ, измученные вообще городскими условіями жизни, люди усиленно бѣгутъ in's Grüne. Безспорно, это движеніе могло бы имѣть многія, нелишенныя значенія послѣдствія и нѣсколько измѣнить и самый строй общественной жизни, но лишь въ опредѣленныхъ и, въ сущности, весьма ограниченныхъ предѣлахъ, если при этомъ профессоръ политической экономіи только превратится въ сельскаго хозяина, оставаясь при тѣхъ же принципахъ, смѣняя только каѳедру и теорію на деревню и практику. И въ томъ, и другомъ случаѣ онъ остается представителемъ одного и того же «движенія» (если хотите, «европейскаго»). Мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ состоитъ это движеніе: въ увеличеніи производства (въ нашемъ частномъ случаѣ — сельскихъ продуктовъ). Механизмъ этого движенія намъ до такой степени хорошо извѣстенъ, что и сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что отливъ силъ изъ города въ деревню можетъ при немъ продолжаться только весьма короткое время. Оставаясь на нашемъ частномъ случаѣ профессоровъ и сельскихъ хозяевъ, не трудно видѣть, что пропорція тѣхъ и другихъ можетъ колебаться только въ очень слабыхъ предѣлахъ. Профессора политической экономіи, исповѣдующіе принципы Суровцова, неизбѣжны тамъ, гдѣ существуютъ или могутъ существовать Суровцовы, и обратно: Суровцовы возможны только тамъ, гдѣ раздается съ каѳедръ или въ книгахъ голосъ либеральной политической экономіи. Положимъ, Петровъ перейдетъ съ каѳедры in's Grüne по слѣдамъ Суровцова, но на его мѣсто непремѣнно явится Ивановъ, а, если и Ивановъ уйдетъ, такъ его замѣнитъ, можетъ быть, даже сынъ Суровцова. Понятно, что отъ такого рода перемѣнъ никому ни тепло, ни холодно, кромѣ непосредственно дѣйствующихъ лицъ. Все это «движеніе» есть буря въ стаканѣ воды, неимѣющая ровно никакого общественнаго значенія, и было бы совершенно недостойно литературы видѣть въ ней какой-нибудь признакъ времени, что̀-нибудь характерное и важное. Недостойно литературы отмѣчать, какъ нѣчто, заслуживающее вниманія, такую плоскую идеализацію быта современныхъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, какую представляютъ «Черноземныя поля» г. Евгенія Маркова.

Шиллеровскій призывъ имѣетъ совершенно другой характеръ. И для того, чтобы сдѣлать изъ него лозунгъ нашего времени, нужно только дополнить его, сообразно его основному принципу и тѣмъ историческимъ явленіямъ, которыя народились послѣ Шиллера. Не парное молоко (очень, впрочемъ, хорошая вещь)

Digitized by Google

и не заигрыванія сельскихъ кавалеровъ съ благорожденными деревенскими дѣвицами соблазняли Шиллера въ прошедшемъ и въ лонѣ природы. Онъ завидовалъ тому, что каждый человѣкъ былъ нѣкогда полнымъ носителемъ культуры своего времени или, говоря словами гр. Л. Толстого, самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ. То движеніе, которое уничтожило этотъ порядокъ вещей, Шиллеръ признавалъ пагубнымъ, хотя очень хорошо понималъ, что именно оно дало намъ и знанія, и матеріальныя богатства. Онъ, конечно, не былъ противъ движенія вообще, желалъ не неподвижности и не обращенія вспять, а того единственно, чтобы и нынѣ каждый человѣкъ былъ полнымъ носителемъ культуры *своего* времени, т. е., опять-таки, самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ потребностямъ, кругъ которыхъ постоянно расширяется. При такой постановкѣ вопроса, заботы о «движеніи» теряютъ всякій смыслъ, и на первый планъ выдвигается то, что̀ и Шиллеръ, и гр. Толстой называютъ гармоніей развитія. Позднѣйшій историческій опытъ только подтвердилъ анализъ Шиллера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нашему времени вызвалъ въ Европѣ многочисленные частные протесты, совершенно укладывающіеся въ протестъ Шиллера, нетолько протесты, а и болѣе или менѣе удачныя попытки положительныхъ рѣшеній. Шиллеръ глубоко скорбѣлъ о розни эмпирическаго и чистаго разума, какъ онъ говорилъ, а по нашему—опыта и умозрѣнія. Послѣ него, эта рознь достигла одно время колоссальныхъ размѣровъ и считалась необходимымъ условіемъ «движенія» мысли, но нынѣ соглашеніе этихъ двухъ формъ изслѣдованія, совмѣщеніе ихъ въ одной и той же личности составляетъ вопросъ безповоротно рѣшенный. Никто не сомнѣвается въ необходимости и возможности такого совмѣщенія. Въ области экономической, взглядъ Шиллера, по обстоятельствамъ времени, не проникъ дальше розни «труда и наслажденія», т. е. самой общей формулы. Послѣ него эта рознь достигла колоссальныхъ размѣровъ и все продолжаетъ рости, сосредоточивая собственность въ однихъ рукахъ, предоставляя трудъ другимъ. Политическая экономія Суровцова и комп. признаётъ эту рознь необходимымъ условіемъ экономическаго движенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ рядъ попытокъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, совмѣстить трудъ и собственность въ одной личности. И надо думать, что необходимость и возможность такого совмѣщенія станетъ скоро тоже внѣ всякихъ сомнѣній. Такъ идетъ дѣло въ Европѣ. Это—тоже европейское движеніе, господа. Угодно ли вамъ именно его признать своею путеводною звѣздой? Если да̀, то та̀къ и говорите, и бросьте канитель «Европы» вообще и «движенія» вообще. Если да̀, то, вмѣсто «Европы», вы имѣете полное право подставить «русскій народъ» въ свою формулу. И тогда выйдетъ: «Вся программа настоящаго времени, всѣ его стремленія, желанія и цѣли, всѣ руководящіе принципы семидесятыхъ годовъ, словомъ—все ихъ profession de foi можетъ быть исчерпано двумя словами: русскій народъ». Н. М.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1876 г.

(По общей нумерации тома CCXXV).

Мартъ № 3.

СТРАН.

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА. Часть первая (1800 — 1827). Главы III—IX. — Религіозныя, литературныя и политическія тайныя общества, отъ 1815 до 1825 года.—Ссылка въ читинскій острогъ.—Пребываніе въ читинскомъ острогѣ . . . 5

ГОРЕ СТАРАГО НАУМА. (Волжская быль). **Н. Некрасова** . 51

СИЛА ХАРАКТЕРА. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть вторая. **С. Смирновой** 61

ИЗЪ ИСТОРІИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА. **А. Энгельгардта.** . 139

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ АМЕРИКѢ 169

ЗАПИСКИ ДУРАКА, сдержавшаго больше, чѣмъ онъ обѣщалъ. Ведены имъ самимъ, собраны и дополнены **Эженомъ Козлемъ.** (XXII—XXXIII). **С. А. Б.** 199

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ. — XVIII. — Семейные итоги. **Н. Щедрина** 227

БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.—III.—Семья. (*Продолженіе*). **Ник. Михайловскаго** 271

ГЭБРІЕЛЬ КОНРОЙ. Романъ **Бретъ-Гарта.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 49—64).

Апрѣль № 4.

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА. Часть вторая. Глава X.—Тюрьма за Байкаломъ въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ 403

СИЛА ХАРАКТЕРА. Романъ въ трехъ частяхъ. *Часть третья и послѣдняя.* **С. Смирновой** 427

ЗАПИСКИ ДУРАКА, сдержавшаго больше, чѣмъ онъ обѣщалъ. Ведены имъ самимъ, собраны и дополнены **Эженомъ Козлемъ.** (*Окончаніе*). Переводъ **С. А. Б.** . . . 52[illegible]

Digitized by Google

СТРАН.

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ. Въ погоню за идеалами. **Н. Щедрина** 553
ЖАКЪ. Современные нравы. **Альфонса Додэ**. Часть первая. Гл. I—III. **А. П.** 573
ЛЮДИ И НРАВЫ. Очерки.—I. Книжка чековъ.—II. Неплательщики. **Г. И.** 619
СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ВЪ С.. АМЕРИКѢ. (Очерки изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ). **Эд. Циммермана**. 667
СТИХОТВОРЕНІЕ. **А. Ж.** 690
ГЭБРІЕЛЬ КОНРОЙ. Романъ **Бретъ-Гарта**. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 65—96).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мартъ № 3.

СПОСОБСТВУЕТЪ ЛИ РАЗВЕДЕНІЕ ЛѢСОВЪ УНИЧТОЖЕНІЮ ЗАСУХЪ? **П. Костычева** 1
ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ ДАРОВИТОСТИ РУССКАГО НАРОДА. (По поводу «Очерка русской морской исторіи». Ѳ. Веселаго). **Д. С...о-М...ь** 33
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Выборы 20-го февраля.—Четыре избирательныхъ комитета реакціонеровъ.—Два Наполеона въ Аяччіо.—Скупость консерваторовъ и щедрость «Фигаро». — Неудача правительственныхъ кандидатуръ.—Отставка полицейскаго префекта Леона Рено. — Четыре кандидатуры Бюффѐ. — Окончательное паденіе перваго министра и всей системы управленія 24-го мая. — Отчаяніе и ярость реакціонеровъ отъ побѣды республиканской Франціи. — II. Высокая степень значенія результатовъ всеобщаго голосованія: отрицаніе клерикализма и монархизма и утвержденіе прогрессивной республики. — Изумительная дѣятельность Гамбетты и выборъ его въ четырехъ мѣстностяхъ.—Оппозиція непримиримыхъ. — Нѣсколько эпизодовъ изъ парижскаго избирательнаго движенія. — Избраніе Луи Блана.—Неловкій манёвръ лѣваго центра.—Избраніе Тьера. — Общіе итоги выборовъ. — III. Театры за два послѣднихъ мѣсяца.—«Данишевы», Александра Дюмà и К°.—«Иностранка», того же автора.—«Госпожа Каверлэ», Эмиля Ожье. — Возобновленіе «Миссъ Мюльтонъ» Белò и Нюса. — «Рыцари отчизны», Дельпи. — «Очаровательница» и «Конёкъ». — «Le Prix Martin»,

Digitized by Google

СТРАН.

Э. Ожье и Лабиша. — «Fleur de baiser», оперетка. — Отсутствіе серьёзныхъ музыкальныхъ новостей. — Исполненіе «Фауста» Берліоза въ консерваторіи. **Людовика** 62

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ ПРУДОНА О ЖЕНЩИНАХЪ И ЕГО ВЗГЛЯДЪ НА НИХЪ. La pornocratie ou les femmes dans les temps modernes. P. J. Proudhon, 1875, Paris. (*Окончаніе*). **Е. Л.** 90

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г. И ОТЧЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ.—II.—**А. Головачова** . . 107

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Либеральные книжные магазины въ Петербургѣ.—Ихъ неустойчивость. — «Отбытіе А. Ѳ. Базунова въ чужіе края».—Магазины на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта: Тиблена, Кожанчикова, Матвѣя Яковлевича Свириденко, Звонарева, Черкесова.—Авторы издатели книгъ и иногородные подписчики.—Какъ гарантировать иногородныхъ подписчиковъ отъ хищничества книгопродавцевъ . . 133

ОТРѢЗАННЫЙ ЛОМОТЬ. **Молодаго человѣка** 154

Апрѣль № 4.

ГДѢ ИСКАТЬ ЗЕМСТВУ ПОМОЩИ ВЪ ДѢЛѢ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ? (Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Спб. 1876 г.). **Д. С...о-М...ь** 171

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Послѣдняя попытка бонапартистовъ къ возстановленію консервативнаго союза.—Манёвры реакціонеровъ между двумя баллотировками.—Ліонская рѣчь Гамбетты.—Баллотировка 5-го марта, подкрѣпившая побѣду республики на выборахъ 20-го февраля. — II. Маршалъ Мак-Магонъ и новое положеніе Франціи.—Дурные совѣты и злые совѣтники. — Неудавшійся проектъ министерства Казиміра Перье. — Передача новымъ палатамъ полномочій національнаго собранія.—Первое общее собраніе республиканцевъ обѣихъ палатъ. — Министерство 9-го марта.—Предсѣдательство государственнаго совѣта; планы де-Брольи и Фаллу и сенатское большинство.—Легкіе портреты новыхъ министровъ.—Новый кабинетъ, удов-

Digitized by Google

СТРАН.

летворяющій сенатъ и неудовлетворяющій палаты депутатовъ. — III. Второе общее собраніе республиканскаго большинства.—Рѣшеніе 13-го марта.—Программа министерства, прочитанная 14-го марта въ палатѣ. — Назначеніе Рикара пожизненнымъ сенаторомъ. — Старые порядки при новомъ министерствѣ.— Преслѣдованіе республиканцевъ и процессъ печати.— Предложеніе Викторомъ Гюго и Распайлемъ амнистіи. — Оппозиція парламентскихъ комиссій противъ общей амнистіи. — IV. Первыя измѣненія въ составѣ администраціи. — Возрожденіе лѣваго центра и умѣренной лѣвой.—Оппозиція Гамбетты противъ раздѣленія республиканскаго большинства.—Проектъ Ваддингтона и скорбь Дюпанлу.—Проектъ измѣненія въ бюджетѣ вѣроисповѣданій. — Провѣрка выборовъ въ Понтивѝ: де-Мёнъ и Гамбетта. — Слѣдствія, вызванныя провѣркою полномочій о продѣлкахъ клерикаловъ, бонапартистовъ и агентовъ оффиціальной кандидатуры.—Окончательное снятіе осаднаго положенія.—Концертъ русскихъ въ Парижѣ. **Людовика** 191

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г. И ОТЧЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ. — III. **А. Головачова** 226

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Прокламація, обнародованная комиссіей для изслѣдованія медіумическихъ явленій.— Характеръ изслѣдованій комиссіи и результаты, ею добытые.—Комиссія, занимающаяся разработкой вопроса о высшемъ женскомъ образованіи.—Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи вообще.—Результаты, къ которымъ пришла комиссія.—Женщины, получившія дипломы докторовъ медицины въ иностранныхъ университетахъ и болѣе трехъ лѣтъ экзаменуемыя въ Россіи на степень ученыхъ акушерокъ. — Недопущеніе г-жи Кашеваровой-Рудневой къ защитѣ докторской диссертаціи.—Сочувствіе г. министра народнаго просвѣщенія высшему женскому образованію. — Необходимость введенія въ женскія гимназіи полной программы мужскихъ гимназій. — Необходимость обязательнаго народнаго образованія. — Дѣло г. Крестовскаго 254

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.—XIX. О Шиллерѣ и о многомъ другомъ. **Н. М.** 281

Digitized by Google

1-го апрѣля вышла и разослана подписчикамъ IV-я, апрѣльская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. Записки **Гарновскаго**: дворъ и сподвижники императрицы Екатерины II-й въ 1788 г.—II. Митрополитъ Ростовскій **Арсеній Мацієвичъ** и дѣло объ отобраніи монастырскихъ имѣній. Историческій очеркъ Профес. **Н. И. Барсова**.—III. Бунтъ **Беньевскаго** въ Камчаткѣ въ 1771 г. и дальнѣйшія его скитанія. (Окончаніе).—IV. Самсон-ханъ Макинцевъ, генералъ Персидской службы и русскіе бѣглецы въ Персіи. Статья **Ад. П. Берже**.—V. Воспоминанія Татьяны Петровны **Пассекъ**: очерки Московскаго быта.—VI. А. Н. Сѣровъ: очерки и замѣтки о музыкѣ. Сообщ. съ примѣч. **В. В. Стасовъ**.—VII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Замѣтки о портретахъ Лжедимитрія и Марины Мнишекъ; 2) Народныя преданія: Разинъ и Пугачевъ.—VIII. Указъ по поводу смерти Петра Великаго, 1725 г.—IX. Некрологъ: Ю. Ѳ. Самаринъ † 19-го марта 1876 г.—X. Библіографическій листокъ новыхъ книгъ.

Приложенія. Къ этой книгѣ приложены: I. Точный снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, каковой указъ 30-го января 1725 г., подписанъ главнѣйшими его сподвижниками.—II. Указатель личныхъ именъ въ XV т. «Русской Старины».

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1876 г. продолжается.

При вышедшихъ четырехъ книгахъ приложены: портреты Лжедимитрія I-го, Михельсона, побѣдителя Пугачева, В. Г. Бѣлинскаго во гробѣ, императрицы Екатерины II, чертежи: Крестьянинъ Телушкинъ на шпицѣ Петропавловскаго собора въ 1725 г., Снимокъ съ указа 1725 г. и заглавный рисунокъ профессора Шарлеманя.

Цѣна за 12 книгъ съ гравированными на мѣди и на деревѣ

Digitized by Google

портретами русскихъ дѣятелей, со снимками и рисунками — восемь рублей съ пересылкой.

Главная контора «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

☛ Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ главной конторы, и и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Старины» въ Спб., Надеждинская, д. № 42, съ сообщеніемъ вполнѣ точнаго адреса.

«Русская Старина» изданія 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. разошлись сполна, но отпечатано и еще можно получить третье изд. перваго года «Русской Старины» 1870 г.—двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами, снимками и рисунками. Цѣна 8 руб. съ пересылкой, а въ хорошемъ переплетѣ 11 руб. съ пересылкой.

Digitized by Google

EN VENTE CHEZ

E. MELLIER.

Libraire de la Cour Impériale,

au pont de Police, maison de l'Église Hollandaise,

à St.-Pétersbourg.

Victor Tissot. Les Prussiens en Allemagne (Suite au Voyage au pays des milliards). 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Emile Zola. Son Excellence Eugène Rougon. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Ulbach. Aventures de trois grandes dames de la cour de Vienne. Tome I. La Princesse Morani. Tome II. Magda. 2 vol. in-12°; prix 2 r. 80 c.
Paul Arène. La gueuse parfumée. Récits provençaux. 1 vol.; prix 1 r. 40 cop.
— La Chine familière et galante. 1 vol.; prix 1 r. 40 c.
Odilon Barrot. Mémoires. Tome III; prix 3 r.
Billaudel. Scènes de la petite ville. Le Reliquaire des Hautecloche. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.
Theuriet. La fortune d'Angèle. 1 vol. in-12; prix 1 r. 40 c.
Fouvielle. Aventures aériennes et expériences mémorables des grands aéronautes. 1 vol. in-12° illustré; prix 1 r. 60 c.
Marmier. En pays lointains. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Simonin. Le monde américain. Souvenirs de mon voyage aux Etats-Unis. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
George Sand. La coupe. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
— La tour de Percemont. 1 vol; prix 1 r. 40 c.
Bréhat. Les vacances d'un proffesseur. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Flévée. Le sergent d'Armagnac. Le Ressuscité. Légendes militaires. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Berthet. La famille Savigny. 1 vol. in 12°; prix 1 r. 20 c.
Montépin. Le ventriloque. 2 vols. I. L'assassin de Mariette. II. La femme du Prussien. Prix 2 r. 40 c.
Gustave Aimard. Les bisons blancs. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
*** Nouvelle et vielle histoire. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Houssaye (Arsène). Galérie du XVIII-e siècle: La Révolution. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Maria Bogor. Souvenirs de femme. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Vivien—St. Martin. L'année géographique. 14-e année: 1875. Prix 1 r. 40 c.
Lettres de M-lle de Lespinasse, recueillies et publiées par Eugène Asse. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Duplessis. Gavarni. Etude. 1 brochure ornée de 14 dessins inédits. Prix 1 r. 20 c.

Digitized by Google

Sarcey. Comédiens et comédiennes. Première série: **La Comédie Française.** Livraisons 1 à 5. Prix de chaque: 1 r.

Bougeault. Histoire des littératures étrangères. **Tome second:** Littératures anglaise, des Pays-Bas, Slaves (Russie, Pologne, Bohème, Serbie). 1 vol. in-8°; prix 2 r.

Collins. Pauvre Lucile! Roman traduit de l'anglais. 2 vols. Prix 1 r.

Wood. Les filles du Lord Oakburn. 2 vols. Prix 1 r.

Jacolliot. Les traditions indo-asiatiques. 1 vol. in-8°; prix 2 r. 40 c.

Luys. Le cerveau et ses fonctions. 1 vol. in-12°; prix 2 r. 40 c.

Revue illustrée des deux mondes. Année 1875. 2 très-beaux vols in-4° richement illustrés. Prix 7 r.

Les soirées parisiennes par un monsieur de l'orchestre. 1875. 1 vol. Prix 1 r. 40 c.

Duval. L'année théâtrale 2-ème année. 1875. 1 vol. Prix 1 r. 40 c.

Didon. L'homme selon la science et la foi. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

Claretie. Histoire de la révolution de 1870—1871. 1 vol. in-8° illustrés; prix 4 r. 80 c.

Le tour de France. Publication nationale illustrée. 1-ère série. Prix 2 r.

Sur terre et sur mer. Journal hebdomadaire de voyages et d'aventures. Première partie semestrielle, in-4° illustré. Prix 1 r. 20 c.

Michiels. Histoire de la peinture flamande. Tome 10 et dernier. 1 vol. in-8°. Prix 2 r.

Rivière. Les codes français et lois usuelles. 1 très-fort volume gr. in-8°; prix 8 r., relié: 9 r. 20 c.

Foissac. La chance et la destinée. 1 vol. in-8°; prix 3 r.

Bouchut. La vie et ses attributs. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 80 c.

Kreas. Les mystères de la génération et la vie sexuelle de l'homme. 1 vol. in-8° cartonné; prix 4 r. 80 c.

Brehat. Souvenirs de l'Inde anglaise. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Roux. L'homme adultère. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

Mettais. Les amours d'un tribun. 1 vol.; prix 1 r. 20 c.

Scherer. Etudes critiques d'histoire et de littérature. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Russell (Comte John). Mémoires et souvenirs 1813 — 1873. Traduit de l'anglais par Derosne. 1 vol. in-8°; prix 3 r. avec restr.

Doré. Histoire des Croisades illustrée, fascicule 10, contenant 4 grandes compositions de Gustave Doré; prix 2 r. 40 c.

Emile de Girardin. Grandeur ou déclin de la France. Questions des années 1874 et 1875. 1 fort volume in-8°; prix 3 r.

Papillon. Histoire de la philosophie moderne dans ses rapports avec le développement des sciences de la nature. (Ouvrage posthume). Tome premier. vol. in-8°; prix 3 r.

De la Madelène. Le comte de Raousset-Boulbon, sa vie et ses aventures. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Chandeneux. Les ménages militaires. II. Les filles du colonel. 1 vol. in-12°; prix 1 r.

Isola (Roman). 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

NB. Le port pour l'intérieur se compte en sus des prix indiqués d'après le tarif de la poste.

Digitized by Google

— Все! воскликнулъ изумленный совѣтчикъ съ презрѣніемъ.

— Да̀, все. Теперь эта женщина увѣряетъ, что заведетъ процессъ и заставитъ его жениться.

— Мое мнѣніе, произнесъ рѣзко импровизированный совѣтчикъ:—что вашъ пріятель—дуракъ, что не сказалъ вамъ прежде. Я присудилъ бы его къ уплатѣ убытковъ за глупость.

Это рѣшеніе такъ поразило Гэбріеля, что онъ безмолвно отошелъ, но, находясь въ подобномъ настроеніи духа, онъ не могъ удержаться отъ дальнѣйшаго собранія справокъ и, въ тотъ же день, въ лавкѣ Бригса, искусно навелъ общій разговоръ на вопросъ объ ухаживаніи за женщинами и бракѣ.

— Много различныхъ путей познакомиться съ женщинами, сказалъ Джонсонъ, графически разсказавъ, какъ онъ побѣдилъ сердце одной красавицы:—столько же различныхъ путей, сколько различныхъ мужчинъ и женщинъ. На однихъ женщинъ вовсе не дѣйствуетъ то, что̀ сильно вліяетъ на другихъ. Но есть одно средство, которое побѣждаетъ почти всѣхъ — равнодушіе. Надо не выказывать, что вамъ нравится та или другая женщина, а вообще добродушно обращаться со всѣми, какъ, напримѣръ, Гэбъ съ больными, но не говорить ни одной изъ нихъ чего-либо особеннаго и, такимъ образомъ, дать имъ понять, что все ухаживаніе должно быть съ ихъ стороны. Что̀ съ вами, Гэбъ, вы уходите?

Гэбріель съ безпокойствомъ выскочилъ съ мѣста и направился съ дверямъ, бормоча подъ носъ: «пора домой»; но потомъ онъ возвратился, снова сѣлъ и взглянулъ со страхомъ на Джонсона.

— Этотъ способъ дѣйствуетъ почти на всѣхъ, продолжалъ Джонсонъ:—но за человѣкомъ, придерживающимся ему, надо зорко слѣдить. Этотъ способъ слѣдовало бы запретить закономъ, какъ недостойную игру самыми святыми человѣческими чувствами. Подобный человѣкъ долженъ быть заклейменъ общимъ презрѣніемъ.

— Но, можетъ быть, онъ поступаетъ такъ безо всякаго намѣренія, просто по своему характеру, замѣтилъ Гэбріель жалобнымъ тономъ и смотря пристально на всѣхъ присутствующихъ:—можетъ быть, онъ по природѣ равнодушенъ къ женщинамъ и къ браку.

— Чортъ возьми! воскликнулъ съ презрѣніемъ Джонсонъ:—ка̀къ бы не такъ! Это—хитрѣйшая изъ хитростей. Это все равно, что зажать въ одной рукѣ горсть золота, а другой просить милостыню.

Гэбріель медленно всталъ и, отстраняя всѣ просьбы посидѣть еще, пошелъ къ дверямъ и тамъ сказалъ нѣсколько словъ

Digitized by Google

дурной погодѣ, чтобъ доказать присутствующимъ свое равнодушіе къ предмету разговора. Потомъ, понуривъ голову, онъ исчезъ въ дождѣ, который впродолженіи всего дня лилъ, какъ изъ ведра, превративъ единственную узкую, но длинную улицу Одноконнаго Стана въ ручей желтой, клокочущей воды.

— Что-то Гэбъ сегодня не въ духѣ, сказалъ Джонсонъ: — говорятъ, что утромъ спрашивалъ о немъ стряпчій Макевель. Вѣрно что нибудь не ладно. Гэбъ—не дурной человѣкъ; онъ—не Богъ вѣсть что, но отлично ухаживаетъ за больными, а это очень полезно для нашего стана. Надѣюсь, что ничего не помѣшаетъ ему продолжать свою дѣятельность.

— У него можетъ быть исторія съ какой нибудь женщиной, замѣтилъ Бригсъ:—онъ что-то очень внимательно слушалъ вашу рѣчь о женщинахъ. Нѣкоторые полагаютъ, прибавилъ Бригсъ, понижая голосъ и посматривая по сторонамъ:—что Олли—совсѣмъ не сестра ему, какъ онъ говоритъ, а дочь. Правда, никто не сталъ бы такъ ухаживать за дѣвочкой и отказывать себѣ ради нея въ женщинахъ, въ водкѣ и обществѣ товарищей, еслибъ она не была его дочь. Такихъ братьевъ не бываетъ въ нашей сторонѣ.

— Во всякомъ случаѣ, прибавилъ одинъ изъ собесѣдниковъ:— его разсказъ о Голодномъ Станѣ и бѣгствѣ оттуда чрезвычайно странный. Я никогда ему не довѣрялъ.

— Впрочемъ, это—его дѣло и до меня не касается, продолжалъ Джонсонъ:—я оказывалъ ему услуги на сколько могъ; говорилъ, кто болѣлъ, и совѣтовалъ, какъ лучше ухаживать за больными. Но не стану же я отвѣчать за него, если онъ попалъ въ какую нибудь бѣду.

— И я также не обязанъ слѣдить за его нравственностью, прибавилъ Бригсъ:—потому только, что дозволялъ ему приходить сюда и ухаживать за больнымъ мексиканцемъ.

Между тѣмъ, несчастный предметъ этого разговора, пройдя по улицѣ и держась стѣнки домовъ, чтобы избѣгнуть порывовъ вѣтра, свирѣпо дувшаго прямо съ горы, достигъ, наконецъ, маленькой тропинки, которая вела черезъ оврагъ къ его хижинѣ на противоположномъ горномъ скатѣ. Онъ остановился въ нерѣшительности. Эта тропинка шла мимо того дома, въ которомъ мистриссъ Маркль содержала меблированныя комнаты, и ему казалось, что, послѣ всего слышаннаго, онъ, подвергаясь снова опасности, неосторожно бросалъ бы вызовъ судьбѣ. Онъ считалъ неизбѣжнымъ одно изъ двухъ: или вдова и Солли, бросившись на него, затащутъ къ себѣ, или вдова, увидавъ, что онъ прошелъ мимо, не зайдя къ ней, упадетъ въ обморокъ. Дру-

Digitized by Google

гая дорога въ его хижину была вдоль гребня горы, и ему пришлось бы пройти, по крайней мѣрѣ, три лишнихъ мили. Но Гэбріель не долго колебался и сталъ быстро взбираться на гору.

Это было не легко; при порывистомъ вѣтрѣ и сильномъ дождѣ, преодолѣніе физическихъ трудностей силой своихъ могущественныхъ мускуловъ изгнало изъ его ума нелѣпый страхъ. Достигнувъ вершины горы, онъ впервые замѣтилъ, къ какимъ роковымъ послѣдствіямъ привели постоянные дожди впродолженіи цѣлой недѣли. Журчащій горный источникъ, въ которомъ онъ двѣ недѣли тому назадъ утолялъ свою жажду во время прогулки съ Олли, теперь превратился въ бурный водопадъ, а ручей, черезъ который они перепрыгивали, сдѣлался широкой, быстрой рѣкой. Внизу, въ долинахъ и на далекой простирав шейся къ горизонту равнинѣ, виднѣлись громадныя мрачныя водяныя пространства, а въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ неустанно лившаго дождя.

Въ полчаса онъ прошелъ еще двѣ мили по этой тяжелой дорогѣ и очутился въ виду узкаго, крутаго чернаго ущелья, чрезъ которое долженъ былъ проѣзжать вингдамскій дилижансъ изъ Мерисвиля. Подойдя ближе, онъ увидалъ, что маленькій горный потокъ, бѣжавшій подлѣ дороги, значительно разлился и занялъ часть дороги, которая тамъ и сямъ исчезала подъ водою.

— Не легко пробраться по этому ущелью, подумалъ Гэбріель, вспомнивъ, что было уже время проѣхать вингдамскому дилижансу:—непріятно и опасно, но бываютъ на свѣтѣ вещи и хуже (его мысли снова перенеслись къ мистрисъ Маркль), и, еслибъ я могъ помѣняться мѣстомъ съ Биллемъ, то съ охотою посадилъ бы Олли въ дилижансъ, самъ бы вскочилъ на козлы и былъ бы таковъ.

Въ эту самую минуту глазамъ его представился на вершинѣ горы резервуаръ вингдамскаго рва, и онъ забылъ о мистрисъ Маркль, обо всемъ мірѣ. Онъ какъ бы вдругъ преобразился. Что же онъ увидѣлъ? Ничего особеннаго для обыкновеннаго путешественника. Резервуаръ былъ переполненъ водою и излишекъ ея съ грохотомъ выливался въ боковой прокопъ. Ничего болѣе? Нѣтъ—для опытнаго глаза количество воды нисколько не уменьшалось за плотиной. И это все? Нѣтъ: на половинѣ грубо устроенной плотины, вода медленно просачивалась сквозь небольшое, но постоянно увеличивавшееся отверстіе надъ самымъ ущельемъ и почтовой дорогой. Плотина уступала напору воды.

Поспѣшно снявъ одежду, мѣшавшую его движеніямъ, Гэбріель бросился съ опасностью жизни внизъ къ ущелью, перепрыгивая

Digitized by Google

съ утеса на утесъ, съ валуна на валунъ, придерживаясь за вѣтви деревъ и торчащіе громадные корни; а, очутившись въ горномъ проходѣ, онъ пустился бѣгомъ на встрѣчу дилижанса, чтобъ предупредить его о грозившей опасности. Все это было дѣломъ мужественнаго человѣка, хотя не имѣло ничего особеннаго или своеобразнаго; сдѣлалъ онъ все это безъ излишней потери силъ и напротивъ, сохраняя ихъ по возможности, съ ловкостью и навыкомъ горца, съ такой простотою, опредѣленностью и твердостью во всѣхъ движеніяхъ, что, казалось, онъ за-долго приготовлялся къ такому подвигу; это было отличительною чертою Гэбріеля Конроя. Всякій, кто увидалъ бы его спокойный, ровный бѣгъ, серьёзное, энергичное, но не взволнованное лицо и зоркій, невозмутимый взглядъ, принялъ бы его за великана, дѣлавшаго моціонъ для здоровья.

Не успѣлъ онъ пробѣжать и полумили, какъ до его чуткаго уха долетѣлъ глухой ревъ воды, стремившейся вслѣдъ за нимъ. Но онъ только немного ускорилъ свой ровный шагъ, словно за нимъ торопился какой-нибудь пріятель, а не гналась неумолимая смерть. Въ то же мгновеніе на дорогѣ послышался стукъ экипажа, который на секунду остановился и повернулъ назадъ, такъ какъ громкій крикъ Гэбріеля предвѣщалъ издали опасность. Но было уже поздно. Съ дикимъ грохотомъ несшаяся за нимъ вода сшибла его съ ногъ, а затѣмъ закрутила въ своемъ водоворотѣ дилижансъ и лошадей, прибивъ ихъ черной, смутной массой къ отвѣсной стѣнѣ ущелья. Тогда сказался весь запасъ силъ, сохраненныхъ Гэбріелемъ. Сначала онъ не выказалъ безполезнаго сопротивленія неудержимому потоку, а носился со стороны на сторону по волѣ свирѣпой стихіи, пока, наконецъ, не увидалъ близь себя дерева, нависшаго надъ ущельемъ. Съ неимовѣрной силой схватился онъ за его длинную вѣтвь и приподнялся надъ клокочущимъ, всасывающимъ въ себя водоворотомъ. Дилижансъ исчезъ; только нѣсколько фигуръ чернѣло въ водѣ, кружась въ безпомощной борьбѣ. Между ними была женщина. Гэбріель снова бросился въ пѣнящіяся желтыя волны. Черезъ минуту онъ былъ подлѣ нея, схватилъ ее за талію своей могучей рукой и приподнялъ ея голову надъ поверхностью воды, но въ это мгновеніе онъ почувствовалъ, что его кто-то схватилъ съ другой стороны. Онъ не стряхнулъ съ себя опаснаго бремени, а, громко закричавъ «держи меня ниже», поплылъ обратно, разрѣзая бушующую воду одной рукой. Достигнувъ дерева, онъ выпрямился и, схватившись зубами за вѣтвь, вытащилъ изъ пучины обоихъ несчастныхъ. Но тутъ снова раздался роковой грохотъ и второй потокъ желтой воды ворвался

Digitized by Google

въ ущелье. Дерево начало подаваться подъ тяжестью висѣвшихъ на немъ трехъ человѣкъ. Гэбріель вонзилъ свои пальцы въ землю у самыхъ его корней, ухватился ногами за выдающійся уступъ скалы и крѣпко прижалъ женщину къ отвѣсной стѣнѣ. Пѣнящійся валъ пронесся надъ ними; послышался отчаянный вопль и человѣкъ, спасенный Гэбріелемъ, исчезъ. Остались только Гэбріель и женщина.

Они были невредимы, но лишь на минуту. Оба они держались надъ бездною одной лѣвой рукой Гэбріеля. Онъ впервые взглянулъ на женщину и промолвилъ нерѣшительно:

— Можете вы удержаться на секунду?

— Дà.

Даже въ эту критическую минуту онъ вздрогнулъ отъ таинственно нѣжнаго тона ея голоса.

— Обхватите меня обѣими руками за шею.

Она повиновалась. Гэбріель освободилъ свою правую руку. Онъ почти не чувствовалъ висѣвшей у него на плечахъ ноши и осторожно сталъ ощупывать утесъ надъ своей головой, стараясь за что-нибудь уцѣпиться. Найдя выдающійся камень, онъ съ неимовѣрной силой приподнялся и поставилъ ногу въ небольшое отверстіе, изъ котораго вырванъ былъ одинъ изъ корней дерева. Онъ остановился.

— Можете удержаться еще минуту?

— Лѣзьте.

Гэбріель полѣзъ. Онъ нашелъ другой выдающійся камень, потомъ третій, четвертый и такимъ образомъ достигъ до небольшаго уступа въ одинъ футъ ширины, недалеко отъ вершины утеса. Онъ снова остановился.

— Можете вы долѣзть до верха? спросила женщина.

— Дà, если вы...

— Лѣзьте, отвѣчала она просто.

Гэбріель продолжалъ подниматься и черезъ нѣсколько минутъ достигъ вершины. Тутъ руки женщины неожиданно дрогнули, и она упала бы, еслибъ Гэбріель не схватилъ ея за талію; онъ осторожно взялъ ее на руки и отнесъ къ близь стоявшей соснѣ, вокругъ которой земля была устлана шишками, словно ковромъ. Онъ положилъ ее тамъ съ своей обычной нѣжностью и умѣньемъ обращаться съ безпомощными существами. Она поблагодарила его такой граціозной улыбкой, обнаружившей рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубковъ и такимъ страннымъ взглядомъ темно-сѣрыхъ глазъ, что онъ не могъ оторваться отъ нея. Это была женщина небольшаго роста съ свѣтлыми волосами, красиво одѣтая и совершенно незнакомаго ему типа. Еслибъ она не

Digitized by Google

улыбнулась, то онъ никогда не подумалъ бы, что она хороша собой. Однако, несмотря на эту улыбку, она вдругъ поблѣднѣла и упала въ обморокъ.

Въ ту же минуту, Гэбріель услыхалъ вблизи голоса и увидѣлъ приближавшихся двухъ пассажировъ, которые, очевидно, спаслись также вскарабкавшись по утесамъ. Но тутъ трудно объяснить, какъ онъ вдругъ созналъ всю странность своего положенія. Что̀ о немъ подумаютъ? Повѣрятъ ли его словамъ? Онъ болѣзненно вспомнилъ недавній разговоръ въ лавкѣ Бригса; ему представились разгнѣванныя лица толстой мистрисъ Маркль и сухощавой Солли; даже вопросительный взглядъ маленькой Олли, казалось, пронизывалъ его до глубины сердца, и увы! этотъ мужественный герой обратился въ бѣгство!

XIV.

Простота и хитрость.

Уже стемнѣло, когда Гэбріель возвратился домой, и Олли съ безпокойствомъ ожидала его.

— Ты промокъ до костей и весь въ грязи, гадкій Гэбъ! воскликнула она: — поди скорѣй переодѣнься, а то умрешь отъ простуды.

Олли произнесла эти слова̀ какимъ-то страннымъ, необычайнымъ тономъ, но Гэбріель не сдѣлалъ ей никакого замѣчанія или упрека—такъ онъ былъ радъ, что она не закидала его вопросами. Однако, надѣвъ сухое платье и выйдя изъ-за холщевой занавѣски, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ при свѣтѣ только-что зажженной свѣчи, что и внѣшній видъ Олли подвергся совершенной перемѣнѣ. Не только ея лицо и руки были чисто вымыты, а русыя кудри перехвачены розовой лентой, но во всей ея фигурѣ была какая-то необыкновенная порядочность и даже стремленіе украсить нѣсколько свой туалетъ: такъ, на шеѣ у ней виднѣлись малиновая лента и старинный кружевной воротничекъ, найденный въ вещахъ ея матери.

— Кажется, кто-то здѣсь и до меня перемѣнялъ твой туалетъ, сказалъ Гэбріель съ удовольствіемъ:—ты опять была въ канавѣ, Олли?

— Нѣтъ, отвѣчала Олли съ нѣкоторымъ достоинствомъ и принялась накрывать столъ для ужина.

— Но, право, я никогда не видалъ тебя такъ хорошо одѣтой,

Digitized by Google

Олли, замѣтилъ Гэбріель и, послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ съ неожиданнымъ ужасомъ: — кто здѣсь былъ?

— Никто. Люди могутъ жить и одѣваться прилично безъ помощи другихъ, а особливо Сюзàнъ Маркль.

При этомъ злобномъ намёкѣ Гэбріель насупилъ брови.

— Послушай, Олли, сказалъ онъ:—ты не должна такъ говорить объ этой женщинѣ. Ты—ребенокъ, и, если твой братъ сказалъ тебѣ, какъ сестрѣ, кое-чтò по секрету, то не слѣдуетъ объ этомъ болтать.

— Болтать! съ презрѣніемъ воскликнула Олли:—ты думаешь, что я стану съ кѣмъ нибудь говорить объ этой женщинѣ? Поймай меня.

Гэбріель взглянулъ на сестру съ искреннимъ восторгомъ и почувствовалъ въ глубинѣ громко упрекавшей его совѣсти, что онъ не достоинъ такого мужественнаго защитника. Онъ хотѣлъ было высказать ей всю правду, но его удержали страхъ, что Олли станетъ его презирать, и желаніе пользоваться ея энергичнымъ сочувствіемъ. «Къ тому же, подумалъ онъ съ какимъ-то самодовольствомъ: — быть можетъ, эта сказка послужитъ ей къ добру. Посмотри, Гэбріель, на ея воротничекъ и волоса! Ты правдой никогда не достигалъ и половины того, чего достигъ ложью!»

Однако, онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ полученнаго въ тотъ день совѣта и, послѣ ужина, во время котораго Олли вела себя такъ прилично, что даже отказала себѣ въ удовольствіи обтереть сковороду своимъ кускомъ хлѣба, серьёзно сказалъ:

— Еслибы у тебя, Олли, когда нибудь спросили, ухаживалъ ли я за мистрисъ Маркль, чтò бы ты сказала?

— Я бы сказала! воскликнула съ сердцемъ Олли:—что никакая женщина такъ не бросалась на шею мужчинѣ и безъ всякаго повода, какъ мистрисъ Маркль... какъ эта противная, старая Сюзàнъ Маркль. Вотъ чтò я скажу даже ей прямо въ лицо. Знаешь чтò, Гэбъ?

— Чтò? спросилъ съ восхищеніемъ Гэбріель.

— Если сюда пріѣдетъ школьная учительница, о которой ты говорилъ, такъ пріударь за ней.

— Олли! воскликнулъ съ испугомъ Гэбріель.

— Дà, дà, пріударь за ней. Будь съ ней такъ же любезенъ, какъ съ Сюзàнъ Маркль, и, если можешь, то устрой такъ, чтобы это увидѣла противная мистрисъ Маркль или маленькая Манти; она все пересказываетъ матери. Правда, Гэбъ, я слыхала, что между этими учительницами есть славныя женщины.

Чтобы сдѣлать удовольствіе Олли, Гэбріель готовъ былъ раз-

Digitized by Google

сказать о томъ, что случилось съ нимъ въ ущельѣ, но его остановила смутная боязнь, чтобы Олли не потребовала отъ него немедленнаго предложенія руки и сердца спасенной имъ женщинѣ. Пока онъ еще колебался, кто-то постучалъ въ дверь хижины.

— Я забыла сказать, Гэбъ, что безъ тебя приходилъ стряпчій Макевель, сказала Олли:—и, вѣрно, это онъ стучится. Если онъ будетъ тебя приглашать къ больному, то не ходи: тебѣ довольно хлопотъ и со мною.

Гэбріель всталъ и съ безпокойствомъ отворилъ дверь. Въ комнату вошелъ человѣкъ высокаго роста, смуглый и съ просѣдью. Его одежда и манеры, хотя вполнѣ согласовавшіяся съ мѣстными обычаями и предразсудками, обнаруживали въ немъ человѣка, стоявшаго нѣсколько выше общественнаго уровня обитателей Одноконнаго Стана. Онъ не оглядывался съ любопытствомъ по сторонамъ, какъ мексиканецъ, посѣтившій Гэбріеля наканунѣ, а устремилъ на него свои сѣрые глаза полувопросительно, полуюмористично. Постоянное выраженіе его лица было серьёзное, за исключеніемъ полунервнаго дрожанія въ лѣвомъ углѣ рта, которое исчезало только тогда, когда онъ проводилъ рукою по лицу. Этотъ обычный жестъ производилъ на зрителей впечатлѣніе, словно онъ отиралъ рукой улыбку, какъ нѣкоторые отираютъ слезу.

— Кажется, мы никогда еще съ вами не встрѣчались, Гэбріель, сказалъ онъ, протягивая руку:—я—Макевель. Вы, вѣроятно, обо мнѣ слышали. Мнѣ надо поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

На лицѣ Гэбріеля выразился необычайный страхъ, и онъ, молча, махнулъ рукою Олли, чтобы она вышла изъ комнаты.

— Я, очевидно, поймалъ его въ расплохъ, и ребенокъ ничего не знаетъ, подумалъ Макевель и тотчасъ прибавилъ вслухъ: — если я не ошибаюсь, Гэбріель, это дѣло касается столько же вашей... дѣвочки, сколько васъ самихъ. Отчего бы ей не остаться?

— Нѣтъ, нѣтъ! произнесъ Гэбріель, вполнѣ убѣжденный, что Макевель явился въ качествѣ адвоката оскорбленной мистрисъ Маркль:—нѣтъ; Олли, сбѣгай за щепками для завтрашней топки. Ступай!

Олли выбѣжала изъ хижины. Макевель посмотрѣлъ ей вслѣдъ, отеръ ротъ рукою и, облокотясь на столъ, устремилъ свои глаза на Гэбріеля.

— Я пришелъ къ вамъ, Гэбріель, сказалъ онъ: — чтобы попробовать, нельзя ли намъ устроить одно дѣльце мирно, безъ шума и скандала. Говоря откровенно, мнѣ поручено начать про-

Digitized by Google

тивъ васъ судебное дѣло. Нужно ли говорить, въ чемъ оно заключается и чей я адвокатъ?

Гэбріель опустилъ глаза, но честная натура взяла верхъ надо всѣмъ. Онъ мгновенно поднялъ голову и просто отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

Стряпчій Макевель вздрогнулъ отъ изумленія, но тотчасъ оправился.

— Хорошо, сказалъ онъ задумчиво: — видя вашу откровенность, я позволю себѣ спросить васъ, не согласны ли вы, для избѣжанія скандала и судебнаго дѣла, которое, безъ сомнѣнія, будетъ рѣшено противъ васъ — отдать вашъ домъ и участокъ земли въ вознагражденіе за понесенные до сихъ поръ убытки? Я готовъ на этомъ покончить и могу обѣщать, что вопросъ о родствѣ не будетъ возбужденъ. Однимъ словомъ, *она* сохранитъ свое имя, а *вы* свое, и оба вы останетесь другъ для друга чужими. Что̀ вы на это скажете?

Гэбріель вскочилъ и, сильно пожимая руку стряпчему, сказалъ:

— Вы—добрый человѣкъ, мистеръ Макевель. Это—гадкая исторія, и вы нашли лучшій изъ нея исходъ. Еслибы вы были моимъ адвокатомъ, а не ея, то не могли бы сдѣлать для меня ничего лучшаго. Я тотчасъ отсюда уѣду. Я уже думалъ объ этомъ и безъ васъ. Завтра она можетъ получить этотъ домъ со всѣмъ, что̀ въ немъ находится. Еслибъ у меня были средства, то повѣрьте, я съ удовольствіемъ заплатилъ бы вамъ за ваши хлопоты. Но, вѣдь, послѣ моего отъѣзда ни слова не будетъ сказано объ этомъ дѣлѣ?

— Ни слова, повторилъ Макевель, смотря съ любопытствомъ на Гэбріеля.

— И въ газетахъ ничего не напишутъ?

— Вообще, ваше поведеніе въ отношеніи ея и вся эта исторія будутъ сохранены въ тайнѣ, если вы сами ея не откроете. Вотъ почему я вамъ совѣтую уѣхать отсюда.

— Я уѣду завтра, сказалъ Гэбріель, потирая руки:—не хотите ли вы, чтобъ я подписалъ какую-нибудь бумагу?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ стряпчій, отирая ротъ рукою и смотря на Гэбріеля, какъ на образецъ совершенно новой породы:— позвольте мнѣ дружески посовѣтовать вамъ никогда не подписывать бумаги, которую впослѣдствіи могли бы представить противъ васъ. Намъ совершенно достаточно, если вы просто оставите свой домъ и участокъ земли. Я не представлю никакой бумаги до четверга, а тогда уже не съ кѣмъ будетъ тягаться. Вы понимаете?

Гэбріель утвердительно кивнулъ головою и крѣпко пожалъ

Digitized by Google

руку стряпчему. Макевель направился тогда къ дверямъ, не спуская пристальнаго взора съ ясныхъ, честныхъ глазъ Гэбріеля. На порогѣ онъ, однако, остановился и, медленно отеревъ рукою ротъ, сказалъ:

— По всему видно, Гэбріель, что вы—простой, честный человѣкъ—и скажу откровенно, еслибъ вы сами не сознались, я считалъ бы васъ неспособнымъ обидѣть женщину. Я—скорѣе былъ бы склоненъ объяснить дѣло какой-нибудь ошибкой. Я не судья человѣческихъ дѣйствій и слишкомъ опытный стряпчій, чтобъ удивиться какому бы то ни было мотиву того или другого поступка. Но теперь, такъ какъ мы вполнѣ поняли другъ друга, не разскажете ли вы мнѣ, что̀ побудило васъ на такой странный и чудовищный обманъ? Ваши слова̀ нисколько не измѣнятъ моего мнѣнія, что вы—не дурной человѣкъ, но мнѣ очень любопытно узнать, почему вы рѣшились съ преднамѣренной цѣлью такъ зло обидѣть эту женщину?

Гэбріель вспыхнулъ. Онъ поднялъ глаза и указалъ на дверь. На порогѣ стояла Олли.

Макевель улыбнулся и подумалъ:

— Все же тутъ замѣшана женщина, хоть и моложе, чѣмъ я думалъ. Конечно, это—его ребенокъ.

Онъ кивнулъ головою, улыбнулся Олли и съ пріятнымъ сознаніемъ побѣды, не лишеннымъ нравственнаго удовлетворенія, что̀ не всегда сопровождало его успѣхи, какъ стряпчаго, вышелъ изъ хижины.

До поздняго вечера Гэбріель избѣгалъ разговора съ Олли. Наконецъ, она, по обыкновенію, усѣлась у его ногъ передъ огнемъ и прямо спросила:

— Что̀ ему нужно, Гэбъ?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ Гэбріель съ искуственнымъ равнодушіемъ:—не разсказать ли тебѣ, Олли, сказку? я уже давно ничего тебѣ не разсказывалъ.

Гэбріель обыкновенно передавалъ Олли новости Одноконнаго Стана или современныя событія подъ формой вымышленной сказки; но, въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ его стала безпокоить мистрисъ Маркль, онъ бросилъ эту привычку. Олли утвердительно кивнула головою, и Гэбріель продолжалъ:

— Жилъ былъ человѣкъ одинъ на свѣтѣ и тѣмъ онъ отличался, что всегда жилъ и намѣревался жить одинъ. Только у него была маленькая сестра, которую онъ очень любилъ и никому онъ не позволялъ вмѣшиваться во что-либо касавшееся сестры; самъ же довѣрялъ ей все и говорилъ съ ней обо всемъ.

— Это былъ настоящій человѣкъ? спросила Олли.

Digitized by Google

— Дà, онъ былъ настоящій человѣкъ, но его маленькая сестра была волшебницей, дѣлавшей ему много добра безъ его вѣдома. Этотъ человѣкъ и его сестра жили въ лѣсу, въ блестящемъ дворцѣ. Неожиданно онъ подвергся многимъ непріятностямъ, такъ что ему необходимо было оставить прекрасный дворецъ, и онъ не зналъ, кàкъ сообщить объ этомъ своей маленькой сестрѣ. Вотъ онъ встаетъ и говоритъ: «Глоріона—ее звали Глоріоной—Глоріона, говоритъ онъ:—мы должны бросить нашъ прекрасный дворецъ и пойти въ чужую страну; почему это необходимо—тайна, которую я не могу тебѣ открыть». Маленькая сестра также встаетъ и говоритъ: «Все, чтò угодно тебѣ, угодно мнѣ, ибо мы другъ для друга—все на свѣтѣ; разнообразіе придаетъ прелесть жизни, и я завтра уложу свои тряпки». И она на другой день приготовилась къ отъѣзду. А почему она такъ поступила, Олли? Потому что эта маленькая сестра была волшебница и знала все, о чемъ ей даже не говорили. Вотъ братъ и сестра отправились въ чужую страну, выстроили тамъ дворецъ, еще красивѣе прежняго, и жили счастливо до конца своихъ дней.

— И ихъ не безпокоила старая вѣдьма, мистрисъ Маркль. Когда мы уѣзжаемъ, Гэбъ? спросила практическая Олли.

— Я полагаю—завтра, отвѣчалъ Гэбріель, бросая аллегорію и смотря на сестру съ почтительнымъ страхомъ:—мы успѣемъ захватить вечерній дилижансъ въ Мерисвиль.

— Хорошо, такъ мнѣ надо сейчасъ ложиться спать.

— Олли, произнесъ съ упрекомъ Гэбріель, когда маленькая дѣвочка исчезла за холщевой занавѣской:—ты не простилась со мною и не поцѣловала.

Олли вернулась назадъ.

— Ахъ, ты старый Гэбъ, сказала она покровительственнымъ тономъ и цѣлуя его въ лобъ съ сознаніемъ своего нравственнаго и умственнаго превосходства: — ахъ, ты старый, большой Гэбъ! чтò бы ты дѣлалъ безъ меня?

На слѣдующее утро Гэбріель съ удивленіемъ увидѣлъ, что Олли, послѣ завтрака, нарядилась въ тѣ немногія, болѣе приличныя тряпки, которыя оставались у нея изъ гардероба матери. Сверхъ бѣлаго, кисейнаго платья, пожелтѣвшаго уже отъ времени, она надѣла розовый, также полинявшій кушакъ и большую клѣтчатую, черную съ бѣлымъ шаль, которая, несмотря на множество складокъ, все же волочилась по полу. На головѣ у нея была большая соломенная шляпа съ свѣтло-зеленой лентой и бѣлыми маргаритками и въ рукахъ маленькій желтый зонтикъ.

Digitized by Google

Гэбріель съ безпокойствомъ слѣдилъ за туалетомъ этого страннаго, но хорошенькаго существа.

— Куда ты идешь, Олли?

— На ту сторону оврага, проститься съ дѣвочками Ридъ. Не хорошо уѣхать изъ Стана, никого не предупредивъ.

— Но ты не зайдешь къ мистрисъ Маркль? спросилъ со страхомъ Гэбріель.

Олли презрительно взглянула на брата и рѣзко отвѣтила:

— Поймай меня!

Въ ея блестящихъ голубыхъ глазахъ и во всемъ лицѣ выражалось столько твердой рѣшимости и пламенной энергіи, что Гэбріель ничего не отвѣчалъ. Олли вышла изъ комнаты, и онъ безмолвно слѣдилъ, какъ соломенная шляпка и желтый зонтикъ медленно исчезали по извивающейся тропинкѣ вдоль горы.

Въ глубинѣ его сердца теперь неожиданно проснулось болѣзненное сознаніе, что онъ вполнѣ зависѣлъ отъ этого ребенка и что въ немъ заключалось нѣчто скрытое, доселѣ имъ незамѣченное, но отчуждающее ее отъ него и способное въ будущемъ все болѣе и болѣе расширять зіяющую между ними бездну. Его обуяло такое гнетущее чувство одиночества, что онъ не могъ оставаться въ хижинѣ, а пошелъ къ своему участку земли на горномъ скатѣ. По дорогѣ туда ему надо было пройти мимо большаго, одинокаго хвойнаго дерева, которое своею личиною умаляло весь остальной лѣсъ. Оно казалось столь нелѣпымъ, столь безсмысленно большимъ и непроизводительнымъ, хотя могло обѣщать по величинѣ много пользы, такъ рѣзко отличалось отъ тонкихъ, гибкихъ, молодыхъ березъ, елей, что Гэбріель призналъ эти березы за свое олицетвореніе. Въ настоящую минуту, смотря на дерево, онъ спрашивалъ себя, не было ли такой мѣстности, гдѣ бы оно, а слѣдовательно и онъ, нашли бы подходящую для себя обстановку. «Еслибъ мнѣ удалось попасть въ эту страну, думалъ онъ: — то, пожалуй, я могъ бы принести болѣе пользы ребенку». Проложивъ себѣ дорогу чрезъ загромождавшій лѣсъ валежникъ, Гэбріель очутился на большой, широкой горной закраинѣ, покрытой валунами сѣро-желѣзнаго цвѣта. По прибытіи въ Одноконный Станъ, онъ самъ выбралъ себѣ этотъ участокъ для розысканія золота. «Никто бы другой не сдѣлалъ такой глупости, думалъ онъ улыбаясь:—быть можетъ, къ лучшему, что я разстался съ этимъ участкомъ». И Гэбріель отправился внизъ въ оврагъ, гдѣ онъ, въ послѣднее время, взялъ другой участокъ въ рудникахъ, дававшій ему скромныя средства къ существованію.

Онъ возвратился домой только въ три часа съ нѣсколькими

Digitized by Google

инструментами, взятыми съ работы. Олли ждала его; щеки слегка разгорѣлись отъ волненія, но въ хижинѣ не было видно никакихъ приготовленій къ отъѣзду.

— Ты, кажется, немного уложила, Олли, сказалъ Гэбріель:— хотя, правда, намъ нѐчего много и укладывать.

— Не къ чему укладываться, Гэбъ, отвѣчала Олли, смотря пристально въ глаза брата.

— Не къ чему? повторилъ съ изумленіемъ Гэбріель.

— Дà, не къ чему, отвѣчала рѣшительно Олли:—мы не уѣзжаемъ, Гэбъ—вотъ и все. Я ходила къ стряпчему Макевелю и все устроила.

Гэбріель опустился на стулъ и, разинувъ ротъ, смотрѣлъ на сестру.

— Я все устроила, Гэбъ, продолжала хладнокровно Олли: — вотъ послушай. Я пошла сегодня утромъ къ стряпчему, поговорила съ нимъ, высказала свое мнѣніе о мистрисъ Маркль и уладила дѣло.

— Боже мой! что̀ ты сказала?

— Я сказала все, что̀ знаю объ этой женщинѣ. Я объяснила, ка̀къ она преслѣдовала тебя съ первой минуты вашего знакомства, во время болѣзни ея покойнаго мужа, за которымъ ты ухаживалъ, ка̀къ ты не обращалъ на нее вниманія, пока я не научила тебя сдѣлать предложеніе, ка̀къ она приходила къ намъ и сиживала часами, смотря на тебя, Гэбъ, вотъ такъ (и Олли, подражая мистрисъ Маркль, дѣлала глазки, къ немалому ужасу Гэбріеля, вспыхнувшаго до ушей), и какъ она выдумывала всевозможные предлоги, чтобъ заманить тебя къ себѣ, но ты всегда отказывался. Однимъ словомъ, я доказала, какая это старая, противная, низкая женщина, прибавила Олли, останавливаясь чтобъ перевести дыханіе.

— А что̀ онъ сказалъ? спросилъ Гэбріель, также едва дыша.

— Сначала ничего. Потомъ онъ сталъ смѣяться и такъ страшно, что я боялась, какъ бы онъ не лопнулъ. Наконецъ... дай вспомнить... да̀, онъ сказалъ: «глупая, нелѣпая ошибка»... вотъ какъ онъ назвалъ мистрисъ Маркль. Провалиться мнѣ сквозь землю, если онъ этого не говорилъ. Потомъ онъ опять расхохотался, и я, смотря на него, стала смѣяться, и она также.

— Кто она? спросилъ Гэбріель со страхомъ.

— О! Гэбъ, ты думаешь, что на свѣтѣ только и есть одна мистрисъ Маркль, отвѣчала поспѣшно Олли:—у стряпчаго Макевеля сидѣла какая-то дама, и ее интересовали мои слова̀ столько же, сколько самого стряпчаго, можетъ быть, оттого, что я хорошо разсказывала, прибавила Олли съ самодовольствомъ.

Digitized by Google

— Что̀ же онъ сказалъ? повторилъ Гэбріель мрачно; ему, человѣку простому и серьёзному, неодаренному ни малѣйшимъ юморомъ, этотъ общій, безпричинный смѣхъ казался подозрительнымъ.

— Онъ хотѣлъ тотчасъ бѣжать сюда, чтобъ объяснить все дѣло, но дама его остановила и сказала что̀-то въ полъ-голоса, чего я не разслышала. Она, должно быть—большой его другъ, потому что онъ исполняетъ всѣ ея желанія, а она сказала, чтобъ я шла домой и объявила тебѣ, что намъ не зачѣмъ уѣзжать. Вотъ и все, Гэбъ.

— Но онъ ничего болѣе не говорилъ, Олли? спросилъ Гэбріель съ безпокойствомъ.

— Да̀, онъ началъ разспрашивать меня о старинѣ и Голодномъ Станѣ, но, какъ я уже сказала тебѣ, Гэбъ, я рѣшилась забыть все это; мнѣ надоѣли насмѣшки. Поэтому я ему ничего не отвѣчала, и онъ замѣтилъ дамѣ: «она, очевидно, ничего не знаетъ о дѣлѣ». Но дама все останавливала его и дѣлала мнѣ знаки, чтобъ я не отвѣчала на его вопросы. О! она очень умная, Гэбъ, я это замѣтила съ перваго взгляда.

— На кого она походитъ, Олли? спросилъ Гэбріель съ искуственнымъ равнодушіемъ, но, въ сущности, онъ еще далеко не успокоился.

— О! Гэбъ, она нисколько не походитъ на мистрисъ Маркль или на кого нибудь въ этомъ родѣ. Она маленькая, съ бѣлыми зубами, тонкой таліей и хорошо одѣта. Впрочемъ, она мнѣ не очень понравилась, Гэбъ, хотя была чрезвычайно добра ко мнѣ. Право, не знаю, ка̀къ тебѣ сказать, на кого она походитъ; здѣсь нѣтъ такихъ женщинъ. Боже мой! да вотъ она и сама, Гэбъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ хижины показалась какая-то фигура. Гэбріель поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою женщину, которую онъ наканунѣ спасъ въ ущельѣ. Это была г-жа Деваржъ.

XX.

Старый Рудокопъ 49-го года.

Густой, непроницаемый туманъ, сырой и синеватый, ознаменовалъ наступленіе лѣта 1854 года, на калифорнійскомъ берегу. Едва еще прошла краткая, неопредѣленная весна на горныхъ скатахъ, окружающихъ Сан-Франциско; виднѣлись цвѣты, и дикій овесъ еще зеленѣлъ на выступахъ Контра-Костскаго Кряжа. Но

Digitized by Google

колосья овса и лепестки цвѣтовъ скрывались подъ густою мглою, стушевывавшей все въ своихъ объятіяхъ. Однимъ словомъ, погода была такая непріятная, что калафорнійцамъ было труднѣе, чѣмъ когда либо, увѣрить иностранцевъ, что ихъ туманы здоровы и что ихъ климатъ лучшій на свѣтѣ.

Быть можетъ, никто не умѣлъ внушить иностранцу подобнаго убѣжденія лучше Питера Думфи, банкира и капиталиста. Его вѣра въ настоящее и будущее Калифорніи была безпредѣльна. Его искреннее убѣжденіе, что ни одна страна, ни одинъ климатъ не были лучше, и его постоянная готовность бороться съ противнымъ мнѣніемъ—дѣлали его достойнымъ представителемъ Калифорніи. Онъ такъ положительно и прямо высказывалъ свои убѣжденія, что невозможно было, оставшись долго въ его обществѣ, не увѣровать также, что общество, климатъ и цивилизація, несоотвѣтствовавшіе калифорнійскимъ, были ошибкой. Чужестранцы и слабые калифорнійцы могли постоянно черпать новыя силы въ этомъ бездонномъ источникѣ вѣчныхъ похвалъ Калифорніи, такъ что, наконецъ, почти всѣ безсознательно стали вторить мнѣніямъ Думфи, и большинство диѳирамбовъ, выраженныхъ въ газетахъ и письмахъ, впервые было произнесено Питеромъ Думфи.

Рѣзкость выраженій и манеръ мистера Думфи нисколько не вредили его общественной репутаціи. Обыкновенно, въ пограничныхъ странахъ подозрительно смотрятъ на мягкое обращеніе и на всякаго рода уступки требованіямъ приличій, а потому рѣзкая прямота мистера Думфи принималась за чистую монету.

— Вы всегда знаете, что̀ думаетъ Питеръ Думфи, говорили о немъ:—онъ не станетъ лгать изъ угожденія кому бы то ни было.

Рядомъ съ чудовищной самонадѣянностью, доходившей до геройства своей дерзкой откровенностью и невѣжествомъ, приводящимъ въ тупикъ людей образованныхъ своимъ безстыдствомъ, въ мистерѣ Думфи поражало отсутствіе всякаго нравственнаго сознанія и какихъ бы то ни было добродѣтелей.

Вооруженный подобными орудіями борьбы съ треволненіями жизни, мистеръ Думфи сидѣлъ однажды утромъ въ своей конторѣ и выражалъ уже одной внѣшней фигурой побѣдоносную опозицію туману или, лучше сказать, его вліянію на общество, Лицо его выражало замѣчательную силу, хотя было чисто выбрито, такъ какъ онъ уже давно освободился отъ бороды, какъ совершенно излишней и характеристической примѣты. Было еще рано, но онъ уже покончилъ много дѣлъ съ той быстрой рѣшимостью, которая придавала геройской характеръ даже его ошибкамъ.

Digitized by Google

— Пригласите мистера Рамиреса, неожиданно сказалъ онъ, не поднимая глазъ съ письма, которое въ ту минуту подписывалъ.

Рамиресъ заходилъ въ контору Думфи три дня къ ряду и не могъ добиться аудіенціи; поэтому онъ появился въ дверяхъ съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства, которое, однако, тотчасъ стушевалось передъ рѣшительнымъ, воинственнымъ тономъ Думфи.

— Здраствуйте, сказалъ Думфи, не поднимая глазъ съ своей конторки.

Рамиресъ пробормоталъ что̀-то о дурной погодѣ и съ безпокойствомъ сѣлъ возлѣ банкира.

— Продолжайте, сказалъ Думфи:—я васъ слушаю.

— Я пришелъ послушать новостей, отвѣчалъ Рамиресъ очень мягко.

— Да, да, да, повторилъ Думфи, подписывая нѣсколько бумагъ и, наконецъ, взглянувъ на Рамиреса, неожиданно спросилъ:—многимъ вы рискуете въ этомъ дѣлѣ?

— А что̀? произнесъ Рамиресъ, теряясь въ догадкахъ.

— Сколько вы теряете?

— Сколько я теряю, повторилъ Рамиресъ, тщетно стараясь поймать взглядъ Думфи:—если... если что̀?

— Сколько—вы—вложили—въ—это—дѣло—денегъ? спросилъ Думфи, рѣзко отчеканивая каждое слово и пристукивая перомъ по конторкѣ.

— Ни гроша. Я только очень заинтересованъ въ успѣхѣ г-жи Деваржъ.

— Такъ вы немного потеряете. Вы счастливы. Прочтите это письмо. Просите!

Послѣднее слово относилось къ прикащику, который доложилъ о новомъ посѣтителѣ. Быть можетъ, на счастье Рамиреса, Думфи занялся съ вошедшимъ человѣкомъ и не обратилъ вниманія на лицо своего прежняго собесѣдника. Читая письмо, Рамиресъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, потомъ побагровѣлъ и, закусивъ до крови губу, промолвилъ: «*Caramba*».

— Вы сами прочли? спросилъ онъ, сверкая глазами и махая письмомъ.

— Подождите минутку, произнесъ Думфи, оканчивая разговоръ съ вторымъ посѣтителемъ и, проводивъ его до дверей, прибавилъ:—да̀, прочелъ.

Рамиресъ молча махалъ письмомъ и улыбался какой-то роковой, дикой улыбкой.

— Да̀, я прочелъ, повторилъ Думфи, хладнокровно взявъ письмо изъ дрожавшей руки Рамиреса:—повидимому, она выходитъ

Digitized by Google

замужъ за брата, за человѣка, фактически владѣющаго рудою. Такъ или иначе, но дѣло въ шляпѣ; только васъ выбросили за бортъ.

Съ этими словами Думфи спокойно спряталъ письмо въ ящикъ и далъ ясно понять своему посѣтителю, что аудіенція кончена.

— А вы, вы? спросилъ Рамиресъ глухимъ голосомъ.

— О, я не далъ и доллара, хотя дѣльце почти вѣрное. У нея были безспорныя доказательства. Вы имѣли въ рукахъ завѣщаніе или какой-то тамъ документъ, а существованіе другой женщины ничѣмъ нельзя доказать, продолжалъ Думфи, своимъ обычнымъ, громкимъ, хладнокровнымъ тономъ, несмотря на знаки Рамиреса:—А это вы? Я только что хотѣлъ вамъ писать.

И Думфи занялся съ новымъ посѣтителемъ. Рамиресъ всталъ. На лицѣ его не видно было ни кровинки и губы пересохли.

— Куда вы торопитесь? сказалъ Думфи, поднимая голову: — зайдите когда-нибудь. У меня есть другое до васъ дѣльце, Рамиресъ. Я далъ денегъ подъ руду, но недостаетъ нѣсколькихъ бумагъ для доказательства права собственности. Вѣроятно, вы ихъ можете отыскать гдѣ-нибудь. Конечно, я заплачу за расходы.

Думфи произнесъ эти слова не съ особымъ, хитрымъ, мрачнымъ выраженіемъ, а просто, откровенно, какъ бы говоря: «Мы съ вами—мошенники, но мошенникъ ли свидѣтель нашего разговора—все равно». Потомъ онъ отвернулся отъ Рамиреса и занялся своими дѣлами.

По счастію для Рамиреса, выйдя на улицу, онъ настолько оправился, что лицо его не обратило на себя вниманія прохожихъ; впрочемъ, быть можетъ, и синеватый туманъ стушевалъ его мертвую блѣдность. Онъ направился быстро, почти безсознательно къ пароходной пристани и только тамъ пришелъ въ себя. Ему казалось, что онъ разомъ перешагнулъ изъ конторы Думфи на пристань, такъ тѣсно соединялись въ его умѣ эти два предмета. Между ними для него ничего не существовало.

Пароходъ въ Сакраменто отходилъ только въ восемь часовъ вечера, а теперь было десять часовъ утра. Ему приходилось ждать пассивно, сложа руки—десять часовъ! Чѣмъ было наполнить это время?

Онъ могъ отпустить свой ножъ или купить новый. Онъ могъ купить другой, лучшій пистолетъ. Ему вошло въ голову, что, по дорогѣ изъ конторы Думфи на берегъ, онъ прошелъ мимо блестящаго магазина оружія. Онъ вернулся и, войдя въ магазинъ, переглядѣлъ много замѣчательныхъ орудій смерти, но всего болѣе поразилъ его длинный, съ широкимъ лезвіемъ охотничій ножъ.

Digitized by Google

— Это—мое собственное произведеніе, сказалъ оружейникъ, съ самодовольствіемъ проводя жирнымъ пальцемъ по острію ножа:— посмотрите, я перебью долларъ по поламъ.

Онъ бросилъ монету на столъ и быстрымъ, твердымъ ударомъ перерубилъ ее на двѣ половинки. Рамиресъ остался очень доволенъ этимъ опытомъ и захотѣлъ его самъ повторить; но остріе ножа у него скользнуло по монетѣ, она отскочила въ сторону, а ножъ врѣзался въ дерево конторки.

— У васъ нервы разстроены, и вы бьете слишкомъ крѣпко, замѣтилъ хладнокровно оружейникъ:—вы, джентльмэны, всегда выходите изъ себя изъ-за такого пустяка; будьте хладнокровнѣе, вотъ такъ, прибавилъ онъ, и снова съ успѣхомъ повторилъ свой опытъ.

Рамиресъ купилъ ножъ, и оружейникъ, завертывая его въ бумагу, сказалъ съ спокойствіемъ философа:

— Я, на вашемъ мѣстѣ, не пробовалъ бы этой штуки до вечера. Я не разъ замѣчалъ, что джентльмэнъ, не спавшій всю ночь, на другое утро не имѣетъ и десятой доли своей силы. Подождите до вечера и потомъ наединѣ попробуйте хладнокровно, вы увидите, что вамъ удастся.

Выйдя изъ магазина, Рамиресъ посмотрѣлъ на часы: было одиннадцать часовъ. Онъ убилъ только одинъ часъ. Засунувъ ножъ во внутренній карманъ и крѣпко застегнувъ пальто, онъ пошелъ по улицѣ лихорадочными шагами. Около полудня, онъ очутился на песчаныхъ холмахъ близь миссіонерной станціи Долоресъ. Въ одномъ изъ закоулковъ предмѣстья онъ встрѣтилъ женщину, такъ сильно напомнившую ему ту, которая наполняла всѣ его мысли, что онъ бросилъ на нее убійственный взглядъ, и она съ ужасомъ отвернулась. Это обстоятельство, лихорадочное волненіе и непріятная сухость губъ заставили его войти въ ближайшую таверну, гдѣ онъ выпилъ, не зная что̀ и сколько; но это ни мало не увеличивало и не уменьшало его волненія. Снова возвратясь на многолюдныя улицы, онъ продолжалъ идти машинально, съ безпокойствомъ сознавая, что, вѣроятно, на него всѣ обращали вниманіе; конечно, это сознаніе овладѣвало имъ только въ тѣ минуты, когда онъ отрывался отъ предмета, сосредоточивавшаго на себѣ всѣ его мысли.

Ка̀къ было ему отомстить? Много было различныхъ путей. Онъ могъ грозно обличить ее и убить въ пылу злобы. Другой и болѣе улыбавшійся ему планъ заключался въ томъ, чтобъ накрыть ее въ расплохъ и убить вмѣстѣ съ ея соучастникомъ, потому что Рамиресъ, какъ всѣ ревнивые люди, не могъ подумать, чтобъ она предпочла ему другого не изъ корыстныхъ

Digitized by Google

цѣлей; наконецъ, онъ могъ убить одного своего соперника и насладиться зрѣлищемъ ея отчаянія отъ неудачи своего предпріятія, а, быть можетъ, еще болѣе отраднымъ зрѣлищемъ пламенной мольбы простить и забыть все. Но онъ не могъ достичь до нихъ ранѣе двухъ дней, а, можетъ быть, къ тому времени они уже женятся или уѣдутъ изъ Одноконнаго Стана.

Во всей этой борьбѣ страстей онъ ни разу не спросилъ себя, справедлива ли была его месть. Достаточной причиной къ мести было то, что онъ обманутъ, осмѣянъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ письмо, въ глазахъ его блестѣло одно только туземное слово *Bobo*. Онъ видѣлъ его передъ собою на всѣхъ вывѣскахъ, слышалъ его, во всѣхъ уличныхъ звукахъ.

— Я—дуракъ, я—жертва, я—*Bobo*, думалъ онъ:—она увидитъ!

Послѣ полудня туманъ еще болѣе усилился. Изъ гавани доносились свистки и звонъ колоколовъ. А если пароходъ не пойдетъ? Или пойдетъ позже нѣсколькими часами? Онъ рѣшился пойти и узнать на пристани. Рамиресъ поспѣшно повернулъ въ Комерческую Улицу, но, поравнявшись съ аркадскимъ игорнымъ домомъ, остановился и, повинуясь инстинкту, побуждающему отчаянныхъ людей на отчаянные поступки, вошелъ въ дверь.

Громадная зала, блестящая огнями, золотомъ и зеркалами, казалась спокойной и серьёзной въ сравненіи съ шумной, многолюдной улицей. Обыкновенные посѣтители никогда не являлись въ такой ранній часъ, и только нѣсколько столовъ было занято. Метали банкъ лишь въ одномъ мѣстѣ, и банкометомъ случайно былъ Джакъ Гамлинъ. Обычная его игра была не банкъ, а *фараонъ*; теперь же онъ, только изъ дружбы къ банкомету, занялъ его мѣсто, пока тотъ обѣдалъ, и небрежно металъ карты.

Рамиресъ подошелъ къ столу и бросилъ золотую монету. Онъ проигралъ. Онъ повторилъ и снова проигралъ. Третья попытка увѣнчалась той же неудачей. Тогда онъ пробормоталъ сквозь зубы: «*Caramba*». Джакъ Гамлинъ поднялъ глаза. Его вниманіе обратило на себя не гнѣвное восклицаніе, а знакомый голосъ. Онъ посмотрѣлъ на Рамиреса, и его прекрасная память тотчасъ подоспѣла на помощь. Онъ немедленно его призналъ, но ничѣмъ этого не обнаружилъ и продолжалъ игру. На слѣдующей картѣ Рамиресъ выигралъ. Гамлинъ преспокойно подвинулъ къ себѣ деньги Рамиреса. Онъ разсчиталъ совершенно вѣрно. Рамиресъ вскочилъ съ гнѣвнымъ восклицаніемъ; Гамлинъ тогда хладнокровно оттолкнулъ отъ себя ставку и выигрышъ

Digitized by Google

Рамиреса. Но послѣдній, не дотрогиваясь до денегъ, подскочилъ къ банкомету.

— Вы меня оскорбляете! Вы хотите меня ограбить! воскликнулъ онъ глухимъ голосомъ, страшно махая одной рукой, а другой судорожно схватился за ножъ въ карманѣ.

— Сядь, Джони, сказалъ спокойно Джакъ Гамлинъ, устремивъ на Рамиреса свои черные глаза.

Подъ впечатлѣніемъ бушевавшихъ въ немъ страстей и обезумѣвъ отъ злобы при этомъ новомъ оскорбленіи, Рамиресъ бросился на Гамлина съ явной цѣлью его убить. Какъ, его, Виттара Рамиреса, появленіе котораго поразитъ ужасомъ два существа въ Одноконномъ Станѣ, называютъ Джони! Этотъ позоръ надо было смыть кровью. Но онъ посмотрѣлъ въ глаза Гамлину и остановился... Что онъ въ нихъ увидалъ — я не могу сказать. Эти глаза были красивые, большіе, ясные и, по мнѣнію многихъ женщинъ, очень нѣжные и проницательные. Какъ бы то ни было, Рамиресъ опустилъ руки и безмолвно возвратился къ своему мѣсту.

— Вы не знаете этого человѣка, сказалъ Гамлинъ, таинственно обращаясь къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, но такимъ громкимъ голосомъ, что его слышали всѣ сидѣвшіе за столомъ, не исключая Рамиреса: — вы его не знаете, а я знаю. Это — отчаянный человѣкъ, прибавилъ Гамлинъ, смотря на Рамиреса и спокойно тасуя карты:—ставьте деньги, господа! Да, это—отчаянный человѣкъ. Онъ держитъ стада въ Сонорѣ, и у него есть маленькое кладбище, гдѣ онъ хоронитъ своихъ мертвецовъ. Его прозвали Желтымъ Сонорскимъ Коршуномъ. Онъ теперь не въ своей тарелкѣ; вѣрно, убилъ только что кого-нибудь, и на рукахъ у него еще кровь.

Рамиресъ улыбнулся роковой улыбкой и сталъ пристально разсматривать карты.

— Онъ — хитрый Джони, продолжалъ Гамлинъ: — хитрый и коварный, особливо, когда дѣло пахнетъ кровью. Посмотрите, какъ онъ спокойно улыбается, онъ не хочетъ прерывать игры; онъ знаетъ, что, черезъ пять минутъ, Джимъ вернется, и я буду свободенъ. Онъ только этого и ждетъ. Вотъ какой человѣкъ Желтый Сонорскій Коршунъ. У него въ карманѣ ножъ наготовѣ, да еще завернутъ въ бумагу для чистоты. Онъ очень капризенъ, Джони для каждаго человѣка покупаетъ новый ножъ.

Рамиресъ всталъ, молча положилъ въ карманъ выигрышъ и направился къ дверямъ.

Digitized by Google

— Онъ меня подождетъ на улицѣ! воскликнулъ Гамлинъ и прибавилъ вслѣдъ удалявшемуся Рамиресу:—черезъ пять минутъ, Джони. Если вамъ не время меня ждать, то я васъ буду ждать на слѣдующей недѣлѣ въ Мерисвилѣ, въ № 95, въ сосѣдней комнатѣ, Джони, въ сосѣдней.

Рамиресъ, вышедшій на многолюдную улицу изъ игорнаго дома, нисколько не походилъ на того Рамиреса, который вошелъ въ него, двадцать минутъ передъ тѣмъ. Онъ даже дышалъ не такъ, какъ прежде; его испитыя щеки покрылись обыкновеннымъ румянцемъ, глаза сверкали, какъ всегда, безпокойнымъ блескомъ. Прежнее его волненіе выразилось только въ томъ, что онъ поспѣшно пошелъ по улицѣ и нѣсколько разъ оборачивался, какъ бы боясь погони; но, кромѣ этого, онъ былъ совершенно другой человѣкъ. Такая громадная перемѣна произошла, однако, безъ пролитія крови, безъ удовлетворенія пламенной жажды мести! Я, конечно, не знаю Рамиреса лучше, чѣмъ онъ самъ себя зналъ, и потому не могу объяснить яснѣе, чѣмъ онъ самъ себѣ объяснялъ, причину, измѣнившую неожиданно все его существо и стушевавшую его жажду мести. Быть можетъ, это странное явленіе объясняется отчасти тѣмъ, что Рамиресъ въ продолженіи шести часовъ безгранично предавался игрѣ своихъ страстей, а въ послѣднія двадцать минутъ онъ могъ усомниться въ ея всемогуществѣ. Одно только вѣрно, что, въ половинѣ седьмаго, Рамиресъ разсуждалъ самъ съ собою о томъ, что физическое насиліе—не лучшая форма мести, а въ половинѣ восьмаго онъ рѣшился не садиться въ пароходъ. Однако, въ продолженіи шести часовъ, онъ былъ вполнѣ искреннимъ убійцей и, по всей вѣроятности, совершилъ бы убійство, еслибъ Гамлинъ не подѣйствовалъ на его врожденную трусость.

Медленно идя по Монгомерійской Улицѣ, Рамиресъ повернулъ въ улицу Тихаго Океана, и на углу его на минуту остановилъ фургонъ, скакавшій по направленію къ пристани. Онъ узналъ, что это везли почту на пароходъ, отходившій въ Сакраменто, но не подозрѣвалъ, что въ почтовой сумкѣ находилась, между прочимъ, слѣдующее письмо:

«Милостивая государыня!

«Мы получили ваше письмо отъ 10-го числа и готовы вамъ служить. Мы полагаемъ, что вашъ новый планъ можетъ привести такъ же вѣрно къ успѣху, какъ и прежній. Позвольте вамъ посовѣтывать не имѣть личнаго свиданія съ мистеромъ Рамиресомъ, но пусть лучше съ нимъ будетъ имѣть дѣло мистеръ Гэбріель Конрой. По тону мистера Рамиреса мы полагаемъ, что

Digitized by Google

онъ въ состояніи прибѣгнуть къ насилію, если его не удержитъ присутствіе третьяго лица.

«Уважающій васъ
«Питеръ Думфи».

XVI.

Толпа свидѣтелей.

Улица, въ которую углубился Рамиресъ, съ перваго взгляда казалась непроходимой, и даже можно было сомнѣваться, улица ли это, еслибъ не существовала нѣкоторая правильность въ параллельныхъ рядахъ странно и неправильно выстроенныхъ домовъ. Она была грязная, пыльная, темная, крутая, скалистая въ одномъ мѣстѣ, низменная, песчанная въ другомъ. Поверхность ея измѣнялась два или три раза и всегда къ худшему, причемъ вовсе не были взяты въ разсчетъ дома, игравшіе роль случайныхъ преградъ, которыя слѣдовало преодолѣть во что̀ бы то ни стало. Ближайшимъ слѣдствіемъ подобной системы было совершенное изолированіе нѣкоторыхъ домовъ и невозможность попасть въ другіе иначе, какъ по наружнымъ лѣстницамъ. Вся эта мѣстность находилась какъ бы въ общественной опалѣ, а ея жители внѣ закона. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ первоначально жили испанскіе туземцы Калифорніи, которые съ консервативнымъ инстинктомъ своей расы льнули къ своимъ *casas*, послѣ того какъ американцы перешли на новыя, болѣе удобныя мѣста. Имъ наслѣдовали другіе калифорнійскіе туземцы на основаніи того соціальнаго закона, въ силу котораго представители низшей, политически униженной расы всегда скучиваются въ уединенныхъ уголкахъ, и эта мѣстность получила названіе Испанскаго Квартала. Для мыслящаго наблюдателя картина этой мрачной части Санъ-Франциско была тѣмъ страннѣе и патетичнѣе, что самое ея положеніе и внѣшній, а равно внутренній видъ домовъ ни мало не соотвѣтствали вкусамъ, обычаямъ и привычкамъ ихъ обитателей.

Передъ однимъ изъ этихъ зданій или, лучше сказать, подъ нимъ, Рамиресъ остановился и началъ подниматься по длинной деревянной лѣстницѣ къ фундаменту дома. Другая столь-же длинная наружная лѣстница вела къ галлереѣ второго этажа, тогда какъ первый былъ въ половину скрытъ насыпью. Тутъ передъ Рамиресомъ открылась третья болѣе узкая лѣстница, опускавшаяся на площадку передъ наружной дверью. Эта дверь была открыта.

Digitized by Google

Въ сѣняхъ ходило взадъ и впередъ нѣсколько человѣкъ съ смуглыми лицами, съ сигаретками въ зубахъ и въ слишкомъ легкомъ костюмѣ, въ виду окружающаго тумана, именно—безъ сюртуковъ и воротничковъ на рубашкахъ. У открытыхъ оконъ гостинной виднѣлись женщины въ легкихъ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ и тяжелыхъ шалякъ, накинутыхъ на голову и плечи, словно лѣто оканчивалось у таліи, игравшей роль экватора.

Домъ былъ очень мраченъ, нестолько отъ недостатка свѣта, какъ отъ закоптѣлыхъ табачнымъ дымомъ стѣнъ и мебели. Дымъ отъ сигаретокъ стоялъ желтоватой мглой во всѣхъ комнатахъ. Желтоватыя табачныя пятна виднѣлись повсюду: на рубашкахъ мужчинъ, бѣлыхъ платьяхъ женщинъ и на рукахъ представителей обоего пола. Запахъ жженной бумаги и табаку распространялся по всему дому, словно какой-то церковный ѳиміамъ, и только время отъ времени къ нему примѣшивался запахъ краснаго перца и чесноку.

Двое или трое изъ мужчинъ торжественно поздоровались съ Рамиресомъ. Одна изъ женщинъ, самая дородная, показалась въ дверяхъ и, крѣпко придерживая одной рукой шаль, словно боялась обнаружить опасный *déshabillé*, другою-же, шутливо грозя молодому человѣку чернымъ вѣеромъ, осыпала его эпитетами: неблагодарный, измѣнникъ, Іуда.

— Зачѣмъ же ты теперь явился къ намъ, негодяй, послѣ такого долгаго отсутствія, прибавила она кокетливо, останавливаясь передъ Рамиресомъ.

— За дѣломъ, душа моя, отвѣчалъ Рамиресъ поспѣшно и съ нѣсколько искуственной любезностью:—кто на верху?

— Свидѣтели.

— И дон-Педро?

— Да, и синьоръ Перкинсъ.

— Хорошо, я пойду къ нимъ, произнесъ Рамиресъ и торопливо сталъ подниматься по лѣстницѣ.

На первой площадкѣ онъ остановился и, сомнительно посмотрѣвъ на ближайшую дверь, постучалъ въ нее съ замѣтной нерѣшимостью. Отвѣта не было. Рамиресъ повторилъ стукъ уже совершенно твердо. Черезъ минуту ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ, дверь отворилась и на порогѣ показался человѣкъ въ изорванномъ, люстриновомъ сюртукѣ и въ полинялыхъ панталонахъ.

— Чортъ побери! Слѣдующая дверь, воскликнулъ онъ, дико взглянувъ на Рамиреса, и хлопнулъ дверью ему на носъ.

Рамиресъ вошелъ въ указанную ему комнату и былъ встрѣченъ густымъ облакомъ табачнаго дыма и громкими привѣтствіями пол-дюжины людей, сидѣвшихъ за длиннымъ столомъ, за-

Digitized by Google

валеннымъ пергаментами, картами и документами. Большинство этихъ людей были пожилые, смуглые, съ просѣдью, а одинъ былъ до того старъ, что его морщинистое лицо походило на кору краснаго дерева.

— Ему вчера минуло сто два года! воскликнулъ дон-Педро:— это—главный свидѣтель въ подтвержденіе подписи Михельторены по дѣлу Кастро.

— Развѣ онъ можетъ что̀ нибудь помнить? спросилъ Рамиресъ.

— Кто знаетъ, отвѣчалъ дон-Педро:—онъ присягнетъ, и этого довольно.

— А что̀ у насъ за звѣрь въ сосѣдней комнатѣ? произнесъ Рамиресъ:—волкъ или медвѣдь?

— Это—сеньоръ. Перкинсъ.

— Къ чему онъ здѣсь?

— Онъ переводитъ.

Тутъ Рамиресъ разсказалъ съ жаромъ, какъ онъ ошибся комнатой и ка̀къ его грубо встрѣтилъ незнакомецъ. Всѣ присутствующіе слушали его внимательно и даже съ уваженіемъ. Американцы встрѣтили бы подобный разсказъ смѣхомъ, но настоящее общество не измѣнило своего серьёзнаго вида; нарушеніе должной учтивости къ чужому человѣку было важнымъ вопросомъ даже для этихъ сомнительныхъ личностей.

— Да̀, всѣ говорятъ, что у него тутъ не ладно! воскликнулъ дон-Педро, ударяя себя по лбу: — но онъ не походитъ на своихъ соотечественниковъ: онъ аккурâтенъ, усидчивъ и не болтливъ. Онъ приходитъ лишь только бьетъ три часа и уходитъ въ девять. Всѣ эти шесть часовъ онъ работаетъ безъ устали въ своей комнатѣ. Удивительно, сколько онъ пишетъ—тома, фольянты. Ровно въ девять часовъ вечера, онъ беретъ положенный на его конторку конвертъ съ десятью долларами и удаляется. Говорятъ, что изъ этихъ денегъ онъ ежедневно проигрываетъ пять долларовъ, а на остальные пять онъ существуетъ. Каждый день повторяется одно и тоже съ удивительной аккуратностью. Онъ глубоко ученъ и знаетъ въ совершенствѣ испанскій и французскій языки. Стряпчіе цѣнятъ его на вѣсъ золота, но не могутъ имъ пользоваться. Онъ всегда имъ говоритъ: «я перевожу ложь и правду—мнѣ всѣ равно; но далѣе я не иду». Это удивительный человѣкъ.

Слова дон-Педро напомнили Рамиресу цѣль его прихода, и онъ сказалъ въ пол-голоса:

— Ты мнѣ говорилъ, дон-Педро, что̀ можно доказать посред-

Digitized by Google

ствомъ свидѣтелей право на землю, дарованное старымъ губернаторомъ или алькадомъ.

— Находящіеся здѣсь люди, отвѣчалъ дон-Педро, окинувъ глазами комнату:—покажутъ подъ присягой все, чему я ихъ научу. Здѣсь есть и губернаторъ, и военный секретарь, и алькадъ, и комендантъ, и Господи прости! архіепископъ. Все это—почтенные *caballeros*, но ихъ обворовали американцы, и ты понимаешь, Викторъ, имъ надо чѣмъ нибудь жить.

— Хорошо; такъ выслушай меня, дон-Педро, продолжалъ Рамиресъ:—еслибъ, напримѣръ одинъ разбойникъ, чортъ, американецъ выманилъ у Пико формальный, признанный поземельной комиссіей документъ на собственность участка земли... а кто нибудь... хоть я, сталъ бы утверждать, что этотъ документъ—незаконный... Что̀-бы ты сказалъ, другъ мой и братъ?

— Документъ выданъ губернаторомъ Пико? переспросилъ дон-Педро.

— Да̀, въ 1847 году.

Дон-Педро молча всталъ и открылъ конторку, стоявшую въ углу, вынулъ изъ нея нѣсколько дурно напечатанныхъ желтоватыхъ бланковъ за оффиціальной печатью.

— Вотъ гербовая монтерейская бумага съ бланковой надписью губернатора Пико, сказалъ онъ:—ты понимаешь, другъ Викторъ. Второй документъ дѣло—не трудное.

— Но братъ мой, вѣдь, на одинъ участокъ земли будетъ два документа, выразилъ Викторъ, сверкая глазами.

— Такъ что̀-жъ! отвѣчалъ дон-Педро, скручивая сигаретку:—почти на каждый участокъ земли, данный покойнымъ губернаторомъ, есть документъ. Увѣренъ ли ты мой другъ, что на эту землю нѣтъ трехъ документовъ? Если только одинъ, то клянусь Мадоной, дѣло это пустое. Вѣроятно, земля ничего не сто̀итъ. Гдѣ они? Сколько въ ней квадратныхъ миль? Пойдемъ въ отдѣльную комнату, и ты мнѣ на свободѣ все объяснишь. Къ тому же, Викторъ, у насъ есть отличный *aquardiente*.

Съ этими словами дон-Педро всталъ и вышелъ вмѣстѣ съ Рамиресомъ въ другую комнату, затворивъ за собою дверь. Прошло около часу, и впродолженіи этого времени, люди, оставшіеся въ большой комнатѣ, могли слышать громкій голосъ Виктора, съ жаромъ о чемъ-то разсказывавшій за стѣной, но никто не обратилъ на это вниманія изъ приличія или о̀ттого, что люди эти были погружены въ свое дѣло. Они тщательно разсматривали различные юридическіе документы, дѣлали замѣтки и спорили между собою, обнаруживая такую любознательность и увлеченіе, точно ихъ занятіе было новинкой. За нѣсколько минутъ

Digitized by Google

до девяти часовъ, дон-Педро снова появился съ Викторомъ. Я, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что, вслѣдствіе реакціи, послѣ пламеннаго волненія этого дня, теплаго сочувствія друга или еще болѣе теплаго вліянія *aquardiente*, Рамиресъ говорилъ отрывочно, несвязно и былъ чрезмѣрно сообщителенъ. Пьянство, обыкновенно, приводитъ пламенныя натуры къ совершенной тупости или развиваетъ въ нихъ излишнюю нѣжность. На Рамиреса оно дѣйствовало двояко. Онъ просилъ со слезами на глазахъ, чтобъ его проводили къ дамамъ, желая въ обществѣ дородной Мануелы найти то горячее сочувствіе, въ которомъ такъ нуждалась его довѣрчивая, обманутая и оскорбленная натура.

На лѣстницѣ онъ наткнулся на незнакомца, очень прилично одѣтаго и съ достойной осанкой; это былъ сеньоръ Перкинсъ, который, освободившись изъ неволи, казался совершенно инымъ человѣкомъ. Рамиресъ хотѣлъ-было его остановить и пуститься въ нескончаемыя разглагольствованія о невѣрности женщинъ, но дон-Педро быстро потащилъ его въ гостинную, чтобъ скрыть отъ признательнаго, спокойнаго взгляда сеньора Перкинсъ. Очутившись въ присутствіи кокетливой Мануелы, которая все еще была закутана въ шаль, Викторъ началъ краснорѣчиво доказывать неспособность женскаго пола оцѣнить его страстную натуру, но вскорѣ безпомощно опустился въ большое кресло и пришелъ въ совершенно безсознательное состояніе.

— Надо найти ему здѣсь постель, сказала сочувственная, но практическая Мануела:—онъ, дуракъ, не въ состояніи дойти до своей гостинницы. Но Боже мой! что̀ это?

Поправляя Рамиреса въ креслѣ, съ котораго онъ постоянно скатывался, Мануела увидала съ изумленіемъ, что изъ внутренняго кармана его сюртука выпалъ ножъ, купленный имъ утромъ у оружейника.

— О! Разбойникъ! прибавила она:—онъ былъ въ обществѣ американцевъ. Посмотрите, дядя.

Дон-Педро взялъ изъ рукъ Мануелы ножъ и хладнокровно его осмотрѣлъ.

— Ножъ совершенно новый, племянница, отвѣчалъ онъ, пожимая плечами:—лезвее еще лоснится. Понесемъ его спать.

Digitized by Google

XVII.

Прелестная мистриссъ Сепульвида.

Если былъ на свѣтѣ уголокъ земли, гдѣ обычное, мертвенное однообразіе калифорнскихъ временъ года казалось вполнѣ естественнымъ, то это—древнее, всѣми уважаемое *pueblo* и миссіонерская станція св. Антонія. Неизмѣнно-безоблачное, ничего не выражающее лѣтнее небо казалось символомъ того аристократическаго, чуждавшагося всякаго нововведенія консерватизма, который былъ отличительной чертой этого уголка. Чужестранецъ, въѣзжая въ городъ въ своемъ экипажѣ (въ Сан-Антоніо не допускали дилижансовъ, грозившихъ наводнить *pueblo* невѣдомыми, быть можетъ, бѣглыми странниками), съ перваго взгляда на небольшую, окаймленную высокими стѣнами улицу и открытую площадь, видѣлъ, что нигдѣ не было ни отеля, ни гостинницы и что онъ долженъ былъ разсчитывать на гостепріимство мѣстныхъ обитателей для ночлега и пищи. На лицахъ всѣхъ праздношатающихся гражданъ Сан-Антоніо ясно выражался знаменательный фактъ, что крупные *rancheros*, владѣвшіе окружающей городъ землей, отказывались продать ее, подъ какимъ бы то ни было условіемъ, американцамъ. Вездѣ прошедшее сохранялось безъ малѣйшаго измѣненія. Солнце свѣтило также ясно и пекло также безжалостно длинныя, красныя черепицы низкихъ крышъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ; большія, похожія на волковъ, собаки бѣгали и лаяли точно такъ же, какъ бѣгали и лаяли ихъ отцы и матери. Какъ въ старину, тянулись бѣлыя стѣны, обнаженныя и однообразныя, какъ сама жизнь въ Сан-Антоніо, возвышались бѣлыя башни миссіонерскаго зданія надъ зелеными оливковыми и персиковыми деревьями, простиралась узкая полоса бѣлаго берега и вдали виднѣлось море, громадное, безконечное, все тоже изъ вѣка въ вѣкъ. Пароходы, медленно двигавшіеся на горизонтѣ вдоль береговой линіи, казались чѣмъ-то отдаленнымъ, неестественнымъ, фантастическимъ; со времени крушенія филипповой галеры на песчанной мели въ 1640 году, ни одно судно не бросило якоря въ открытой гавани подъ сосновымъ лѣсомъ и бѣлыми стѣнами съ бронзовой, стоявшей безъ лафета пушкой *presidio*.

Несмотря на все это, Сан-Антоніо чрезвычайно соблазнялъ корыстолюбивые взоры американцевъ. Его громадное количество плодородной земли, безчисленныя стада, полутропическая рос-

Digitized by Google

кошь растительности, благорастворенность климата и существованіе чудотворныхъ, минеральныхъ источниковъ служили не только соблазномъ, но и приводили въ ярость жадныхъ спекуляторовъ Сан-Франциско. По счастью для Сан-Антоніо, какъ городъ, такъ и его окрестности принадлежали нѣсколькимъ богатѣйшимъ представителямъ мѣстной аристократіи, права которыхъ на владѣніе землею были подтверждены надлежащими документами въ первыя времена американскаго завоеванія. Доселѣ сравнительная отдаленность отъ многолюдныхъ центровъ обезпечивала ихъ неприкосновенность, и только одинъ американскій владѣлецъ проложилъ себѣ дорогу въ эту калифорнійскую Аркадію: это была вдова Дона-Хозе, Сепульвида. Полтора года тому назадъ, почтенный Сепульвида умеръ весьмидесятичетырехъ лѣтъ и оставилъ своей прелестной молодой женѣ, американкѣ, громадныя помѣстья. Всѣ въ Сан-Антоніо хорошо понимали, какъ естествененъ и вѣроятенъ былъ вторичный бракъ прелестной, веселой и обворожительной донны-Маріи съ какимъ-нибудь американцемъ, который путемъ реформъ привелъ бы къ погибели консервативный городъ, и единственнымъ способомъ избѣгнуть этой грозной опасности считались постъ и молитва.

По истеченіи перваго года своего вдовства, донна-Марія провела мѣсяцъ въ Сан-Франциско, и, когда она возвратилась одна повидимому, не связавъ себя никакими узами, въ миссіонерной церкви отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Возможная измѣна молодой вдовы мѣстнымъ интересамъ казалась тѣмъ важнѣе для обитателей Сан-Антоніо, что громаднѣйшее помѣстье во всей долинѣ, *rancho* св. Троицы, принадлежало другой представительницѣ обманчиваго пола, предполагаемой незаконной дочери покойнаго губернатора отъ индіанки, но, по счастью, искренняя набожность и затворническая жизнь обезпечивали ее отъ судьбы, грозившей молодой вдовѣ. Иронія судьбы, поставившей будущность Сан-Антоніо въ зависимость отъ каприза слабаго пола, придавала мрачной оттѣнокъ всѣмъ толкамъ сеньоровъ и сеньоринъ въ *pueblo*. Однако, болѣе набожные твердо вѣрили, что ихъ городъ будетъ спасенъ чудомъ отъ американцевъ и погибели; увѣряли даже, что святой покровитель города, столь искусившійся въ побѣдахъ надъ соблазнами, не откажется лично побороть слабость плоти въ безпомощной вдовѣ. Но даже самые вѣрующіе не могли не почувствовать нѣкотораго сомнѣнія при входѣ въ церковь донны-Маріи въ нечестивомъ парижскомъ платьѣ и такой-же шляпкѣ, съ лицомъ, сіяющимъ самодовольствіемъ и невинной веселостью.

Digitized by Google

Насколько позволяла испанская учтивость за доньой-Маріей постоянно слѣдили, для чего и устроена была цѣлая система шпіонства, а самые консервативные изъ гражданъ замѣчали, что необходима была дуэнья для молодой женщины, представлявшей столь важный общественный интересъ, хотя мужья, испытавшіе на опытѣ всю недостаточность подобнаго обезпеченія, громко протестовали. Но когда этотъ совѣтъ былъ переданъ хорошенькой вдовѣ ея духовникомъ, патеромъ Фелипе, она отвѣчала со смѣхомъ, качая головой: «мужъ—лучшая дуэнья», и на этомъ разговоръ прекратился.

Быть можетъ къ лучшему, что обитатели Сан-Антоніо не знали, какая великая опасность грозила ихъ общественнымъ интересамъ 3-го іюня 1854 года.

Было свѣтлое, ясное утро, столь ясное и свѣтлое, что отдаленные пики горнаго кряжа Сан-Бруно, казалось, неожиданно надвинулись ночью на самую долину Сан-Антоніо, а горизонтъ былъ такъ обширенъ, что Тихій Океанъ повидимому захватывалъ полъ земного шара. Воздухъ былъ холодный, рѣзкій, твердый, какъ гранитъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный жизни, невольно побуждая всякаго къ физическому движенію, чтобы вполнѣ имъ насладиться. Не удивительно, что донна-Марія Сепульвида, возвращаясь домой отъ своего управляющаго и майордома въ сопровожденіи одного *vachero*, бросила поводья на шею своей буланой лошади Тита и понеслась маршъ-маршемъ по узкой береговой полосѣ, простиравшейся отъ сада миссіонернаго дома до Сосноваго Мыса. Почтенный *vachero*, послѣ тщетныхъ усилій послѣдовать за бѣшенымъ конемъ своей госпожи и за ея фантазіей, еще болѣе бѣшеной, пожалъ плечами и, продолжая путь мелкой рысью, вскорѣ исчезъ за песчаными дюнами. Увлекаемая свѣжимъ, возбуждающимъ воздухомъ и опьяняемая быстрымъ движеніемъ, донна-Марія съ развѣвающимися изъ подъ бархатной шляпки каштановыми волосами и сѣрой амазонкой, обнаруживавшей хорошенькую ножку до щиколодки—наконецъ, достигла Сосноваго Мыса, крайней точки полуострова.

Но на разстояніи ста ярдовъ отъ мыса, который она хотѣла обогнуть, прелестная мистрисъ Сепульвида замѣтила съ неудовольствіемъ, что уже начался приливъ, и сѣдые, морскіе валы бросали свою пѣну до самыхъ корней громадныхъ сосенъ. Къ еще бо́льшему ея смущенію, на другой сторонѣ мыса показался красивый всадникъ, который также осадилъ свою лошадь и наблюдалъ за ея движеніями съ большимъ интересомъ, и даже, какъ ей казалось, съ ироніей. Вернувшись назадъ, она рисковала, что незнакомецъ послѣдуетъ на нею и, что̀ еще хуже, Конхо, ея

Digitized by Google

vachero почтительно, но цинически сдѣлаетъ ей замѣчаніе; продолжая же путь, она могла только слегка промокнуть, и, конечно, незнакомецъ изъ приличія не повернулъ бы своей лошади за нею. Все это донна-Марія сообразила съ чисто женскимъ инстинктомъ въ одно мгновеніе и, ни мало не колеблясь, направила лошадь прямо въ бушующія волны вокругъ мыса.

Увы! женская логика оказалась невѣрной! Умозаключеніе мистрисъ Сепульвиды было совершенно правильно, но посылки неточны. Первымъ смѣлымъ скачкомъ, Тита почти обогнула половину мыса, на второмъ-же скачкѣ она дала осѣчку, волна подкосила ей переднія ноги, а на третьемъ она сѣла на заднія. Смѣлая наѣздница была на зыбучемъ пескѣ!

— Соскочите! Бросьтесь въ волну, и пусть она унесетъ васъ въ море. Держитесь за конецъ *piaty*.

Донна-Марія машинально распустила *piaty*, клубокъ волосяной веревки, висѣвшій на лукѣ ея сѣдла, и взглянула въ ту сторону откуда слышался голосъ, но она ничего не увидѣла, кромѣ лошади безъ всадника, медленно огибавшей мысъ.

— Ну, скорѣе!

Теперь голосъ слышался съ моря, и доннѣ-Маріи показалось, что кто-то плылъ по направленію къ ней. Не колеблясь болѣе, она бросилась въ слѣдующую волну, которая и отнесла ее на нѣсколько ярдовъ, но снова она очутилась на роковомъ, предательскомъ пескѣ.

— Не двигайтесь, но держите крѣпко *piaty*.

Новая волна откинула бы ее назадъ, но она поняла, въ чемъ дѣло, и, напрягая всѣ свои силы, удержалась на мѣстѣ, пока нижнее теченіе не отнесло ее далѣе къ морю. Она чувствовала, что вода ее увлекаетъ, потомъ, что кто-то схватилъ ее за руку, что ее съ силой тянутъ изъ воды, что ея сапоги остались въ пескѣ, что ее спасъ какой-то молодой незнакомецъ, и уже болѣе ничего не чувствовала.

Когда она открыла свои большіе, каріе глаза, то уже лежала на сухомъ пескѣ за Сосновымъ Мысомъ, а молодой человѣкъ, нѣсколько поодаль, держалъ двухъ лошадей, свою и Титу.

— Я успѣлъ покуда вытащить вашу лошадь, съ помощью Чарли. Если я не ошибаюсь, вы—мистрисъ Сепульвида.

Донна-Марія молча кивнула головой.

— А это, вѣроятно—вашъ слуга, продолжалъ онъ, указывая на Конхо, медленно подвигавшагося среди песчаныхъ дюнъ къ мысу: —позвольте мнѣ помочь вамъ сѣсть на лошадь. Пусть никто не знаетъ о вашемъ бѣдствіи.

Донна-Марія, все еще въ большомъ смущеніи, машинально по-

Digitized by Google

виновалась, несмотря на то, что, садясь на лошадь, принуждена была выказать свои ножки безъ сапогъ. Потомъ она догадалась, что еще не поблагодарила своего избавителя, и начала выражать благодарность такъ смутно и несвязно, что молодой человѣкъ перебилъ ее со смѣхомъ:

— Я почелъ бы за лучшую благодарность, еслибъ вы пустили лошадь въ галопъ и тѣмъ спасли бы себя отъ простуды. Я—мистеръ Пойнсетъ, одинъ изъ стряпчихъ вашего покойнаго мужа; и пріѣхалъ сюда по дѣлу, которое, надѣюсь, доставитъ мнѣ случай видѣться съ вами при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. До свиданія.

Съ этими словами онъ вскочилъ на лошадь и приподнялъ шляпу. Донна-Марія не отличалась особенно блестящимъ умомъ, но была достаточно смышлена, чтобъ понять, что рѣзкій, дѣловой тонъ молодого человѣка происходилъ или отъ худо скрытой боязни женщинъ, или, напротивъ, отъ дерзкаго пренебреженія къ нимъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ его слѣдовало оборвать. Какъ же поступила прелестная мистрисъ Сепульвида? Она надула губки и промолвила:

— Вы всему виною.

— Какъ такъ?

— Да, еслибъ вы тутъ не стояли и не смотрѣли на меня иронически, то я никогда не подумала бы огибать мысъ.

Съ этими словами она умчалась, и ея избавитель не успѣлъ даже поклониться, а остался на берегу съ неопредѣленной улыбкой.

XVIII.

Патеръ Фелипе.

Артуръ Пойнсетъ самъ послѣдовалъ примѣру, который онъ далъ доннѣ-Маріи и, когда черезъ часъ, послѣ быстрой ѣзды по песчанымъ холмамъ, онъ остановился у дверей миссіонерной трапезы, то былъ совершенно сухъ, и его фигура не представляла ни малѣйшихъ слѣдовъ недавно случившагося приключенія. Быть можетъ, еще замѣчательнѣе былъ тотъ фактъ, что въ немъ не осталось почти никакихъ и внутреннихъ слѣдовъ. Только люди, хорошо знавшіе эгоистичную самоувѣренность Пойнсета могли понять нравственную и умственную особенность его характера, въ силу которой онъ чрезвычайно легко воспринималъ новыя впечатлѣнія, но также быстро и совершенно отъ нихъ отдѣлы-

Digitized by Google

Digitized by Google